

ФИЛИППА ГРЕГОРИ

БЕЛАЯ
КОРОЛЕВА

Филиппа Грегори

Белая королева

Посвящается Энтони

Пробираясь сквозь заросший старый парк, молодой рыцарь услышал плеск воды в фонтане задолго до того, как увидел и мраморный бассейн, и блеск лунных лучей на почти неподвижной воде. Он рванулся было вперед, мечтая окунуть голову в воду и напиться ее живительной прохладой, как вдруг заметил в глубине темное движущееся пятно. От неожиданности рыцарь затаил дыхание. В глубокой чаше фонтана снова и снова мелькала зеленоватая тень, напоминающая то ли огромную рыбу, то ли утопленника. Затем тень распрямилась, поднялась во весь рост, и перед рыцарем предстала купальщица, пугающе прекрасная в своей наготе. По телу женщины струилась вода, кожа ее казалась белее даже белого мрамора чаши фонтана, а ее мокрые волосы были черны как ночь.

То явилась фея Мелюзина, водяное божество; ее часто можно встретить у источника в глубине леса, у озера или водопада в любой стране христианского мира, даже столь далекой, как Греция, а порой она купается в мавританских ручьях и фонтанах. Правда, в северных странах Мелюзина известна под другим именем; зимой на тамошних озерах трескается лед, когда она встает в полный рост. Мелюзину может полюбить смертный мужчина, но ему придется хранить ее тайну и время от времени позволять ей плавать в полном одиночестве. И Мелюзина будет любить своего избранника, но только до тех пор, пока он не нарушит данного слова — а ведь мужчины часто так поступают. Если подобное случится, Мелюзина, взмахнув мощным рыбьим хвостом, увлечет предавшего ее возлюбленного на глубину и превратит его кровь в воду.

Суть трагической истории Мелюзины, на каком бы языке и под какую бы музыку ее ни исполняли, в том, что мужчина неизменно обещает женщине, которую и понять-то порой не в силах, гораздо больше, чем способен дать.

ВЕСНА 1464 ГОДА

Мой отец — сэра Ричард Вудвилл, барон Риверс, английский аристократ, землевладелец и сторонник законных правителей Англии, то есть Ланкастеров. Моя мать из рода герцогов Бургундских, в жилах которых, как известно, течет водянистая кровь богини Мелюзины, праматери этого знатного семейства, некогда вышедшей замуж за очарованного ею герцога. Мелюзину и теперь можно видеть над крышами замка в периоды особых бед и осложнений; она горестно выкрикивает предостережения, когда, к примеру, в семье умирает сын и наследник и род обречен на угасание. Во всяком случае, так утверждают те, кто верит в подобные вещи.

При почти полном противоречии характеров моих родителей — солидном, земном характере отца-англичанина и переменчивом независимом характере матери-француженки, унаследованном ею от богини вод, — я, пожалуй, могла бы стать кем угодно: от опасной волшебницы до весьма заурядной особы. Кое-кто, правда, считает, что во мне прекрасно уживается и то и другое.

В тот день я с особой тщательностью расчесала и уложила свои густые волосы и спрятала их под самым высоким головным убором. Затем я взяла за руки двух своих сыновей-сирот и вышла на обочину дороги, ведущей в Нортгемптон, мечтая лишь об одном: быть совершенно неотразимой — я отдала бы за это все, что мне только сулила судьба.

Мне просто необходимо было привлечь внимание одного молодого человека, ехавшего на очередную битву, причем на битву с поистине непобедимым врагом. Этот молодой человек, кстати, вполне мог меня и не заметить. На попрошайек он обычно внимания не обращал, к тому же в столь ответственный момент ему явно было не до легкомысленного флирта. Мне предстояло не только пробудить в нем сострадание к моему бедственному положению и насущным нуждам, но и остаться в его памяти, причем на такой срок, чтобы он успел хоть что-нибудь для меня сделать. А между тем этого молодого человека каждую ночь поджидали объятия множества прекрасных женщин, и на каждую дарованную им должность имелось не менее сотни претендентов.

Этот узурпатор и тиран являлся моим личным врагом и сыном моего врага, но в тот момент я совершенно об этом не думала и не собиралась хранить верность кому бы то ни было, кроме своих сыновей и самой себя. С этим человеком мой отец сражался под Таутоном,[1] и ныне этот человек называл себя королем Англии, хотя по большому счету был всего лишь хвастливым мальчишкой. Впрочем, мой отец составил о нем несколько иное мнение. Отец вернулся из-под Таутона совершенно сломленным; никогда в жизни я не видела человека более удрученного; правый рукав его рубахи насквозь пропитался кровью, а лицо было белым как мел. Отец тогда сказал, что этот мальчишка оказался великим полководцем, что таких полководцев нам еще видеть не доводилось, а потому дело наше проиграно, и, если этот мальчишка останется жив, никакой надежды нет, ведь армия под его командованием положила под Таутоном тысяч двадцать. Никогда прежде Англия не знала столько павших в одном бою. По словам моего отца, это было даже не сражение, а настоящая жатва смерти. Во время битвы полегло множество родственников и сторонников Ланкастеров, а законный король Генрих VI и его супруга, королева Маргарита Анжуйская, потрясенные гибелью своего войска, бежали в Шотландию.

Но те из нас, их сторонников, кто еще оставался в Англии, сдаваться не собирались. Борьба продолжалась, сопротивление этому лжекоролю, этому мальчишке из династии Йорков, росло. Три года назад, когда погиб мой муж, команду кавалерией во время сражения при Сент-Олбансе,[2] я стала вдовой. А земли и состояние, которые, как я полагала, принадлежали мне по праву, отняла свекровь, причем с соизволения одного из победителей — человека, который управлял молодым Йорком и считался поистине великим кукловодом, настоящим «делателем королей». Да, это был он, Ричард Невилл, граф Уорик! Это он сделал королем никчемного двадцатидвухлетнего мальчишку, а для тех, кто по-прежнему защищал интересы дома Ланкастеров, он намеревался превратить Англию в настоящий ад.

Теперь в каждом знатном доме имелись свои йоркисты, и любое приносящее доход дело, любая должность или налог — всё находилось в их руках. На английском троне сидел их мальчишка-король, сделавший новыми придворными тех, кто его поддерживал. А мы, потерпев поражение, стали нищими у себя дома, чужими в родной стране, наш король оказался в изгнании, а королева, полная мстительных планов, вступила в союз с нашим старым врагом Францией и плела интриги. Нам же, оставшимся в Англии, приходилось как-то договариваться с этим молодым тираном, с этим отпрыском Йорков, и молиться, чтобы Господь обрушил на него свой праведный гнев, позволив нашему законному королю собрать

армию, устремиться с ней на юг и нанести узурпатору последний и решающий удар.

Мне же, как и любой другой женщине, у которой погиб муж, а отец оказался среди побежденных и раненых, приходилось прямо-таки по кусочкам, точно лоскутное одеяло, собирать свою жизнь. Необходимо было как-то отвоевать свое состояние, и ни соратники, ни друзья моего мужа никакой помощи оказать не могли. Все мы теперь считались предателями. Я отлично понимала: придется мне самой защищать себя, отстаивать свои права перед мальчишкой, который столь мало уважает правосудие, что осмелился пойти войной на собственного кузена, законного правителя страны, помазанного на царство. Разве можно что-то объяснить такому дикарю? Да и как добиться от него понимания?

Мои сыновья — Томас, которому уже исполнилось девять, и восьмилетний Ричард — были одеты в свои лучшие платья, их волосы я обильно смочила водой и тщательно пригладила, их лица, несколько раз вымытые с мылом, так и сияли чистотой. Я крепко держала сыновей за руки, стараясь никуда от себя не отпускать, поскольку они, как и всякие мальчишки, прямо-таки притягивали к себе грязь. Стоило мне отвлечься хоть на мгновение, с ними тут же происходили всевозможные неприятности: один начинал топтать башмаками по лужам, второй разбивал себе нос, или оба сразу ухитрялись посыпать себе головы трухой из опавших листьев и выпачкать физиономии. Томас к тому же вполне мог и в ручей упасть. Этого мне только не хватало! Я решила держать их при себе; от скуки они то и дело подпрыгивали на одной ноге. Постоять спокойно они могли лишь пару минут, после того как я в очередной раз говорила: «Тихо! По-моему, я слышу топот копыт».

Когда топот действительно раздался, мне сначала показалось, что это всего лишь стук дождевых капель. Но потом земля задрожала, точно от грома небесного, и грохот стал поистине оглушительным. Позвякивала сбруя, плескались и хлопали на ветру боевые знамена, бряцали оружие и доспехи, шумно дышали и фыркали лошади. Звуки, запахи, топот сотен лошадей, которых гнали быстрым аллюром, — все это попросту ошеломляло, и хотя я твердо решила, что вот сейчас выйду вперед и заставлю их всех остановиться, я ничего не могла с собой поделать и испуганно отшатнулась. Господи, подумала я, каково же воинам на поле боя, когда прямо на них летит во весь опор такая вот конница с выставленными вперед копьями? Как может обычный человек противостоять натиску этой ожившей стены из конских копыт, оскаленных морд и оцетинившихся копий?

Томас, первым разглядев обнаженную белокурую голову в центре яростно наступавшего на нас войска, крикнул «Ура!» — так прореагировал бы любой мальчишка при виде столь могущественной кавалерии. Хозяин белокурой головы, услышав пронзительный возглас моего сына, обернулся и натянул поводья. Он увидел нас на обочине дороги и во все горло заорал: «Стой!» Его конь так резко затормозил, что не только встал на дыбы, но даже присел на задние ноги, стараясь не упасть. Вся великолепная кавалькада вдруг замерла, проклиная внезапную помеху. И сразу все смолкло, лишь пыль вилась клубами над дорогой и вокруг нас.

Конь белокурого всадника фыркал и тряс головой, но сам всадник в своем высоком седле сидел недвижно и смотрел на меня, а я — на него. Вокруг было так тихо, что я слышала, как в ветвях дуба у меня над головой щебечет дрозд. Ах, как он щебетал! Боже мой, его серебристый голос звучал, словно голос самой славы, победы и радости жизни! Никогда прежде я не замечала, что песнь этой птицы так напоминает гимн счастью!

Держа сыновей за руки, я сделала шаг вперед и уже открыла рот, собираясь молить за себя и своих мальчиков, но вдруг в самый решающий момент будто утратила дар речи. В том, что касается устных просьб, у меня имелось достаточно опыта. Я даже приготовила небольшой текст, но фразы отчего-то не шли с языка, голова была совершенно пустой, и казалось, что слова не нужны вовсе. Я просто глядела на мужчину и чувствовала, что он все-все понимает: и мой страх перед будущим; и мои надежды на сыновей, хотя у меня совершенно нет денег,

чтобы эти надежды воплотить; и то, как невыносима мне жалость отца, из-за которой мне не под силу оставаться с ним под одним кровом; и то, как ночами мне холодно и одиноко в постели; и то, как страстно я мечтаю родить еще детей; и то, что я охвачена ужасным ощущением: моя жизнь кончена. Господь милосердный, думала я, мне ведь всего двадцать семь, но я лишилась в сражении мужа и оказалась в числе потерпевших сокрушительное поражение. Неужели и мне суждена участь одной из тех многочисленных и несчастных вдов, которым верная дорога до конца дней своих быть у кого-то приживалкой, греться у чужого очага и старательно изображать из себя добрую гостью? Неужели меня никто никогда не поцелует? Неужели я никогда больше не испытаю ни капли радости? Неужели не видеть мне счастья?

А птица в ветвях дуба все пела и пела, словно пытаюсь сказать, что радости и счастья совсем нетрудно добиться, если действительно этого желаешь.

Белокурый воин подал знак одному из соратников — мужчине чуть старше себя. Тот с готовностью исполнил приказание — обернувшись к войску, прорычал какую-то команду, и все всадники развернули коней и стали съезжать с дороги в тень, под деревья. А сам король — белокурый воин и был королем Эдуардом IV — спрыгнул со своего огромного жеребца и, бросив кому-то поводья, направился напрямик ко мне и моим сыновьям. Я всегда считала себя довольно высокой, но ему я оказалась по плечо; в нем наверняка было больше шести футов. Мальчишки мои задирали головы и вытягивали шеи, стараясь заглянуть в лицо королю; им он, наверное, казался настоящим великаном. Внешность у Эдуарда IV была на редкость приятной: светлые волосы, серые глаза, открытое загорелое лицо, обаятельная и весьма доброжелательная улыбка. Такого короля Англия еще не видела; про таких людей говорят, что в них нельзя не влюбиться. Смотрел он прямо на меня, словно я знала некую тайну, а ему страшно хотелось ее разгадать; и мне отчего-то казалось, что мы с ним давным-давно знакомы. Я чувствовала, как под его взглядом начинают гореть мои щеки, но глаз от него отвести не могла.

Скромной женщине в нашем мире при общении с мужчиной полагается разглядывать носки своих башмаков, а уж если она о чем-то просит, следует еще и низко поклониться, умоляющим жестом вытянув перед собой руку. Я же гордо выпрямилась и, ужасаясь самой себе, пялилась на короля, словно невежественная крестьянка! Но я действительно не могла оторваться от этих светлых глаз и улыбки. Король, обжигая меня взглядом, спросил:

— Кто ты?

— Ваша милость,^[3] это моя мать, леди Елизавета Грей, — вежливо ответил ему мой сын Томас, стаскивая с головы шапку и преклоняя перед королем колени.

Второй мой сын, Ричард, тоже опустился на колени и пробормотал себе под нос:

— Кто это? Неужели король? Правда? Я таких высоких людей никогда в жизни не встречал!

Я села перед королем в глубоком реверансе, по-прежнему не отрывая от него глаз. Мало того, я смотрела на него таким откровенно горячим взглядом, какой женщина может дарить только обожаемому мужчине!

— Встань, — тихо, обращаясь только ко мне, сказал Эдуард. — Так ты, значит, вышла на дорогу, чтобы повидаться со мной?

— Мне нужна ваша помощь, — ответила я.

С огромным трудом я заставила себя произнести хотя бы эти несколько слов. Мне казалось, что не только на него, но и на меня подействовало то любовное зелье, которым моя мать пропитала шарф, ниспадавший с моего высокого головного убора.

— Я овдовела и теперь не могу получить обратно те земли, которые полагались мне в качестве приданого, но были у меня несправедливо отняты. Не могу я получить и вдовью часть своего наследства... — Я запнулась, заметив заинтересованную улыбку Эдуарда, и добавила: — Да, я теперь вдова. И мне совершенно не на что жить.

— Вдова?

— Мой муж, сэр Джон Грей, погиб при Сент-Олбансе, — сообщила я.

Это было все равно что признаться Эдуарду в предательстве и навлечь его проклятие на моих сыновей. Разумеется, Эдуард прекрасно знал имя того, кто командовал вражеской кавалерией. Я закусила губу, но все же не отступилась и продолжила:

— Отец моих сыновей просто исполнял свой воинский долг, ваша милость; он всего лишь остался верен тому человеку, которого считал своим королем. И мои дети ни в чем не виноваты.

— То есть он оставил тебе этих двух мальчиков?

Король улыбнулся и сверху вниз посмотрел на моих сыновей.

— Да, ваше величество, — подтвердила я. — И они главное мое богатство. Этого зовут Ричард Грей, а этого — Томас Грей.

Эдуард кивнул. Мальчики глазели на него, как на чистопородного скакуна, слишком крупного, чтобы у них хватило смелости его приласкать, но вызывавшего восторг, смешанный со страхом. Король снова посмотрел на меня.

— Страшно хочется пить. Ваш дом, надеюсь, где-то неподалеку? — спросил он.

— Да, ваша милость. Для нас было бы большой честью...

Я бросила опасливый взгляд на сопровождавших его гвардейцев, которых было, пожалуй, не меньше сотни. Эдуард негромко рассмеялся.

— Мои люди могут продолжать путь, — пояснил он. Затем обратился к тому воину средних лет: — Ты, Гастингс, ступай с войском дальше, в Графтон, а я вскоре вас нагоню. Со мной могут остаться Смоллетт и Форбс. Буду примерно через час.

Сэр Уильям Гастингс изучал меня с таким видом, словно я — всего лишь хорошенькая ленточка в корзине бродячего торговца. Впрочем, я глаз не отвела и даже не моргнула, а глядела прямо на него, так что ему в итоге пришлось снять шляпу и поклониться. Затем он отсалютовал королю и отдал войску приказ трогаться.

— Куда же вы направитесь? — осведомился сэр Уильям у короля.

Тот, словно мальчишка, вопросительно на меня посмотрел, а я гордо произнесла:

— В дом моего отца, барона Риверса, сэра Ричарда Вудвилла!

Я прекрасно понимала, что королю известно это имя, поскольку мой отец занимал весьма высокое положение при дворе Ланкастеров, отважно за них сражался и однажды даже лично получил от Йорка тяжкое проклятие, когда кузены схватились за кинжалы и поранили друг друга, а отец вмешался и предотвратил дальнейшее кровопролитие. Вообще-то мы все довольно много знали друг о друге, однако стали понемногу забывать, что и Йорки, и Ланкастеры некогда были верны одному королю — Генриху VI — и лишь потом стали считать друг друга предателями.

Сэр Уильям, услышав, какое неожиданное место выбрал король для своего краткого отдыха, недоуменно поднял бровь.

— Сомневаюсь, Эдуард, что тебе захочется там особенно задерживаться, — неприязненным тоном проговорил он и тут же отъехал.

Конница двинулась дальше, они прошли мимо нас, и земля вновь задрожала от топота копыт. Наконец они скрылись из виду, оставив нас в тишине и клубах теплой оседающей пыли. Не выдержав, я запальчиво заявила:

— Между прочим, ваше величество, отец мой после Таутона получил ваше прощение! Ему даже титул восстановили!

— Я хорошо помню твоих родителей, и отца и мать, — спокойно сказал король. — Я их с детства знал и часто видел — как в добрые, так и в недобрые времена. Меня лишь одно удивляет: почему они не познакомили нас раньше?

Я с трудом сдержалась, чтобы не захихикать, как горничная. Всем в Англии было известно, что король Эдуард славится своим мастерством соблазнителя. Ни один родитель в здравом уме не допустил бы его знакомства со своей дочерью.

— Не желаете ли прогуляться пешком, ваша милость? — спросила я. — Наш дом совсем близко.

— Хотите прокатиться, мальчики? — обратился Эдуард к моим сыновьям, и те дружно закивали, точно утята, требующие еды. — Забирайтесь-ка оба в седло. — Он посадил на коня сначала Ричарда, затем Томаса. — Так, теперь держитесь крепче. Ты за брата, а ты — ты ведь Томас, верно? — за луку седла.

На одну руку Эдуард намотал поводья, а на вторую предложил опереться мне, и мы направились к нашему дому напрямик через тенистую рощу. Сквозь прорези на рукаве я чувствовала тепло короля и понимала, что не должна так склоняться, так лхнуть к нему. Вскоре показался наш дом, и я заметила, что моя мать, скрытая средниками, выглядывает из окна своей комнаты. Ей не терпелось, чтобы все поскорее случилось.

Мать встретила нас на крыльце, рядом с ней топтался наш старший конюх. Мать склонилась в низком реверансе.

— Ах, ваша милость, как это приятно, что вы заглянули в наше графтонское поместье! — произнесла она непринужденно, словно король каждый день заходил к нам в гости.

Конюх тут же подбежал к жеребцу и принял у Эдуарда поводья, чтобы отвести коня на конюшню, однако мои мальчишки просто прилипли к седлу и отказывались слезать, желая проехать верхом еще хоть несколько ярдов. Мать между тем чуть отступила назад и с поклоном пригласила короля в дом.

— Не хотите ли выпить легкого эля? — предложила она. — Или, может, вина? У нас есть отличное вино — его прислали мои родственники из Бургундии.

— Благодарю вас, леди Риверс. Я предпочту эль, если не возражаете. — Эдуард мило улыбнулся. — Когда долго едешь верхом, всегда очень хочется пить. К тому же слишком жарко для весны.

Оказалось, что большой стол в парадном зале уже накрыт, и на нем стоят наши лучшие бокалы и кувшины с элем и вином.

— Вы ждете гостей? — поинтересовался молодой король.

Мать улыбнулась и, прямо глядя на него, ответила:

— Ни один мужчина на свете не смог бы проехать мимо моей дочери! Когда Елизавета сообщила, что намерена вас дождаться и изложить вам свою просьбу, я тут же велела слугам принести из подвала бочонок лучшего эля. Я догадывалась, что вам захочется заглянуть к нам.

Эдуард засмеялся — таким гордым был голос матери — и повернулся ко мне.

— Действительно, мимо тебя разве что слепой проедет! — согласился он.

Я хотела что-то ответить, но тут история повторилась: наши глаза встретились, и я опять утратила дар речи. Я просто молча смотрела на Эдуарда, а он — на меня, пока моя мать не подала ему бокал.

— Доброго здоровья, ваша милость, — почти прошептала она.

Король встряхнул головой, точно очнувшись.

— А твой отец дома, миледи? — осведомился он.

— Сэр Ричард отправился повидаться с нашими соседями, — пояснила я. — Мы ждем его к обеду.

Мать, взяв со стола чистый бокал, долго разглядывала его на свет, потом недовольно поцокала языком, словно обнаружив на стекле какой-то недостаток, быстро извинилась и вышла из зала. Мы с королем остались вдвоем. Солнечные лучи потоком вливались в большое окно над парадным столом; весь дом был объят тишиной — казалось, все в нем, затаив дыхание, прислушиваются к тому, что происходит между мной и Эдуардом.

Король обошел стол и опустился на место, которое обычно занимает хозяин дома. Он жестом указал мне на стул рядом с ним.

— Прошу тебя, отдохни.

Я уселась по правую руку от Эдуарда, точно его королева, и позволила ему налить мне бокал легкого эля.

— Я непременно разберусь в твоих земельных претензиях, — пообещал король. — Но неужели ты так хочешь иметь собственный дом? Разве плохо тебе с матерью и отцом? Неужели ты здесь несчастлива?

— Родители очень добры ко мне, — признала я. — Но я привыкла сама вести хозяйство, всем распоряжаться и управлять собственными владениями. Кроме того, у моих сыновей не будет никакого наследства, если я не сумею вернуть те земли, которые достались мне по праву от их отца. Я должна защитить своих мальчиков!

— Да, времена были и впрямь тяжелые, — вздохнул король. — Если я смогу удержаться на троне, то непременно позабочусь о том, чтобы закон о землепользовании приняли по всей Англии от одного побережья до другого, и тогда твои дети вырастут без страха перед будущим и неизбежными войнами.

Я молча ему поклонилась.

— Так значит, вы хранили верность королю Генриху? — уточнил Эдуард. — Все вы, и ты в том числе, являлись сторонниками дома Ланкастеров?

Что ж, невозможно было отрицать историю нашей семьи. Я прекрасно знала, что в Кале имела место жесточайшая ссора между этим молодым человеком, который тогда был всего лишь одним из юных отпрысков семейства Йорков, и моим отцом, который являлся одним из знатнейших ланкастерских лордов. Моя мать была первой дамой при дворе Маргариты Анжуйской, и, наверное, в те времена она десятки раз встречалась с этим красивым юношей и даже опекала его. Кто же мог тогда предположить, что мир перевернется вверх дном, что дочь барона Риверса будет вынуждена униженно просить этого юношу, ставшего королем, вернуть ей право на ее же собственные земли?

— Да, — подтвердила я, — мои родители действительно занимали довольно высокое положение при дворе короля Генриха, но теперь все мы, и они и я, безоговорочно приняли новую власть.

Эдуард улыбнулся.

— И это весьма разумно с вашей стороны, ведь я победил! Ладно, можешь считать, что я принял твою клятву верности.

Я не выдержала и хихикнула. Улыбка его мгновенно потеплела.

— Слава богу, все это скоро кончится, — заметил Эдуард. — Ведь у Генриха есть лишь несколько замков в Северной Англии, где, как известно, закон не писан. Он может, конечно, попытаться сколотить банду из тамошних головорезов — так, скорее всего, и поступил бы на его месте любой изгой, — но создать пристойную армию и повести ее за собой Генриху не под силу. Да и королева Маргарита не может без конца воевать с собственным народом, поставляя на территорию Англии вражеских наемников. Разумеется, те, кто сейчас сражается на моей стороне, будут вознаграждены, но и мои противники поймут: одержав победу, я проявил справедливость. Я постараюсь править действительно справедливо, причем править всей страной, в том числе и северными областями, вплоть до границ с Шотландией, несмотря на выстроенные северянами крепости.

— Значит, теперь вы отправитесь на север? — спросила я, немного отпив из своего бокала.

Я сразу заметила некий привкус в лучшем эле своей матери и поняла, что мать — почти наверняка! — добавила в напиток несколько капель любовного зелья или какого-то волшебного средства, вызывающего чувственное томление. Впрочем, мне-то явно ничего не требовалось: я и так уже едва дышала от страсти.

— Нам нужен мир, — между тем продолжал король. — Мир с Францией, мир с шотландцами. Родственникам следует жить душа в душу и не ссориться друг с другом. Генрих должен признать свое поражение, а его жена — прекратить поставлять на нашу территорию французские войска, чтобы с их помощью биться с англичанами. С раздробленностью надо покончить! Нельзя без конца делить население страны на йоркистов и ланкастерцев: все мы должны стать просто англичанами, единой нацией. Ничто не способно сильнее ослабить государство, чем внутренние раздоры, когда одна часть народа борется с другой его частью. Такие войны не только разрушают семьи, они каждый день понемногу убивают всех нас. Этим распрям необходимо положить конец, что я и намерен сделать! Надеюсь, уже в этом году.

Услышав слова короля, я вновь испытала тот тошнотворный страх, который жители Англии испытывали на протяжении последних десяти месяцев.

— Значит, будет еще одно сражение?

Король улыбнулся.

— Будет, но я постараюсь, чтобы оно случилось как можно дальше от дверей твоего дома,

моя госпожа. Однако сражения не миновать, и оно должно произойти как можно скорее. Герцог Сомерсет получил мое прощение, я принял его в круг своих друзей, после чего он в очередной раз сбежал к Генриху. Такая же сума переметная, как и все ланкастерцы! И такой же ненадежный партнер, как все Бофоры.[4] Да и семейство Перси[5] вновь поднимает против меня весь север. Они ненавидят Невиллов, тогда как Невиллы — мои надежнейшие союзники. Ситуация словно в танце: танцоры застыли на своих местах, но вскоре им предстоит очередная фигура и обмен партнерами. Нет, битва неизбежна, и они ее непременно получат.

— И сюда придет армия королевы?

Хотя моя мать, безусловно, любила королеву Маргариту и была первой дамой у нее при дворе, приходилось признать, что на тот момент армия Маргариты являла собой силу абсолютного террора. Ее войско состояло из наемников, которые плевать хотели на Англию: из французов, нас ненавидящих; из дикарей с далекого севера, которые мечтали всласть помародерствовать на наших плодородных полях и в процветающих городах. Однажды, например, Маргарита привела армию шотландцев, условившись, что платой им будет все то, что они сумеют награть. С тем же успехом она могла бы нанять армию волков!

— Я остановлю ее, — уверенно заявил Эдуард, словно это было проще простого. — Я встречу ее на севере Англии и одержу победу.

— Как вы можете быть в этом уверены? — воскликнула я.

Улыбка молнией сверкнула на устах короля, у меня даже дыхание перехватило.

— Я ни разу не проиграл ни одного сражения, — спокойно ответил он. — И не проиграю! В бою я действую стремительно, я достаточно опытен и прекрасно обучен. Да к тому же я смел и удачлив. Моя армия способна передвигаться быстрее любой другой, я заставляю солдат делать быстрые броски в полном снаряжении. Предугадываю намерения своего врага и благодаря этому опережаю его. Сражений я не проигрываю. Мне везет и в любви, и на поле брани. В этих играх я не потерпел ни одного фиаско. Так что в войне с Маргаритой Анжуйской непременно возьму верх.

Я усмехнулась — до того самоуверенным выглядел Эдуард, — однако его горячие речи произвели на меня сильное впечатление, если честно, у меня от них даже голова закружилась.

Эдуард допил свой эль и встал из-за стола.

— Спасибо за гостеприимство, — сказал он.

— Как, вы уже уходите, ваша милость? — пробормотала я, нелепо запинаясь.

— Да, мне пора. А ты подробно изложи на бумаге суть своей просьбы, хорошо?

— Да, конечно, но...

— Имена, даты и тому подобное. Границы тех земельных владений, которые, по твоему разумению, являются твоей собственностью. И во всех подробностях опиши, как эта собственность стала твоей. Хорошо?

Я уже почти цеплялась за его рукав, точно нищенка, лишь бы он подольше побыл возле меня.

— Да, конечно, я все сделаю, но...

— В таком случае я вынужден попрощаться.

Мне нечем было его удерживать, и я лишь втайне надеялась, что моя мать догадалась сделать что-нибудь, чтобы его конь, скажем, внезапно захромал.

— Да, ваша милость. Я так вам благодарна. Но мы были бы очень рады, если бы вы задержались еще ненадолго. Вскоре подадут обед, и мы... или...

— Нет, к сожалению, я должен идти. Мой друг Уильям Гастингс ждет меня.

— Конечно, конечно, ваша милость. У меня и в мыслях не было вмешиваться в ваши планы.

Я проводила Эдуарда до дверей. Его внезапный уход страшно меня огорчил, но я ровным счетом ничего не могла придумать, что бы заставило его остаться. На пороге он обернулся и взял меня за руку. Низко склонив светловолосую голову, Эдуард бережно перевернул мою руку ладонью вверх и прильнул к ней губами. Затем сжал мои пальцы, словно хотел, чтобы я навсегда сохранила его поцелуй, выпрямился и улыбнулся. От всего этого я окончательно растаяла; я уже понимала, что буду держать кулак плотно сжатым, пока не лягу в постель и не смогу прижать ладонь с его поцелуем к собственным губам.

Эдуард, глядя на меня сверху вниз, заметил и мое растерянное лицо, и мою ладонь, которая словно сама собой тянулась к его рукаву.

— Ладно, — вдруг смягчился он, — завтра я сам заеду и заберу ту бумагу, которую ты для меня подготовишь. Обязательно заеду, не сомневайся! Неужели ты думаешь, что может быть иначе? Неужели ты могла поверить, что я так просто уйду и больше сюда не вернусь? Разумеется, вернусь! Итак, завтра в полдень. Надеюсь, я тебя увижу?

Наверное, Эдуард услышал, как на миг остановилось мое дыхание. Вся кровь, казалось, бросилась мне в лицо, щеки так и пылали.

— Д-да... до 3-з-завтра... — запинаясь, отозвалась я.

— Завтра в полдень. И я останусь на обед. Если можно, конечно.

— Для нас это большая честь, ваша милость.

Эдуард поклонился, повернулся и направился через зал к широко распахнутым двустворчатым дверям навстречу яркому солнечному свету, а я, заложив руки за спину, бессильно прислонилась к дверной створке. Честно говоря, ноги меня совсем не держали, колени были как ватные.

— Ну что, он ушел? — раздался голос матери, бесшумно появившейся из маленькой боковой двери.

— Завтра он снова придет, — произнесла я, точно во сне. — Да, завтра в полдень. Он придет, чтобы повидаться со мной!

После захода солнца мои мальчики встали на колени в изножье своих кроваток, склонили светловолосые головки к молитвенно стиснутым рукам, прочли вечерние молитвы и улеглись спать. А мы с матерью спустились по тропинке, бегущей от нашей парадной двери по склону холма, ступили на легкий деревянный мостик, перебрались на противоположный берег речки Тоув и нырнули под сень густых деревьев. Высокий, конической формы головной убор матери то и дело задевал за ветви, склонившиеся над рекой. Она молчала, лишь время от времени жестом приглашая меня следовать за ней, и наконец мы остановились у огромного старого

ясеня. Мать приложила ладонь к мощному дереву, и я заметила, что ствол обвивает темная шелковая нить.

— Что это?

— Потяни за нее и начинай сматывать в клубок, — велела мать. — Приходи сюда каждый день и понемногу, примерно по футу, сматывай ее.

Я взялась за конец нити и тихонько потянула. Нить без труда поддавалась. Я почувствовала: к противоположному концу явно что-то привязано, что-то легкое и маленькое, но разглядеть не могла — нить уходила куда-то далеко в глубину реки, к противоположному берегу, в тростники.

— Опять колдовство какое-то, — почти равнодушно заметила я.

Мой отец запретил нам заниматься в доме подобными вещами, да и законы нашей страны строго карали за это. Все знали: если докажут, что ты ведьма, тебя неминуемо ждет смерть: тебя либо утопят, привязав к позорному стулу — так казнят женщин дурного поведения и торговцев-мошенников, — либо кузнец удавит тебя на перекрестке сельских дорог. Женщинам, знакомым с колдовством и магическим искусством, к которым принадлежала и моя мать, не разрешалось пользоваться своими умениями. И сами колдуньи, и их ремесло находились в Англии под строжайшим запретом.

— Да, колдовство, — преспокойно отозвалась мать. — И довольно действенное. Впрочем, цели оно преследует самые добрые, так что риск тут вполне оправдан. В общем, приходи сюда ежедневно да нитку сматывай — каждый раз примерно по футу.

— И что из этого выйдет? — поинтересовалась я. — Что там опущено в реку? Что за крупную рыбу я в итоге поймаю?

Мать улыбнулась и ласково погладила меня по щеке.

— А на том конце будет то, чего ты желаешь всем сердцем. Я ведь растила тебя не для того, чтобы ты стала бедной вдовой.

Мать повернулась и пошла назад через мостик, а я, руководствуясь словами матери, вытянула нить дюймов на двенадцать, смотала в клубочек и поспешила следом.

— Ну и для чего же ты меня растила? — нагнав ее, спросила я. — Кем я должна стать? Какую роль мне предстоит сыграть в твоём великом плане? В мире, охваченном войнами, где мы, несмотря на все твои пророчества и колдовство, будем, судя по всему, вечно оказываться среди проигравших.

Рука об руку мы неторопливо шли к дому. Взошла молодая луна, на небе виднелся тоненький светящийся серпик. Мы обе, не сговариваясь, тут же загадали желание, дружно поклонились луне, и я услышала звон монеток, которые мы обе по нескольку раз перевернули в карманах.

— Я растила тебя для самой лучшей доли, для самого высокого положения в обществе, какое только возможно, — наконец ответила мать. — Правда, я никогда не знала, какое именно будущее тебя ожидает, да и сейчас не знаю. Ты стала одинокой женщиной, тоскующей по мужу, которая все свои силы тратит на детей-сирот. И я твердо могу сказать: я не хочу, чтоб ты маялась одна в холодной постели и понапрасну растрчивала свою красоту!

— Ладно, аминь. — Я не сводила глаз с тоненького светлого серпика в небе. — Аминь, мама. И пусть эта новая луна подарит мне судьбу лучше прежней.

На следующий день, в полдень, я в простом повседневном платье сидела у себя в комнате, когда в дверь прямо-таки влетела страшно возбужденная служанка. Она сообщила, что к нашему дому скачет верхом сам король Англии. Я, однако, заставила себя проявить сдержанность: не бросилась к окну, пытаясь еще издали его увидеть, и не побежала в комнату матери — посмотреть в ее серебряное зеркало. Нет, я неторопливо отложила шитье и стала медленно спускаться по широкой деревянной лестнице, так что, когда двери распахнулись и Эдуард вошел в вестибюль, я все еще преспокойно сходила по ступеням и выглядела так, словно с трудом оторвалась от повседневных забот, чтобы встретить нежданного гостя.

С улыбкой я подошла к Эдуарду, он учтиво поздоровался со мной и невинно поцеловал в щечку. Я успела ощутить тепло его кожи и заметить сквозь полуопущенные веки, какие мягкие у него волосы, как мило они завиваются в ямке под затылком. От его волос исходил какой-то слабый пряный аромат, а от кожи не пахло ничем, кроме чистоты. Стоило Эдуарду посмотреть на меня, и я сразу поняла: в этих глазах горит откровенное желание. Он медленно, с явной неохотой, выпустил мою руку, и я неторопливо, тоже нехотя, немного от него отступила. Затем сделала еще шаг и присела перед королем в глубоком реверансе, заметив, что к нам приближаются мой отец и два моих старших брата, Энтони и Джон. Все они так же церемонно склонили перед королем головы.

Разговор за обедом получился, разумеется, весьма скучным и высокопарным. Иного и ожидать было трудно. Моя семья с должным почтением относилась к новому королю Англии, но никто даже не пытался отрицать, что борьбе с ним мы посвятили свои жизни и свое состояние. Мой покойный муж — далеко не единственный в нашем обширном семействе, кто не вернулся домой с этой войны Роз.[6] Впрочем, так и должно было быть, ведь в этой войне брат сражался с братом, и сыновья их, следуя примеру старших, также бились друг с другом не на жизнь, а на смерть. Отец мой, впрочем, впоследствии получил от короля прощение, как и мои братья. И вот теперь король-победитель еще и милостиво преломлял с ними хлеб, словно желая забыть, как он торжествовал, одержав над войском противника победу при Кале, и как после битвы при Таутоне мой отец трусливо удирает от его армии по запятнанному кровью снегу.

Король Эдуард оказался чрезвычайно легок в общении. Он очаровательно любезничал с моей матерью и очень мило беседовал с моими старшими братьями — Энтони и Джоном, а затем и с младшими — Ричардом, Эдвардом и Лайонелом, — когда те чуть позже к нам присоединились. Три мои младшие сестры также были за столом, они смотрели на короля широко раскрытыми, полными обожания глазами и боялись вымолвить хоть словечко. Моя невестка Елизавета, жена Энтони, старалась держаться поближе к моей матери, но выглядела очень спокойной и элегантной. Однако с особым почтением король отнесся к моему отцу. Эдуард все расспрашивал о том, много ли в наших лесах дичи, плодородны ли наши поля, какова цена на пшеницу и надежны ли работники. К тому времени, как подали десерт — варенье и засахаренные фрукты, — Эдуард уже весело болтал со всеми, словно являлся давним другом нашей семьи, и я смогла наконец спокойно сесть на свое место и наблюдать за ним.

— А теперь к делу, — обратился Эдуард к моему отцу. — Леди Елизавета рассказывала, что потеряла земли, составлявшие ее вдовью долю.

Отец кивнул и ответил:

— Мне, право, очень неловко тревожить вас по такому пустяку, мы пытались урезонить леди Феррерс и лорда Уорика, но безрезультатно. Видите ли, эти земли были конфискованы после... — Отец запнулся и откашлялся. — После сражения при Сент-Олбансе, когда,

собственно, и убили мужа Елизаветы. И теперь она не может добиться возвращения законных владений. Даже если вы, ваше величество, и считаете ее мужа предателем, то уж она-то совершенно ни в чем не виновата. Во всяком случае, свою вдовью долю Елизавета должна получить.

Король повернулся ко мне.

— Вы вписали в документ свой титул и требование вернуть земли?

— Да, — отозвалась я, протягивая королю бумагу.

Он мельком на нее взглянул.

— Я поговорю с сэром Уильямом Гастингсом и велю ему обо всем позаботиться, — пообещал Эдуард. — Он будет вашим адвокатом.

Я сидела и думала, что все и впрямь легко и просто устроится. Одним ударом я не только избавлюсь от нужды, но и получу назад свою законную собственность, а мои сыновья — законное наследство; я больше не буду ощущать себя бременем в семье. А если кто-то вздумает просить моей руки, я окажусь достойной невестой с приданым, а не объектом для проявления милосердия и благотворительности. И мне не нужно будет испытывать благодарность мужу только за то, что он пожелал взять меня, вдову-бесприданницу, в жены. Не нужно будет перед ним унижаться.

— О, сир, как вы милосердны! — воскликнул отец.

Он вздохнул с облегчением и кивнул мне.

Разумеется, я тут же послушно встала, склонилась перед королем в глубоком реверансе и пылко промолвила:

— Благодарю вас, ваша милость, это так много для меня значит!

— Я и впредь постараюсь править по справедливости, — заявил Эдуард, глядя на моего отца. — Мне бы очень не хотелось, чтобы кто-то из моих соотечественников пострадал из-за того, что английский трон теперь занят мной.

Отец с явным усилием заставил себя промолчать: я видела, как ему хотелось возразить, что многие из соотечественников короля уже и так достаточно пострадались.

— Еще вина? — мгновенно вмешалась моя мать. — Вам, ваша милость? Тебе, муж мой?

— Нет, — отказался король, — мне пора. Мы набираем и экипируем войско по всему Нортгемптону.

Он встал, резко оттолкнув стул, и все мы — мой отец, братья, мать, сестры и я — тут же вскочили, точно марионетки: раз король стоит, мы не можем сидеть.

— Не угодно ли вам, леди Елизавета, немного проводить меня и показать сад?

— Для меня это большая честь, ваше величество, — смиренно произнесла я.

Мой отец уже открыл рот, явно намереваясь предложить в сопровождающие себя, но мать его опередила.

— Да-да, походи, Елизавета, прогуляйся, — сказала она.

И мы с Эдуардом моментально вышли из столовой.

Так приятно оказаться на солнце после затемненного зала. Было тепло, как летом. Король предложил мне опереться о его руку, мы неторопливо спустились по лестнице в сад и тут же молча сплели пальцы. Я выбрала тропинку, ведущую вокруг нашего небольшого, но весьма густого сада; мы шагали, любуясь аккуратно подстриженной зеленой изгородью и белыми камешками под ногами, хотя я, если честно, почти ничего перед собой не видела. Король все сильнее прижимал к себе мою руку, я чувствовала тепло его тела. По воздуху разлился аромат лаванды, которая начинала цвести; ее запах был одновременно и сладким, как у цветов померанца, и острым, как у лимона.

— У меня совсем мало времени, — сообщил Эдуард. — Сомерсет и Перси собирают против меня войска. Судя по всему, и сам Генрих намерен оставить наконец свой замок и возглавить армию, если, конечно, будет в здравом уме и сможет ею командовать. Бедняга. Говорят, что нынче он ведет себя вполне нормально, но ведь его рассудок может в любую минуту снова помрачиться. А Маргарита наверняка готовит высадку французской армии на побережье Англии, так что нам на своей родной земле еще и с французами воевать придется.

— Я стану за вас молиться! — горячо пообещала я.

— Смерть всегда ходит рядом, — серьезно и грустно заметил Эдуард. — Смерть — постоянная спутница любого правителя, который вынужден был добыть свою корону на поле брани, а после — вновь и вновь отправляться на битвы.

Король остановился, и я, разумеется, тоже. В саду было тихо, лишь какая-то птичка пела в густых ветвях деревьев. Лицо Эдуарда омрачилось.

— Могу ли я этой ночью послать своего мальчика-пажа, чтобы он проводил тебя ко мне? — вдруг тихо спросил он. — Я сгораю от страсти к вам, леди Елизавета Грей! Никогда еще я не желал так ни одну женщину! Ответь, ты придешь ко мне? Я обращаюсь к тебе не как король и даже не как воин, которому завтра предстоит смертельно опасное сражение, а как самый обычный мужчина, взывающий к прекрасной даме. К самой прекрасной из тех, кто встречался ему в жизни. Умоляю, не отказывай! Ведь это, возможно, мое последнее желание. Так ты придешь сегодня?

Я покачала головой.

— Простите, ваша милость, но я честная женщина.

— Возможно, я никогда больше не попрошу тебя об этом, Господь свидетель. Да и никакую другую женщину не попрошу. Так что ничего позорного в моем предложении нет. Вполне может статься, что через неделю я погибну.

— Даже если и так — все равно нет.

— Неужели ты не страдаешь от одиночества? — спросил Эдуард, почти касаясь губами моего лба. Он стоял так близко, что я ощущала на щеке его теплое дыхание. — Неужели я тебе совсем не мил? Только честно: ты совсем не хочешь меня? И не уступишь мне один лишь раз? Скажи прямо сейчас: неужели я настолько тебе безразличен?

Медленно, очень медленно, сдерживаясь изо всех сил, я позволила себе поднять голову и посмотреть в лицо Эдуарду, слегка задержавшись на его губах. А потом наши глаза встретились, и он выдохнул:

— Великий Боже! Я должен, должен обладать тобой!

— Я не могу быть вашей любовницей, — тихо возразила я. — Я лучше умру, чем обещаю свое имя и навлеку такой позор на всю свою семью. — Я помолчала. Мне совсем не хотелось

его расхолаживать. — И совершенно не имеет значения, о чем я страстно в душе мечтаю.

— Но это значит, что ты хочешь того же, что и я? — пылко, как мальчишка, воскликнул Эдуард.

Я одарила его горячим мимолетным взглядом, позволив ему, впрочем, этот мой взгляд поймать.

— Ах, — обронила я, — мне не следует говорить вам...

Эдуард ждал продолжения, и я закончила:

— Вам лучше не знать, насколько сильно мое желание!

И я заметила — хотя король, разумеется, и пытался скрыть это, — что глаза его победоносно блеснули. Эдуард был уверен, что непременно меня получит.

— Значит, ты придешь?

— Нет.

— И что же, мне теперь уйти? Покинуть тебя? Но неужели нельзя хотя бы...

Эдуард прильнул ко мне щекой, и я потянулась ему навстречу. Его поцелуй на моих мягких податливых губах был легок и нежен, точно прикосновение птичьего перышка. Я чуть приоткрыла рот и сразу почувствовала, как король задрожал — точно конь в туго натянутых поводьях.

— Леди Елизавета... клянусь, что... я должен...

Тут я сделала шаг назад, завершая фигуру этого изысканного танца.

— Только в том случае... — ответила я и снова замолчала.

— Хорошо, я приду завтра! — сдался Эдуард. — Вечером. На закате. И ты будешь ждать меня там, где я впервые тебя увидел, хорошо? Под тем дубом. Ты ведь встретишь меня там? Хотелось бы с тобой попрощаться, прежде чем я отправлюсь на север. Мне нужно снова тебя увидеть, Елизавета. Даже если ничего больше не будет. Мне это необходимо!

Я молча кивнула, и Эдуард, решительно повернувшись на каблуках, размашисто зашагал к дому. Я наблюдала, как он огибает здание и направляется к конюшне; еще минута — и его конь с громовым топотом промчался по дороге, за ним скакали два пажа, стараясь не отстать от короля и прищипывая коней. Я смотрела вслед Эдуарду, пока он не скрылся из виду, затем спустилась по тропинке, перешла речку по маленькому мостику, отыскала на старом ясене нить и задумчиво за нее потянула. Отмерив сколько нужно, я смотала клубочек и вернулась домой.

На следующий день за обедом у нас состоялось нечто вроде семейного совета. Король прислал письмо, в котором сообщал, что его друг сэр Уильям Гастингс поддержит мои требования относительно дома и земель в Брэдгейте, так что я могу быть совершенно уверена: эту собственность мне возвратят. Отец был страшно доволен, а вот мои братья — Энтони, Джон, Ричард, Эдвард и Лайонел — дружно усомнились в искренности королевской помощи и со свойственной им юношеской пылкостью высказались относительно истинных намерений Эдуарда.

— Король же известный сердцеед! — заявил Джон. — Он обязательно станет искать встречи с Елизаветой! Вот увидите, он еще пригласит ее ко двору!

— Вряд ли он из чистого милосердия вернул нашей Елизавете дом и земли, — вторил ему Ричард. — Конечно же, он потребует платы. Да при дворе не осталось ни одной женщины, с которой он не переспал! Почему бы ему и за нашей сестрицей не приударить?

— Тем более что она из лагеря Ланкастеров! — прибавил Эдвард, словно этого моего качества было достаточно, чтобы обеспечить нашу общую неприязнь к королю.

Лайонел энергично закивал, выражая свое полное согласие с мнением брата.

— Такому человеку трудно отказать, — задумчиво произнес мой старший брат Энтони, куда более искусный в жизни, чем Джон.

Энтони довелось немало постранствовать по свету, он объездил все христианские страны, учился у великих мыслителей, и даже отец с матерью всегда к нему прислушивались.

— Наверное, ты, Елизавета, — продолжал он, — уже чувствуешь себя несколько скомпрометированной. Мало того, боюсь, теперь ты решишь, что обязана ему.

Пожав плечами, я спокойно возразила:

— Вовсе нет. Я всего лишь получила обратно то, что принадлежит мне по праву. Я просила короля о справедливости, и он проявил справедливость, как и следовало ожидать. Любой должен в итоге обрести справедливость, если он взывает к ней и если закон на его стороне.

— И все-таки, вдруг Эдуард пошлет за тобой? Тогда ты к нему во дворец не поедешь! — отрезал отец. — Этот человек развлекался с половиной замужних женщин Лондона, но ему и этого мало, теперь он принялся за благородных дам из лагеря своих противников, ланкастерцев. Но куда ему до нашего святого, благословенного короля Генриха!

«Ну да, Эдуард, по крайней мере, отнюдь не слабоумен, как наш святой, благословенный король Генрих!»[7] — подумала я, но вслух смиренно ответила:

— Разумеется, отец, как скажешь.

Отец внимательно глянул на меня, поскольку моя покорность, судя по всему, показалась ему подозрительной.

— Ты ведь не считаешь, что чем-то ему обязана? — уточнил отец. — Не считаешь, что должна отплатить за его благодеяние? Ну что ты улыбаешься? Неужели дела обстоят еще хуже, чем я думал?

Я снова пожала плечами.

— Я всего лишь искала у короля истинно королевской справедливости, а не благодеяния. Я не продажная девка, не служанка, которой хозяин может что-то приказать, и не крестьянка, обязанная хранить верность своему господину. Я принадлежу к достойному старинному роду. У меня свои собственные представления о верности и обязанностях, я их чтю и всегда им следую. К королю они не имеют ни малейшего отношения. Никто из мужчин не может распоряжаться ни мною, ни моими убеждениями.

Мать быстро опустила голову, пытаясь скрыть улыбку. Она, уроженка Бургундии, правнучка богини вод Мелюзины, ни разу в жизни не чувствовала себя кому-то обязанной и вряд ли сочла бы, что ее дочь может быть кому-то за что-то обязанной.

Отец молча посмотрел на нее, потом на меня, словно уступая глубоко коренящейся в душах его жены и дочери независимости и властности. Затем он обратился к моему брату Джону:

— Я собираюсь прогуляться верхом в деревню Олд-Стрэтфорд. Не желаешь составить мне компанию?

Джон согласился, и они ушли. Все остальные тоже поднялись и занялись своими делами. Мы с Энтони остались вдвоем.

— Неужели ты действительно хочешь отправиться ко двору? Неужели ты настолько восхищена этим человеком, несмотря ни на что? — тихо спросил меня брат.

— Он король Англии, — напомнила я. — Разумеется, я подчинюсь, если он меня пригласит. А как же иначе?

— Но сделаешь это, скорее всего, лишь потому, что отец запретил тебе туда ехать, да и я посоветовал воздержаться от этого.

Я пожала плечами.

— Да, я прекрасно слышала ваши слова.

— Как же иначе может бедная вдова пробиться в этом скверном мире, верно? — поддразнил меня Энтони.

— Действительно, как?

— Ты поступишь как последняя дура, если так дешево продашь себя, — вдруг посерьезнев, заявил брат.

Я посмотрела на него из-под ресниц.

— Я вообще не собираюсь себя продавать. Я не кусок ленты. И не окорок. Я вообще не предназначена для продажи.

На закате я ждала Эдуарда под дубом, спрятавшись в густой зеленой тени. И с облегчением услышала на дороге топот копыт только одной лошади. Если бы он появился с охраной, я бы попросту бегом бросилась домой, поскольку подобная ситуация грозила бы моей безопасности. Каким бы нежным Эдуард ни казался в саду моего отца, я отнюдь не забыла, что его провозгласила королем армия йоркистов, воины которой запросто насиловали женщин и зверски убивали их мужей. Сердце этого короля сильно ожесточилось, ведь ему много раз приходилось видеть такие вещи, которые никому видеть не стоит; да и сам он, будучи воином, наверняка творил то, что является самым тяжким из всех грехов. И как бы ни замирало мое сердце при виде его улыбки, какими бы честными ни казались его глаза, как бы я ни убеждала себя, что это просто мальчишка, которого подтолкнуло к королевскому трону собственное честолюбие, довериться Эдуарду я все же не могла. Сейчас отнюдь не рыцарские времена, не те, когда рыцари, бродя по темному лесу, встречаются на берегу озера, залитого лунным светом, прекрасную купальщицу и клянутся ей в вечной любви, которую после воспевают в балладах.

Но Эдуард действительно выглядел как рыцарь в темном лесу, когда, натянув поводья, остановил коня и легко спрыгнул на землю.

— Ты пришла! — удовлетворенно воскликнул он.

— Но я не смогу задержаться надолго.

— Я страшно рад тому, что ты здесь! — И Эдуард рассмеялся, но как-то растерянно, словно над самим собой. — Сегодня весь день я грезил о тебе, как мальчишка! И целую ночь не мог уснуть — все думал о тебе, пытался угадать, придешь ли ты, а ты взяла и пришла!

Он привязал поводья к ветке и обнял меня за талию.

— Ах, миледи, — прошептал он, склоняясь к моему уху, — будьте же ко мне добры и снисходительны! Не могли бы вы снять свой головной убор и распустить волосы?

Подобной просьбы я ожидала менее всего и была поражена тем, что мгновенно согласилась. Рука моя сама потянулась к лентам шляпы.

— Я знаю, знаю: ты просто свела меня с ума! Весь день я только и мечтал увидеть твои чудные волосы.

Я развязала туго затянутые ленты, сняла свой высокий остроконечный убор и аккуратно положила его на траву. Потом молча повернулась к королю, и он осторожно и ловко, как заправская горничная, стал вытаскивать из моей прически шпильки и заколки из слоновой кости, засовывая их за отворот своего дублета. Вскоре густые светлые волосы шелковистым водопадом заструились у меня по спине, упали на лицо, и я, встряхнув головой, отбросила их назад, точно золотистую гриву. Из уст Эдуарда вырвался страстный стон, и он, мгновенно скинув с себя плащ, бросил его на землю к моим ногам.

— Сядь рядом! — приказал он, хотя явно хотел потребовать: «Ляг со мною!» — мы оба это понимали.

Я осторожно опустила на краешек плаща, подтянула к груди колени и обхватила их руками; мое прелестное шелковое платье раскинулось по траве красивыми складками. Эдуард гладил мои волосы, и я чувствовала, как его пальцы проникают сквозь пряди, касаются моей спины, шеи... Эдуард повернул меня к себе и поцеловал.

А потом так ловко и нежно уложил на плащ, что я мгновенно оказалась под ним, и его рука потянула вверх подол моего платья. Упершись ему в грудь ладонями, я мягко его оттолкнула.

— Елизавета! — умоляюще выдохнул Эдуард.

— Я же сказала: нет, — ровным тоном произнесла я. — И сказала не просто так.

— Но ты же пришла на свидание со мной!

— Вы просили меня об этом, ваше величество. Может, мне лучше уйти?

— Нет! Останься! Не убегай! Клянусь, я больше не буду. Позволь мне только еще раз поцеловать тебя.

Сердце мое бешено забилось: я жаждала его прикосновений, его ласк! Мне даже подумалось: а почему бы не лечь с ним прямо сейчас? Пусть хоть раз, один лишь раз — но я позволю себе испытать это наслаждение, и я... вдруг резко отодвинулась от него со словами:

— Нет, нет, нет!

— Да, — возразил Эдуард куда более властно, чем прежде. — Клянусь, я не причиню тебе ни боли, ни вреда. Ты заживешь при дворе. И все, что ни захочешь, будет исполнено. Боже мой, Елизавета, позволь мне обладать тобою! Я страстно, отчаянно желаю тебя. С первой же минуты, как я тебя увидел...

Эдуард налег на меня всем своим телом, он подминал меня под себя. Я отвернула лицо, но ощущала его страстные поцелуи у себя на шее, на груди... Я и сама задыхалась от страсти, и тут вдруг, совершенно неожиданно, меня охватил гнев: я поняла, что он не просто обнимает меня, а пытается насиловать, прижав к земле, словно девку на стоге сена. Эдуард так бесстыдно задрал мне подол, точно я — уличная шлюха! Он с такой настойчивостью протиснул колено между моими скрещенными ногами, словно я уже на все согласилась! Мой бешеный нрав придал мне сил, и я, грубо оттолкнув его, нащупала у него на толстом кожаном ремне ножны кинжала.

Казалось, Эдуард ничего не заметил. Теперь он возился с застёжкой своего дублета и прочей сбруей; еще мгновение — и сожалеть было бы слишком поздно. Я выхватила кинжал из ножен, и король, услышав шелест металла, в полном изумлении откинулся назад. Он даже на колени привстал. Эдуард был явно потрясен. А я, моментально вывернувшись из-под него, вскочила, сжимая в руке обнаженный клинок, лезвие которого ярко и недобро сверкало в последних лучах заходящего солнца.

Эдуард тоже поднялся и стоял напротив меня, расставив ноги и чуть покачиваясь, как настоящий боец.

— Неужели ты поднимешь руку на своего короля? — В его голосе было презрение. — Ты понимаешь, что это государственная измена, госпожа моя?

— Я нанесу удар не вам, а себе! — Я быстро приставила к своему горлу острие кинжала, заметив, что Эдуард настороженно прищурился. — Клянусь, если вы сделаете еще хоть шаг, если вы хоть на один дюйм ко мне приблизитесь, я перережу себе горло и у вас на глазах истеку кровью — прямо здесь, на этом самом месте, где вы собирались меня обесчестить.

— Притворство!

— Нет, ваша милость. Для меня это отнюдь не игра и не притворство. Я не могу быть вашей любовницей. Сначала я пришла к вам в поисках справедливости, затем — сегодня — в поисках любви. Но боже мой, какая глупость с моей стороны! Простите меня за проявленное безумие. Правда то, что и я не могу спать, не могу думать ни о чем, кроме вас, я тоже день и ночь гадала, придете вы или нет! И все равно... все равно... вам не следовало...

— Я могу в одну секунду отнять у тебя этот нож, — пригрозил мне Эдуард.

— Вы забываете, ваше величество, что у меня пятеро братьев. Так что мечи и кинжалы — мои игрушки с раннего детства. И я действительно успею перерезать себе горло, прежде чем вы хотя бы дотронетесь до меня.

— Ты никогда этого не сделаешь! Ты же всего лишь женщина! Значит, и мужества у тебя не больше, чем у любой другой женщины.

— А вы меня испытайте. Испытайте. Откуда вам знать, сколько во мне мужества? Впрочем, потом вы, возможно, об этом пожалеете.

Еще мгновение Эдуард колебался. Я слышала, что сердце его стучит как молот под воздействием столь опасной смеси: бешеного нрава и сладострастия. Но он взял себя в руки и жестом показал, что сдаётся. Он даже отступил от меня на шаг.

— Ладно, миледи, вы победили! — заявил Эдуард. — Можете оставить себе этот кинжал как трофей. Вот, возьмите заодно и это. — Отстегнув от пояса ножны, он бросил их на землю. — Эти распроклятые ножны ваши, ну же, берите!

Лучи заходящего солнца поблескивали на драгоценных камнях и золотой эмали ножен, и я,

не сводя с короля глаз, опустила на колени и подняла их.

— Сейчас я провожу тебя домой, — продолжал Эдуард. — Не беспокойся, я доставлю тебя к самому порогу.

Я покачала головой.

— Нет. Нельзя допустить, чтобы нас увидели вместе. Никто не должен знать, что мы встречались. Иначе я буду опозорена.

Мне показалось, что Эдуард станет возражать, спорить, но он покорно склонил голову.

— В таком случае, — ответил он, — иди вперед, а я последую за тобой на некотором расстоянии, точно паж или слуга, пока не удостоверюсь, что ты благополучно добралась до дверей своего дома. Можешь праздновать победу: ведь ты заставила меня служить тебе, подобно верному псу. Раз уж вы, сударыня, изволите обращаться со мной как с шутком, я и вести себя буду как шут, а вы можете этим развлекаться, если угодно.

Я поняла, что никакими словами его гнев не унять, и просто кивнула в знак согласия, а потом решительно двинулась к дому. Эдуард шагал чуть позади, как и обещал. Мы оба молчали, и я слышала за спиной шелест его плаща. Когда мы выбрались из рощи и нас уже можно было увидеть из окон дома, я остановилась и повернулась к королю.

— Дальше я пойду одна, это совершенно безопасно, — заверила я. — Но прежде я должна попросить у вас прощения за мой безумный поступок.

— А я должен попросить у вас прощения, миледи, за совершенное мною насилие, — отозвался Эдуард, явно испытывая неловкость. — Видимо, я слишком привык, что все всегда по-моему. Хотя, если честно, мне еще никто никогда не отказывал, угрожая ножом! К тому же моим собственным!

Я протянула Эдуарду кинжал рукоятью вперед.

— Может, возьмете его назад, ваша милость?

Он покачал головой.

— Нет, оставь себе на память. Пусть это будет мой единственный подарок тебе. Прощальный подарок.

— Неужели я никогда вас больше не увижу?

— Никогда, — коротко подтвердил Эдуард, слегка поклонился и тут же пошел прочь.

— Ваша милость! — окликнула я.

Эдуард обернулся. Остановился.

— Мне бы не хотелось, чтоб мы расстались врагами, — продолжила я. — Надеюсь, вы все же сможете меня простить.

— Ты выставила меня полным идиотом. — Тон у Эдуарда был ледяной. — Что ж, можешь себя поздравить: ты первая из женщин, кому это удалось. Но ты же станешь и последней. И ты никогда больше не посмеешь сделать из меня шута!

Я склонилась в глубоком реверансе и, не поднимая головы, слышала, как удаляется Эдуард, шурша плащом по кустам, росшим вдоль тропы. Я выждала, когда его шаги совсем стихнут, потом выпрямилась и направилась к дому.

На самом деле мне, совсем еще молодой женщине, каковой я тогда являлась, больше всего хотелось вбежать в дом, броситься на свою постель и плакать, плакать, пока не сморит усталость или сон. Однако я этого не сделала. Тут я ни капли не походила на своих сестер, которым ничего не стоило засмеяться или зарыдать. С моими сестрами вечно что-то приключалось, и они страшно долго потом переживали. Но я всегда считала себя кем-то более значительным, чем просто глупая девчонка. Я чувствовала себя истинной дочерью богини вод Мелюзины. Вершительницей судеб, женщиной, в чьих жилах течет не просто кровь, но вода, заряженная могуществом непростых предков. И уж побежденной я себя точно не считала. Разве мог победить меня какой-то мальчишка, даже если на голове у него красуется только что завоеванная корона? Да ни один мужчина не в силах уйти от меня в полной уверенности, что никогда не вернется!

В общем, сразу домой я не пошла, а спустилась по знакомой тропинке через мостик на тот берег реки, к старому ясеню, ствол которого моя мать обвязала магической нитью. Я вытянула еще часть нити, крепко завязала ее петлей и лишь после этого неспешно двинулась к дому, размышляя о событиях минувшего дня при свете тонкого месяца.

А потом я ждала. И каждый вечер из тех двадцати двух вечеров ходила к реке и тянула за волшебную нить, точно терпеливая рыбачка. И наконец почувствовала, что нить натянулась до предела, как леса, зацепившаяся за корягу. Понимая, что она легко может и оборваться, я стала очень осторожно, потихоньку вытягивать ее, как рыболов — пойманную рыбу, и вдруг натяжение ослабло. Послышался легкий всплеск, как если бы что-то маленькое, но тяжелое сорвалось «с крючка», ушло на глубину и там, повернувшись против течения, залегло на дне среди камней.

Что мне было делать? Мать ждала меня на берегу нашего рыбного пруда, любясь собственным отражением в неподвижной воде, которое в сером сумеречном свете напоминало длинную серебристую рыбину, покрытую сверкающей чешуей, или обнаженную купальщицу. По небу плыли фантастические облака — словно белые перья на бледном шелку. Вставала луна, теперь уже убывающая. Воды в пруду было много, волны нежно лизали маленький причал. Когда я остановилась рядом с матерью и тоже посмотрела на собственное отражение, у меня возникло ощущение, будто мы обе поднимаемся из этих вод, словно духи озера.

— Ты каждый вечер тянешь за нить? — спросила мать.

— Да.

— Хорошо. Это очень хорошо. Он уже прислал тебе на память какой-нибудь подарок? Или хоть слово привета?

— Я ничего не жду. Он сказал, что мы больше никогда не увидимся.

— Ну что ж... — вздохнула мать.

И мы медленно пошли к дому.

— Вроде как Эдуард собирает войска в Нортгемптоне, — сообщила мать. — А король Генрих находится в Нортумберленде и намерен вскоре двинуться на юг, напрямик на Лондон. К нему должна присоединиться королева, она высадится со своей французской армией в Халле. Если победу одержит Генрих, будет совершенно неважно, что именно сейчас делает или думает Эдуард, поскольку к тому времени он наверняка будет убит и на трон вернется наш законный правитель.

Моя рука невольно схватилась за рукав матери, словно мне хотелось воспрепятствовать такому исходу, и мать мгновенно, точно нападающая змея, стиснула мои пальцы и спросила:

— В чем дело? Неужели ты даже слышать не можешь о том, что он рискует проиграть в битве?

— Не говори так! Не говори!

— Не говорить чего?

— Да, это правда! Мне невыносима сама мысль о том, что Эдуард может потерпеть поражение, что он может погибнуть! Он просил меня разделить с ним ложе — как солдат, которому предстоит встреча со смертью.

Меня резанул смех матери.

— Ну конечно просил! Кто из мужчин, отправляющихся на войну, способен противиться подобному соблазну? Каждому хочется использовать столь заманчивую возможность!

— Вот как? А я ему отказала. И буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь, если он не вернется. Я и сейчас уже об этом жалею.

— О чем же тут жалеть? — Матери явно нравилось меня дразнить. — Ты ведь в любом случае получишь свои земли обратно. Либо по приказу короля Эдуарда, либо, если он погибнет, по приказу короля Генриха, который, вернув себе трон, вернет тебе и твои владения. Ведь он наш законный правитель из славной династии Ланкастеров. По-моему, нам стоит пожелать ему победы, а этому узурпатору Эдуарду — смерти.

— Не говори так! — повторила я. — Не желай Эдуарду зла!

— А ты не обращай внимания на мои речи, — вдруг довольно резко произнесла мать, — лучше остановись и поразмысли хорошенько! Ты ведь и сама принадлежишь к дому Ланкастеров. Тебе не следует просто так влюбляться в одного из наследников дома Йорков; это возможно только в том случае, если он действительно одержит победу и станет королем. Вот тогда в этой любви и для тебя появится определенная выгода. Сейчас наступили трудные времена, и нам, увы, в эти времена жить. Смерть стала нашей вечной спутницей, почти что родственницей, и не думай, что тебе удастся удержать ее на расстоянии вытянутой руки. Ты вскоре поймешь, что смерть сама ищет твоего общества. Она уже отняла у тебя мужа и — слушай меня внимательно! — вскоре отнимет у тебя и отца, и братьев, и сыновей.

— Тише, тише, мама! — воскликнула я. — Ты вещаешь, словно Мелюзина, предупреждающая свой дом о гибели всех его обитателей.

— Я действительно предупреждаю тебя, — с мрачным видом подтвердила мать. — Ты сама виновата, что мне приходится превращаться в Мелюзину, но я не могу спокойно видеть, как ты, улыбаясь, гуляешь и флиртуешь с узурпатором, словно жизнь по-прежнему легка и прекрасна. Ты родилась, увы, не в самое спокойное время. И всю свою жизнь проживешь в раздираемой междоусобицами стране. И путь тебе придется прокладывать сквозь кровь и бесчисленные утраты.

— Значит, впереди у меня нет ничего хорошего? — Я чуть не скрипнула зубами с досады. — Неужели ты, любящая мать, не можешь найти для своей родной дочери ни одного доброго слова о будущем? Право, мама, не стоит так уж ругать и поносить меня, я и без того уже готова расплакаться.

Она остановилась, и жестокая маска прорицательницы исчезла с ее лица, сменившись доброй, теплой материнской улыбкой, которую я так любила.

— Мне кажется, Эдуарда ты вскоре получишь, раз уж тебе так этого хочется, — предположила мать.

— Очень хочется! Больше жизни!

Она добродушно засмеялась, по-прежнему ласково на меня глядя.

— Ах, детка, не будь так уверена! В мире нет ничего дороже и важнее жизни. У тебя впереди еще много лет, и тебе предстоит получить немало уроков, если ты сама этого не понимаешь.

Я лишь молча пожала плечами, взяла мать под руку, и мы снова зашагали к дому.

— Когда сражение закончится — кто бы в нем ни победил, — мы отошлем твоих сестер ко двору, — рассуждала мать; она всегда все планировала заранее. — Они могут остановиться у Бушеров или у Бонов. Им следовало уехать еще несколько месяцев назад, но мне и подумать было страшно, что девочки окажутся так далеко от дома, когда вся страна поставлена на дыбы, когда никто не знает, что может случиться завтра, когда неизвестно, получишь ли ты от своих детей весточку. Но надеюсь, что после этого сражения жизнь наладится, даже если править будет Йорк, а не Ланкастер, и девочки смогут наконец отправиться к нашим родственникам и приобрести при дворе необходимые знания и умения.

— Да, я думаю, ты права.

— И твой Томас, кстати, тоже вскоре достаточно подрастет и сможет покинуть родное гнездо и пожить у родственников в столице, чтобы получить хорошее воспитание и...

— Нет! — ответила я с таким неожиданным напором, что мать удивленно на меня взглянула.

— В чем дело?

— Своих сыновей я оставлю при себе, — отчеканила я. — Моих мальчиков никто у меня не отнимет.

— Но ведь должны же они иметь соответствующие манеры и образование; а для этого им необходимо пройти службу при дворе знатного лорда. Ничего, твой отец подыщет подходящего человека, да и крестные отцы мальчиков...

— Нет, — прервала ее. — Нет, мама. Я не стану даже рассматривать подобную возможность. Мои сыновья никуда не поедут!

— Что с тобой, детка? — Мать развернула меня так, что лунный свет падал мне прямо в лицо, и внимательно на меня посмотрела. — На тебя это не похоже — из-за пустяка вдруг так упрячиться. И потом, всем женщинам в мире приходится отпускать от себя сыновей, чтобы они учились быть мужчинами.

— Моих мальчиков никто у меня не отнимет! — повторила я, чувствуя, как дрожит голос. — Я боюсь... Мне страшно... страшно за них! Я и сама не понимаю, чего я так опасюсь. Но я не допущу, чтобы мои мальчики росли среди чужих людей.

Теплая рука матери обвила мою талию.

— Ну, это вполне естественно, — заметила она. — Ты потеряла мужа и, разумеется, хочешь безопасности для своих детей. Но ты же должна осознавать, что когда-нибудь им все равно придется уйти.

Но я не поддавалась нежному давлению матери.

— Это не просто каприз, мама, — заявила я. — Это чувство гораздо глубже...

— Так может, это предвидение? — вдруг очень тихо спросила мать. — Возможно, ты просто знаешь, что их ждет в будущем? Неужели у тебя открылся дар предвидения, Елизавета?

Я покачала головой, и слезы потекли у меня по щекам.

— Не знаю я, не знаю! Просто при мысли о том, что они от меня уедут, что о них станут заботиться посторонние люди, а я буду просыпаться по ночам и ощущать, что их нет в родном доме, а по утрам не буду слышать их голосов... Стоит мне представить эту картину: как в чужом доме им прислуживают чужие люди, и они не имеют возможности повидаться со мной... Нет, это совершенно невыносимо! Я не переживу разлуки с ними!

Мать крепко обхватила меня руками и прижала к себе.

— Тихо, тихо, детка, успокойся, — велела она. — Не надо думать об этом. Я поговорю с твоим отцом. И мальчики никуда не поедут, пока ты не будешь к этому готова и сама с радостью их не отпустишь. — Мать взяла меня за руку и с удивлением воскликнула: — Холодна как лед! — И она вдруг с какой-то странной уверенностью принялась ощупывать мое лицо. — Нет, это, разумеется, совсем не каприз! Раз тебе при свете луны становится то холодно, то жарко... Нет, дорогая моя, это самое настоящее предвидение! Судьба предупреждает тебя об опасности, и эта опасность грозит твоим сыновьям.

Я покачала головой.

— Я в этом совсем не уверена. Зато я совершенно уверена, что никто не должен отнять у меня моих мальчиков. И поэтому мне нельзя отпускать их от себя.

Мать кивнула.

— Да, ты меня полностью убедила. У тебя явно было видение, и я верю, что твоих сыновей нельзя от тебя забирать. Значит, быть по-твоему. Не плачь. Мальчики останутся при тебе, и мы все позаботимся, чтобы им ничего не угрожало.

А потом я снова ждала. Эдуард дал мне понять, что я никогда больше его не увижу, так что я прекрасно понимала тщетность своих надежд, но ничего не могла с собой поделать. Просто ждала и все. Эдуард снился мне; это были сны, полные страсти и тоски, и я пробуждалась среди ночи, в темноте, на скомканных простынях, вся в поту от неутоленного желания. За столом отец все спрашивал, почему я ничего не ем, а Энтони лишь с печальной улыбкой качал головой.

Зато мать, искоса поглядывая на меня своими ясными глазами, тут же старалась мне помочь.

— Она совершенно здорова. Ну, нет аппетита, значит, потом подкрепится.

Мои сестры шепотом интересовались, что со мной, уж не сохну ли я по тому красавцу королю, и я отвечала им довольно резко:

— Да какой в этом смысл?

А сама ждала.

И еще семь дней и семь ночей, как царевна из волшебной сказки, запертая в башне; как Мелюзина, которая, купаясь в лесных источниках, все поджидает, когда по потаенным тропам

проедет какой-нибудь рыцарь, увидит ее и полюбит. Каждый вечер я ходила к тому ясеню, вытягивала нить, сматывала ее и завязывала узлом. Вдруг на восьмой день я услышала звон металла о камень. Наклонившись над рекой, я увидела под водой проблеск золота, дернула за нить и вытащила... кольцо. Золотое кольцо, довольно простое, но очень милое. Одна сторона гладкая, а вторая украшена гравировкой в виде зубцов крошечной короны. Я положила колечко на ту ладонь, которую Эдуард поцеловал когда-то, и внимательно рассмотрела украшение. Оно и впрямь напоминало маленькую королевскую корону. Я надела кольцо на безымянный палец правой руки — не желая искушать судьбу, я не посмела надеть его на левую руку, как обручальное, — и оно оказалось мне точно впору и очень мне шло. Пожав плечами, я сняла кольцо и небрежно сунула в карман, словно оно и не было изготовлено бургундскими ювелирами из золота высшей пробы. Затем я пошла домой, крепко сжимая находку рукой.

Я увидела, что у нашего крыльца стоит лошадь, в седле сидит всадник, над головой которого вьется на ветру боевое знамя, украшенное белой розой Йорков, а мой отец, остановившись на пороге, читает какое-то письмо. Потом отец обратился к гонцу:

— Передай его величеству, что это большая честь для меня и послезавтра я непременно все устрою.

Человек в седле поклонился, мимоходом отсалютовал отцу и мне, пришпорил коня и ускакал.

— Что случилось? — осведомилась я, поднимаясь на крыльцо.

— Объявлен военный призыв, — с мрачным видом сообщил отец. — Мы все снова отправляемся на войну.

— Только не ты! — в страхе воскликнула я. — Только не ты, отец! Я тебя ни за что не отпущу!

— Не волнуйся, я не иду. Но король приказал мне представить десять воинов из Графтона и пять из Стоуни-Стрэтфорда. Полностью экипированных и готовых воевать с армией короля Ланкастеров под его командованием. Так что нам придется стать перебежчиками. Слишком дорого, как оказалось, обошелся нам обед, которым мы угощали Эдуарда!

— И кто же возглавит твой отряд? — Я ужасно боялась, что отец назовет кого-то из моих братьев. — Не Энтони? Не Джон?

— Им обоим предстоит служить под командованием сэра Уильяма Гастингса, — ответил отец. — Он присоединит их к более опытному и подготовленному войску.

Я помолчала, потом все же спросила:

— А больше гонец ничего не говорил?

— Это военные сборы, — раздраженно заметил отец, — а не приглашение на праздничный завтрак в честь Майского дня.[8] Он сказал лишь, что послезавтра утром армия Эдуарда пройдет мимо нас, так что мои люди должны быть готовы к ней присоединиться.

Отец резко развернулся на каблуках и скрылся в доме, а я так и осталась стоять на крыльце, сжимая в кармане колющее золотое колечко, напоминающее королевскую корону.

За завтраком мать предложила мне, моим сестрам и двум нашим кузинам, гостившим у нас, посмотреть на проходящую мимо армию и проводить на войну наших воинов.

— Зачем это им? — сердито возразил отец. — По-моему, они и так уже видели достаточно

воинов, отправляющихся на войну.

— Хорошо бы все-таки выразить нашим войскам поддержку, — настаивала мать. — Если Эдуард победит, то пусть лучше думает, что мы охотно послали своих людей в его армию. А если проиграет, никто и не вспомнит, что все мы вышли поглядеть, как он проезжает мимо, да ведь можно и отмахнуться, что ничего подобного не было.

— Однако мне все же придется оплатить их экипировку! И вооружить их за свой счет, выдав им то самое оружие, которым я в последний раз воевал как раз против него, Эдуарда! То есть если я собираю людей, отправляю их воевать за Эдуарда и даже покупаю сапоги тем, у кого их нет, — значит, я в любом случае выражаю нынешнему королю свою поддержку. Так или не так?

— Так. И ты должен сделать это в высшей степени охотно и любезно, — заявила мать.

Отец кивнул. В таких вопросах он всегда слушался мою маму и уступал ей. Ведь она была герцогиней, у ее первого мужа, герцога Бедфорда,[9] мой отец в свое время служил всего лишь оруженосцем. Мать также была дочерью графа Сен-Поля,[10] принадлежавшего к бургундской королевской семье. Мало того, будучи первой дамой при дворе Маргариты Анжуйской, мать не знала себе равных в придворных интригах.

— Кстати, муж мой, хорошо бы и тебе пойти с нами, — продолжала мать. — И найти в нашей сокровищнице кошелек золота в подарок его милости Эдуарду Четвертому.

— Кошелек золота! Целый кошелек золота! Чтобы оплатить сражение против законного правителя Англии? Неужели мы окончательно переметнулись на сторону Йорков?

Мать выждала, когда гнев отца утихнет, и пояснила:

— Нам, право, стоит продемонстрировать Эдуарду свою лояльность. Если он победит Генриха и вернется в Лондон королем, то именно его двор и его королевские милости смогут явиться для нашего семейства источником благополучия и широчайших возможностей. Ведь это он будет распределять земли и должности, это он будет разрешать и устраивать браки. А у нас, сэра Ричард, семья довольно большая и дочерей много.

Несколько минут мы сидели, не решаясь поднять головы и опасаясь со стороны отца очередного взрыва гнева. Какое-то время он раздумывал, потом усмехнулся.

— Да благословит тебя Господь, моя чаровница! — воскликнул он. — Ты ведь всегда права. И я поступлю так, как ты советуешь, хоть и наперекор своим собственным желаниям. Можешь даже велеть девочкам, чтобы они украсили себя белыми розами, если, конечно, их можно достать в такое время года.

Мать наклонилась и поцеловала отца в щеку.

— На зеленых изгородях уже расцвел шиповник, — сообщила она. — Конечно, он не так хорош, как садовые розы, но Эдуард правильно поймет наши намерения. А больше нам, собственно, ничего и не нужно.

Разумеется, весь остаток дня мои сестры и кузины пребывали в лихорадочном возбуждении, примеряя наряды, приводя в порядок волосы, обмениваясь лентами и репетируя реверансы. Правда, Елизавета, жена моего брата Энтони, и две самые тихие наши компаньонки заявили, что не пойдут встречать войско, а вот сестры мои прямо-таки себя не помнили от радости. Еще бы: сам король и большая часть его свиты, самые знатные лорды — все они проедут мимо нашего дома! Какая прекрасная возможность произвести впечатление на тех, кто вскоре будет править страной! Если, конечно, победу одержит Эдуард.

— Ты что наденешь? — поинтересовалась моя сестра Маргарита, заметив, что я не участвую в общей суматохе.

— Свое серое платье и серую вуаль.

— Ну, это не самый лучший выбор, и потом, ты очень часто надеваешь это платье по воскресеньям. Почему бы тебе не предпочесть голубое?

Я равнодушно пожала плечами.

— Я иду туда только потому, что этого хочет мама. Вряд ли кто-то из воинов, вновь направляющихся на войну, хотя бы пару раз на нас взглянет.

Вытащив из шкафа свое серое платье, я слегка встряхнула его. Это было мое любимое платье, очень узкое в талии, с небольшим треном сзади. Обычно я подпоясывала его изящным серым кушаком с длинными, низко свисающими концами. Разумеется, я оставила при себе мысль о том, что это серое платье мне гораздо больше к лицу, чем голубое.

— А помнишь, как ты пригласила короля к нам на обед, а он взял да явился? — восторгалась Маргарита. — Почему бы ему снова не посмотреть на тебя — и второй раз, и третий? Он и тогда глаз с тебя не сводил. Ты ему, мне кажется, очень понравилась, ведь он тебе и земли вернул, и на обед к нам пожаловал, и по саду с тобой погулял. Почему бы ему снова не нанести нам визит? Почему бы ему не предпочесть тебя другим дамам?

— Потому что между знакомством и обедом он не получил того, чего хотел! — довольно грубо произнесла я и отшвырнула платье в сторону. — А Эдуард, судя по всему, отнюдь не из тех королей, о доброте и щедрости которых слагают баллады. Цена его доброты оказалась чересчур высока для меня.

— Не может быть! Неужели он намеревался... получить тебя? — в ужасе прошептала Маргарита.

— Именно так.

— Боже мой, Елизавета! И что же ты ему ответила? Как поступила?

— Я ответила «нет». Но это было нелегко.

Мне было даже приятно, что сестра так здорово озадачена.

— Неужели он пытался принудить тебя?

— Не особенно, но пытался. Впрочем, это не имеет значения, — быстро добавила я. — Во всяком случае, я не почувствовала, что значу для него больше, чем любая другая девчонка, вышедшая на обочину дороги.

— Так, может, тебе завтра лучше остаться дома, — задумчиво протянула Маргарита, — раз он так тебя обидел. Ты можешь сослаться на плохое самочувствие. Или, если хочешь, я поговорю с мамой.

— Да нет, я пойду.

И я пожала плечами с таким видом, словно мне это совершенно безразлично.

Утром, впрочем, от моей храбрости не осталось и следа. Проведя бессонную ночь и съев на завтрак кусок говядины с хлебом, выглядела я далеко не лучшим образом и была бела как

мел. И хотя Маргарита старательно натерла мне губы красной охрой, я все равно казалась изможденной и напоминала этакое «прекрасное привидение». Среди моих разодетых сестер и кузин я в своем сером платье и сером головном уборе выделялась, точно послушница среди монахинь. Зато мать, увидев меня, удовлетворенно кивнула.

— Молодец! — заключила она. — Выглядишь как настоящая леди, а не как крестьянка на ярмарке, которая вырядилась во все лучшее!

Впрочем, ее упрек, явно адресованный моим сестрам, повис в воздухе. Сестры так радовались, что им разрешили приветствовать войска, что материнского недовольства чересчур яркими нарядами попросту не замечали. Мы собрались, прошли немного по дороге, ведущей в Графтон, и вскоре увидели на обочине небольшой отряд примерно в дюжину человек — то были отцовские рекруты; новоиспеченные воины стояли, широко расставив ноги, вооруженные кто дрекольем, а кто и дубинкой. Отец каждому выдал флажок с символом белой розы и несколько раз напомнил, что теперь им предстоит сражаться уже за династию Йорков, хотя раньше они, служа в пехоте, бились на стороне Ланкастеров. Теперь им против собственной воли пришлось стать перебежчиками, однако им самим это было, разумеется, совершенно безразлично: не все ли равно, какому господину хранить верность? Они были вынуждены идти на войну, потому что так приказал хозяин, хозяин их полей, домов и почти всего, что они видели вокруг себя. Хозяину принадлежала мельница, где они мололи свое зерно, пивная, куда они ходили. Некоторые из этих людей никогда не бывали за пределами хозяйских владений, так что с трудом могли представить себе некий мир, в котором слово «сквайр» означает не просто «хозяин», не просто сэр Ричард Вудвилл или же его сын-наследник. Пока мой отец являлся сторонником Ланкастеров, его люди тоже защищали интересы этой династии. Когда отец получил титул барона Риверса, для них ничего не изменилось: они по-прежнему принадлежали своему хозяину. И вот теперь он посылал их сражаться за Йорков. Ну что ж, они, как всегда, готовы сделать все, что в их силах. Им пообещали вознаграждение за участие в боях, а также — в случае гибели на поле брани — помощь их вдовам и детям. А больше им и знать ничего не нужно. Это, правда, отнюдь не делало их борцами за идею, однако, приветствуя моего отца, они радостно махали руками, торчавшими из обтрепанных рукавов, стаскивали с головы шапчонки и с оценивающей улыбкой, но ласково посматривали на моих сестер и на меня, а их жены и дети вежливо приседали и кланялись нам.

Послышались боевые позывные, и все головы дружно повернулись в ту сторону. Из-за поворота неторопливой ровной рысцой выехали первые всадники с королевскими знаменами и трубами в руках, за ними — герольды, за герольдами — личная стража короля, в центре ревущей и размахивавшей стягами колонны находился сам Эдуард.

На мгновение мне показалось, что я вот-вот потеряю сознание, но пальцы моей матери крепко стиснули мой локоть, и я постаралась вернуть себе самообладание. Эдуард поднял руку, приказывая войску остановиться, и колонна замерла на месте. За первыми, довольно пестрыми рядами всадников тянулся длинный хвост хорошо вооруженных и, видимо, более опытных воинов; далее следовали рекруты, выглядевшие такими же испуганными и растерянными, как и наши новобранцы; затем тащился обоз из многочисленных повозок с продовольствием, припасами и оружием и тяжелая платформа с пушкой, в которую были впряжены четыре массивных тяжеловоза; завершала процессию беспорядочная толпа: лошади, маркитантки, шлюхи и бродяги всех мастей. Казалось, какой-то небольшой город целиком зашевелился и сдвинулся с места, но только этот маленький город был смертельно опасен, поскольку направлялся творить зло.

Король Эдуард, легко спрыгнув с коня, приблизился к моему отцу, и тот низко поклонился правителю.

— Боюсь, большего отряда мы бы собрать не сумели, ваша милость, — сказал отец. — Но

мои люди поклялись, что станут верно служить вам. Не откажитесь также принять в помощь вашему делу наш небольшой дар.

Тут вперед вышла моя мать и протянула королю кошель с золотом. Эдуард взял кошель, взвесил его на ладони и от всего сердца расцеловал мою мать в обе щеки.

— Вы очень щедры! — воскликнул Эдуард. — Я никогда не забуду оказанной вами поддержки.

Затем он перевел взгляд на меня, стоявшую в окружении сестер, и мы дружно присели в реверансе. Когда я выпрямилась и осмелилась наконец поднять глаза на Эдуарда, он по-прежнему смотрел на меня. На мгновение мне показалось, что все замерло вокруг нас, погрузилось в молчание — вся эта шумная армия, все эти лошади и люди, — и на свете не осталось никого, только он и я. Совершенно не задумываясь о том, что и как я делаю, подчиняясь лишь внутреннему зову, я шагнула навстречу Эдуарду, потом сделала еще шаг и еще, прошла мимо отца и матери и остановилась прямо перед королем, так близко, что он мог бы меня поцеловать, если б захотел.

— Я не могу спать, — прошептал он так тихо, что только я одна могла его слышать. — Я больше не могу спать, не могу, не могу!

— И я не могу.

— И ты?

— Да.

— Правда?

— Да.

Эдуард глубоко вздохнул, словно испытал невероятное облегчение.

— Так это любовь? — спросил он.

— Судя по всему, да.

— И есть я ничего не могу.

— Я тоже.

— И думать ни о чем не могу — только о тебе. Второй такой встречи с тобой мне не вынести — сложно в подобном состоянии идти в бой. Я вдруг поглупел, как мальчишка. И, как мальчишка, схожу по тебе с ума. Да я просто жить без тебя не могу! И не буду — чего бы мне это ни стоило!

Я почувствовала, как жар поднимается к моему лицу, заливая его румянцем, и впервые за много дней поняла, что улыбаюсь.

— И я ни о чем не могу думать, только о вас, — промолвила я. — Ни о чем! Я даже решила, что заболела.

Колечко, напоминающее крошечную корону, вдруг стало тяжело оттягивать мой карман, головной убор больно давил на голову, но я не обращала на это внимания и ничего не замечала вокруг; я видела лишь лицо Эдуарда, ощущала у себя на щеке его теплое дыхание, вдыхала запах его коня, его кожаного седла и — с наслаждением — его собственный запах: восточных пряностей, розовой воды и юношеского пота.

— Я просто с ума схожу, — снова прошептал Эдуард.

Уголки моих губ растянулись в улыбке. Посмотрев наконец ему прямо в глаза, я тихо ответила:

— И я схожу с ума — по вам. Это чистая правда.

— Тогда выходи за меня замуж!

— Что?

— Выходи за меня замуж. Ничего другого нам, видимо, не остается.

Я нервно хихикнула.

— Вы шутите со мной, ваша милость.

— Нет, я говорю совершенно серьезно. Мне кажется, я просто умру, если немедленно не получу тебя. Так ты согласна?

— Да, — выдохнула я.

— Хорошо, тогда завтра утром я приеду к тебе очень рано, и нас сразу же обвенчают в вашей маленькой часовне. Я привезу с собой полкового священника, а ты приведи свидетелей. Выбери тех, кому доверяешь. Наш брак некоторое время придется хранить в тайне. Ты хочешь этого?

— Да.

Эдуард впервые улыбнулся — словно теплый луч солнца осветил его красивые крупные черты.

— Боже мой, ведь я мог бы прямо сейчас заключить тебя в объятия, — заметил он.

— Завтра, — тихо пообещала я.

— В девять утра, — уточнил Эдуард и повернулся к моему отцу, который, поглядывая то на мое раскрасневшееся лицо, то на сияющего короля, тут же осведомился:

— Могу ли я предложить вашей милости немного освежиться и перекусить?

— Нет, спасибо, — отозвался Эдуард. — Но если позволите, я с удовольствием с вами завтра отужинаю. Я буду поблизости охотиться и надеюсь, что моя охота окажется удачной.

— Он поклонился моей матери, мне, кивнул моим сестрам и кузинам, взлетел в седло и обратился к нашим новобранцам: — Стройтесь, ребята! Нам предстоит недолгий бросок и сражение во имя доброго дела. А на привале — славный обед. Храните мне верность, и я стану для вас добрым господином. Я не проиграл еще ни одного сражения, так что, надеюсь, со мною вы будете в безопасности. Ну а после битвы вас ожидает неплохая добыча и благополучное возвращение домой.

Это были именно те слова, которые новобранцы хотели услышать. Они сразу заметно повеселели и, шаркая ногами, встали в шеренгу. Мои сестры замахали букетами мелких, только что распустившихся белых цветов шиповника, запели трубы, и вся армия вновь пришла в движение. Эдуард без улыбки кивнул мне на прощание, а я подняла руку в приветственном жесте и прошептала ему вслед:

— До завтра.

Я все еще сомневалась в Эдуарде, хотя приказала пажу моей матери встать утром пораньше, отправиться в часовню и приготовиться петь псалом. Я сомневалась, даже когда явилась к матери и сообщила, что сам король Англии выразил желание жениться на мне, хотя и тайно. Я попросила мать взять с собой свою фрейлину Екатерину, прийти в часовню и стать свидетелями нашего бракосочетания. Я сомневалась, даже когда холодным утром стояла в своем лучшем голубом платье под сводами маленькой часовни. Я сомневалась в Эдуарде до тех пор, пока не услышала его быстрые шаги на дорожке перед часовней, пока не почувствовала его теплую руку у себя на талии, пока его губы не коснулись моих губ, пока он не обратился к священнику:

— Пожените нас, святой отец, я очень спешу.

Мальчик-паж спел свой псалом, священник произнес нужные слова. Мы с Эдуардом принесли брачные клятвы друг другу. Словно сквозь густой туман я видела радостное лицо матери и разноцветные стеклышки витража, через которые пробивалось солнце, отбрасывая радужные зайчики на каменный пол часовни.

— А обручальное кольцо? — спросил священник.

— Кольцо! — воскликнул король. — О, какой я дурак! Я же совсем позабыл, что у меня нет для тебя обручального кольца! — И он растерянно повернулся к моей матери. — Миледи, не могли бы вы одолжить мне какое-нибудь кольцо?

— Не надо! — вмешалась я, сама себе удивляясь. — У меня есть.

И я вытащила из кармана то самое кольцо, которое так долго и терпеливо выуживала из реки; то самое, которое напоминало крошечную английскую корону; то, которое магия воды подарила мне вместе с исполнением заветного желания. Король Англии собственноручно надел мне это кольцо на палец, и я стала его женой.

И королевой Англии — по крайней мере, королевой Англии из династии Йорков.

Пока мальчик-паж пел венчальную песню, Эдуард крепко обнимал меня за талию, затем повернулся к моей матери и задал вопрос:

— Скажите, миледи, куда я мог бы отвести свою жену?

Мать с улыбкой протянула Эдуарду ключ.

— У нас есть охотничий домик на берегу реки. Дочь моя, ступай с ним в Речной домик, я велела его для вас приготовить.

Эдуард поклонился ей, бегом вынес меня из часовни, усадил на своего огромного коня, сам сел позади и крепко меня обнял, прижимая к себе, когда взял в руки поводья. Впрочем, по берегу реки мы двинулись неспешным ходом; когда я чуть отклонялась назад, то чувствовала, как бешено стучит его сердце. Вскоре за деревьями показался маленький охотничий домик, над ним вился дымок из каминной трубы. Эдуард спрыгнул с коня, опустил меня на землю и отвел коня в стойло, а я тем временем открыла дверь. Обстановка внутри была самая простая, но в камине жарко горел огонь, а на деревянном столе стоял кувшин со свадебным элем и два бокала. У стола также находились два стула, чтобы можно было присесть и закусить хлебом, мясом и сыром; имелась там и просторная деревянная кровать, аккуратно застеленная великолепными льняными простынями. В комнате сразу потемнело, когда Эдуард появился в дверном проеме, почти полностью закрыв его собой. Он вошел, низко наклонив голову, чтобы не удариться о притолоку.

— Ваша милость... — начала я и тут же поправилась: — Милорд... супруг мой и повелитель...

— А ну-ка, жена, быстро в постель! — с огромным удовольствием приказал он.

Утреннее солнце, лучи которого так ярко играли на балках и свежесвыбеленном потолке, когда мы с Эдуардом легли в постель, давно сменилось золотистым послеполуденным светом, и Эдуард, заметив это, сказал мне со смехом:

— Пресвятая Богородица! Как хорошо, что твой отец пригласил меня к ужину! Я просто умираю от голода. Я совершенно обессилел. А ну-ка выпусти меня из кровати, ведьма ты этакая!

— Я ведь еще два часа назад предлагала принести тебе в постель хлеба и сыру, — напомнила я, — но ты не дал мне и трех шагов до стола сделать.

— Другое было важнее, — заявил Эдуард и снова притянул меня к себе.

Я прижалась щекой к его обнаженному плечу, чувствуя аромат его тела, и меня вновь охватил жар страсти. Мы в очередной раз сплели свои тела в объятиях, а когда наконец расплели их и раскинулись на простынях, всю комнату заливал темно-розовый свет догоравшего заката. Эдуард вскочил.

— Мне надо вымыться, — сообщил он. — Хочешь, я и тебе принесу со двора кувшин воды?

Он стоял передо мной, головой касаясь потолка, и я с наслаждением изучала его безукоризненное тело — примерно так торговец лошадьми смотрит на красивого жеребца. Эдуард был высок, строен, с отлично развитой мускулатурой, с широкой грудью и сильными плечами. И он улыбался мне. От счастья у меня перехватило дыхание.

— Ты так глядишь на меня, словно хочешь съесть, — ухмыльнулся Эдуард.

— С удовольствием съела бы! — воскликнула я. — Иначе я просто не знаю, как мне удовлетворить свою ненасытную страсть. Может, мне взять тебя в плен и держать здесь, каждый день понемножку от тебя откусывая?

— А если бы я взял тебя в плен, то наверняка от жадности сразу бы тебя проглотил! — засмеялся он. — Впрочем, ты и так не выйдешь на свободу, пока не забеременеешь.

— О да! — И мне в голову приходила эта замечательная мысль. — Да, конечно! Я рожу тебе много-много сыновей! И все они будут принцами!

— А ты станешь королевой-матерью и основательницей английской династии Йорков, которая, хвала Всевышнему, будет вечно править этой страной!

— Аминь, — преданно глядя на Эдуарда, отозвалась я, не испытывая ни тени смущения, ни дрожи, ни малейшей неловкости. — Храни тебя Господь, мой любимый! И пусть Он вернет тебя ко мне невредимым!

— Я всегда выигрываю в сражениях, — с невероятной самоуверенностью повторил Эдуард, — так что будь спокойна и счастлива, дорогая моя Елизавета. Я не погибну на поле брани.

— И я буду королевой.

Впервые я по-настоящему поняла, что если Эдуард вернется домой, победив в этой битве, а

законный король Генрих VI погибнет, то именно он, мой Эдуард, безоговорочно и по полному праву станет королем Англии, а я — его королевой.

После ужина Эдуард, испросив разрешения у моего отца, первым встал из-за стола, собираясь тут же скакать в Нортгемптон. Его паж заранее пришел к нам в конюшню, напоил и накормил коней, а затем подвел их к крыльцу.

— Я непременно буду завтра вечером, — пообещал Эдуард, прощаясь со мной. — Но сейчас мне необходимо повидать своих людей, проверить, как идет подготовка войска. Завтра я буду занят весь день, но к ночи обязательно появлюсь.

— Приходи прямо в охотничий домик, — шепнула я ему. — Как добрая жена, я буду ждать, приготовив тебе ужин.

— До встречи, — также шепнул он.

Затем, повернувшись к моим родителям, Эдуард поблагодарил их за гостеприимство, кивнул в ответ на их поклоны и умчался.

— Что-то его милость слишком внимателен к тебе, — заметил отец. — Не позволяй ему дурить тебе голову!

— Елизавета — самая красивая женщина в Англии, — тут же вмешалась мать. — А молодой король, как известно, очень любит хорошеньких женщин. Впрочем, наша дочь блюдет свою честь.

И мне опять пришлось ждать. Весь вечер, пока я играла с сыновьями в карты, пока слушала, как они читают на ночь молитвы, готовясь ко сну, и всю ночь. Я чувствовала себя страшно усталой после целого дня восхитительных, но весьма утомительных любовных игр и тем не менее так и не смогла уснуть. Весь следующий день я была точно во сне — ходила по дому, разговаривала с другими людьми, делала все, что полагается, и все время ждала. Ждала, когда наступит ночь, когда он, низко наклонив голову, войдет наконец в дверь охотничьего домика, заключит меня в объятия и скажет: «А ну-ка, жена, быстро в постель!»

Три ночи прошли в этом тумане наслаждений, но потом ранним утром он сказал мне:

— Пора ехать, любовь моя. Теперь мы увидимся, только когда все будет кончено.

Я охнула, мне словно кто-то плеснул в лицо ледяной водой.

— Ты начинаешь войну? — спросила я.

— Да. Войско уже собрано. Мои шпионы сообщили, что Маргарита договорилась с Генрихом, он встретится с ней и ее армией на восточном побережье. Мы выходим немедленно, для начала завяжем бой с Генрихом, а затем быстрым маршем направимся навстречу Маргарите, едва она успеет высадиться на берег.

Эдуард одевался, а я все цеплялась за его рубаху.

— Но ведь ты же не отправишься туда прямо сейчас? — уточнила я.

— Сегодня и прямо сейчас, — ответил Эдуард, ласково убирая мои руки и продолжая торопливо натягивать вещи.

— Но мне невыносима разлука с тобой!

— Мне тоже. Но ничего. Ты постарайся ее выдержать. А теперь послушай меня внимательно.

И передо мной вдруг оказался совсем другой человек, очень отличавшийся от того шального молодого любовника, каким он был в течение этих трех ночей нашего «медового месяца». Сама-то я обо всем на свете позабыла, кроме чувственных наслаждений, а он, оказывается, строил серьезные планы. О да, это был настоящий король, защищающий свое королевство! И я покорно ждала его приказаний.

— Если я одержу победу, что, скорее всего, случится, то вернусь к тебе, и мы при первой же возможности объявим о своем браке. Разумеется, будет немало тех, кто выразит недовольство, но дело сделано, и им придется смириться с неизбежностью.

Я кивнула. Мне было известно, что вечный советник Эдуарда, лорд Уорик, привыкший им командовать, давно уже планировал его брак с французской принцессой.

— Если же удача вдруг от нас отвернется и я погибну, то ты никому не говори ни о нашем супружестве, ни об этих счастливых днях. — Эдуард поднял руку, желая остановить мои возражения, уже готовые сорваться с языка. — Никому ни слова. Ты ничего не выиграешь, оставшись вдовой погибшего самозванца, чья голова будет, разумеется, выставлена на воротах Йорка. Наоборот, это попросту тебя погубит. Ведь сейчас всем известно, что ты дочь семейства, издавна преданного Ланкастерам. Вот этого и следует придерживаться. Ну а меня ты, я надеюсь, не забудешь и помянешь в своих молитвах. Пусть этот брак останется только нашей тайной и о ней будет известно одному лишь Богу. И уж по крайней мере двое из нас троих будут хранить ее, потому что одним из них будет Господь, а другой погибнет.

— Но моя мать знает...

— Она знает, что самый лучший способ обеспечить твою безопасность — это заставить молчать и мальчика-пажа, и ту фрейлину. И твоя мать вполне к этому готова, она все понимает. Я уже дал ей денег.

Я с трудом подавила слезы.

— Что ж, хорошо, я все поняла.

— И еще... Если все сложится плохо, выйди снова замуж. Выбери себе хорошего человека, который будет любить тебя и заботиться о мальчиках, и будь с ним счастлива. Мне бы так хотелось, чтобы ты была счастлива!

Я низко склонила голову, поскольку от горя не могла вымолвить ни слова.

— А теперь вот что: если ты обнаружишь беременность, тебе придется покинуть Англию, — продолжал Эдуард повелительным тоном. — Сразу же откройся своей матери. Я уже общался с нею, и она знает, что делать. Герцог Бургундский повелевает также всей Фландрией, и во имя родства с твоей матерью, а также из любви ко мне он обещал предоставить тебе во владение дом. Если родится девочка, ты сможешь скрываться какое-то время и затем, получив от Генриха прощение, вернуться в Англию. Если ты выждешь еще год, в итоге тебя будет ждать невероятная популярность — мужчины будут с ума сходить, пытаясь добиться твоей руки. Ты станешь прекрасной вдовой погибшего в сражении претендента. Наслаждайся же своей славой — хотя бы ради меня, умоляю. Если же родится мальчик, действовать придется иначе. Мой сын будет наследником трона, наследником династии Йорков. И тебе придется серьезно заботиться о его безопасности. Возможно даже, возникнет необходимость где-то его спрятать, пока он не вырастет и не предъявит свои законные права. Какое-то время он может жить под вымышленным именем в небогатой семье. И на это время тебе придется усмирить ненужную гордыню. Мои братья, Ричард и

Георг, станут его хранителями. Доверься им, они защитят любого из моих сыновей. Но может случиться и так, что умрут и Генрих, и его юный сын, и тогда именно твой сын станет единственным наследником английского трона. Разумеется, я сразу сбрасываю со счетов Маргариту Бофор из дома Ланкастеров.[11] Трон должен получить только мой сын! Таково мое заветное желание. И он его получит, если сможет завоевать его или же если Ричард или Георг завоюют для него этот трон. Ты меня поняла? Ты должна будешь уехать с моим сыном во Фландрию и вырастить его в полной безопасности — ради меня! Чтобы он стал следующим королем из династии Йорков.

— Да, — только и смогла я сказать.

Я понимала, что моя тоска и страх — все это касается уже не только меня одной. Если за несколько дней безумной страсти мы и впрямь сумели зачать сына, это будет не просто дитя любви, а наследник королевского трона, очередной претендент, очередной участник долгого и смертельно опасного соперничества двух династий — Йорков и Ланкастеров.

— Конечно, тебе будет нелегко вынести все это, — добавил Эдуард, увидев, как сильно я побледнела. — И более всего на свете я хочу, чтобы ничего этого никогда не случилось. Но ты все-таки помни: спастись и сохранить жизнь моему сыну ты сможешь только во Фландрии. Я оставил твоей матери достаточно денег, и она знает, куда тебе в таком случае направиться.

— Я буду это помнить, — заверила я. — Но пожалуйста, вернись ко мне!

Эдуард засмеялся. И это был не фальшивый смех, а смех человека действительно счастливого, уверенного в своей удаче и своих возможностях.

— Я обязательно к тебе вернусь, — пообещал он. — Верь мне. Ты вышла замуж за мужчину, который намерен умереть только в собственной постели и желательно после того, как займется любовью с прекраснейшей из женщин Англии!

Эдуард протянул ко мне руки, и я шагнула в его теплые объятия.

— Ты все-таки очень постарайся вернуться, — настаивала я. — А я очень постараюсь всегда оставаться для тебя самой прекрасной женщиной Англии.

Эдуард поцеловал меня, но как-то коротко, словно мыслями был уже где-то в другом месте, и решительно высвободился из моих сомкнутых рук. Я чувствовала, что он покинул меня еще до того, как, низко пригнувшись, шагнул за порог, возле которого уже стоял его паж, держа под уздцы оседланного коня.

Когда Эдуард уже вскочил в седло, я выбежала из дома помахать ему на прощание. Его огромный гнедой жеребец, невероятно сильный и мощный, нетерпеливо приплясывал на месте, выгибая шею и пытаясь подняться на дыбы. Король Англии, натягивающий поводья, был так великолепен на своем боевом коне в лучах солнца, что и мне на мгновение показался совершенно неуязвимым.

— Да хранит тебя Господь! Удачи в бою! — крикнула я, и Эдуард отсалютовал мне, пришпорил коня и помчался на битву с другим законным королем Англии — за жизнь и корону.

Я так и стояла, подняв руку, пока вдали не перестал мелькать его боевой флаг с белой розой Йорков, пока не смолк топот копыт. Я не помнила себя от горя — он уехал от меня, ускакал прочь, встретимся ли мы когда-нибудь?.. И тут, к своему ужасу, я увидела, как мой брат Энтони, явно давно за нами наблюдавший и наверняка видевший сцену прощания, вышел из густой тени и направился прямо ко мне.

— Ах ты шлюха! — бросил он.

Я непонимающе уставилась на брата.

— Что?

— Ты шлюха! Ты опозорила наш дом, свое имя и имя своего бедного покойного мужа, который погиб, сражаясь с этим узурпатором! Да простит тебя Господь, Елизавета, но я немедленно все рассказываю отцу. Надеюсь, он просто отправит тебя в монастырь, а не придушит в ту же минуту!

— Нет!

Я решительно шагнула к Энтони и схватила его за плечо, но брат стряхнул мою ладонь.

— Не трогай меня, паршивка! Я не желаю, чтобы ты прикасалась ко мне теми же руками, какими только что оглаживала этого Йорка!

— Энтони, ты все неправильно понял!

— Что ж мне, собственным глазам не верить? — разъяренно прошипел он. — Или ты меня околдовала? Ты у нас, часом, не фея Мелюзина? Не прекрасная богиня, которая так любит купаться в лесных источниках? Может, и тот, кто недавно с тобой расстался, всего лишь рыцарь, поклявшийся верно тебе служить? Или все мы вдруг попали в Камелот,^[12] где процветает прекрасная благородная любовь? Значит, здесь у нас царит чистая поэзия, а не вонь сточной канавы?

— Да, это прекрасная благородная любовь! — не выдержала я.

— Да ты даже значения этого слова не понимаешь! Ты самая настоящая шлюха! Вот увидишь, когда они в следующий раз будут проезжать мимо нас, этот Йорк передаст тебя сэру Уильяму Гастингсу; он всегда так поступает со своими девками.

— Он любит меня!

— Так он говорит всем и каждой.

— Но он действительно меня любит! И вернется ко мне...

— Он всем это обещает.

Я пришла в такую ярость, что даже попыталась ударить Энтони, но брат ловко уклонился, не желая получить кулаком в нос. И тут заметил, что у меня на левой руке блеснуло золотое кольцо. Впрочем, это не остановило его насмешки.

— Неужели он тебе колечко подарил? И ты надеешься, что на меня произведет впечатление этот залог любви?

— Никакой это не залог любви! Это обручальное кольцо! Настоящее обручальное кольцо, Эдуард надел мне его на палец во время настоящей брачной церемонии! Мы с ним обвенчались.

Едва это победоносное заявление сорвалось с моих уст, я сразу поняла: Энтони ничем не проймешь.

— Великий боже, да ведь он тебя обманул! — огорченно воскликнул брат. Он обнял меня и прижал к груди мою голову. — Бедная моя сестренка, бедная моя дурочка!

— Сейчас же отпусти! — Я вырвалась. — Никакая я не дуручка! Как ты смеешь так меня называть?

Энтони печально, с горькой усмешкой смотрел на меня.

— Дай-ка я попробую догадаться, — продолжал он. — Это ведь было тайное венчание в частной часовне, верно? И никто из его друзей или придворных при этом не присутствовал. Неужели он даже лорду Уорику ничего не сказал? И тебе он, наверное, велел пока помалкивать, так? И все отрицать, если кто-то спросит.

— Да. Но...

— Ты вовсе ему не жена, Елизавета. Он тебя обманул. Это бракосочетание было всего лишь притворством, он все подстроил, и ваш брак не имеет никакого веса ни в глазах Господа, ни в глазах людей. Он обвел тебя вокруг пальца с помощью какого-то дрянного колечка и подставного священника. Ему просто хотелось поскорее затащить тебя в постель!

— Неправда!

— Ты пойми, этот человек надеется остаться королем Англии. Стало быть, ему нужно жениться на принцессе! А вовсе не на какой-то вдове-попрошайке из вражеского лагеря, которая вышла на дорогу, чтобы молить его о возвращении вдовьей доли. Если уж Эдуард и сыграет свадьбу с англичанкой, то это наверняка будет одна из самых знатных особ, принадлежащая к дому Ланкастеров, возможно Изабелла, дочь лорда Уорика. Зачем ему связываться с женщиной, отец которой воевал против него? Впрочем, скорее всего, он женится на какой-нибудь богатой европейской принцессе — на испанской инфанте или французской дофине. В любом случае он должен заключить такой брак, чтобы чувствовать себя на английском троне в относительной безопасности и завести надежных союзников. Лорд Уорик никогда ему не позволит жениться по любви на какой-нибудь хорошенькой мордашке! Да он и сам отнюдь не дурак, так что вредить себе не станет.

— Он совершенно не обязан поступать так, как хочет лорд Уорик! Эдуард — король!

— Он — марионетка Уорика! — отрезал мой брат. — Лорд Уорик просто решил поддержать его — как когда-то отец Уорика поддержал отца Эдуарда. Без их помощи ни твой любовник, ни его отец никогда не сумели бы воплотить в жизнь свои планы по поводу трона. Лорд Уорик — известный «делатель королей», это он слепил из твоего любовника короля Англии. И можешь быть совершенно уверена: он найдет для него и соответствующую королеву. Уорик сам выберет для Эдуарда невесту, и Эдуард непременно на ней женится!

Я потрясенно молчала.

— Но Эдуард уже выбрал! — наконец пролепетала я. — Он не может больше ни на ком жениться! Он уже женился — на мне.

— Игра, шарада, маскарад — и ничего больше.

— Неправда! Там были свидетели.

— Кто?

— Во-первых, наша мать! — выложила я свой главный козырь.

— Наша мать?

— Да, наша мать и ее фрейлина.

— А отец знает? Он там был?

Я молча покачала головой.

— Я так и думал! И кто же там был еще? Кто они, эти твои многочисленные свидетели?

— Наша мать, Екатерина, священник и мальчик-певчий, — сообщила я.

— Что за священник?

— Я его не знаю. Ему король приказал явиться в часовню.

Брат пожал плечами.

— Если это вообще священник! Скорее всего, это просто кто-то из его шутов или приятелей, согласившийся оказать ему услугу и сыграть такую несложную роль. Даже во время ордалии Эдуард сможет легко все отрицать, поскольку этот брак не был заключен по всем правилам. И потом, что значит слово трех женщин и одного мальчика против слова короля Англии? Он запросто может приказать, и всех вас арестуют под каким-либо предлогом и продержат с годик в тюрьме, а он тем временем благополучно женится на любой принцессе. Да он вас с матерью просто вокруг пальца обвел!

— Клянусь тебе, он действительно меня любит!

— Не исключено, — согласился брат. — Возможно, он любил каждую из тех, с кем переспал, а их сотни. Подумай, что будет, когда это сражение закончится и Эдуард, окрыленный победой, поскачет домой. Что, если он снова увидит на обочине дороги какую-нибудь хорошенькую девушку? Да он через неделю о тебе и думать забудет!

Я коснулась своей щеки и обнаружила, что она мокрая от слез.

— Я непременно расскажу маме, какие гадости ты мне тут наговорил! — слабым голосом пригрозила я, точно в детстве; впрочем, эта фраза и тогда не особенно пугала Энтони.

— Давай сейчас вместе отправимся к ней, — предложил брат. — Уверю тебя: наша мать совсем не обрадуется, когда поймет, что ее так обманули, что заставили подтолкнуть к позорной связи собственную дочь.

Мы молча прошли через рощу и по знакомому мостику перебрались через реку. Поравнявшись со старым ясенем, я мельком на него глянула, но не заметила на стволе никаких следов той нити. Нить, петли, клубок — все исчезло; не было ни малейших доказательств, что тут кто-то творил волшебство. Навсегда сомкнулись и воды реки, из которой я вытащила свое обручальное кольцо. И я уже не была уверена, что магия подействовала. Я уже сомневалась в том, что она вообще существует. У меня осталось только маленькое золотое колечко, напоминающее крошечную корону, но это, возможно, ровным счетом ничего не значило...

Мать возилась в аптечном огороде, который по ее приказу был разбит у боковой стены дома. Увидев, как мы с Энтони решительно приближаемся к ней на расстоянии шага друг от друга и упрямо молчим, она выпрямилась. Держа в руках корзинку с травами, мать ждала, когда мы подойдем ближе, и внутренне готовилась к неприятной беседе.

— Здравствуй, мой мальчик, — поздоровалась она с Энтони.

Брат опустился перед матерью на колени, а она с улыбкой благословила его, положив ладонь на его светловолосую голову. Затем он встал, взял ее руку в свои и заявил:

— По-моему, этот ваш король солгал и тебе, и моей сестре. Бракосочетание происходило в такой тайне, что, судя по всему, не найдется ни одного достойного человека, который сможет подтвердить его подлинность. Не сомневаюсь, Эдуард устроил весь этот маскарад, желая просто переспать с Елизаветой, и теперь, разумеется, станет отрицать, что женат на ней.

— Значит, ты так думаешь? — степенно уточнила мать.

— Именно. И кстати, он уже не впервые устраивает такое венчание, чтобы затащить девушку в постель. Он и раньше позволял себе подобное, и мне известна женщина, которая в итоге так и не дождалась от него обручального кольца, зато родила ему бастарда.

Мать по-прежнему держалась с великолепным спокойствием.

— Как он поступал прежде, это его личное дело, — заметила она, слегка пожав плечами. — Но я собственными глазами наблюдала за всем обрядом, Эдуард дал клятву перед алтарем, и я готова держать пари: вернувшись, он объявит Елизавету своей женой!

— Да никогда он этого не сделает! — горячился Энтони. — И моя сестра будет обещана. Да еще и опозорена в случае беременности.

Мать с улыбкой смотрела в сердитое лицо Энтони.

— Если ты прав и он действительно намерен отрицать свой брак с Елизаветой, тогда ее и впрямь ожидает весьма жалкое будущее, — согласилась она.

Я не выдержала и отвернулась. Всего несколько минут назад мой возлюбленный умолял меня во что бы то ни стало уберечь от опасности нашего сына и объяснял, как это сделать, а теперь мои близкие опасаются, что этот еще не родившийся ребенок станет причиной моего падения!

— Я ухожу. Пойду лучше повидаюсь со своими сыновьями, — холодно произнесла я. — Не желаю больше все это слушать. И обсуждать это более не хочу. Я была честна с Эдуардом, и он будет честен со мной, а вы еще пожалеете, что сомневались в нем!

— Дурочка ты, — упрекнул меня Энтони, которого мои слова, судя по всему, ничуть не впечатлили. — Вот чего мне действительно жаль. — Он повернулся к матери и добавил: — Ты пыталась играть по-крупному и сыграла блестяще, но на кон поставила жизнь и счастье дочери против честного слова всем известного лжеца.

— Возможно, — по-прежнему невозмутимо ответила мать. — Ты у нас, сынок, человек мудрый, философ. Но уверяю тебя: кое-что я знаю гораздо лучше. Даже сейчас.

Я медленно побрела прочь, и ни один из них меня не окликнул.

И снова мне пришлось ждать. Впрочем, ждать пришлось всему королевству. Все мы ждали, когда же станет известно, кого нам приветствовать как короля, кто отныне будет править страной. Мой брат Энтони даже послал своего человека на север — разведать что и как, и мы все предвкушали его приезд и рассказ о том, сумели ли объединиться войска Генриха и Маргариты, состоялась ли битва и осталась ли удача на стороне короля Эдуарда. Только в мае слуга брата вернулся домой; он побывал далеко на севере, близ Хексема, и там познакомился с человеком, который поведал ему о состоявшемся сражении, страшном и кровавом. Я слушала, стоя в дверях, и не решалась войти; мне хотелось знать, чем все закончилось, но только без подробностей — мне они давно уже не требовались, чтобы представить себе бой, в нашей стране все привыкли к бесконечным воспоминаниям о войнах. Каждый ее житель не раз слышал, что в данный момент армии выходят на боевые позиции, а

может, и собственными глазами видел атаку, отступление или ту мучительную паузу, когда войска вынуждены перегруппировываться. У каждого были родственники или знакомые в тех городах и деревнях, что лежали на пути победившей армии, стремившейся теперь лишь мародерствовать и насилловать. У каждого имелась в запасе не одна история о несчастных женщинах, пытавшихся найти убежище в церкви и тщетно звавших на помощь. Каждый понимал: эти бесконечные войны разорвали на части нашу страну, разрушили благополучие и дружеские отношения с соседями, уничтожили не только доверие к иностранцам, но и любовь между родными братьями; мы забыли, что дороги бывают безопасными, а преданность своему королю — искренней. Однако ничто не могло положить конец этим сражениям.

Мы все продолжали бороться, стремясь к окончательной победе и надеясь, что некий победоносный король принесет нам мир, но окончательной победы не выходило, и мира не получалось, и ни один король никак не мог утвердиться на троне.[13]

Наконец посланец Энтони перешел к главной части своего затянувшегося повествования. Армия короля Эдуарда одержала победу, причем решительную, обратив в бегство войско Ланкастеров. Король Генрих, бедный «странствующий король», [14] не понимал толком, где он находится и что с ним происходит, даже пребывая в собственных покоях в Вестминстере. В итоге он бежал на пустоши Нортумберленда, и за его голову, как за голову преступника и изгоя, была назначена награда. Так Генрих и скитался, лишенный слуг, друзей и последователей, невольно пересекая границы и нарушая их, точно дикая птица клушица.

Его жена, королева Маргарита Анжуйская, некогда ближайшая подруга моей матери, скрылась в Шотландии вместе с принцем-наследником. Она потерпела сокрушительное поражение, а ее муж был попросту раздавлен. Но все в стране понимали: Маргарита никогда не смирится и вновь начнет создавать всевозможные заговоры, строить далеко идущие планы и отстаивать интересы своего сына — она действовала в точности так, как Эдуард советовал действовать и мне в отношении нашего тогда еще не родившегося сына. Было ясно, что Маргарита не остановится до тех пор, пока не вернется в Англию и не развяжет очередную войну. Она не остановится, пока не умрут ее муж, а может, и сын и ей будет просто некого посадить на английский трон. Я думала о том, что непросто в наши дни быть королевой Англии. Маргарита вела борьбу за трон в течение почти десяти лет — с тех самых пор, когда ее супруг, по сути, утратил способность управлять страной и Англия стала напоминать перепуганного зайчишку, брошенного в поле перед сворой охотничьих собак и мечущегося в поисках спасения то в одну, то в другую сторону. И я понимала: хуже всего, что именно так может случиться со мной, если Эдуард вернется, назовет меня своей королевой и у нас с ним родится сын и наследник. Моему молодому возлюбленному предстояло стать правителем ненадежного, неуверенного в себе государства, а мне — женой этого новоявленного правителя, предъявившего свои права на королевский престол.

И Эдуард действительно вернулся. Для начала, правда, он послал мне весточку о том, что выиграл сражение, сломил осаду Бамбургского замка и вскоре заедет к нам, когда его армия двинется на юг. Моему отцу он пообещал прибыть к обеду, а в крошечной личной записке, адресованной мне, нацарапал, что непременно останется на ночь.

Я показала эту записку матери.

— Можешь сообщить Энтони, — сказала я, — что мой муж мне по-прежнему верен.

— Я ничего не буду сообщать Энтони, — холодно заявила мать.

А мой отец, в общем, оказался даже рад, что примет у себя короля-победителя.

— Мы правильно поступили, дав ему своих людей, — обратился он к матери. — Да благословит тебя Господь за эту идею, любовь моя! Ведь он действительно одержал победу,

и мы в очередной раз — благодаря тебе — оказались на стороне победителя.

Мать улыбнулась.

— У этого военного конфликта, как и всегда, могло быть два исхода. И это вовсе не я, а Елизавета заставила Эдуарда повернуться в нашу сторону. Это ведь ее он хочет проведать.

— Может, у нас по такому случаю найдется хороший кусок отвисевшейся говядины? — Отец задумался. — Идея! Мы с Джоном и мальчиками отправимся на соколиную охоту и добудем немного дичи.

— Не беспокойся, мы устроим в честь Эдуарда отличный обед, — заверила мать.

Она так и не проронила ни слова о том, что в нашей семье имеется куда более важный повод для праздничного пира. Мать по-прежнему молчала о том, что король Англии на мне женился, и я начинала подозревать, что и она считает, будто Эдуард меня обманул.

Впрочем, совершенно невозможно было понять, что именно у моей матери на уме, когда она глубоким реверансом приветствовала нового короля. В ее поведении не просматривалось ни малейшего намека на фамильярность, дозволенную любой женщине в отношении собственного зятя. Но и холодностью ее обращение с королем отнюдь не отличалось, хотя эта холодность наверняка появилась бы, если бы мать сочла, что Эдуард обвел нас обеих вокруг пальца. Мать весело и учтиво приветствовала его как короля-победителя, а он ее — как знатную даму, бывшую герцогиню; со мной же они оба обращались как с любимой дочерью семейства.

Обед прошел весьма успешно, впрочем, этого и следовало ожидать, хотя отец был страшно возбужден и прямо-таки переполнен совершенно ненужным бахвальством; однако мать, как всегда, держалась элегантно и сдержанно, а сестры, тоже как всегда, пребывали в состоянии глуповатого восхищения. Зато мои братья яростно безмолвствовали. После обеда король попрощался, вскочил на коня и якобы поскакал обратно в Нортгемптон, а я, набросив плащ, помчалась по знакомой тропинке к охотничьему домику у реки.

Естественно, Эдуард добрался туда раньше меня; его огромный боевой конь уже стоял в стойле, а паж успел завалиться на сеновал. Эдуард молча обнял меня. Я тоже молчала. У меня вполне хватало ума, чтобы не приветствовать вернувшегося с войны мужа всевозможными жалобами и подозрениями. Когда он прикасался ко мне, я мечтала об одном: чтобы он делал это снова и снова, а когда он целовал меня, мне хотелось, чтобы это никогда не кончалось, чтобы звучали самые сладостные для моего уха слова: «А ну-ка, жена, быстро в постель!»

Утром, когда я расчесывала волосы перед маленьким серебряным зеркалом и укладывала пряди в высокую прическу, Эдуард остановился у меня за спиной, наблюдая за моими действиями. Порой он брал золотистый локон, наматывал его на палец и любовался тем, как играет на блестящих прядях утренний свет.

— Ты мне мешаешь, — улыбнулась я.

— Так это я специально! Не убирай свои чудесные волосы. Я так люблю, когда они свободно струятся у тебя по плечам!

— Господин мой и повелитель, ну когда же мы объявим о нашем браке? — спросила я, глядя на Эдуарда в зеркало.

— Только не сейчас, — быстро ответил он. Слишком быстро: он явно все заранее обдумал.

— Милорд Уорик страстно желает женить меня на принцессе Боне Савойской, дабы обеспечить нам гарантированный мир с Францией. Мне потребуется выждать подходящий момент и сообщить ему, что этот брак невозможен. Думаю, он тоже не сразу привыкнет к подобному положению вещей.

— Значит, через несколько дней? — уточнила я.

— Скорее, недель, — уклончиво произнес Эдуард. — Уорик будет страшно разочарован, ведь он получил бог знает какие взятки, чтобы этот брак состоялся.

— Выходит, он не очень-то тебе предан, раз берет взятки.

— Нет. Уж он-то мне предан! Да, он берет у французов деньги, но не с целью обмануть меня, ведь мы с ним заодно. Я знаю его с детства. Он учил меня биться на турнирах, подарил мне мою первую шпагу. И отец его был для меня как второй отец. А самого Уорика я всегда воспринимал как своего старшего брата. Если бы его не было рядом, я и сражаться за английский трон никогда бы не стал. Его отец помог взойти на престол моему отцу, сделав его истинным наследником английских королей, а Ричард в свою очередь поддержал меня. Он мой замечательный наставник и большой друг. Он обучил меня почти всему, что я умею, как в сражениях, так и в управлении государством. Придется нам не спешить, поскольку я должен выбрать удобный момент, когда смогу рассказать ему о нас, о том, что не в силах противостоять твоим чарам. Я не поступлю с ним иначе.

— Уорик так важен для тебя?

— Это величайший человек в моей жизни.

— Но рано или поздно ты откроешь ему правду? — допытывалась я, стараясь сохранять непринужденность и легкость. — Ты представишь меня всем как свою законную супругу?

— Да, разумеется. Как только это будет уместно.

— Но можно мне, по крайней мере, поделиться с отцом? Чтобы мы могли встречаться не таясь, как муж и жена?

Эдуард рассмеялся.

— Уж лучше сразу городскому глашатаю! Нет, любовь моя, тебе придется еще какое-то время хранить наш брак в секрете.

Я надела свой высокий головной убор с ниспадающей вуалью и молча завязала ленты под подбородком. От тяжести этого убора у меня сразу заболела голова.

— Ты ведь веришь мне? Елизавета, ты мне веришь? — поинтересовался Эдуард, ласково наклоняясь ко мне.

— Да, — солгала я. — Я верю тебе всей душой.

Когда мы прощались с Эдуардом, Энтони стоял рядом со мной, приветственно подняв руку и неестественно улыбаясь.

— А ты, значит, с ним не едешь? — саркастически усмехнулся он. — И в Лондон за новыми нарядами тоже не собираешься? И ко двору пока представлена не будешь? Не будешь присутствовать на благодарственном молебне в качестве королевы.

— Сначала он должен все рассказать лорду Уорику, — сообщила я. — И все ему объяснить.

— Это лорд Уорик все ему объяснит! — вдруг рассердился мой брат. — Это он ему напомним, что король Англии не может позволить себе жениться на нетитулованной особе, что не пристало королю Англии брать в супруги женщину, определенно не являющуюся девственницей, да к тому же не имеющую ни знатного происхождения, ни состояния. А твой драгоценный Эдуард отмахнется, что это была просто шутка, что на венчании не было ни лордов, ни придворных, что его молодая жена даже собственным родителям об этом венчании не говорила, что обручальное кольцо она носит в кармане; и после подобных рассуждений они оба согласятся, что этот брак ни гроша не стоит, что на него можно не обращать никакого внимания, словно его никогда и не было. Эдуард уже не раз делал так прежде, так он поступит и теперь; так он и будет вести себя до тех пор, пока в нашем королевстве не переведутся глупые женщины, — а значит, всегда!

Я повернулась к Энтони, и он, заметив, как исказилось мое лицо, тут же изменил тон.

— Что с тобой, Елизавета? Не гляди на меня так!

— Да мне без разницы, признает он меня своей женой или нет! — гневно выкрикнула я. — Ты, глупец, совсем ничего не понял! Дело вовсе не в том, хочу ли я стать королевой, и даже не в том, любит ли он меня. Это я схожу по нему с ума, это я влюбилась как безумная! Да я бы босиком за ним пошла, если б потребовалось! Ну повтори еще раз, что таких, как я, великое множество. Мне все равно! Меня больше не заботит ни мое честное имя, ни моя гордость. Пока у меня есть возможность еще хоть раз увидеть его, это единственное, к чему я стремлюсь; я хочу просто любить его. И на сегодняшний день у меня одно желание: встретить его снова и почувствовать, как он меня любит!

Энтони крепко обнял меня и прижал к груди, ласково поглаживая по спине.

— Ну конечно, он тебя любит, — твердил он. — Разве кто-то из мужчин способен остаться к тебе равнодушным? А если он тебя не любит, значит, он просто тупица.

— Я так люблю его! — жалким голосом пробормотала я. — Я любила бы его, даже если б он был никем.

— Нет, не любила бы, — мягко возразил Энтони. — Ты истинная дочь своей матери, и не зря в твоих жилах течет кровь водной богини. Ты рождена быть королевой, и, возможно, все еще сложится замечательно. Возможно, он действительно тобой дорожит и не откажется от тебя.

Откинув назад голову, я посмотрела брату в лицо.

— Но ты в это не веришь?

— Нет, — признался Энтони. — Если честно, мне кажется, сегодня было ваше последнее свидание.

СЕНТЯБРЬ 1464 ГОДА

Эдуард прислал мне письмо. В нем он обращался ко мне как к леди Елизавета Грей, называл «любовь моя», а не «жена», так что это письмо не давало мне никаких дополнительных доказательств нашего брака, если бы он все-таки вздумал его отрицать. Эдуард писал, что очень занят, но скоро пошлет за мной. В тот период он со своим двором пребывал в Рединге, на юге Англии. Эдуард обещал переговорить с лордом Уориком, просто никак не мог найти

для этого достаточно времени из-за постоянно продолжавшихся заседаний Королевского совета, которому предстояло решить огромное количество самых разнообразных вопросов. Король Генрих, потерпев поражение, все еще не был пойман и по-прежнему скитался где-то в холмах Нортумберленда; королева Маргарита бежала на родину, во Францию, и потребовала там помощи, а потому прочный союз с Францией был куда более важен, чем прежде. Неплохо было бы отсечь Маргариту от ее французских советчиков и обрести уверенность в том, что она не получит поддержки в своей борьбе за английский престол. Впрочем, Эдуард ни словом не обмолвился о том, что его брак с французской принцессой устранил бы все эти проблемы. Зато он уверял, что по-прежнему меня любит, прямо-таки сгорает от страсти и страшно тоскует в разлуке. Хотя это были обычные слова и обещания пылкого любовника, ничего особенного не значившие и ни к чему не обязывающие.

Тот же гонец привез послание и моему отцу. Отца приглашали принять участие в заседании Королевского совета в Рединге. Думаю, подобное приглашение получил каждый знатный дворянин. Моим братьям, Энтони, Джону, Ричарду, Эдварду и Лайонелу, тоже предстояло отправиться в Рединг.

— Пиши мне подробно обо всем, — наставляла отца мать, когда все мы их провожали и смотрели, как они садятся на коней.

Верхом они выглядели точно маленький боевой отряд — отличных все-таки сыновей родила и воспитала моя мать!

— Эдуард наверняка созывает нас, собираясь объявить, что женится на этой французской принцессе, — ворчал отец, наклоняясь и подтягивая подпругу. — И что в этом хорошего? Принесет ли нам добро союз с французами? Да и прежде много от него было толку? И все-таки Эдуарду придется заключить с ними сделку: ему необходимо заставить замолчать Маргариту Анжуйскую. Если все выгорит, его жена-француженка будет рада видеть тебя при дворе, все-таки вы родня.

Моя мать даже глазом не моргнула при упоминании о возможном браке Эдуарда с француженкой.

— Пиши мне подробно обо всем, — повторила она. — Храни тебя Господь, муж мой, возвращайся скорее.

Отец наклонился в седле и поцеловал ей руку, потом развернул коня и поскакал к большой дороге, ведущей на юг. Щелкнув хлыстами, братья двинулись за ним следом, подняв шляпы и выкрикивая слова прощания. Мои сестры махали руками как заведенные, а моя невестка Елизавета сделала реверанс Энтони, и тот с достоинством отсалютовал поднятой рукой сначала ей, затем моей матери и мне. Лицо у Энтони было мрачное.

Но всего два дня спустя именно он первым написал мне письмо и послал с ним своего личного слугу, который чуть не загнал коня, несясь без передышки, словно безумный.

Сестра, ты победила, и я сердечно рад за тебя. Произошла жуткая ссора — прямо-таки настоящее землетрясение! — между королем и лордом Уориком. Милорд представил королю брачный договор, согласно которому тот должен жениться на принцессе Боне Савойской, как все и ожидали. Король положил договор перед собой, гордо поднял голову и, держа в руке перо, заявил лорду Уорлику, что никак не может жениться на принцессе, поскольку уже связан узами брака. В зале стало так тихо, что, по-моему, было бы слышно, если б на пол упал волосок; казалось, даже ангелы на небесах затаили дыхание. Клянусь, я отчетливо слышал, как у лорда Уорлика бешено стучало сердце, когда он попросил короля повторить только что сказанное. Король весь побелел, точно впечатлительная девица, но тем не менее повернулся

к лорду Уорику и, глядя ему прямо в глаза (чего мне лично никогда не хотелось сделать!), заявил, что все планы и обещания лорда Уорика напрасны. Тут вдруг милорд схватил короля за руку, точно тот малый ребенок, и потащил его из зала заседаний в свой личный кабинет, а все остальные так и остались на своих местах, кипя и булькая, как рагу из турнепса, озвучивая самые разнообразные предположения и делаясь всевозможными пересудами.

Я же, воспользовавшись возможностью, отвел в уголок отца и заметил, что теперь, пожалуй, королю не грех и объявить, что женат он на тебе. Мне совершенно не хотелось, чтобы и мы выглядели так же глупо, как пресловутый лорд Уорик. Хотя, если честно, я и тогда еще опасался: а вдруг король возьмет и признается, что его законная жена не ты, а какая-то другая дама. Ведь светские сплетники не раз упоминали о такой особе, весьма, кстати, благородного происхождения, даже более высокого, чем мы с тобой; и у нее вроде бы даже имеется сын от Эдуарда. Прости меня, сестра, но ты даже не представляешь, сколь дурной репутацией король пользовался прежде. В общем, мы с отцом, точно мартовские зайцы, вздрагивали, не поймешь от чего, хотя двери личного кабинета Уорика по-прежнему были закрыты и король находился там наедине с человеком, который его создал и который — Господь не даст мне солгать — может столь же быстро с ним и покончить.

Разумеется, Лайонелу тут же захотелось выяснить, о чем это мы с отцом шепчемся. Потом и Джон присоединился. Слава богу, хоть Эдвард и Ричард куда-то удалились, так что повторять историю мне пришлось только два раза; братья, как, впрочем, и отец, все никак не могли поверить в правдивость моих слов, и мне стоило огромного труда заставить эту троицу вести себя тихо. Думаю, ты легко можешь представить, как это выглядело.

Прошло не меньше часа, но никто так и не осмелился покинуть зал Совета, не узнав, чем закончилось дело. Ах, сестрица, благородные лорды мочились в камин, но боялись хоть на минуту выйти из зала! Наконец двери распахнулись, и появился король, явно потрясенный состоявшейся беседой, за ним следовал весьма мрачный Уорик. Король, впрочем, тут же взял себя в руки и, изобразив самую веселую и любезную улыбку, обратился к собравшимся: «От всей души, милорды, благодарю вас за терпение. Я счастлив и горд сообщить вам, что женат на леди Елизавете Грей». Эдуард кивнул нашему отцу и, клянусь, посмотрел на меня так, точно молил успокоить старика и удержать его на ногах; в общем, мне пришлось крепко схватить отца за плечи и чуть ли не пришпилить его к полу. Эдвард на всякий случай подхватил отца с другой стороны, а Лайонел перекрестился с таким важным видом, словно уже стал архиепископом. Впрочем, отец быстро взбодрился, и мы с ним стали горделиво раскланиваться направо и налево, нацепив на лица дурацкие улыбки и делая вид, будто нам давным-давно все известно и мы просто из чистой деликатности не упоминали прилюдно о том, что являемся тестем и шурином короля Англии.

Эдвард и Ричард, вернувшиеся в этот и впрямь довольно затруднительный момент, явно чувствовали себя несколько растерянными, и нам пришлось поспешно пояснить им, что мир за последние несколько минут перевернулся вверх ногами. Однако братья справились с ситуацией куда лучше, чем можно было себе представить, и даже умудрились вовремя закрыть рты. Они скромно стояли рядом со мной и отцом, и люди воспринимали наше растерянное молчание как проявление затаенной, но спокойной гордости. На самом же деле мы ощущали себя полными идиотами, хоть и старались вести себя любезно и обходительно. Ты просто представить не можешь, какой после слов короля поднялся крик и гвалт, какие посыпались жалобы! Хотя никто, насколько я слышал, не осмелился на речи о том, что король, дескать, слишком низко пал; впрочем, не сомневаюсь, у меня за спиной и в кулуарах многие выражали именно такое мнение, да и сейчас его придерживаются. Между тем сам король, высоко подняв свою светловолосую голову, весьма откровенно поведал собравшимся, как был заключен его брак с тобой. Затем мы с отцом подошли и встали по обе стороны от него, а наши братья выстроились у нас за спиной; никто не мог бы отрицать, что мы являемся очень красивым семейством; во всяком случае, все мужчины в нашем роду весьма высокие и стройные. В общем, дело сделано, поздно было отрицать свершившийся

факт. Так что ты с полным правом можешь передать матери, что затеянная ею крупная игра и впрямь принесла немалый выигрыш: ты станешь королевой Англии, а мы — частью королевской семьи, даже если никому в Англии не хочется видеть нас в этом качестве.

Отец держал рот на замке, пока мы не оказались достаточно далеко от зала Совета, но все это время прямо-таки сгорал от нетерпения. Клянусь, глаза у него чуть не выскочили из орбит, да и сам он едва не лопнул, пока мы добирались до дома! Но как только мы переступили порог, я ответил на все его вопросы и обо всем рассказал более обстоятельно — насколько, разумеется, это известно мне самому. Теперь отец страшно негодует: почему от него скрыли женитьбу, ведь он-то устроил бы все наилучшим образом, максимально осторожно и осмотрительно. Впрочем, он понимает, что стал тестем короля Англии, и, я думаю, простит вас с мамой за то, что вы применяли свои женские хитрости втайне от него. После этого наши братья дружно куда-то удалились и здорово напились в кредит — наверное, на их месте так поступил бы каждый. Лайонел теперь клянется, что непременно станет Папой Римским.

Твой новый муж явно ошарашен поднявшимся шумом, и ему теперь будет очень трудно помириться со своим прежним наставником. Сегодня вечером лорд Уорик отказался с ним обедать, да и вообще может стать для него весьма опасным врагом. Зато нам предстоит обедать с королем, и наши с ним интересы полностью совпадают. Мир действительно переменялся, по крайней мере для нас, Риверсов, и мы, возможно, так поднимемся, что прямо-таки поплывем в небесах над холмами. Теперь мы стали страстными поклонниками Йорков, так что не удивляйся, если отец прикажет устроить зеленые изгороди в нашем поместье сплошь из белых роз да еще и к шляпе этот цветок приколет. Передай матери, что, какой бы магией во имя осуществления своих планов она ни пользовалась, безусловно, она заслуживает самого восторженного восхищения не только со стороны своего мужа, но и сыновей. Впрочем, если всему виной не волшебство, а лишь твоя красота, это ничуть не умаляет нашего восхищения вами!

Тебе теперь следует прибыть сюда, в Рединг, и предстать перед королевским двором. Приказ короля будет отослан завтра. Сестрица, я тебя предупреждаю и прошу: оденься как можно скромнее и возьми с собой самый маленький эскорт. Разумеется, это завистников не успокоит, но нам не стоит еще больше осложнять обстановку, она и так достаточно накалена. Теперь мы стали врагами почти всем знатным семьям королевства. И даже те, с которыми мы вовсе не знакомы, будут проклинать выпавшую нам удачу и желать скорейшего падения. Честолюбивые отцы, имеющие хорошеньких дочерей, никогда не простят тебе брака с Эдуардом! Нам до конца жизни придется быть начеку. Благодаря тебе, сестра, мы обретаем огромные возможности, но одновременно подвергаем себя серьезному риску. Я, например, став шурином английского короля, теперь более всего мечтаю спокойно дожить до старости и умереть в собственной постели, пребывая в мире со всеми. Твой брат Энтони.

А пока что — то есть до моей мирной кончины — я, пожалуй, попрошу своего зятя сделать меня герцогом.

Моя мать так тщательно планировала нашу поездку в Рединг и представление всего нашего семейства Эдуарду, словно сама являлась королевой-воительницей. Каждому родственнику, который мог бы что-то получить от нашего возвышения или же поспособствовать укреплению новых позиций, занятых Риверсами в обществе, мать отправила поистине командирский приказ прибыть в Лондон на мою коронацию. Приглашены были даже бургундские родственники по материнской линии. Мать считала, что именно они более всего свидетельствуют о моем знатном, поистине королевском происхождении, доказать которое было нам особенно необходимо; и потом, в нашем неустойчивом мире иметь за границей могущественных родственников в высшей степени полезно — как для поддержки, так и на

случай бегства.

Мать даже начала составлять список подходящих женихов и невест для моих сестер и братьев, а также выбирать тех отпрысков знатных семейств, которых — в своих интересах, разумеется, — можно было бы взять под опеку и вырастить в королевской детской. Мать отлично знала — и уже начала учить этому меня, — как происходит при английском дворе распределение должностей и земельных владений. С этим механизмом она неплохо ознакомилась, поскольку в первый раз была замужем за членом королевской семьи герцогом Бедфордом и являлась тогда второй дамой в королевстве после самой королевы из династии Ланкастеров. Впрочем, и теперь матери предстояло стать второй дамой в королевстве, но уже после меня, королевы из династии Йорков. В общем, никто лучше моей матери не умел возделывать ту благодатную пашню, которая называется в Англии королевской властью.

Мать слала Энтони бесконечные указания относительно тех платьев, которые он должен заказать у портных, чтобы к моему приезду у меня сразу же имелся новый гардероб. Однако мать прислушалась к совету брата: нам стоит подниматься на эту новую, невероятно высокую ступень нашего общественного положения тихо и неспешно, не проявляя особой радости и ликования, ведь мы совершили прямо-таки немыслимый прыжок из стана побежденных ланкастерцев в стан победоносных йоркистов. Моим сестрам и кузинам, а также невестке Елизавете предстояло отправиться с нами в Рединг, но кавалькадой весьма скромной, без пышного эскорта со знаменами и трубами. Отец мой писал, что нашему внезапному возвышению завидуют очень многие, однако сам он более всего опасается сэра Уильяма Гастингса — ближайшего друга короля, лорда Уорика — великого союзника и наставника короля, а также родственников Эдуарда: королевы-матери, его сестер и братьев, которым предстоит более других потерять при появлении новых фаворитов.

Я хорошо помнила, как глянул на меня Гастингс во время моей первой встречи с королем: словно я придорожная торговка, жалкая коробейница, попрошайка! Я пообещала себе, что никогда больше он так на меня не посмотрит. Мне казалось, что с Гастингсом я справиться сумею. Он искренне любил короля, любил так, как никто другой, а потому я надеялась, что он примет любой выбор Эдуарда и станет этот выбор защищать. А вот лорд Уорик меня по-настоящему пугал. Я была уверена: этот человек ни перед чем не остановится, все сделает по-своему. Еще мальчиком он стал свидетелем того, как его отец восстал против законного короля и посадил на трон представителя соперничающей династии Йорков.[15] Когда же его отец погиб при Уэйкфилде вместе с Ричардом Йоркским, Уорик сразу продолжил дело отца и добился коронации Эдуарда, когда тому не исполнилось еще и девятнадцати лет. Уорик был на тринадцать лет старше Эдуарда — взрослый мужчина по сравнению с таким юнцом. Так что никто не сомневался: посадив этого мальчишку на трон, Уорик намерен стать теневым правителем Англии. То, что Эдуард сам выбрал себе жену, стало первым свидетельством: молодой король возжелал обрести самостоятельность и освободиться от опеки своего вечного наставника. Можно было не сомневаться: лорд Уорик во что бы то ни стало постарается предотвратить любые дальнейшие проявления подобного своеволия; его не зря называли «делателем королей». Еще будучи на стороне Ланкастеров, мы всегда говорили, что йоркисты — это всего лишь марионетки в руках лорда Уорика, а он и его семья — опытные кукловоды. И теперь, выйдя замуж за одну из «марионеток», я понимала, что Уорик и меня попытается заставить плясать под его дудку. Но поздно было что-либо предпринимать; мне оставалось лишь попрощаться с сыновьями, взять с них обещание, что они будут слушаться воспитателей и вести себя хорошо, вскочить на новую лошадку, специально присланную мне королем для этого путешествия, и вместе с матерью и сестрами выехать в Рединг — навстречу своему будущему.

Матери я честно призналась, что мне страшно.

Поравнявшись со мной, она откинула капюшон плаща, чтобы я могла видеть ее ободряющую уверенную улыбку.

— Ну что ж, — сказала она, — это вполне естественно. Но я немало времени провела при дворе Маргариты д'Анжу, — мать всегда называла королеву Маргариту на французский манер, — и могу поклясться: роль королевы тебе подходит никак не меньше, чем ей!

Я невольно хихикнула: и это говорит женщина, которая являлась истинной confidentкой Маргариты Анжуйской, первой дамой ее двора!

— Что-то, мама, ты совсем по-другому запела!

— О да! Так ведь теперь я пою совсем в другом хоре. Тем не менее это чистая правда: ты никак не можешь стать для нашей страны худшей королевой, чем была Маргарита, — да поможет ей Бог, где бы она сейчас ни находилась.

— Мама... ведь ее мужем был человек, который большую часть их совместной жизни пребывал... не в себе.

— Ну и что? Маргарита всегда поступала как хотела, вне зависимости от того, был ли Генрих святым, мыслил ли он разумно или же временно утрачивал рассудок. Она, например, завела себе любовника, — весело добавила мать, не обращая внимания на мой смущенный вид и мое изумленное «ах!». — Да-да, любовника. А от кого же, по-твоему, она родила своего сына Эдуарда? Уж точно не от Генриха, который в то время[16] чуть ли не на год онемел, оглох и почти ничего не соображал, — тогда-то и был зачат этот ребенок, а через девять месяцев появился на свет. Да нет, я уверена: ты справишься не хуже ее. Даже лучше, можешь в этом не сомневаться. А уж Эдуард и вовсе станет править куда успешнее этого святого придурка, храни его Господь, беднягу. Остальное очень просто: тебе следует родить своему мужу сына-наследника, защищать бедных и невинных и продвигать интересы своей семьи. Вот и все. Уверяю, тебе это вполне по плечу. Да любая дурочка, имея честное и доброе сердце, умных родственников-интриганов и кошелек, полный золота, легко с этим справилась бы.

— Но во дворце очень многие меня ненавидят, — ответила я и поправила: — Нас ненавидят.

Мать кивнула.

— В таком случае сначала убедись, что получила от короля все те милости, которых желала, и все нужные тебе должности, прежде чем до них доберутся твои недруги. Существует немало прекрасных должностей, которые могли бы занять твои братья; и я знаю нескольких весьма знатных лордов, за которых могли бы выйти замуж твои сестры. Постарайся уже в первый год своего брака завладеть всем необходимым, после этого положение твое станет достаточно прочным, а все войска — полностью преданными. И мы будем готовы к любому обвинению, которое выдвинут против нас, так что, даже если твое влияние снизится в связи с ослаблением власти самого короля, вряд ли что-то будет представлять для нас реальную угрозу.

— Но милорд Уорик... — нервно начала я.

— Да, это наш враг, — произнесла мать таким тоном, что мне стало ясно: нам предстоит долгая и кровавая битва с этим человеком. — За Уориком всегда следи и веди себя с ним в высшей степени осторожно. В отношении милорда Уорика нам всем придется быть начеку. Тебе следует опасаться и братьев короля: герцога Кларенса, этого очаровательного Георга, и герцога Глостера, этого мальчишки Ричарда. Они оба также станут твоими врагами.

— Но почему? Они же родные братья Эдуарда.

— Сыновья, которых ты родишь, оставят их без наследства. А твое влияние заставит короля от них отвернуться. Пока эти братья, лишившись отца, бок о бок сражались за интересы

своей семьи, они действительно были вместе. Эдуард, называя себя и своих братьев тремя сыновьями Йорка, видел в небесах знак судьбы — три солнца. Но теперь он захочет быть с тобой, а не с ними. И его милостивые дары — земли, должности и прочие ценности, — которые могли бы получить его братья, достанутся тебе и твоему семейству. Георг стал бы наследником престола после Эдуарда, Ричард — после Георга, но, как только у тебя появится первенец, они сразу опустятся на одну ступень ниже.

— Я собираюсь всего лишь стать королевой Англии, — возразила я. — А по твоим словам выходит, что мне предстоит война не на жизнь, а на смерть!

— Да, именно: не на жизнь, а на смерть, — спокойно подтвердила мать. — Именно это и означает быть королевой Англии. Ты же не Мелюзина, поднимающаяся из вод источника навстречу легкому счастью. И при дворе ты будешь не просто красивой женщиной, которой нечем заняться, кроме магии. Выбранный тобою путь означает, что тебе придется всю жизнь строить хитроумные планы и сражаться с недругами. И наша задача — задача твоих родных и близких — сделать так, чтобы ты непременно победила.

Увидев под сенью деревьев прекрасную купальщицу, рыцарь прошептал ее имя: «Мелюзина!» В ответ на его призыв она восстала из вод, и он увидел, что до пояса она — женщина, исполненная холодной и совершенной красоты, но ниже пояса тело ее покрыто рыбьей чешуей. Мелюзина пообещала, что придет к нему, станет его женой и сделает его настолько счастливым, насколько вообще может быть счастлив мужчина в браке со смертной женщиной. А еще она пообещала, что непременно обуздает дикую сторону своей натуры, свой переменчивый, точно волны прилива, характер, и будет благонравной, достойной всяческого подражания, так что он сможет ею гордиться. Но взамен она попросила рыцаря кое-что ей позволить. Она должна время от времени уединяться и иметь возможность возвращаться в родную стихию, поскольку лишь в воде она становится самой собой и смывает с себя все тяготы обычной женской доли, вновь превращаясь — пусть и совсем ненадолго — в богиню вод. Мелюзина понимала, как нелегко ей будет в обличье смертной женщины, как ей придется страдать душой и телом, но знала, что сможет обрести необходимое равновесие, хотя бы немного побыв в одиночестве и погрузившись в воду, где солнечные зайчики снова заиграют на ее рыбьей чешуе. Рыцарь пообещал, что даст ей все, чего она желает, — впрочем, так ведут себя все влюбленные мужчины. И Мелюзина поверила, заглушив сомнения, возникшие у нее в душе, — как и случается со всеми влюбленными женщинами.

Мой отец и братья поскакали из Рединга нам навстречу, так что в городе я появилась в окружении всех своих родных. Вдоль дороги стояли толпы людей, и очень многие видели, как мой отец подъехал ко мне, спрыгнул с коня, снял с головы шляпу и опустился передо мной на колени прямо в дорожную пыль. То был знак высшего ко мне, королеве Англии, уважения, но я была не готова к этому и в тревоге воскликнула:

— Встань, отец!

Отец медленно поднялся и снова низко мне поклонился.

— Вам придется привыкать к этому, ваша милость, — заявил он.

Когда же отец выпрямился и посмотрел на меня, я ответила:

— Отец, мне неприятно видеть, как ты мне кланяешься!

— Ваша милость, теперь вы — королева Англии, и вам должны кланяться все, кроме одного.

— Но ведь ты же не перестанешь звать меня Елизаветой, как раньше?

— Только когда мы будем наедине.

— И будешь дарить мне свое благословение?

Отец широко улыбнулся, давая мне понять, что между нами все останется как прежде.

— Теперь, девочка моя, всем нам придется играть в королей и королев. Ты в этом семействе новичок, к тому же крайне для него нежелательный. Мне и в голову не приходило, что тебе удастся пленить короля Йорков. Да и того, что этот парень все же захватит английский трон, я никак не ожидал. Так что сейчас нам предстоит построить другой мир, создать новую королевскую династию. И мы должны стать больше королями, чем сами короли, иначе в нас попросту никто не поверит. Впрочем, не могу утверждать, что я сам до конца в себя верю!

Тут к нам приблизились мои братья, они дружно сорвали с голов шляпы, как и отец, и преклонили предо мной колена прямо в дорожной пыли. Оставаясь в седле, я сверху вниз посмотрела на Энтони, который еще совсем недавно называл меня шлюхой, а моего мужа — лжецом.

— Можешь теперь так и стоять на коленях, — обратилась я к Энтони. — Ну, говори, кто из нас был прав?

— Ты, — весело отозвался брат. Он тут же вскочил, поцеловал мне руку, снова оседлал коня и добавил: — Зато я дал тебе возможность насладиться своим триумфом!

Остальные братья тоже по очереди поцеловали мне руку, а я улыбалась им, по-прежнему находясь в седле, и у меня было такое ощущение, словно все мы вот-вот дружно расхохочемся и станем подшучивать над собственной самонадеянностью.

— Кто бы мог подумать?.. — изумленно промолвил Джон. — Ведь никто и представить не мог!

— Где же король? — осведомилась я, когда наша маленькая процессия двинулась дальше и миновала городские ворота.

Улицы с обеих сторон были забиты народом — и простым людом, и главами гильдий, и купцами, и ремесленниками; отовсюду доносился веселый смех и похвалы моей красоте. Услышав парочку соленых фраз в мой адрес, Энтони вспыхнул и стиснул луку седла рукой в рыцарской перчатке. Заметив это, я положила ладонь ему на запястье.

— Успокойся, — прошептала я. — Ничего страшного, люди любят посмеяться. Их хлебом не корми, дай только кого-нибудь поддеть. Ведь венчание действительно было тайным, мы не можем этого отрицать, значит, придется как-то пережить подобные шутки. Кстати, ты не поможешь делу своей оскорбленной физиономией.

Энтони тут же раздвинул губы в омерзительном оскале, явно пытаясь изобразить светскую улыбку, и спросил, стараясь не опускать уголков старательно изогнутых губ:

— Нравится? Это моя придворная улыбка! Я сам ее изобрел и постоянно ею пользуюсь, особенно когда беседую с Уориком или этими юными герцогами, братьями короля.

— На редкость приятная улыбка! — одобрила я, стараясь не расхохотаться. — Боже мой, Энтони! Неужели мы действительно это переживем? Надеюсь, все кончится добром.

— Не только переживем, но и окажемся победителями, — заверил Энтони, сразу став серьезным. — Только нужно держаться вместе.

Мы свернули на главную улицу, и теперь нас окружали наспех сделанные знамена и изображения святых, вывешенные прямо из окон в знак приветствия новой королевы. Мы подъехали к аббатству, и там наконец я увидела моего Эдуарда в окружении придворных и советников; на нем были золотистые одежды и алый плащ, на голове красовалась алая шляпа. Как всегда, он выделялся в толпе, будучи самым высоким и самым красивым. Да, это, несомненно, был настоящий король Англии! Он тоже меня заметил, наши глаза встретились, и у меня сразу же возникло такое ощущение, будто вокруг никого нет, я почувствовала такую легкость, что помахала Эдуарду рукой, словно деревенская девчонка. Он не стал дожидаться, пока я сойду на землю и торжественно проследую к нему по расстеленному ковру. Бросив свою свиту, Эдуард подбежал ко мне, снял с лошади и крепко обнял.

По толпе зевак прокатился довольный рев, раздались аплодисменты, но придворные потрясение молчали, видя, как страсть безнаказанно нарушает протокол.

— Жена моя, — прошептал Эдуард мне на ухо, — моя жена! Боже мой, до чего же мне приятно вновь тебя обнять!

— Ах, Эдуард, — так же тихо произнесла я, — мне было очень страшно!

— Ничего, мы же победили! — сказал он гордо. — Теперь мы всегда будем вместе! И я сделаю тебя королевой Англии!

— А я сделаю тебя счастливым. — Я вспомнила свою клятву, принесенную ему во время венчания. — И буду всегда красивой и веселой — как в супружеской постели, так и у хозяйской плиты.

— К черту плиту! — грубовато заявил Эдуард, и я, спрятав лицо у него на плече, тихонько засмеялась от счастья.

Дальше мне предстояло знакомство с его матерью. Перед обедом Эдуард проводил меня в ее личные покои, поскольку на торжественную встречу, устроенную мне придворными, она так и не явилась. И я совершенно справедливо сочла это первой попыткой королевы-матери меня унижить. Первой из многих. Эдуард расстался со мной у ее дверей, объяснив это тем, что его мать выразила желание побеседовать со своей невесткой наедине.

— И как, по-твоему, она меня примет? — поинтересовалась я, страшно нервничая.

— Ну что она может тебе сделать? — усмехнулся Эдуард.

— Именно это я и хотела бы знать, прежде чем войду туда и окажусь с ней лицом к лицу, — сухо отозвалась я и прошла мимо Эдуарда в услужливо распахнутые слугами двери.

Впрочем, я была не одна: моя мать и три мои сестры тут же проследовали за мной, точно эскорт из только что назначенных фрейлин. Правда, стремились мы туда с той же охотой, с какой ведьмы, осужденные за колдовство, плетутся к дыбе.

Вдовствующая герцогиня Сесилия[17] сидела на высоком кресле, покрытом государственным флагом, и даже не подумала встать и поздороваться со мной. На ней было роскошное платье, расшитое самоцветами у выреза на груди и по подолу; голову ее украшал крупный,

почти квадратный головной убор, который она носила гордо, точно корону. Ну что ж, думала я, все правильно: я стала женой ее сына, но пока что не прошла интронизацию, вот она и не считает нужным мне кланяться и, разумеется, по-прежнему воспринимает меня как врага, как сторонницу Ланкастеров, как представительницу той партии, что противоборствует ее сыну. Презрительный поворот головы Сесилии и холодность ее улыбки отчетливо подтверждали, что я для нее почти простолюдинка, словно сама она появилась на свет в королевской семье! За «троном» моей свекрови стояли три ее дочери — Анна, Елизавета и Маргарита, — одетые весьма аккуратно и скромно, видимо, чтобы не затмить красоту своей матери. Маргарита, очень хорошенькая девушка, такая же светловолосая и высокая, как ее братья, застенчиво улыбнулась мне, своей невестке, но ни одна из сестер не сделала мне навстречу и шагу. Никто не поцеловал меня в знак приветствия; атмосфера в гостиной была холодна, как озерная вода в декабре.

Я склонилась перед герцогиней в реверансе, хотя и не слишком низким, выказав ей уважение как своей свекрови, и успела заметить, как моя мать поклонилась ей лишь слегка, с великолепным достоинством и тут же гордо выпрямилась и высоко подняла голову. Вот она была действительно королевой во всем, разве что короны не хватало!

— Не стану притворяться и делать вид, что в восторге от этого брака, да еще и заключенного втайне, — начала вдовствующая герцогиня Сесилия весьма неприязненным тоном.

— Не втайне, а в нашей часовне в присутствии свидетелей, — возразила моя мать; получилось весьма к месту.

Герцогиня изумленно умолкла, но сдержалась; она лишь вскинула свою безукоризненно изогнутую бровь.

— Прошу прощения, леди Риверс. Вы, кажется, что-то сказали? — осведомилась она.

— Ни моя дочь, ни ваш сын никогда бы не забылись настолько, чтобы заключить свой брак втайне, — заявила моя мать.

В ее речи вдруг послышался сильный бургундский акцент. Впрочем, по всей Европе этот акцент считался признаком особой элегантности и высокого стиля. Моя мать наиболее простым способом напомнила присутствующим, что она — дочь графа Сен-Поля и по рождению принадлежит к бургундской королевской семье. Всем также было известно, что она являлась близкой подругой королевы Маргариты, и они звали друг друга просто по имени; мать единственная продолжала называть ее Маргаритой д'Анжу, делая сильный нажим на «д» в ее титуле. Кроме того, моя мать, выйдя в первый раз замуж за представителя королевской семьи, главу королевского двора Ланкастеров и французского регента, стала герцогиней Бедфорд, тогда как эта женщина, с таким гордым видом сидевшая перед нами, по рождению была всего лишь леди Сесилией Невилл из Рейби-Касла.

— Разумеется, — продолжала моя мать, — это не было тайным венчанием. Присутствовали свидетели, в том числе и я. Само венчание проходило в нашей семейной часовне.

Герцогиня явно не собиралась сдаваться.

— Но ваша дочь — вдова! И она гораздо старше моего сына!

— Ну, вашего сына тоже вряд ли можно назвать неопытным юнцом. Его репутация всем известна. И кстати, между ним и моей дочерью всего пять лет разницы.

Фрейлины герцогини дружно охнули, а ее дочери тревожно затрепетали. Одна лишь Маргарита смотрела на меня с сочувствием, словно желая предупредить, что мне не будет спасения от тех унижений, которые незамедлительно последуют. Мои сестры, как и я, в те

минуты более всего напоминали каменные изваяния — словно ведьмы, которые исполняли некий магический танец да так и застыли под воздействием злокозненных чар.

— Но в этом есть и хорошая сторона, — рассуждала между тем моя мать, стараясь придать беседе более дружелюбный характер. — По крайней мере, мы уверены, что они оба не бесплодны. Ведь, насколько я знаю, у вашего сына есть несколько бастардов, а моя дочь успела родить от своего законного мужа двух прелестных мальчиков.

— Мой сын из плодovитой семьи. У меня, например, было восемь сыновей! — сообщила герцогиня.

Мать согласно кивнула, и шарф на ее головном уборе взлетел, точно парус, полнясь ветром ее гордости.

— О да, — отозвалась она, — вы правы. У вас действительно родилось восемь мальчиков. Но из этих восьми в живых осталось лишь трое. Как печально! Кстати, у меня пятеро сыновей. Пятеро. И семь дочерей. Так что Елизавета тоже из весьма плодovитой семьи, к тому же королевских кровей. Думаю, мы можем надеяться, что Господь благословит наших детей чудесным потомством.

— И тем не менее! Это был не мой выбор и не выбор лорда Уорика! — Голос герцогини задрожал от гнева. — Мне было бы плевать на этот брак, если бы Эдуард не стал королем. Я бы смотрела на его фокусы сквозь пальцы, будь он третьим или четвертым сыном в семье. Тогда Эдуард мог бы пасть даже так низко...

— Возможно. Но к нам это не имеет никакого отношения. Эдуард — уже король. А король есть король! Бог свидетель, Эдуард выиграл немало сражений, доказывая свое право на престол.

— Но я могла ему помешать! — снова ринулась в бой герцогиня Сесилия, явно не сдерживая своего бешеного нрава; щеки ее ярко вспыхнули. — Я могла бы отречься от Эдуарда, я могла бы не признать в нем наследника и вместо него посадить на трон Георга! Как бы вам это понравилось? Каков тогда был бы результат вашего «законного венчания» в так называемой частной часовне, леди Риверс?

Фрейлины герцогини побледнели и дружно покачнулись. Маргарита, боготворившая брата, прошептала: «Мама!» — но ничего более прибавить не осмелилась. Эдуард никогда не был любимчиком герцогини. А обожаемый ею Эдмунд погиб вместе со своим отцом в сражении при Уэйкфилде, после чего ланкастерцы, одержавшие победу, выставили их головы на воротах Йорка. Средний из братьев, Георг, являлся не только любимцем матери, но и баловнем всей семьи. А самый младший, Ричард, темноволосый, слабосильный и невысокий, считался неудачным последышем в этом выводке, и на него почти не обращали внимания. Просто невероятно, как легко эта женщина сказала о том, что могла бы отказаться от одного из своих сыновей или поменять их местами, нарушая все законы и порядки!

— Как? — воскликнула моя мать, призвав на помощь все свое умение блефовать. — Неужели вы решились бы низвергнуть собственного сына?

— А если бы он оказался незаконным сыном своего отца и моего супруга? А если...

— Мама! — жалобно воскликнула Маргарита.

— Но как это возможно? — В голосе моей матери прозвучал сладкий яд. — Неужели вы решились бы объявить родного сына бастардом? А себя, что же, причислили бы к шлюхам? Всего лишь назло нам? Только чтобы подставить нам подножку? Неужели вы бы уничтожили собственную репутацию и сделали роконосцем своего покойного мужа? После того, как его

голову выставили у ворот Йорка, надев на нее в насмешку бумажную корону? Впрочем, та корона — сущие пустяки по сравнению с рогами, приготовленными ему супругой. Неужели вы решились бы опозорить собственное имя, а имя супруга покрыть куда большим позором, чем его враги?

В свите герцогини послышался шум, затем тихий вскрик, и бедная Маргарита пошатнулась, видимо теряя сознание. Я же и мои сестры — полурыбы, потомки могущественной Мелюзины, — держались стойко и лишь во все глаза следили за этим поединком, во время которого наша мать и мать короля, точно два озверевших, рубящихся на топорах участника рыцарского турнира, говорили сейчас друг другу нечто совершенно невыносимое.

— Есть немало таких, кто поверил бы мне, — угрожающе произнесла герцогиня Сесилия.

— Что ж, тогда это тем более постыдно, — решительно заключила моя мать. — В Англии действительно ходили слухи о том, кто настоящий отец Эдуарда. Если честно, я относилась к тем немногим, кто готов был поклясться, что дама из столь знатной семьи никогда не пала бы так низко. Однако и я, и все прочие слышали, разумеется, сплетни о некоем лучнике по имени — как там его?.. — Мать сделала вид, что забыла, и даже постучала себя по лбу. — Ах да, вспомнила: Блейбурн. Так вот, якобы этот лучник Блейбурн и был вашим любовником. Но я всегда утверждала — как, впрочем, и Маргарита д'Анжу, — что такая благородная дама, как вы, никогда не унилась бы до такой степени. Ей бы и в голову не пришло лечь в постель с простым лучником, а тем более родить от него бастарда, принести этого ребенка своему мужу в дом и качать его в фамильной колыбели!

Имя Блейбурн прозвучало так, словно в комнату с грохотом влетело пушечное ядро, прокатилось по полу и замерло ровно посередине. Моя мать действительно никого и ничего не боялась.

— И кстати, герцогиня, — продолжала она, — если бы даже вы заставили лордов свергнуть короля Эдуарда, то кто стал бы поддерживать вашего нового короля Горга? И смогли бы вы после этого доверять своему младшему сыну Ричарду? Были бы вы уверены, что Ричард не предпримет собственной попытки занять трон? А разве ваш родственник и большой друг вашей семьи, лорд Уорик, не пожелал бы в таком случае прибрать корону к рукам? И почему бы им всем не развязать тогда новую войну друг с другом? Не вырастить еще одно поколение заклятых врагов, разрывающих страну на куски и заставляющих брата воевать с братом, готовых уничтожить тот хрупкий мир, который с таким трудом ваш старший сын завоевал для себя, для своей семьи и для своей страны? И вы готовы разрушить все ради пустяка, просто ради того, чтобы отомстить? Всем известно, как безумно честолюбивы представители дома Йорков, но неужели нам будет дана возможность еще и увидеть, как вы начнете пожирать друг друга, подобно тому, как перепуганная кошка поедает только что рожденных котят?

Это было уже слишком. Вдовствующая герцогиня протянула к моей матери руку, словно умоляя ее помолчать.

— Нет, нет! Довольно. Довольно...

— Я обращаюсь к вам как друг, — поспешила успокоить ее моя мать, изворотливая, как речной угорь. — И ваши бездумные речи, направленные против короля, дальше этой комнаты не выйдут. Ни мои девочки, ни я сама никогда не стали бы прилюдно повторять столь скандальные и предательские заявления. Мы постараемся попросту забыть то, что вы имели неосторожность высказать. Но право, мне очень жаль, что вам вообще пришли в голову подобные мысли. И меня до глубины души удивляет, как это вы решились произнести столь ужасные вещи вслух.

— Довольно, — повторила мать Эдуарда. — Я всего лишь хотела, чтобы вы хорошенько уяснили: этот необдуманный брак не соответствует моему выбору. Но я понимаю, что

вынуждена с ним смириться. Вы доказали мне, что я должна принять его, как бы он меня ни раздражал, как бы ни уязвлял мою гордость, как бы ни порочил моего сына и мой дом. Что ж, будь по-вашему. — Сесилия тяжело вздохнула. — Видимо, до конца дней своих мне суждено нести это тяжелое бремя.

— Такова была воля самого короля, а ему все мы обязаны подчиниться, — напомнила моя мать, утверждаясь на завоеванных позициях. — Король Эдуард нашел себе жену. Она будет королевой Англии и первой дамой в государстве. И никто не посмеет поставить под сомнение тот факт, что моя дочь — самая прекрасная из королев, когда-либо сидевших на английском троне.

Мать Эдуарда, в свое время также прославившаяся редкой красотой — ее даже называли «розой Рейби», — впервые посмотрела на меня не без некоторого удовольствия.

— Полагаю, в этом отношении вы правы, — ворчливо согласилась она.

А я, поклонившись ей, весело спросила:

— Так можно мне называть вас матерью?

Как только завершилась первая «радостная» встреча с матерью Эдуарда, мне пришлось готовиться к следующему испытанию: Эдуард собирался представить меня своему двору как королеву. Заказы, которые Энтони по моей просьбе сделал лондонским портным, были выполнены вовремя, так что с гардеробом у меня проблем не возникло. Для своего первого выхода я приготовила красивое платье бледно-серого цвета с жемчужной отделкой и глубоким вырезом спереди. Его широкий пояс расшили жемчугом, а рукава сделали совсем простыми, длинными, из легкого шелка. К этому платью я надела высокий головной убор конической формы с ниспадающим серым шарфом. Выглядело это одновременно и богато, и ошеломляюще скромно. Когда моя мать заглянула ко мне узнать, готова ли я, мой внешний вид в высшей степени ее удовлетворил; мать взяла меня за руки и расцеловала в обе щеки.

— Прекрасно, моя красавица! — воскликнула она. — Теперь никто не сможет усомниться, что Эдуард женился на тебе, потому что влюбился с первого взгляда. Как раз такие чувства и воспевают трубадуры! Да благословит Господь вас обоих, моя милая!

— Меня уже ждут? — нервно поинтересовалась я.

Мать указала подбородком на дверь моей спальни.

— Они все уже там, в приемной: лорд Уорик, герцог Кларенс и еще с полдюжины лордов.

Я глубоко вздохнула и, придерживая руками высокий головной убор, кивнула своим фрейлинам; они тут же распахнули широкие двустворчатые двери, и я, по-королевски подняв голову, вышла навстречу придворным.

Лорд Уорик, весь в черном, стоял у камина. Этот крупный мужчина лет сорока, с широкими, как у быка, плечами и грудью, смотрел на огонь, горевший в камине; его суровое лицо было повернуто ко мне в профиль. Услышав, что двери отворились, он повернулся, взглянул на меня, нахмурился, но заставил себя улыбнуться.

— Ваша милость... — промолвил он, поклонившись.

Я сделала реверанс, заметив, однако, что улыбка ничуть не согрела его темных глаз. Уорик, безусловно, рассчитывал, что сможет и далее управлять Эдуардом. Ведь он уже пообещал королю Франции устроить тот выгодный брак, но все его усилия пошли прахом. И люди уже

задались вопросом, по-прежнему ли он, лорд Уорик, обладает сильным влиянием на молодого короля, или же Эдуард отныне принимает решения самостоятельно.

Герцог Кларенс, он же Георг, любимый брат Эдуарда, стоял рядом с Уориком и выглядел как настоящий принц Йорков: золотоволосый, готовый в любую минуту улыбнуться, изящный даже в самой расслабленной позе. Мне он показался прекрасной, утонченной копией моего мужа. Георг и впрямь был невероятно хорош собой и отлично сложен. Он поклонился мне с поразительной грацией, точно профессиональный танцор-итальянец, и на устах его заиграла поистине обворожительная улыбка.

— Ваша милость, — начал он, — я так рад обрести еще одну сестру! С удовольствием приветствую вас в связи со столь неожиданным браком моего брата и желаю вам всего наилучшего в вашем теперешнем новом качестве.

Я подала Георгу руку, а он притянул меня к себе и тепло расцеловал в обе щеки.

— Я действительно желаю вам много радости и счастья! — весело прибавил он. — А мой братец оказался настоящим везунчиком! Честное слово, мне будет очень приятно называть вас своей сестрой.

Я повернулась к графу Уорику.

— Знаю, мой муж очень любит вас и доверяет вам как брату и другу, — сказала я. — Для меня большая честь познакомиться с вами.

— Ну что вы, это для меня большая честь! — тут же откликнулся Уорик. — Итак, ваша милость, вы готовы?

Я оглянулась: мои сестры и мать уже выстроились за мной к торжественной процессии.

— Да, мы готовы, — ответила я.

И мы — по одну сторону от меня герцог Кларенс, по другую граф Уорик — медленно направились в часовню аббатства, продвигаясь по узкому проходу в сплошной толпе людей, которая лишь слегка расступалась при нашем приближении, давая дорогу.

Сначала мне показалось, что всех собравшихся я когда-либо видела при дворе; они были в парадных одеждах и желали лично приветствовать меня, свою новую королеву. Но потом я заметила довольно много людей — пожалуй, несколько сотен, — которые были совершенно мне незнакомы, все это явно были йоркисты. Впереди стояли лорды в нарядных плащах, отделанных мехом горностаем; за ними — представители менее знатного дворянства, они выставили напоказ всевозможные украшения и тяжелые золотые цепи, свидетельствовавшие об их высоких должностях. Олдермены и члены Королевского совета, прибывшие из Лондона, сбились в тесную кучку, ожидая, когда их представят. Были там и отцы города. В зале присутствовали также властители Рединга, они тщетно пытались пробиться вперед из задних рядов и оказаться замеченными. Кроме того, им хотелось собственными глазами увидеть все происходящее, но, увы, мешали высоченные, украшенные перьями шляпы знати из первых рядов. Еще дальше теснились главы различных гильдий Рединга, а также представители джентри, съехавшиеся со всей Англии. Это событие имело поистине государственную важность, и каждый, кто был в состоянии купить себе приличный дублет и раздобыть коня, постарался явиться, чтобы хоть одним глазком посмотреть на скандально известную новую королеву. Мне пришлось встретиться с ними лицом к лицу, и я была совершенно одна, если не считать стоявших рядом со мной моих врагов. Тысячи оценивающих взглядов просто впивались в меня, придирчиво рассматривая мои ноги в легких изящных туфельках, высокий

головной убор с призрачно-серой вуалью, чудесные жемчуга, которыми было расшито платье очень скромного, даже осторожного покроя, тончайшие кружева, одновременно и скрывавшие, и подчеркивавшие белизну шеи и плеч. Наконец точно ветер прошелестел в верхушках деревьев — придворные медленно стянули шляпы и низко мне поклонились; только тогда я до конца осознала, что они признали меня, что они отдают мне почести как своей королеве, поскольку я в полном соответствии с законом сменила на троне Маргариту Анжуйскую, прежнюю королеву Англии и поистине великую женщину, и ничто в моей жизни никогда уже больше не будет прежним. Я улыбалась и кивала направо и налево, отвечая на признательные благословения и слушая шепот восхищения, и вдруг обнаружила, что невольно крепко сжимаю руку Уорика. Он удовлетворенно глядел на меня сверху вниз, словно ему было приятно чувствовать мой страх.

— Это совершенно естественно, ваша милость, что вы несколько ошеломлены, — тихо произнес Уорик.

И это действительно естественно для особы незнатной, для простолюдинки, но ничего подобного никогда бы не случилось с принцессой. Поняв намек Уорика, я смогла лишь улыбнуться ему в ответ, ни единым словом не сумев себя защитить.

Той ночью мы с Эдуардом лежали в постели после страстных любовных утех.

— Мне не нравится граф Уорик, — заявила я.

— Но именно он сделал меня тем, кто я есть, — возразил Эдуард. — Ты должна постараться его полюбить — хотя бы ради меня.

— И твоего брата Георга тоже? И Уильяма Гастингса?

Эдуард повернулся и, удобно устроившись на боку, с улыбкой на меня посмотрел.

— Все это мои друзья, мои братья по оружию, — пояснил он. — Ты в каком-то смысле вышла замуж за целую армию, причем во время военных действий. Сейчас мы не можем выбирать себе ни союзников, ни друзей. Мы должны радоваться тому, что они у нас вообще есть. Люби же их ради меня, дорогая.

Я кивнула, словно покорная жена. Но уже тогда прекрасно понимала, кто мои враги.

МАЙ 1465 ГОДА

Король решил, что для меня должна быть устроена самая великолепная коронация, какую когда-либо видела Англия. И не просто в качестве комплимента в мой адрес.

— Мы сделаем тебя настоящей, бесспорной королевой, и каждый лорд в королевстве станет преклонять пред тобой колена. Даже моя мать... — Эдуард осекся и поморщился. — Даже моя мать будет обязана выказать тебе должное почтение во время этого праздника. И никто более не посмеет отрицать, что ты истинная королева Англии и моя законная жена. Эта коронация заставит замолчать тех, кто утверждает, что наш брак недействителен.

— А кто так утверждает? — осведомилась я. — Кто осмеливается говорить такое?

Эдуард улыбнулся. Все-таки он был совсем еще мальчишкой.

— Так я тебе и сказал. Да ты же их всех в лягушек превратишь! Не обращай внимания на пустозвонов, которые злословят в наш адрес. Их болтовня не имеет никакого значения, единственное, на что они способны, — это шептаться по углам. Но учти: пышная коронация, устроенная для тебя, покажет также, сколь высоко и прочно мое положение в стране, правителем которой я являюсь. Во время этого празднества каждый убедится, что я — подлинный король Англии, а бедняга Генрих — просто нищий, который скрывается где-то в Камберленде, позволив своей жене вновь оказаться в Анжу на иждивении у своего отца.

— Значит, коронация будет невероятно пышной? — уточнила я, не очень-то радуясь подобной перспективе.

— Ага! И ты будешь просто шататься под тяжестью украшений! — с удовольствием пообещал Эдуард.

На самом деле все оказалось даже более впечатляющим, чем он описывал; подобного богатства я и представить не могла. Я должна была торжественно въехать в Лондон по Лондонскому мосту[18] и не узнала ведущей к нему дороги, бывшей до этого старой и совершенно разбитой: оказалось, что повозку за повозкой на дорогу свозили светлый сверкающий песок, и в итоге дорога стала напоминать арену для рыцарских турниров. Меня приветствовали актеры в костюмах ангелов, крылья которых были сделаны из чудесных павлиньих перьев, сверкавших множеством разноцветных «глазков» — ярко-синих, бирюзовых, индиго. Актеры изобразили живую картину «Дева Мария и святые», призывая меня быть добродетельной и плодотворной, подчеркивая, что именно на меня пал выбор Господа нашего, что именно мне суждено отныне быть королевой Англии. Я въезжала в столицу под неумолчное пение хора; на меня дождем сыпались розовые лепестки; я и сама себе казалась частью живой картины под названием «Англичанка из дома Ланкастеров становится королевой Йорков» — таким символом грядущего мира и единства страны.

Ночь накануне коронации я провела в просторных королевских покоях лондонского Тауэра, заново отделанных специально для меня. Я и раньше не любила Тауэр, и, когда меня торжественно несли на высоких носилках под балдахином в отведенные мне комнаты, Энтони, ехавший рядом со мной, то и дело пытливо на меня поглядывал.

— Что с тобой творится? — тихо спросил он.

— Я ненавижу Тауэр! В нем пахнет сыростью и гнилью.

— А ты стала разборчивой, — усмехнулся Энтони. — Уже успела испортиться с тех пор, как король подарил тебе такие великолепные владения, как Гринвич и Шин.

— Дело вовсе не в этом, — отмахнулась я, пытаюсь понять, что же в действительности не дает мне покоя. — Просто мне неприятно, что сюда доставили и моих сыновей. Это несчастливое место!

Энтони перекрестился, поспешно спрыгнул с коня и снял меня с носилок.

— Немедленно улыбнись, — еле слышно шепнул он.

Комендант Тауэра уже ждал меня, собираясь поздороваться и торжественно передать золотые ключи, так что тот момент был явно неподходящим для пророчеств или вызова душ тех, кто когда-то здесь сгинул.

— Приветствую вас, всемилостивейшая королева! — воскликнул комендант.

Я улыбнулась ему, опираясь на руку Энтони, и услышала, как по толпе пролетел шепот: какая красавица, свет не видывал такой красавицы!

— Ничего особенного, — очень тихо, только для меня, сказал Энтони. — Хорошенькая, это правда. Но по сравнению с нашей матерью ничего особенного. И перестань глазеть по сторонам и ни в коем случае не вздумай глупо хихикать.

На следующий день в Вестминстерском аббатстве состоялась моя коронация. Для придворного герольда, громогласно выкрикивавшего имена герцогов и герцогинь, графов и графинь, был составлен список знатнейших и влиятельнейших семейств Англии и всего христианского мира. Моя мать — она несла шлейф моего платья вместе с сестрами короля Елизаветой и Маргаритой — явно считала этот день вершиной своего триумфа. А вот мой брат Энтони, человек в высшей степени светский и в то же время сторонившийся высшего общества, по-моему, воспринимал происходящее как пустое и напыщенное действие, судя по всему, Энтони испытывал одно желание — оказаться как можно дальше. Зато Эдуард был доволен, ведь это событие подтверждало его богатство и власть, а страна, которой он теперь правил, прямо-таки изголодалась по такому королю, который действительно обладает и богатством, и властью. Сама же я видела всех словно в тумане и не ощущала ничего, кроме смутного беспокойства. Изю всех сил я старалась выступать с должной величавостью и помнить необходимую последовательность действий: скинуть туфли, пройти босой по вышитому ковру, принять в руки скипетр и державу и обнажить грудь для помазания священным миром; при этом надо было непременно держать голову ровно, несмотря на тяжесть королевской короны.

Мою коронацию и помазание осуществляли сразу три архиепископа, в том числе Томас Бушер; также там присутствовали настоятель монастыря и сотни две иных священнослужителей; хор в целую тысячу человек пел мне хвалы и призывал Господа благословить меня. За мною следовал целый эскорт из моих родственников; выяснилось, что их у меня сотни. Первыми шли родственники короля, дальше — мои родные сестры и невестка Елизавета Скейлз, после — мои кузины, затем бургундская родня и все остальные, чью родственную связь с нашей семьей способна была проследить разве что моя мать, и наконец — все прочие прекрасные дамы, оказавшиеся способными выцарапать себе рекомендательное письмо. Каждой хотелось быть в числе приглашенных, каждой хотелось занять достойное место при дворе.

Согласно традиции, Эдуарда рядом со мной не было. Он наблюдал за происходящим из-за тонкой перегородки, и мои сыновья находились с ним. Мне не было позволено даже видеть Эдуарда, так что я не могла почерпнуть мужества в его ободряющей улыбке. Я вынуждена была все проделать в полном одиночестве, и тысячи чужих людей следили за каждым моим шагом, за каждым движением. Ничто не должно было затмить этот взлет — мое превращение из нетитулованной особы в королеву Англии, из обычной смертной в почти богиню, вторую после Бога. С короной на голове, помазанная священным миром, я на глазах у всех перерождалась в некое новое существо, стоявшее значительно выше простых смертных, всего лишь на одну ступень ниже ангелов, в правительницу, возлюбленную и избранную небесами. Я все ждала, когда же мое тело охватит сладостное возбуждение, связанное с пониманием того, что Господь выбрал меня на роль королевы Англии, но так ничего и не почувствовала — разве что облегчение, когда торжественная церемония завершилась и за ней последовал пышный пир.

Три тысячи знатных лордов с женами уселись вместе со мной за накрытые столы. Каждая перемена состояла из двух десятков различных блюд. Я сняла корону, чтобы можно было есть спокойно, но каждый раз между переменами снова надевала ее. Все это напоминало чрезвычайно длинный, продолжавшийся много часов сложный танец, шаги и фигуры которого нелегко уяснить. Пытаясь хоть немного заслонить меня от любопытных глаз, так и впивавшихся в меня, графиня Шрусбери и графиня Кент опустили на колени и, пока я ела, держали передо мной вуаль. Из вежливости я пробовала каждое блюдо, но по большому счету толком ничего не съела. Тяжеленная корона давила мне на голову, точно проклятие, у меня даже виски заломило. Я понимала, конечно, что вознеслась на самую высокую ступень

в государстве, но мечтала только об одном: поскорее оказаться рядом с мужем в собственной постели.

Был даже момент в течение этого нескончаемого вечера — примерно после десятой перемены блюд, — когда я подумала, что совершила ужасную ошибку и была бы куда счастливее, если б вернулась назад в Графтон, не заключая столь честолюбивого брака и не поднимаясь на вершину королевской власти. Но было уже слишком поздно для подобных сожалений, и, хотя я настолько устала, что даже самые изысканные яства казались мне совершенно безвкусными, я по-прежнему должна была улыбаться, снова и снова надевать тяжеленную корону и отсылать самые лучшие кушанья фаворитам короля.

Первое блюдо было отправлено его братьям: Георгу, молодому золотоволосому герцогу Кларенсу, и самому юному из Йорков двенадцатилетнему Ричарду, герцогу Глостеру. Ричард застенчиво улыбнулся мне и втянул голову в плечи, когда я передала ему жареного павлина. Он удивительным образом отличался от своих братьев: маленький, хрупкий, застенчивый и темноволосый, тогда как оба они, и Эдуард и Георг, были высокие, со светлыми, даже чуть рыжеватыми волосами, очень самоуверенные, исполненные понимания собственной значимости. Мне Ричард сразу понравился, и я подумала, что он наверняка станет хорошим товарищем по играм для моих мальчиков, которые были лишь ненамного его младше.

Торжественный обед завершился тем, что я отбыла в свои покои в сопровождении нескольких десятков аристократов и нескольких сотен священнослужителей. Шла я с достоинством, высоко подняв голову, словно ничуть не устала, ничуть не была ошарашена тем, что со мной произошло, но в душе прекрасно понимала, что стала чем-то большим, чем просто смертная женщина: возможно, полубогиней, а может, феей, волшебницей, такой, как моя прамаменья Мелюзина, которая родилась богиней, но стала женщиной. Мелюзине ведь пришлось заключить тяжкий договор с людьми, позволявший ей перемещаться из одного мира в другой. Она поступилась собственной свободой и вольной жизнью в водной стихии, обретя человеческие ноги и вместе с ними способность ходить по земле рядом со своим супругом. Мне оставалось лишь гадать, чем же придется поступиться, чтобы стать королевой.

Меня уложили на кровать — эта кровать принадлежала Маргарите Анжуйской — в огромной, полной гулко-го эха спальне, и я, натянув до ушей золототканое покрывало, долго ждала, пока Эдуард наконец оторвется от пирующих приятелей и придет ко мне. В спальню он явился с эскортом из полудюжины своих дружков и с целой толпой слуг, которые, согласно обычаю, раздели его, облачили в ночную рубаху и лишь после этого оставили нас одних. Увидев мою перепуганную физиономию и вытаращенные глаза, Эдуард рассмеялся и запер двери спальни.

— Ну вот мы с тобой и стали королем и королевой, — заключил он. — Эту церемонию необходимо было вытерпеть, Елизавета.

Я протянула к нему руки.

— Я готова терпеть, пока ты — это ты, даже если на голове у тебя королевская корона.

Эдуард снял ночную рубаху и бросился в мои объятия. Он был очень хорош — широкоплечий, с гладкой кожей и крепкими мускулами на ногах, животе и спине.

— Я весь твой, — только и сказал муж.

Стоило ему нырнуть в мою холодную постель, я совершенно позабыла о том, что мы с ним только что стали королем и королевой, и в голове у меня не осталось ничего, кроме жажды страстных объятий, жажды его любви.

На следующий день состоялся большой турнир, и представители знати, заранее записавшиеся на участие в нем, один за другим прибывали в Тауэр, облаченные в поистине великолепные костюмы, а их оруженосцы дружно ревели приветственные оды. Мои сыновья вместе со мной сидели в королевской ложе, широко раскрыв рты и изумленно хлопая глазами: никогда прежде они не видели столь пышной церемонии, такого количества пестрых флагов, такого блеска и таких огромных людских толп. Это был первый действительно крупный турнир в их жизни. Мои сестры и невестка Елизавета тоже находились с нами; народ уже всюду поговаривал, что таких прелестных и изысканных придворных дам Англия никогда еще не знала, так что мой двор уже начинал славиться своей красотой.

Мои бургундские кузены выделялись среди прочих рыцарей своей силой и мощью, их доспехи были самыми модными и элегантными, а их приветственные оды — самыми благозвучными. Но Энтони, мой родной брат, превзошел даже их; все наши придворные дамы по нему прямо-таки с ума сходили. Еще бы! Он с таким изяществом сидел на коне, он пользовался моей любовью и постоянным расположением, он способен был спорить разом с дюжиной противников, а уж в поэзии с ним и вовсе никто не мог сравниться! Энтони просто замечательно описывал южные края, даже о радости повествуя романтично, с легкой ноткой печали, точно человек, переживший трагедию, но все же улыбающийся. Энтони сочинял чудесные строки о несбыточной любви, о надежде, заставляющей мужчин пересекать раскаленные песчаные пустыни, а женщин — плыть за моря в поисках суженого. Ничего удивительного, что в Энтони были влюблены все женщины при дворе. Он улыбался, поднимал цветы, которые дамы бросали к его ногам, и в знак признательности прикладывал руку к сердцу, но ни одну из этих дам ни разу не попросил о большей благосклонности.

— А я знал его, когда он был еще просто моим дядей, — похвастался мой сынишка Томас.

— Наш Энтони сегодня — явный фаворит, — сообщила я отцу, который заглянул в королевскую ложу поцеловать мне руку.

— И о чем он только думает? — удивился отец. — В наши дни противника убивали, а не слагали о нем поэмы!

Елизавета, жена Энтони, рассмеялась.

— Так принято в Бургундии.

— Сейчас у нас времена рыцарства, папа, — улыбнулась я отцу — уж больно смешным было его озадаченное широкое лицо.

Однако первым в тот день стал не Энтони, а лорд Томас Стэнли, красавец, страшно возгордившийся своей победой. Приподняв забрало, он подошел к нашей ложе за обещанной наградой. На развевавшемся флажке красовался его фамильный герб и девиз, написанный по-французски: «Sans changer».

— Что это значит? — тихонько поинтересовался у брата мой маленький Ричард.

— «Без перемен», — пояснил Томас. — Ты и сам бы сумел перевести, если б учил французский, а не тратил зря время.

— Сударь, а вы действительно никогда не меняетесь? — обратилась я к лорду Стэнли.

Некоторое время он молча смотрел на меня — на дочь семейства, которое как раз претерпело разительную перемену, отреклось от одного короля и переметнулось на сторону другого, — и видел женщину, которая и сама невероятным образом поменялась:

превратилась из бедной вдовы в королеву.

— Да, я никогда не меняюсь, — подтвердил Томас и поклонился. — И всегда стою за Господа нашего, за своего короля и за собственные права — именно так, в таком вот порядке.

Я улыбнулась. Бесмысленно было уточнять у него, откуда ему известно, в чем именно следует поддерживать Бога, у кого из королей больше прав на престол и может ли он быть уверен, что его собственные права и требования всегда справедливы. Решение столь сложных философских вопросов предназначено для мирного времени, а наша страна слишком давно находилась в состоянии войны.

— Во время турнира вы были просто великолепны, — искренне восхитилась я.

Томас улыбнулся.

— Мне просто повезло, что по списку моим противником оказался не ваш брат Энтони. Но все же я чрезвычайно горжусь, что вы, ваша милость, наблюдали за моим сражением.

Я наклонилась к лорду Стэнли прямо из ложи и вручила главный приз турнира — кольцо с рубином; лорд тут же показал мне, что украшение слишком мало для его крупной руки.

— В таком случае, — поддразнила я, — вы должны поскорее жениться на какой-нибудь прекрасной и добродетельной особе, чья цена гораздо выше всяких рубинов.

— Самая прекрасная и добродетельная дама в королевстве уже замужем и носит королевскую корону, — учтиво произнес Томас и поклонился. — Как же нам, обойденным ее вниманием, пережить такое несчастье?

Я рассмеялась — именно так, шутливо, принято вести беседу среди моих сородичей бургундцев, которые давно уже превратили флирт в разновидность истинного искусства.

— Вам придется приложить немало усилий, — заявила я. — Такой великолепный рыцарь должен основать свой собственный, поистине замечательный дом.

— Я непременно сделаю это, и вы убедитесь, что и тогда победа будет за мной!

Отчего-то при этих словах я вдруг ощутила легкий озноб. Я подумала, что лорд Стэнли явно способен проявить свою силу не только во время турнира, но и на поле боя. Он не ведает сомнений и угрызений совести и будет до конца биться за свои собственные интересы. В этом смысле он поистине достоин восхищения. Остается лишь надеяться, что он будет верен своему девизу и никогда не изменит дому Йорков.

Когда рыцарь понял, что богиня Мелюзина в него влюблена, он пообещал дать ей сколько угодно свободы и возможность оставаться самой собой, лишь бы она согласилась выйти за него замуж. Они договорились, что, став его женой, Мелюзина будет ходить по земле на собственных ногах, как все люди, но раз в месяц будет удаляться в свои покои, наполнять водой огромный бассейн и вволю плавать — хотя и в течение всего лишь одной ночи, — вновь превращаясь в полурыбу. Много лет прожили они счастливо, поскольку рыцарь любил Мелюзину и понимал, что женщина не может вечно жить жизнью мужа. Не может всегда думать так же, как он, ходить как он и дышать тем же воздухом, что и он; Мелюзина всегда будет несколько иным существом, всегда будет чем-то от него отличаться. Она всегда будет слышать иную музыку, звуки другого мира, и родной для нее навсегда останется стихия воды.

Рыцарь знал, что Мелюзине необходимо иногда находиться наедине с собой — закрыть глаза, нырнуть в сверкающую воду и, всплеснув хвостом, уйти на дно, где снова задышать жабрами, чтобы на какое-то время забыть о радостях и печалях жизни замужней женщины. И раз в месяц рыцарь давал Мелюзине такую возможность. У них родились дети, которые росли здоровыми и красивыми; хозяйство рыцаря процветало, замок его славился богатством и щедростью; а также славилась своей красотой и добротой хозяйка этого замка. Гости съезжались к ним отовсюду, прибывали даже издалека, мечтая увидеть и сам замок, и его хозяина, и хозяйскую жену, такую прекрасную и таинственную.

Став королевой, я сразу же начала пристраивать и остальных членов своей семьи. Мы с матерью оказались ну просто величайшими свахами.

— Не вызовет ли это еще большей враждебности по отношению к нам? — спросила я как-то у мужа. — У матери имеется целый список лордов, за которых, по ее мнению, могли бы выйти замуж мои сестры.

— Наоборот, вы все правильно делаете! — заверил Эдуард. — Все жалуются, что ты просто бедная вдова да еще и совершенно не знатная. Вот ты и улучшишь свои родственные узы, выдав сестер замуж за аристократов.

— Но нас так много! Точнее, у меня слишком много сестер. Ей-богу, так мы разберем в мужья всех мало-мальски достойных мужчин королевства. У тебя свободных лордов не останется.

Эдуард пожал плечами.

— Ничего, слишком долго Йорки и Ланкастеры делили нашу страну на два лагеря. Возможно, теперь вам и удастся создать совершенно иную, единую большую семью, которая поддержит меня, если вновь возникнет угроза со стороны Ланкастеров, а власть Йорков пошатнется. Мы с тобой должны установить с аристократией самые прочные семейные связи, и в этом деле передай-ка ты бразды правления своей матушке, Елизавета. Нам нужны родственники и свойственники в каждом графстве, в каждом городе страны. Я пожалую высокие титулы твоим братьям и твоим сыновьям, носящим фамилию Грей. Наша семья должна стать по-настоящему многочисленной и сильной; тем самым не только укрепится твой статус, ты еще и обретишь действительно надежную защиту.

Я поймала мужа на слове и немедленно отправилась к матери. Она сидела в моих покоях за большим столом; по всей столешнице были разложены различные родословные, старинные документы и карты — мать напоминала полководца, готовящегося к великому сражению.

— Судя по всему, ты решила играть роль богини любви, — заметила я.

Мать быстро глянула на меня и тут же снова сосредоточенно нахмурилась.

— Какая уж тут любовь! Это тяжкий труд, Елизавета, — вздохнула она. — У тебя есть родные, девочка, и всех их нужно как следует обеспечить, каждому дать богатую жену или мужа. Тебе необходимо создать достойный королевский род. Теперь ты королева, и твоя задача заключается в том, чтобы следить за аристократией страны и повелевать ей: ни один знатный лорд не должен слишком возвыситься, ни одна знатная дама не должна пасть чересчур низко. У меня в этом отношении богатый опыт, ведь когда мне запретили выходить замуж за твоего отца, нам пришлось просить особого королевского соизволения на брак и даже заплатить штраф.

— Именно поэтому ты встала на сторону свободы и истинной любви?

Мать коротко хохотнула.

— Когда речь шла о моей свободе и моей любви — да, я их защищала. Но теперь, когда дело касается формирования нравов твоего двора, я буду категорически против таких свобод.

— Ага, значит, ты уже пожалела, что Энтони женат? Ведь будь он холост, мы могли бы устроить ему прекрасную партию, верно?

Мать нахмурилась.

— Мне очень досадно, что Елизавета бесплодна, да и здоровье у нее слабое, — честно призналась она. — Разумеется, ты можешь держать ее при дворе в качестве фрейлины, она ведь принадлежит к одной из лучших семей Англии, но я сильно сомневаюсь, что Елизавета родит моему сыну наследников.

— Ничего, у тебя будут десятки наследников и наследниц, — пообещала я, изучая составленные матерью длинные списки имен и смело прочерченные стрелки, соединявшие моих сестер с наиболее знатными женихами.

— Вот это было бы здорово, — с явным удовлетворением произнесла мать. — И каждый из моих внуков должен быть как минимум лордом!

А потом мы целый месяц только и делали, что заключали помолвки. Женихами всех моих сестер стали знатные лорды. За исключением Екатерины — тут я решила подняться еще на ступень выше и обручила ее с герцогом, которому, правда, еще и десяти лет не исполнилось. Это был вечно надутый и всем недовольный парнишка по имени Генрих Стаффорд, герцог Бекингем. Уорик давно наметил его в мужья своей дочери Изабеллы, но мальчик, находясь после смерти отца под охраной королевской короны, оказался в полном моем распоряжении. Мне, собственно, платили налог за то, чтобы я его опекала, и я решила, что могу делать с ним, что угодно. Ко мне он относился отвратительно, да и с другими вел себя чересчур самоуверенно и грубо, полагая, что имеет на это право, будучи отпрыском древнего и весьма знатного рода. Генрих до такой степени гордился собственной персоной, что я даже получила некоторое удовольствие, обручив этого юного «претендента на королевский трон» с Екатериной. Генрих Стаффорд и свою невесту, и всех нас воспринимал как людей, стоявших на куда более низкой ступени, чем он сам, и считал себя униженным этой помолвкой. Я сама не раз слышала, как он по-мальчишески хвастается перед друзьями, что непременно когда-нибудь отомстит нашему семейству и мы еще будем его бояться, а уж меня он точно заставит пожалеть о нанесенном ему оскорблении. У меня это вызывало лишь смех; ну а Екатерина рада была стать герцогиней, хоть и получила в мужья такого напыщенного сопляка.

Моему двадцатилетнему брату Джону, который, к счастью, супругой еще не обзавелся, предстояло вскоре жениться на тетке лорда Уорика — леди Екатерина Невилл, вдовствующей герцогине Норфолк, успевшей уже и выйти замуж за своего герцога, и похоронить его. Предстоящий брак стал настоящей пощечиной Уорику, уже одно это обстоятельство вызывало у меня злорадную радость. А поскольку тетке Уорика было, наверное, лет сто, женитьба на ней моего брата явилась поступком весьма жестоким и циничным, призванным дать милорду понять, кто теперь устраивает и заключает в Англии брачные союзы. Кроме того, всем было ясно: старуха наверняка вскоре помрет и мой брат снова станет совершенно свободен, да к тому же невероятно богат.

Для моего дорогого сына Томаса Грея я «купила» маленькую Анну Холланд. Ее мать, герцогиня Эксетер, родная сестра моего мужа, потребовала у меня четыре тысячи марок за эту привилегию; меня устроила цена ее фамильной гордости, и я выплатила требуемую

сумму, чтобы Томас впоследствии унаследовал немалое состояние семейства Холланд и стал богаче любого принца христианского мира. Я перехватила у лорда Уорика и этот дорогой приз — он ведь хотел женить на Анне Холланд своего племянника, и дело было уже слажено, оставалось лишь поставить подписи и печати; но я обошла его, предложив на тысячу марок больше — целое состояние, взятое из королевской казны, которой теперь я могла распоряжаться и к которой Уорик доступа не имел. Также Томас благодаря Эдуарду обрел титул маркиза Дорсета, дабы соответствовать перспективе своего брака. И для моего младшего сына, Ричарда Грея, я непременно собиралась подыскать хорошую невесту, которая сделает его богатым; Эдуард между тем посвятил его в рыцари.

Отец мой имел теперь титул графа; а вот Энтони так и не получил титула герцога, насчет которого когда-то так весело подшучивал, зато тоже стал графом и управлял теперь островом Уайт. Остальным моим братьям были пожалованы высокие королевские и церковные должности. Лайонел, как и хотел, должен был вскоре стать епископом. В общем, я всю пользу получила от положения и власти королевы, вводя во власть своих родных — думаю, что на моем месте так поступила бы любая женщина, и я настоятельно рекомендую любой женщине, поднявшейся «из грязи в князи», вести себя именно так. Я не сомневалась, что врагов у нас будет множество — нам ведь приходилось постоянно завязывать новые связи, приобретать новых союзников, в общем, успевать повсюду.

К завершению всех необходимых процедур, связанных с моим вступлением в брак и на королевский трон, в Англии, я думаю, не осталось ни одного человека, который хоть раз не столкнулся бы по каким-то делам с представителями моего семейства; невозможно было ни торговать, ни пахать, ни судиться, не встретившись с кем-либо из огромной семьи Риверс или ее вассалов. Мы были повсюду, мы были везде, куда захотел поместить нас король. И если бы однажды все в мире обернулось против Эдуарда, он обнаружил бы, что мы, Риверсы, пустили корни весьма глубоко, создав вокруг него укрепления куда более мощные, чем ров с водой вокруг его замка. Даже если бы Эдуард потерял всех прочих сторонников, мы по-прежнему остались бы его друзьями и соратниками; ну а в настоящий момент мы и вовсе пребывали у власти.

Мы хранили Эдуарду верность, и он был нам предан; мало того, он искренне к нам привязался. Я поклялась ему в любви, и он твердо знал, что нет на свете другой женщины, которая любила бы его сильнее, чем я. Мой отец, мои братья и сестры, мои кузины и кузены, а также все те новые мужья и жены, что влились в наше семейство, — все принесли королю клятву верности, пообещав до конца быть ему преданными, что бы ни случилось, кто бы ни ополчился против нас. Мы создали новую семью — не Йорки и не Ланкастеры, мы были семьей Вудвилл, получившей титул графов Риверсов, и эта семья непреодолимой стеной, подобной мощному водопаду, встала у короля за спиной. Разумеется, полкоролевства могло нас ненавидеть, но теперь уже — в том числе и благодаря моим усилиям — мы стали настолько сильны, что на чью-то ненависть мне было наплевать.

Эдуард тоже засучив рукава принялся за дело: ему предстояло править страной, совершенно отвыкшей от королевской власти. На места тех, кто был убит в сражениях, он назначал мировых судей и шерифов и приказывал им вести дела исключительно на основании закона и справедливости. Сотрудников, пытавшихся воспользоваться своей высокой должностью, чтобы затеять, к примеру, ссору с соседями, король незамедлительно отзывал с места службы. Солдат, воевавших как на нашей стороне, так и на стороне противника, король с миром распустил по домам. Он также издал указ об отлове разбойников, которые, воспользовавшись царившей в стране неразберихой, грабили и терроризировали население, и дороги в стране постепенно становились безопасными. Мой муж начал тяжелую работу по превращению Англии в государство, пребывающее в ладу с соседями, и всеми силами после стольких лет непрерывных распри старался восстановить в стране мир и покой.

Наконец-то был положен конец бесконечным военным действиям, поскольку удалось поймать

бывшего короля Генриха, который скитался в безлюдных холмах Нортумберленда, почти утратив разум. Эдуард приказал доставить Генриха в лондонский Тауэр, где он и остался — как ради нашей безопасности, так и ради своей собственной. Увы, Господь нечасто позволял его сознанию проясняться. Оказавшись в Тауэре, Генрих узнал это место, во всяком случае, понял, где находится, и как будто был даже рад оказаться дома после долгих скитаний. Он жил тихо, постоянно общался с Богом, и рядом с ним днем и ночью находился священник. Мы не знали даже, помнит ли Генрих свою жену и того мальчика, которого Маргарита Анжуйская называла его сыном; он никогда о них не говорил и никогда не спрашивал, как им живется в далеком Анжу. Также не было ясно, помнит ли он о своем королевском прошлом. Бедный Генрих, он был совершенно потерян для этого мира и успел позабыть все то, что мы у него отняли.

ЛЕТО 1468 ГОДА

Эдуард поручил Уорику возглавить наше посольство во Франции, и тот ухватился за эту возможность, желая убраться подальше от Англии и королевского двора. Ему было просто невыносимо видеть, как быстро усиливается могущество Риверсов, как рушатся все его планы и надежды. Уорик рассчитывал договориться с королем Франции, суля ему выгоду, и утверждал, что по-прежнему играет в Англии первую скрипку и способен сам выбрать супруга для наследницы Йорков Маргариты — сестры Эдуарда. Но он лгал, и все знали, что дни его власти сочтены. Эдуард прислушивался к моей матери и ко мне, а также к другим своим советчикам, утверждавшим, что герцогство Бургундское всегда являлось надежным другом Англии, тогда как Франция была ее врагом; именно поэтому союз с Бургундией был бы в высшей степени благоприятен для развития нашей торговли. А укреплению родственных связей с герцогами Бургундскими в значительной степени мог бы способствовать брак Маргариты с новым герцогом Бургундским, Карлом, только что унаследовавшим эти богатые земли.[19]

Карл был, если можно так выразиться, ключевым союзником Англии, ведь герцоги Бургундские владели Фландрией, не говоря уже о землях Бургундии, и, таким образом, под началом у Карла оказались все северные Нижние Земли, почти все пространство между Германией и Францией, а также богатые южные территории. Бургундцы являлись основными покупателями английских тканей, они давно вели с нами торговлю и были нашими надежными партнерами. Их главные морские порты смотрели через Английский канал прямо на нас; они, как и мы, издавна враждовали с Францией, всегда стремились к союзу с нами и традиционно пребывали с нами в дружеских отношениях. А теперь еще — благодаря мне — стали родственниками английского короля.

Все планы свадьбы Маргариты с герцогом Бургундским строились без ведома самой девушки, и однажды, когда я прогуливалась в саду Вестминстера, Маргарита подбежала ко мне страшно возбужденная. Кто-то сказал ей, что ее брак с Педро Португальским отменяется и теперь ее «продадут» за более высокую цену: либо Людовику Французскому, и она станет женой одного из французских принцев, либо Карлу Бургундскому, который якобы сам готов на ней жениться.

— Все будет хорошо, — заверила я, беря Маргариту за руку и увлекая за собой.

Маргарите было всего двадцать два года, и воспитывали ее совсем не как сестру короля. Она еще не привыкла к тому, что жениха ей могут запросто поменять в зависимости от потребностей момента; да и мать ее, отдавая все свои силы сыновьям, вечно соперничающим друг с другом, на дочерей внимания почти не обращала.

В детстве Маргарита была уверена, что выйдет замуж за какого-нибудь английского лорда и будет спокойно жить с ним в английском замке и воспитывать детей. Какое-то время она даже хотела стать монахиней — она с тем же пылом относилась к служению церкви, что и ее мать. Маргарита так толком и не осознала, что случилось, когда ее отец, Ричард Йоркский, предпринял попытку захватить английский трон, который впоследствии сумел завоевать ее брат Эдуард. Маргарита даже не догадывалась, что за столь высокую власть и цена всегда высока и ее, члена королевской семьи, это тоже коснется, как, впрочем, и всех нас. Она и теперь еще не понимала, что, хотя на войну отправляются мужчины, страдают больше всего женщины — и порой им куда тяжелее, чем мужчинам.

— Я не пойду замуж за француза! Я ненавижу французский язык! — заявила Маргарита. — Мой отец столько с ними сражался! Уж он-то наверняка не хотел бы, чтобы я вышла за француза. Пусть Эдуард даже не надеется, что я соглашусь на этот брак! Не понимаю, как матери могла прийти в голову подобная идея? Она же бывала во Франции вместе с английской армией и должна представлять, какие эти французы. Я принадлежу к династии Йорков и вовсе не желаю становиться француженкой!

— Ты ею и не станешь, — начала я уговаривать Маргариту. — Это все планы графа Уорика, но он, к счастью, больше не имеет возможности нашептывать свои советы на ухо королю. Да, Уорик благоволит к французам, он берет у них взятки, но я посоветовала Эдуарду в первую очередь заключить союз не с французами, а с герцогом Бургундским. Да и для тебя это было бы лучше. Только подумай — выйдя замуж за герцога, ты станешь моей родственницей по бургундской линии! Заживешь в прекрасном дворце города Лилля! Твой будущий муж — давний и уважаемый друг дома Йорков, к тому же мой родственник по матери. Он действительно наш добрый друг, а из его дворца до Лондона рукой подать, ты сможешь часто приезжать сюда в гости. Когда мои дочери немного подрастут, я отошлю их к тебе в Бургундию, чтобы они обучились там истинной придворной элегантности, поскольку двор герцогов Бургундских всегда был самым модным и прекрасным в христианском мире. И потом, будучи герцогиней Бургундской, ты можешь стать крестной матерью моим сыновьям. Ну как тебе такой вариант?

Маргарита, отчасти успокоенная, все же возразила:

— Но ведь я из дома Йорков! Я хочу остаться в Англии! По крайней мере, до тех пор, пока мы окончательно не разгромим ланкастерцев. Я надеюсь присутствовать на крещении твоего сына, первого принца Йоркского, и увидеть, как он станет принцем Уэльским...

— Ты и будешь присутствовать на его крещении. Ты сразу же приедешь, как только он появится на свет, — пообещала я. — И для него тетя Маргарита всегда будет его доброй хранительницей. Зато, оказавшись в Бургундии, ты получишь прямую возможность и дальше продвигать там интересы дома Йорков, укреплять партнерство Бургундии с Йорком и со всей Англией. Эдуард будет знать: если он когда-либо попадет в беду, то всегда сможет рассчитывать на финансовую и военную поддержку Бургундии; если его предадут друзья и он окажется в опасности, то всегда сможет обратиться к тебе за помощью. Ты станешь нашей союзницей за морем, нашим спасительным раем, и тебе эта роль непременно понравится!

Маргарита склонила голову мне на плечо.

— Ах, ваша милость... сестра моя... — пробормотала она. — Мне так тяжело! Мне так не хочется уезжать отсюда! Я уже потеряла отца и совсем не уверена, что и для моего брата угроза полностью миновала. Как не уверена в том, что они с Георгом настоящие друзья, что Георг не завидует Эдуарду. И потом, я очень боюсь милорда Уорика! Этот человек на все способен! Нет, мне лучше остаться здесь, с Эдуардом, с тобой. И своего брата Георга я тоже очень люблю и опасаясь покинуть его в такой сложный период. И с матерью мне тяжело расставаться. Не желаю я никуда уезжать из дома!

— Я тебя понимаю, — мягко произнесла я. — Но ведь можно оставаться доброй сестрой Эдуарду и Георгу, даже являясь могущественной герцогиней Бургундской, не правда ли? Зато мы будем знать, что есть по крайней мере одна страна, на которую мы всегда можем рассчитывать как на самого верного сторонника. Мы будем помнить, что в этой стране есть одна прекрасная герцогиня, которая до последней капельки крови предана Йоркам. Ты можешь отправиться в Бургундию и родить сыновей, которые станут наследниками дома Йорков.

— Думаешь, у меня получится основать за морем новую династию Йорков?

— Конечно! Ты создашь там новую ветвь, — заверила я Маргариту. — И нам будет очень приятно, что в Бургундии у нас есть ты. Мы будем часто навещать тебя в гости.

Маргарита постаралась мужественно воспринять все, что последовало за этим объяснением, и Уорику, надевшему очередную фальшивую маску, пришлось сопроводить ее в порт Маргит. Мы помахали на прощание нашей маленькой герцогине, и сердце мое сжалось, поскольку я прекрасно понимала, что собственными руками уснула самого любящего, самого преданного, самого надежного из всех этих Йорков, из всех братьев и сестер Эдуарда, включая неверного Георга и мальчишку Ричарда.

Зато Уорику я — с помощью своей семьи — нанесла очередное поражение. Он ведь обещал Людовику, что Маргарита выйдет замуж за французского принца, однако был вынужден лично доставить ее ко двору герцога Бургундского. Уорик планировал заключить с Францией союз, утверждая, что по-прежнему держит в руках бразды правления и отвечает за то решение, которое будет принято Англией. Однако благодаря браку Маргариты с Карлом мы еще более укрепили родственные отношения с королевской Бургундской династией, к которой принадлежала моя мать. Теперь каждому стало ясно, что Англией управляет семейство Риверсов и к их мнению прислушивается сам король. Вспоминая, с каким лицом Уорик принял новость о браке Маргариты — словно съел лимон! — я посмеивалась исподтишка над тем, как нам удалось его пересилить. Я была совершенно уверена, что уж теперь-то мы пребываем в полной безопасности от его честолюбивых и злокозненных устремлений.

ЛЕТО 1469 ГОДА

Увы, я ошибалась. О, как сильно я ошибалась! Мы оказались вовсе не так уж сильны, во всяком случае сильны явно недостаточно. Конечно, мне следовало быть осторожнее и более тщательно продумывать свои действия. Именно мне в первую очередь нужно было помнить о том, как Уорик ревнив и злопамятен, ведь я боялась его еще до нашего знакомства. Я не предвидела — хотя именно мне, королеве, имеющей подрастающих сыновей от предыдущего брака, следовало прежде всего задуматься о будущем, — что лорд Уорик, этот знаменитый «делатель королей», и моя свекровь, так и не простившая мне брака с Эдуардом, могут объединить усилия и попытаться посадить на трон другого отпрыска Ричарда Йорка, заменив Эдуарда, которого некогда выбрали сами.

Мне не хватило осмотрительности, когда моя семья стала выталкивать Уорика со всех его постов и прибирать к рукам те земли, которыми он, возможно, хотел распоряжаться сам. Я даже не замечала, что Георг, этот юный герцог Кларенс, всячески стремится заинтересовать собой Уорика. Георг был таким же сыном Йорка, как и Эдуард, но казался куда более сговорчивым, легко поддавался искушениям и, самое главное, не был женат. И Уорик, наблюдая за нашими отношениями с Эдуардом, видя все возраставшее могущество и богатство Риверсов, которыми я, точно неприступной стеной, окружила короля, стал задумываться: а что, если ему и впрямь создать нового короля, куда более покорного и

удобного?

За эти несколько лет у нас с Эдуардом успели родиться три чудесные дочки, причем последняя была совсем крохой, и теперь мы очень надеялись — уже с некоторым беспокойством, — что следующим наконец появится сын. И тут вдруг Эдуарду пришло известие о том, что в Йоркшире объявился некий бунтарь, называющий себя Робин из Ридсдейла. Впрочем, столь прихотливое имя ничего не значило — просто какой-то мелкий мятежник, скрывавшийся под легендарным именем. Этот Робин, по слухам, собирал войско и всячески порочил мою семью, требуя справедливости и свободы и выдвигая прочие бессмысленные требования. Именно так мятежники обычно искушают добрых людей, вынуждая их бросать свои поля и идти на смерть. Сначала Эдуард почти не обращал на эти слухи внимания, я же — и это было весьма глупо с моей стороны — и вовсе сочла их полной чепухой. Как раз в это время Эдуард совершал паломничество по святым местам вместе с моими сыновьями Ричардом и Томасом Греями и своим младшим братом Ричардом, намереваясь не только возблагодарить Господа, но и показать себя своему народу. Я же вместе с девочками выехала им навстречу. Мы писали друг другу каждый день, но о восстании этого Робина из Ридсдейла почти не думали, Эдуард даже не упоминал о нем в своих посланиях.

Когда мой отец заметил в беседе со мной, что людям этого Робина явно кто-то платит, что вооружены они отнюдь не вилами, обуты в хорошие, крепкие башмаки и передвигаются в военном строю, точно обученное войско, я не обратила на его слова внимания. Несколькими днями позже отец выдвинул предположение, что это явно чьи-то люди — крестьяне, арендаторы или вассалы, давшие клятву своему господину, — но я не прислушалась к мудрым догадкам отца, хотя он-то свою мудрость завоевал в тяжких сражениях. Отец настойчиво твердил мне, что ни один крестьянин просто так не возьмет косу или серп и не отправится на войну, что ему должен кто-то — скорее всего, хозяин-лорд — приказать, но я это пропускала мимо ушей. И когда мой брат Джон заметил, что вообще-то все происходит в графстве Уорика, так что, скорее всего, именно люди Уорика подстрекают мятежников, ни одной тревожной мысли у меня не возникло. Я возилась с новорожденной дочерью, и мир мой вертелся вокруг ее золоченой резной колыбельки. У нас отлично шли дела на юго-востоке Англии, где жители нас просто обожали, лето стояло чудесное, и я думала — в те минуты, когда вообще о чем-то задумывалась, — что мятежники, скорее всего, вскоре благополучно разойдутся по домам и приступят к уборке урожая, а беспорядки улягутся сами собой.

Я ни о чем не беспокоилась до тех пор, пока ко мне с чрезвычайно мрачной физиономией не явился мой брат Джон и не поклялся, что там сотни, а может, и тысячи вооруженных мятежников, что наверняка граф Уорик взялся за старое и готовит новые пакости. Джон сказал, что, пожалуй, больше никому не под силу собрать такое большое войско и, по всей видимости, Уорик опять занялся «созданием королей». В прошлый раз он сделал королем Эдуарда, заменив им на троне Генриха VI, а на этот раз, видимо, хочет посадить на трон Георга Кларенса, брата нынешнего короля, прежде не имевшего ни малейших оснований претендовать на престол. А заодно заменить кем-нибудь и меня вместе с моей родней.

Эдуард встретился со мной в Фотерингее, как мы и договаривались; он пребывал в тихой ярости от того, что нарушены все наши планы. Мы с ним собирались насладиться пребыванием в этом чудесном поместье, порадоваться красоте пейзажей и теплой погоде, а потом вместе отправиться дальше, в процветающий Норидж — самый богатый из городов графства Норфолк, — и принять участие в празднике, посвященном нашему визиту. Затем вместе с толпой пилигримов мы хотели прокатиться по более мелким провинциальным городам и селениям, поучаствовать в тамошних празднествах и осуществить ряд актов правосудия и попечительства. Нам хотелось побыть с простым народом и показать, что мы, новые король с королевой, совсем не напоминаем того безумца, который теперь сидит в Тауэре, и его еще более ненормальную супругу, сбежавшую во Францию.

— Ну вот, теперь придется ехать на север и разбираться с этими мятежниками, — жаловался мне Эдуард. — Восстания там стали вспыхивать один за другим, отряды этих бандитов сливаются, как ручьи в половодье. Я-то считал, что это какой-то недовольный сквайр взбунтовался, но, судя по всему, почти весь север взялся за оружие. Конечно, это дело рук Уорика! Это точно он! Хотя мне Уорик и слова на сей счет не сказал. И не явился, хотя я велел немедленно приехать. Я еще подумал: как странно он себя ведет. Но решил, что Уорик все еще сильно на меня сердится. А сегодня мне сообщили, что Уорик с Георгом погрузились на корабль и вместе отплыли в Кале. Черт бы их побрал! Ах, Елизавета, я вел себя как доверчивый дурак! Ведь Уорик бежал из Англии, и Георг с ним вместе; они направились в самый сильный английский гарнизон, они неразлучны, а все те люди, которые утверждают, что вышли защищать этого Робина из Ридсдейла, на самом деле являются платными слугами Георга или Уорика.

Я просто пришла в ужас: наше королевство, которое мы вроде бы с некоторых пор полностью держали в руках, вдруг начало разваливаться на части.

— Это, конечно же, затея Уорика. Против меня обернулись те же уловки, которые мы с ним использовали против Генриха, — размышлял вслух Эдуард. — И теперь Уорик всячески поддерживает Георга, как когда-то поддерживал меня. Но если Уорик будет продолжать в том же духе, если использует крепость Кале как опорный пункт для вторжения в Англию, неизбежно разразится очередная война! И теперь это будет война родных братьев, а не кузенов. Будь он проклят, Елизавета! И этого человека я считал другом! Этот человек столько сделал, добывая для меня трон! Ведь он был мне не просто родственником, но и главным союзником! Самым близким единомышленником!

Эдуард отвернулся, чтобы я не увидела, каким гневом и отчаянием искажено его лицо. А я едва дышала при мысли о том, что Уорик, этот великий человек, этот величайший полководец, пойдет на нас с войском.

— Ты уверен? — уточнила я. — Уверен, что Георг с ним заодно? Что они вместе отправились в Кале? Что Уорик именно Георга хочет сделать королем?

— Ни в чем я не уверен! — в отчаянии вскричал мой муж. — Ведь Уорик всегда был мне самым лучшим, самым надежным другом. А теперь он против меня, и мой родной брат с ним заодно. Ведь мы с Георгом столько раз сражались плечом к плечу, мы были не просто братьями, но братьями по оружию! И я собственными глазами видел, как во время битвы при Мортимерс-Кросс в небе сияли три солнца, — все тогда шептались, что это знак Божий, посланный не только мне, но и Георгу с Ричардом, нам троим, нам, сыновьям Йорка. Как же может один из нас предать остальных? И кто еще предаст меня вместе с Георгом? Если я не могу доверять собственному брату, кто же останется рядом со мной? Моя мать наверняка обо всем знала, ведь Георг — ее любимчик. Он точно предупредил ее, что готовит против меня заговор, но при мне она не проронила ни слова. Как мог он предать меня, Елизавета? Как она могла?

— Неужели твоя мать действительно так поступила? — Я не верила собственным ушам. — Неужели она поддерживает Георга в борьбе против тебя? Но почему? Как она может творить подобное?

Эдуард только плечами пожал.

— Это все старая история, те же дурацкие рассуждения о том, что я, возможно, не сын собственного отца, а потому не являюсь законным наследником дома Йорков. Георг теперь, разумеется, утверждает, что я бастард, а законный наследник — именно он. Одному богу известно, почему мать вдруг решила поддержать эти старые сплетни. Наверное, она ненавидит меня за то, что я женился на тебе и во всем принимаю твою сторону.

— Да как она смеет!

— В настоящий момент я действительно не могу доверять никому, кроме тебя и твоих родных! — воскликнул Эдуард. — Мою прежнюю опору — всех, на кого я мог положиться, — прямо-таки вышибли у меня из-под ног. Кстати, мне передали, что этот Робин из Йоркшира желает со мной встретиться и предъявить целый список требований, которые я должен выполнить и которые Уорик считает, по его же выражению, вполне разумными. Разумными! А еще Уорик пообещал этим людям, что он и Георг высадутся на английский берег с армией лишь для того, чтобы меня убедить. Ха, убедить! Уж я-то знаю, что в его устах означает это слово! Мы и несчастного Генриха убеждали. Неужели я не понимаю, как уничтожают правителей? Разве отец Уорика не использовал моего отца, якобы собираясь убедить короля Генриха, а на самом деле планируя отсечь его от королевы Маргариты и ее союзников? Разве не он учил моего отца, как это делается? А теперь Уорик решил, что ему удастся и меня уничтожить с помощью той же уловки. Неужели он считает меня настолько глупым?

— А Ричард? — с тревогой спросила я, вспомнив о втором брате Эдуарда, о том застенчивом мальчишке, который за эти несколько лет превратился в тихого и задумчивого юношу. — С кем Ричард? Неужели и он на стороне вашей матери?

Впервые на губах Эдуарда мелькнула улыбка.

— Ричард, слава богу, пока мне верен, — быстро ответил он. — Ричард всегда был мне верен. Тебе он кажется всего лишь неуклюжим и довольно мрачным подростком, и твои сестры над ним смеются, но, уверяю тебя, Ричард честен и предан мне. Зато Георга всегда можно было подкупом склонить к чему угодно. Он и сейчас ведет себя точно жадный мальчишка, а не мужчина. Одному богу известно, что там ему Уорик наобещал.

— А вот об этом я догадываюсь, — гневно произнесла я. — Тут как раз очень просто. Он обещал ему твой трон! И то наследство, что по праву принадлежит моим дочерям.

— Я сохраню все это. — Эдуард взял мои руки, поднес к губам и по очереди поцеловал каждую. — Клянусь, что стану защищать нас до последнего вздоха. А сейчас отправляйся в Норидж, как мы и собирались. Исполни свой долг — изображай королеву и делай вид, будто ничто тебя не заботит. Покажи людям свое улыбающееся, уверенное лицо. А я поскачу на север и придушу этот змеиный заговор в зародыше, прежде чем он сумеет выйти за пределы их логова.

— Так они действительно в открытую выразили желание свергнуть тебя? Или по-прежнему утверждают, что всего лишь хотят попытаться тебя убедить?

Эдуард поморщился.

— Пожалуй, им куда больше хочется убрать с трона тебя, моя дорогая. И сослать твою семью и твоих советников как можно дальше от королевского двора. Самая главная их претензия состоит в том, что я получаю от вас дурные советы, что ты и твоё семейство оказываете на меня губительное воздействие.

Я задохнулась от ярости.

— Так они еще и клеветают на меня?

— Все эти слова — просто прикрытие, фальшивый ход, — продолжал Эдуард. — Не обращай внимания. Это же обычная песня — мол, виноват в случившемся не сам король, а всего лишь его дурные советники, против которых и следует восстать. Я и сам пел подобные песни, и отец мой так поступал, да и Уорик тоже, когда мы вели войну с Генрихом. А затем мы заявили, что во всем виноваты королева Маргарита и герцог Сомерсет. Вот и Уорик с Георгом

сейчас утверждают, что во всем виноваты ты и твоя семья. Это же проще всего — сделать крайней жену! Куда легче упрекнуть королеву в том, что она оказывает на короля дурное влияние, чем открыто заявить, что выступаешь против самого короля. Они планируют уничтожить сначала тебя и твоих родных, а затем, когда я окажусь в одиночестве, без друзей, без семьи, они возьмутся за меня, заставят объявить наш брак недействительным, наших детей — бастардами, а Георга — моим наследником, возможно даже, заставят уступить ему трон. Сейчас мне следует вынудить их выступить против меня открыто, поскольку только в открытом бою я смогу их победить. Доверься мне. Я не дам никого из вас в обиду, сохраню вас всех и позабочусь о вашей безопасности.

Я прислонилась лбом к его лбу.

— Как жаль, что я не успела родить тебе сына. — Я вздохнула. — Тогда им было бы известно, что у тебя только один наследник. Как жаль, что я не успела подарить тебе принца.

— Ничего, времени для этого у нас еще хватит, — успокоил Эдуард. — Девочек наших я очень люблю. И сын у нас непременно появится. Я в этом ни капли не сомневаюсь, любовь моя. И я непременно сохраню для него наш трон. Верь мне.

И я отпустила мужа. Нам обоим предстояло немало дел. Эдуард в тот же день в окружении суровой, готовой к бою охраны покинул Фотерингей, его боевое знамя яростно хлопало на ветру. Их отряд направился напрямик в Ноттингем, в тамошний мощный замок, и собирался ждать там, когда враг сам себя проявит. Мне же вместе с дочерьми предстояла поездка в Норидж, где я должна была делать вид, что вся Англия по-прежнему принадлежит нам и представляется мне чудесными розовыми садами Йорка. Я ничего не боялась. Своих сыновей, Томаса и Ричарда Греев, я взяла с собой. Эдуард, правда, предлагал мне отправить мальчиков с его отрядом, чтобы они «попробовали битву на вкус», но я, опасаясь за их жизни, оставила сыновей при себе. Так что в Норидж меня сопровождали два весьма мрачных подростка пятнадцати и тринадцати лет, которых ничто не могло ни развеселить, ни порадовать, поскольку оба страшно досадовали, что не примут участие в сражении.

В Норидже меня встречали по-королевски: пел хор, цветы дождем летели к моим ногам, актеры разыгрывали сцены, посвященные моей добродетели, и выкрикивали приветствия в адрес моих дочерей. А тем временем Эдуард выжидал в Ноттингеме благоприятной возможности, вновь собирая войско и готовясь к тому, что противник вскоре высадится на английский берег.

Мы оба выжидали, и каждый старательно играл свою роль, пытаясь угадать, когда и где объявятся наши враги. Наконец до нас донеслись новые вести. В городе Кале по особому разрешению Папы Римского — судя по всему, это разрешение втайне получили наши архиепископы — состоялась свадьба Георга с дочерью Уорика Изабеллой Невилл. Теперь брат Эдуарда — зять Уорика, и если «делателю королей» удастся посадить Георга на трон, то свою дочь он сделает королевой и наденет ей на голову мою корону.

Я шипела и плевалась, как разъяренная кошка, при одной лишь мысли о том, как наши архиепископы-изменники тайком отправляли послание Папе, помогая нашим врагам; представляла я себе и Георга с дочерью Уорика перед алтарем, и те честолюбивые планы, которые наверняка давно уже жгли душу самого милорда Уорика. Думая о бледнолицей дочери Уорика — у него было две дочери и ни одного сына, и вряд ли он ожидал, что вскоре у него появится еще кто-то, — я клялась, что, пока я жива, Изабелла Невилл не наденет английской короны! Поведение Георга меня не слишком удивляло: он оставался испорченным мальчишкой, а потому так быстро переметнулся на сторону нашего врага, соблазненный обещаниями, и со свойственной ему глупостью поддался хитроумным планам Уорика. И я дала себе слово, что непременно отомщу им обоим. Я была совершенно уверена, что нам не миновать настоящей войны, и весьма затяжной, а также горькой вражды между

моим мужем и его бывшим наставником Уориком. Меня, впрочем, как и Эдуарда, врасплох застала весть о том, что Уорик без предупреждения высадился на английский берег; битва состоялась при Эджкот-Мур близ Банбери. Еще малочисленная армия Эдуарда была наголову разбита, а сам он не успел даже выехать за ворота замка Ноттингем.

Это было действительно серьезное поражение. Сэр Уильям Герберт, граф Пембрук, пал на поле боя вместе с тысячью уэльских воинов, и находившийся под его опекой Генрих Тюдор, отпрыск Ланкастеров, остался без попечителя и без охраны. Эдуард тут же отправился в Лондон. Он мчался во весь опор, желая успеть предупредить и вооружить лондонцев в преддверии осады, когда путь ему преградили вооруженные люди.

Архиепископ Невилл, родственник графа Уорика, самим же Эдуардом и назначенный на этот пост, вышел вперед и заявил своему королю, что берет его в плен, так как королевская армия потерпела сокрушительное поражение и Уорик с Георгом уже пересекли границы его королевства. Итак, все было кончено; Эдуард проиграл войну еще до того, как она была объявлена, еще до того, как успел надеть латы, взнуздать боевого коня и обнажить шпагу. Эти бесконечные войны, которые, как мне казалось, уже завершились миром — тем миром, который именно мы принесли в Англию! — привели в итоге к нашему поражению. Мне думалось, что теперь династия Йорков будет основываться на игрушечном правлении этой марионетки Георга, и мой еще не родившийся сын уже никогда не станет наследником престола.

Итак, я продолжала торчать в Норидже, по-прежнему притворяясь уверенной в себе милостивой государыней, когда ко мне привели забрызганного грязью гонца, доставившего письмо от мужа. Я поспешно вскрыла письмо, и вот что я там прочла:

Дорогая моя жена, приготовься узнать дурные вести.

Твои отец и брат взяты в плен во время сражения при Эджкот-Мур; они с честью бились за наше дело, но угодили в руки Уорика. Я теперь и сам пленник, меня содержат в замке Уорика в Мидлхаме. Они захватили меня прямо на дороге, когда я ехал к тебе. Я не ранен, твои родные тоже.

Уорик объявил твою мать ведьмой и утверждает, что наш брак был заключен под воздействием колдовских чар, которые вы с нею на меня навели. Так что вынужден предупредить: вам обоим грозит серьезная опасность. Твоя мать должна немедленно покинуть страну: если они до нее доберутся, то удавят ее как ведьму. Ты тоже приготовься к ссылке.

Возьми наших девочек и постарайся как можно скорее уехать в Лондон, там подними город, вооружи лондонцев и подготовь Тауэр к осаде. Как только все будет готово, сразу перебирайся с дочерьми во Фландрию, там вы будете в безопасности. Любимая, поверь: обвинение в колдовстве — это очень серьезно! Они непременно тебя казнят, если сумеют навесить ярлык ведьмы. Для тебя сейчас самое главное — поскорее оказаться в надежном месте и убереечь себя и наших дочерей.

Если сочтешь нужным, отошли девочек сразу, втайне от всех, и посели их в какой-нибудь простой и скромной семье. Не гордись, Елизавета! Выбери такое убежище, куда не заглянет никто. Нам придется пережить все это, если мы хотим вновь биться за свои законные права и победить.

Больше всего на свете меня огорчает то, что я невольно навлек опасность на свою жену и дочерей. Я уже написал Уорику и спросил у него, какой выкуп он желает получить за благополучное возвращение домой твоего отца и брата Джона. Не сомневаюсь, вскоре он их отпустит, и тогда ты выплатишь ему из казны такую сумму, какую он потребует. Твой муж, король Эдуард, единственный и законный правитель Англии.

Я дочитывала письмо, когда в дверь постучали. Затем она сразу же распахнулась, и я в страшном волнении вскочила на ноги. Сама не знаю, кого я ожидала увидеть на пороге — возможно, даже самого графа Уорика со связкой сырых дров для костра, на котором он с удовольствием сжег бы мою мать и меня. Но это оказался мэр Нориджа, который всего несколько дней назад устроил в мою честь столь пышную церемонию.

— Простите, ваше величество, но у меня срочные новости, — сказал он. — Плохие новости! Еще раз прошу меня извинить, но...

Я судорожно вздохнула и взяла себя в руки.

— Докладывайте скорей! — велела я.

— Это касается вашего отца и брата...

Я сразу все поняла. Нет, это не было предвидением; просто я все прочла по его округлому лицу, искаженному тревогой и пониманием того, какую боль он мне сейчас причинит. А еще по тому, как тесно и неловко толпились у него за спиной другие люди — так ведут себя те, кто действительно принес дурное известие. Фрейлины мои тоже сразу завздохали — точно похоронный ветер пролетел по комнате — и окружили мое кресло.

— Нет, — решительно возразила я. — Нет. Они просто в плену. Их взяли в плен английские рыцари, люди чести. И мы должны немедленно их выкупить.

— Мне уйти? — спросил мэр. — Может, мне уйти и зайти попозже, ваша милость?

Он ласково смотрел на меня, как на больную. Он просто не знал, как вести себя с королевой, которая прибыла в его город во всем блеске славы, а теперь подвергается смертельной опасности и вынуждена бежать.

— Докладывайте, — повторила я. — Прямо сейчас. Говорите все, даже самое плохое. Уж я как-нибудь постараюсь справиться.

Мэр быстро глянул на моих фрейлин — явно в поисках поддержки — и снова посмотрел на меня жалостливыми темными глазами.

— Мне очень жаль, ваша милость. У меня просто слов нет, как я вам сочувствую! Ваш отец, граф Риверс, и ваш брат, сэр Джон Вудвилл, во время сражения были взяты в плен — это было сражение с новым противником: наш король воевал со своим родным братом, герцогом Кларенсом. Герцог, судя по всему, заключил с графом Уориком союз против вашего мужа — вы, возможно, это уже знаете. Союз против вашего всемилостивейшего супруга и вас, госпожа моя. Ваших отца и брата взяли в плен, когда они храбро бились за вашу милость. В общем, их казнили. Им обоим отрубили головы... — Мэр все же осмелился поднять на меня глаза. — Думаю, им не причинили особых страданий, я уверен, что все было сделано очень быстро.

— Каково... обвинение? — Язык мне почти не повиновался, губы онемели, словно кто-то ударил меня в лицо кулаком. — Они воевали против мятежников за своего освященного церковью короля... какое же обвинение можно выдвинуть против них? Какое?

Мэр Нориджа покачал головой и тихо промолвил:

— Их казнили по приказу лорда Уорика. Не было ни суда, ни следствия, ни предъявления обвинения. Видимо, у нас теперь вместо закона пожелания милорда Уорика. Достаточно было одного его слова. И он велел отрубить им головы без судебного разбирательства, без

вынесения приговора. Но где же справедливость?! Ваше величество, не прикажете ли отдать соответствующие распоряжения, чтобы вас сопровождали в Лондон? Или лучше приготовить для вас корабль, на котором вы сможете отправиться за море?

— Я поеду в Лондон! — решительно заявила я. — Это столица моей страны, моего королевства. Я не иностранка, а английская королева и не намерена бежать во Францию. Здесь я родилась, здесь и умру. Нет, — поправилась я, — здесь я буду жить и бороться!

— Могу ли я принести вам свои глубочайшие соболезнования? Вам и нашему все милостивейшему королю?

— Кстати, нет ли у вас вестей о нашем короле?

— Мы очень надеялись, что ваша милость сама нас чем-то ободрит...

— Нет, я ничего не знаю о муже, — солгала я. Уж от меня-то они точно не услышат, что король находится в плену в замке Мидлхэм, а наша армия разбита. — Но в Лондон я отбываю сегодня же, часа через два, так что пусть оседлают моего коня, я поскачу верхом, не терпится предъявить свои права на столицу нашего государства, а затем и на всю Англию. Мой муж еще не проиграл ни одного сражения. Он и на этот раз одержит победу и всех предателей подвергнет справедливому суду!

Мэр низко мне поклонился, поклонились и все остальные, потом они, пятась, стали удаляться, а я опустила в свое высокое кресло и сидела, точно на троне, под сенью золотого знамени. Наконец за ними закрылась дверь.

— Уйдите, — приказала я фрейлинам, собрав остаток сил. — Готовьтесь к дороге.

Фрейлины затрепетали. Они явно колебались: им очень хотелось начать меня жалеть, но, увидев, каким мрачным стало мое лицо, они тоже потянулись к дверям. И я, оставшись одна в залитой солнцем комнате, вдруг почувствовала, что кресло подо мной шатается и вот-вот готово сломаться, резной подлокотник весь в трещинах, а знамя у меня над головой насквозь пыльное. И я поняла, что потеряла отца и брата, самого доброго и любящего отца на свете и замечательного брата, ради какого-то сломанного кресла и позолоченной пыльной тряпки. Моя страсть к Эдуарду, мое честолюбивое стремление стать королевой — вот что привело нас всех на передний край этих бесконечных сражений за власть и стоило мне пролитой крови брата и отца.

Я вспоминала, как отец впервые посадил меня на пони и велел высоко поднять голову, спокойно опустить руки и крепко держать поводья, чтобы пони сразу понял, кто здесь хозяин. Я вспоминала, как отец ласково гладил по щеке мою мать и уверял, что она самая умная женщина в Англии и он всегда будет слушаться только ее одну, а потом, разумеется, поступал по-своему. Я вспоминала, что отец влюбился в мою мать, когда был всего лишь оруженосцем ее первого мужа, а она была его госпожой; ей не следовало даже смотреть в его сторону, однако, едва овдовев, мать сразу же вышла за него замуж, презрев все правила и пересуды, и потом их называли самой красивой парой в Англии, к тому же заключившей брак по любви, чего никто, кроме них двоих, никогда не осмелился бы сделать. Я вспоминала, как мой отец вел себя в Рединге, как он, судя по описаниям Энтони, делал вид, что ему все на свете известно, а на самом деле у него от изумления просто глаза на лоб лезли. Я очень любила отца, но мне даже в такой момент хотелось улыбнуться, когда я вспоминала, как он заявил мне, что теперь может называть меня Елизаветой только наедине, потому что я стала королевой, и нам придется к этому привыкать. Я вспоминала, как гордо отец выпятил грудь, когда я сообщила, что женю его сына на герцогине, а сам он получит титул графа...

И тут я вдруг представила, каким ударом станет эта утрата для моей матери, и ведь именно мне придется сказать ей, что отца и брата казнили как предателей, когда они бились за меня

и моего мужа, хотя отец всю свою жизнь боролся за интересы противоположной стороны. Размышляя обо всем этом, я вдруг почувствовала себя такой больной, усталой и исстрадавшейся, какой никогда в жизни не чувствовала; так плохо мне не было, даже когда отец приехал домой после битвы при Таутоне с известием, что наше дело проиграно, даже когда мой первый муж не вернулся с поля брани после сражения с йоркистами при Сент-Олбансе, где, как я потом узнала, он погиб во время атаки.

Да, мне было хуже, чем когда-либо, и теперь я хорошо понимала: гораздо легче разжечь войну, чем надолго установить мир. Я на собственном опыте узнала, что в стране, находящейся в состоянии непрерывных войн, страшно жить и очень опасно растить дочерей и рожать сыновей.

Меня приветствовали в Лондоне как героиню; этот город горой стоял за Эдуарда, но вряд ли это помогло бы ему, если б мясник Уорик попросту прикончил его в темнице. Пока что я вместе с девочками поселилась в хорошо укрепленном лондонском Тауэре; со мной там находились и мои сыновья-подростки, которые пока что вели себя послушно, точно испуганные щенята, поскольку теперь понимали, что победу одерживают не во всех битвах и не каждый обожаемый сын благополучно возвращается с войны к своей матери. Их потрясла гибель дяди Джона, и они каждый день молились, прося Господа спасти и сохранить нашего короля. Все мы в те дни пребывали в печали: мои девочки потеряли доброго дедушку и обожаемого дядю и знали, что над их отцом нависла страшная опасность. Я написала своему родичу, герцогу Бургундскому, и попросила его подготовить безопасное убежище во Фландрии для меня, моих сыновей и дочерей-принцесс, подыскать для нас какой-нибудь маленький неприметный городок и небогатую семью, к которой могли бы приехать «английские родственники». Мне необходимо было такое пристанище, где моих дочерей никто и никогда не найдет.

Герцог поклялся, что все сделает, но предпримет и еще кое-что. Он пообещал поддержать английскую столицу, если она поднимется на мою защиту и защиту короля Эдуарда, и даже прислать свои войска. Также он несколько раз спросил, что слышно от моего мужа и не грозит ли ему опасность.

Разумеется, я ничего не могла написать ему, ничем не могла успокоить. Сведения о моем муже не подлежали разглашению. Теперь Эдуард пребывал в плену, в точности как и бедняга Генрих. Господи, как так вообще получилось? Как у нас в стране могли свершиться подобные вещи? Уорик по-прежнему держал Эдуарда в Мидлхам-Касле, продолжая убеждать лордов, что необходимо признать незаконность претензий Эдуарда на трон и заявить, что он никогда по-настоящему королем не был. И действительно, нашлись такие, кто выразил мнение, что Эдуарду надо отречься от престола, уступив место брату, в противном случае — взойти на эшафот. Они были уверены, что Уорик так или иначе получит либо корону, либо голову Эдуарда. А некоторые и вовсе утверждали: не сегодня-завтра мы узнаем, что Эдуард свергнут и бежал в Бургундию, а может, он уже мертв. Мне приходилось выслушивать все эти жуткие сплетни, не имея никаких вестей от мужа, и гадать, стану ли я вдовой до конца месяца, уже и без того потеряв отца и брата. Ну как можно все это вынести?

Моя мать приехала ко мне к концу второй недели, когда мое нервное напряжение вылилось в непрекращающуюся бессонницу. Она прибыла в Лондон из Графтона, из нашего старого дома; глаза ее были сухими, но сама она как-то согнулась, будто ее ранили в живот и она страдает от невыносимой боли. Стоило мне увидеть мать, и я поняла: мне не придется говорить ей, что она стала вдовой, — ей и самой это было известно. Она потеряла самую большую любовь своей жизни; пальцы ее все стискивали узел на кушаке платья — казалось, она и впрямь пытается зажать нанесенную ей в живот смертельную рану. Мать понимала, что ее муж и сын отошли в мир иной, но никто так и не сообщил ей, как они погибли и почему.

Мне пришлось увести ее в свою комнату, закрыть дверь, чтобы не вбежали дети, и подыскать такие слова, которыми можно было бы описать смерть ее мужа и сына. Позорную смерть от руки предателя, постигнушую хороших и честных людей.

— Мне так жаль, мама, — заключила я, опускаясь у ее ног на колени и крепко стискивая ей руки. — Мне безумно жаль их обоих. Но обещаю: Уорик поплатится за это собственной кровью! И Георг от меня живым не уйдет!

Мать покачала головой. Подняв глаза, я заметила у нее на лице морщины, которых, клянусь, прежде не было. От нее больше не исходило свойственное ей ранее сияние довольной жизнью женщины, и радость исчезла из ее взгляда, оставив на лице лишь усталые морщины.

— Нет, не надо, — тихо произнесла мать и умолкла. Потом погладила мои косы и продолжила: — Тихо, детка, не плачь. Твой отец не хотел бы, чтобы ты так по нему горевала. Он очень хорошо представлял, что такое риск, ведь это было далеко не первое его сражение. На все воля Божия. Вот, смотри. — Мать вытащила из-за корсажа исписанный от руки листок. — Это последнее письмо отца. В нем он просит передать тебе свое благословение и любовь. Отец писал это, когда ему пообещали свободу. Но думаю, он уже знал правду.

Почерк у моего отца был четкий и решительный, как и его речь. Я читала и просто поверить не могла, что никогда больше не увижу и не услышу его.

— А Джон... — Голос у матери сорвался. — Мой Джон... Какая огромная потеря — и не только для меня! Ведь у него вся жизнь была впереди... — Мать опять помолчала. — Понимаешь, когда твой ребенок вырастает и становится мужчиной, тебе начинает казаться, что все опасности позади, что сердце твое больше не будет разрываться от постоянного страха за него. Ведь уже пережиты все детские болезни, миновала даже черная смерть, унесшая столько соседских детей; твой мальчик жив и здоров, и ты думаешь, что теперь ему ничто не грозит. И каждый год все больше отделяет тебя от множества тех опасностей, что могли подстергать его в детстве. Ты ждешь, что скоро твой мальчик станет мужчиной. Я растила Джона, как и всех своих детей, задыхаясь от радостной надежды. А помнишь, как мы женили его на этой старухе ради ее титула и состояния и смеялись, уверенные, что он ее переживет? Ах, какой замечательной шуткой нам это казалось — такой молодой муж и жена-старуха! Мы хохотали, подтрунивая над ее возрастом, и были уверены, что она куда ближе к могиле, чем он. И вот теперь ей суждено увидеть, как в землю опустят гроб с его телом, а она сохранит и свою жизнь, и свое богатство. Как такое возможно? — Мать глубоко вздохнула, и мне показалось, что она сейчас лишится чувств. — И все же мне следовало бы знать заранее. Да, именно мне из всех людей на свете следовало бы все знать заранее! Ведь я обладаю даром предвидения, я должна была это почувствовать, но, увы, некоторые вещи настолько мрачны, что предсказать их невозможно. Сейчас вновь настали тяжелые времена, Англия погрузилась в печаль, и ни одной матери нельзя гарантировать, что ей не придется хоронить своих сыновей. Когда войной охвачена вся страна, когда родич идет против родича, брат против брата, всем сыновьям грозит опасность.

— Ничего, мать Эдуарда и Георга, герцогиня Сесилия, тоже познает эту боль! — яростно воскликнула я. — Ту боль, которую сейчас испытываешь ты! Она поймет, что значит потерять любимого сына, поскольку ее Георгу не жить! Клянусь тебе! Она увидит, как он умрет смертью лжеца, перебежчика и предателя. Ты лишилась сына, но та же участь ждет и ее, даю тебе слово!

— Но если следовать этому правилу, та же участь ждет и тебя, — предупредила меня мать. — Тогда будет все больше и больше смертей, все больше и больше междоусобиц, безотцовщины, вдов, которые еще и женами толком стать не успели. Неужели и ты хочешь в будущем оплакивать своего сгинувшего сына, подобно мне?

— Разногласия по этому вопросу мы с тобой уладим после гибели Георга, — упрямо заявила я. — Уорик и Георг должны быть наказаны, с этого дня они уже покойники! Клянусь, мама, с этой минуты они могут считать, что уже мертвецы. — Я встала и подошла к столу. — Я оторву уголок от отцовского письма и собственной кровью напишу на нем их смертный приговор.

— Ты неправа, — тихо возразила мать, но позволила мне отрезать уголок от письма.

Тут кто-то постучал в дверь.

Я поспешно вытирала лицо, залитое слезами, не разрешая матери крикнуть: «Войдите!» — как вдруг дверь распахнулась без всяких церемоний, и Эдуард, мой дорогой Эдуард вбежал в комнату с таким видом, словно весь день провел на охоте и решил сделать мне маленький сюрприз, вернувшись пораньше!

— Боже мой! Это ты! Эдуард, это действительно ты?

— Это я, — подтвердил он. — Приветствую и вас, госпожа моя, милая моя теща Жакетта!

Я бросилась мужу на шею, и он крепко меня обнял. Я вдыхала знакомый запах, чувствовала прежнюю силу его груди и плеч, и при каждом прикосновении к нему рыдания так и рвались из моей груди.

— Я думала, ты в тюрьме! Я боялась, что Уорик и тебя убьет!

— Он совершенно утратил самообладание, — кратко пояснил Эдуард. — Сэр Хамфри Невилл поднял Йоркшир, защищая Генриха, а когда Уорик пошел против него и никто его не поддержал, Уорик понял, что нуждается во мне. А теперь он начал понимать и то, что никому Георг на королевском троне не нужен, да и я от своей короны ни за что не отрекусь. Такой сделки Уорик не заключал. Вот он и не решился меня обезглавить. Если честно, сомневаюсь, что он нашел бы палача, который согласился бы это сделать. Я коронован и помазан честь по чести, и Уорик никак не мог просто снести мне голову — это же не дрова рубить. Церковь благословила меня на правление страной, моя плоть отныне священна, так что, как видишь, даже Уорик не осмелился хладнокровно уничтожить своего короля.

Эдуард пытался одновременно погладить меня по спине и распуścić мои волосы.

— Кстати, — продолжал он, — Уорик все же явился ко мне и потребовал подписать документ об отречении, но я ответил, что не вижу причин это подписывать, и прибавил, что с удовольствием еще немного погощу в его доме. Твой повар, сказал я ему, превосходен, а винный погреб еще лучше, так что я готов даже перебраться в Мидлхам-Касл вместе со всем своим двором, коли тебе хочется, чтобы я вечно оставался у тебя в гостях. Я добавил, что вполне мог бы управлять страной и из его замка, причем за его счет, но от трона никогда не откажусь. — И Эдуард захохотал, как всегда, громко и уверенно. — Ах, милая, видела бы ты его лицо! Судя по всему, он был уверен, что раз я в его власти, то по первому же требованию отдам ему свою корону. Но выяснилось, что тут я ему не помощник. Я развлекался, точно в цирке, глядя, как он пытается решить эту задачу. Собственно, я перестал чего бы то ни было опасаться, как только узнал, что ты благополучно добралась до Тауэра. Уорик полагал, что в его плену я тут же сломаюсь, а я даже ничуть не согнулся. Судя по всему, он считал меня прежним, обожающим его мальчишкой. Уорик так и не понял, что я уже вырос и стал взрослым. У него в доме я вел себя чрезвычайно мило, ел с удовольствием и, когда друзья приходили меня навестить, требовал, чтобы и их принимали по-королевски. Сначала я спросил, нельзя ли мне пройтись по саду, после потребовал вылазку в лес, затем выразил желание прокатиться верхом. Что плохого, если мне позволят заодно и немного поохотиться? И Уорик стал разрешать мне конные прогулки. Однажды явился мой Совет и потребовал свидания со мною; Уорик просто не представлял, как всем этим лордам отказать, и позволил мне с ними встречаться. Мы даже приняли какой-то дурацкий закон или два — просто для

поддержки уверенности: в стране ничего не изменилось и я по-прежнему король Англии. Порой я с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться Уорику в лицо. Он вздумал взять меня в плен и попытался держать в тюрьме, но оказалось, что это ему не под силу. Ничего из этого не вышло, и ему просто приходилось оплачивать расходы целого королевского двора. Ах, дорогая! Я, например, потребовал пение хора во время обеда, и он не нашел, как мне отказать. Я заставлял его приглашать танцоров и музыкантов. Вскоре до Уорика начало доходить, что недостаточно просто держать у себя короля: его необходимо уничтожить. Ведь от меня Уорик так ничего и не добился и прекрасно понимал, что я скорее умру, чем он от меня хоть что-то получит. Но в один прекрасный день — это случилось утром, четыре дня назад, — конюхи Уорика совершили роковую ошибку: они подали мне моего собственного коня, моего боевого коня Фьюри! Уж я-то знал, что мой жеребец способен бежать быстрее любой лошади из их конюшни! Ну что ж, решил я, пожалуй, на этот раз прокачусь чуть дальше обычного и немного прибавлю скорости. Собственно, это все. Мне показалось, что я вполне сумею съездить к тебе — и вот я здесь!

— Неужели все позади? — еще не веря до конца, спросила я. — Неужели тебе удалось от них ускакать?

Эдуард гордо усмехнулся, точно мальчишка.

— Хотел бы я видеть коня, который способен догнать моего Фьюри! Он отлично отдохнул — еще бы, две недели его держали в стойле и кормили отборным овсом! Да я дыхание не успел перевести, как оказался в Рипоне. Мне даже понукать Фьюри не пришлось!

Я рассмеялась, разделяя радость мужа.

— Боже мой, Эдуард, я так за тебя переживала! Я ведь боялась, что никогда тебя больше не увижу. Да, мой любимый, я действительно этого боялась!

Эдуард поцеловал меня в волосы и прижал к себе, поглаживая по спине.

— Разве я не обещал, когда мы еще только поженились, что всегда буду возвращаться к тебе? Разве не говорил, что умру только в собственной постели рядом с тобой, моя ненаглядная? Разве ты не должна родить мне сына? Неужели ты думаешь, что какая-то тюрьма способна нас разлучить?

Я прижалась лицом к груди мужа, мне хотелось прямо-таки слиться с ним.

— Ах, мой дорогой, мой любимый! Значит, теперь ты отправишься туда со своими гвардейцами и арестуешь Уорика?

— Нет, он все еще слишком силен. И большая часть севера по-прежнему в его власти. Впрочем, надеюсь, мы с ним сумеем заключить некое перемирие. Он же осознает, что поднятый им мятеж потерпел крах, что все кончено. У него достаточно ума понять: на этот раз он проиграл. Так что Уорику, Георгу и мне придется как-то уладить свои разногласия и восстановить мир. Они попросят у меня прощения, и я их прощу. Но теперь Уорик знает: ему не под силу держать меня в плену и управлять мною. Я стал королем, и изменить этого он не может. Он мой подданный, он принес мне клятву верности, а я, в свою очередь, дал клятву править страной. Я — его король. И тут уж ничего не попишешь. Да и народ наш отнюдь не горит желанием участвовать в очередной войне, затеянной соперничающими претендентами на престол. И сам я никаких сражений не хочу. Я поклялся принести в Англию мир и справедливость.

Эдуард вытащил у меня из волос последние шпильки и потерся лицом о мою шею.

— Я скучал по тебе, — добавил он. — И по девочкам. У меня была пара отвратительных

моментов, когда меня еще только привели в тот замок и поместили в темницу без окон. Прости, что с твоим отцом и братом так получилось... — Эдуард поднял голову и посмотрел на мою мать. — Простите меня, Жакетта! У меня просто слов нет, чтобы выразить, до чего мне жаль! — Эдуард явно был искренен. — Такова уж наша военная удача — все мы понимаем, чем рискуем на поле боя. Но они убили двух очень хороших людей — вашего мужа и вашего сына.

Мать кивнула, помолчала немного и спросила:

— А каковы будут условия того перемирия, которое ты, Эдуард, собираешься заключить с человеком, уничтожившим моего мужа и сына? У меня такое ощущение, что ты ему и это готов простить.

Эдуард, услышав в голосе моей матери холод стали, поморщился и поспешил предупредить нас:

— Вам обоим эти условия придутся не по нраву. Я намерен сделать племянника Уорика герцогом Бедфордским. Он — наследник Уорика. Надо привязать Уорика к нам, и мне придется дать ему некий приз, долю в нашей королевской семье.

— Ты пожалеешь ему мой прежний титул? — словно не веря собственным ушам, уточнила моя мать. — Титул герцогов Бедфордов? Титул моего первого мужа? Этому предателю?

— А мне безразлично, получит ли племянник Уорика титул герцога! — поспешно вставила я. — Ведь не этот мальчишка убил моего отца, а сам Уорик. Его племянник меня совершенно не волнует.

Эдуард кивнул, помялся и неохотно продолжил:

— Есть и еще кое-что не слишком приятное. За юного герцога Бедфорда я выдам нашу дочь Елизавету. Тогда этот союз действительно станет достаточно прочным.

Я резко повернулась к мужу.

— Елизавету? Мою Елизавету?

— Нашу Елизавету, — поправил меня Эдуард. — Да, нашу Елизавету.

— Ты обещаешь выдать за него девочку, которой еще и четырех лет не исполнилось? Она станет принадлежать родственнику Уорика, человека, который зверски расправился с ее любимым дедом?

— Так и будет. Хватит с нас «войны Роз», хватит брату убивать брата. Теперь «Розы» должны остановиться. И ты, возлюбленная жена моя, даже не пытайся меня переубедить. Я должен заставить Уорика заключить со мной перемирие. А для этого мне придется пожертвовать ему изрядный куш. Мало того, благодаря этому браку его потомки получат определенную возможность унаследовать английский трон.

— Уорик — предатель и убийца! Неужели ты думаешь, что у тебя получится выдать мою маленькую дочь за племянника этого человека?

— Да, — твердо отозвался Эдуард.

— Только через мой труп! — свирепо заявила я. — Клянусь тебе, что никогда этого не допущу. Я предсказываю, что этого в любом случае никогда не произойдет!

Эдуард улыбнулся.

— Склоняю голову перед вашими выдающимися способностями, провидицы вы мои. — Он изысканно поклонился мне и моей матери. — Но полагаю, что время покажет, насколько твое предсказание правдиво. Между тем пока что я король Англии, и у меня хватит власти выдать свою дочь за того, кто угоден мне. Тем не менее я буду делать все от меня зависящее, чтобы помешать вашим врагам испуганно от вас шарахаться, точно от парочки ведьм, и никому не позволю удушить вас на перекрестке дорог за причастность к колдовству. Говорю тебе как король: единственный способ сделать и тебя, и любую мать нашего королевства спокойной за жизнь своего сына и свою собственную — это немедленно прекратить всякие военные действия.

ОСЕНЬ 1469 ГОДА

Итак, Уорик снова вернулся ко двору как любимый друг и верный наставник. Нам теперь предстояло изображать семью, в которой порой случаются и ссоры, но тем не менее все друг друга очень любят. Эдуард со своей ролью справлялся неплохо. Я приветствовала Уорика улыбкой, в которой было не больше теплоты, чем в замерзшем фонтане, струйки которого превратились в сосульки. Мне требовалось вести себя так, словно этот человек вовсе не убийца моего отца и брата, словно это вовсе не он бросил в темницу моего мужа. Так я себя и вела: ни одного гневного словечка не сорвалось с моих губ. Впрочем, Уорик и без слов прекрасно понял, что в моем лице приобрел смертельно опасного врага на всю оставшуюся жизнь.

Однако Уорик отлично знал, что вслух я ничего против него сказать не могу. Едва заметный поклон, которым Уорик меня приветствовал, впервые встретившись со мной после долгой разлуки, был свидетельством его молчаливого торжества.

— Ваша милость, — вкрадчиво произнес он.

И я, как всегда в его присутствии, почувствовала себя неловко. Точно девчонка! Когда я первый раз вышла замуж, Уорик давно уже был одним из могущественнейших людей, он строил и воплощал в жизнь планы, связанные с судьбой всего королевства, а я тогда во всем слушалась мужа, и все мои тревоги сводились к сложностям в моих отношениях с леди Грей — моей первой свекровью. Вот и сейчас Уорик смотрел на меня так, словно мне следовало бы по-прежнему кормить в Графтоне кур.

Мне очень хотелось говорить надменно, ледяным тоном, но, скорее всего, выглядела я просто обиженной.

— Добро пожаловать, милорд, рада снова вас видеть, — с явной неохотой промолвила я.

— Вы всегда чрезвычайно любезны, ваша милость, — с улыбкой откликнулся Уорик. — Поистине прирожденная королева!

Даже мой сын Томас Грей почувствовал его издевательские интонации и, не в силах сдержаться, сердито что-то пробубнил — он ведь был совсем еще мальчишкой — и выбежал вон.

Уорик снова лучезарно мне улыбнулся.

— Ах, эта молодежь, — вздохнул он. — Многообещающий мальчик.

— Да! И я очень рада, что его не было на пустошах Эджкота, рядом с дедом и дядей, которых он обожал, — отчеканила я с ненавистью.

— О да, я тоже очень этому рад!

Ладно, пусть он сейчас заставляет меня ощущать себя полной идиоткой, ни на что не способной, но я твердо верю в одно: я непременно выполню данную мной клятву! Там, в моей шкатулке с драгоценностями, по-прежнему лежит потемневший от старости медальон из черненого серебра, и внутри спрятано имя моего врага, Ричарда Невилла, а также имя предателя — Георга Кларенса; и оба эти имени написаны моей кровью на клочке бумаги, оторванном от уголка предсмертного письма моего отца. Этих людей я прокляла как своих главных врагов. И уверена: я увижу их мертвыми у своих ног!

ЗИМА 1469/70 ГОДА

Наступил день зимнего солнцестояния. И в самый темный час самой долгой ночи в году мы с матерью спустились на берег Темзы. Вода в ней была как черное стекло. Дорожка, ведущая из Вестминстерского дворца через сад, проходила по самому берегу реки. Вода стояла очень высоко, но мы едва видели ее блеск, такой густой была тьма; зато мы хорошо слышали, как плещется вода о причал и о стены замка, как река дышит, подобно огромному животному с гибким извилистым телом, и порой тихо постанывает, словно море в час прилива. Это была наша стихия, и я с наслаждением вдыхала холодный запах речной воды — так изгнанник, вернувшись из долгой ссылки, наслаждается ароматами родной земли.

— Я должна родить сына, — сообщила я матери.

— Я знаю, — улыбнулась мать.

Из кармана она вытащила три магических амулета, аккуратно, точно рыболов наживку, привязала их к трем лескам и забросила в реку. Потом подала мне концы лесок и велела держать. Слушая, как «наживки» одна за другой падают в воду, я вспомнила то золотое колечко, которое пять лет назад выудила из реки еще дома, в Графтоне.

— Теперь выбирай сама, — дала указания мать. — Выбирай, какую леску тянуть.

Концы всех трех лес я крепко зажимала в левом кулаке.

Из-за облака выглянула луна. Уже убывающая, но еще довольно полная, серебристая; от нее на темной воде пролегла светящаяся дорожка. Я взяла одну из лесок в правую руку.

— Вот эту, — сказала я.

— Точно?

— Да.

Мать тут же достала из кармана серебряные ножницы, перерезала две остальные лесы, и их сразу унесла темная река.

— А что там было? На тех лесках.

— То, чего уже никогда не случится. То будущее, которое останется скрытым. Дети, которые у нас никогда не родятся, возможности, которыми мы никогда не воспользуемся, удача, которая никогда нам не улыбнется. Все это смыло водой. Для тебя это будущее потеряно навсегда. Так что теперь смотри в оба и держи оставшуюся леску.

Я прислонилась к стене дворца и осторожно потянула за лесу; она легко подалась, и из воды, роняя капли, показалась хорошенькая серебряная ложечка, какие дарят младенцу «на зубок». Когда я подтянула ее к себе и поймала одной рукой, ложечка так сверкнула в лунном свете, что я успела прочесть выгравированное на ней имя: «Эдуард», а рядом с этим именем я заметила еще и крошечную корону.

Рождество мы провели в Лондоне, устроив настоящий праздник примирения, словно этот пир действительно способен был превратить Уорика в нашего сторонника. Все это напоминало мне былые времена, когда бедняга Генрих пытался свести своих врагов и заставлял их клясться друг другу в дружбе. Я знала, что многие во дворце тайком посмеиваются, видя Уорика и Георга среди самых почетных гостей.

Эдуард приказал сделать все с поистине королевским размахом, и на праздник Двенадцатой ночи[20] почти две тысячи представителей английских аристократов сели вместе с нами за обеденные столы. Уорик занимал среди них наиболее почетное место. Эдуард и я надели короны и облачились в самые богатые и модные одежды. Той зимой я предпочитала серебристо-белые и золотистые тона, и все говорили, что я — настоящая Белая роза Йорка.

Мы преподнесли подарки всем гостям, присутствующим на обеде, а также одарили их различными милостями. Уорик пользовался всеобщим вниманием, и мы с ним раскланялись в высшей степени любезно. Я даже танцевала — правда, по приказу мужа — со своим деверем Георгом; мы держались за руки, и я, улыбаясь, смотрела в его привлекательное мальчишеское лицо, в очередной раз поражаясь тому, как сильно он похож на своего брата: уменьшенная и, пожалуй, более утонченная копия светловолосого красавца Эдуарда. Просто удивительно, до чего Георг нравился людям! Пусть даже чисто внешне. Казалось, в нем сосредоточилось все легкое обаяние Йорков, но не было заметно ни капли гонора, столь свойственного Эдуарду. Но я ничего не забыла и ничего не простила!

Я ласково поздоровалась с его молодой женой Изабеллой, дочерью Уорика, и пригласила ее ко двору, в общем, желая ей добра. Она была какая-то жалкая, худенькая, бледная и, судя по всему, пребывала в ужасе от той роли, которую ее заставил играть отец в задуманной им игре. Теперь, выйдя замуж за Георга, она стала членом самой вероломной и опасной семьи в Англии; ей приходилось постоянно находиться при дворе короля, которого ее муж предал. Изабелла явно нуждалась хоть в капле доброты, и я обращалась с ней действительно как сестра. Человеку, не знакомому с нравами двора и прибывшему сюда лишь на самый радостный и гостеприимный из всех праздников года, и впрямь могло показаться, что я искренне люблю эту девушку, ставшую мне родственницей, что ни отца, ни брата я не теряла, что я и памяти начисто лишилась.

Но с памятью было все в порядке. В моей шкатулке с драгоценностями по-прежнему хранился потемневший медальон, а в нем — крошечный обрывок последнего отцовского письма, на котором я собственной кровью вывела имена: Ричард Невилл, граф Уорик, и Георг Йорк, герцог Кларенс. Нет, я ничего не забыла, и когда-нибудь они это поймут!

Уорик продолжал оставаться для всех загадкой, это действительно был самый могущественный человек в королевстве после самого короля. Он принимал чествования и подарки с ледяным достоинством, как человек, которому все обязаны. А вот соучастник его преступления, Георг Кларенс, напоминал, скорее, щенка гончей, который все время прыгает и виляет хвостом. Изабелла, его жена, предпочитала сидеть среди моих фрейлин и общалась в основном с моими сестрами и невесткой Елизаветой. Я не могла сдерживать улыбки, замечая, как она отворачивается, не желая видеть выкрутасы своего супруга, когда тот танцует с другими дамами, как она вздрагивает, когда он во все горло выкрикивает тосты в честь короля. Белокурый круглолицый Георг всегда был любимцем Йорков; во время этих

рождественских праздников он вел себя по отношению к старшему брату так, словно не только на этот раз прощен, но и впредь всегда и за все будет получать прощение. Безусловно, Георг был самым испорченным, самым избалованным ребенком в этом семействе и, судя по всему, сам верил, что ни на что плохое попросту не способен.

Младшему из братьев, Ричарду, герцогу Глостеру, уже исполнилось семнадцать; к этому хрупкому юноше довольно привлекательной наружности все относились как к ребенку, но ничьим любимцем он, пожалуй, никогда не был. Он единственный из братьев был похож на отца: такой же темноволосый, хрупкий, тонкокостный — точно тот ребенок, какого эльфы оставляют родителям взамен похищенного сына,[21] — и этим сильно отличался от остальных своих сородичей, широкоплечих, крепких, светловолосых и красивых. Ричард был благочестив и задумчив; большую часть времени он проводил дома, в своем огромном замке на севере Англии, где жил жизнью, полной всевозможных обязанностей и сурового служения людям. Ричард находил неуместным праздничное сверкание нашего двора, и ему, безусловно, казалось, что для этого пира мы разукрасили себя, точно какие-то язычники. А на меня, клянусь, он посматривал так, словно я — дракон, алчно распростершийся над грудой сокровищ, а не прелестная русалка в серебристой воде. Правда, я замечала, что в этих его взглядах немало смешанной с ужасом страсти. Но все-таки Ричард был совсем еще ребенком и женщин откровенно побаивался, поскольку не понимал их. Рядом с ним мои сыновья, Томас и Ричард Грей, которые были лишь немногим его моложе, выглядели юношами, пожалуй, даже более взрослыми, очень веселыми и вполне светскими. В течение всех праздников они то и дело приглашали Ричарда развлечься — звали его на охоту, в пивную или просто погулять по улицам в масках, — но он весьма нервно от всех этих заманчивых предложений отказывался.

Слухи о нашем рождественском пире разлетелись по всему свету. В разных странах Европы двор нового английского короля считался самым прекрасным, элегантным, куртуазным и милосердным. Эдуард непременно хотел сделать двор Йорков не менее знаменитым, чем двор герцогов Бургундских, всегда славившийся своим вниманием к красоте, моде и культуре. Мой муж любил хорошую музыку, и во время обеда у нас всегда либо пел хор, либо играли музыканты, а мы с моими придворными дамами выучили немало танцев и даже сами придумали кое-что новое. Мой брат Энтони был незаменимым советчиком в подобных затеях. Он много путешествовал по Италии и постоянно рассказывал нам о новых науках и искусствах, о гармонии древнегреческих городов, о Риме и о том, что сейчас Европа заново открывает для себя античные искусства и науки. Энтони не раз беседовал с Эдуардом о том, что хорошо было бы пригласить к нам из Италии художников, поэтов и музыкантов, и призывал его использовать королевскую казну для создания различных школ и университетов. Энтони также немало знал о новых научных открытиях и исследованиях, о математике, астрономии и многих других удивительных вещах. Он поведал нам о новом математическом счислении, которое начинается с цифры нуль, и попытался объяснить, как представления о нуле способны изменить все на свете. Он утверждал, что есть такая наука, которая дает возможность вычислить любое расстояние, даже такое, которое невозможно измерить: например, вскоре можно будет узнать даже расстояние от нас до Луны. Его жена Елизавета спокойно и внимательно все это слушала, а нам говорила, что Энтони — настоящий волхв и мудрец. В общем, наш двор стал средоточием изящества и просвещенности, и всем этим управляли мы с Эдуардом.

Однако я не уставала удивляться тому, как дорого содержать такой двор, как много приходится платить за всю эту красоту и даже просто за подаваемые на стол яства. Немало стоили нам и бесконечные требования наших придворных — то о судебном разбирательстве, то о какой-либо должности, то о выделении земель или иной милости, то о poste сборщика налогов, то о помощи в решении вопроса о наследстве.

— Вот что значит — быть королем, — заметил как-то Эдуард, подписывая последнюю из поданных в тот день петиций. — Как король Англии я владею всем. Герцоги и графы

распоряжаются своими землями только благодаря моей милости, и каждый рыцарь, и даже каждый мелкий сквайр, пользуется неким ручейком, вытекающим из моей реки. Каждый жалкий фермер, каждый арендатор, каждый копигольдер[22] и крестьянин — все зависят от моей милости. И я вынужден раздавать богатство и власть, чтобы мои реки текли по-прежнему. А если что-то пойдет не так — даже при малейших признаках этого, — люди сразу начнут шептаться, что прямо-таки мечтают вернуть на трон короля Генриха, что в старые времена было куда лучше. Или даже что Эдуард, сын Генриха, или мой брат Георг могли бы стать более щедрыми правителями. И уж конечно, клянусь Господом, где-нибудь да найдется очередной претендент на трон — например, Генрих, сын Маргариты Бофор. А что? Люди скажут: пусть теперь нами правит кто-нибудь из династии Ланкастеров, для разнообразия. Все это способно лишь усилить брожение мыслей. Ради сохранности власти мне постоянно приходится по кусочку отдавать ее другим, но кусочки эти тщательно мной выбраны и отмерены. Я должен нравиться каждому, но не слишком сильно.

— Да все они — просто жадные до денег крестьяне! — раздраженно бросила я. — Их преданность королю покоится лишь на собственных интересах. Их волнуют только собственные проблемы и желания. Они хуже рабов!

Эдуард улыбнулся.

— Ты права. Это действительно так. Каждый из них хуже раба. И каждый мечтает владеть своим маленьким поместьем или своим личным маленьким домиком — точно так же, как и я хочу владеть своим троном, так же, как ты желала получить в манориальную собственность поместье Шин, а в придачу к нему и должности для своих родственников. Все мы стремимся к богатству, к управлению землями, и все это находится в моих руках, так что раздавать и земли, и богатства мне приходится с большой осторожностью.

ВЕСНА 1470 ГОДА

Дни становились все теплее, по утрам было все светлее, а птицы уже вовсю пели в садах Вестминстера, когда разведка донесла Эдуарду, что в Линкольншире готовится восстание, имеющее целью вновь посадить на королевский престол Генриха VI, доселе всеми забытого и тихо проживавшего в лондонском Тауэре скорее отшельником, чем узником.

— Придется туда поехать, — заявил Эдуард, держа в руке письмо осведомителя. — Если вожак бунтовщиков, кто бы он ни был, — предтеча наступления Маргариты Анжуйской, тогда мне придется расправиться с ним прежде, чем она высадится со своей армией на английский берег и поддержит этот мятеж. Судя по всему, она собирается использовать ситуацию, чтобы проверить, достаточно ли сильны здесь ее сторонники, а заодно возложить на плечи неведомого вожака весь риск по созданию необходимого войска. Убедившись, что войско собрано, она незамедлительно явится в Англию со своей французской армией, и тогда мне придется сражаться на два фронта.

— Но разве это не опасно — бороться с человеком, которому не хватило мужества даже назвать свое имя? — встревожилась я.

— Не более опасно, чем всегда, — спокойно ответил Эдуард. — Не могу же я позволить своим людям снова отправиться на войну без меня. Нет, я должен быть там, с ними. Должен их возглавить.

— А как же твой надежный друг Уорик? — ядовито усмехнулась я. — И твой верный брат Георг? Может, они уже собирают для тебя армию? Может, спешат в трудную минуту

оказаться рядом?

Эдуард тоже усмехнулся, но ответил так:

— Вот тут ты и ошибаешься, моя маленькая Королева Недоверие. Я только что получил письмо от Уорика — он предлагает сформировать войско, которое как раз и отправится со мной. И Георг хочет меня сопровождать.

— В таком случае во время битвы тебе придется следить за ними! — воскликнула я, ничуть не успокоенная его словами. — Они будут отнюдь не первыми, кто приведет свое войско сражаться на твоей стороне, и отнюдь не последними, кто покинет тебя при неблагоприятном исходе. Как бы они в решающий момент не переметнулись на сторону противника. Мой тебе совет: когда окажешься лицом к лицу с врагом, оглянись и посмотри, что у тебя за спиной делают твои верные друзья.

— Но ведь они действительно принесли мне клятву верности, — утешал меня Эдуард. — Правда, любимая. И потом, ты же знаешь, я умею выигрывать.

— Знаю, что умеешь, — отозвалась я. — Но мне так тяжело смотреть, как ты снова собираешься в поход! Когда же все это кончится? Когда они перестанут будоражить людей и бороться за то, что давно утрачено?

— Скоро, — пообещал Эдуард. — Они быстро поймут, что мы едины и сильны. Уорик со своими северянами на моей стороне, Георг докажет, что он мне действительно брат. Ну а Ричард всегда со мной. Не тревожься, я вернусь домой, как только мы победим этого бунтовщика, и это случится очень скоро — мы с тобой еще успеем потанцевать утром вокруг майского дерева, и ты будешь улыбаться...

— Эдуард, пойми! Пойми хоть на этот раз! Я просто не вынесу твоего отъезда на север, чувствую, что не вынесу. Не мог бы Ричард встать сейчас во главе твоей армии? Вместе с Гастингсом. Остайся со мной. Только в этот раз!

Эдуард взял мои руки и прижал их к губам. Судя по всему, моя тревога на него ничуть не действовала, скорее, она его умиляла и забавляла. Он улыбался.

— Но почему? Почему ты так переживаешь из-за этого похода? Почему именно этот раз так для тебя важен? Может, ты хочешь что-то рассказать мне?

Я не могла противиться мужу и тоже улыбнулась.

— Да, хочу. Точнее, хотела бы, но лучше поберегу на потом.

— А я и так понял! Догадался. Неужели ты думала, что я сам не догадаюсь? Ну-ка, выкладывай, что за великую тайну ты от меня скрываешь?

— Из-за этой тайны ты должен как можно скорее вернуться домой, ко мне. Из-за этой тайны тебе вообще не следует никуда отправляться — даже во главе своего славного войска!

Эдуард, улыбаясь, молчал, ждал продолжения — именно такой мне представлялась эта сцена в мечтах.

— Ну же, выкладывай! — поторопил он меня. — Тебе давно следовало все рассказать, я уже заждался.

— У меня опять будет ребенок, — сообщила я. — И на этот раз мальчик, я в этом уверена.

Эдуард привлек меня к себе и нежно обнял.

— Я так и знал! Нутром чувствовал, что ты опять беременна. Но откуда тебе известно, что это мальчик? Откуда, моя маленькая ведьма, моя чаровница?

Я улыбнулась и посмотрела на мужа, ощущая себя в полной безопасности, но свой маленький женский секрет предпочла сохранить.

— Ах, зачем тебе все эти ненужные подробности, — прошептала я. — Повторю лишь, что я совершенно в этом уверена. И ты тоже можешь не сомневаться. Так что у нас родится сын!

— Мой сын! Принц Эдуард! — прошептал муж.

Я засмеялась, вспомнив ту серебряную ложечку, которую вытянула из темной реки в день зимнего солнцестояния.

— Почему именно Эдуард? — спросила я.

— Ну конечно, Эдуард! Я давно так решил.

— И он действительно будет принцем Эдуардом! — подтвердила я. — Так что ты должен не только явиться домой целым и невредимым, но и успеть к его появлению на свет.

— А когда это случится?

— Осенью.

— Я обязательно вернусь домой целым и невредимым и обязательно привезу тебе персики и соленой трески! Помнится, когда ты носила Сесилию, тебе хотелось чего-то такого... очень специфического...

— Солероса! — засмеялась я. — Странно, что ты помнишь! Я все просила принести мне еще. Так что поскорее приезжай домой и захвати с собой солерос. Ну и что-нибудь еще, я пока не знаю, что еще потребуется. У меня там мальчик, принц, и он должен получать все, что пожелает. Он родится с серебряной ложечкой во рту!

— Мы скоро снова будем вместе! Только не тревожься так. А то вдруг у нашего сына на лбу навечно застынет хмурая морщинка.

— В таком случае остерегайся Уорика. И братца своего тоже. Я им не доверяю.

— Ладно, но обещай мне, что будешь побольше отдыхать и развлекаться; тебе нужно быть веселой, тогда и он вырастет веселым и сильным.

— А ты обещай, что вернешься целым и невредимым, чтобы наш сын чувствовал себя уверенно и был настоящим наследником твоего трона.

— Хорошо, договорились. Я скоро вернусь.

Но Эдуард ошибся. Боже, как сильно он ошибся! Нет, слава тебе господи, не насчет того, что выиграет это сражение, которое позже назвали «сражением сброшенных мундиров». Ведь эти босоногие глупцы, бившиеся за полоумного Генриха, в такой спешке бежали с поля брани, что побросали не только свое оружие, но и одежду. Они спасались от бешеной атаки королевского войска, возглавляемого моим мужем, который прямо-таки прорубался сквозь вражеские ряды, стремясь поскорее отправиться домой, захватив обещанные мне персики и солерос.

Нет, ошибался Эдуард насчет верности Уорика и Георга. Его брат — как выяснилось

впоследствии — давно планировал этот мятеж и даже заплатил за него, собираясь на этот раз обеспечить поражение Эдуарда. Эти люди надеялись убить моего мужа и посадить на трон Георга. Родной брат Эдуарда и его лучший друг, точнее, тот, кто некогда был им, решили, что единственный способ победить короля — это нанести ему удар в спину прямо на поле боя. Они бы наверняка еще и кинжалом его сзади ударили, да не удалось: слишком уж быстро скакал Эдуард на своем жеребце — никому не угнаться.

Битва еще не успела начаться, а лорд Ричард Уэллс, этот жалкий предводитель мятежников, упал перед Эдуардом на колени и признался во всем, показав и план действий, и приказы Уорика, и золото Георга. Они заплатили ему за мятеж под именем свергнутого короля Генриха, но на самом деле это была всего лишь уловка: они планировали заманить Эдуарда на север и заставить его участвовать в сражении — там бы они убили его прямо на поле боя. Уорик хорошо усвоил урок, преподанный моим мужем, и понял, что невозможно удержать взаперти такого человека, как Эдуард. Чтобы победить Эдуарда, надо его уничтожить. И Георг, его родной брат, преодолев родственные чувства, готов был перерезать ему горло прямо на поле брани и, утопая по колено в крови, добраться до короны. Эти люди подкупили несчастного лорда Уэллса, приказав поднять мятеж, и в очередной раз убедились, что Эдуард им все же не по зубам. Когда стали ясны все улики и свидетельства против Уорика и Георга, мой муж потребовал их к себе — своего ближайшего друга, которого считал старшим братом, и юного прощельгу, который действительно был ему родным братом, — но они не явились; и только тут Эдуард наконец понял, как ему следует к ним относиться. Король призвал их к ответу как предателей, но они уже успели бежать из страны.

— Ничего, я еще увижу их мертвыми, — заявила я матери. — Увижу мертвыми их обоих. Клянусь тебе в этом, мама, что бы ты на этот счет ни думала и ни говорила!

Мы с ней сидели у открытого окна в моих покоях Вестминстера и пряли чистой шерсть ягнят, чтобы вы ткать бесценную ткань с золотой нитью для плаща моего будущего сына — поистине чудесного плаща, достойного маленького принца, наследника одного из величайших престолов христианского мира.

Мать кивнула, не сводя глаз с веретена у себя в руках, и шерсти, которую я старательно разбираю.

— Не стоит вслух желать кому-то зла, когда ткешь плащ для будущего малыша, — предупредила мать. — Злые пожелания застревают в вещах.

Я тут же остановила колесо прялки и отложила в сторону комок шерсти.

— Ладно, — сказала я, — работа может и подождать. А вот мой гнев ждать не может!

— Но разве ты не знаешь? Эдуард пообещал лорду Ричарду Уэллсу полную безопасность, если тот признается в предательстве и выдаст участников заговора; но, когда Уэллс открылся, Эдуард нарушил свое слово и убил его. Неужели ты об этом не слышала?

Я лишь молча покачала головой.

Лицо моей матери стало еще мрачнее.

— Теперь семейство Бофор громко оплакивает Уэллса, ведь он был их родственником, а враги Эдуарда получили новый козырь и новую причину для вражды. Король ведь тоже не был честен. И теперь ему никто не поверит, никто не осмелится ему сдать. Он ведь сам продемонстрировал, что доверять ему нельзя, что он ничуть не лучше Уорика.

Я пожала плечами.

— Такова капризная удача войны. И Маргарита Бофор понимает это не хуже меня. Кстати, ей и без того было с чего горевать — она ведь считает себя наследницей дома Ланкастеров, а мы призвали ее мужа Генриха Стаффорда, и он воюет на нашей стороне. — Я холодно усмехнулась. — Вот уж бедняга! Оказался меж двух огней — приказом короля и волей жены.

Мать тоже не могла скрыть хитрой улыбки.

— Не сомневаюсь, Маргарита все это время простояла на коленях перед иконами, — заметила она. — Маргарита так хвастается своим божественным чутьем и близостью к Богу! Однако ее достижения не слишком велики.

— В общем-то, этого Уэллса можно сбросить со счетов, — рассуждала я. — Живой или мертвый, он особого значения не имел. Зато имеет очень большое значение то, что Уорик и Георг теперь направятся напрямик к королю Франции и станут нас всячески порочить, надеясь собрать там армию для очередного вторжения. У нас теперь появился новый враг — причем буквально в нашем же собственном доме, среди наших же собственных наследников. Господи, что за ужасная семья эти Йорки!

— Где теперь Георг и Уорик? — поинтересовалась мать.

— В море и, по словам Энтони, направляются в Кале. На борту судна вместе с ними находится и беременная Изабелла, но до нее никому нет дела, о ней заботится только ее мать, графиня Уорик. Видимо, они надеются добраться до Кале и сколотить там войско. Ведь Уорика во Франции обожают. Но если они действительно обоснуются в Кале, мы просто покой потеряем — они так и будут караулить наши суда на берегу моря и угрожать им, находясь всего в полдне пути от Лондона. Они не должны войти в гавань Кале, мама! Мы обязаны им помешать! Эдуард уже отдал приказ флоту, но вряд ли корабли сумеют их вовремя перехватить.

Я встала и высунулась из распахнутого окна навстречу солнечным лучам. Стоял тихий теплый день, Темза под моим окном, искрясь на солнце, текла спокойно и безмятежно. Но на юго-западе у самого горизонта, прямо над морем, виднелась темная полоса — судя по всему, там шел дождь. Я вытянула губы и тихонько засвистела.

И почти сразу услышала, как мать у меня за спиной тоже негромко свистнула. Не сводя глаз с темной гряды облаков, я посвистывала, и этот звук стал все более походить на грозное шипение штормового ветра. Мать подошла ко мне и обняла за сильно раздавшуюся талию. Теперь мы свистели вместе, пристально вглядываясь в весеннюю даль. Мы поднимали бурю!

Темные облака сгустились медленно, но уверенно и мощно, громоздясь друг на друга и постепенно превращаясь в огромный грозовой вал, нависший над морем довольно далеко от нас. Тем не менее мы уже чувствовали, что в воздухе повеяло прохладой. Меня вдруг охватил озноб, я вздрогнула, отвернулась от затянутого холодными мрачными тучами неба и поспешно закрыла окно. Тут же по нему застучали первые капли дождя.

— А в море, кажется, настоящий шторм разыгрался, — сказала я.

Через неделю мать пришла ко мне с письмом в руке.

— Я получила известия от моей кузины из Бургундии, — сообщила она. — Кузина пишет, что судно, на котором плыли Георг и Уорик, не смогло пристать к французскому берегу, его отнесло ветром в открытое море, и они чуть не потерпели крушение в тамошних жутких водах. Они умоляли крепость Кале позволить им войти в порт хотя бы ради Изабеллы, но

крепость разрешения не дала и цепями перегородила вход в гавань. Чудовищный ветер, поднявшийся ни с того ни с сего, чуть не разбил их корабль о стены, но к причалам их все же не допустили. Они не смогли даже шлюпку на воду спустить — так бушевало море. У Изабеллы, бедняжки, прямо во время шторма начались схватки. Их судно качало и швыряло несколько часов подряд, и ребенок умер, едва появившись на свет.

Я перекрестилась.

— Да помилует его Господь, бедного малютку! Такого горя никому не пожелаю.

— Никто ей этого и не желал, — здраво ответила моя мать. — Но если бы Изабелла не села на один корабль с предателями, а осталась в Англии, то родила бы спокойно. О ней позаботились бы и повитухи, и друзья.

— Несчастливая девочка! — Я невольно коснулась своего вздувшегося живота. — Бедняжка. Мало же радости она получила от своего великолепного брака! Помнишь, какой подавленной она выглядела, когда приезжала к нам во дворец на рождественский праздник?

— Есть новости и похуже, — продолжила моя мать. — Высадившись на французский берег, Уорик и Георг направились напрямик к Людовику,[23] королю Франции и большому другу Уорика, и теперь уже они все встретились в Анжере с Маргаритой д'Анжу и плетут сети нового заговора — в точности как мы с тобой совсем недавно плели здесь магические сети.

— Значит, Уорик по-прежнему настроен воевать с нами?

Моя мать поморщилась.

— Вероятно, он и впрямь человек упорный в своих намерениях, раз способен спокойно смотреть, как гибнет его новорожденный внук, а вся его семья пытается спастись бегством. А сразу после чудом не случившегося кораблекрушения вновь начинает строить козни, нарушая клятву верности, данную им королю. Нет, такого человека ничто не остановит! Можно было предположить, что хотя бы шторм, разразившийся среди ясного неба, заставит его задуматься, так ведь и этого не произошло. В общем, сейчас Уорик обхаживает Маргариту д'Анжу, против которой некогда воевал. Ему, правда, пришлось полчаса простоять на коленях, вымаливая у нее прощение. А ведь когда-то она была его злейшим врагом! Маргарита не желала ни видеть его, ни говорить с ним, пока он не совершит подобное покаяние. Она, да благословит ее Господь, всегда была очень высокого мнения о себе.

— Как ты думаешь, что он задумал?

— Теперь править бал будет уже французский король. Уорик, видимо, по-прежнему считает себя «делателем королей», однако теперь он — просто марионетка в руках Людовика. Ведь недаром этого французского короля называют пауком. Должна признаться, он и впрямь умеет плести весьма тонкие сети, возможно, даже лучше нас с тобой. Людовик не прочь свергнуть твоего мужа и отгрызть изрядный кусок нашей территории, для этого он и использует Уорика и Маргариту. Эдуарда Ланкастера, сына Маргариты, так называемого принца Уэльского, он намерен женить на младшей дочери Уорика Анне — так он свяжет лживых родителей жениха и невесты настолько крепкими узами, что они не смогут их разорвать, не обесчестив себя. Ну а затем, по-моему, все они заявятся в Англию и попытаются вызволить Генриха из Тауэра.

— Значит, эту девочку Анну Невилл отдадут Эдуарду? — спросила я, мгновенно представив себе Анну и отвлекаясь от нашей основной темы. — Этому чудовищу? И все ради того, чтобы помешать ее отцу вести двойную игру?

— Безусловно! — подтвердила моя мать. — Ей всего четырнадцать, и ее собираются выдать за мерзкого мальчишку, которому с одиннадцати лет было разрешено самому выбирать вид

казни для своих врагов. Его специально воспитывали, превращая в настоящего дьявола. Наверное, теперь бедная Анна Невилл пытается понять, для чего же ее растили: сделать королевой или бросить прямо в ад, где ей суждено гореть в вечном огне вместе с грешниками.

— Но ведь для Георга тогда все меняется, — рассуждала я. — Одно дело — воевать с собственным братом и надеяться, убив его, унаследовать трон и корону, но теперь-то что? С какой стати Георг станет противостоять Эдуарду, если эта война ничего ему не даст? Зачем ему теперь-то с родным братом сражаться? Чтобы посадить на трон короля, а затем и принца из династии Ланкастеров?

— Полагаю, Георгу и в голову не приходило, что может случиться нечто подобное, когда он отправился в это плавание вместе с беременной женой на сносях и тестем, твердо решившим отвоевать для него английскую корону. Но теперь Георг потерял своего новорожденного сына и наследника, и его тесть сообразил, что Анну тоже вполне можно сделать английской королевой. В общем, перспективы у Георга и впрямь далеко не радужные. Полагаю, у него хватило здравого смысла понять это. А ты как считаешь?

— Если и не хватило, то советчики ему подскажут.

Наши глаза встретились. Мне никогда не нужно было ничего говорить матери: она понимала меня без слов, как, впрочем, и я ее.

— Так может, стоит перед обедом навестить королеву-мать? — спросила она.

Я сняла ногу с педали прялки и рукой остановила колесо.

— А давай прямо сейчас ее навестим, — предложила я.

Королева-мать вместе со своими фрейлинами шила на престольную пелену, одна из дам читала вслух Библию. Герцогиня Сесилия славилась своей набожностью; ее подозрения насчет того, что наше семейство недостаточно богобоязненно — а может, мы и вовсе язычники, колдуны и ведьмы! — всегда были причиной ее неприязненного и даже слегка опасливого отношения ко мне. Даже годы, которые я прожила в браке с ее сыном, ничуть не изменили ее точку зрения. Сесилия совершенно не желала мириться с тем, что Эдуард все-таки женился на мне, и даже теперь, когда я на деле доказала и свою плодовитость, и прочие качества хорошей жены, она ненавидела меня по-прежнему. Она обращалась со мной так неучтиво и злобно, что Эдуард даже подарил ей Фотерингей, лишь бы держать ее подальше от лондонского двора. Если честно, меня набожность Сесилии отнюдь не впечатляла: если уж она действительно такая добрая христианка, то почему не воспитала получше своего любимчика Георга? И если Господь действительно так ей покровительствовал, как она утверждала, то почему дал погибнуть ее мужу и сыну Эдмунду? Когда мы вошли, я склонилась в реверансе, и Сесилия, поднявшись, тоже низко мне поклонилась, затем кивком велела своим фрейлинам собрать шитье и отойти в сторонку. Она прекрасно понимала: я явилась не для того, чтобы узнать о ее самочувствии. Между нами по-прежнему не было ни капли любви, и я догадывалась, что никогда не будет.

— Какая честь для меня, ваша милость, — ровным тоном произнесла Сесилия.

— Что вы, матушка-королева, — с улыбкой отозвалась я, — это для меня большая честь и удовольствие видеть вас!

Сели мы все одновременно, избегнув необходимости решать, кому садиться первой. Мать Эдуарда выжидающе на меня смотрела, рассчитывая, что я первая заговорю.

— Я так вам сочувствую! — сладким голосом промолвила я. — Не сомневаюсь, вы очень тревожитесь о судьбе нашего Георга — он ведь сейчас так далеко от родного дома, его объявили предателем, и он, в общем, оказался в ловушке вместе с этим негодяем Уориком, заставившим его отречься от родного брата, от своей семьи. Да еще и первенец Георга, я слышала, умер, и сам он пребывает в большой опасности.

Герцогиня Сесилия моргнула. Она явно не ожидала, что я стану беспокоиться о ее любимчике Георге.

— Разумеется, было бы неплохо, если бы он со всеми помирился, — осторожно ответила она. — Это всегда так печально, когда ссорятся родные братья.

— Увы, до меня дошли известия о том, что Георг, как это ни грустно, намерен порвать со своей семьей, — жалобно продолжала я. — Перебежчик! Он ведь решился пойти не только против родного брата, но и против родного дома, против вас!

Сесилия посмотрела на мою мать, надеясь, что та пояснит мои слова.

— Он принял сторону Маргариты д'Анжу! — без обиняков заявила моя мать. — Ваш сын, йоркист, собирается воевать за короля Ланкастеров! Позор!

— И наверняка потерпит поражение: ведь победа всегда остается за Эдуардом, — тут же вставила я. — И тогда Георга придется казнить как предателя. Разве сможет Эдуард пощадить его, даже во имя братской любви, раз он согласился принять цвета Ланкастеров? Только представьте себе, как он пойдет на смерть с красной розой на шляпе! Какой позор для вас, Йорков! Что бы чувствовал его отец?

Судя по всему, Сесилия действительно пришла в ужас.

— Мой сын никогда бы не перешел на сторону Маргариты Анжуйской! — воскликнула Сесилия. — Ведь она была злейшим врагом его отца!

— Маргарита Анжуйская велела насадить голову его отца на пику и выставить у ворот Йорка, — напомнила я. — И все же Георг теперь ей служит. Разве такое можно простить? Кто из нас сможет простить ему такое предательство?

— Я в это не верю! — негодовала королева-мать. — Возможно, его соблазнили, заманили, заставили силой... Это все, конечно, Уорик! Ведь Георгу очень непросто: он вечно оказывается вторым после Эдуарда! И потом он...

Сесилия прикусила язык, но мы и так поняли, что она хочет сказать. Георг ревнив и завистлив, он завидует всем на свете: своему брату Ричарду, Гастингсу, мне, моим родным. Впрочем, нам было ясно и то, что именно она, герцогиня Сесилия, забила Георгу голову всякими дикими мыслями о том, что Эдуард — не законный сын своего отца, а бастард и потому не имеет права на наследство, а значит, настоящим наследником является он, Георг.

— Да и какой... — снова подала голос Сесилия.

— Какой ему от этого прок? — легко закончила я за нее. — Теперь мне ясно, как вы к нему относитесь, матушка-королева. Действительно, Георг всегда думает только о собственной выгоде и никогда — о верности, о данном кому-то слове, о своей чести. Что ж, Георг есть Георг. Но по-моему, никакой он не Йорк!

Сесилия вспыхнула, услышав последнюю фразу, но отрицать ничего не стала: даже ей было ясно, что Георг чрезвычайно эгоистичен и испорчен, способен, точно флюгер, в любой момент повернуться в ту сторону, куда дует ветер.

— Вступая в сговор с Уориком, Георг был уверен, что Уорик сделает его правителем, — почти грубо заявила я. — Затем оказалось, что никому не нужен такой король, как Георг, если есть такой король, как Эдуард. И лишь два человека во всей стране по-прежнему считали, что Георг значительно лучше моего мужа.

Сесилия молчала.

— Это сам Георг и вы! — отчеканила я. — А потом он бежал вместе с Уориком, потому что не осмеливался даже в глаза Эдуарду посмотреть, поскольку в очередной раз его предал. И вот теперь он обнаружил, что планы Уорика совершенно переменялись. Что Уорик не собирается сажать его, Георга, на трон, а намерен выдать свою дочь Анну замуж за Эдуарда Ланкастера, которого и сделает королем, а сам, таким образом, превратится в королевского тестя. А Георг и Изабелла, с точки зрения Уорика, теперь уже для столь высоких целей не годятся. Вот Уорик и сделал ставку на Эдуарда Ланкастера и Анну. Так что самое большее, на что нынче может надеяться Георг, — это стать каким-то там свойственником узурпатора из династии Ланкастеров. И это вместо того, чтобы по-прежнему быть родным и любимым братом законного короля Йорка!

Герцогиня Сесилия кивнула в знак согласия.

— Так что выгоды маловато, — заметила я. — Не слишком большое вознаграждение за проделанную работу и смертельный риск.

Я взяла паузу, давая своей свекрови возможность обдумать услышанное, затем нарочито задумчивым тоном прибавила:

— Хотя, пожалуй, если бы теперь Георг в очередной раз переметнулся — то есть перешел на сторону брата, признал свою вину и подтвердил свою преданность, — Эдуард, наверное, принял бы его и, возможно, даже простил.

— Правда? Он бы его простил?

— Это я могу вам обещать, — заверила я.

Разумеется, я умолчала, что уж я-то никогда Георга не прощу; что для меня и он, и Уорик — покойники; они стали для меня покойниками с тех пор, как подло казнили моего отца и брата на пустошах Эджкота. Я твердо знала: вскоре Георга и Уорика ждет гибель, что бы они ни предпринимали. Их имена, написанные моей кровью, по-прежнему хранились в потемневшем серебряном медальоне, в моей шкатулке с драгоценностями, и не должны были увидеть свет солнца до тех пор, пока хозяева этих имен не окажутся в стране вечной тьмы.

— Было бы неплохо, — как бы невзначай вмешалась моя мать, глядя в окно на клубящиеся облака, — если б Георг — ведь он еще так молод и лишен сейчас хороших советчиков — от кого-нибудь узнал, допустим, во время частной беседы, что может без опаски приехать и помириться с братом. Порой молодым людям необходим добрый совет. Им достаточно всего лишь намекнуть, что они свернули не туда, но еще успеют вернуться на ровную дорогу. Такой прекрасный молодой человек, как Георг, не должен сражаться за Ланкастеров и умирать с красной розой на шлеме! Ему следует быть заодно со своей семьей, со своими братьями, которые его любят.

Мать остановилась, давая Сесилии возможность хорошенько проникнуться этой идеей. Я была в восторге: со своей задачей моя мать справлялась просто блестяще!

— Если бы кто-то мог передать вашему мальчику, — продолжила она, — что его ждут дома, что вы с радостью примете назад своего блудного сына! Тогда братья Йорки снова смогли бы объединиться, и Йорк воевал бы на стороне Йорка, а сам Георг при этом ничего не потерял

бы, оставшись по-прежнему братом английского короля и герцогом Кларенсом. Да и мы приложили бы все усилия, чтобы Эдуард полностью восстановил Георга в правах. Вот в чем его будущее. Но если он пойдет иным путем — кем его тогда будут считать? — Моя мать замолкла, словно пытаюсь понять, кем же тогда станут считать любимого сына герцогини Сесилии, и наконец отыскала нужные слова: — Полным ничтожеством!

Герцогиня Сесилия резко встала, моя мать спокойно поднялась. А я продолжала сидеть, улыбаясь своей свекрови и позволяя ей сколько угодно возвышаться предо мною.

— С вами всегда так приятно говорить, — сказала Сесилия дрожащим от гнева голосом.

Только теперь встала и я. Положив руку на свой выпирающий живот, я подождала, пока она первой мне поклонится.

— И мне всегда так приятно говорить с вами, — любезно ответила я. — Доброго вам дня.

Все, дело было сделано. И это оказалось легче, чем навести магические чары. Без лишних слухов — даже Эдуард так ничего и не узнал об этом — одна из фрейлин королевы-матери вдруг решила навестить свою задушевную подругу Изабеллу Невилл, жену Георга. Скрыв лицо под густой вуалью, эта дама села на корабль, прибыла в Анжер, отыскала там Изабеллу, но не стала зря тратить время, без конца выслушивая ее слезные жалобы, а встретила с Георгом и поведала ему, как нежно мать его любит и как она о нем тревожится. Георг, в свою очередь, сообщил, что его все больше беспокоит отношение к нему его основного союзника, которому он не только поклялся в верности, но и приходится зятем. Кроме того, Георг выразил опасения, что Господь не благословил его брак с Изабеллой, поскольку их младенец умер во время того ужасного шторма, да и все остальное идет наперекосяк с тех пор, как он на ней женился. Тогда как с ним, Георгом, попросту не должно было случиться ничего столь неприятного, он в этом уверен. Но теперь у него такое ощущение, будто его со всех сторон окружают враги, старинные враги его семейства, и — что еще хуже — он и среди них играет вторую роль. В общем, Георг — вот уж действительно сума переметная! — велел этой фрейлине передать матери, что он переправится на английский берег вместе с вражеской армией Ланкастеров, но, едва ступив на землю родного королевства, сразу же доложит любимому брату, где именно они высадились и какими силами располагают. Он сделает вид, будто действует с ланкастерцами заодно, будучи собственником сыну Маргариты и принцу Уэльскому, но, как только начнется битва, он нападет на врагов с тыла и мечом проложит себе путь в стан своих родных братьев. Он снова станет истинным сыном Йорка, одним из его троих сыновей. И теперь мы можем полностью на него положиться, поскольку он готов уничтожить не только своих нынешних друзей, но даже семью своей жены. Он предан Йоркам и в глубине души всегда был им предан.

Мой муж принес мне столь ободряющие новости, совершенно не подозревая, что все это дело рук женщин, как всегда плетущих свои козни в обход мужчин. В этот момент я как раз прилегла отдохнуть и, положив руку на живот, слушала, как внутри возится ребенок.

— Разве это не замечательно! — искренне радовался Эдуард. — Георг к нам вернется.

— Знаю, ты любишь Георга, — отозвалась я, — но, по-моему, даже ты должен признать, что он — совершеннейшая змея и не способен никому хранить верность.

Мой великодушный муж только улыбнулся и добродушно заметил:

— Ну так ведь это же Георг. Тебе не стоит быть к нему слишком строгой. Он привык быть всеобщим любимцем, его всегда заботили лишь собственные удовольствия.

Я заставила себя улыбнуться Эдуарду.

— А я и не сужу его слишком строго, — возразила я. — И рада, что он снова с тобой заодно.

И про себя добавила: «Но он все равно покойник!»

ЛЕТО 1470 ГОДА

Я торопилась следом за мужем, поддерживая руками свой большой живот, а за нами по длинным извилистым коридорам Вестминстера бежали слуги с его вещами.

— Ты не можешь меня оставить! Ты же поклялся, что будешь со мной рядом, когда родится малыш! Наш мальчик! Твой сын! В такой момент ты должен быть со мной!

Эдуард обернулся, лицо его было мрачно.

— Милая, у нашего сына не будет ни трона, ни королевства, если я немедленно туда не отправлюсь. Свойственник Уорика, Генри Фицхью, поднял весь Нортумберленд! И у меня нет ни капли сомнений, что сам Уорик нанесет удар с севера. А чуть позже и Маргарита высадится со своей армией на юге. Наверняка она сразу двинется на Лондон, чтобы освободить своего супруга из Тауэра. Нет, я должен ехать! И как можно скорее. Ведь мне придется сначала разбираться с одним противником, а затем быстро развернуться на юг и успеть перехватить второго — иначе Маргарита со своими наемниками может до тебя добраться. Я не могу этого допустить. Как видишь, милая, у меня нет времени даже спорить с тобой, хотя эти споры всегда доставляют мне несказанное удовольствие.

— А как же я? Что будет со мной и с нашими девочками?

Эдуард что-то негромко приказал одному из своих помощников, семенившему с ним рядом с грифельной доской в руках, затем снова зашагал в сторону конюшни. Впрочем, там Эдуард остановился лишь на мгновение и что-то крикнул своим конюшним. Его гвардия поспешно облачалась в доспехи и проверяла оружие, сержанты громогласно приказывали войску строиться. В повозки грузили палатки, вооружение и продовольствие. Огромная армия Йорка снова выступала в поход.

— Тебе придется перебраться в Тауэр. — Эдуард резко затормозил и обернулся ко мне. И я поняла: придется подчиниться. — Я должен быть уверен, что ты в безопасности. Всем вам, в том числе и твоей матери, следует немедленно отправиться в королевские покои Тауэра и там готовиться к появлению ребенка. Ты же знаешь: я вернусь, как только смогу.

— Но зачем мне прятаться, ведь наш враг далеко, в Нортумберленде? Зачем мне переселяться в Тауэр, если битва состоится за сотни миль отсюда?

— Затем, что одному дьяволу известно, где именно высадятся Уорик и Маргарита, — ответил Эдуард. — По моим предположениям, они могут разбить войско надвое и одну его часть направить на север на поддержку тамошнего мятежа, а вторую — в Кент. Но это еще вопрос. От Георга я пока известий не получал и не представляю даже, какие у наших противников планы. А что, если они поднимутся на кораблях вверх по Темзе и атакуют Лондон, пока я буду сражаться в Нортумберленде? Любимая, будь же храброй, будь настоящей королевой! Переселяйся вместе с девочками в Тауэр, там все вы будете в безопасности. Только тогда я смогу спокойно сражаться, победить и вскоре вернуться.

— А мои сыновья? — прошептала я.

— Твои сыновья отправятся со мной. Не беспокойся, им в походе ничего не будет угрожать —

я сделаю все для этого. Однако, Елизавета, им тоже давно пора принять участие в настоящей битве.

Ребенок, словно протестуя, вдруг с такой силой принялся брыкаться у меня в животе, что я невольно примолкла на мгновение и воскликнула:

— Боже мой, Эдуард, когда же наконец мы действительно будем в полной безопасности?!

— Когда я одержу над врагами полную победу, — ровным голосом произнес он. — А теперь, любимая, отпусти меня, чтобы я мог эту победу одержать.

И я его отпустила. По-моему, никто в мире не мог бы тогда переубедить Эдуарда. Потом я сообщила девочкам, что мы остаемся в Лондоне и переезжаем в Тауэр. Мне было известно, что этот дворец они особенно любят. Я объяснила дочерям, что их отец и сводные братья должны вновь отправиться на битву с плохими людьми, которые по-прежнему хотят посадить на трон старого безумного короля Генриха, хотя тот давно уже стал узником Тауэра — его комнаты находились прямо под королевскими покоями — и проводит время в безмолвных молитвах. Но, объясняя я дочерям, их отец вскоре непременно придет к нам живым и невредимым. Однако ночью я услышала, как девочки плачут: им снились страшные сны о злой королеве, безумном короле и нехорошем дяде Уорике. Пришлось снова пообещать им, что король непременно вскоре победит всех этих плохих людей и вернется домой вместе с нашими мальчиками, ведь он дал мне слово. И он никогда не проигрывал сражений, так что победа ему обеспечена!

Но на этот раз все сложилось иначе.

На этот раз Эдуарду не удалось добиться победы.

Эдуард и его ближайшие соратники — мой брат Энтони, его брат Ричард, сэр Уильям Гастингс и еще несколько человек, — находясь в Донкастере, еще до рассвета были внезапно разбужены двумя королевскими менестрелями, которые, возвращаясь пьяными домой после бурной ночи, проведенной в компании шлюх, случайно заглянули за стены замка и вдруг увидели на дороге приближающиеся факелы. Это были передовые вражеские отряды, и то, что они решили напасть неожиданно, ночью, являлось верным признаком того, что ими командует Уорик. Он и сам явно находился где-то неподалеку, на расстоянии часа, а может, и нескольких минут пути от замка, и был намерен взять короля в капкан, прежде чем король и его ближайшее окружение сумеют воссоединиться с остальной армией. Весь север был поднят Уориком и готов за него сражаться. На захват Эдуарда и его людей хватило бы, наверное, и нескольких минут. Там, на севере, влияние Уорика было необычайно велико, к тому же его брат и зять тоже пошли против Эдуарда, решив встать на сторону своего родственника и защищать плененного короля Генриха VI. В общем, войско Уорика должно было оказаться у ворот замка максимум через час. И на этот раз никто не сомневался: пленных Уорик брать не станет.

Эдуард немедленно отправил моих сыновей обратно в Лондон, ко мне, а сам вместе с Ричардом, Энтони и Гастингсом во весь опор помчался верхом сквозь ночную тьму, надеясь уйти от людей Уорика, поскольку был уверен: их, Эдуарда и его сторонников, безусловно, ждет казнь. Однажды Уорик уже попытался держать Эдуарда в плену, как и мы держали в Тауэре Генриха, и эта неудачная попытка показала, что в схватке с Эдуардом окончательную победу Уорик может обрести, только убив своего соперника. Уорик больше не собирался дожидаться, когда король признает свое поражение. На этот раз, несомненно, Уорик хотел видеть Эдуарда мертвым.

Во время столь поспешного ночного бегства мой муж, разумеется, не имел возможности послать мне хоть какую-то весточку, и я не знала ни того, где мы с ним снова встретимся, ни куда он направляется. Впрочем, вряд ли он и сам знал. Эдуард мог лишь нестись прочь от

верной гибели. Мысли о том, как вернуться, пришли к нему позднее. А в ту ночь король и его верные друзья всего лишь пытались спасти себе жизнь.

ОСЕНЬ 1470 ГОДА

Новости в Лондон приходили в виде весьма ненадежных слухов и почти всегда оказывались плохими. Уорик высадился в Англии, как и предсказывал Эдуард, вот только Эдуард никак не мог предположить, что на сторону этого предателя перебежит столько представителей знати. Все они вдруг дружно решили поддержать того короля, о котором на целых пять лет совершенно забыли, оставив его гнить в Тауэре. К Уорику, например, присоединились граф Шрусбери, Джаспер Тюдор, способный по своему приказу поднять почти весь Уэльс, и лорд Томас Стэнли — тот самый, что получил от меня кольцо с рубином во время турнира, устроенного в честь моей коронации, и заявил, что его девиз «Без перемен». За этими влиятельными аристократами последовала целая толпа менее значительных дворян, число которых вскоре превзошло число сторонников Эдуарда, — и это в его же собственном королевстве! Все бывшие сторонники Ланкастеров вынимали и чистили старое оружие, вновь собираясь в поход и надеясь, что на этот раз победа окажется за ними. Все было именно так, как Эдуард и предсказывал: он не смог максимально быстро добиться процветания страны, что, впрочем, вполне естественно, не успел по справедливости распределить имевшееся у него богатство. Да и мы, Риверсы, не сумели достаточно широко и прочно распространить влияние нашей семьи. И теперь те, кто выступил против Эдуарда, надеялись, что при Уорике и безумном короле Генрихе им удастся осуществить больше перемен, чем удалось при правлении Эдуарда и моей семьи.

Моего мужа наверняка убили бы на месте, если б поймали. Но они его упустили — это, по крайней мере, было совершенно ясно, — и никто не знал, где Эдуард находится. Каждый день кто-нибудь непременно являлся в Тауэр и заверял, что видел, как Эдуард умирает от ран, или как спасается, отплывая во Францию, или даже, как утверждали некоторые, мертвым лежит в гробу.

Мои сыновья прибыли в Тауэр, с ног до головы покрытые дорожной пылью, страшно усталые и злые. Злились они из-за того, что им не позволили умчаться в ночь вместе с королем. Я старалась не приставать к ним; даже целовала их только утром и на ночь, как и положено, но была вне себя от радости и никак не могла поверить, что сыновья и впрямь благополучно ко мне вернулись. Как не могла поверить и в то, что мой муж и брат этого сделать не сумели.

Я послала в Графтон за моей матерью, прося ее прибыть в Тауэр как можно скорее. Мне совершенно необходимо было ее общество и ее поддержка. Разумеется, если б нам действительно пришлось спасаться за границей, я настояла бы, чтобы и мама поехала с нами. Однако мой посланец вернулся назад один и мрачно сообщил:

— Миледи нет дома.

— Где же она?

Он отвел глаза; ему явно не хотелось передавать мне некую дурную весть.

— Говори немедленно! — Голос мой зазвенел от страха. — Где она?

— Миледи арестована, — признался слуга. — По приказу графа Уорика. Это он велел арестовать миледи. Его люди явились в Графтон и увели миледи.

— Уорик арестовал мою мать? — Я отчетливо слышала стук собственного сердца. — Он бросил мою мать в тюрьму?

— Да, ваша милость.

Кровь прилила к моему лицу, а руки тряслись так, что перстни стучали по подлокотникам кресла. Я глубоко вздохнула и крепко стиснула подлокотники пальцами, пытаюсь хоть немного унять дрожь. Мой сын Томас подошел ближе и встал по одну сторону от моего кресла, а его брат Ричард — по другую.

— По какому же обвинению? Да и как он осмелился ее арестовать?

Я задумалась. Это не могло быть обвинение в предательстве: мою мать никто не заподозрил бы в этом; все знали, что она лишь изредка дает мне советы, является хорошей тещей для короля Англии, а для его королевы — любящей матерью и близкой подругой. Даже Уорик вряд ли пал так низко, чтобы обвинить немолодую женщину в предательстве и отрубить ей голову только за то, что она любит собственную дочь. Впрочем, этот человек уже без суда и следствия, а также без особой на то причины убил моего отца и моего брата. Видимо, теперь его единственным желанием было разбить мне сердце и лишить Эдуарда поддержки моих родных. И я понимала: если я когда-нибудь окажусь в руках у этого человека, он непременно меня уничтожит.

— Мне очень жаль, ваша милость...

— И все-таки — каково обвинение? — допытывалась я.

Горло у меня пересохло, я даже слегка закашлялась.

— Колдовство, — только и вымолвил слуга.

Как известно, не требуется ни суда, ни следствия, чтобы подвергнуть ведьму смертной казни. Впрочем, ни один подобный процесс ни разу не был безрезультатным, ведь так легко найти людей, которые под присягой засвидетельствуют, что у них умерла корова или, скажем, лошадь сбросила кого-то с седла, потому что ведьма не так на них посмотрела. Хотя, повторюсь, в подобных делах не нужно ни свидетелей, ни судебного расследования, достаточно одного-единственного священника; ну а уж если такой знатный лорд, как Уорик, объявит женщину ведьмой, никому и в голову не придет ее защищать. После такого обвинения ее запросто удавят и закопают в землю у перекрестка сельских дорог. Для этой миссии обычно приглашали кузнеца, в силу профессии имевшего крупные, сильные руки. Моя мать была женщиной высокой и стройной, в прошлом знаменитой красавицей, и шея у нее была длинной и изящной, так что задушить ее в одну минуту смог бы любой мужчина. Для этого вовсе не нужно было обладать дьявольской мощью кузнеца. Сделать это по приказу Уорика мог кто угодно из его охраны, и наверняка сделал бы по первому же слову своего господина.

— Где она? — осведомилась я. — Куда он ее увез?

— Никто в Графтоне так и не понял, куда они направились, — ответил слуга. — Я чуть ли не каждого спрашивал. Явился конный отряд, они усадили вашу мать на седельную подушку позади офицера и поскакали на север. Но не сообщили, куда именно. Просто объявили, что она арестована по обвинению в колдовстве, и все.

— Я должна написать Уорику, — решительно произнесла я. — Ступай пока поешь и вели на конюшне, пусть тебе приготовят свежую лошадь. Ты должен выехать как можно скорее и мчать во весь опор. Ты готов?

— Прямо сразу и выведу.

Слуга поклонился и вышел.

Я написала Уорику, требуя немедленно освободить мою мать. Я также написала каждому из архиепископов, которым мы некогда помогли занять высокие посты, и каждому, кто, как мне казалось, мог за нас заступиться. Я написала старым друзьям моей матери и тем ее родственникам, что так и остались приверженцами дома Ланкастеров. Я написала даже Маргарите Бофор, которая, будучи все-таки наследницей Ланкастеров, имела, возможно, некоторое влияние. Затем я удалилась в королевскую часовню, опустилась на колени и всю ночь молилась, чтобы Господь не позволил этому мерзкому человеку отнять у меня мою добрую мать, которая на самом деле никакими магическими искусстваами не владела и обладала лишь священным даром предвидения. Ну, может, знала кое-какие волшебные фокусы и была немного знакома с языческими обрядами, но сама предпочтения язычникам не отдавала. А на рассвете я вывела на пере горлинки имя матери и бросила это перышко плыть по течению: я хотела предупредить Мелюзину, что ее дочь попала в беду.

Затем мне пришлось долго ждать вестей. Целую неделю я пребывала в ужасе, не имея никакой информации и опасаясь самого худшего. Ко мне по-прежнему каждый день являлись «свидетели» того, что мой муж погиб. Теперь я боялась, что то же самое скажут и о моей матери, и тогда я останусь совсем одна в этом мире. Я обращалась к Господу, я нашептывала молитвы реке — ну хоть кто-то из богов должен спасти мою мать! И вот наконец выяснилось, что ее освободили. А через два дня мама и сама прибыла ко мне в Тауэр.

Я бросилась в ее объятия и расплакалась, точно десятилетняя девочка. А она обнимала меня, утешала, баюкала, словно я и впрямь снова стала ее маленькой дочкой. Когда я немного успокоилась и заглянула в любимое лицо матери, то увидела, что и у нее по щекам текут слезы.

— У меня все хорошо, — сказала она. — Уорик меня не тронул. Он меня даже не допрашивал. Да и в тюрьме продержал всего несколько дней.

— Почему же он освободил тебя? — удивилась я. — Правда, я написала ему, написала всем и каждому, я молилась — и Богу, и реке, — но все же не думала, что в сердце Уорика найдется хоть капля милосердия.

— Это все Маргарита д'Анжу! — Мать сухо усмехнулась. — Только она одна из всех женщин на свете могла приказать ему немедленно оставить меня в покое. Маргарита сделала это, едва услышав о моем аресте. Мы ведь с ней когда-то были добрыми подругами и по-прежнему являемся родственницами. Видимо, она вспомнила, как верно я ей служила, будучи первой дамой ее двора, вот и велела Уорику немедленно меня освободить, пригрозив, что иначе она будет чрезвычайно им недовольна.

— Значит, она приказала ему отпустить тебя и он подчинился?

Я недоверчиво подняла брови.

— Ну да, — подтвердила мать. — Она ведь теперь свекровь его дочери. И разумеется, по-прежнему его королева, которой он принес клятву верности. Уорик стал союзником Маргариты, рассчитывая, что ее армия его поддержит и поможет вновь захватить власть в стране. Но ведь я-то была ее подругой еще в те времена, когда она только прибыла в Англию как невеста Генриха, я оставалась ее подругой в течение всех лет ее правления. Я ведь тоже принадлежала к дому Ланкастеров, как и все мы, пока ты не вышла замуж за Эдуарда.

— Как это хорошо со стороны Маргариты, что она спасла тебя! — заключила я.

— Это действительно война кузенов, — заметила мать. — У всех нас есть родственники и друзья по ту сторону. Все мы вынуждены сталкиваться с тем, что невольно убиваем своих же сородичей. Но порой имеет смысл проявить и милосердие. Я знаю, что говорю, да и сам Господь тому свидетель: особым милосердием Маргарита не отличается, однако по отношению ко мне его проявила.

В богато убранных покоях лондонского Тауэра я спала тревожным сном и, без конца просыпаясь, видела, как по балдахину и по моей постели бегают лунные зайчики — отражение луны в речных волнах. Я лежала на спине, чувствуя, каким большим стал ребенок у меня в животе, как он больно давит на что-то внутри. Пребывая словно между сном и бодрствованием, я вдруг ясно увидела перед собой — столь же ясно, как лунные зайчики на гобеленах, висевших по стенам, — лицо моего мужа, исхудавшее, постаревшее, низко склоненное к гриве коня, несущегося галопом. Эдуард, точно безумный, скакал куда-то сквозь ночь, и в сопровождении у него не было и дюжины человек.

Я негромко вскрикнула, перевернулась на бок и прижалась щекой к богатой вышивке наволочки. Я снова уснула, но тут же пробудилась, потому что мне опять почудился Эдуард, мчавшийся во весь опор по какой-то ночной дороге.

Но хоть это видение меня и напугало, все же я, судя по всему, не совсем проснулась, поскольку теперь мне снился сон: причал, маленький рыбацкий поселок и какая-то дверь, в которую с силой барабанили Эдуард, Энтони, Уильям и Ричард. Затем они принялись что-то обсуждать с хозяином домика — похоже, хотели арендовать у него судно — и все время оглядывались на запад, явно опасаясь вражеской погони. Я отчетливо слышала, как они обещают хозяину этого жалкого суденышка все на свете, лишь бы он спустил его на воду и отвез их во Фландрию. Эдуард, скинув свой роскошный меховой плащ, предложил его в уплату за проезд. «Возьми, — сказал он. — Этот плащ стоит в два раза дороже твоей шаланды. Возьми, и я буду считать, что ты оказал мне большую услугу».

— Нет, — шептала я сквозь сон, понимая, что Эдуард покидает меня, покидает Англию, нарушает данное обещание, что его не будет рядом со мной, когда на свет появится наш сын.

Море за пределами гавани казалось бурным, белые гребешки пены мелькали на темных волнах. Маленькое суденышко то поднималось, то опускалось, качаясь на волнах; вода переливалась через борта, и порой казалось, что им не выплыть, что крошечный кораблик попросту не сможет взобраться на очередной могучий вал. Но он выныривал из темных глубин, вновь взлетал на волну и плыл дальше. Эдуард стоял на корме, держась за поручень; его шатало из стороны в сторону, но он неотрывно смотрел назад, на ту страну, которую недавно называл своей, и видел на берегу горящие факелы преследователей. Во сне я чувствовала, что чувствует он: Англия нам не принадлежит. Мы ее потеряли. Эдуард, предъявив свои вполне законные права на трон, был честь по чести коронован и помазан, а став правителем этой страны, и меня короновал как свою королеву. Тогда я верила, что все плохое позади. Ведь мой муж никогда не проигрывал сражений! Однако Уорик оказался ему не по зубам. Уж больно он был хитер и быстр, уж больно двуличен. И теперь Эдуард плыл за море, в ссылку, как когда-то и сам Уорик. И тоже навстречу ужасному шторму — почти такому же, в какой некогда угодили его вероломный друг Уорик, его брат Георг и несчастная Изабелла. Только Уорик тогда точно знал, что ему делать: он направился напрямик к королю Франции и получил не только могучего союзника, но и армию. Но что будет с Эдуардом? Я просто представить не могла, как ему вернуться назад.

Итак, Уорик вновь обрел власть в стране, а мой муж, мой брат и мой деверь стали беглецами, и лишь одному богу было известно, каким ветром их сможет когда-либо вновь принести к

английскому берегу. А это означало, что мои девочки, я сама и тот младенец, что ворочается у меня во чреве, станем заложниками Тауэра. И хотя в тот момент я пока еще находилась в королевских покоях, но думала о том, что вскоре мне предстоит спуститься вниз, в те комнаты с решетками на окнах, где коротал свои дни король Генрих. А ему — вновь подняться наверх и спать в той самой постели, где лежала я. Люди станут меня жалеть и говорить, что надо бы из христианского милосердия освободить ее, несчастную, чтобы она не умерла в тюрьме, так и не увидев чистого неба...

— Эдуард! — окликнула я мужа, и, клянусь, он посмотрел на меня так, словно услышал мой зов. — Эдуард!

Это был только сон, но и во сне я не могла поверить, что мой дорогой муж может навсегда меня покинуть, что наша борьба за трон проиграна. Мой отец жизнь положил за мое право быть королевой, и мой юный брат погиб с ним вместе. Неужели теперь мы станем всего лишь жалкими претендентами, сброшенными с трона после нескольких лет мира и счастья, просчитавшимися правителями, от которых отвернулась удача? Неужели моим дочерям суждено стать дочерьми изгнанника, обвиненного в предательстве? Неужели им придется выйти замуж всего лишь за мелких сквайров из провинции и всю жизнь лелеять надежду, что позор их отца постепенно забудется? Неужели моей матери предстоит, стоя на коленях, приветствовать Маргариту Анжуйскую и пресмыкаться перед ней, вновь добиваясь благорасположения? А мне? Неужели у меня только два выхода — жить в ссылке либо оставаться в тюрьме? И что же будет с моим еще не родившимся сыном? Захочет ли Уорик оставить его в живых? Уорик, потерявший собственного внука и единственного наследника, когда мы закрыли перед ним вход в гавань Кале и его дочь, измученная штормом, произвела на свет нежизнеспособного ребенка, а насланный нами, ведьмами, магический ветер пытался выбросить их судно на берег.

— Эдуард! Не оставляй меня! — громко вскрикнула я, и в голосе моем прозвучал такой ужас, что я окончательно проснулась.

В дверях появилась мать, ночевавшая в соседней комнате. Она тут же зажгла свечу от огня в камине.

— Что, уже пора? — встревоженно спросила она. — У тебя начались роды? Так рано?

— Нет, мама. Просто мне приснился сон. Жуткий сон!

— Ну-ну, перестань. Не стоит обращать внимание на какие-то сны. — Мать зажгла свечи в изголовье кровати и, слегка ткнув дрова в камине ногой в домашней туфельке, заставила пламя вспыхнуть ярче. — Успокойся, Елизавета. Тебе сейчас ничто не грозит, и ты...

— Нет, грозит! — воскликнула я. — В том-то все и дело, мама!

— Но почему ты так уверена? Что тебе приснилось?

— Эдуард. Он на корабле, а вокруг шторм. И ночь. Не знаю, сумел ли его жалкий кораблик переплыть такое бурное море, потому что навстречу ему дул злой ветер, тот самый, что никому добра не приносит. Это был наш ветер, мама! Тот самый штормовой ветер, который мы с тобой вызвали, пытаюсь не дать Георгу и Уорику высадиться на берег! Это было давно, но тот ветер так никуда и не делся. И теперь Эдуард попал в шторм, созданный нашими руками! И я видела, что мой муж одет как слуга, как бедняк, на нем даже плаща не было — впрочем, плащ он отдал владельцу этого суденышка. И наш Энтони тоже стоял там, на палубе, и у него не было даже шляпы. И Уильям Гастингс, и брат Эдуарда Ричард... По-моему, только они сумели выжить и бежать. Но они... — Я даже глаза закрыла, чтобы вспомнить все более отчетливо. — Они навсегда покидали Англию! Ах, мама, он скрылся и бросил нас! С ними все кончено. И с нами тоже. Да, я уверена: Эдуард бежал, и Энтони

вместе с ним.

Мать, растирая мои ледяные руки, все пыталась меня обнадежить.

— Возможно, это был лишь дурной сон, просто сон, и ничего больше. У беременных женщин перед родами часто бывают всякие странные фантазии...

Я покачала головой и сердито отбросила одеяло.

— Нет! Я уверена: это было предвидение. Эдуард потерпел поражение и бежал.

— А как ты думаешь, он плыл во Фландрию? — тут же деловито осведомилась мать. — В поисках убежища у своей сестры, герцогини Маргариты, и Карла Бургундского?

Я кивнула.

— Ну конечно. Разумеется! Именно туда. И не сомневаюсь, он вскоре пошлет за мной. Эдуард ведь любит меня, любит наших девочек, он мне поклялся, что никогда меня не оставит. И все-таки бежал. Ах, мама! А Маргарита Анжуйская, наверное, уже высадилась на английский берег и направляется в Лондон, собираясь освободить Генриха. Нам тоже надо уносить ноги, надо увезти отсюда моих девочек. Мы не можем здесь оставаться, когда в Лондон войдет армия Маргариты. Если они застанут нас, мы до конца жизни не выйдем из тюрьмы.

Мать заботливо набросила шаль мне на плечи.

— Ты уверена, что тебе под силу такое путешествие? — уточнила она. — Ты считаешь, что надо послать кого-нибудь в порт и велеть подготовить корабль?

Я действительно колебалась. Я очень боялась путешествия по морю, ведь роды должны были вот-вот начаться, и все время вспоминала Изабеллу — наверное, она кричала от боли и ужаса, рожая на попавшем в жуткий шторм судне, когда рядом не было никого, кто мог бы ей помочь. А потом ее ребенок умер, едва появившись на свет, и даже священника рядом не оказалось, который бы окрестил малыша. Нет, я не решалась пойти на такой риск, не хотела, как Изабелла, рожать под яростный визг ветра в снастях. Я опасалась, что тот магический ветер, который мы с матерью вызвали когда-то своим свистом, по-прежнему хозяйничает над морскими путями; его злобной душе мало смерти одного младенца, вот он и высматривает на горизонте чей-нибудь неуверенный парус. И если этот ветер заметит в бурном море меня и моих дочерей, то непременно нас утопит.

— Нет, — ответила я матери. — Мне это действительно не под силу. По морю я плыть не решусь. Слишком сильно меня страшит тот ветер! Мы с детьми переберемся в Вестминстерское аббатство и будем там в безопасности. Там враги не посмеют нас тронуть. К тому же лондонцы по-прежнему на нашей стороне, они нас любят. А королева Маргарита не станет нарушать закон святого убежища. И уж точно король Генрих, если он, конечно, пребывает в здравом уме, ни за что и никому не позволит нарушить право убежища, поскольку верит, что миром правит всемогущий Господь. Уважая право убежища, Генрих прикажет Уорику нас не трогать. Да, мы с тобой возьмем наших детей, отправимся в аббатство и пробудем там по крайней мере до моих родов.

НОЯБРЬ 1470 ГОДА

Прежде я слышала истории о том, как отчаявшиеся люди, требуя убежища, прямо-таки

повисают на кольце в дверях церкви, с негодованием опровергая претензии тех, кто, к примеру, обвинил их в воровстве; как бросаются к алтарю, пытаясь поскорее коснуться его рукой, точно во время детской игры в пятнашки. Мне всегда казалось, что, получив убежище в церкви, эти люди питаются исключительно церковным вином, «кровью Господней», и священными облатками, «плотью Его», а спят на церковных скамьях, подкладывая себе под голову подушечки для молитв. Однако в действительности все оказалось не так уж плохо. Жили мы в крипте, построенной во дворе собора Святой Маргариты на территории аббатства. Крипта, правда, сильно напоминала погреб, зато из ее низких окон была видна река, а сквозь зарешеченное окошечко во входной двери можно было разглядеть даже большую дорогу на другом берегу Темзы. Теперь мы напоминали обычное бедное семейство, чье благополучие зависело только от доброй воли сторонников Эдуарда и жителей Лондона, которые всегда любили семейство Йорков и продолжали помогать нам, хотя мир в очередной раз и встал с ног на голову, так что Йоркам пришлось скрываться, а король Генрих опять оказался на троне.

Уорик вновь начинал набирать силу. Этот человек, убивший моих отца и брата и пытавшийся держать в плену моего мужа-короля, теперь победоносно вошел в Лондон вместе со своим невезучим зятем Георгом. И я, например, не смогла бы с уверенностью сказать, кем теперь является Георг: шпионом во вражеском стане, тайно служащим нам, или же — сума переметная! — он в очередной раз сменил хозяина, мечтая о мелких крохах с королевского стола Ланкастеров. Во всяком случае, я от Георга никаких вестей не получала, и сам он ровным счетом ничего не сделал, чтобы как-то обезопасить меня и моих детей. Он по-прежнему болтался в кильватере Уорика, «делателя королей», словно у него не было ни брата, ни невестки, и, по-моему, не терял надежды на престол.

Уорик, чувствуя себя триумфатором, первым делом вызволил из Тауэра своего старого недруга Генриха и провозгласил его полноправным правителем Англии, словно полоумный Генрих и впрямь был пригоден для этого. Теперь Уорик считался освободителем короля и спасителем Ланкастерской династии, и вся страна ликовала по этому поводу. Король Генрих был явно смущен подобным поворотом событий, но ему каждый день медленно и ласково втолковывали, что теперь он снова английский король, а его кузен Эдуард Йорк уехал куда-то в дальние страны. Возможно, Генриху сообщили даже, что мы, жена и дети Эдуарда, прячемся в Вестминстерском аббатстве, поскольку Генрих заявил — а может, кто-то другой от его имени, — что право убежища в святом храме остается неприкосновенным, и мы теперь могли чувствовать себя в полной безопасности в этой тюрьме, которую, впрочем, выбрали сами.

Каждый день лондонские мясники присылали нам мясо, а булочники — хлеб, к нам приходили молочницы, которые приносили бидоны с молоком из зеленых пригородов Лондона, а торговцы фруктами привозили для нас из Кента самые лучшие плоды своих садов и оставляли их у дверей аббатства. И все они говорили церковным служителям примерно следующее: «Это для нашей бедной королевы, которой так тяжело приходится». Потом они вспоминали, правда, что есть и другая королева, Маргарита Анжуйская, которая только и ждет попутного ветра, чтобы поднять паруса и вновь занять свой трон, и, стараясь замаять неловкость, прибавляли: «Ну ясно же, кого я имею в виду. Главное, пусть ей непременно передадут эти фрукты, поскольку всем известно: фрукты из Кента больше всего подходят женщинам, которым скоро рожать! Они и ребеночку помогут появиться на свет. А еще передайте, что мы и ей, и ее деткам желаем всяческого добра и скоро опять придем».

Моим маленьким дочерям приходилось особенно трудно: во-первых, они скучали по отцу, о котором почти ничего не было известно, во-вторых, им было несладко все время сидеть взаперти, в нескольких маленьких комнатках, ведь девочки с рождения привыкли к самым лучшим условиям и самым великолепным дворцам Англии. Теперь им даже побегать было негде. Самым большим развлечением для них было встать на скамейку и смотреть в окошко на реку, по которой они раньше плавали на королевском барке из одного дворца в другой;

бывало, они по очереди забирались на стул и пытались сквозь зарешеченное окошечко в двери разглядеть улицы Лондона, по которым когда-то катались верхом, слушая, как со всех сторон им сыплется благословения и похвалы их хорошеньким мордашкам. Елизавете, моей старшей дочке, было всего четыре годика, но казалось, она отлично понимает, что наша семья переживает трудный период и великие печали. Елизавета никогда не спрашивала меня, куда делись ее ручные птички и где наши верные слуги, которые всегда играли с ней и обожали ее баловать; она даже не вспоминала о своих любимых игрушках: о золоченом волчке или мягкой маленькой собачке. Моя Елизавета вела себя так, словно родилась и выросла в этих тесных комнатках; она возилась со своими сестренками, развлекая их, точно нянька, которой хозяева велели всегда быть веселой. Елизавета часто задавала лишь один вопрос: «Где мой папа?» Мне пришлось привыкнуть к тому, что дочь, вскинув брови и недоуменно хмуря лобик, спрашивает: «Матушка-королева, а мой папа по-прежнему английский король?»

Но хуже всего приходилось моим сыновьям, которые были заперты в этом тесном пространстве, точно подростки в клетке, из-за чего постоянно ссорились друг с другом. В конце концов моя мать велела им сосредоточиться на деле: она заставляла их учить наизусть стихи, упражняться в фехтовании с помощью палок от метел, играть в различные подвижные игры, где нужно было прыгать и ловить друг друга. Всем этим они должны были заниматься каждый день, вести счет своим успехам и надеяться, что благодаря подобным упражнениям они станут сильными и ловкими и смогут участвовать в сражениях, о которых столько мечтали, а значит, помочь восстановлению Эдуарда на английском троне.

Осенние дни становились все короче, ночи — длиннее, и я понимала, что подходит мой срок и скоро сын появится на свет. Больше всего я боялась умереть родами, ведь тогда моя мать осталась бы одна, пытаясь сохранить своих внуков в городе, захваченном врагами.

— Ты знаешь, что с нами будет дальше? — допытывалась я у матери. — Не было ли у тебя каких-то особых предчувствий? Не помог ли твой пророческий дар выяснить, что случится с моими девочками?

Я видела по ее глазам: она что-то знает! Однако мать лишь невозмутимо на меня смотрела.

— Ты не умрешь, — спокойно отвечала она. — Ты ведь именно этим интересуешься? Ты же здоровая молодая женщина! И потом, Королевский совет обещал прислать сюда леди Скруп и парочку повитух в придачу, они позаботятся о тебе во время родов. У тебя нет ни малейшего повода опасаться, что ты можешь погибнуть; во всяком случае, не больше, чем у любой другой женщины. Думаю, ты преспокойно родишь и этого ребенка, и еще целую кучу детей.

— А мой будущий сын? Что будет с ним? — продолжала спрашивать я, пытаясь хоть что-то прочесть по лицу матери.

— Ты и сама прекрасно чувствуешь, что он здоров, — улыбалась мать. — Всем, кто видел, как этот малыш брыкается у тебя в животе, сразу становилось ясно, какой он сильный. Тебе совершенно нечего бояться.

— И все-таки что-то меня пугает, — признавалась я. — Мне кажется, ты, мама, явно что-то скрываешь! Неужели о судьбе моего принца, моего маленького Эдуарда?

Некоторое время мать молча глядела на меня, потом вдруг решила проявить честность.

— Я так и не сумела увидеть, как он становится королем. И по картам гадала, и по дыму, и на отражение луны в воде, даже пыталась что-то уловить в магическом кристалле. Клянусь, я все перепробовала из того, что позволяет Господь, да еще в таком святом месте, как аббатство. И повторяю, королем я его не вижу!

Я громко рассмеялась.

— И только-то? Боже мой, мама! Да я даже его отца не вижу на троне, хотя он был коронован и помазан! Я и себя больше королевой не ощущаю, хотя святые отцы и помазали меня святым миром, а в руках я держала символы королевской власти. Сейчас я даже и не надеюсь, что мой сын когда-нибудь станет принцем Уэльским. Пусть он просто родится здоровым и сильным, вырастет настоящим мужчиной — даже это будет для меня счастьем. Мне не нужно, чтобы он становился королем Англии. Я хочу лишь быть уверенной, что все мы переживем это испытание.

— О, точно переживете! — воскликнула мать. — Это все ничего, девочка моя. И я твердо рассчитываю дождаться, как мы вновь поднимаемся после нынешнего падения.

Мать взмахнула рукой, одним жестом как бы убирая прочь и тесные комнаты, и складные кровати девочек, стоявшие в углу, и соломенные тюфяки служанок, сложенные на полу, — всю убогую нищету нашего жилища. Словно по волшебству, исчезли и промозглый холод, постоянно ползущий из подвала, и сырые каменные стены, и дымящий очаг. Еще ярче засияло для меня беспримерное мужество моих детей, которые старались забыть, что совсем недавно жили не в монастырском подвале, а в королевском дворце.

— Но разве это возможно? — удивилась я, не веря материнским пророчествам.

Мать наклонилась ко мне и, почти прижавшись к моему уху губами, прошептала:

— Безусловно. Ведь муж твой во Фландрии не виноградники выращивает, не занимается виноделием, не чешет овечью шерсть и не учится прясть! Он занят тем, чем должен: готовит армию в поход, заводит союзников, собирает деньги и планирует в ближайшем будущем вторгнуться на территорию Англии. Ведь лондонские купцы не единственные в стране, кто предпочитает Йорков Ланкастерам. И не забудь, дорогая: Эдуард ни разу не проиграл ни одной битвы. Неужели ты об этом не помнишь?

Я неуверенно кивнула. Даже если мой муж и потерпел временное поражение, даже если и был вынужден отправиться в ссылку, все равно он ни разу в жизни не проиграл ни одного сражения!

— Так вот, — продолжила моя мать, — когда твой муж выступит против армий Генриха — даже если одной армией будет командовать Маргарита Анжуйская, а другой сам Уорик, — победителями непременно будут Йорки. Разве ты сама думаешь иначе?

Разве так подобает рожать королеве? За шесть недель до родов она должна полностью удалиться от дел и от всего света и затвориться в своих покоях после пышной церемонии с торжественным закрыванием ставень и освящением ее спальни.

— Чушь! — заявила моя мать. — По-моему, ты скрылась даже от самого дневного света, разве нет? А удалиться от дел... Пожалуй, еще ни одной королеве не удавалось так удалиться, как тебе! Ну скажи, кто из королей перед родами затворялся в святой обители?

И все равно, разве так подобает рожать королеве? Обычно вокруг меня суетились по крайней мере три повитухи, две кормилицы, целая толпа служанок, готовых качать колыбельку, благородные дамы, претендующие на роль крестной, а также всевозможные няньки и воспитатели, а за дверями выстраивались послы с дорогими подарками. Ко мне, правда, прислали леди Скруп, чтобы она убедилась: у меня в убежище есть все необходимое, — и я сочла это весьма милостивым жестом со стороны графа Уорика. Но рожать мне пришлось, не имея рядом ни моих фрейлин, ни мужа, с нетерпением ожидающего этого события, и ни один

из послов не стоял за дверями. Помочь мне было почти некому: крестными отцами моего новорожденного сына стали настоятель Вестминстерского аббатства и его приор, а крестной матерью — леди Скроуп; только они и оставались со мной. Это были хорошие, добрые люди, которые вместе с нами невольно угодили в ловушку, однако среди них не было ни знатных лордов, ни иностранных правителей, которых обычно выбирают в качестве крестных для наследников королевского трона.

Я нарекла мальчика Эдуардом, как и хотел муж, как и предсказала та серебряная ложечка, выловленная мной из реки. Маргарита Анжуйская, оккупационная армия которой застряла в порту из-за штормов, прислала письмо, в котором просила меня назвать сына Джоном. Ей явно не хотелось, чтобы в Англии появился еще один принц Эдуард, тезка и возможный соперник ее отпрыска. Но я не обратила на желание Маргариты ни малейшего внимания, словно она была никем. Да и с какой стати мне было учитывать предпочтения Маргариты Анжуйской? Мой муж дал своему наследнику имя Эдуард, и на серебряной ложечке, явившейся мне из реки, тоже было это имя. Так что мой сын — Эдуард; Эдуардом, принцем Уэльским, и останется, даже если моя мать права и ему никогда не бывать королем Эдуардом V.

Но в семье все сразу стали звать его просто Малыш, никому и в голову не приходило называть его принцем Уэльским. И я, погружаясь после родов в благодатный сон, согревшись и прижимая своего мальчика к груди, чуть хмельная после той «родильной чаши», которую мне подали, все думала: возможно, мой Малыш и впрямь никогда не будет королем. Ведь пушки в его честь не палили, никакого салюта на холмах не устраивали, не жгли костров, и вино не лилось рекой из лондонских фонтанов, и лондонцы не были пьяны от радости, и весть о его появлении на свет не спешила достигнуть величайших дворов Европы. Казалось, что у меня родился самый обыкновенный ребенок, а вовсе не принц. Возможно, он и вырастет самым обыкновенным мальчишкой, а я снова превращусь в самую обыкновенную женщину. И мы уже не будем великими правителями, избранными Богом, а останемся просто счастливыми людьми.

ЗИМА 1470/71 ГОДА

Рождество мы встретили в убежище. Лондонские мясники прислали нам к столу жирного гуся. Мы с мальчиками и маленькой Елизаветой играли в карты, и уж я постаралась проиграть дочке серебряный шестипенсовик, так что она отправилась спать страшно гордая собой и совершенно уверенная, что стала настоящим игроком. Двенадцатую ночь мы тоже праздновали в убежище. Мы с мамой сочинили для детей пьеску и поставили настоящий спектакль с костюмами, масками и волшебными превращениями. Собственно, в основу представления была положена наша фамильная легенда о Мелюзине, прекрасной полуженщине-полурыбе, которую можно увидеть в лесных озерах и источниках и которая может выйти замуж за простого смертного, но только по большой любви. Я завернулась в простыню, завязанную внизу так, что получилось некое подобие хвоста, и распустила свои длинные волосы. Когда я «выходила из вод», то есть попросту поднималась с пола, девочки пришли в полный восторг и даже мальчики захлопали в ладоши. Затем появилась моя мать верхом на «лошади» — палке от метлы с надетой на нее бумажной лошадиной головой. Мать была в кожаном дублете, позаимствованном у нашего привратника, и в бумажной короне. Свою бабушку девочки вообще не узнали. Они смотрели наш спектакль с таким увлечением, словно мы — настоящие актеры, выступающие в знатнейших домах мира. В нашей пьесе говорилось о том, как смертный мужчина полюбил прекрасную женщину, оказавшуюся наполовину рыбой, и как он убедил ее покинуть свой лесной источник и попытаться счастья в широком мире. Мы, правда, рассказали лишь первую половину легенды: как они стали жить

вместе, она родила ему прекрасных детей и была с ним счастлива.

Разумеется, история на этом не кончалась, но тогда мне не хотелось думать, что все браки по любви завершаются разлукой, что и я, подобно Мелюзине, не могу жить в этой новой реальности, целиком созданной мужчинами. Я старалась не вспоминать о том, что Мелюзина, выйдя из своего озера, оказалась, по сути, заперта в замке своего рыцаря, как в темнице, — ведь я тогда скрывалась в своем убежище, и все мы, дочери Мелюзины, угодили в ловушку, поскольку не могли в этом мире по-настоящему оставаться собой.

Смертный муж любил Мелюзину, однако она по-прежнему была для него загадкой. Он не понимал природы Мелюзины, и ему не нравилось, что его жена скрывает некую тайну. Однажды он позволил своему гостю убедить себя в том, что за Мелюзиной стоит присматривать, а попросту шпионить, и спрятался за занавесями в ее купальном домике. И увидев, как Мелюзина ныряет и плавает в своем бассейне, как — о ужас! — блестит и переливается чешуя на ее теле, он понял: ее тайна в том, что хоть она и любит его всем сердцем, но все еще является полуженщиной-полурыбой. Этого рыцарь вынести не смог; но и Мелюзина ничего не могла с собой поделаться: она оставалась той, какой и была создана. И муж бросил ее, поскольку в глубине души всегда боялся ее двойственной природы, совершенно не понимая, что таковы все женщины в мире, что женщины — существа особые. Рыцарю невыносимо было сознавать, что у Мелюзины есть иная, скрытая от него жизнь. На самом деле нестерпимым для него было то, что Мелюзине, женщине, подвластны такие глубины и такая мудрость, какие для него недоступны.

Бедная Мелюзина! Она так старалась стать хорошей женой и все же рассталась с человеком, который ее любил, и вернулась в свое водное царство, поскольку земля стала для нее слишком твердой и жесткой. Как и многие женщины, Мелюзина не сумела заставить себя полностью подчиниться взглядам и вкусам своего мужа. Ноги, на которые она променяла привычный рыбий хвост, причиняли ей сильную боль, и она не могла гулять с мужем по тем тропам, которые выбирал он. Впрочем, Мелюзина пыталась даже танцевать, желая доставить мужу удовольствие, хотя боль, которую она при этом испытывала, была поистине невыносимой. Мелюзина стала прародительницей королевского дома Бургундии, и мы, ее правнучки, точно так же пытаемся ходить теми дорогами, которые выбирают для нас наши мужчины, но, как и Мелюзина, обнаруживаем порой, что земля на них слишком тверда и жестка.

Мне рассказывали, что новые правители Англии устроили веселый рождественский пир. Что к королю Генриху полностью вернулся разум и дом Ланкастеров празднует победу. Из окон своего убежища мы наблюдали, как пышно убранные суда поднимались и спускались по реке, направляясь в Вестминстер, — это из своих прибрежных поместий съезжалась знать. Я видела, как мимо проплыл двухпалубный барк лорда Стэнли, того самого, который во время турнира в честь моей коронации так гордо заявил, целуя мне руку, что его девиз «*Sans changer*», то есть «Без перемен». Однако же именно он одним из первых приветствовал лорда Уорика, когда тот со своей армией высадился на английское побережье. Что ж, значит, лорд Стэнли все-таки приверженец Ланкастеров; возможно, таковым он и останется, не претерпев никаких других перемен.

Видела я и барк Бофоров, на корме вился флаг Уэльса с изображением красного дракона. Это Джаспер Тюдор, великий властитель Уэльса, вез своего племянника, юного Генриха

Тюдора, ко двору, чтобы представить этого полуизгоя-полупринца королю. Мне было ясно, что Джаспер вскоре вновь вернется в уэльские замки, а леди Маргарита Бофор заплачет от радости, обнимая своего четырнадцатилетнего сына Генриха, с которым долгое время была разлучена. Некогда мы окружили Генриха отличной охраной из числа верных йоркистов Хербертов, и Маргарите пришлось вытерпеть не только это, но и перспективу брака ее сына с одной из дочерей лорда Херберта. Однако Уильям Херберт, преданно нам служа, пал на поле боя, и Маргарита Бофор получила наконец сына в полное свое распоряжение. Я не сомневалась, что отныне она будет всемерно его проталкивать, совать на любую выгодную должность при дворе в поисках королевской милости. И разумеется, захочет восстановить все его титулы, а также получить гарантии того, что и наследство его будет полностью сохранено. Ведь герцог Кларенс, брат Эдуарда, украл все титулы Генриха Тюдора и все его земли, и с тех пор Маргарита наверняка каждый раз поминала их в своих молитвах. Я знала, что она — женщина невероятно честолюбивая и решительная и готова драться за благополучие своего сына, и не сомневалась: не пройдет и года, как Маргарита вернет себе и графство Ричмонд, отнятое Георгом, и, возможно, сумеет сделать так, что ее сын будет признан следующим после принца Эдуарда наследником дома Ланкастеров.

Мимо нас проплыл также барк лорда Уорика, самое красивое судно на всей реке; весла гребцов взмывали в воздух в точном соответствии с заданным барабанщиком ритмом, барк легко и быстро несясь против течения, словно ничто на свете не смогло бы ему воспрепятствовать, даже мощные воды Темзы. Я сумела разглядеть и самого Уорика — он стоял на носу, словно правя самой великой рекой; шляпу он снял и держал в руке, позволяя прохладному ветерку шевелить его темные волосы. И я невольно вытянула губы трубочкой, так мне захотелось свистом призвать волшебный ветер, но потом все же разрешила Уорику спокойно двигаться дальше — мое вмешательство ничего бы не изменило.

Возможно, когда барк Уорика проплывал мимо моей подземной тюрьмы, в кормовой части судна, на мягком диване, рука об руку с моим деверем Георгом сидела и старшая дочь Уорика Изабелла. Возможно, она еще помнила тот рождественский пир у нас во дворце, когда только должна была против собственного желания, понуждаемая отцом, идти под венец со своим теперешним мужем, и как я, королева, была тогда добра к ней. А может, Изабелла предпочла все это забыть — и мой двор, и меня, тогдашнюю правительницу Белой розы. Георг-то точно знал, где я, жена его брата, нахожусь, по-прежнему верная своему мужу, которого сам он предал. Георг имел представление, что живу я в нищете, в полутемном подвале. Он был в курсе и, возможно, даже ощущал, что я за ним наблюдаю, что я, презрительно прищурившись, смотрю на него — на того, кто некогда звался Георгом Йоркским, а теперь превратился в осыпаемого милостями родственника Ланкастеров.

Я почувствовала, как мать ласково накрыла ладонью мою руку.

— Не желай им зла, — предостерегла она, — иначе к тебе же оно и вернется. Лучше немного подожди. Я уверена: Эдуард уже на пути к нам. Я ни на минуту в нем не сомневаюсь! Только на этот раз все будет как в страшном сне. Помнишь слова нашего Энтони? Действительность порой напоминает те жуткие тени, что мы сами отбрасываем. Сейчас главное, чтобы Эдуард собрал достаточно большую и мощную армию, способную победить Уорика.

— Как же он сможет ее собрать? — спросила я, глядя в окно на ликующую столицу, готовую, похоже, признать власть Ланкастеров. — С чего он хотя бы начнет?

— Эдуард постоянно поддерживает связь с твоими братьями и с прочими нашими родственниками. Он копит силы, и помни: он никогда не проигрывал сражений!

— Но Эдуард никогда не бился с Уориком! Ведь это Уорик научил его всему, что он знает о ведении войны.

— Но Эдуард — король, — очень серьезно возразила мне мать, — даже если кто-то и утверждает сейчас обратное. Он был коронован и помазан; невозможно отрицать, что именно твой муж — правитель Англии, даже если в данный момент на королевском троне и сидит кто-то другой, тоже коронованный и помазанный. Но Эдуард удачлив, а Генрих — нет. Возможно, в этом-то и дело, и все в итоге сводится именно к такому простому условию: достаточно ли тот или иной человек удачлив. Йорки — династия, безусловно, везучая. — Мать улыбнулась. — И потом, у Эдуарда есть мы. И мы всегда можем пожелать ему добра и удачи. Ничего плохого не будет даже в небольшой порции колдовства, если это вернет Эдуарду фортуны. А уж если наша помощь вкупе с нашими чарами не улучшит шансов на победу, тогда их ничто не улучшит.

ВЕСНА 1471 ГОДА

И моя мать немного поколдовала: сварила отвар из ячменя и, высунувшись в окно, вылила его в реку, почти беззвучно бормоча над ним слова заклятия; затем бросила в очаг какой-то порошок, и огонь сразу стал зеленым, а над ним за клубился темный дым. В последнее время, даже помешивая кашу для детей, моя мать все нашептывала какие-то тайные молитвы, перед сном непременно дважды переворачивала подушку и, отгоняя несчастье, каждый раз шлепала друг о друга подошвами туфель, прежде чем их надеть.

— Неужели все это хоть что-нибудь значит? — спросил у меня как-то мой сын Ричард Грей, искоса поглядывая на свою бабушку, которая в тот момент как раз плела магическую косу из лент, что-то над ней приговаривая.

— Иногда, — ответила я, пожав плечами.

— Так значит, это колдовство? — как-то нервно уточнил Ричард.

— Отчасти.

Уже где-то в марте моя мать вдруг уверенно заявила:

— Эдуард возвращается! И это совершенно точно.

— У тебя был вещий сон? Ты что-то предчувствуешь?

Мать засмеялась.

— Нет, мне наш мясник сказал.

— Господи, ты больше слушай мясников! Лондон полон всевозможных слухов.

— Это верно, но наш мясник получил весточку от одного человека из Смитфилда, который обслуживает суда, что плавают во Фландрию и обратно. Так вот, тот человек собственными глазами видел, как небольшой флот на всех парусах спешил в северном направлении, хотя погода была самая что ни есть отвратительная, и на одном из кораблей развевался флаг Йорков с эмблемой сияющего солнца.

— Значит, Эдуард планирует вторжение?

— И возможно, в эту самую минуту уже вторгается.

Как-то в апреле глубокой ночью я услышала на улицах ликующие крики и, вскочив с постели, бросилась к окну. Почти сразу одна из служанок аббатства загрохотала в дверь кулаками, а когда я ей открыла, влетела в комнату и завопила, путаясь в словах от возбуждения:

— Ваша милость! Ваша милость! Это он! Король! Нет, не король Генрих, а другой король. Ваш! Король Йорк! Король Эдуард!

Меня вдруг затрясло. Я плотнее завернулась в ночной капот и растерянно коснулась заплетенных на ночь кос.

— Он здесь? В городе? Это его так радостно приветствуют?

— Да, он здесь, и весь город его встречает, — снова затараторила служанка. — Люди зажигают факелы, освещая ему путь, и с пением бросают к его ногам золотые монеты. И к ногам его воинов тоже. Судя по всему, король направляется прямо сюда!

— Мама! Елизавета! Ричард! Томас! Девочки! — закричала я. — Вставайте! Одевайтесь! Ваш отец идет сюда! Он возвращается к нам! — Я схватила служанку за руку. — Скорей! Принеси мне горячей воды и мое лучшее платье. Брось возиться с дровами, это сейчас неважно. Кто из нас теперь останется сидеть в этом курятнике и греться у жалкого очага?

Я вытолкнула служанку из комнаты, еще раз приказав принести горячей воды, распустила косу и стала расчесывать волосы. Тут ко мне вбежала маленькая Елизавета. Испуганно тараша свои и без того большие глаза, она засыпала меня вопросами.

— Сюда что, плохая королева идет? Да, мама? Неужели плохая королева уже здесь?

— Нет, милая! Нет! Мы спасены. Твой родной отец решил нас навестить! Разве ты не слышишь, как радостно его приветствуют?

Я поставила Елизавету на стул возле зарешеченного окошка в двери, затем быстро умылась теплой водой и высоко подняла волосы, собрав их в тугий узел под головным убором. Служанка принесла мне нарядное платье и стала помогать завязывать ленты, все время в них путаясь. Тут мы и услышали громоподобный стук в дверь. Это мог быть только он, Эдуард. Елизавета тут же с пронзительным возгласом спрыгнула со стула и бросилась открывать, но испуганно отскочила, когда Эдуард вошел в комнату: он показался ей гораздо более высоким и мрачным, чем она его запомнила. Зато я бросилась к мужу, как была, босиком, и моментально оказалась в его объятиях. Он крепко прижал меня к себе, поцеловал и потерся колючим подбородком о мою щеку.

— А где наш сын? — сразу спросил Эдуард. — Как он? Здоров? Крепок ли?

— И здоров, и крепок. Ему только что исполнилось пять месяцев! — сообщила моя мать, внося в комнату тщательно запеленатого Малыша. Мать склонилась перед Эдуардом в глубоком реверансе и торжественно его поприветствовала: — Добро пожаловать домой, сын мой Эдуард! Ваше королевское величество!

Эдуард нежно отодвинул меня в сторону и шагнул к своей теще. Я и забыла, как легко и изящно он двигается — будто танцует! Он взял сынишку на руки, шепнув моей матери: «Благодарю вас!» — но, по-моему, вовсе ее не видел. Мой муж видел только своего сына. Разбуженный светом, маленький Эдуард открыл темно-голубые глаза и широко зевнул, разинув розовый ротик; потом как-то очень серьезно посмотрел в лицо своему отцу, словно отвечая на внимательный, изучающий взгляд серых глаз.

— Мой сын... — тихо промолвил Эдуард. — Прости меня, Елизавета! Прости, что тебе пришлось рожать его здесь! Я бы ни за что на свете этого не допустил...

Я молча кивнула.

— Ты уже окрестила его? И назвала Эдуардом, как я хотел?

— Да, как ты хотел.

— Он хорошо растет?

— Прекрасно, — гордо произнесла моя мать. — Он уже начал есть твердую пищу и понемногу к ней привыкает. Он вообще хорошо кушает и крепко спит. Такой веселый и умный мальчик! Елизавета сама его кормила, и вряд ли кто-то другой мог бы стать для него лучшей нянькой и кормилицей. В общем, мы тебе тут сотворили настоящего маленького принца.

Эдуард растроганно посмотрел на мою мать.

— Спасибо, что позаботились о нем, — сказал он. — И все время были рядом с моей Елизаветой.

Наконец Эдуард посмотрел и на своих дочерей. Елизавета, Мария и Сесилия столпились вокруг него, тараща глазенки, словно это был не их отец, а какой-то диковинный зверь, может даже единорог, который внезапно вбежал, цокая копытцами, к ним в детскую.

Эдуард, возвышавшийся над дочерьми, точно башня, осторожно опустился на колени, но Малыша из рук так и не выпустил.

— Ну что, мои девочки, мои принцессы, — обратился Эдуард к дочкам, — помните ли вы меня? Меня ведь и впрямь долго не было, больше чем полгода, но я ваш отец. И хоть мне пришлось далеко от вас уехать, не было дня, когда я не думал бы о вас, мои милые, и о вашей прекрасной матушке. Клянусь, вскоре я непременно вернусь насовсем и мы снова будем жить во дворце, как прежде. Ну так вы меня еще помните?

У маленькой Сесилии задрожала нижняя губка, но тут заговорила Елизавета:

— Да, я хорошо тебя помню, папа! — Она положила руку отцу на плечо и без страха взглянула ему в лицо. — А ты меня помнишь? Я Елизавета. Я самая старшая, вот потому тебя и помню! А Мария и Сесилия еще слишком маленькие. Так ты помнишь свою Елизавету? Принцессу Елизавету. Когда-нибудь я вырасту и стану королевой Англии, как моя мама!

Мы рассмеялись, услышав столь уверенное заявление. Эдуард поднялся, передал Малыша моей матери и снова обнял меня. Ричард и Томас вышли вперед и опустились перед Эдуардом на колени, желая, чтобы он благословил их.

— Мальчики мои! — с нежностью воскликнул Эдуард. — Вот уж кому до смерти противно сидеть в этом курятнике!

Ричард кивнул и ответил:

— Я ужасно жалел, сир, что не остался с вами.

— Ничего, в следующий раз я непременно возьму тебя с собой, — пообещал ему Эдуард.

— И давно ты прибыл в Англию? — осведомилась я и услышала, как глухо прозвучал мой голос, потому что Эдуард тут же принялся распускать мне волосы. — Армию тебе удалось собрать?

— Меня поддерживают твой брат Энтони и все те, кто был со мной в ссылке: мой брат Ричард, Гастингс и еще несколько близких друзей. А теперь, судя по всему, на мою сторону

перейдут очень многие. Георг расстался с Уориком и будет теперь сражаться за меня. Мы трое — он, Ричард и я — наконец-то снова обнялись как братья. Причем случилось это прямо под стенами Ковентри, под носом у лорда Уорика! Георг привел в наш стан лорда Шрусбери. И сэръ Уильям Стэнли тоже перешел на мою сторону. Будут и другие.

Сознавая все могущество Уорика и дома Ланкастеров, а также представляя себе ту армию, которую должна была привести с собой Маргарита Анжуйская, я понимала, что сил у Эдуарда пока недостаточно.

— Сегодня я смогу переночевать здесь, — сообщил Эдуард. — Мне просто необходимо было повидать тебя! Всех вас! Но завтра я вновь отправлюсь на войну.

Я просто не верила собственным ушам.

— Как? Неужели уже завтра ты снова нас покинешь? Нет! Нет!

— Дорогая, я и так очень рисковал, явившись сюда. Уорик окопался в Ковентри и явно не намерен ни сдаваться, ни вступать в сражение, понимая, что вот-вот явится Маргарита со своей армией. А вместе они действительно будут представлять собой внушительную силу. Георгу удалось тайком выбраться из Ковентри, и теперь он с нами. Он привел с собой Шрусбери и его вассалов, но этого мало. Мне придется взять Генриха в заложники и скакать Маргарите навстречу, чтобы столкнуться с ней лицом к лицу. Они, конечно, надеются попросту загнать меня здесь в угол, но я приму бой и, если повезет, непременно выйду к Уорику и постараюсь одержать над ним победу еще до того, как придется биться с Маргаритой. Впрочем, я и ее рассчитываю победить!

Во рту у меня мгновенно пересохло; я судорожно сглотнула, охваченная страхом при мысли о сражении сперва с Уориком, поистине великим полководцем, а затем — с огромным войском, собранным Маргаритой Анжуйской.

— Маргарита ведет сюда всю французскую армию?

— И это просто чудо, что пока она не сумела высадиться на английский берег! Мы ведь одновременно готовились к отплытию и собирались чуть ли не наперегонки добираться до Англии. Но на редкость плохая погода до февраля держала и ее, и меня в порту, как на привязи. Флот Маргариты собирался отплывать из Онфлёра еще месяц назад; они даже вышли в море, но были вынуждены сразу вернуться, поскольку разразился сильнейший шторм, потом еще один и еще. Затем между штормами наступила короткая передышка — всего на день, — которая и оказалась мне весьма на руку. Это просто какое-то чудо, любовь моя, что мы не только сумели отойти от французского берега, но и до самого Йоркшира ветер был попутным! И теперь у меня есть возможность разобраться с ними по очереди, а не сражаться сразу на два фронта.

Когда Эдуард упомянул о шторме, я покосилась на мать и увидела, что на ее лице сияет самая невиннейшая улыбка.

— Ты ведь не уедешь завтра, правда? — спросила я, умоляюще глядя на мужа.

— Уеду, милая. В твоём распоряжении только эта ночь. Неужели ты хочешь всю ее провести за разговорами?

Разумеется, мы тут же развернулись и отправились в спальню. Эдуард пинком захлопнул за собой дверь, снова крепко меня обнял и приказал:

— А ну-ка, жена, быстро в постель!

Он взял меня, как всегда, страстно и пылко, точно человек, иссушенный жаждой и наконец дорвавшийся до воды. И все же той ночью Эдуард был каким-то другим. Но волосы его и кожа пахли по-прежнему, и одного этого мне было достаточно. Я тоже желала его ласк и поцелуев. После первого страстного слияния Эдуард снова крепко обнял меня и так прижал к груди, словно на этот раз радостей плотской любви ему недостаточно, словно ему нужно от меня что-то еще.

— Эдуард, — прошептала я, — что с тобой? Ты здоров?

Мой муж промолчал. Он просто зарылся лицом в ямку между моим плечом и шеей, будто хотел отгородиться от всего мира теплом моей плоти, и некоторое время лежал так. А потом сказал — настолько тихо, что я едва расслышала:

— Если бы ты знала, любимая, как мне было страшно. Никогда в жизни я так не боялся.

— Но чего? — спросила я.

Вообще говоря, довольно глупо задавать такой вопрос человеку, которому пришлось бежать, спасаясь от смертельной опасности, а потом, находясь в ссылке, собирать войско и возвращаться с ним назад, чтобы сражаться сразу с двумя сильнейшими своими врагами.

Эдуард повернулся и лег на спину, одной рукой по-прежнему крепко прижимая меня к себе. Я тоже прижалась к нему, вытянувшись и чувствуя горячее тело мужа от груди до пальцев ног.

— Когда мне донесли, — продолжал Эдуард, — что Уорик охотится за мной и Георг по-прежнему с ним заодно, я понял: на этот раз Уорик не станет держать меня в плену. На этот раз можно не сомневаться: меня ждет смерть. Раньше мне никогда даже в голову не приходило, что меня могут убить. Но тут я твердо знал: Уорик меня прикончит. И Георг ему это позволит.

— Но тебе же удалось уйти от них!

— Убежать, — усмехнулся Эдуард. — Нет, любимая, это был отнюдь не осторожный отход и не хитрый военный маневр, а самое настоящее бегство. Я бежал в страхе за свою жизнь и все это время — долгое время! — казался себе трусом. Ведь я скрылся и бросил тебя.

— Никакая это не трусость, — заявила я. — И потом, ты же вернулся. Ты собираешься встретиться с врагом лицом к лицу!

— Нет, я убежал и оставил тебя и девочек, и это вам пришлось встретиться с врагом лицом к лицу! — возразил Эдуард. — После такого поступка я не могу себя оправдывать. Я ведь отправился не в Лондон, не следом за тобой. Я даже попытки такой не предпринял — добраться до Лондона и оказать там отчаянное сопротивление. Нет, я бросился в ближайший порт и сел на первое попавшееся судно!

— Любой на твоём месте поступил бы так же. Я никогда ни в чем тебя не винила. — Опершись на локоть, я склонилась над мужем и заглянула ему в глаза. — Ты должен был бежать, чтобы собрать армию, вернуться и спасти нас! И все мы это понимали. Ведь и мой брат, и твой брат Ричард остались с тобой, значит, они тоже сочли твои действия правильными.

— Сложно представить, что они тогда чувствовали, — они тоже бежали быстрее лани, — зато я помню, что чувствовал я. Я был до смерти перепуган, как ребенок, за которым гонится разъяренный бык!

Я молчала, не зная, как его успокоить, чем утешить.

Эдуард вздохнул.

— Видишь ли, мне всю жизнь, чуть ли не с детства, пришлось воевать, защищая свое королевство или свою жизнь. Но за все это время у меня и мысли не возникало, что я тоже могу оказаться в числе проигравших, могу попасть в плен. Что я, наконец, могу просто погибнуть. Странно, не правда ли? Ты, наверное, думаешь, что я был просто глупым мальчишкой. Но ведь даже когда умерли мой отец и мой брат, я и не представлял, что такое вполне может случиться со мной. Что и мою отрубленную голову могут надеть на пику и выставить у городских ворот. Я считал себя совершенно непобедимым, совершенно неуязвимым...

Я молча ждала продолжения, и вскоре оно последовало.

— И вот теперь я понял, что ошибался. Я этого еще никому не говорил. И никому не скажу. Только тебе одной. Но ты должна уяснить, Елизавета: я уже не тот человек, за которого ты выходила замуж. Ты выходила за юнца, не знавшего опасений. Мне тогда казалось, что это и означает быть храбрым. Но храбрым я не был — я был просто везучим. До поры до времени. Теперь же я стал мужчиной, поскольку не только испытал страх, но и бежал от него.

Я уже собиралась напеть ему в утешение какую-нибудь сладкую ложь, но потом решила на правду.

— Только глупец ничего не боится, — заметила я. — А храбрый человек знает, что такое страх, но все равно скачет вперед, навстречу этому страху, и борется с ним. Тогда тебе действительно пришлось скрываться, но теперь ты вернулся. Ты же не собираешься снова исчезнуть, отказавшись от завтрашнего сражения?

— Господи, конечно нет!

Я улыбнулась.

— Тогда ты и есть тот самый человек, за которого я вышла замуж. Ведь тот человек был некогда храбрым юношей, а теперь стал храбрым мужчиной. Только тот, за кого я выходила замуж, еще не ведал страха, и сына у него еще не было, и любви настоящей он тоже еще не испытывал. Но все это к нему пришло, пришло к нам, и мы стали лучше благодаря этому, а не хуже.

Эдуард с сомнением смотрел на меня.

— Ты действительно так думаешь?

— Именно так я и думаю, — подтвердила я. — Я ведь тоже очень боялась, но больше не боюсь: ведь ты снова здесь, со мной.

Эдуард еще крепче прижал меня к себе.

— Тогда я, пожалуй, немного посплю, — отозвался он, успокоенный моими словами, точно ребенок.

И я нежно обняла мужа, словно он и был моим ребенком, моим маленьким сыном.

Я проснулась утром и с удивлением почувствовала радость — радость от шелковистости своей кожи, от приятного тепла где-то в животе и какого-то общего обновления, начала новой жизни; тут рядом со мной завозился Эдуард, и я поняла, откуда в моей душе это состояние. Я в безопасности, как и он, и мы снова вместе. На своем обнаженном плече я ощущала теплые

солнечные лучи, льющиеся в окно. Но уже в следующее мгновение я вспомнила: Эдуард должен уехать! И он, видимо, тоже размышлял об этом, поскольку больше не улыбался, и лицо его показалось мне на редкость мрачным. Это в очередной раз потрясло меня: Эдуард всегда был так уверен в себе.

— Не говори ни слова и не вздумай меня задерживать, — быстро произнес Эдуард, спрыгнув с кровати и натягивая одежду. — Мне и без того невыносимо думать об отъезде. Просто ужасно, что приходится вновь тебя покидать! И ей-богу, если ты станешь меня упрашивать, я дам слабину и останусь. А потому улыбнись мне, милая, пожелай удачи и благослови. Мне это очень нужно. Мне очень нужно, чтобы ты была мужественной.

Я проглотила комок в горле и с некоторым напряжением ответила:

— Мое благословение всегда с тобой. Всегда. Желаю тебе самой большой в мире удачи! — Я старалась казаться бодрой, но голос мой предательски дрожал. — Ты прямо сейчас уедешь?

— Сначала прихвачу с собой в качестве заложника Генриха, которого все еще называют королем. Кстати, я виделся с ним вчера — заглянул в его покои в Тауэре, прежде чем прийти к вам. Он меня узнал. По его словам, Генрих всегда верил: со мной, его кузеном, ему ничто не грозит. Лепетал точно ребенок, бедолага. Судя по всему, он даже не понял, что его снова сделали королем.

— В Англии был и есть только один король! — твердо заявила я. — С тех пор, как ты был коронован.

— Через несколько дней мы с тобой снова увидимся, — пообещал Эдуард. — А теперь мне лучше сразу уйти. Не стану прощаться ни с твоей матерью, ни с девочками. Ну, отпусти же меня!

— Неужели ты даже не позавтракаешь?

Я вовсе не собиралась плакать и цепляться за мужа, но просто взять и отпустить его мне было невыносимо.

— Я поем вместе со своими ребятами.

— Да, конечно! — Я очень старалась говорить весело. — А что ты решил насчет моих мальчиков?

— Возьму их с собой. Они вполне могут послужить в качестве посыльных. Постараюсь, чтобы никакая опасность им не грозила. Насколько смогу, конечно.

Я почувствовала, что сердце мое холодеет от страха не только за мужа, но и за сыновей. Однако держалась спокойно.

— Хорошо, — согласилась я. — Но вы ведь скоро вернетесь? Примерно через неделю?

— Это уж как Господь распорядится, — ответил Эдуард.

Неужели это сказал человек, который столько раз клялся мне, что его судьба — умереть рядом со мной в собственной постели? Никогда прежде Эдуард не ссылался на волю Бога! У него на первом месте всегда была собственная воля.

На пороге Эдуард чуть помедлил.

— Если я погибну, — добавил он, — сразу бери детей и уезжай во Фландрию. В Турне есть одна небогатая семья, глава которой многим мне обязан. Он, кстати, незаконнорожденный

сын кого-то из родственников твоей матери. Он примет вас в свой дом и всех заверит, что вы его английская родня. У него уже целая история готова на случай, если придется иметь дело с особо любопытными. Я к нему заезжал, и мы договорились, как поступить в случае крайней нужды. Я с ним за все уже расплатился и записал его имя для тебя. Записка с этим именем лежит на столе. Прочитай ее и сразу сожги. Некоторое время вы сможете спокойно пожить у него, а потом, когда преследование закончится, купишь собственный дом. Но прятаться тебе придется год или два, не меньше. Впоследствии, когда мой сын подрастет, думаю, он сможет потребовать то, что принадлежит ему по праву.

— Не надо об этом! — яростно возразила я. — Ты же никогда не проигрывал сражений. И никогда не был побежденным. Через неделю ты снова будешь дома, я уверена.

— Ты права. — Эдуард мрачно улыбнулся. — Я никогда не проигрывал. Но мне никогда не приходилось биться с самим Уориком. И я уже не успею собрать в срок достаточно большое войско. Но все в руках Божьих. Если на то будет Его воля, мы победим.

С этими словами Эдуард вышел.

Была Страстная суббота, канун Пасхи; спускались сумерки, колокола на лондонском соборе медленно, один за другим начали свой перезвон. Столица казалась все еще сонной после пятничных бдений и притихла, словно что-то предчувствуя: если еще недавно здесь было сразу два короля, то теперь не осталось ни одного, поскольку Эдуард вместе со своей маленькой армией взял Генриха в плен и увез с собой. «Если их обоих убьют, что будет с Англией? — думала я. — Что будет с Лондоном? Что будет со мной и моими еще спящими детьми?»

Мы с матерью весь день что-то шили, играли с моими дочерьми и прибирались в наших четырех комнатках. Мы помолились по случаю Страстной субботы, сварили и покрасили пасхальные яйца, потом сходили к мессе и причастились. Если кто-то доносил Уорику обо всех наших действиях, то у этого человека должно было сложиться впечатление, что в нашей семье все спокойно и все мы ощущаем себя вполне уверенно. Но настоящего покоя, увы, в наших душах не было. В сумерки мы с матерью встали у открытого окна, выходившего на реку. Темза протекала прямо под нами, и мать даже ставни настезь распахнула, чтобы лучше слышать ее негромкий плеск, словно река могла прошептать нам нечто важное, какие-то известия об армии Эдуарда, словно могла ответить, сможет ли этот сын Йорка вновь расцвести подобно желтому нарциссу весной, как это с ним уже случилось однажды.

Уорик покинул свою крепость в Ковентри и во главе мощного, обутого в прочные тяжелые сапоги войска двинулся на Лондон, не сомневаясь, что одержит над Эдуардом победу. Сторонники дома Ланкастеров стекались под знамена Уорика, точно овцы на зов пастуха; казалось, пол-Англии уже присоединилось к нему, а вторая половина ждет высадки Маргариты Анжуйской на южном побережье. Тот волшебный ветер, что так долго не выпускал Маргариту из гавани, давно улегся, и теперь мы были совершенно беззащитны.

Эдуард собрал людей в столице и ее пригородах, а затем направился на север, навстречу Уорику. Братья Ричард и Георг все время были с Эдуардом. Их небольшой конный отряд ускакал вперед, оставив пехоту далеко позади и напоминая всем, что армия Йорка во главе со своим королем сражений никогда не проигрывала. Всеобщим любимцем был юный Ричард. Он пользовался доверием даже опытных воинов, хотя ему было всего восемнадцать. Лорд Шрусбери со своим войском безоглядно последовал за Георгом; да и вообще нашлось немало таких, кто готов был ринуться за Георгом в бой, не думая о том, на чьей стороне воюет, и желая лишь поддержать своего сюзерена. Но вся армия Эдуарда в тот момент насчитывала около девяти тысяч человек, не больше. Уильям Гастингс постоянно находился

от Эдуарда по правую руку, точно верный пес. Мой брат Энтони следовал в арьергарде, подгоняя отстающих и наблюдая за дорогой, исполненный, как всегда, глубокого скепсиса.

Темнело, пора было разбивать лагерь и устраиваться на ночлег, когда мои сыновья, Ричард и Томас Грей, посланные Эдуардом на разведку, галопом вернулись назад по широкой северной дороге.

— Он здесь, ваша милость! — сообщил Томас. — Уорик здесь, близ Барнета! И с огромным войском. Сохраняя боевой порядок, они расположились на холмистой гряде, которая пересекает эту дорогу с запада на восток. В общем, нам там не пройти. Уорик, видимо, знает, что мы идем: он отлично подготовился к встрече, преградив нам путь.

— Тихо, парень, — предостерег его Гастингс. — Совершенно необязательно ставить в известность всю армию. Сколько их там?

— Я не смог разглядеть. Не знаю. Было уже довольно темно. Но их явно больше, чем нас.

Эдуард и Гастингс обменялись быстрыми озабоченными взглядами.

— И намного больше? — уточнил Гастингс.

Ричард, стоявший чуть поодаль, подошел к брату.

— Раза в два больше, чем нас, сир, — вмешался он. — А может, даже в три.

Гастингс повернулся к моим сыновьям и, наклонившись в седле, тихо сказал:

— И эти сведения тоже держите при себе. — Затем он кивком отпустил юношей и обратился к Эдуарду: — Ну что, отправимся назад, к своим, и дождемся утра? Или, может, вообще в Лондон вернемся? Попытаемся хотя бы Тауэр удержать. Подготовимся к осаде и будем надеяться на подкрепление из Бургундии.

Эдуард покачал головой.

— Нет, мы пойдем вперед.

— Если ребята правы и Уорик действительно занял ту высоту, да еще и войско у него в два раза больше нашего, и он нас давно поджидает...

Гастингс не стал даже заканчивать фразу. Единственный шанс при таком перевесе сил — внезапная атака. Эдуарду вообще была свойственна любовь к стремительному маршу и столь же стремительному штурму, о чем Уорик прекрасно знал. Ведь именно он учил Эдуарда боевым искусствам и хорошо представлял, какие тактические уловки могут последовать со стороны моего мужа. В данном случае выходило, что учителю предстоит сразиться с собственным учеником.

— Мы пойдем вперед, — повторил Эдуард.

— Но через полчаса уже и дороги видно не будет, — возразил Гастингс.

— Вот именно, — подтвердил Эдуард. — И им тоже. Немедленно вели людям передвигаться молча: нам необходимо соблюдать полную тишину. Мне нужно, чтобы мои люди построились в боевом порядке, лицом к врагу, и к рассвету оказались на боевых позициях. А с первым лучом солнца мы ринемся в атаку. Итак, никаких костров, никаких огней и полная тишина. Передай всем, что это мой приказ. Потом я сам всех объеду и со всеми пообщаюсь. А сейчас

помни: ни звука!

Георг, Ричард, Гастингс и Энтони тут же отправились вдоль растянувшегося по дороге войска, шепотом передавая распоряжение короля: двигаться дальше в полном молчании и стараться не шуметь, а затем, после соответствующего сигнала, построиться у подножия холмистой гряды лицом к лагерю Уорика. Итак, армия Эдуарда вновь пришла в движение. Быстро смеркалось, но луна еще не взошла, и мгла казалась совершенно непроницаемой; еще недавно видневшаяся на горизонте гряда холмов и флаги над нею полностью растворились во мраке.

— Ничего страшного, — пробормотал Эдуард, словно разговаривая с самим собой, но ехавший рядом Энтони хорошо все слышал. — Если мы лишь с огромным трудом способны различить их наверху, на фоне небес, то они нас и вовсе не заметят, ведь долина прямо-таки тонет в кромешной тьме. А если нам повезет и утром ляжет туман, то враг и после рассвета не узнает, что мы совсем рядом, в долине. Зато они будут нам отлично видны, точно голуби на крыше амбара.

— Неужели ты думаешь, они так и будут дожидаться утра? — спросил Энтони. — Чтобы их сняли, как голубей с крыши амбара?

— Не уверен, — отозвался Эдуард. — Я бы, пожалуй, ждать не стал. Боюсь, что и Уорик не станет.

И словно в подтверждение этих слов где-то рядом взревели пушки; желтые вспышки пламени взорвали ночную тьму, на мгновение осветив огромную армию Уорика, сгрудившуюся прямо над ними, на холме.

— Господь всемогущий! Да их там тысяч двадцать! Вот проклятье! — выругался Эдуард. — Ладно, пусть все по-прежнему хранят полное молчание. И никакого ответного огня! Мы подкрадемся к ним, как кот к мыши. К спящей мыши.

Послышался приглушенный смех — какой-то шутник на слова Эдуарда тихонько пискнул, изображая мышью, — и Энтони с Эдуардом услышали, как по рядам шепотом передают приказ короля.

Снова взревели пушки противника, и к Эдуарду подлетел Ричард на вороном коне, совершенно невидимом во мраке.

— Это ты, брат? — уточнил Ричард. — Господи, темнотища такая, что ничего и разглядеть невозможно! К счастью, пока их выстрелы проходят у нас над головой и ложатся значительно дальше наших позиций, а значит, Уорик понятия не имеет, где мы. Судя по всему, он неправильно рассчитал расстояние и думает, что мы дальше отсюда по крайней мере на полмили.

— Передай людям, пусть по-прежнему хранят тишину, тогда Уорик до утра ничего не поймет, — распорядился Эдуард. — Пусть все лягут и прижмутся к земле — и никаких огней, никаких костров.

Ричард кивнул и снова растворился в темноте. Эдуард жестом подозвал Энтони.

— Возьми своих племянников Ричарда и Томаса, — велел Эдуард, — отъезжайте где-нибудь на милю отсюда, примерно туда, куда их снаряды сейчас ложатся, и разожгите там на расстоянии друг от друга два-три костра, не слишком большие, чтобы казалось, будто мы расположились на ночлег. А потом быстрее оттуда сматывайтесь. Пусть у них будет цель для пальбы. Костры вскоре погаснут, но вы назад ни в коем случае не возвращайтесь и постарайтесь получше где-нибудь спрятаться. Пусть враг считает, что мы еще довольно

далеко.

Энтони кивнул и тут же исчез.

Эдуард спрыгнул на землю и подал мальчику-пажу поводья своего жеребца Фьюри.

— Проследи, пусть Фьюри накормят, да не забудь с него седло снять. И удила изо рта вынь, но уздечку оставь и седло держи при себе — на всякий случай, кто его знает, долгой ли будет эта ночь. А пока можешь немного поспать, но учти: за час до рассвета, а может, и раньше конь должен быть в полной боевой готовности.

— Хорошо, сир, — отозвался паренек. — Там как раз раздают корм и воду для лошадей.

— Тогда заодно напомни всем: пусть ведут себя как можно тише. Скажи, что это я распорядился.

Мальчик отвел коня в сторону, а Эдуард обратился к стоявшему рядом Гастингсу:

— Расставь постовых.

И тут вновь взревели пушки, заставляя вздрагивать от оглушительного грохота. Над головой свистели пушечные ядра; там, где эти ядра падали на землю, слышались глухие удары — но значительно южнее того места, где у подножия холма притаилось войско Эдуарда.

— Ну что ж, — усмехнулся Эдуард, — поспать нам сегодня вряд ли удастся, но и они всю ночь явно спать не собираются. Ладно, Уильям, разбуди меня часа в два.

Скинув плащ, Эдуард привычным движением расстелил его на земле, лег, снял шляпу и накрыл ею лицо. Через несколько минут, несмотря на неумолчный рев пушек и грохот падающих ядер, он уже крепко спал. Гастингс с материнской нежностью укрыл короля своим плащом и повернулся к Георгу, Ричарду и Энтони.

— По-моему, каждому из нас лучше стоять на посту часа по два. Согласны? — спросил он. — Я заступлю сейчас, потом разбужу тебя, Ричард, и вы с Георгом проверите состояние людей и кого-то отправите на разведку, после них заступишь ты, Энтони.

Все трое согласно кивнули.

Энтони завернулся в плащ и улегся рядом с королем, но перед этим шепотом уточнил у Гастингса:

— Значит, Георг и Ричард будут дежурить вместе?

— Георгу я доверяю не больше, чем городской шлюхе, — также шепотом пояснил Гастингс. — А вот юному Ричарду даже собственную жизнь доверил бы. Он заставит своего брата держаться нашей стороны, пока мы не начнем сражение и с Божьей помощью не одержим победу.

— А ведь соотношение сил и впрямь опасное, — задумчиво произнес Энтони.

— На моей памяти не было худшего! — воскликнул Гастингс, но, пожалуй, даже весело. — Правда на нашей стороне, и Эдуарду всегда везло в битвах. К тому же сейчас все три сына Йорка снова вместе. Ничего, мы еще вполне можем не только остаться в живых, но и победить!

— Аминь.

Энтони перекрестился и лег спать.

— Да к тому же, — пробормотал себе под нос Гастингс, — нам ничего другого и не остается. Мы можем только победить!

А в это время в нашем убежище в Вестминстере не спали ни я, ни моя мать. Незадолго до рассвета, когда ночь темнее всего, а луна уже закатилась, мать подошла к окну и настежь распахнула створки. Я стояла рядом, и мы обе смотрели на широкую темную реку, протекавшую прямо под нами. Я легко вздохнула, и в холодном ночном воздухе мое дыхание превратилось в маленькое облачко тумана. Мать тоже вздохнула, и уже два туманных облачка, слившись вместе, унеслись прочь. Я выдохнула, потом задышала чаще, и вскоре над рекой стал собираться туман, созданный моим дыханием; серой вуалью он проплывал над черной водой, точно светлая тень на фоне непроницаемой темноты. Моя мать тоже с силой выдохнула, и туман за клубился и потек вниз по реке, окутывая противоположный берег и скрывая даже ночную тьму, даже свет звезд. Потом туман совсем сгустился и стал расползаться холодной волной от реки по улицам Лондона и дальше на северо-запад, по речным долинам, прижимая к земле ночную тьму. И хотя небо уже начинало медленно светлеть, вся земля, казалось, была окутана этим туманом, как саваном. Воины Уорика, проснувшись в этот холодный предрассветный час на холмистой гряде близ Барнета, посмотрели вниз, надеясь разглядеть в долине своих врагов, но ничего не увидели, кроме клубящегося моря тумана. Туман разлегся тяжелыми серыми полосами по всей долине, и за ним совсем не было заметно армии Эдуарда, безмолвно застывшей в предрассветных сумерках у самого подножия холма.

— Возьми Фьюри, — тихо велел Эдуард своему пажу. — Я буду сражаться в пешем строю. Приготовь мне меч и боевой топор.

Остальные соратники короля — Энтони, Георг, Ричард и Уильям Гастингс — стояли с ним рядом в ожидании боя. Занимался новый день — день страшной битвы. Их кони находились в сторонке, оседланные, взнузданные и полностью подготовленные — хотя вслух никто не сказал об этом ни слова — к внезапному бегству в случае неудачи или же к массивной атаке, если все пойдет как надо.

— Ну что, готовы? — спросил Эдуард.

— Мы всегда готовы, — ответил Гастингс.

Эдуард глянул на вершину холма и вдруг воскликнул:

— Господи помилуй, как мы ошиблись!

— Ошиблись?

Туман на мгновение рассеялся, и стало ясно, что в темноте они заняли позицию не точно напротив армии Уорика, а значительно левее и на правом фланге сопротивляться Уорику было попросту некому. Выглядело это так, словно армия Эдуарда, вытянувшаяся цепью, вдруг оказалась укорочена на треть и слишком сдвинута влево. То есть его левофланговым было, собственно, не с кем биться, и они, ринувшись вперед, мгновенно проломали бы слабое сопротивление неприятеля, зато на правом фланге людей у Эдуарда явно не доставало.

— Слишком поздно перегруппировываться, — решил Эдуард. — Да поможет нам Бог, поскольку начинаем мы с ошибки. Ладно, трубите в трубы: время вышло.

Взлетели вверх боевые знамена; флажки, обвисшие от скопившейся в воздухе влаги, затрепетали в тумане, точно внезапно выросший из-под земли лес. Взревели трубы, в предрассветной мгле их голоса казались низкими и глуховатыми. Туман вообще все предметы вокруг делал странными, сбивающими с толку. «В атаку!» — приказал Эдуард, хотя его воины с трудом различали неприятеля, из-за чего на несколько минут воцарилась зловещая тишина, и Эдуарду показалось, что люди, как и он сам, словно придавлены этим плотным влажным туманом, что они продрогли до костей, что их, как и его, тошнит от страха. «В атаку!» — снова скомандовал Эдуард и ринулся вверх по склону холма навстречу армии Уорика, за ним с ревом последовало войско. Сам же Уорик, словно вдруг пробудившись из-за этого шума, пытался, напрягая зрение, хоть что-то разглядеть в серых волнах тумана, но видел лишь неясное мелькание теней. Уорик не был уверен в том, что это действительно вражеская атака, пока армия Йорка во главе с самим Эдуардом, проломившись сквозь туман, как сквозь стену, не обрушилась на его людей подобно чудовищным великанам-гоблинам, явившимся откуда-то из тьмы горных пещер. Эдуард возвышался над всеми, как башня, и яростно вращал над головой боевым топором, круша врагов направо и налево.

Центральная часть войска ланкастерцев была вынуждена отступить под мощным натиском йоркистов, зато они легко сумели прорвать защиту на правом фланге, который оказался фатально незащищенным, и ринулись вниз по склону, точно медведи, давя противника численным превосходством. Воины Йорка бились отчаянно, но на правом фланге их было всего несколько десятков против сотен врагов, и они, подавленные тьмой, туманом и мощью противника, стали отступать. Ланкастерцы гнали их вниз по склону, кололи кинжалами, били дубинками, пинали ногами, рубили им головы и все ближе подбирались к центральной части армии Йорка, к самому ее сердцу. Вот кто-то из йоркистов повернулся и бросился бежать, но не успел сделать и пары шагов, как голову ему раскроил страшный удар булавы. Однако эта первая попытка к бегству породила новые. Вот и еще один воин, видя, что с вершины холма на него летит живая лавина, а товарищей рядом почти не осталось, ринулся вниз, надеясь укрыться в тумане и темноте. За ним последовали и другие. Один из них даже какое-то время двигался с торчавшей из спины шпагой, пронзившей его насквозь. Его товарищ, став свидетелем этой сцены, побелел, швырнул на землю оружие и без оглядки, точно заяц, скакнул куда-то вбок и растаял в тумане. Соппротивление, оказываемое атаковавшим ланкастерцам, все слабело; люди Эдуарда видели у себя за спиной спасительную серую мглу тумана, слышали на холме грозный рев неприятельского войска, уже почуявшего победу, и бросались в этот туман, как в воду. Впрочем, ланкастерцы и сами с трудом различали в этом чудовищном тумане не только друг друга, но даже собственные руки. Однако они уже чувствовали запах крови и страха и, почти не встречая борьбы, продолжали решительно наступать. Оказавшиеся в трагическом меньшинстве йоркисты бросали оружие и в ужасе рассыпались в разные стороны, надеясь укрыться в волнах тумана.

Граф Оксфорд, сражавшийся со своим отрядом на стороне Уорика, тут же взял след этих йоркистов; с улюлюканьем и лаем, точно гончие псы, ланкастерцы понеслись вдогонку йоркистам, пока совсем не перестали что бы то ни было видеть в тумане, а граф все подбадривал их криками, все побуждал продолжать преследование, и вскоре шум битвы растаял в тумане где-то позади, а бежавшие с поля боя йоркисты вдруг исчезли, словно провалились сквозь землю. Только тут граф Оксфорд обнаружил, что его люди заняты уже не погоней за врагом — они расползаются кто куда, устремляясь в сторону Барнета и пивных. Многие уже перешли на неторопливую рысцу, на ходу вытирая шпаги и хвастаясь столь легко одержанной победой. Графу пришлось гнать коня галопом, чтобы перехватить своих людей. Преградив им дорогу, он некоторое время охаживал подданных кнутом, кричал на офицеров и страшно ругался, после чего погнал свой отряд перед собой, пока одному из людей его конь не наступил копытом прямо на грудь. Осыпая своих нерадивых воинов проклятиями, граф наконец остановил их.

— Битва еще не закончена, сукины вы дети! — заорал граф. — Йорки живы — и Эдуард, и

этот мальчишка Ричард, и эта сума переметная Георг! А ведь мы поклялись, что сражение закончится только их гибелью. Вперед! Вперед! Ведь вы уже попробовали их крови! Вы видели, как они бегут! Так давайте прикончим их! Вперед, завершим начатое! Подумайте, какая отличная у вас будет добыча! Ведь они и так уже наполовину сдались, они уже проиграли. Надо и остальных заставить столь же позорно бежать! Пусть удирают как зайцы, а мы на это посмотрим! Вперед, ребята! Вперед!

Оксфорду удалось восстановить порядок и убедить людей отправиться назад. Граф развернул свой отряд, когда тот находился примерно на середине пути до Барнета, и снова повел его к эпицентру битвы; его флаг с символом ярких лучей утреннего солнца гордо развевался впереди. Но туман не давал графу как следует сориентироваться. Он отчаянно, но, увы, тщетно стремился воссоединиться с армией Уорика, обещавшего несказанное богатство каждому, кто в том бою будет на его стороне. К сожалению, граф Оксфорд, следуя во главе своего отряда из девятистот человек, даже не догадывался, что в тумане линия фронта растянулась как бы по кругу. Прорыв на правом фланге армии Йорков и стремительное продвижение вперед левого фланга ланкастерцев послужили причиной того, что сражение происходило уже не на склонах холма, а вдоль лондонской дороги, распространившись в оба ее конца.

Эдуард по-прежнему находился в самой гуще битвы, но уже чувствовал, что постепенно сдает позиции, отступая от дороги под усиливающимся натиском людей Уорика. В душу Эдуарда закрадывалось ощущение близкого поражения — ощущение, совершенно для него новое и более всего походившее на страх. Во мраке и тумане ему ничего толком не было видно, но он понимал одно: врагов становится все больше. Один за другим они выныривали из тумана и со всех сторон наступали на Эдуарда, и он продолжал сражаться — почти инстинктивно, точно слепой, — отбивая их натиск. Однако нападающих становилось все больше, они теснили Эдуарда — кто с мечом, кто с боевым топором, а кто и с косой.

И тут Эдуард вспомнил о своей жене и новорожденном сыне, которые ждали его возвращения, сама жизнь которых зависела от того, победит он сейчас или проиграет. Впрочем, на размышления о том, что с ними станет, если он проиграет бой, у него попросту не было времени. Эдуард осознавал, что его люди, так мужественно боровшиеся с ним рядом, начинают постепенно слабеть и отступать под натиском превосходящей их по численности силы противника. Да и сам Эдуард уже устал, вынужденный без передышки махать мечом, рубить, колоть, убивать — иначе он и сам сразу был бы уничтожен. В бешеном напряжении схватки Эдуард успел лишь мельком заметить — это было почти видение, но очень яркое, — как сражается его младший брат Ричард. Тот без усталости орудовал мечом и копьем и упорно продвигался вперед, только вперед, и все же казалось, что и у Ричарда правая рука вот-вот бессильно повиснет плетью. Эдуард вдруг представил себе, как Ричард остается один на поле боя, как вынужден отражать бесконечные атаки неприятеля, не имея рядом ни брата, ни друга, и такой гнев вдруг охватил Эдуарда, что он, громогласно взревев: «Йорк! Бог и Йорк!» — с новой силой ринулся вперед.

А тем временем граф Оксфорд, заставив своих бойцов перейти на бег, отдал приказ идти в атаку, поскольку ему показалось, что он видит поле брани. Он рассчитывал вывести свой отряд противнику в тыл и внезапно вынырнуть из тумана, отлично понимая, какой хаос тогда поселится в рядах йоркистов. Пожалуй, рассуждал Оксфорд, это будет не хуже, чем приток свежих сил, явившийся на помощь ланкастерцам, который вызовет у врагов такой же ужас, как если бы они неожиданно угодили в засаду. Отряд графа выскочил из тьмы, размахивая перепачканными кровью мечами и пиками, в тыл сражавшимся — но, увы, это оказались не воины Йорка, а ланкастерцы, которые во время битвы не только спустились с холма, но и развернулись вдоль дороги.

— Предатель! Измена! — пронзительно вскрикнул кто-то из ланкастерцев, получив удар мечом в спину и увидев перед собой графа Оксфорда.

Один из командиров оглянулся на этот возглас, и взору его предстало поистине ужасающее зрелище: с тыла на них наступали новые отряды Йорка! В тумане он, разумеется, не сумел толком рассмотреть их боевое знамя, но был уверен, что заметил на нем символ Йорков — яркое полдневное солнце во всей своей красе. Огромный отряд свежих воинов, гордо размахивая флагом Йорков, мчался прямо на них со стороны Барнета, выставив мечи, размахивая боевыми топорами и копьями, и рты атакующих были разинуты в яростном крике. Знамя Оксфорда с символом лучей восходящего солнца этот командир ошибочно принял за знамя Йорков и решил, что противник обошел ланкастерцев с тыла и начинает яростно их теснить. Надо сказать, эти воины и впрямь бились так, словно им нечего терять; все больше и больше свирепых бойцов выныривало из тумана, и казалось, что натиск этой огромной армии призраков никому сдержать не под силу.

«Поворачивайте! Поворачивайте!» — в панике заорал кто-то, потом кто-то еще крикнул: «Перестраивайтесь! Отходите назад!» И это был правильный приказ, но уж больно панически звучал голос того, кто его отдал. Воины пытались развернуться и отступить от надвигавшегося на них «войска Йорков», но обнаруживали, что с другой стороны их тоже теснит огромное количество Йорков, а проклятый туман не давал им различить знамена своих союзников. Воинам казалось, что они со всех сторон окружены врагами, что под натиском превосходящих сил противника им грозит неминуемая гибель, и в этой суматохе самообладание окончательно им изменило.

Тщетно граф Оксфорд пытался приказами остановить своих людей, сражавшихся с собственной армией. Тщетно он призывал их не отступать и продолжать битву за Ланкастеров. Было уже слишком поздно. Те, кто успел разглядеть знамя Оксфорда с лучами утреннего солнца и самого графа, размахивавшего этим знаменем посреди всей этой неразберихи и громко призывавшего своих воинов к порядку, сочли, что граф прямо во время сражения переметнулся на сторону неприятеля — что, кстати, происходит в жизни не так уж и редко. И те, кто находился от графа достаточно близко, его старинные друзья и соратники, набросились на него, точно разъяренные псы, поскольку человек, ставший предателем во время боя, гораздо хуже врага и заслуживает только смерти. Но большая часть ланкастерцев, окруженная туманом и поверженная в хаос, понимала лишь, что на них неожиданно напали новые отряды неведомых воинов, сотканных из облаков и тумана, что силы эти стремительно продвигаются вперед и число их все множится. Кто знает, сколько еще этих воинов-призраков скрывается во мраке на той стороне дороги? Кто знает, какое войско вдруг поднимется прямо из речных глубин? Какого еще страшного врага этот Эдуард, женатый на ведьме, призовет себе на помощь из рек, ручьев и родников? Ланкастерцы слышали звуки битвы и пронзительные возгласы раненых, но не видели никого из своих лордов и даже командиров своих не могли различить в этом тумане. Ситуация на поле боя постоянно менялась, вокруг все было залито каким-то фантастическим полусветом; невозможно было даже понять, кто в данную минуту сражается рядом с тобой — враг или друг. Ланкастерцы сотнями бросали оружие и спасались бегством, прекрасно осознавая, что в этой войне пленных не будет. А это означало, что проигравшего ждет верная смерть.

Эдуард, прорвавшись в самый центр сражения, колот, рубил и резал, нанося удары направо и налево; рядом с ним Уильям Гастингс с обнаженным мечом в одной руке и с кинжалом в другой громовым голосом ревел: «Победу Йорку! Победу Йорку!» — и его солдаты верили этому кличу; впрочем, верили ему и воины Ланкастеров, на которых из тумана с фланга и с тыла обрушивались все новые и новые силы противника. К тому же ланкастерцы внезапно лишились своего предводителя: Уорик, почувствовав, что пора спасаться, велел пажу подать ему коня, взлетел в седло и галопом поскакал прочь.

Его бегство послужило сигналом к завершению сражения, к тому моменту рассыпавшегося на множество отдельных очагов. «Коня мне! Скорей! — крикнул Эдуард своему пажу. — Давай скорей сюда моего Фьюри!» Уильям Гастингс, подставив скрещенные руки, посадил, точнее забросил своего короля в седло, затем и сам взлетел на коня и ринулся за своим дорогим

другом и повелителем. А следом и все командиры Йорков помчались вдогонку за Уориком, громогласно его проклиная.

Моя мать со вздохом выпрямилась, и я помогла ей закрыть окно. Мы обе бодрствовали всю ночь и были очень бледны.

— Все кончено, — уверенно произнесла мать. — Твой враг мертв. Твой первый и самый опасный враг. Уорику больше не быть «делателем королей». Теперь ему предстоит встреча с иным Королем. Вот пусть и объяснит Царю Небесному, что и зачем он вытворял с нашим бедным королевством здесь, на земле.

— Как думаешь, мои мальчики живы?

— Да, живы, я в этом уверена.

Руки мои судорожно сжались, ногти впились в ладони, точно кошачьи когти.

— А Георг Кларенс? — осведомилась я. — Что ты знаешь о нем? Ну же, мама: он погиб на поле боя?

Мать улыбнулась.

— О нет, Георг, как всегда, на стороне победителя! Эдуард выиграл это сражение, а значит, Георг пока с ним. И тебе, возможно, еще придется простить Георгу гибель твоего отца и брата. А мне — забыть о мести и предоставить ее Господу нашему. Так что Георг, вероятно, проживет еще долго. В конце концов, он ведь родной брат короля. Неужели ты решилась бы убить принца королевской крови? Неужели ты смогла бы уничтожить законного наследника дома Йорков?

Я молча открыла свою шкатулку и вынула почерневший серебряный медальон, украшенный эмалью. Нажав на крохотный замочек, я достала оттуда клочок бумаги, оторванный от предсмертного письма моего отца. На этом клочке моей кровью были написаны имена: Георг, герцог Кларенс, и Ричард Невилл, граф Уорик. Это письмо отец послал моей матери, надеясь на скорый выкуп из плена, у него даже в мыслях не было, что эти двое, которых он хорошо знал чуть ли не с момента их появления на свет, окажутся способны погубить его, движимые одной лишь злобой. Я разорвала бумажку пополам и тот кусочек, где было написано имя Ричарда Невилла, скомкала в ладони. Я и в огонь клочок не бросила — просто швырнула на пол и замела в кучу мусора. Пусть даже имя его обратится в прах! А крохотный остаток отцовского письма с именем Георга я снова сунула в медальон, затем убрала медальон в шкатулку и бесцветным голосом сказала:

— Нет, мама, Георг долго не проживет. Даже если мне самой придется прижать к его лицу подушку и навалиться на нее всем телом, когда он, любимый брат моего мужа, будет в качестве гостя есть и спать в моем доме, находясь под моим покровительством. Нет, долго он не протянет! Не все сыновья дома Йорков неприкосновенны. И уж этого Йорка я непременно увижу мертвым! Даже если он будет сладко спать в своей постели в лондонском Тауэре, вскоре я все равно увижу его труп!

Всего два дня провела я с Эдуардом, когда он вернулся домой после той битвы. За эти два дня мы вновь перебрались в королевские покои Тауэра, поспешно вычищенные и вымытые. Вещи бедного Генриха так и валялись кучей в сторонке, а сам Генрих, этот несчастный безумный король, вернулся в свои старые «палаты» с решетками на окнах; он тут же опять

опустился на колени и стал молиться. В эти два дня Эдуард ел так, словно голодал несколько недель подряд, и долго, с наслаждением, точно сама Мелюзина, плескался в глубокой продолговатой ванне. В первую же ночь он грубо овладел мною, взял меня, как солдат проститутку, без малейшей нежности, и тут же крепко заснул. А пробудившись, сразу объявил жителям Лондона, что многочисленные истории о якобы выжившем Уорике не соответствуют действительности, поскольку он, Эдуард, собственными глазами видел его обездвиженное тело. Уорик был убит, когда бежал с поля брани, как последний трус. Эдуард приказал выставить труп Уорика в соборе Святого Павла, чтобы каждый мог удостовериться: великий «делатель королей» мертв.

— Но бесчестить его я не стану, — заявил Эдуард.

— Ланкастерцы отрубили твоему отцу голову, надели ее на пику и выставили у ворот Йорка! — напомнил ему Георг. — Да еще и бумажную корону на нее нацепили. Надо и нам надеть голову Уорика на пику и выставить у Лондонского моста, а тело его четвертовать и разослать по всему королевству.

— Отличная идея! Тем более что это твой тесть, — вмешалась я. — Как думаешь, твоя жена спокойно отнесется к тому, что ты лишил ее отца не только головы, но и конечностей? Ведь ты, по-моему, сам клялся лорду Уорик в вечной любви и преданности?

— Пусть родные Уорика похоронят его честь по чести в Бишемском аббатстве, — решил Эдуард. — Мы не дикари. И с погибшими не воюем.

Два дня и две ночи мы провели вместе, но Эдуард все ждал гонца и по-прежнему держал свое войско в полной боевой готовности. Наконец гонец прискакал и сообщил, что Маргарита Анжуйская высадилась в Уэймуте; прибыв слишком поздно, она не смогла оказать поддержку своему союзнику, но вполне готова и в одиночку сражаться во имя своих высоких целей. И почти сразу же стали поступать вести о том, что взбунтовалась почти вся Англия. Лорды и сквайры из числа тех, что не пожелали поднимать людей ради Уорика, сочли своим долгом поддержать королеву и ее войско, явившихся на битву с нами, ее заклятыми врагами, удерживающими в плену короля Генриха. Пошли разговоры о том, что грядет самое последнее и самое значимое сражение, которое в итоге положит конец этой бесконечной войне. Уорик мертв, так что никаких посредников не осталось; теперь королева Маргарита выступала против короля Эдуарда, королевский дом Ланкастеров — против королевского дома Йорков. Каждому человеку в стране предстояло сделать свой окончательный выбор, и многие выбрали Маргариту Анжуйскую.

Эдуард приказал тем лордам, что остались ему верны, явиться во дворец полностью экипированными и привести с собой максимально возможное количество вооруженных людей. Также король потребовал от каждого города без исключения прислать ему войско и деньги на его содержание.

— Мне снова приходится уезжать от тебя, — сказал мне Эдуард на рассвете. — Береги моего сына. Береги его, что бы ни случилось!

— А ты береги себя, — ответила я. — Что бы ни случилось.

Эдуард кивнул, взял меня за руку, поднес к губам мою ладонь и сложил пальцы так, словно заключил в них свой прощальный поцелуй.

— Ты же знаешь, что я тебя люблю, — улыбнулся он. — Знаешь, что и сейчас я люблю тебя не меньше, чем в тот день, когда увидел на обочине дороги под дубом. Ведь знаешь?

Я кивнула. Говорить я не могла. Мне показалось, что он прощается со мной навсегда.

— Вот и отлично, — заметил Эдуард и добавил: — Если дело будет плохо, немедленно бери детей и уезжай во Фландрию, в Турне. Ты помнишь, как зовут владельца того суденышка? Помнишь? У него и спрячешься.

— Я помню, — прошептала я. — Не тревожься, все будет хорошо.

— Это уж как Господь захочет.

С этими словами Эдуард резко повернулся и вновь отправился на битву с врагом.

Обе армии страшно спешили — армия Маргариты торопилась в Уэльс за подкреплением, а армия Эдуарда гналась за ней, пытаясь помешать пересечь границу с Уэльсом. Силы Маргариты под командованием графа Сомерсета, а также ее сына, этого юного злодея, у которого на этот раз имелся даже свой собственный полк, быстро продвигались по сельским дорогам на запад, в Уэльс. Там Джаспер Тюдор должен был поднять им в поддержку местных жителей, валлийцев; там же с ними должно было встретиться войско Корнуолла. Если бы этой объединенной армии удалось добраться до уэльских гор, они были бы непобедимы. Джаспер Тюдор и его племянник Генрих Тюдор могли обеспечить им почти райскую безопасность и поддержать своей армией, полностью готовой к бою. Выбить их из уэльских крепостей было бы попросту невозможно; там они спокойно собрались бы с силами и, как следует укрепившись, двинулись бы на Лондон.

Вместе с Маргаритой в поход отправилась и маленькая Анна Невилл, младшая дочь Уорика и жена принца Эдуарда, которая с трудом перенесла столь тяжкие удары судьбы, как гибель отца, предательство Георга Кларенса и полное равнодушие матери, которая после смерти мужа, сраженная горем, обрела убежище в монастыре. На мой взгляд, это было трио отчаявшихся, которые, потеряв столь многое, поставили все, что у них осталось, на кон ради победы.

Эдуард, поспешно выехав из Лондона, собирал по дороге войска и стремился настигнуть армию Маргариты прежде, чем та переправится через полноводную реку Северн и скроется в горах Уэльса. Задача стояла почти невыполнимая. Путь был слишком долг, а люди еще не пришли в себя после кровопролитного сражения под Барнетом. И хотя Эдуард все гнал и гнал свою усталую армию, вряд ли она могла прибыть к берегам Северна вовремя.

Однако первая попытка Маргариты переправиться через Северн в Глостере оказалась неудачной. Эдуард отдал приказ ни в коем случае не дать армии королевы добраться до территории Уэльса, и крепость Глостер преградила ей путь, перекрыв все мосты и переправы. Северн, одна из самых глубоких и многоводных рек в Англии, вздулась и с огромной скоростью несла свои воды в Бристольский залив. Мысль о том, что против французской королевы восстали даже реки Англии, вызывала у меня улыбку.

Вместо того чтобы сразу перебраться на другой берег Северна, Маргарита была вынуждена двинуться на север, вверх по течению реки, и искать иную возможность переправы, но теперь их уже нагоняла армия Эдуарда, отставая всего миль на двадцать; воины, подгоняемые Эдуардом и Ричардом, бежали трусцой, точно свора охотничьих собак. В ту ночь ланкастерцы разбили лагерь неподалеку от Тьюксбери, укрывшись от непогоды за полуразрушенными стенами старого замка и надеясь, что уж завтра-то им наверняка удастся перейти через реку. Они были вполне уверены в себе, полагая, что измученная армия Йорка, которая, не отдохнув после тяжелого сражения, сразу отправилась в новый поход, теперь окончательно выдохлась, тем более что за один день совершила вынужденный марш-бросок в тридцать шесть миль буквально через всю страну. Эдуард, может, и сумел бы нагнать противника, но, пожалуй, окончательно истощил бы силы своей армии, если бы сразу ринулся в бой. Его измученные физически и морально люди вскоре оказались бы ни на что не годны.

3 МАЯ 1471 ГОДА

Королева Маргарита и ее незадачливая невестка Анна Невилл приказали занять для них ближайший дом, который назывался Пейнз-Плейс, в ожидании сражения, которое, как они полагали, сделает их, соответственно, королевой и принцессой Уэльской. Анна Невилл ночи напролет простаивала на коленях и молилась за душу своего отца, чье тело было выставлено на обозрение лондонцам перед алтарем в соборе Святого Павла. Анна молилась и за душу своей безраздельно предавшейся горю матери, которая, пристав к берегам Англии и не успев даже ступить на английскую землю, узнала, что ее супруг потерпел поражение и был убит во время бегства с поля боя и она стала вдовой. Вдовствующая герцогиня Анна Уорик, отказавшись хоть на шаг продвинуться дальше вместе с армией ланкастерцев, тут же заперлась в аббатстве Больё, бросив обеих дочерей на попечение их мужей, пребывавших в оппозиции друг к другу, поскольку одна была замужем за принцем Эдуардом Ланкастером, а вторая — за герцогом дома Йорков. Младшая, Анна Невилл, молилась также о судьбе своей сестры Изабеллы, связавшей жизнь с перебежчиком Георгом Кларенсом и династией Йорков, ведь супругу Изабеллы предстояло биться уже против Маргариты Анжуйской, на стороне ее противника. Анна молилась, как делала это каждый день, и о том, чтобы Господь просветил ее юного супруга, принца Эдуарда Ланкастера, и даровал ему разум, поскольку он с каждым днем становился все более порочным и злобным. И за себя она тоже молилась, мечтая как-то пережить эту битву и снова вернуться домой, хоть и сама толком не знала, каков он теперь будет, ее дом.

Армией Эдуарда командовали те, кого он любил больше всего на свете, — его братья, и он был готов с радостью сложить голову вместе с ними, если Богу будет угодна гибель всех троих в один день. Страх больше не оставлял Эдуарда, ведь теперь он до конца познал горечь поражения и понимал: этого ему не забыть до конца дней своих. Понимал он и то, что избежать грядущей схватки невозможно и вступать в бой ему придется с ходу, не имея возможности ни перестроиться, ни передохнуть после столь продолжительного вынужденного марш-броска, самого быстрого в истории Англии. Так что основания для опасений у Эдуарда действительно имелись; впрочем, он знал: если он хочет остаться на троне, то должен бороться лучше, чем когда-либо прежде. Его брат Ричард, герцог Глостер, командовал передовыми частями армии; он вел своих людей в бой уверенно, со свойственным ему веселым и свирепым мужеством. Сам Эдуард должен был стоять в центре, а защищать тылы предстояло Уильяму Гастингсу — вот уж кто собственной грудью заслонил бы короля, если бы на того напали из засады. Что касается Энтони Вудвилла, то ему Эдуард поручил особое задание.

— Энтони, — тихо обратился к нему Эдуард, — возьмите с Георгом небольшой отряд вооруженных копьями людей и спрячьтесь в роще на левом фланге. У вас будет две основных задачи: во-первых, следить, чтобы Сомерсет не отправил из этих развалин в обход нам вооруженных людей и не нанес неожиданный удар слева, а во-вторых, внимательно наблюдать за ходом битвы, но в атаку ринуться лишь тогда, когда это будет совершенно необходимо.

— Ты до такой степени мне доверяешь? — уточнил Энтони, невольно вспомнив те дни, когда они, тогда еще совсем молодые, были врагами, а не братьями.

— Да, я тебе полностью доверяю, — подтвердил Эдуард. — Но, Энтони... ты ведь у нас человек мудрый, философ, и, по-моему, для тебя что жизнь, что смерть — все едино, или я не прав?

Энтони поморщился.

— Не так уж много я учился и вовсе не считаю себя мудрецом, да и к жизни своей, сир, я очень даже привязан. Я отнюдь не поднялся до таких высот, как полное от нее отрешение.

— Вот и я тоже! — пылко поддержал его Эдуард. — И я, брат, очень даже привязан к жизни! И к своему маленькому дружку, что находится у меня в штанах. Так что ты уж постарайся все сделать для меня, ведь твоя сестрица должна положить в колыбель еще одного принца. — Эдуард помолчал и весело прибавил: — Хотя бы ради нее спаси мои яйца, Энтони!

Энтони рассмеялся и шутливо козырнул королю.

— Ты подашь мне сигнал, когда наступит решающий момент? — спросил Энтони.

— Ты и сам все отлично поймешь. А сигнал... ну, по моему виду сразу станет ясно, что сражение я проигрываю, — спокойно произнес Эдуард. — Но вот этого ты как раз допустить и не должен. Больше я тебя ни о чем не прошу.

— Хорошо, сир, я сделаю все, что смогу, — так же спокойно ответил Энтони и отправился выполнять распоряжение, скрывшись в густой роще с отрядом в две сотни копьеносцев.

Эдуард выждал, когда его войска займут боевые позиции и станут почти невидимыми для ланкастерцев, прятаясь на холме за полуразрушенными стенами замка, и приказал своим артиллеристам открыть огонь. Одновременно с пушечным залпом лучники Ричарда выпустили в воздух сотни стрел. Артиллерийские снаряды взрывались разнося и без того уже осыпавшиеся стены старого замка, и на головы людей, находившихся за стенами, летели камни и осколки. Пронзительно кричал воин, которому стрела угодила прямо в лицо, слышались возгласы и стоны десятков людей, на которых дождем сыпались стрелы и камни. Собственно, замок, в котором укрылись ланкастерцы, представлял собой даже не старую крепость, а дряхлые руины, и теперь уже сами его стены несли погибель; они скорее грозили опасностью, чем укрывали от нее. Спасаясь от смертоносного камнепада, люди выбегали из-под рушащихся арок на открытое пространство; некоторые, не дожидаясь приказа, тут же бросались в атаку, иные же отступали, поворачивая назад, к Тьюксбери. Сомерсет громко призывал армию сгруппироваться и идти в наступление на королевские войска, расположившиеся у подножия холма, однако организованная атака явно срывалась: многие ланкастерцы, визжа от ярости, уже и так неслись вниз по склону без всяких распоряжений.

Ланкастерцы, все набирая скорость, катились вниз, под уклон, целясь прямо в сердце армии Йорков, но там к встрече с ними был готов Эдуард со своими воинами. Сейчас он казался еще выше ростом из-за надетой прямо поверх шлема королевской короны, глаза его горели той безжалостной свирепостью, которую он познал с юности, проведенной в сражениях. Как только первые ланкастерцы приблизились к Эдуарду, пробившись сквозь ряды его защитников, он приветствовал их ударами своего широкого меча. В другой руке он держал острый боевой топор. Долгие часы упражнений — на турнирах и в пешем бою на арене — сказались в полной мере: движения Эдуарда были ловки, естественны и экономны, точно у опытного льва, окруженного охотничьими псами: выпад, свирепый оскал, резкий поворот и снова быстрый выпад. Вражеские воины обступали Эдуарда со всех сторон, и он ни секунды не колебался, нанося смертельные удары. Перерубал шеи в незащищенном месте под шлемом. Бил острием меча под правую руку снизу, в том месте, где подмышечная впадина не защищена доспехами. С силой ударял противника ногой в пах, а когда тот от боли сгибался пополам, обрушивал ему на затылок свой боевой топор, раскалывая череп.

Когда в результате первого яростного столкновения с противником войско Йорка оказалось чуть отброшенным назад, с фланга подоспел отряд Ричарда. Его воины устроили поистине безжалостную мясорубку; они безостановочно уничтожали врага, и в самом центре этого жуткого побоища оказался юный герцог Эдуард Ланкастер, маленький злобный убийца,

настоящий наместник ужаса. Решительная атака под предводительством Ричарда сломила наступление ланкастерцев, и они остановились. Как и всегда при схватке врукопашную, на поле брани возникло временное затишье, даже самые сильные старались перевести дух; воины Йорка воспользовались этим затишьем и, возглавляемые Эдуардом и верным Ричардом, неожиданно ринулись в наступление, начиная решительно теснить ланкастерцев наверх, на тот холм, где находилось их ненадежное убежище.

И тут под громогласные воинственные кличи, исполненные холодной, поистине сокрушающей ярости, из рощи, что росла слева, вылетел отряд Энтони, никем до сих пор не замеченный. Эти две сотни воинов выглядели так грозно, словно их было по меньшей мере две тысячи; легконогие, но вооруженные смертельным оружием копьеносцы развили огромную скорость и ринулись на ланкастерцев, впереди всех, сильно обгоняя свое войско, бежал величайший рыцарь Англии Энтони Вудвилл. Воины Йорка летели вперед, выставив перед собой тяжелые копья и готовясь наносить удары. Они напоминали грозную тучу, полную сверкающих молний, и слабеющие ланкастерцы почти перестали сопротивляться, понимая, что гибель приближается слишком быстро и ее невозможно отсрочить.

И тогда ланкастерцы побежали. На большее у них попросту не хватило сил. Копья йоркистов ударили разом, точно две сотни лезвий одного жуткого орудия. Их страшный свист и следовавшие за этим пронзительные крики людей слышали, казалось, все, поскольку копья достигли цели. Уцелевшие воины Ланкастера ринулись вверх по склону холма, а люди Ричарда и Энтони преследовали их и убивали, не зная даже секундной слабости. Затем отряд Энтони окружил ланкастерцев, без усталости продолжая работать мечами и кинжалами, и те бросились к реке, пытаясь перейти ее вброд или переплыть, но тонули под тяжестью своих доспехов, запутавшись в тростниках и тщетно пытаясь из них выбраться. Та часть ланкастерцев, что попыталась укрыться в старом парке, тут же подверглась нападению отряда Гастингса. Его воины, окружив парк, рубили врага, точно зайцев под конец жатвы, когда жнецы, замкнув круг у последнего участка несжатой пшеницы, прямо косами и серпами забивают насмерть перепуганных животных. Те, кому все же удалось вырваться из кольца, бросились к городу, но за ними вдогонку направился отряд Эдуарда во главе с ним самим; нагнав врага, точно измученных оленей, Эдуард устроил настоящую резню. Тот отвратительный злой мальчишка, которого называли принцем Эдуардом Ланкастером и принцем Уэльским, почти успел вместе с группой своих воинов достигнуть городских стен, однако йоркисты нагнали их и, не ведая жалости, положили всех до одного. Среди мелькавших в воздухе окровавленных клинков какое-то время слышались просьбы о пощаде и пронзительные вопли юного принца: «Пощадите меня! Поощадите! Я — Эдуард Ланкастер! Я — законный наследник трона! Я родился, чтобы стать королем! Моя мать...» Но в итоге умолк и он, захлебнувшись собственной кровью, когда какой-то пехотинец, обычный крестьянин, ради добычи — красивого ремня и дорогой шпаги с украшенной гравировкой рукоятью — воткнул в горло Эдуарду Ланкастеру нож и этим положил конец всем надеждам Маргариты Анжуйской, прервав жизнь ее сына, последнего отпрыска рода Ланкастеров.

Король Эдуард воспринимал сражение не как забаву или охоту, а как отвратительное, смертоносное, но необходимое деяние. Опустив свой меч и вытерев клинок, он наблюдал, как его воины режут врагам глотки, вспарывают животы, раскалывают черепа и ломают ноги, пока вся армия Ланкастеров с криками не полегла на землю или не обратилась в бегство. И тогда Эдуард понял: битва закончена, и победа — по крайней мере, на этот раз — осталась за ним.

Но у вкуса всякой победы есть и послевкусие, зачастую малоприятное. Радость, которую испытывал Эдуард, одержав верх в бою, никогда не вызывала у него желания уничтожить и мучить поверженных. Ему — в отличие от большинства других полководцев — не хотелось отрубить голову главному военному преступнику, своему врагу, даже в полном соответствии с законом. Однако на этот раз все вышло иначе. Лорды-ланкастерцы попросили убежища в аббатстве Тьюксбери, и Эдуард никак не мог позволить им там остаться; он опасался, что

впоследствии, вернувшись домой, они снова начнут мутить воду.

— Вывести их оттуда! — приказал Эдуард своему брату Ричарду, которому также хотелось поскорее со всем покончить. Затем Эдуард повернулся к своим пасынкам Томасу и Ричарду. — Ступайте и разыщите на поле боя всех знатных лордов, сторонников дома Ланкастеров, которые остались в живых. Разоружите их и арестуйте.

— Но они просят убежища в аббатстве, — заметил Уильям Гастингс. — Они припадают к высокому алтарю. Твоя жена, Эдуард, сумела спастись только благодаря тому, что люди свято чтят право убежища. И твой сын благополучно появился на свет, охраняемый этим правом.

— То были женщина и беспомощный младенец! — резко возразил Эдуард. — Право убежища призвано охранять беспомощных и беззащитных. Но герцог Эдмунд Сомерсет отнюдь не беспомощен! Он заключил союз с самой смертью, предатель! И сейчас Ричард вытащит его из аббатства и доставит на рыночную площадь Тьюксбери, где Эдмунд и взойдет на эшафот. Верно, Ричард?

— Да, — твердо ответил Ричард. — В моей душе сейчас куда больше уважения к той победе, которую мы одержали в тяжком бою, чем к праву убежища.

И Ричард, положив ладонь на рукоять меча, решительно двинулся к дверям аббатства, хотя настоятель, семеня за ним, умолял проявить милосердие и убоиться гнева Господня. Но озверевшие воины Йорков никаких увещаний не слушали. В их сердцах не было места прощению. Они вытаскивали из аббатства пронзительно вопивших людей, а Ричард и Эдуард стояли рядом и смотрели, как закалывают кинжалами тех, кто умолял оставить их хотя бы во дворе собора и, цепляясь за могильные плиты, просил защиты у мертвых. Вскоре ступени монастырского крыльца стали скользкими от крови, и по всему двору на святой земле аббатства разлился запах смерти, точно в лавке мясника, поскольку ничего святого уже не осталось ни в Англии, ни на всем белом свете.

14 МАЯ 1471 ГОДА

Мы в Тауэре с нетерпением ждали вестей, когда раздались радостные крики и я поняла, что мой муж возвращается домой с победой. Я сбегала вниз, стуча каблуками по каменным ступеням лестницы, и девочки кинулись следом, но, когда ворота распахнулись и во двор влетели кони, оказалось, что это прибыл не Эдуард, а мой брат Энтони со своим отрядом.

— Веселись и ликуй, дорогая сестра! — воскликнул Энтони с улыбкой. — Твой муж жив и здоров, он одержал победу в великом сражении! А теперь, мама, благослови меня, мне давно уже необходимо твое благословение.

Энтони соскочил с коня, поклонился мне и, сорвав с головы шляпу, преклонил колена перед нашей матерью. Она с нежностью коснулась его головы, и в тот же миг вокруг воцарилась полная тишина. Это было настоящее благословение, а не пустой жест, которым пользуются в большинстве семейств. В ту минуту мать отдавала, казалось, всю свою душу Энтони, самому талантливому из ее детей, и тот с искренним почтением и любовью склонял перед ней свою белокурую голову. Потом Энтони встал и снова повернулся ко мне.

— Позже я расскажу тебе подробности, но можешь быть уверена: Эдуард одержал действительно великую победу! Маргарита Анжуйская захвачена, она стала нашей пленницей. А сын ее погиб, так что теперь она лишилась наследника. Да и все надежды

Ланкастеров втоптаны в кровь и в грязь. Эдуард тоже вскоре появится, но сейчас ему пришлось отправиться на север — там по-прежнему немало мятежников, которые продолжают сражаться за Невиллов и Ланкастеров. Твои сыновья с Эдуардом, они оба пребывают в добром здравии и прекрасном настроении. А меня он послал охранять тебя и Лондон. Жители Кента восстали против нас, их поддерживает Томас Невилл. Половина их, правда, — люди хорошие, просто попавшие под дурное влияние, зато другая половина — отъявленные воры, которые только и думают что о наживе. Но среди них есть несколько человек — действительно весьма опасных, — которые считают, что им под силу освободить короля Генриха и взять тебя в плен. Они, кстати, даже поклялись это сделать, и Томас Невилл с небольшим флотом уже движется к Лондону. Так что мне нужно срочно повидаться с мэром и отцами города и организовать оборону.

— Неужели они собираются напасть на нас?

Энтони кивнул.

— Они потерпели поражение, их наследник погиб, но они все еще продолжают войну. Теперь они намерены назначить наследником дома Ланкастеров Генриха Тюдора. И многие наверняка поклялись отомстить нам. В общем, Эдуард послал меня защитить вас и — в самом худшем случае — организовать ваше бегство.

— Так нам действительно грозит серьезная опасность?

— Прости, сестра, — отозвался Энтони, — но, к сожалению, это так. У них имеются и корабли, и поддержка Франции, а Эдуард всю армию увел на север.

Мой брат поклонился мне и, развернувшись, размахисто зашагал к Тауэру, на ходу приказывая констеблю незамедлительно доставить к нему мэра Лондона и представить рапорт о готовности Тауэра к осаде.

Вскоре в Тауэр стали прибывать люди, подтверждавшие, что Томас Невилл действительно вышел из Кента в море на военных кораблях и поклялся всеми силами поддерживать пешее кентское воинство; он планирует подняться вверх по Темзе и захватить Лондон. Боже мой! Мы ведь только что выиграли жестокое сражение, во время которого был убит этот злобный мальчишка Эдуард Ланкастер, претендовавший на престол. Казалось бы, теперь нам ничто не должно угрожать, но, увы, на горизонте маячила новая опасность.

Мы с матерью вышли прогуляться по одной из плоских крыш Тауэра. Своего Малыша я держала на руках — мне хотелось, чтобы он подышал свежим воздухом; девочки тоже были с нами. Со стены мы хорошо видели Энтони, следившего, как выкатывают пушки и разворачивают дулом к реке, как укладывают мешки с песком под дверями и окнами Белой башни.[24] Ниже по течению виднелись люди, работавшие в доках; они наполняли мешки песком, а бочки — водой на случай пожара, который может возникнуть на верфях и в пакгаузах, когда Невилл, поднявшись по Темзе к Лондону, попытается взять город.

— Но зачем все это Томасу Невиллу? — недоумевала я. — Ведь все кончено. Эдуард Ланкастер убит, его кузен Уорик мертв, Маргарита Анжуйская в плену, Генрих тоже в плену, здесь, в Тауэре. Зачем же Невиллу выводить корабли из Грейвзенда и пытаться захватить Лондон?

— Потому что война еще далеко не завершена, — пояснила мать. — Если Томас Невилл возьмет Тауэр, а Эдуард потерпит поражение на севере, все начнется сначала. Невилл может освободить короля Генриха. И тогда Маргарита, воссоединившись со своим супругом, попытается, возможно, родить еще одного сына. Единственный способ положить конец их династии и навсегда покончить с этими войнами — это смерть Генриха. Змееныша наследника мы обезвредили, теперь предстоит разделаться с его отцом.

— Но ведь у Генриха есть и другие наследники, — возразила я, — хоть он и потерял единственного сына. Маргарита Бофор, например. Ее сын, Генри Тюдор, является наследником всего дома Бофоров.

Моя мать лишь пожала плечами.

— Женщина, — произнесла она чуть презрительно. — Никто не ввяжется в войну ради того, чтобы посадить на трон королеву. Разве кто-то сможет держать Англию в узде, кроме истинного воина?

— Но у нее же есть сын, молодой Тюдор!

Мать снова пожала плечами.

— Никто не оседлает коней во имя какого-то мальчишки. Генрих Тюдор не считается. Генрих Тюдор никогда не будет королем Англии. Да никто и не станет сражаться за какого-то там Тюдора против короля из династии Плантагенетов. И потом, эти Тюдоры лишь наполовину королевской крови, да притом французской. Нет, Генрих Тюдор никакой угрозы для тебя не представляет. — Мать смотрела куда-то вниз, на те зарешеченные окна, где всеми забытый король Генрих коротал время в бесконечных молитвах. — Нет, как только Генрих умрет, с династией Ланкастеров будет покончено навсегда и мы окажемся в полной безопасности.

— Но у кого поднимется на него рука? Это же совершенно беспомощный полубезумный человек и к тому же наш пленник. Кто окажется столь жестокосердным? — Я понизила голос — ведь комнаты Генриха находились прямо под нами. — Он только и делает, что целыми днями стоит на коленях перед иконами или молча глядит в окно. Убить его — все равно что юродивого. Многие его юродивым и считают. И даже святым. Кто же осмелится уничтожить святого?

— Надеюсь, что это сделает твой муж! — с вызовом ответила мать. — Ведь единственный способ обезопасить английский трон — это накрыть лицо Генриха подушкой и помочь ему уснуть вечным сном.

Какая-то тень вдруг закрыла солнце, и я вздрогнула, прижав к себе маленького Эдуарда, словно не желая, чтобы он слышал столь страшные советы. Мне даже холодно стало, как если бы мать предсказала мне мою собственную смерть.

— Что с тобой? — спросила мать. — Ты замерзла? Может, нам лучше вернуться?

— Да нет, это просто Тауэр! — с легким раздражением воскликнула я. — Я его всегда ненавидела. Да и ты говоришь такие страшные слова! Как это — убить совершенно беззащитного пленника? Думаю, тебе не следует рассуждать о подобных вещах, особенно в присутствии Малыша. Господи, поскорей бы все это закончилось, и мы бы вернулись в Вестминстер!

Далеко внизу мой брат Энтони, подняв голову, помахал мне рукой, словно давая понять, что все в порядке: пушки установлены и мы готовы к обороне.

— Ничего, мы скоро опять туда переедем, — утешила меня мать. — Эдуард вернется домой, и вы с Малышом снова будете в безопасности.

Но той же ночью раздался сигнал тревоги, и все мы повскакивали с постелей. Я подхватила Малыша на руки, а девочки, прибежав из своих спален, сгрудились возле меня. Через несколько минут ко мне вошел Энтони и сказал, стоя в дверях:

— Мужайся, сестра. Они уже поднимаются вверх по реке. Скоро начнется стрельба, так что постарайтесь держаться подальше от окон.

Я тут же захлопнула окна, заперла ставни, задернула занавеси и, опустив полог, залезла на кровать вместе с девочками и Малышом. Сидя в этом гнезде, мы то и дело прислушивались к тяжелому грохоту пушек и свисту артиллерийских снарядов. Потом вдруг по всему зданию прокатился глухой гром — это снаряд угодил в стену Тауэра. От ужаса у Елизаветы, моей старшей дочери, лицо покрылось смертельной бледностью, а губы задрожали.

— Это идет плохая королева, да, мама? — прошептала она.

— Нет, плохую королеву твой отец уже победил, и теперь она у нас в плену. И старый король тоже.

Стараясь успокоить дочь, я думала о том, что вряд ли кто-то позаботился закрыть ставни в комнатах Генриха или хотя бы отвести его подальше от окна. Если бы в него угодил осколок ядра, это сослужило бы Невиллу дурную службу, да и нас избавило бы от множества хлопот. Интересно, что стал бы делать Невилл, если бы убил своего короля, стреляя из пушек по Тауэру?

Потом взревели уже наши пушки, установленные на бастionaх Тауэра, и окна ненадолго осветила вспышка артиллерийского залпа. Елизавета съежилась и теснее прижалась ко мне.

— Не бойся, это наши пушки стреляют по кораблям плохих людей, — постаралась я ее приободрить. — На нас напал родственник лорда Уорика, Томас Невилл, что весьма глупо с его стороны, ведь война-то закончилась нашей победой.

— А чего же он тогда хочет? — удивилась Елизавета.

— Он хочет начать все снова, — с горечью отозвалась я. — Но твой дядя Энтони хорошо подготовился к этой встрече, у него под началом полки лондонцев, которые не только отлично обучены, но и готовы до последней капли крови оборонять городские стены; им также помогают многие молодые ремесленники — молодым всегда нравится участвовать в сражениях. И они намерены непременно отстоять свой город! А потом, надеюсь, довольно скоро домой вернется твой отец.

Елизавета слушала меня внимательно, широко распахнув огромные серые глаза. Моя маленькая Елизавета всегда гораздо больше думала, чем говорила. С раннего детства она только и слышала что о войне и, по-моему, прекрасно понимала: мы все — лишь фигуры на шахматной доске Англии. Мне кажется, Елизавета уже тогда сознавала, что ей всегда грозила и будет грозить опасность, что собственная жизнь ей не принадлежит, хотя стоит очень дорого, а потому может быть продана за высокую цену.

— А когда папа вернется домой, все будет кончено? — уточнила она.

— Да, милая, — пообещала я, глядя в ее исполненное сомнений маленькое личико. — Тогда все будет кончено.

Три дня мы находились в осаде, три дня прятались в своей раковине, переживая бесконечные атаки вооруженных жителей Кента и военных кораблей Томаса Невилла. Впрочем, Энтони и наш родственник Генри Бушер, граф Эссекс, вполне успешно эти атаки отражали. С каждым днем в Тауэр прибывало все больше моих родственников и сторонников. Мои сестры с мужьями, жена Энтони, мои бывшие фрейлины и многие другие считали, что Тауэр — самое безопасное место в Лондоне. В итоге Энтони пришлось громогласно объявить, что у нас вполне достаточно солдат и командиров не только для сопротивления любой осаде и отражения любого штурма, но и для перехода в контрнаступление.

— Эдуард сейчас далеко отсюда? — обратилась я к брату.

Энтони, хоть и почувствовал, как я нервничаю, честно ответил:

— Согласно последним сведениям, он в четырех днях пути от Лондона. Это слишком далеко, и мы не хотим рисковать, дожидаясь, пока он сюда доберется. К тому же, на мой взгляд, мы вполне способны справиться и своими силами.

— А если вам это не удастся? — со страхом спросила я.

Энтони рассмеялся.

— Тогда, сестрица моя, тебе придется стать настоящей королевой-воительницей и самой командовать обороной Тауэра! Ничего, думаю, ты сумеешь долго здесь продержаться. Однако сейчас нам совершенно необходимо отогнать мятежников подальше; они не должны ни сжать вокруг Тауэра кольцо осады, ни усилить артиллерийский обстрел, ни — не дай бог, конечно! — как-нибудь прорваться внутрь крепости. Случись такое, ты почти наверняка погибнешь задолго до того, как Эдуард успеет сюда примчаться.

— Ладно, — мрачно ответила я, — тогда давай веди людей в атаку.

— Вот слова истинной йоркистки! — воскликнул Энтони с поклоном. — Все Йорки — люди кровожадные, ведь родились и выросли на поле боя. Остается надеяться, что, когда мир наконец будет достигнут, Йорки все же не станут просто по привычке убивать друг друга.

— Давай сперва этот мир установим, а уж потом будем тревожиться о том, как братья Йорки могут его нарушить, — заметила я.

На закате Энтони со своим войском приготовился к контратаке. Лондонцы были отлично вооружены и весьма неплохо обучены. Ведь этот город пребывал в состоянии войны целых шестнадцать лет, так что у каждого подмастерья имелось оружие и каждый умел им пользоваться. Люди Кента под командованием Томаса Невилла расположились лагерем близ Тауэра и городских стен, однако все они крепко спали, когда в ночной тиши Энтони со своими людьми неслышно выскользнул из крепости через задние ворота. Я сама придерживала для них створки ворот, и Генри Бушер, выходявший последним, сказал мне:

— А теперь, дорогая моя кузина, запири-ка за нами все засовы, забери детей и уходи в глубь Тауэра, там гораздо безопаснее.

— Нет, я буду ждать здесь, — возразила я. — Если у вас что-то пойдет не так, я смогу быстро открыть ворота и пропустить вас внутрь — и своего брата, и тебя, и всех остальных.

Бушер улыбнулся.

— Надеюсь, этого не потребуеться и мы вернемся назад с победой.

— Да поможет вам Бог! — напутствовала я.

Мне действительно следовало бы тщательно закрыть все двери, но я этого не сделала. Я стояла в воротах и смотрела им вслед. Я казалась себе прекрасной королевой из старинной легенды, посылающей своих преданных рыцарей на битву, а затем, подобно ангелу, охраняющей их.

Сперва, в общем, все выглядело вполне мирно. Мой брат с непокрытой головой, в украшенном красивой резьбой нагрудном доспехе и с мечом в руке спокойно направлялся к лагерю противника, за ним следовали его верные друзья и соратники. В лунном свете они и впрямь напоминали странствующих рыцарей. За спиной у них поблескивала река, а над ними

раскинулось бескрайнее темное небо. Хотя, как я уже говорила, мятежники и расположились лагерем у стен крепости, но значительная их часть разместилась прямо на узких грязных улочках, выходящих к реке. Это были воины из числа бедноты. Мало у кого из них имелись палатки, большинство улеглось прямо на землю у костров. На улицах близ Тауэра располагалось множество разнообразных пивных и публичных домов, так что по крайней мере половина войска Невилла оказалась вдрызг пьяна. Отряд Энтони бесшумно разделился на три части, мой брат что-то шепотом приказал им, и картина разом переменялась: лондонцы надели на головы шлемы, опустили забрала, выхватили из ножен мечи, подняли тяжеленные булавы и в мгновение ока превратились из простых смертных в рыцарей, закованных в металл.

Стоя в воротах крепости и глядя на это, я непонятным образом почувствовала, что с ними произошли и некие внутренние перемены. И хотя именно я послала этих людей на битву, хотя сейчас они защищали именно меня, мне вдруг стало страшно, возникло такое ощущение, будто вот-вот случится нечто ужасное и кровавое. «Нет!» — пробормотала я и подняла руку, словно собираясь остановить их как раз в тот момент, когда они ринулись вперед, размахивая мечами и боевыми топорами.

Люди, спавшие в лагере и на улицах, испуганно вскрикивали и пытались подняться, но тут же получали удар мечом в сердце или топором по голове. Судя по всему, они даже дозорных не выставили, и некому было предупредить их об опасности, а потому они пробуждались от сладких грез о победе и скором возвращении домой навстречу холодным клинкам и мучительной смерти. Задремавшие часовые, проснувшись, пытались пронзительными голосами поднять тревогу, но тут же замолкали, получая удар кинжалом прямо в глотку. Ошалев от страха, воины Невилла стали разбегаться. Один спросонок угодил прямо в горящий костер, сильно обжегся и дико взвыл от боли, но никто и не подумал остановиться и помочь ему. Люди Энтони ногами раскидывали горящие головни, и несколько ближайших палаток, а также постели тех, кто спал прямо на земле, загорелись. Лошади в ужасе пятились, вставали на дыбы и громко ржали, поскольку стали вспыхивать висевшие у них на шее торбы с овсом. Теперь уже весь лагерь проснулся и был охвачен паникой. Люди Энтони шли по нему, точно безмолвные убийцы, и закалывали даже тех, кто лежал ничком на земле или старался незаметно отползти в сторону; некоторые из них и проснуться толком не успели. Тех же, кто пытался встать, толкали обратно на землю и вспарывали им, безоружным, животы, а тому, кто тянулся к своему мечу, дубинкой раскраивали голову. Войско мятежников, явившихся из Кента, было действительно застигнуто врасплох. Те, кому удалось остаться в живых, хватали свои пожитки и бросались наутек. Они будили спящих на узких улочках близ Тауэра, и кое-кто из них устремлялся с оружием в руках к месту схватки, точнее, побоища. Воины Энтони тут же с грозным ревом обрушивали на них свои уже покрасневшие от крови мечи, и мятежники, по большей части обычные деревенские парни, тут же разворачивались и кидались прочь.

Наши войска хотели преследовать беглецов, но Энтони остановил их, не желая оставлять Тауэр без защиты. Одному из отрядов он приказал идти к причалам и захватить корабли Невилла, а остальным велел немедленно вернуться в Тауэр. Громкие голоса возбужденных схваткой лондонцев были отчетливо слышны в холодном утреннем воздухе. Они перекликались и во все горло рассказывали друг другу о том, как кого-то закололи кинжалом прямо во сне, как отрубили голову какой-то женщине, едва успевшей перевернуться с боку на бок, как лошадь сломала себе шею, испуганно пятась от огня...

Я открыла для возвращавшихся в Тауэр воинов специальные ворота, предназначенные для тайных вылазок, и ушла. Мне не хотелось ни приветствовать их, ни даже просто их видеть. Я поднялась в свои покои, собрала вместе всех своих близких — мать, девочек и Малыша — и накрепко заперла двери нашей спальни, не проронив при этом ни слова, словно опасалась собственной армии. Я слышала немало всяких историй от мужчин, участвовавших в этой бесконечной «войне Роз». И в этих историях центральное место всегда отводилось

прославлению героизма и мужества, в них говорилось о силе товарищества по оружию, о том яростном гневе, что охватывает душу воина в пылу битвы, и о братстве тех, кто выжил на поле брани. Я знала немало прекрасных баллад, посвященных великим сражениям, и поэм, воспевавших красоту и стремительность атаки, а также профессионализм полководца и его милосердие по отношению к поверженному врагу. Но я не представляла себе, что война — это самая настоящая бойня, такая же безжалостная и, в общем, не требующая особого мастерства, когда человек уподобляется мяснику, которому достаточно умело воткнуть свинье кол в горло и оставить ее истекать кровью, чтобы мясо стало нежнее. Я не догадывалась, что изящество и благородство турниров не имеют ничего общего с этой чудовищной рубкой, когда удары наносятся не глядя, направо и налево, когда безоружного противника забивают, точно визжащего поросенка на бекон, всласть погоняв его вокруг свинарника. Я не думала, до какой степени война пьянит мужчин, какое она доставляет им наслаждение. Наши воины возвращались в крепость веселые, возбужденные, точно школьники после удачной проделки; вот только руки у них были по локоть в крови, вот только отвратительный запах смерти пропитал их плащи, волосы пропахли дымом костров, а лица безобразно исказила отвратительная жажда убийства.

Я понимала теперь, почему воины способны вломиться в женский монастырь, почему они насилюют женщин в захваченных городах и селениях, почему нарушают священное право убежища, желая завершить свою смертоносную охоту. Война поднимает в них дикий злобный голод, делает их похожими скорее на зверей, чем на людей. Пожалуй, я и впрямь не знала, какова война в действительности, и теперь отдавала себе отчет, как это было глупо с моей стороны. Ведь я выросла в королевстве, постоянно пребывавшем в состоянии войны, являлась дочерью человека, которого во время битвы враги взяли в плен и безжалостно казнили; ведь я была вдовой рыцаря и женой безжалостного воина. Ну что ж, зато теперь я отлично усвоила урок.

21 МАЯ 1471 ГОДА

Эдуард скакал во главе своего войска — поистине король, возвращающийся домой со славой; на лице его не было заметно ни усталости, ни каких-либо иных следов недавних сражений. Шерсть его коня лоснилась, сбруя так и сверкала. По обе стороны от короля находились его братья Ричард и Георг; мои дети Томас и Ричард, страшно взволнованные, следовали за ними. Итак, все три сына Йорка вновь объединились, и Лондон прямо-таки с ума сходил от радости при виде этой великолепной троицы. Три герцога, шесть графов и шестнадцать баронов составляли их свиту — люди, до глубины души преданные дому Йорков и принесшие ему клятву верности. Кто бы мог подумать, что у нас окажется так много истинных друзей? Только не я. Когда я была вынуждена скрываться в убежище, куда больше напоминавшем тюрьму, когда я носила под сердцем ребенка, ставшего теперь наследником всего этого величия и славы, но рожденного среди страха и тьмы, тогда я осталась одна, и все эти «преданные друзья» от меня отвернулись, оставили без помощи.

Сразу за колонной победителей, на повозке, запряженной мулами, ехала Маргарита Анжуйская; до чего же мрачно было ее лицо, белое как мел! Руки и ноги ей связывать не стали да и серебряной цепью шею не обвили, но каждому и так было ясно: Маргарита потерпела поражение, от которого ей уже не оправиться. Выйдя встречать Эдуарда к воротам Тауэра, я взяла с собой Елизавету — мне хотелось, чтобы моя маленькая дочь увидела наконец эту женщину, которая была для нее воплощением ужаса в течение первых пяти лет ее жизни; мне хотелось, чтобы Елизавета увидела Маргариту побежденной и поняла, что теперь все мы в безопасности, что нам не грозит больше война с этой «плохой королевой».

Эдуард приветствовал меня по всем правилам, в полном соответствии с придворным этикетом, но все же шепнул мне:

— Просто дождаться не могу, когда же мы останемся одни.

Я тоже наклонилась к мужу и, коснувшись губами его уха, ответила:

— И я сгораю от нетерпения, мой милый.

Однако Эдуарду пришлось подождать. Он пол-Лондона посвятил в рыцари, сразу вознаграждая жителей столицы за их верность и преданность, а потом устроил пир в честь их посвящения. На самом деле, всем нам и впрямь было за что благодарить судьбу. Эдуард, вынужденный в очередной раз биться за свою корону, опять одержал победу, и я осталась женой короля, который никогда не проигрывал сражений. Так что в кровать мы легли поздно, причем не в моей спальне, а в покоях Эдуарда, где еще гуляли гости — многие из них были совершенно пьяны, и некоторые просто себя не помнили от счастья, что снова при дворе Йорков. Эдуард кинул меня на постель и взял с такой яростью, словно мы только сегодня утром обвенчались и находимся не в королевских покоях Тауэра, а в Графтоне, в нашем маленьком охотничьем домике у реки. И я, забыв обо всем, опять обнимала Эдуарда как человека, спасшего меня от нищеты, спасшего Англию от непрерывных войн, и мне было удивительно приятно, когда он называл меня «своей милой женушкой».

Позже Эдуард прикоснулся губами к моим волосам.

— Помню, как крепко ты прижимала меня, когда я был парализован страхом, любовь моя, — сказал Эдуард. — Я так тебе благодарен! Ведь тогда я впервые шел в бой, понимая, что могу и проиграть. Да что там, меня просто тошнило от страха!

— А я впервые в жизни видела бой. Даже не бой — резню! — Я прильнула к груди мужа. — Это ужасно, Эдуард! Я не знала, как это бывает.

Он лег на спину, вытянулся; лицо его было мрачно.

— Да, это ужасно, — наконец согласился он. — И никто на свете не любит мир так, как воины, побывавшие в схватке. Я положу все силы, но приведу нашу страну к миру, заставлю знатных людей принести нам присягу верности. Клянусь тебе в этом. Мы должны прекратить эту бесконечную, бессмысленную борьбу и положить конец этой проклятой войне.

— Да, ведь война — это зло, — уверенно произнесла я. — И нет в ней ничего благородного!

— Ее нужно непременно остановить, — поддержал меня Эдуард. — И я это сделаю.

Некоторое время мы оба молчали, и я уж решила, что Эдуард уснул, но он, оказывается, просто о чем-то серьезно размышлял, подложив под голову руки и глядя на позолоченный балдахин.

— О чем ты думаешь? — спросила я. — Тебя что-то тревожит?

Эдуард вздохнул и ответил не сразу.

— Нет, ничто не тревожит, однако сегодня мне придется еще кое-что сделать, прежде чем я смогу спокойно уснуть.

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Нет, любимая, это мужская работа.

— Что же это за работа такая?

— Пустяки. Тебе совершенно не о чем беспокоиться. Ровным счетом ничего страшного. Ложись и спи. Я скоро.

Но меня уже охватила тревога. Я села на постели.

— В чем дело, Эдуард? У тебя такой вид, словно... у меня просто слов нет! Так в чем все-таки дело? Ты не болен?

Эдуард с какой-то странной резкостью поднялся с кровати и начал одеваться.

— Успокойся, любимая. Мне просто нужно кое-куда ненадолго сходить и кое-что сделать. А когда все завершится, я приду и хорошенько отдохну. Жди меня через час. А пока ложись и спи — я ведь снова разбуду тебя, как только вернусь, я еще тобой не насытился.

Я рассмеялась и послушно вытянулась на простынях, но, когда Эдуард оделся и тихо вышел из комнаты, я встала, накинула теплый капот и босиком, стараясь не шуметь, на цыпочках прокралась через приемную к выходу из его покоев. Стражники в дверях с изумлением, но молча уставились на меня. Я, не проронив ни звука, кивнула им, и они, подняв свои алебарды, дали мне пройти. Я чуть помедлила возле лестницы, глядя вниз на перила, винтом уходившие в глубокий лестничный проем. И успела заметить, как коснулась этих перил рука Эдуарда, — он явно спускался на самый нижний этаж, где прямо под нами находились комнаты Генриха. Потом внизу мелькнула темноволосая голова Ричарда; судя по всему, он ждал Эдуарда. Затем до меня, точно со дна колодца, донесся голос Георга:

— А мы уж решили, что ты передумал.

— Нет, — отозвался Эдуард, — сделать это необходимо.

Только тут я поняла, что у них на уме, у троих братьев, выигравших свою первую совместную битву под тремя золотыми солнцами, сияющими в небесах; у тех троих, которых благословил Господь, чтобы они никогда не знали поражений. Но я не крикнула и не остановила их. Я не бросилась вниз, не схватила Эдуарда за руку, не стала отговаривать его от злодеяния. Я догадывалась, что Эдуард и сам пребывает в смятении, но все же не бросила свое мнение на ту чашу весов, которая позволила бы состраданию перевесить. Ведь тогда нам пришлось бы опять жить бок о бок со своим реальным врагом и надеяться лишь на то, что Бог спасет и сохранит нас. Я старалась не размышлять о том, что будет с нами, если братья Йорки сейчас это сделают. Не размышлять о том, что в будущем кто-то другой может сотворить и с нами нечто подобное. Я видела ключ у Эдуарда в руках, слышала, как этот ключ поворачивается в замке, как открывается дверь в комнату Генриха, но стояла тихо. И позволила трем Йоркам войти внутрь.

Генрих, безумец или святой, был законным правителем страны. Тело его считалось священным. И находился он в самом сердце своего собственного королевства, своей собственной столицы, своей собственной крепости: здесь ему ничто не должно было угрожать. Его стерегли хорошие и порядочные люди. И для дома Йорков он являлся узником чести. А потому должен был пребывать у нас в полной безопасности, словно у себя во дворце; и Генрих доверял нам как гарантам своей защищенности.

Что он, хрупкий и слабый, мог сделать против троих молодых воинов? Как могли они не проявить милосердия? Генрих являлся их двоюродным братом,[25] был одной с ними крови. Эти трое Йорков некогда принесли ему клятву любви и верности. Когда они вошли к Генриху, тот спал как дитя. Боже мой, думала я, что же станется со всеми нами, если трое мужчин оказались способны убить совершенно невинного человека, беспомощного, точно спящий младенец?

Именно поэтому я всегда так ненавидела Тауэр! Именно поэтому его высокие темные залы и могучие стены, омываемые водами Темзы, неизменно наполняли мою душу самыми мрачными предчувствиями. Смерть Генриха была на моей совести — ведь я знала о ней еще до того, как она за ним пришла. Только Господь да моя собственная совесть понимали, как тяжело мне будет отныне жить с этим. Но я еще не догадывалась, какую цену мне предстоит уплатить за молчаливое соучастие в этом преступлении, за то, что я все видела и слышала, но не протестовала.

Гневные мысли проносились в моей голове. Ни за что больше не вернусь в постель Эдуарда! Нет! Не могу, не желаю оставаться в его постели, ведь когда он вернется ко мне, я буду чувствовать на его руках запах смерти. Я больше не желала ни дня оставаться в Тауэре, не желала, чтобы мой маленький сын спал здесь, в «самом безопасном» месте в Англии, где вооруженные люди могут войти в комнату невинного человека и удушить его, прижав к лицу подушку. И я решила пока что подняться к себе, поворошить дрова в камине и просидеть всю ночь у огня. Я бы все равно не уснула, и я ни минуты не сомневалась: Йорки только что сделали первый шаг по тому пути, который неизбежно приведет в ад.

ЛЕТО 1471 ГОДА

Мы с матерью сидели посреди ромашкового луга в саду королевского поместья Гринвич, и теплый запах цветов окутывал нас со всех сторон. Гринвич достался мне в качестве королевского приданого и стал одним из самых любимых моих уголков. Мать вышивала, а я подбирала ей нитки. Дети убежали к реке и под присмотром няни кормили там уток. Я все время слышала их звонкие голоса; дети дали каждой из уток имя и сердились, когда птицы почему-то на эти имена не отзывались. Время от времени до меня доносился восторженный писк моего маленького сынишки, и каждый раз сердце мое радостно подпрыгивало: я была счастлива, что у меня наконец родился мальчик, принц, веселое и спокойное дитя. Судя по всему, мать мою посещали примерно те же мысли, и она удовлетворенно кивала, словно беседуя сама с собой.

В нашей стране воцарились такой мир и порядок, что казалось, здесь никогда и не было братоубийственных войн и королей-соперников, армии не устремлялись навстречу друг другу и не сходились в смертельной схватке. Народ приветствовал возвращение моего супруга на трон, и все мы прямо-таки ринулись навстречу миру. Более всего на свете нам хотелось обрести справедливого правителя и позабыть об утратах и страданиях последних шестнадцати лет. Увы, в стране еще оставались люди, продолжавшие гнуть прежнюю линию: сын Маргариты Бофор, один из наименее возможных наследников Ланкастерской династии, был, точно в нору, загнан в уэльский замок Пембрук вместе со своим дядей Джаспером Тюдором и продолжал грозно скалиться оттуда, но мы понимали, что долго они там не продержатся. Так или иначе, им придется искать с нами союза. А вот второй муж леди Маргариты Бофор стал йоркистом и при Барнете сражался на нашей стороне. Так что, видимо, лишь сама она, упрямая и упорная в своих намерениях, точно великомученица, и ее глупый сынок остались сторонниками Ланкастеров, последними в нашем королевстве.

Раскинув по траве подол своего белого платья и укрыв им колени, я разложила на этом белом фоне с дюжину клубков зеленых ниток самых разных оттенков и смотрела, как мать вдвигает нитку в иголку, держа иглу так, чтобы лучше видеть ушко; мать то подносила иглу ближе к глазам, то отодвигала. По-моему, я впервые в жизни заметила на лице матери некую слабость и неуверенность.

— Да что с тобой мама? — спросила я весело. — Ты никак нитку вдеть не можешь?

— Увы, мои глаза не единственное, что меня подводит, — легко ответила мать и улыбнулась. — И не только иголка передо мной точно в тумане — я уже и будущее свое вижу не так ясно. Во всяком случае, своего шестидесятилетия я точно не увижу. И тебе, детка, следует быть к этому готовой.

Мне показалось, что день сразу померк, будто холодные тяжелые тучи заволокли небеса.

— Как это, не увидишь своего шестидесятилетия?! — воскликнула я. — Это еще почему? Ты что, больна? Ты же никогда ничего такого не говорила. Может, пригласить врачей? Может, лучше вернуться в Лондон?

Мать лишь вздохнула и покачала головой.

— Нет, врачам меня смотреть совершенно ни к чему. Слава богу, у меня нет ничего такого, что эти шуты, вооруженные острыми ножами, с удовольствием бы вырезали. Все дело в моем сердце, Елизавета. Я это отчетливо слышу. Оно бьется... неправильно: то пропускает удары, то начинает торопиться, то стучит слишком медленно. И вряд ли оно когда-нибудь снова заработает в полную силу. Маловероятно, что мне удастся пережить еще одну весну.

Меня охватил такой ужас, что я даже печали особой не почувствовала.

— А как же я? — И я невольно положила руку на свой живот, где в очередной раз теплилась новая жизнь. — Мама, как же я? Неужели ты не подумала обо мне? Как же я справлюсь без тебя?

— Ну, кое-чему я тебя все-таки научила, этого ты отрицать не можешь, — заметила мама с улыбкой. — Пожалуй, я научила тебя всему, что знаю и во что верю. И далеко не все эти сведения ошибочны. Кроме того, я наконец-то уверена, что тебе на королевском троне ничто не грозит. Эдуард держит Англию в руках, у него теперь есть сын-наследник, и скоро ты родишь ему еще одного малыша. — Мать склонила голову набок, словно прислушиваясь к чьему-то отдаленному шепоту. — Нет, я пока ничего не могу сказать, но вряд ли это снова будет мальчик. Однако еще один мальчик у тебя точно родится, Елизавета. В этом я совершенно убеждена. И какой замечательный мальчик! В этом я тоже не сомневаюсь.

— Но ты должна быть со мной, когда на свет появится еще один принц. Тебе же захочется посмотреть, как его будут крестить, нашего принца Йоркского? — жалобно прорыла я, словно обещая ей некие выгодные условия, пусть только живет. — Ты бы стала его крестной матерью. Я бы поручила тебе все заботы о нем. И ты сама выбрала бы ему имя.

— Ричард, — тут же отозвалась мать. — Назови его Ричард.

— А раз так, то немедленно поправляйся и будь со мной, тогда станешь свидетелем, как этот твой Ричард появится на свет, — продолжала я уговаривать мать, точно глупая девчонка.

Но мать лишь молча улыбалась мне, и для меня вдруг явственно проступили все те предательские признаки тяжкого недуга, которых я не замечала раньше. Она выглядела усталой, даже спокойно сидя в своем любимом кресле, и лицо у нее было каким-то очень бледным, а под глазами залегли коричневые тени. Как же это я раньше не обращала внимания, что матери нездоровится? Ведь я так любила ее! Как я, каждый день целуя ее в щеку и становясь перед ней на колени, чтобы она меня благословила, могла не видеть, что она так сильно похудела?

Отбросив в сторону мотки шелка и прильнув к коленям матери, я стиснула ее руки в своих руках и вдруг почувствовала, какими хрупкими стали ее ладони, вдруг разглядела, что их тыльная сторона вся покрыта старческими веснушками. Я подняла глаза и посмотрела в ее усталое лицо.

— Мама, ты ведь прошла со мной сквозь все испытания, неужели теперь ты меня оставишь?

— Не оставила бы, если б могла, но выбора не дано, — ответила мать. — Я ведь давно, уже несколько лет страдаю от этих болей и отлично понимаю: дело близится к концу.

— Давно? Но с каких пор? — с жаром спросила я. — Как давно ты испытываешь боли в сердце?

— Со дня гибели твоего отца и брата, — спокойно пояснила мать. — Когда мне сообщили, что они убиты, что им отрубили головы, обвинив в предательстве, у меня словно что-то сдвинулось внутри и мне показалось, что сердце мое вот-вот разорвется. Я хотела быть с твоим отцом всегда — даже в смерти.

— Но ты же не оставишь меня! — Я ощутила себя полной эгоисткой и, спохватившись, прибавила: — И Энтони. Разве ты сможешь оставить своего любимого Энтони?

Мать даже рассмеялась из-за моей детской реакции.

— Вы с Энтони теперь взрослые, — заявила она. — Вы оба прекрасно проживете и без меня. Вам обоим давно пора научиться без меня обходиться. Кстати, Энтони собирается совершить паломничество в Иерусалим, это его давняя заветная мечта. А ты будешь жить долго и увидишь, как твой сын вырастет и станет настоящим мужчиной. Увидишь, как наша маленькая Елизавета выйдет замуж за короля и обретет свою собственную корону.

— Но я не готова! — Тут я расплакалась, точно отчаявшийся ребенок. — Я не справлюсь без тебя!

Мать улыбнулась и нежно коснулась моей щеки своей исхудалой рукой.

— К этому никто никогда не бывает готов, — ласково произнесла она. — И ты прекрасно без меня справишься, а я благодаря тебе и твоим детям стану основательницей новой династии английских королей. И королев, по-моему, тоже.

ВЕСНА 1472 ГОДА

Я была на последнем месяце беременности, и весь наш двор переехал в Шин, где чудесный дворец был прямо-таки предназначен для встречи весны, когда разразился огромный и страшно любопытный скандал, связанный с женитьбой Ричарда, брата Эдуарда. Это было удивительно, ведь никто никогда бы не подумал, что Ричард может оказаться в центре подобного скандала. Георг — да. Георг всегда защищал и уважал только собственные интересы, а потому постоянно поставлял целые мешки «зерна для помола» любителям всяких сплетен. Ни честь, ни верность, ни привязанности ничуть не мешали Георгу действовать исключительно во имя себя любимого, и чужое мнение было ему совершенно безразлично.

Эдуарду, пожалуй, тоже было безразлично, что о нем скажут люди; он всегда шел собственным путем. Но Ричард! Ричард единственный считался в этой семье «хорошим мальчиком», он много и тяжело трудился, чтобы стать сильным и умным, постоянно истово молился, желая получить поддержку Бога, и стремился завоевать любовь своей гордой матери, при этом понимая, что так и останется в тени своих братьев. Ричард в центре скандала? Для меня это звучало примерно так, как если бы моя лучшая гончая вдруг заявила, что больше не будет охотиться. Нет, все это казалось совершенно неестественным.

Господь свидетель, я искренне старалась полюбить Ричарда, ведь он неизменно являлся надежным другом и добрым братом для моего мужа. Мне следовало любить Ричарда: он всегда был рядом с Эдуардом. Ричард не думал дважды, когда ему пришлось вместе с моим мужем бежать из Англии на маленьком рыболовном суденышке; вместе они терпели все тяготы ссылки, вместе вернулись домой, и за это время Ричард не раз рисковал собственной жизнью. Да и сам Эдуард всегда говорил, что если Ричард командует его левым флангом, то можно быть уверенным, что левый фланг устоит; а если Ричард защищает тылы, то с тыла уж точно никакой внезапной атаки не будет. Эдуард доверял Ричарду и как своему брату, и как своему преданному вассалу; он горячо любил Ричарда, как же могла я его не любить? И все же было в этом молодом человеке нечто такое, что заставляло меня подозрительно прищуриваться, когда я на него смотрела. Я словно чувствовала, что есть в нем некий изъян, некая не совсем еще ясная мне самой ущербность. И вот теперь этот щенок, которому еще и двадцати не исполнилось, вдруг превратился в настоящего героя, о каких слагают баллады!

Я, Энтони и мои сыновья устроились в беседке. Брат сидел у моих ног и задумчиво смотрел вниз, на реку. Мои фрейлины и с полдюжины молодых людей из числа придворных Эдуарда развлекались рядом на лужайке — пели, играли в мяч и лениво флиртовали. Я же плела венки из первоцветов, чтобы возложить его на голову победителя в скачках, которые придворные собирались устроить позднее.

— Кто бы мог подумать, что у нашего бесцветного маленького Ричарда в душе кипят такие страсти? — заметила я, обращаясь к Энтони.

— Душа его поистине глубока, — произнес Энтони таким тоном, что мой шестнадцатилетний сын Ричард Грей расхохотался от души.

— Тише, — пресекла я его смех. — Прошу тебя, веди себя уважительно по отношению к своему дяде. И подай мне вон те листья.

— Глубока и страстна, — продолжал между тем Энтони. — Удивительно, как это мы до сих пор считали его всего лишь довольно скучным и глуповатым юнцом.

— А он, между прочим, действительно очень страстный, — снова вклинился в разговор мой сын. — Вы просто его недооцениваете, и все потому, что он не такой величественный и громогласный, как его братья.

— Да, Ричард прав, — поддержал брата Томас Грей.

Энтони удивленно приподнял бровь, поскольку в этих заявлениях явно прозвучала критика в адрес короля.

— Ладно, ступайте оба прочь, — велел племянникам Энтони. — И передайте придворным, пусть готовятся к скачкам.

В те дни внимание всех придворных было приковано к несчастной маленькой Анне Невилл, юной вдове этого мальчишки, принца Эдуарда Ланкастера. Когда Анну привезли в Лондон для участия в параде, устроенном в честь нашей победы при Тьюксбери, и она сама, и ее богатство тут же привлекли внимание Георга Кларенса. Тот решил, что нашел прекрасный способ прибрать к рукам огромное состояние лорда Уорика, поскольку мать бедняжки Анны и ее сестры Изабеллы, графиня Уорик, в полном отчаянии удалилась в аббатство Больё. Георг, и так уже владея половиной этого состояния благодаря своему браку с Изабеллой Невилл, теперь задумал получить все. Он устроил настоящий спектакль и объявил, что берет на себя обязанности опекуна своей юной свояченицы. Георг поселил Анну в своем доме, выразил ей глубочайшее сочувствие в связи со смертью отца и уходом в монастырь матери и одновременно поздравил свояченицу с избавлением от «кошмарного брака с этим маленьким чудовищем», принцем Эдуардом Ланкастером. Георг был уверен: если Анна Невилл так и

останется под его опекой у него в доме вместе со своей сестрой Изабеллой, то к его липким рукам вскоре пристанет все ее богатство.

— Какой рыцарский поступок со стороны нашего Георга! — восхищенно заявил Энтони, желая меня поддразнить.

— Да уж, поистине блестящая возможность. Жаль, что я первой ею не воспользовалась, — в тон ему ответила я.

Анне, этой жалкой пешке в борьбе своего отца за власть, этой соломенной вдове маленького монстра, этой дочери предателя Уорика, исполнилось всего пятнадцать лет, когда она поселилась в доме своей сестры и ее мужа герцога Кларенса. Анна и понятия не имела — во всяком случае, тогда она явно соображала не лучше моей кошки, — как ей дальше жить в этом вражеском царстве. Возможно, Анна считала Георга своим спасителем.

Но так было лишь вначале.

Никто так толком и не понял, что там произошло, но что-то в замечательном плане Георга прибрать к рукам не только обеих девиц Невилл, но и все их огромное состояние явно не сложилось. Ходили слухи, что Ричард, заехав в гости к Георгу, в одном из уголков огромного дома встретил Анну, с которой был знаком с детства, и они влюбились друг в друга, а потом Ричард, подобно сказочному рыцарю, спас свою возлюбленную из этого «гостеприимного дома», где она пребывала точно в роскошной тюрьме. Судачили, что Георг даже заставлял Анну одеваться как кухарка, чтобы его брат Ричард не обратил на нее внимания; что Георг даже на ключ Анну запирает. Но истинная любовь восторжествовала: молодой герцог и юная принцесса-вдова все же встретились и сразу упали друг другу в объятия. При всех прочих обстоятельствах подобная версия данной истории казалась мне на редкость неправдоподобной и чересчур романтической. Однако глупцам всех возрастов и сословий эта сказка пришлась явно по вкусу.

— И мне тоже очень нравится эта легенда, — сказал мой братец Энтони. — Я даже подумываю, не сочинить ли мне рондо на этот сюжет.

Впрочем, существовала и другая версия. Те люди, что не больше меня жаловали молодого герцога Глостера, полагали, что наш дальновидный Ричард увидел в этой одинокой девочке-вдове возможность обрести популярность на севере Англии — девичья фамилия Анны сулила это. Неплохо было бы также заполучить в качестве приданого значительные земельные угодья, их Ричард с удовольствием бы присоединил к тем, которыми его уже одарил король Эдуард. Ну а заодно прибрать к рукам ее несметные богатства, если, конечно, удастся каким-то обманом выкрасть их у матери Анны. Эта юная девушка была столь одинока и беззащитна, что отказать Ричарду не сумела. К тому же Анна привыкла, что ею повелевают, и ничего не стоило запугать ее настолько, что она предала бы даже собственную мать. В общем, согласно этой второй версии, один из братьев по сути заключил Анну в тюрьму, а второй похитил ее оттуда и заставил выйти за него замуж.

— Пожалуй, вторая версия не столь привлекательна, — заметила я.

— Между прочим, ты могла бы остановить это безобразие. — Энтони внезапно стал серьезным, как часто с ним бывало. — Могла бы взять ее под свое крыло, а Эдуарда заставила бы вмешаться и приказать Ричарду и Георгу не рвать бедную девочку на куски и не рычать друг на друга, как псы, которым кинули мозговую кость.

— Да, пожалуй, так и надо было поступить, — согласилась я. — Ведь теперь Ричард получил одну из дочерей Уорика, его состояние и поддержку севера, а Георг женат на второй из девиц Невилл. Весьма опасная комбинация!

Энтони удивленно приподнял бровь.

— Тебе следовало так поступить только потому, что это единственно правильно и справедливо, — произнес Энтони с той важностью, какая обычно присуща старшему брату, когда он нисходит до разговора с младшей сестрой. — Но насколько я понимаю, все твои мысли только о власти и о собственной выгоде.

АПРЕЛЬ 1472 ГОДА

Мастерство моей матери по части предсказаний полностью подтвердилось. Не прошло и года с того дня, как она предупредила меня, что у нее начинает сдавать сердце, и она действительно стала жаловаться, что очень быстро устает, и почти все время проводила в своих покоях. Ребенок, которого я носила под сердцем в ту весну, когда мы с матерью сидели в саду, ожидая скачек в честь первоцвета, появился раньше времени. Впервые во время родов моей матери не было рядом. Оставаясь в своей комнате с задернутыми шторами, я посылала маме записочки, и она мне отвечала, стараясь всячески подбодрить. Но когда мое затворничество завершилось и я вышла из своей спальни с крошечной новорожденной дочкой на руках, я узнала, что все это время моя мать не покидала своих покоев и была настолько слаба, что даже не вставала с постели. Я подала ей свою девочку, маленькую и легкую, как птичка, и она прижала внучку к груди. И еще недели две каждый день я являлась к матери, клала дочку в ее объятия, и они обе смотрели, как солнце в окне опускается все ниже, ниже и исчезает где-то под подоконником спальни. А потом, точно этот золотой закат, исчезли и они, вместе покинули меня.

В последний день апреля, уже в сумерки, мне вдруг почудилось, что меня кто-то громко зовет. Решив, что это кричит белокрылая сова-сипуха, я подошла к окну, растворила ставни и выглянула наружу. Над горизонтом выкатилась луна, казавшаяся совершенно белой на залитом серебристым светом небосклоне. Луна постепенно таяла, уплывала от меня, и в ее холодном свете я снова услышала зов, напоминающий хоровое пение, и поняла: это не уханье совы, не щебет соловья, не музыкальный инструмент, а богиня Мелюзина, наша прапраматерь. Это ее клич разносится над крышами дома, оповещая всех, что ее дочь Жакетта Бургундская умирает.

Я стояла и слушала эти фантастические звуки — то ли свист, то ли пение, — потом захлопнула ставни и отправилась к матери. Я не спешила. Я понимала, что спешить больше не нужно. Моя новорожденная дочка покоилась в ее объятиях. Мать спокойно лежала на постели, и крошечная детская головка ласково прильнула к ее щеке. Лица обеих были белы как мел, глаза закрыты; казалось, обе мирно спят, убаюканные вечерними сумерками, которые уже сгущались в комнате. За окном материнской спальни на воду легла лунная дорожка, отбрасывая дрожащий отблеск на беленый потолок, и мне вдруг показалось, что моя мать и дочь просто отдыхают на дне лесного озера, наплававшись там вместе с Мелюзиной. Но я знала: обе они ушли от меня и больше не вернуться, и наша прапраматерь, водяная богиня, своей песней провожает их в странствие по чудесной реке, ведущей домой, в глубину вод, к родным истокам.

ЛЕТО 1472 ГОДА

Боль утраты никак не утихала в моем сердце, мне не стало легче ни после похорон матери,

ни долгие месяцы спустя. Каждое утро я просыпалась с мыслью о том, как мне ее не хватает; я тосковала по ней ничуть не меньше, чем в самое первое утро после ее смерти. И каждый день мне приходилось напоминать себе, что я уже не могу поинтересоваться ее мнением по тому или иному вопросу, не могу поспорить с ней из-за ее совета, не могу посмеяться над саркастическими шутками, не могу попросить у нее, моей колдуньи, подсказки и помощи. И с каждым днем я все сильнее винила Георга в убийстве моих отца и брата. Я прекрасно понимала: именно весть об их казни разбила любящее сердце моей матери. Если бы отец и брат не были предательски уничтожены по приказу Георга и Уорика, мать моя продолжала бы жить.

Стояло лето, время бездумных удовольствий, но меня повсюду сопровождала печаль — во время пикников и веселых путешествий по сельской местности, во время долгих прогулок верхом и ночей под полной луной. Эдуард даровал моему сыну Томасу Грею титул графа Хантингдона, но и это ничуть меня не обрадовало. Я ни с кем не делилась своим горем, кроме Энтони, ведь он, как и я, тоже потерял любимую мать. Впрочем, и с ним мы почти не вспоминали о ней вслух. Казалось, мы просто не можем заставить себя говорить о ней как о покойной, но и обманывать себя, делая вид, что она по-прежнему жива, тоже не можем. Я продолжала думать о том, что Георг, герцог Кларенс, родной брат моего мужа, разбил сердце моей матери, это из-за него она умерла так рано.

— Знаешь, теперь я еще сильнее ненавижу Георга Кларенса, — призналась я Энтони, когда мы скакали верхом в Кент.

Впереди нас ждал пир и целая неделя чудесных поездок по зеленым лугам и яблоневым садам. Все наши придворные прямо-таки ликовали, предвкушая эти удовольствия, и, казалось бы, я тоже должна была разделять их радость, однако моя грусть, мое неизбывное ощущение тяжелой утраты не оставляли меня, точно охотничий сокол, вцепившийся в запястье.

Одной рукой Энтони держал поводья своего коня, а второй помогал моему маленькому сыну править пони, на котором тот сидел верхом.

— Ты просто ревнуешь, — как всегда, попытался подразнить меня брат. — Ты ревнуешь Эдуарда ко всем, кого он любит. Ко мне, к Уильяму Гастингсу, ко всем тем, кто способен развеселить короля, к тем, кто приглашает его выпить и развлечься с девками, а потом приводит домой пьяного и забавляет его.

Я только плечами пожала: намеки Энтони меня совершенно не трогали. Я давно уже поняла, что все эти пьянки, гулянки и бесконечная смена любовниц — неотъемлемая часть натуры Эдуарда, и пришла к выводу, что придется это терпеть. К тому же эти развлечения никогда не уводили его далеко от моей постели, а когда мы с ним снова оказывались в кровати, все было так, словно мы только утром тайно обвенчались. Долгое время Эдуарду пришлось быть солдатом; он вел военную кампанию, ходил в тяжелые походы, и армию его всегда сопровождали сотни проституток; а когда Эдуард оказался в ссылке, множество женщин наперебой стремились его утешить. Ну а теперь он — король Англии, и ясно, что любая женщина в Лондоне готова с радостью ему отдаться, а добрая половина их уже отдалась. Он и тут настоящий король. Да я, собственно, никогда и не думала, что выхожу замуж за обычного человека с умеренными аппетитами, и не ждала от Эдуарда, что он, став моим мужем, будет смиренно сидеть у моих ног. Он всегда был настоящим королем и просто обязан был поступать так, как сам того желает.

— Нет, Энтони, — ответила я, помолчав, — тут ты ошибаешься. Меня ничуть не тревожит, что Эдуард шляется по девкам. Он же король и может получать удовольствие там, где захочет. Но я его королева, и он всегда будет возвращаться домой, ко мне. Все это прекрасно знают.

Энтони кивнул, соглашаясь с этим, но все же сказал:

— В таком случае мне непонятно, почему ты всю свою ненависть сосредоточила на Георге. Ведь прочие родственники нашего короля ничуть не лучше. Его мать ненавидит и тебя, и всех нас с тех пор, как мы впервые встретились с ней еще в Рединге, да и Ричард с каждым днем ведет себя все более нагло и самоуверенно. Его явно не устраивает слишком затянувшийся мир.

— Его явно не устраивает все, что имеет отношение к нам, — заявила я. — Он до такой же степени не похож на своих братьев, как кусок мела на кусок сыра: Ричард такой маленький, темноволосый и постоянно о чем-то тревожится — о своем здоровье, о своем положении, о своей душе, вечно молится и надеется на удачу.

— Эдуард живет сегодняшним днем, словно никакого завтра не существует, Ричард как будто не хочет, чтобы это завтра наступило, ну а Георг ведет себя так, словно ему кто-то должен это завтра подарить.

Я засмеялась, выслушав подобную сентенцию.

— Ну, я бы, пожалуй, больше любила Ричарда, если бы у него были те же недостатки, что и у всех вас, — заметила я. — Но ведь с тех пор, как Ричард женился, он стал еще большим праведником. Он всегда смотрел на нас, Риверсов, сверху вниз. Теперь он сверху вниз смотрит и на Георга. И вот этой его напыщенной праведности я просто не выношу. Порой Ричард так глядит на меня, словно я какая-то...

— Какая-то?

— Какая-то толстая торговка рыбой!

— Ну что ж! — Мой братец, разумеется, не упустил новой возможности поддразнить меня. — Если честно, то моложе ты и впрямь не становишься, а при определенном освещении, знаешь ли...

Я не дала Энтони договорить, слегка ударив его хлыстом по колену; брат рассмеялся и подмигнул Малышу, гордо восседавшему на маленьком пони.

— И потом, мне совершенно не нравится, что Ричард уже весь север прибрал к рукам, — продолжила я. — Эдуард и так дал ему огромную власть. По сути, Эдуард позволил ему стать правителем собственной принципалии. Это опасно и для нас, и для наших наследников. Это грозит разделом королевства.

— Но Эдуард должен был чем-то вознаградить собственного брата, — возразил Энтони. — Ричард жизни своей не жалел, участвуя в его войнах и политических играх, и не один раз смертельно рисковал ради него. Ричард помог Эдуарду победить и завоевать трон и, безусловно, заслужил свою долю.

— Но ведь при таком положении дел Ричард становится практически королем в собственном королевстве! — возмутилась я. — И правит всем севером Англии.[26]

— Однако никто, кроме тебя, не сомневается в его верности.

— Возможно, Ричард действительно верен Эдуарду и дому Йорков, но меня и моих родичей он не любит. Он явно завидует мне и тому, чем я уже владею, да и двор мой ему не по нраву. А что это означает? Как, например, он относится к моим детям? Останется ли он на стороне моего сына только потому, что это также наследник и сын Эдуарда?

Энтони пожал плечами.

— Ничего, мы, Риверсы, уже здорово укрепили свое положение, ты и сама это понимаешь. И это именно ты помогла нам подняться так высоко. Многие, правда, считают, что мы прыгнули слишком высоко и получили слишком много — причем не по заслугам, а благодаря твоим колдовским чарам, которыми ты опутала Эдуарда, выйдя на обочину дороги.

— Мне не нравится то, как Ричард женился на Анне Невилл, — добавила я, не обращая внимания на шуточки Энтони.

Брат коротко хохотнул.

— Ох, сестрица! А кому понравится, что Ричард, самый богатый жених в Англии, взял себе в жены самую богатую невесту? Но я и не предполагал, что тут ты окажешься на стороне Георга Кларенса.

Я невольно рассмеялась. То, в какую ярость пришел Георг, когда собственный братец прямо-таки выкрал его молоденькую свояченицу, наследницу богатейшего состояния, по крайней мере с полгода служило для всех нас предметом постоянных шуток.

— И ведь это, по сути дела, твой муж вынудил Ричарда взять в жены Анну, — заметил Энтони. — Если бы Ричард хотел жениться на Анне просто по любви, он мог бы так и сделать и в виде вознаграждения получил бы ее любовь. Но королю зачем-то понадобилось объявить, что состояние, принадлежащее матери Анны, будет разделено между двумя ее дочерьми. А для этого твоему достойному супругу пришлось признать мать Анны недееспособной, то есть все равно что мертвой, — хотя лично я полагаю, что старая дама по-прежнему отважно протестует, поскольку все еще жива, и требует вернуть ей право голоса, чтобы отсудить обратно свои собственные земли. Так что это твой супруг, моя дорогая, отнял у несчастной старой дамы все состояние и передал его двум ее дочерям — а соответственно, и двум своим братьям.

— Я просила Эдуарда этого не делать, — раздраженно бросила я. — Но он даже слушать не захотел. У него братья всегда на первом месте, и он явно предпочитает Ричарда, а не Георга.

— Эдуард совершенно прав, предпочитая Ричарда, и все же ему не следовало бы нарушать им же установленные законы, — неожиданно серьезно заговорил Энтони. — Нельзя так править страной. Это совершенно противозаконно — грабить вдову, однако он именно так и поступил. К тому же Анна Уорик, вдова его врага, пребывала в святом убежище, в монастыре, и тем более следовало обойтись с ней более милосердно, хотя бы просто проявить жалость к несчастной женщине. Если бы Эдуард действительно следовал заповедям рыцарства, он убедил бы ее покинуть аббатство Больё, принять во владение свои земли и защитить своих дочерей, а заодно и укоротить алчность Георга и Ричарда.

— Закон всегда таков, каким его хотят видеть властители государства, — сердито произнесла я. — И кстати, закон, охраняющий право убежища, не является таким уж нерушимым. Если бы ты не витал вечно в своих фантазиях где-то в Камелоте, ты бы давно это понял. Ты ведь был при Тьюксбери, верно? Разве ты не видел, как там соблюдали право убежища, вытаскивая людей из монастыря и закалывая их тут же, прямо в церковном дворе? Или, может, ты бросился на защиту закона об убежище? Я, например, слышала, что все вы тогда обнажили клинки и принялись рубить и резать тех, что шли сдаваться, опустив мечи лезвием вниз.

Энтони покачал головой.

— Да, я мечтатель, — признался он. — Я этого не отрицаю, но я достаточно много повидал и знаю, каков наш мир. Возможно, я как раз потому и мечтаю об ином мире, лучшем, чем наш. Видишь ли, Елизавета, порой мне кажется невыносимым правление нынешнего Йорка.

Иногда я просто не могу мириться с тем, что делает Эдуард, когда он оказывает предпочтение одному и совершенно игнорирует другого, а причина для этого одна: так он сам становится сильнее, и его трон обретает большую устойчивость. Да и ты тоже распоряжаешься в королевстве, как в собственном фьефе: одариваешь милостями и богатством своих фаворитов, а не тех, кто действительно достоин. И оба вы наживаете себе все больше врагов. Люди считают, что нам, членам королевской семьи, все безразлично, кроме нашего собственного успеха. И теперь, когда я смотрю, что мы творим, захватив власть, я порой сожалею, что сражался под знаменем Белой розы. Иногда мне кажется, что и Ланкастер справился бы примерно так же или уж по крайней мере ничуть не хуже.

— В таком случае ты забываешь о Маргарите Анжуйской и ее безумном супруге, — холодно заметила я. — Даже наша мать утверждала — еще когда мы с ней только ехали в Рединг, — что я просто не смогу править хуже, чем Маргарита Анжуйская, и я действительно правлю не хуже.

— Хорошо, пусть так, — кивнул Энтони. — То есть ты и твой муж оказались ничуть не хуже короля-безумца и какой-то злобной гарпии? Что ж, просто отлично!

Меня поразил его мрачный тон.

— Таков уж наш мир, братец, — тут же напомнила я. — Между прочим, и сам ты получил немало благ от нас с Эдуардом. Теперь ты граф Риверс, шурина короля и дядя будущего короля.

— Понимаешь, я надеялся, что мы делаем нечто большее, а не только набиваем себе карманы, — сказал Энтони. — Я думал, мы совершаем нечто более значительное, а не просто сажаем на трон очередных короля с королевой. Причем таких, которым нетрудно казаться лучше, чем самые худшие из всех предыдущих правителей. Порой мне куда больше хочется быть среди тех, кто, надев белый плащ с красным крестом, сражается в пустыне во имя Господа!

И я вспомнила предсказание матери о том, что в один прекрасный день стремление Энтони к духовности восторжествует над его любовью к жизненным благам, столь свойственной всем Риверсам, и он покинет меня.

— Ах, не говори так! — воскликнула я. — Ты мне нужен. И очень скоро пригодишься нашему Малышу, ведь когда он подрастет, ему, принцу, понадобится собственный Совет. Даже представить себе не могу, чтобы кто-то сумел стать ему лучшим наставником, чем ты. По-моему, нет в Англии другого такого рыцаря, который знал бы больше, чем ты, прочитал бы больше книг, умел бы так же хорошо сражаться, как и писать стихи. В королевстве точно нет ни одного поэта, который не только стихи сочиняет, но и отчаянно бьется с врагом! Прошу тебя, Энтони, даже не заикайся о том, что хочешь меня оставить! Ты же понимаешь, что должен находиться здесь. Ведь я без тебя не только королевой быть не смогу, но и самой собой.

Энтони усмехнулся, как всегда грустно, поклонился мне, поцеловал руку и пообещал:

— Пока я тебе нужен, я тебя не брошу. И никуда по собственной воле не уеду. И я очень надеюсь, что хорошие времена уже не за горами.

Я улыбнулась, хотя в устах Энтони даже столь оптимистичные слова прозвучали как похоронная песнь.

СЕНТЯБРЬ 1472 ГОДА

Однажды вечером после обеда в Виндзорском замке Эдуард подозвал меня к себе.

— Ну, чего тебе теперь угодно, дорогой муженек? — весело поинтересовалась я. — Не хочешь ли потанцевать со мной?

— Хочу, — ответил он. — А потом собираюсь здорово напиться.

— Есть причина?

— Никакой! Просто для удовольствия. Но, прежде чем напиться, я должен кое о чем тебя попросить. Не могла бы ты взять себе новую фрейлину?

— У тебя есть кто-то на примете?

Я тут же встревожилась, опасаясь, что Эдуард завел очередную любовницу и теперь собирается мне ее подсунуть в качестве фрейлины, чтобы ему удобнее было с ней грешить. Видимо, все эти мысли отразились у меня на лице, потому что Эдуард прямо-таки взвыл от смеха.

— Ну-ну, не смотри так свирепо, милая женушка, — с трудом вымолвил он. — Я вовсе не собираюсь навязывать тебе своих шлюх. Я и сам прекрасно могу их пристроить. Нет, это дама из поистине безупречного семейства. Не кто иная, как сама Маргарита Бофор, последняя из рода Ланкастеров.

— И ты желаешь, чтобы она мне прислуживала? — недоверчиво уточнила я. — Стала одной из моих фрейлин?

— У меня есть на то причина. Если ты помнишь, вторым ее мужем стал лорд Томас Стэнли.

Я кивнула.

— Стэнли называет себя нашим другом и поклялся во всем нас поддерживать, а его армия, находясь у нас на флангах, не только весьма помогла нам, но, пожалуй, даже спасла нас при Блор-Хите. Хотя прежде Стэнли обещал поддержку Маргарите Анжуйской. Он очень богат и пользуется огромным влиянием в стране. Мне действительно необходимо видеть его на нашей стороне. Некогда он получил королевское соизволение на брак с Маргаритой Бофор, честь по чести на ней женился и теперь выразил намерение представить ее ко двору. Я и подумал, что мы могли бы обеспечить ей при дворе достаточно высокое положение. Мне лучше иметь Стэнли в своем Совете.

— Но леди Маргарита, по-моему, утомительно религиозна, — безо всякого энтузиазма отозвалась я.

— Она — дама в высшей степени воспитанная и достойная, так что, уверяю тебя, она быстро приспособится и будет вести себя так, как нравится тебе, — уговаривал меня Эдуард. — Я надеюсь, ее муж станет моим ближайшим помощником. Это как раз такой союзник, который будет нам важен не только сейчас, но и в будущем.

— Ладно, когда ты так мило просишь меня, разве я могу тебе отказать? — Я улыбнулась. — Но не вини меня, если эта Маргарита окажется полной занудой.

— Да я ее и не замечу — я ведь никого не способен толком разглядеть, когда у меня перед глазами ты, — страстно прошептал Эдуард, наклоняясь ко мне. — Так что на этот счет можешь не беспокоиться, пусть она ведет себя как хочет. Кстати, если через некоторое время она попросит, чтобы ее сыну Генриху Тюдору разрешили вернуться домой, можно будет

позволить ей это, но только в том случае, если она по-прежнему будет нам верна и сумеет убедить Генриха оставить свои мечты стать наследником трона. Они оба окажутся при дворе и станут служить нам, и постепенно все позабудут, что Ланкастерская династия вообще когда-то существовала. Мы женим Генриха на какой-нибудь милой девушке из дома Йорков, которую ты сама для него выберешь, и дому Ланкастеров придет конец.

— Хорошо, я непременно приглашу Маргариту, — пообещала я мужу.

— Тогда вели музыкантам, пусть сыграют что-нибудь радостное, а мы с тобой потанцуем.

Я повернулась, кивнула музыкантам, и те, посоветовавшись минутку, заиграли самый новый и модный танец, пришедший к нам из Бургундии, где Маргарита, родная сестра Эдуарда, следуя не только традициям Йорков, но и традициям герцогов Бургундских, старалась сделать свой двор одним из самых веселых и современных в мире. Этот танец даже назван был в ее честь: «Джиггерцогини Маргариты». Эдуард подхватил меня, поставил в центре зала и закружил в быстром танце; все, собравшись в круг, смеялись и хлопали в ладоши, а потом, не выдержав, тоже пустились в пляс.

Наконец музыка смолкла, и я поспешила присесть в тихом уголке, где меня и нашел мой брат Энтони, тут же предложивший бокал эля, который я с жадностью осушила.

— Ну что, я по-прежнему выгляжу как толстая торговка рыбой? — спросила я.

— Ого, а тебя, оказывается, мнение Ричарда уязвляет до глубины души, — усмехнулся Энтони, нежно меня обняв. — Нет, дорогая, ты у нас самая настоящая красавица. И прекрасно это знаешь. У тебя, кстати, тот же дар, что и у нашей матери, — с возрастом ты становишься еще более привлекательной. Черты твоего лица и впрямь изменились — из хорошенькой девушки ты превратилась в прекрасную женщину с тонкими, точно вырезанными чертами. Когда ты смеешься и танцуешь с Эдуардом, тебе вполне можно дать лет двадцать, но когда ты спокойна и задумчива, то напоминаешь дивную итальянскую статую, высеченную из мрамора. Ничего удивительного, что женщины тебе завидуют.

— Хорошо, что пока не мужчины, — улыбнулась я.

ЯНВАРЬ 1473 ГОДА

Холодным январским днем Эдуард заглянул в мои покои и увидел, что я сижу у огня, подставив себе под ноги скамеечку, и, вопреки обыкновению, ничем не занята. Он жестом велел своим сопровождающим удалиться, а моим фрейлинам приказал нас оставить, и те моментально вышли из комнаты, шурша платьями. Среди них была недавно прибывшая ко двору леди Маргарита Стэнли, которая, как и все женщины, кокетливо поглядывала на Эдуарда — даже она, наша «святая Маргарита»!

Когда она закрывала за собой дверь, Эдуард мотнул в ее сторону головой.

— Это она? Леди Маргарита? Ну и как, достаточно ли она весела и приятна в общении?

— Она держится очень неплохо, — призналась я. — Маргарита прекрасно помнит, и я помню, как она проплывала на роскошно убранном барке мимо окон моего убежища, где я вынуждена была скрываться, когда она наслаждалась мгновениями своей славы. Однако сейчас она знает, как знаю и я, что сила на моей стороне и власть в моих руках. Обе мы об этом не забываем. Мы ведь не мужчины — хлопать друг друга по спине и после битвы говорить: «Не держи на меня зла!» Но мы понимаем, что наш мир переменялся, а значит, и мы тоже

должны меняться, так что она ни разу ни словом, ни взглядом не дала мне понять: ее заветная мечта — чтобы Генрих Тюдор, ее любимый сын, был признан наследником ланкастерского трона. И ни разу даже не намекнула, будто считает, что ее сын более достоин стать королем, чем наш Малыш, наследник трона Йорков.

— А я, кстати, и пришел по поводу Малыша, — сообщил Эдуард. — Хотя ты, по-моему, и сама хотела мне что-то сказать, верно?

Я сделала вид, что удивлена, и, широко раскрыв глаза, с улыбкой спросила:

— Вот как? И что же, по-твоему, я должна тебе сказать?

Эдуард усмехнулся и, сдернув подушку с резного ларя, служившего также скамьей, кинул ее на пол и уселся рядом со мной. Подушка, набитая свежим сеном, пахла мятой.

— Ты что же, думаешь, я слепой или просто ничего не понимаю?

— Ни то ни другое, господин мой, — игриво отозвалась я. — Как я могу так думать?

— Все то время, что мы знакомы, ты всегда сидела так, как учила тебя мать: спина совершенно прямая, ноги вместе, руки спокойно лежат на коленях или на подлокотниках кресла. Разве я не прав? Ведь именно она научила тебя сидеть как истинная королева. Словно всегда знала, что тебе предназначен трон.

Я улыбнулась.

— Ты прав. Пожалуй, она и впрямь всегда это знала.

— И что я вижу теперь? Среди бела дня ты предаешься лени, да еще и скамеечку себе под ноги подставила. — Эдуард наклонился, приподнял подол моего платья и обнаружил, что я в одних чулках. — Ах, ты еще и башмаки сняла! Но это же просто скандал! Неужели ты становишься неряхой? Неужели моим двором нынче правит деревенская девчонка? А впрочем, моя мать меня предупреждала.

— И что из того? — произнесла я совершенно спокойно.

— А то! Господи, милая, я давно догадался, что ты беременна. Потому что только в этом состоянии ты способна просто сидеть, ничего не делая и подставив под ноги скамеечку. Потому-то я и поинтересовался, уж не думаешь ли ты, что я ослеп?

— Вообще-то, если честно, ты чудовищно плодовит! — воскликнула я. — Точно бык на заливном лугу. Ведь я каждый год рожаю тебе по ребенку.

— И дальше каждый год будешь рожать, — заявил Эдуард, явно ничуть не раскаиваясь. — Помни об этом. Ну и когда же он родится, наш драгоценный малыш?

— Летом, — сообщила я. — И мало того...

— Да?

Я притянула к себе светловолосую голову Эдуарда и прошептала ему на ухо:

— Чувствую, это будет мальчик.

Муж поднял ко мне вспыхнувшее радостью лицо.

— Ты чувствуешь? По каким-то приметам догадалась?

— Так, ерунда, женские фантазии, — отмахнулась я, вспоминая о том, как моя мать склоняла голову набок, точно прислушиваясь, как под сводами Небесного дворца топочут крошечные ножки, обутые в сапожки для верховой езды. — Но я думаю, точнее, надеюсь, что родится именно мальчик.

— Мальчик, который появится в доме Йорков в мирное время! — страстно вскричал Эдуард.
— Ах, любимая, ты чудесная жена. Ты моя красавица. Моя единственная любовь.

— А как насчет всех остальных твоих красавиц?

Муж лишь пренебрежительно поморщился, точно разом отдаляя от себя всех своих любовниц и рожденных ими младенцев.

— Забудь о них. Я о них уже забыл. Единственная женщина, существующая для меня в мире, — это ты. Как и всегда.

И он нежно поцеловал меня, явно сдерживая желание, которое, как обычно, мгновенно у него возникло. Мы не должны были предаваться любовным утехам, пока ребенок не появится на свет и в церкви не отслужат благодарственный молебен.

— Родная моя, — с чувством пробормотал Эдуард, обнимая меня.

Некоторое время мы сидели молча, глядя в огонь.

— А теперь объясни, зачем ты ко мне пришел. Что ты хотел мне сказать? — осведомилась я.

— Ах да! Впрочем, это не так уж и важно. Я хочу отправить нашего Малыша в Уэльс, в замок Ладлоу, — пусть он начинает править своим маленьким королевством.

Я кивнула. Да, все верно. Так и должно было случиться. Вот что значит для королевы родить сына, а не дочку. Моя старшая и самая любимая дочь Елизавета могла оставаться со мной, пока не выйдет замуж, а мой маленький сын уже должен был меня покинуть, уехать в дальние края и учиться быть королем. Уехать именно в Уэльс, поскольку являлся принцем Уэльским,[27] создать там собственный Совет и с его помощью править своим княжеством.

— Но ведь ему еще и трех лет не исполнилось, — жалобно протянула я.

— Ничего, он уже достаточно подрос, — строго заявил мой супруг. — Кстати, тебе тоже следует отправиться в Ладлоу вместе с ним, если ты, конечно, сочтешь, что у тебя в твоём положении хватит на это сил. Ты сможешь сама там все устроить как надо, а заодно и убедишься, что у Малыша есть и подходящие товарищи по играм, и достойные наставники, которых ты выберешь сама. Я объявлю тебя главой Совета, так что ты и всех остальных его членов назначишь. И пока мальчику не исполнится четырнадцать, именно ты будешь направлять его, руководить не только его занятиями и воспитанием, но и всей его жизнью.

Я снова притянула Эдуарда к себе, поцеловала его в губы и от всей души поблагодарила. Ведь он, таким образом, оставлял сына под моей опекой, тогда как любой правитель на его месте решил бы, что мальчик должен жить исключительно среди мужчин, подальше от женских советов. Но Эдуард именно меня сделал хранительницей нашего сына, не только отдавая дань моей любви к нему, но и уважая мои знания и суждения. И теперь мне по силам была даже разлука с Малышом — ведь именно мне предстояло выбрать членов его Совета, а значит, часто наведываться в Уэльс, так что жизнь Малыша по-прежнему будет проходить под моим присмотром.

— Он тоже сможет часто приезжать домой — на семейные и церковные праздники, — продолжал Эдуард. — Ты же понимаешь, что и я буду по нему скучать. И все же ему пора находиться на своем месте, в своем княжестве. Ему следует учиться управлять

государством. Да и сам Уэльс должен хорошо узнать своего принца и полюбить его. Малышу необходимо с детства изучить собственные владения, только таким образом мы сумеем сохранить верность Уэльса.

— Я все понимаю, — кивнула я, — понимаю.

— Кстати, Уэльс всегда был верен Тюдорам, — как бы невзначай обронил Эдуард. — Так вот, я хочу, чтобы Тюдоры об Уэльсе забыли.

Я долго и тщательно обдумывала, кто мог бы стать воспитателем моего мальчика, кому поручить возглавить его Совет в Уэльсе и править княжеством вместо него, пока сам он не достигнет должного возраста. Собственно, тот вывод, который я в итоге сделала, напрашивался сам собой. Мне вовсе не стоило так долго раздумывать и следовало сразу назвать имя, которое с самого начала вертелось у меня на языке. Ну конечно! Кому еще я могла доверить самое дорогое сокровище на свете?

И я направилась к своему брату. Покои Энтони располагались вдали от главной лестницы и выходили в сад. Его личный слуга, стоявший в дверях, распахнул их передо мной и почтительным шепотом сообщил о моем появлении. Миновав приемную, я постучалась в дверь кабинета и открыла ее.

Энтони с бокалом вина в руке сидел за столом, стоявшим у камина. Перед ним лежала дюжина остро заточенных перьев и несколько листов дорогой бумаги, сплошь покрытых неровными строчками. Он явно над чем-то работал — как и обычно, когда ранние зимние сумерки загоняли всех под крышу. Теперь Энтони каждый день много времени проводил за письменным столом и больше уже не выставлял свои поэмы на турнирах: видимо, они были для него слишком важны.

Увидев меня, брат улыбнулся, тут же без лишних слов придвинул для меня кресло поближе к огню и подставил под ноги скамеечку. Наверное, он тоже успел догадаться, что я беременна. Энтони обладал не только поэтическим даром, но и внимательным взором поэта: он старался ничего не упустить из виду.

— Какая честь, — с улыбкой сказал он. — Вы пришли ко мне с неким поручением, ваша милость, или же это просто частный визит?

— Это просьба, — ответила я. — Эдуард собирается отослать Малыша в Уэльс. Он хочет, чтобы мальчик начинал учиться править собственным двором. А я хочу, чтобы вместе с ним туда отправился ты — в качестве главного советника и наставника.

— Разве Эдуард не пошлет Гастингса? — с некоторым удивлением спросил Энтони.

— Нет. Именно я буду назначать для Малыша членов его будущего Совета. Уэльс может принести нам немалую выгоду, но там нужна сильная рука, и этой рукой должен стать кто-то из нашей семьи. Но никак не Гастингс и не Ричард. Я не люблю Гастингса, это правда, и никогда не полюблю. А Ричарду довольно и его собственных владений на севере — бывших земель Невиллов. Мне кажется, мы не можем позволить ему прибрать к рукам еще и весь запад.

Энтони пожал плечами.

— Но ведь и у нас достаточно богатств и могущества, не правда ли?

— Этого никогда не бывает слишком много. — (Что, по-моему, и так очевидно.) — Но самое главное — у меня есть желание поручить Малыша именно тебе.

— Пожалуй, пора перестать называть его Малышом, — заявил брат, — если отныне ему предстоит быть принцем Уэльским и управлять собственным двором. Он переезжает в свои владения, у него будет свой двор, и это его собственное княжество, а значит, ему вскоре становится мужчиной. Тебе придется искать ему в жены подходящую принцессу.

Я улыбнулась, глядя в жаркое пламя.

— Знаю, знаю. Мы уже обсудили кое-кого. Боже мой, я просто поверить не могу! Я по-прежнему зову его Малышом, потому что мне нравится вспоминать, как он выглядел в своих младенческих платьицах, а он уже стал настоящим мальчиком, хотя и в коротких штанишках, у него уже есть свой личный пони, да и растёт Эдуард не по дням, а по часам. Я меняю ему сапожки для верховой езды каждые три месяца — он из них вырастает.

— Он очень хороший маленький мальчик, — заметил Энтони. — И хотя внешне он очень похож на отца, порой мне кажется, что есть в нем и что-то от деда. Если присмотреться внимательнее, то он настоящий Вудвилл, один из нас.

— В общем, никому другому ни за что я не поручу роль его опекуна и хранителя, — заключила я. — Он должен вырасти настоящим Риверсом, и двор у него должен быть как у настоящего Риверса. Этот Гастингс — просто грубая скотина, ему я не доверила бы заботу даже о своей кошке. Как, впрочем, и никому из братьев Эдуарда: Георг всегда думал только о себе, а Ричард еще слишком молод. Мой принц Эдуард всему научится у тебя, Энтони. Ты ведь и сам, наверное, не захочешь, чтобы кто-то другой оказывал на него влияние?

Энтони покачал головой.

— Ты права. Я бы тоже никому из них не позволил его воспитывать. Но я даже не предполагал, что король вознамерится отправить его в Уэльс в столь юном возрасте.

— Да, уже этой весной, — грустно подтвердила я. — Просто не представляю, как мне пережить это, как отпустить его от себя.

Энтони помолчал. Потом сказал:

— Видишь ли, свою жену я взять с собой не смогу — если ты рассчитывала именно ее временно сделать хозяйкой замка Ладлоу. У нее всегда было слабое здоровье, а в этом году она чувствует себя все хуже и хуже.

— Да, верно. Но если Елизавета все же захочет жить там, я непременно позабочусь о надлежащем уходе для нее. Но ты ведь не останешься здесь из-за нее?

— Нет, храни ее Господь.

— Значит, ты поедешь?

— Поеду. А ты всегда сможешь посетить наш новый княжеский двор, — с нарочитой надменностью произнес Энтони. — Кстати, где он будет располагаться? В Ладлоу?

Я кивнула.

— Ты сможешь там хорошенько выучить валлийский язык и стать бардом, — шутливо посоветовала я.

— Ну что ж, могу пообещать, что воспитаю мальчика так, как того хотели бы ты и наши родители, — ответил Энтони. — Надеюсь, что сумею привить ему любовь и к наукам, и к спорту. В общем, постараюсь научить его всему, что впоследствии будет ему необходимо, дабы стать действительно хорошим государем и прославить дом Йорков. Между прочим, это

немало — вырастить и воспитать настоящего короля. Неплохо оставить после себя такое наследство: превратить маленького мальчика в правителя большой страны.

— И ради этого ты готов пожертвовать своей заветной мечтой о паломничестве? Готов отложить путешествие на год-другой? — уточнила я.

— Ты же знаешь, я никогда не мог тебе перечить. А сейчас твое слово — это, по сути, приказ короля, тут уж никто отказать не в силах. Хотя, если честно, я и сам не против служить юному принцу Эдуарду. Я рад стать опекуном такого замечательного мальчика. И мне, наверное, следует гордиться тем, что именно я стану «делателем» следующего короля Англии. Так что я с радостью буду служить при дворе нашего славного принца Уэльского!

— Неужели и мне теперь придется так его называть? Неужели он больше не будет моим Малышом?

— Увы, но это так, моя дорогая.

ВЕСНА 1473 ГОДА

Пришло время, и я, а также юный Эдуард, принц Уэльский, вместе со своим дядей, графом Риверсом, и моим сыном от первого брака Ричардом Греем, которого отныне по приказу короля следовало называть сэром Ричардом, в сопровождении немалого количества людей отправились в Уэльс. Ехали мы неспешно, чтобы маленький принц мог посмотреть свои владения, а тамошние жители — посмотреть на него. Эдуард, его отец, говорил, что только так возможно обеспечить безопасность своего правления: явить себя народу, продемонстрировать свое богатство, здоровье, плодовитость и красоту, дать людям возможность почувствовать, что при таком государе никакие беды не грозят.

Мы довольно часто делали остановки и отдыхали. Эдуард был мальчиком сильным, но ему еще и трех лет не исполнилось, поэтому ехать верхом целый день было для него слишком утомительно. Я сразу приказала в полдень непременно устраивать передышку, а вечером пораньше укладывала сына спать в своей комнате. Я и сама была рада, что мы так лениво движемся; на это у меня, разумеется, имелись личные причины, да и ехала я на этот раз в дамском седле, свесив ноги на одну сторону, поскольку у меня уже имелся весьма заметный животик. Без каких бы то ни было происшествий мы добрались до очаровательного городка Ладлоу, и я решила провести там с сыном первые полгода и окончательно удостовериться, что там все в порядке, что моему Малышу удобно и безопасно и он вполне привык к своему новому дому.

Маленький Эдуард пребывал в полном восторге и явно не испытывал никаких сожалений. Он, правда, немного скучал по сестрам, но ему страшно нравилось быть настоящим маленьким принцем и иметь свой собственный замок. Эдуард наслаждался обществом своего сводного брата Ричарда и любимого дяди Энтони. Сразу же вместе с ними он принялся обследовать окрестности замка, глубокие долины, окруженные прекрасными холмами. В Ладлоу Эдуард был окружен заботой тех же слуг, которые состояли при нем с первых дней его жизни. У него появились новые друзья — этих детей, отпрысков местной знати, специально доставили в замок, чтобы они учились и играли вместе с маленьким принцем. Но самое главное — это любовь к Эдуарду моего брата и его неусыпная опека. Целую неделю я спать не могла, зная, что мне предстоит уехать и расстаться со своим мальчиком, а вот Энтони был совершенно спокоен, да и Ричард был весел и счастлив. Малыш же вовсю ликовал в своем новом доме.

Мне, конечно, так трудно было расстаться с сыном еще и потому, что мы никогда не были

обычной королевской семьей и никогда не придерживались всех тех многочисленных правил, которые неизбежно ведут к отчуждению друг от друга. Мой мальчик родился, когда мы прятались в убежище, когда нам всем грозила вполне реальная гибель, и первые несколько месяцев он даже спал со мной в одной постели, что вообще неслыханно для принца королевской крови. У него даже кормилицы не было: я сама его кормила, и это за мои пальцы он цеплялся своими крохотными ручонками, делая свои первые шаги. Ни моего сына, ни моих дочерей никогда не разлучали со мной, их матерью, не поручали воспитание нянькам или слугам и уж тем более никого из них не отсылали ко двору правителя какого-то другого государства. Эдуард всегда держал своих детей при себе, и наш мальчик был первым, кому предстояло расстаться с нами в столь раннем возрасте, дабы приступить к исполнению обязанностей правителя собственного княжества. Я страстно любила своего золотоволосого Малыша, я так ждала его появления на свет, ведь именно он сделал мое положение королевы по-настоящему прочным, а своему отцу, тогда еще считавшемуся лишь одним из претендентов дома Йорков, подарил куда большие основания оставить английскую корону себе. Это действительно был наш маленький принц, венец нашего брака, наше будущее.

В июне приехал мой муж Эдуард. Ему хотелось провести вместе с нами последний месяц моего пребывания в Ладлоу. Он привез печальное известие о том, что жена Энтони, леди Елизавета, умерла. Она, правда, хворала уже много лет, страдая неким весьма изнурительным недугом. Энтони заказал несколько месс за упокой ее души, а я втайне — стыдясь самой себя — стала думать, на ком бы мне женить брата.

— Ну, с этим спешить некуда, — заявил Эдуард, — хотя Энтони и предстоит сыграть определенную роль во имя благополучия королевства. Возможно, для этого ему придется взять в жены одну из французских принцесс. Мне необходимы союзники.

— Но надеюсь, ему не понадобится покидать дом? — спросила я. — Не придется расставаться с маленьким Эдуардом?

— Нет. Я и сам вижу, что Ладлоу успел стать для Энтони родным домом. Да и нашему Эдуарду без него не обойтись, особенно когда мы уедем. А нам вскоре придется уехать. В конце этого месяца. Я уже отдал соответствующие распоряжения.

Я тихо охнула, хотя, конечно, знала, что день разлуки рано или поздно наступит.

— Ничего, мы вскоре снова навестим нашего сынишку, — пообещал Эдуард. — Да и он к нам придет. Не стоит воспринимать это так трагически, любовь моя. Наш мальчик начинает свой путь как принц дома Йорков и наследник английского престола, это его будущее. И ты должна за него радоваться.

— Я и радуюсь, — похоронным тоном отозвалась я.

Когда же наступил день расставания, мне пришлось хорошенько пощипать себя за щеки, чтобы вызвать хоть какой-то румянец, и покрепче прикусить губу, чтобы не расплакаться. Энтони, конечно, понял, чего мне стоит прощание с ними троими, самыми дорогими для меня людьми, а вот Малыш казался совершенно счастливым и ничуть не огорченным. Он был уверен, что очень скоро придет к нам в Лондон, и прямо-таки наслаждался своей новой свободой, как будто понимая, какое важное место занимает теперь в мире как правитель собственного княжества. Малыш, правда, позволил мне поцеловать его и прижать к себе, не вырывался, а даже сам меня обнял и прошептал мне на ушко: «Я люблю тебя, мамочка». Малыш охотно опустил на колени, и я его благословила, но стоило ему выпрямиться, и на лице его вновь засияла радостная улыбка.

Энтони поднял меня и усадил в дамское седло позади конюшего, за пояс которого я крепко ухватилась: на восьмом месяце беременности я стала довольно неуклюжей. Внезапно меня охватила страшная тревога, и я, силясь подавить страх, некоторое время не могла

вымолвить ни слова, лишь глядела то на брата, то на сыновей.

Затем я снова поцеловала Малыша, взяла с него обещание быть послушным и осторожным.

— Ты уж смотри за ним хорошенько, — обратилась я к Энтони. — И почаще пиши мне. И пусть он пока не прыгает на своем пони через барьер, ладно? Конечно, ему этого очень хочется, но он еще слишком мал. Не давай ему переохладиться и не позволяй читать при плохом освещении. И держи подальше от любого, кто заболевает. А если в городе возникнет чума, немедленно бегите отсюда! — Я просто не знала, о чем бы еще попросить брата; видимо, я просто голову потеряла от беспокойства. — Нет, правда, Энтони, — совсем уж жалким голосом взмолилась я, — береги его.

Энтони подошел к моей лошади вплотную, взял меня за носок башмака и легонько встряхнул.

— Между прочим, ваша милость, — произнес он насмешливо, — я здесь как раз для того, чтобы за ним присматривать. И беречь его. Не тревожься, я стану беречь его как зеницу ока и в обиду никому не дам.

— И себя тоже в обиду не давай, — наставляла я, — и о себе тоже заботься как следует, мой дорогой. Дело в том, Энтони, что я чего-то очень боюсь, хотя и сама не знаю чего. Вот потому и придумываю, что еще тебе сказать, как тебя предостеречь. Мне и хотелось бы сделать это, да я никак не пойму, что за беда нам грозит. — И я посмотрела на своего почти взрослого сына Ричарда Грея, который стоял чуть поодаль, прислонившись к воротам замка, такой высокий, красивый, настоящий молодой рыцарь. — И мой второй мальчик... мой Ричард... Ах, Энтони. Душа моя исполнена страха, я так переживаю за вас троих, но причину этого никак не могу понять!

Энтони чуть отступил назад и с нежностью ответил:

— Не беспокойся, милая сестренка, опасностей в нашей жизни всегда хватает. И если уж одна из них проявит себя, то мы — и я, и твои сыновья — проявим истинно мужскую стойкость и встретим ее лицом к лицу, как настоящие мужчины. А тебе, право, не стоит пугать себя воображаемыми ужасами. Пусть твое путешествие будет таким же безоблачным и легким, как грядущие роды. Мы все надеемся, что ты родишь нам еще одного принца, такого же замечательного, как этот.

Эдуард подал знак, и мы отправились в путь. Перед королем везли его боевое знамя, а вокруг располагалась охрана. Королевская процессия развернулась и алой лентой потекла в ворота замка; ярко-красный цвет ливрей местами перемежался пестрыми знаменами, вьющимися на ветру. Запели трубы, птицы, взлетев с крыш замка, закружили в небесах, словно возвещая, что король с королевой расстались со своим ненаглядным сыном. Разумеется, я уже не могла остановить столь внушительную процессию, да и не собиралась этого делать, но все оглядывалась назад, все смотрела на своих сыновей, маленького и большого, и на своего дорогого брата, пока все трое не скрылись из виду, когда дорога пошла вниз от внутренних укреплений к внешним. И в тот момент, когда я перестала их видеть, на сердце у меня вдруг стало так мрачно и темно, что мне даже показалось, будто пришла ночь и рассвет никогда уже не наступит.

ИЮЛЬ 1473 ГОДА

В Лондон мы возвращались уже в последних числах июля и вынуждены были остановиться

ненадолго в городке Шрусбери, поскольку я, ощущая приближение родов, хотела отдохнуть от тягот пути. Нас разместили в довольно просторных гостевых апартаментах тамошнего аббатства, и я была несказанно рада возможности спрятаться от яркого солнечного света и жары за закрытыми ставнями в прохладе комнат с толстыми каменными стенами. Я заранее приказала установить в уголке маленький фонтан, и неторопливое журчание воды чрезвычайно успокаивало меня, когда я, лежа на постели, ждала своего часа.

Шрусбери был построен близ источника Святой Уинифред, и я, слушая тихий плеск воды и звон колоколов, созывающих прихожан на молитву, думала о тех многочисленных духах, что обитают в этой болотистой местности, духах языческих и христианских; думала я и о Мелюзине, и о святой Уинифред, и о том, как родники, ручьи и реки способны общаться с людьми, но чаще все-таки говорят именно с женщинами, особенно с теми, которые знают, что и в их жилах текут воды. Все святые места в Англии связаны либо с источником, либо с колодезем, и крещенские купели наполняются святой водой, которая затем возвращается, получив благословения, обратно в землю. Эта страна просто предназначена для Мелюзины, ее родная стихия повсюду здесь себя проявляет — как текучими реками, так и подземными источниками.

В середине августа я почувствовала схватки и, повернувшись к фонтану, стала жадно вслушиваться в его журчание, словно пыталась уловить голос матери. Ребенок появился на свет легко, как я и предполагала, и это действительно был мальчик, как и предсказывала моя мать.

Эдуард навестил меня, хотя мужчинам не полагается входить к роженице, пока в церкви не отслужат благодарственный молебен.

— Я должен был тебя увидеть! — воскликнул муж. — Сын! Второй сын! Да благословит тебя Господь, любовь моя. Храни Он вас обоих. Спасибо, что подарила мне еще одного сына.

— Мне казалось, что ты был бы одинаково рад и сыну, и дочке, — поддразнила я мужа.

— Это правда, я очень люблю моих девочек, — тут же с жаром отозвался он. — Но дому Йорков необходим еще один наследник. И потом, он сможет быть товарищем своему брату Эдуарду.

— Давай дадим ему имя Ричард, — предложила я.

— Может, лучше Генрих?

— Генрихом мы назовем нашего следующего принца, — пообещала я. — А этого мальчика давай назовем Ричардом. Это воля моей матери.

Эдуард наклонился над колыбелькой, где спал младенец, и вдруг резко выпрямился: только теперь до него дошло значение сказанных мною слов.

— Твоя мать? Она знала, что у тебя будет мальчик?

— Да, знала. — Я улыбнулась. — Во всяком случае, уверяла меня, что знает. Ты же помнишь, какая она была. У нее всегда волшебство наполовину перемешивалось с шуткой.

— А она не говорила, что это наш последний сын? Как думаешь, у нас будут еще сыновья?

— Почему бы и нет, — лениво промолвила я. — Если ты по-прежнему хочешь, чтобы я делила с тобой ложе, то будет и не один. Если, конечно, я тебе не надоела. Если ты от меня не устал. Если ты не предпочитаешь мне других женщин.

Эдуард отвернулся от колыбели и подошел ко мне. Бережно просунув руки мне под лопатки,

он осторожно меня приподнял и поцеловал.

— О нет, я по-прежнему желаю тебя, милая, — только и сказал он.

ВЕСНА 1476 ГОДА

И разумеется, я оказалась совершенно права: это были далеко не последние мои роды. Я всегда говорила, что мой супруг плодовит, точно бык на заливном лугу, таким он и оставался. Через год после рождения Ричарда я снова забеременела и в ноябре родила девочку, которую мы назвали Анной. В благодарность за дочку Эдуард подарил моему сыну Томасу Грею титул маркиза Дорсета, и я женила его на очень милой девушке — наследнице значительного состояния. Эдуард, правда, надеялся, что снова родится мальчик, которого мы заранее решили назвать Георгом в честь его брата, герцога Кларенса, чтобы братьев Йорк снова было трое и звали бы их Эдуард, Ричард и Георг; однако сам Георг, узнав о нашем намерении, не выказал ни малейшей благодарности. Он с детства был испорченным, жадным и завистливым мальчишкой и постепенно превращался в весьма малоприятного брюзгу, обладающего дурным нравом и исполненного разочарования. Возраст его уже близился к тридцати, его уста, в юности напоминающие розовый бутон, увяли, и на них застыла неизбывная презрительная гримаса. Будучи многообещающим юнцом, он упивался сознанием того, что является одним из сыновей славного дома Йорков; затем он некоторое время считался первым среди наследников английского трона, избранным самим Уориком, но увы, лишился этой перспективы, когда Уорик переметнулся на сторону Ланкастеров. Когда же Эдуард вновь отвоевал трон, Георг стал первым уже среди его наследников, переместившись, однако, на второе место в связи с рождением моего Малыша, принца Эдуарда. А уж после рождения принца Ричарда Георгу пришлось спуститься еще на одну ступеньку и занять третье место в череде наследников английской короны. Было очевидно, что чем чаще у меня будут появляться сыновья, тем ниже станет опускаться Георг, тем дальше он будет от трона и тем глубже погрузится в пучину зависти и ревности. А поскольку Эдуард славился любовью к своей жене, а я славилась своей плодовитостью, то возможность унаследовать трон для Георга превратилась в нечто почти несбыточное, и ему даже дали прозвище «герцог Разочарование».

Ричард, младший из братьев Йорк, судя по всему, не возражал против подобного положения вещей, однако был страшно разгневан на нас после того, как Йорки, вернувшись из Франции, так и не стали развязывать новую войну, а напротив, установили довольно прочный мир. Все — и мой супруг, король Англии, и каждый здравомыслящий англичанин — безмерно радовались, что Эдуарду удалось заключить с Францией перемирие, причем на несколько лет, и французы еще должны были выплатить нам огромные деньги за то, что мы не потребовали обратно наши земли. Казалось, все с радостью восприняли подобный исход конфликта — мы избежали дорогостоящей и мучительной войны на чужой территории. Все, но только не герцог Ричард Глостер, который, можно сказать, вырос на поле боя. Теперь он направо и налево рассуждал о том, какие права имеют англичане на французские земли; твердил, что его отец всю свою жизнь сражался с французами. Ричард чуть ли не во всеуслышание называл Эдуарда, своего короля, ленивым трусом, упрекая его за нежелание начинать очередную весьма опасную военную кампанию.

Узнав об этом, Эдуард только добродушно посмеялся и спустил своему братцу все оскорбления. Зато Ричард жутко на него разозлился и вихрем умчался на север, в свои владения, прихватив свою покорную жену Анну Невилл. Там Ричард и сидел, полагая себя, видимо, единовластным повелителем всех северных земель. Он категорически отказывался навещать нас на юге, заявляя, что остался единственным в Англии настоящим Йорком и

единственным настоящим наследником своего отца — во всяком случае, в отношении его вечной вражды с Францией.

Но все это ничуть не тревожило Эдуарда. Он улыбался, когда отыскал меня на конюшне, где я осматривала новую кобылу — подарок короля Франции в знак возобновления дружбы между нашими странами. Это была очень красивая лошадка, только она немного нервничала в незнакомом месте и отказывалась подходить ко мне, хоть я и пыталась соблазнить ее яблоком, которое держала в руке.

— Твой брат приезжал сегодня, — сообщил Эдуард. — Он просил разрешения отправиться в паломничество по святым местам. Маленького Эдуарда он хотел бы ненадолго оставить на попечение сэра Ричарда.

Я вышла из стойла и аккуратно заперла за собой дверь, чтобы лошадь случайно не выскочила и не перепугалась еще больше.

— Но почему вдруг? — удивилась я. — И куда именно он собрался?

— Говорит, что хотел бы посетить Рим, — пояснил Эдуард. — Что ему необходимо хотя бы на время удалиться от мира. — Мой муж как-то криво усмехнулся. — Судя по всему, Ладлоу только укрепило любовь Энтони к уединению и его стремление к святости. Он утверждает, что собирается отыскать в своей душе поэта, потому-то его и влекут тишина и пустынные дороги, именно там он надеется обрести молчание и мудрость.

— Ах, какая чушь! — воскликнула я с сестринским негодованием. — Вечно он носится с идеей об отшельничестве. Он с детства мечтал о Иерусалиме. Он обожает странствовать. Ему кажется, будто греки и мусульмане знают все на свете. Что ж, может, ему и не терпится стать паломником, но настоящее его дело и вся его жизнь — здесь. Просто ответь ему «нет» и заставь остаться.

Но Эдуард колебался.

— Видишь ли, Елизавета, Энтони действительно мечтает совершить это паломничество. Я считаю его одним из величайших рыцарей христианского мира. Вряд ли кто-то способен победить его на турнире, особенно если он в ударе. И стихи у него прекрасные, не хуже, чем у любого поэта. В Англии просто не найдется человека, который был бы более начитанным, знающим и лучше владел бы иностранными языками, чем он. Твой брат — поистине необычный человек. Возможно, его судьба — совершать далекие путешествия, учиться, преумножать свои знания. Энтони и так отлично нам послужил, никто не сделал для нас столько, сколько он, и уж коли Господь призывает Энтони в путь, нам, вероятно, следует его отпустить.

Кобыла наконец сама подошла ко мне и, просунув голову над калиткой, понюхала мое плечо. Я стояла неподвижно, стараясь ее не спугнуть и чувствуя на шее ее теплое, пахнувшее овсом дыхание.

— Странно, что ты с такой нежностью рассуждаешь о талантах Энтони, — с подозрением заметила я. — С чего вдруг ты стал им так восхищаться?

Эдуард, явно застигнутый врасплох, пожал плечами, и после этого небольшого жеста я, как самая обычная ревнивица, набросилась на мужа и схватила его за руки, чтобы он не сумел уйти от моих вопросов.

— Итак, кто она?

— Что? О чем ты?

— Кто она, эта твоя новая? Твоя очередная шлюха. Это ведь ей так нравятся стихи Энтони?
— злобно допытывалась я. — Ты же сам никогда в жизни стихами не интересовался! И у тебя никогда не было столь высокого мнения об учености Энтони и его предназначении. Значит, тебе кто-то читал его стихи. И я полагаю, читала именно женщина. И если моя догадка верна, она так хорошо знает стихи Энтони потому, что он сам ей их декламировал. Возможно также, знаком с ней и Гастингс, и, разумеется, все вы находите ее просто прелестной. Но спать с ней будешь ты, а остальным останется только сновать вокруг и принюхиваться, как кобелям во время собачьей свадьбы. Ну хорошо, у тебя новая замечательная шлюха, это я понимаю. Но если ты надеешься и меня заставить разделить ее глупые воззрения, то ей придется быстро убраться отсюда.

На меня Эдуард не глядел, он смотрел на свои сапоги, на небо, на новую кобылу — только не на меня.

— Как ее зовут? — спросила я. — Это-то ты можешь сказать, по крайней мере.

Эдуард притянул меня к себе и заключил в объятия.

— Не сердись, любимая, — прошептал он мне на ухо. — Ведь для меня существуешь только ты. Всегда только ты.

— Я и великое множество других! — в раздражении бросила я, но вырваться из его рук не стала. — Они же проходят через твою спальню, точно праздничная процессия майским утром.

— Нет, — возразил муж. — Для меня существуешь только ты одна. И это чистая правда. У меня только одна жена. А шлюх действительно множество, возможно сотни. Но жена только одна. Это ведь уже кое-что, не правда ли?

— Твои шлюхи достаточно молоды и годятся мне в дочери! — гневно заявила я. — А ты по-прежнему бегаешь за ними по всему городу. Даже местные купцы жаловались, что их жены и дочери не чувствуют себя в безопасности, когда ты выходишь на свою охоту.

— Это правда, — признался мой муж, тщеславный, как все красивые мужчины. — Полагаю, ни одна женщина передо мной не устоит. Но я никогда никого не брал силой, Елизавета. Единственная женщина, которая когда-либо оказывала мне сопротивление, — это ты. Помнишь, как ты вытащила из ножен мой кинжал и угрожала убить меня?

Я невольно улыбнулась.

— Конечно помню. А ты поклялся, что подаришь мне еще и ножны, но это станет твоим последним подарком.

— Другой такой, как ты, на свете нет. — Эдуард поцеловал меня в лоб, потом в закрытые глаза, потом в губы. — И у меня нет никого другого, кроме тебя. Только ты, моя любимая, держишь мое сердце в своих прекрасных руках.

— И все-таки как ее зовут? — повторила я уже довольно мирно. — Назови же наконец ее имя.

— Элизабет Шор, — ответил Эдуард, целуя меня в шею. — Но какое это имеет значение?

После разговора с Эдуардом Энтони сразу же явился ко мне, и я, несмотря на то что брат недавно прибыл из Уэльса, встретила его неласково, категорически высказавшись против его намерения путешествовать.

— Нет уж, моя дорогая, — запротестовал Энтони, — на этот раз тебе придется отпустить меня. В Иерусалим я пока не собираюсь, во всяком случае в этом году, а вот Рим хочу посетить. Собираюсь покаяться в своих грехах. Мне нужно какое-то время побыть вдали от королевского двора, подумать о чем-то действительно важном, а не о повседневных заботах. Я буду ездить из монастыря в монастырь, вставать на рассвете и молиться, а если никто из верующих не сможет приютить меня на ночь, я готов спать под открытым небом, беседуя со звездами, и в тишине искать общения с Богом.

— Неужели ты даже скучать по мне не будешь? — удивилась я, точно ребенок. — Неужели не будешь скучать по Малышу? И по девочкам.

— Конечно буду, и именно поэтому я даже не рассматриваю такую возможность, как участие в Крестовом походе. Я не смогу вынести многомесячной разлуки с родными. Хотя Эдуарду отлично живется в Ладлоу; у него чудесные товарищи и умелые наставники, а юный Ричард Грей для него — просто образец для подражания. Ничего страшного, если я ненадолго их оставлю. Меня давно тянет странствовать по безлюдным дорогам, и я должен воплотить мечту в реальность.

— Ты истинный сын Мелюзины, — заметила я, пытаюсь улыбнуться. — Она тоже вот так требовала дать ей свободу и позволить хотя бы время от времени возвращаться в родную стихию.

— Да, пожалуй, — согласился Энтони. — Вот и думай, что я просто уплыл ненадолго в море, но прилив непременно принесет меня обратно.

— Так значит, ты уже все окончательно решил?

Брат кивнул.

— Мне необходимо обрести тишину и услышать голос Божий. А еще тишина мне нужна для написания стихов. Я хочу снова стать самим собой.

— Но ты вернешься?

— Через несколько месяцев, — пообещал Энтони.

Я протянула к нему руки, и он поцеловал их.

— Ты непременно должен вернуться, — добавила я.

— Я непременно вернусь, — подтвердил Энтони. — Я же дал тебе слово, и одна лишь смерть разлучит меня с тобой и твоей семьей.

ИЮЛЬ 1476 ГОДА

Энтони, как всегда верный своему обещанию, явился из Рима вовремя и уже в июле встречал нас в Фотерингее. Ричард давно собирался перезахоронить своего отца и старшего брата Эдмунда, убитых в бою, выставленных на посмешище и, по сути, толком не похороненных. Теперь он наконец осуществил свою задумку, и весь дом Йорков съехался на погребение и поминальную церковную службу. Я была рада, что Энтони успел вернуться домой и привез принца Эдуарда почтить память деда.

Энтони загорел, стал смуглым, как мавр; за время своих странствий он собрал невероятное

количество всевозможных историй, и при первой же возможности мы с ним потихоньку удрали от остальных и гуляли вдвоем по аллеям Фотерингея. Оказалось, что в дороге моего брата ограбили, он даже опасался, что живым от этих грабителей не уйдет. Всю ночь он провел в лесу у ручья, но уснуть не мог: ему почему-то казалось, что из воды непременно появится Мелюзина. «И что бы я ей тогда сказал? — жалобно вопрошал Энтони. — Представь, какой это был бы стыд, если бы я вдруг влюбился в собственную прабабку!»

Энтони довелось встретиться с Папой Римским, а после недельного строгого поста его посетило некое пророческое видение, и он теперь твердо намеревался когда-нибудь вновь отправиться в путешествие, но на этот раз куда более долгое: ему хотелось возглавить группу паломников и все-таки добраться до Иерусалима.

— Когда Эдуарду исполнится шестнадцать и он станет мужчиной и полноправным правителем Уэльса, я непременно туда поеду, — заявил Энтони.

Я улынулась.

— Хорошо, — легко согласилась я, — только до этого еще жить да жить. Если считать с сегодняшнего дня, так ровно десять лет.

— Это только кажется, что десять лет — долгий срок, — предупредил меня Энтони. — Но годы летят быстро.

— Ты у нас и впрямь мудрый, как странствующий пилигрим, — рассмеялась я.

— Да, я поумнел, — кивнул Энтони. — Ты и опомниться не успеешь, как твой Малыш станет взрослым и будет выше тебя ростом. Нам еще придется решать, хорошего ли короля мы с тобой вырастили. Ведь, если того захочет Господь, именно он станет Эдуардом Пятым, мирно унаследует трон своего отца, без борьбы с иными претендентами, и продолжит королевскую династию Йорков.

Меня вдруг охватил беспричинный озноб.

— Что с тобой? — встревожился Энтони.

— Ничего. Сама не знаю. Просто вдруг холодом повеяло. Не обращай внимания. Я уверена, что наш Малыш станет замечательным королем. Он не только истинный Йорк, но и истинный сын нашего дома, дома Риверсов. Что может быть лучше таких корней для принца, для будущего правителя государства?

ДЕКАБРЬ 1476 ГОДА

Наступило Рождество, и мой дорогой Малыш, мой принц Эдуард, приехал на праздники домой, в Вестминстер. Все были просто поражены тем, как сильно он вырос и возмужал. Ему шел седьмой год; это был очень стройный, красивый, светловолосый мальчик, весьма сообразительный и неплохо успевающий в науках. Всеми своими знаниями и умениями он был обязан Энтони, а от отца унаследовал обаяние и красоту.

Энтони подвел ко мне моих сыновей, Ричарда и Эдуарда, и я благословила их. Потом мы отпустили их, и они умчались общаться с братьями и сестрами, а я обратилась к Энтони:

— Я ужасно по вам троим соскучилась. Просто ужасно.

— И я очень по тебе соскучился, Елизавета, — с улыбкой отозвался Энтони. — Но выглядишь ты замечательно.

Я поморщилась.

— Да уж, замечательно — если учесть, что меня каждое утро тошнит.

Энтони обрадовался.

— Ты опять ждешь ребенка?

— Опять. И, судя по тошноте, это, скорее всего, будет мальчик.

— Вот уж Эдуард, наверное, радуется.

— Полагаю, что да. Он, правда, свою радость выражает в том, что волочит за каждой юбкой в пределах ста миль от дворца.

Энтони засмеялся.

— Таков уж Эдуард.

Мой брат выглядел счастливым — это было видно по тому, как легко расправлены его плечи, как разгладились морщинки в уголках глаз.

— Ну а ты как? Тебе по-прежнему нравится в Ладлоу?

— Мы с Эдуардом и Ричардом все устроили так, как удобно нам самим, — ответил Энтони. — У нас при дворе в почете и науки, и рыцарские искусства, и турниры, и охота. Прямо-таки идеальная жизнь, как мы все трое считаем.

— Эдуард хорошо учится?

— Я же тебе писал. Он умный мальчик и думать умеет.

— Ты не позволяешь ему слишком рисковать на охоте?

— Ну конечно позволяю, — усмехнулся брат. — Неужели ты бы хотела, чтобы наследник Эдуарда вырос трусом? Мальчик должен проверять свою храбрость и на охоте, и на турнирной арене. Ему следует познать страх, научиться смотреть ему в лицо и смело с ним сражаться. Он должен стать отважным и мужественным — такого короля будут уважать, а не бояться. Я бы сослужил дурную службу и Эдуарду, и тебе, если б стал ограждать вашего сына от любого риска и учить его уходить от опасности.

— Да, я все понимаю, — согласилась я. — Просто Малыш мне так дорог...

— Все мы кому-то дороги, — вздохнул Энтони. — И всем нам не раз приходилось рисковать. Я учу Эдуарда скакать верхом на любой лошади, какая есть в конюшне, и смело идти навстречу любой опасности. Это куда лучшая мера предосторожности, чем сажать его только на безопасных лошадок и держать как можно дальше от турнирных боев. Так, с этим, по-моему, все ясно. Давай теперь перейдем к значительно более важным вещам. Чем ты порадуешь меня на Рождество? Может, ты собираешься назвать в мою честь своего будущего сына?

Королевский двор всю готовился к Рождеству, намереваясь, как всегда, праздновать с особой роскошью. Эдуард, собираясь принять участие в веселом маскараде, заказал новые

карнавальные костюмы не только для всех детей, но и для нас, и свет ожидал появления всей нашей красивой семьи. Я каждый день старалась какое-то время побыть с маленьким Эдуардом. Я обожала сидеть с ним рядом, когда он спал, или слушать, как старательно он молится перед тем, как лечь в кровать; каждый день я приглашала его в свои покои, чтобы вместе позавтракать. Эдуард был очень серьезным, даже задумчивым мальчиком и с гордостью предлагал почитать мне на латыни, греческом или французском, пока я не призналась, что в этом отношении его знания уже значительно превосходят мои.

Эдуард был очень терпелив со своим младшим братишкой Ричардом, а тот так восхищался старшим братом, что бегал за ним по пятам своей решительной рысцей. С крошечной Анной Эдуард был чрезвычайно нежен и все время торчал у ее колыбели, восторгаясь ее крохотными ручками. Каждый день мы старались поставить какой-нибудь спектакль или маскарадное действие, каждый день ездили на охоту и устраивали пышный торжественный обед с танцами и развлечениями. Люди говорили, что у Йорков очаровательный двор и очаровательная семья, и я не могла этого отрицать.

Лишь одна черная тень мелькала во дворце в те счастливые рождественские дни: Георг, герцог Разочарование.

Как-то Эдуард зашел за мной, чтобы сопроводить к обеду, устроенному в парадном зале Вестминстера.

— По-моему, твой брат ведет себя все более странно, — пожаловалась я.

— Кого из моих братьев ты имеешь в виду? — лениво спросил Эдуард. — Видишь ли, они оба теперь считают, что я все делаю неправильно. Вроде бы они должны радоваться, что английский трон занят Йорком, что в стране царят мир и покой, а у нас продолжаются самые чудесные рождественские праздники из всех, какие мы когда-либо устраивали. Но нет, сразу после пира Ричард в гневе покидает наш двор и отправляется к себе на север, желая тем самым выразить свой протест, ведь мы так и не увязли по уши в войне с французами. Ну а у Георга просто дурной нрав.

— Вот именно. Его дурной нрав меня и тревожит.

— Вот как? Что же еще он натворил? — осведомился Эдуард.

— Он заявил за столом, когда слуга поднес блюдо с угощением, что отныне не станет есть ничего, присланного с нашего стола! — возмутилась я. — Он и слугам своим сообщил, что теперь будет есть только у себя в комнате и только после того, как все мы отобедаем. А когда мы милостиво посылаем ему какое-то особенно вкусное кушанье — из чистой любезности, между прочим! — он категорически отказывается его даже пробовать. Я слышала, что он намерен так поступать и за общим столом, а это уже откровенное оскорбление. Он будет сидеть вместе со всеми, склонившись над пустой тарелкой. И вино пить он тоже отказывается. Эдуард, тебе придется побеседовать с ним.

— Если он отказывается пить, это не просто оскорбление, это настоящее чудо, — улыбнулся мой муж. — Георг не способен отказаться от вина, даже если ему сам дьявол поднесет стаканчик.

— Однако совсем не смешно, когда в нашем доме за трапезой он нас же и оскорбляет.

— Да, согласен. И уже обсуждал с ним это.

Эдуард повернулся к стоявшим возле нас полукругом знатным дамам и лордам, попросил их минутку подождать и увлек меня к оконному проему, где можно было говорить, не опасаясь, что нас подслушают.

— На самом деле, Елизавета, — продолжил мой муж, — дела обстоят гораздо хуже. Мне кажется, Георг распространяет о нас всякие гнусные слухи.

Значит, неприязнь Георга к старшему брату так и не погасла. Значит, ему мало того неудавшегося мятежа, после которого он тем не менее получил прощение. Я надеялась, что Георга удовлетворит титул одного из двух крупнейших герцогов Англии, что теперь он успокоится и, возможно, даже будет счастлив со своей женой, с этой иссиня-бледной, точно сыворотка, Изабеллой Невилл, обладающей громадным состоянием. Впрочем, Георгу так и не удалось прибрать к рукам наследство его свояченицы Анны, поскольку та вышла за Ричарда, и, будучи человеком злобным и честолюбивым, Георг предпочитал считать свои утраты, а не приобретения. А потому завидовал Ричарду, который все-таки сумел жениться на маленькой Анне Невилл, принесшей ему такое богатство, и не мог простить Эдуарду, что тот разрешил Ричарду жениться на Анне. Георг внимательно следил, какие милости оказывает Эдуард моей семье, и точно знал, сколько акров земли уже подарено Ричарду. Можно было подумать, что Англия — это крошечное поле, на котором Георг боится потерять даже грядку гороха, настолько мелочны были его бесконечные подозрения.

— Как он может вообще что-то иметь против нас? — возмутилась я. — Ты же всегда был так щедр к нему.

— Он повторяет старые сплетни о том, что наша мать предала отца, и я всего лишь бастард, — в самое ухо мне шепнул Эдуард.

— Какой стыд! Снова эта гнусная история! — воскликнула я.

— А еще он клянется, что заключил договор с Уориком и Маргаритой Анжуйской, по которому якобы после смерти Генриха королем должен стать именно он, Георг. Так что теперь, по его мнению, именно он является законным наследником Генриха и королем Англии!

— Так ведь он же Генриха и уничтожил, — заметила я.

— Тише, тише. Об этом ни слова.

Я покачала головой, и вуаль на моем высоком головном уборе возмущенно затрепетала.

— Нет уж, я больше не желаю слушать от тебя никаких сладких речей об этом предателе. Во всяком случае, когда мы наедине. В свое время ты уверял меня, что в сердце Георга вновь проснулась братская любовь. И я, как и все остальные, успокоилась. Но как он может называть себя избранником и законным наследником несчастного Генриха, если он и есть его непосредственный убийца?

— Между прочим, Георг распускает сплетни и похуже, — осторожно произнес мой муж.

— Обо мне? — догадалась я.

Эдуард кивнул.

— Он утверждает, что ты... — Муж умолк и осмотрелся: не подслушивает ли кто. — Он утверждает, что ты ведь...

Эдуард проглотил конец фразы, но я, пожав плечами, закончила за него:

— Ведьма?

Эдуард молча кивнул.

— Ну что ж, — продолжала я, — он не первый, кто так думает. Наверное, и не последний. Но

пока ты король Англии, этим он мне повредить не может.

— А мне не нравится, когда о тебе говорят такое. Это не только вредит твоей репутации, но и ставит тебя под угрозу. Это очень опасное обвинение для любой женщины, кем бы ее муж ни был. И потом, все вокруг продолжают мусолить слухи, что ты, мечтая женить меня на себе, попросту меня околдовала. Еще немного, и будет заявлено, что мы с тобой и в законном браке не состоим!

Я зашипела, как разъяренная кошка. Меньше всего меня беспокоила собственная репутация: моя мать приучила меня к той мысли, что могущественная женщина всегда вызывает зависть у окружающих. Но в данном случае дело касалось не столько меня, сколько моих детей. Ведь если я не являюсь законной женой Эдуарда, значит, наши сыновья — бастарды и их можно лишить наследства.

— Тебе придется заставить его замолчать! — твердо заявила я.

— Я уже общался с ним, я его предупреждал. Но Георг все равно, по-моему, что-то против меня затевает. У него есть последователи, и с каждым днем их все больше. И, судя по всему, он по-прежнему поддерживает связь с Людовиком Французским.

— Но у нас же мирный договор с королем Людовиком.

— Ну и что? Это совершенно не мешает Георгу варить свою кашу. Ничто на свете не отвратит его от желания строить мне козни. К тому же он поступает достаточно глупо: берет у меня деньги и мне же пытается гадить.

Я оглянулась на терпеливо стоявших в стороне придворных.

— Пора садиться за праздничные столы, — заметила я. — Но объясни только, что ты предпримешь?

— Я попытаюсь еще раз поговорить с ним. А ты пока что не посылай ему никаких лакомств. Я не желаю видеть, как он устраивает спектакль, демонстративно отправляя все обратно.

Я покачала головой и усмехнулась.

— Лакомства обычно посылают фаворитам. А Георг в число моих фаворитов никогда не входил.

Эдуард рассмеялся и поцеловал мне руку.

— Только ты уж, пожалуйста, не превращай его в жабу, моя маленькая ведьма.

— Этого вовсе не требуется. В душе он и так давно уже настоящая жаба.

Эдуард не рассказал мне, что обсуждал с Георгом, хотя именно с Георгом у мужа были наиболее сложные отношения. А я в очередной раз пожалела, что рядом нет моей матери: мне так нужен был ее совет! Несколько недель Георг бродил по дворцу с надутой физиономией, по-прежнему отказывался с нами обедать и делал вид, что опасается даже присесть за стол, а от меня шарахался, словно я одним взглядом способна была превратить его в камень. Затем он вдруг объявил во всеуслышание, что Изабелла, которая была на сносях, серьезно больна, что на нее явно плохо действует здешний воздух, а потому они немедленно уезжают из дворца.

— Ну что ж, может, оно и к лучшему, — весело заключил Энтони, как-то утром возвращаясь

вместе со мной после мессы.

Мои фрейлины следовали за нами, одна лишь леди Маргарита Стэнли осталась в часовне, преклонив колени перед образами. Она вообще молилась так, словно была повинна во всех смертных грехах перед самым Святым Духом, но я-то знала: ни в чем таком она не повинна. Она даже ложе со своим мужем не делила и, по-моему, была начисто лишена влечения к мужчинам. Но я догадывалась, в чем ее единственный грех, что способно пробудить дикие желания в девственно чистой ланкастерской душе леди Маргариты: ее тайные честолюбивые планы.

— Георг уже и так заставил всех задаваться вопросом, — рассуждал между тем Энтони, — чем так обидел и разгневал его Эдуард. И потом, Георг ведь попросту постоянно поносил вас обоих. Распускал мерзкие слухи, и теперь вокруг только и делают, что судачат о том, похож ли принц Эдуард на своего отца, и откуда вообще известно, что принц действительно сын Эдуарда, ведь на свет он появился в убежище, где никого из достойных свидетелей не было. В общем, я попросил у Эдуарда разрешения вызвать Георга на поединок. Пояснил, что не могу допустить, чтобы Георг так о тебе отзывался, и хочу защитить твоё имя.

— И что тебе ответил Эдуард?

— Что будет лучше, если я постараюсь не обращать на Георга внимания. А бросив ему вызов, я лишь окажу поддержку его лживым сплетням. В общем, Эдуард прав, только мне эта идея совершенно не по душе. Ведь этот мерзавец Георг поливает грязью не только тебя, но и всю нашу семью, и даже нашу мать.

— А уж как он оскорбляет своих родных, — заметила я. — Да, он считает нашу мать ведьмой, но ведь свою-то собственную мать он и вовсе шлюхой называет. Вот уж кто действительно не боится оклеветать кого-то напрасно. Странно только, отчего его мать не прикажет ему заткнуть свою вонючую пасть.

— Думаю, она уже пыталась это сделать. Да и Эдуард не раз упрекал брата в личной беседе. Но Георга этим не остановить. Злоба из него так и брызжет.

— По крайней мере, теперь его при дворе не будет. И он уже не сможет вечно шептаться по углам с придворными и отказываться от участия в танцах.

— Но только до тех пор, пока он не начнет снова плести против нас заговор. Ведь когда Георг окажется у себя дома, в окружении своих сторонников, Эдуарду уже ничего не будет известно о том, кого Георг призвал на помощь, пока тот снова не соберет войско и не поднимет очередной мятеж, который Эдуарду придется вновь подавлять.

— О нет, теперь Эдуард все выяснит заранее, — возразила я. — За Георгом будут постоянно следить люди Эдуарда. Даже у меня есть там оплачиваемый шпион, а уж у Эдуарда их десятки. И я узнаю, что Георг собирается делать, прежде чем он это сделает.

— И кто же твой шпион? — спросил Энтони.

Я улыбнулась.

— Точнее, шпионка. Совсем необязательно быть мужчиной, женщина тоже может вовремя все увидеть, понять и передать сведения по назначению. В доме Георга служит... одна моя знакомая, она мне все и докладывает.

Моя шпионка Анкаретта, посылая мне еженедельные отчеты, сообщала, в частности, что Георг действительно получает письма из Франции от нашего злейшего врага. Затем перед Рождеством Анкаретта написала, что здоровье Изабеллы, жены Георга, значительно

ухудшилось. Маленькая герцогиня, родив своего четвертого ребенка, так и не сумела оправиться после родов. Она все больше слабела, совершенно перестала сопротивляться недугу и утратила волю к жизни, а в последние дни и вовсе ни с кем не желала общаться. В итоге тихая и безмолвная Изабелла умерла.

Я помолилась за спасение ее души. Я всегда искренне ей сочувствовала. Все-таки бедняжке Изабелле ужасно не повезло в жизни. Ее отец, лорд Уорик, обожал свою дочь и рассчитывал сделать ее герцогиней, а потом — даже и королевой. Однако вместо красавца-короля она получила в мужа вечно надутого младшего сына Йорков, который дважды становился перебежчиком и предателем. Первенца своего Изабелла потеряла на том корабле, который попал в бурю близ Кале, где колдовской ветер не дал судну войти в гавань; затем она родила еще двоих детей, Маргариту и Эдуарда, которые теперь остались без матери. Маргарита была чудесной умненькой девочкой, а вот Эдуард соображал очень медленно и, судя по всему, был просто дурачком. Да поможет им Бог, думала я, ведь теперь Георг — их единственный родитель. Разумеется, я послала ему письмо, выразив глубочайшие соболезнования, и весь наш двор облачился в траур, оплакивая ее — дочь великого графа, «делателя королей», и жену герцога Кларенса, который приходился королю родным братом.

ЯНВАРЬ 1477 ГОДА

Мы еще оплакивали Изабеллу, когда Георг, едва успев похоронить жену и задуть свечи, явился к нам во дворец — напыщенный и полный мыслей о новом браке. На этот раз он целился высоко. Карл Бургундский, супруг Маргариты Йоркской, сестры Эдуарда, погиб во время сражения, и его дочь от первого брака, герцогиня Мария, стала наследницей одного из самых богатых герцогств мира.

Маргарита Бургундская, всегда остававшаяся сторонницей Йорков, была, как и все прочие члены ее семьи, фатально слепа по отношению к просчетам и недостаткам своих родственников, а потому решила, что ее брат Георг, так «удачно» вновь ставший холостяком, должен жениться на ее падчерице. Маргарита явно куда больше заботилась об интересах своего брата, чем о Марии Бургундской, которая после смерти отца находилась под ее опекой. Так, во всяком случае, казалось мне. Георг, естественно, мгновенно загорелся этой идеей и стал строить честолюбивые планы. Он объявил Эдуарду, что женится либо на Марии Бургундской, либо на принцессе Шотландской.

— Но это совершенно недопустимо, — сказал Эдуард в разговоре со мной. — Георг и так весьма ненадежен, хотя и получает от меня огромные средства, будучи герцогом. А уж если он станет богат и независим как принц, получив гигантское наследство Марии Бургундской, то нам и впрямь будет грозить реальная опасность. А уж если Георг воцарится в Шотландии, только подумай, какие беды нам могут грозить. Боже мой! Если он действительно женится на Марии, то там, в Бургундии, он прямо-таки изведет Маргариту своими выходками и угрозами. Она ведь только что овдовела, а ее падчерица, бедняжка, только что потеряла отца. Да я скорее пошлю к ним дикого волка, чем Георга!

ВЕСНА 1477 ГОДА

Получив отказ, Георг долго дулся, размышляя, почему брат так повел себя, а потом до нас дошли некие возмутительные новости, которые показались нам настолько невероятными, что

сначала мы сочли их просто слухами, причем сильно преувеличенными, поскольку это никак не могло быть правдой. Георг вдруг заявил, что Изабелла умерла вовсе не от родовой горячки, а была отравлена. И он якобы уже нашел отравителя и бросил его в тюрьму.

— Быть такого не может! — возмущалась я. — Он что, совсем с ума сошел? Кому могло в голову прийти хоть чем-то навредить бедняжке Изабелле? Кого это он там арестовал? И с какой стати?

— И не просто арестовал, — сокрушенно произнес Эдуард, держа в руке письмо, — а совершил нечто куда более страшное. — Мой муж явно был потрясен полученным посланием. — Ты права: Георг, видимо, совсем спятил. Он поволок эту несчастную служанку в суд, приказал судьям признать ее виновной в убийстве Изабеллы и заставил отрубить ей голову. Служанку уже казнили — для этого оказалось достаточно одного лишь слова Георга, будто у нас в стране и законов никаких нет, высшая власть — это Георг, и ни законы, ни даже сам король ему не указ. Словно это он правит моим королевством и я сам позволил установить в Англии тиранию!

— Кто она? Кто? — спросила я настороженно. — Кто эта несчастная служанка?

— Ее звали Анкаретта Тюиньо, — заглянув в письмо, ответил Эдуард. — Судья пишет, что Георг запугал их, что он прямо-таки силой заставил их вынести бедняжке суровый приговор, хотя против нее не было никаких улик или свидетельств — только обвинение, выдвинутое самим Георгом. Судья и адвокаты не осмелились ему перечить, и он велел им послать на смерть бедную женщину. Он обвинил эту несчастную в отравлении, в колдовстве и в том, что она прислужница настоящей ведьмы. — Эдуард оторвал глаза от бумаги и вопросительно посмотрел на мое побелевшее лицо. — Настоящей ведьмы? Тебе что-нибудь известно об этой женщине, Елизавета?

— Анкаретта была моей шпионкой в доме у Георга, — тут же призналась я. — Но это все. Разумеется, у меня не было ни малейшей необходимости травить бедную маленькую Изабеллу. Да и что бы мне это дало? А уж обвинение Анкаретты в колдовстве — полная чепуха! Да и зачем прибегать к колдовству? Да, мне никогда не нравились ни Изабелла, ни ее сестра, но я не желала зла ни той ни другой.

Эдуард кивнул.

— Верю. И ты, конечно же, не травила Изабеллу. Но выяснил ли Георг, что та женщина, которую он казнил, была у тебя на содержании?

— Возможно. Возможно. Иначе с чего бы он выбрал именно ее? Чем еще она могла вызвать у него столь сильное недовольство? Может, это его предупреждение мне? Или даже угроза?

Эдуард швырнул письмо на стол.

— Бог его знает! На что Георг надеялся? Чего хотел добиться, убивая несчастную служанку? Породить новую порцию сплетен? Причинить нам дополнительные неприятности? Нет, придется с ним что-то делать, Елизавета. Я не могу допустить, чтобы это продолжалось.

— И как же ты поступишь?

— У Георга имеется небольшая группа личных советников: это очень опасные, вечно всем недовольные люди. Один из них, это совершенно точно, практикующий колдун-предсказатель, если не хуже. Я этих людей арестую и прикажу возбудить против них судебный процесс. Я сделаю с его людьми то, что он сделал с твоей Анкареттой. Пусть это станет ему предостережением. Он не может безнаказанно бросать вызов нам или тем, кто нам служит; он должен понять, что сильно рискует, поступая так. Надеюсь, у него хватит на

это ума.

Я кивнула.

— А они нам вреда причинить не могут? — засомневалась я. — Колдуны эти.

— Только если ты сама согласишься — как, судя по всему, верит Георг, — что они и впрямь способны навести на нас чары.

Я улыбнулась, надеясь улыбкой скрыть свой страх. Разумеется, я верила в возможности колдунов! Разумеется, колдуны Георга могли навести на нас чары! Разумеется, я их боялась! Я очень опасалась, что они уже прибегли к колдовству.

Тревожилась я не зря. Эдуард действительно велел арестовать известного колдуна Томаса Бардетта и еще двоих, тоже пользовавшихся дурной славой; их подвергли допросу, и в результате из них прямо-таки полилась невероятная мешанина из всевозможных историй, связанных с черной магией, угрозами и колдовством.

Мой брат Энтони отыскал меня, когда я стояла, привалившись тяжелым животом к каменной стене Вестминстера, и смотрела на реку. Был солнечный майский день. У меня за спиной в саду дети играли в лапту. Услышав разъяренные вопли о том, что кто-то «жулит», я поняла: мой сын Эдуард проигрывает и пытается переменить счет, воспользовавшись своим титулом принца Уэльского.

— Что это ты здесь делаешь? — обратился ко мне Энтони.

— Прошу реку превратиться в непреодолимую преграду для любого внешнего врага, чтобы все мои близкие и я были в безопасности.

— Неужели Мелюзина действительно появляется из вод Темзы, стоит тебе позвать ее? — усмехнулся Энтони.

— Если бы она приходила по первому моему зову, я бы давно уже попросила ее повесить герцога Кларенса вместе с его колдуном. Причем немедленно и без лишних слов.

— Но ты же не думаешь, что этот человек как-то тебе навредил, всего лишь произнес несколько недобрых фраз? — уточнил Энтони. — Он ведь никакой не волшебник. Волшебников вообще нет на свете. Это все сказки, которыми только малышей испугать можно.

И Энтони оглянулся на раскричавшихся детей, которые как раз требовали у Елизаветы, самой старшей, разобраться, кто пропустил мяч.

— Зато Георг этому человеку верит. И кстати, очень неплохо заплатил, чтобы тот предсказал смерть короля. А потом и еще приплатил, чтобы короля сглазить. Георг нанял этого колдуна, собираясь всех нас уничтожить. И я уже чувствую действие его заклятий — и в воздухе, и на земле, и даже в воде.

— Чушь какая! Он такой же колдун, как ты — ведьма.

— А я и не утверждаю, что я ведьма, — тихо ответила я. — Но кое-какое наследство Мелюзина мне оставила. Да-да, Энтони, я ее прямая наследница. И ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду: у меня есть этот дар, какой был у нашей матери. Есть он и у моей дочери Елизаветы. И когда наш мир поет мне свою песнь, я ее слышу. И тогда со мной происходят невероятные вещи, сбываются мои пожелания и вещи сны. Мне являются

знамения, я замечаю тайные знаки, а порой даже знаю, что ждет нас в будущем. Это правда, Энтони, я действительно обладаю даром предвидения.

— Но это вполне может быть и просто откровением Господним, — решительно возразил Энтони. — Ведь именно так и проявляется сила молитвы. А все остальное — лишь попытка выдать желаемое за действительное. И женские фантазии.

Я улыбнулась.

— Я тоже думаю, что это дар Божий. И никогда в этом не сомневалась. Вот только Бог почему-то говорит со мной посредством этой реки.

— Ты еретичка и язычница, — сердито, как и подобает старшему брату, заявил Энтони. — Ведь Мелюзина — просто персонаж волшебной истории, а Бог и Сын Божий — основа истинной веры. Ну зачем, ради всего святого, ты сама строила храмы, часовни и школы, освящая их Его именем? Твоя любовь к рекам и источникам — это суеверие, внушенное нашей матерью; в подобные вещи верили разве что древние язычники. Ты не должна пачкать святую веру подобными вымыслами, создавая некую собственную религию, и не должна пугаться тобою же изобретенных дьявольских сил.

— Конечно, братец, конечно. — Я смиренно потупилась. — Ты у нас человек благородный и высокообразованный, и я не сомневаюсь, что ты во всем разбираешься гораздо лучше меня.

— Прекрати! — Энтони со смехом поднял руку, призывая меня умолкнуть. — Прекрати, пожалуйста! И не думай, что я стану спорить с тобой. Я ведь прекрасно понимаю: у тебя своя теология, истоки которой отчасти в волшебной сказке, отчасти в Библии, а все вместе — полная чушь. Но умоляю тебя, ради всех нас: пусть твои представления о вере останутся тайной, известной лишь тебе одной. Храни ее. Но не пугай себя понапрасну вымышленными врагами.

— Но мне действительно снятся вещие сны.

— Это только ты так считаешь.

— Энтони, вся моя жизнь служит доказательством того, что магия действительно существует, что я обладаю даром предвидения.

— Ну назови хоть один пример.

— Разве я не вышла замуж за короля Англии?

— А разве я не видел, как ты стояла на обочине дороги, точно самая настоящая проститутка?

Энтони хрипловато рассмеялся, а я гневно воскликнула:

— Ничего подобного! И вовсе я не напоминала проститутку! Мне даже обручальное кольцо река принесла.

Энтони взял мои ладони и по очереди поцеловал их.

— Все это чепуха, Елизавета, — ласково произнес он. — Никакой Мелюзины на самом деле нет, есть только старая, полузабытая сказка, которую мама любила рассказывать нам перед сном. И никакого колдовства тоже не бывает, просто мама старалась подыграть тебе, подбодрить игрой в магию и пророчества. И никаким колдовским могуществом ты не обладаешь. Все, на что мы, грешники, способны в течение нашей жизни, есть лишь проявление воли Господа. И этот Томас Бардетт тоже не имеет никакого особого дара, он

всего лишь недоброжелательный корыстолюбец.

Я улыбнулась и не стала возражать. Но в глубине души твердо знала: помимо Господней воли есть и еще кое-что.

Как-то я пришла послушать, как маленький Эдуард молится перед сном. Он делил комнату со своим трехлетним братом Ричардом, и оба малыша тут же с надеждой посмотрели на меня — им хотелось хоть немного отдалить время, когда нужно будет ложиться спать.

— А как заканчивается история о Мелюзине? — осведомился Эдуард.

— Почему это ты вдруг о ней спросил?

Я села в кресло у камина, подставив под усталые ноги скамеечку и чувствуя, как шевелится у меня в животе очередной младенец. Прошло уже шесть месяцев, но мне казалось, что эта беременность будет длиться вечность.

— Я сегодня слышал, как вы с дядей Энтони упоминали о ней, — признался Эдуард. — Что все-таки с ней случилось после того, как она вышла из воды и они с тем рыцарем поженились?

— К сожалению, конец у этой истории печальный, — сообщила я. — Ну все, немедленно ложитесь в постель.

Сыновья послушались, но две пары ясных немигающих глаз продолжали следить за мной поверх теплых одеял.

— Впрочем, о Мелюзине рассказывают по-разному, — продолжала я. — Одни говорят, что в дом к Мелюзине и ее мужу явился какой-то чересчур любопытный путешественник, и он подсмотрел, как в своей купальне хозяйка превращается в рыбу. Другие утверждают, что это ее муж нарушил свое слово — он ведь обещал, что позволит Мелюзине раз в месяц сколько угодно купаться в полном одиночестве, а сам за ней шпионил, ну и увидел, как она вновь обретает рыбий хвост и чешую.

— Но с чего это ему так не понравилось? — вполне разумно рассуждал Эдуард. — Ведь когда они познакомились, он знал, что она наполовину рыба.

— Ну да, знал, но был уверен, что сумеет переделать Мелюзину, превратить в обычную женщину, такую же, как все, — пояснила я. — Так уж бывает — полюбит мужчина женщину и начинает надеяться, что ему под силу совершенно ее изменить. Возможно, и у того рыцаря возникла такая идея.

— А про битвы в этой истории говорится? — сонным голосом произнес Ричард, не в силах поднять голову с подушки.

— Нет, про битвы там ни слова, — отозвалась я.

Я поцеловала Эдуарда в лоб, подошла к Ричарду и его тоже поцеловала. Они оба пахли совсем как младенцы — душистым мылом и теплой кожей. От их мягких волос исходил аромат свежего воздуха и молодой листвы.

— Mam, а что случилось, когда муж Мелюзины выяснил, что она все еще полурыба? — прошептал Эдуард, когда я уже была у дверей.

— Мелюзина взяла детей и оставила мужа, — ответила я. — И они никогда больше не

встречались.

Я задула свечи на одном из канделябров, но на другом оставила гореть. И в маленьком камине тоже трепетал огонь, заливая комнату теплым красноватым светом и делая ее очень уютной.

— Как это грустно, — совсем расстроился Эдуард. — Бедняга! Ведь он больше никогда не видел ни своих деток, ни жены.

— Да, это очень печальная история, — согласилась я. — Но это ведь просто сказка, так что у нее, вполне возможно, есть и другой конец, о котором теперь забыли. Возможно, потом Мелюзина все-таки простила мужа и вернулась к нему. А может, он и сам ради любви к ней превратился в рыбу, и они вместе уплыли в речные глубины.

— Да! Это было бы хорошо. Спокойной ночи, мамочка.

Счастливый малыш. Как легко было его утешить.

— Спокойной ночи. Да хранит вас обоих Господь.

Когда рыцарь увидел, как ласково целует вода чешую Мелюзины, с каким наслаждением его жена ныряет в глубокий бассейн, его охватило отвращение. Бассейн был построен специально для Мелюзины, поскольку считалось, что она просто очень любит купаться. Рыцарь и не думал, что при этом жена опять превращается в рыбу. Такое отвращение почти всегда испытывают мужчины, поняв, возможно впервые, что рядом с ними действительно совсем другое существо. Ведь женщина не дитя и не мальчик, хоть и слаба порой, как ребенок. Женщина не обделена разумом, хотя муж Мелюзины сам не раз был свидетелем, как Мелюзина дрожала от избытка чувств, точно безумная. Женщина не злодейка, хоть и способна долго помнить обиду; она не святая, хоть и добра, а иногда и чрезвычайно щедра. Женщина не обладает ни одним из чисто мужских качеств. Она — женщина. Существо, совершенно отличное от мужчины. Та, кого рыцарь увидел в купальне, была наполовину рыбой, но испугало его до глубины души не это, а скорее то, что его жена оказалась все-таки именно женщиной.

Мерзкое отношение Георга к брату стало особенно очевидным в те дни, когда начался процесс по делу колдуна Бардетта и его сообщников. Начали приводить улики и свидетельства, и заговор стал раскрываться прямо на глазах — это был настоящий спутанный клубок мрачных обещаний и жутких угроз, всевозможных колдовских рецептов, вроде отравленного плаща, толченого стекла и злобных направленных заклятий. В бумагах Бардетта отыскивали не только схему, с помощью которой можно предсказать день и час смерти Эдуарда, но и целый набор магических заклинаний, призванных умертвить короля. Когда Эдуард показал мне все это, я долго не могла унять озноб. Я тряслась, как в лихорадке. Могли эти заклинания вызвать смерть или нет, я не знала, но была уверена: эти древние письмена и рисунки на потемневшей от времени бумаге обладают какой-то жестокой силой.

— Меня от них просто колотит, — призналась я мужу. — Они даже на ощупь какие-то холодные и скользкие. Нутром чувствую: в них содержится страшная опасность.

— Да, конечно, это свидетельства злодеяний, — мрачно согласился Эдуард. — Но мне и в

голову не могло прийти, что Георг способен зайти так далеко! Что он так меня ненавидит! Я бы все на свете отдал, лишь бы Георг жил с нами в мире или хотя бы притушил свою желчь. Но он нанял таких неумелых людей, что теперь всему свету известно: мой родной брат строил против меня козни. Бардетта, разумеется, сочтут виновным и повесят за совершенное им преступление, но уже в ходе следствия ясно, что нанял его Георг. Так что Георг не меньше этого Бардетта причастен к предательству. Но не могу же я отдать под суд собственного брата!

— Почему же нет?! — возмутилась я.

Я сидела в окружении множества подушек на низком удобном кресле у огня. На мне был только подбитый мехом ночной капот — я уже готовилась ко сну, когда ко мне заглянул Эдуард. Нам обоим, собственно, давно пора было спать, но Эдуард не мог более держать при себе снедавшую тревогу. Эти скользкие листки с заклинаниями Бардетта, может, и не нанесли ущерба здоровью моего мужа, но душу ему явно отравили.

— Почему, собственно, ты не можешь судить Георга и казнить его как предателя? Он этого вполне заслуживает, — заявила я.

— Потому что я люблю его, — просто ответил Эдуард. — Люблю так же сильно, как ты любишь своего Энтони. Нет, я не могу послать его на эшафот. Ведь это мой младший брат. Он воевал вместе со мной. Он тоже представитель нашего старинного рода. И потом, он любимец нашей матери. Он — наш Георг, и этим все сказано.

— Он воевал не только вместе с тобой, но и против тебя, — напомнила я мужу. — И он не раз предавал тебя и весь твой старинный род. Да Георг был бы рад увидеть тебя мертвым, если б они с Уориком тогда тебя поймали. Если б тебе не удалось бежать. А как он называл меня ведьмой, как велел арестовать мою мать, как стоял и смотрел на гибель моего отца и моего брата Джона? И уж он-то не позволит ни справедливости, ни каким-либо родственным чувствам встать у него на пути. Почему же ты не можешь поступить по справедливости?

Эдуард, тоже расположившийся в кресле у огня, наклонился вперед, приблизившись ко мне, и в мерцающих отблесках пламени я вдруг увидела, как сильно он постарел, какой отпечаток оставили на его лице эти трудные годы и тяжкое бремя королевской власти.

— Я согласен, — кивнул Эдуард. — Я действительно должен поступить с ним строго. Но я не могу! Георг всегда был любимцем нашей матери, да и всей семьи, и мы с детства привыкли воспринимать его как маленького золотоволосого ангелочка. Теперь я просто поверить не могу, что он настолько...

— Порочен, — закончила я. — Ваш любимчик, ваш золотоволосый ангелочек превратился в злобное порочное существо. Милый, очаровательный щеночек вырос и стал злющим псом с отвратительным нравом. У Георга с рождения имелись дурные задатки, а вы его еще больше испортили. Ты не оберешься с ним хлопот, Эдуард, помяни мое слово. И тебе все равно придется с ним что-то решать. Ведь он и сейчас отвечает на твое доброе к нему отношение тем, что плетет против тебя интриги.

— Но может, — вздохнул Эдуард, — он еще поймет...

— Он никогда ничего не поймет, — отрезала я. — А тебе опасность со стороны Георга перестанет грозить, только если его не будет в живых. Тебе придется это сделать, Эдуард. Остается только выбрать, где и когда.

Эдуард встал, потянулся и подошел к моей постели.

— Давай-ка я уложу тебя, — предложил он, — а потом уже отправлюсь к себе. Хоть бы

скорей этот ребенок появился на свет и мы могли снова спать вместе.

— Погоди минутку, — попросила я.

Низко склонившись, я смотрела на угли. Я, наследница богини вод, никогда особенно не умела считывать с языков пламени и рисунков золы, но в сиянии углей мне отчетливо виделась наглая физиономия Георга, а у него за спиной возвышалось какое-то здание, темное, как дорожный столб, — наверняка Тауэр, который я всегда воспринимала как нечто мрачное, как обитель смерти. Но уверена я ни в чем не была и, пожав плечами, решила, что, возможно, мне просто показалось.

Я встала, шагнула к кровати и нырнула под одеяло. Эдуард взял меня за руки, чтобы поцеловать перед сном, и удивленно воскликнул:

— Да ты же совсем замерзла! А мне казалось, огонь в камине горит достаточно жарко.

— Я ненавижу это место, — пробормотала я.

— Какое место?

— Лондонский Тауэр. Я его ненавижу!

Дружок Георга, колдун и предатель Бардетт, на эшафоте в Тайберне заявил, что невиновен, но был освистан толпой и повешен. Однако самого Георга эта казнь явно ничему не научила: он в ярости вскочил на коня и помчался из Лондона в Виндзор, где предстал перед Королевским советом, не просто повторив все обвинения, выдвинутые Бардеттом в адрес Эдуарда, но и выкрикнув их королю в лицо.

— Не может быть, — промолвила я, совершенно потрясенная.

Мы с Энтони сидели у меня в спальне, оставив фрейлин в просторной гостиной, — мне хотелось спокойно выслушать рассказ брата о шокирующем поведении Георга.

— Да, именно так все и было. — Энтони прямо-таки задыхался от смеха, пытаясь изобразить эту сцену. — Эдуард, разумеется, тоже рассвирепел, вскочил и возвысился над Георгом, как башня высотой в семь футов. Члены Совета пришли в ужас. Ты бы видела их лица! У Томаса Стэнли отвисла челюсть, и он, как рыба, хватал ртом воздух. А наш благочестивый братец Лайонел обеими руками вцепился в свой крест на груди. Но Георг, точно разъяренный петух, все наскакивал на короля, все продолжал с интонациями плохого актеришки выдавать то, что запомнил из речи Бардетта, — хотя, по-моему, он сам же эту речь и сочинил. Разумеется, для половины присутствующих все это казалось полной бессмыслицей; они явно не понимали, что Георг, как жалкий фигляр, просто повторяет за Бардеттом. А уж когда он вдруг заявил: «Я человек старый и мудрый», — члены Совета окончательно смутились.

Я даже взвизгнула от хохота.

— Да ну, Энтони! Не может быть!

— Клянусь тебе. И никто из нас толком не соображал, что происходит, за исключением Эдуарда и Георга. А потом Георг обозвал твоего мужа тираном.

Мой смех тут же смолк.

— В присутствии Королевского совета?

— Да. Тираном и убийцей.

— Он прямо так и сказал?

— Да. Прямо королю в лицо. Не помню только, что в этот момент имелось в виду. Кажется, гибель Уорика.

— Нет, — возразила я. — Явно что-то куда более неприятное.

— Неужели дело касалось Эдуарда Ланкастера? Юного принца?

Я покачала головой.

— Нет, Эдуард Ланкастер погиб на поле боя.

— Так значит, Георг имел в виду... предшественника Эдуарда на троне?

— Мы никогда не упоминаем об этом, — осторожно напомнила я. — Никогда.

— Ну что ж, зато Георг, видимо, намерен это обсудить. Сейчас, по-моему, он способен наболтать что угодно и где угодно. Ты, например, в курсе, что он утверждает, будто Эдуард вовсе не сын Йорка? Что он бастард, сын лучника Блейбурна? А потому именно он, Георг, является законным наследником английского трона.

Я кивнула и процедила сквозь зубы:

— Эдуарду придется заставить его замолчать. Это не может дальше продолжаться.

— Да, Эдуарду следует заставить его замолчать, причем незамедлительно, — поддержал меня Энтони. — Иначе Георг свергнет вас и уничтожит династию Йорков. Ей-богу, так и произойдет. Вообще-то эмблемой вашей династии следовало бы выбрать не белую розу, а старинный знак вечности.

— Знак вечности? — переспросила я, надеясь, что Энтони как-нибудь меня приободрит, поскольку чувствовала: наступают самые мрачные дни нашего правления.

— Да. Это змея, прикусившая собственный хвост. Сыновья Йорка уничтожат друг друга, брат низвергнет брата, дядья станут пожирать племянников, отцы — обезглавливать собственных сыновей. Это династия, которой просто необходимо постоянно проливать чью-то кровь, даже кровь своих сородичей, когда иного врага под рукой нет.

Я нежно обняла свой большой живот, словно защищая еще не рожденное дитя от столь мрачных пророчеств.

— Не надо, Энтони. Не говори так.

— Но ведь это правда, — мрачно заметил он. — Дом Йорка падет. Что бы мы с тобой ни делали, как бы ни старались, Йорки сами себя пожрут.

Близилось время родов, и я на целых шесть недель удалилась в свою спальню с занавешенными окнами, оставив вопрос с Георгом нерешенным. Эдуард никак не мог придумать, как лучше действовать. Собственно, предательство одного брата другим, тем более в королевском семействе, — вещь для Англии далеко не новая, а уж для его семьи тем более. Но Эдуард испытывал настоящие муки совести.

— Оставь все как есть, пока я не рожу и не выйду из этой комнаты, — посоветовала я мужу,

стоя на пороге своих покоев. — Возможно, здравый смысл все же восторжествует и Георг еще станет молить тебя о прощении. Впрочем, мы все успеем, когда я вернусь в свет.

— Держись, милая, будь храброй и мужественной.

Эдуард глянул в сторону моей затемненной спальни, неярко освещенной огнем в камине; стены в ней казались голыми, потому что с них сняли все картины и иконы, ведь ничто не должно было повлиять на лицо и тело новорожденного. Эдуард наклонился ко мне и добавил:

— Я тебя еще навещу.

Я только улыбнулась. Эдуард всегда нарушал строгий запрет, согласно которому в покои роженицы могут входить только женщины.

— Принеси мне вина и засахаренных фруктов, — попросила я, называя запрещенные мне лакомства.

— Принесу, если ты покрепче меня поцелуешь.

— Эдуард, как тебе не стыдно!

— Ну, тогда поцелуешь, как только будет можно.

И Эдуард, отступив от двери, пожелал мне удачно разрешиться от бремени — по всем правилам, чтобы слышали придворные, — и низко поклонился. Я в свою очередь присела перед ним в реверансе и сделала шаг назад. Передо мной в последний раз мелькнули улыбающиеся лица придворных; двери затворили, и я осталась одна, если не считать няnek и повитух. Теперь мне в полном бездействии предстояло ждать, когда появится на свет очередной малыш.

Роды были трудными, затяжными, но все кончилось благополучно, и я наконец обрела его, мое сокровище, чудесного маленького мальчика. Это был настоящий Йорк, с редкими светлыми волосиками и голубыми, как яйцо малиновки, глазами. Он был такой крошечный и легкий, что, когда его положили мне на руки, меня вдруг охватил страх, уж очень беззащитным и уязвимым показался мне младенец.

— Он вырастет, — успокоила меня повитуха. — Маленькие дети быстро растут.

Я улыбнулась, легонько коснулась миниатюрной ручки сына, и он тут же повернул головку и зачмокал губами.

Первые десять дней я кормила его сама, потом была найдена здоровенная кормилица, которая приходила и забирала у меня ребенка. Когда я увидела, как кормилица, сидя на низенькой скамье, неторопливо, спокойно и нежно подносит моего мальчика к груди, в душе моей сразу возникла уверенность, что она непременно его полюбит и станет о нем заботиться. Малыша окрестили и нарекли именем Георг, как мы и обещали его неверному дяде; потом отслужили праздничную мессу, и я вышла из своей темной спальни на яркое августовское солнышко. Оказалось, что за время моего отсутствия новая любовница Эдуарда, эта шлюха Элизабет Шор, воцарившись во дворце, принялась там заправлять. Король прекратил свои пьяные загулы, перестал развлекаться с проститутками в лондонских банях и купил для любовницы дом поблизости от Вестминстера. С нею он и обедал, и спал, и вообще почти все время проводил в ее обществе. Весь двор, разумеется, знал об этом.

— Чтoб сегодня же духу ее здесь не было! — заявила я Эдуарду, когда он, великолепный в

своим алом, расшитом золотом халате, навестил меня в спальне.

— Кого? — с безмятежным видом произнес Эдуард.

С бокалом вина он уселся у камина — ну прямо-таки идеал невинного супруга. Махнув рукой, Эдуард отпустил слуг, и те моментально исчезли, прекрасно понимая, что зреет скандал.

— Твоей Шор! Неужели ты думал, что мне не передадут все дворцовые сплетни, как только я переступлю порог своей спальни? Странно, как это они ухитрились так долго держать язык за зубами! Зато не успела я шагнуть из часовни, как они, спотыкаясь и отталкивая друг друга, бросились мне доносить. Особенно участлива была Маргарита Бофор.

Эдуард засмеялся, скрывая смущение.

— Ты уж прости меня. Я даже не предполагал, что мои поступки вызовут такой интерес.

Я молчала в ответ на эти лживые слова.

— И потом, любимая, мне пришлось так долго ждать тебя, — снова стал оправдываться Эдуард. — Я все понимаю: сперва ты рожала, и роды были трудные, и я всем сердцем тебе сочувствовал, потом ты была поглощена заботами о малыше, но что ни говори, а всякому мужчине нужна теплая постель.

— Ну вот, теперь все позади, я вернулась, — ледяным тоном ответила я, — но твоя постель так и останется холодной. Тебя там будет ждать настоящий снежный сугроб вместо подушки и одеяла, если к завтрашнему утру она отсюда не уберется.

Эдуард потянулся ко мне, обнял, и я тут же почувствовала, как кружится голова от знакомого запаха его кожи, от прикосновений его нежных рук. Я наклонилась и поцеловала мужа в шею, а он проворковал:

— Ну же, любимая, ты ведь на меня не сердишься?

— Ты прекрасно видишь, что сержусь!

— Тогда пообещай, что простишь меня.

— Ты прекрасно знаешь, что я всегда тебя прощаю!

— Мне доложили, что нам уже можно спать вместе. Я так счастлив! А ты такая молодец, что родила еще одного мальчика. Ты такая чудесная. После родов ты всегда выглядишь такой аппетитной пышечкой. Ах, как я хочу тебя! Ну скажи, что теперь мы снова будем счастливы.

— Нет. Сначала ты мне кое-что скажи.

Рука Эдуарда скользнула в широкий рукав моего капота, обвивая и лаская мой локоть, потом мое плечо. Как и всегда, эти его интимные прикосновения вызывали в душе тот же трепет, что и занятия любовью.

— Все, что угодно. Что ты хочешь, чтобы я сказал?

— Что к завтрашнему утру ее здесь не будет!

— Хорошо, не будет, — вздохнул Эдуард. — Но знаешь, если бы ты пожелала с ней познакомиться, она бы тебе понравилась. Она веселая молодая женщина, очень начитанная и забавная. С ней приятно проводить время. И у нее чудесный характер. Пожалуй, это самая доброжелательная и милая из всех девушек, каких я когда-либо знал.

— Чтобы завтра же ее здесь не было, — отрезала я, не обращая ни малейшего внимания на это перечисление достоинств Элизабет Шор.

Можно подумать, мне важно, достаточно ли она начитанна! Можно подумать, что это важно самому Эдуарду! Что он способен правильно оценить ту или иную женщину! Да он всегда за любой женщиной охотился, точно распалившийся кобель за течной сукой. И я могла бы поклясться, что он понятия не имеет, насколько каждая из его бесчисленных шлюх начитанна и какой у нее в действительности характер.

— Первым делом, дорогая, первым делом. Я все исполню.

ЛЕТО 1477 ГОДА

В июне Эдуард приказал арестовать Георга, обвинил его в измене и отдал под суд. Судил его Тайный Королевский совет. Только мне известно, чего стоило моему мужу обвинить родного брата в заговоре с целью убийства. Эдуард тщательно скрывал свое горе и свой стыд. На заседание Королевского совета не пригласили ни одного свидетеля, да в них и не было нужды. Эдуард сам выступил с заявлением, что предательство имело место, и никто не осмелился оспорить выдвинутое королем обвинение. Впрочем, при дворе действительно не было, наверное, ни одного человека, которого Георг не потянул бы за рукав в каком-нибудь темном коридоре и не начал бы шепотом излагать свои безумные подозрения, а потом не пообещал бы значительного продвижения по службе, если его очередной собеседник заключит с ним союз против Эдуарда. Все видели, как Георг демонстративно отказывался от любого блюда, приготовленного по моему приказу в наших кухнях, как он бросал соль через плечо, прежде чем сесть с нами за обеденный стол, как сжимал кулаки и скрещивал пальцы, желая отвести от себя «ведьмины козни», когда я проходила мимо. Вряд ли хоть кто-то из придворных не понимал, что всем этим Георг не только копал себе яму, но и чуть ли не подписывался под признанием в предательстве. Но никто из членов Совета пока не знал, какое наказание намерен применить Эдуард к своему неверному брату. Члены Совета единодушно признали, что Георг, безусловно, виновен в предательстве, но меру пресечения ему так и не назначили. Никто из них даже не предполагал, как далеко зайдет король в борьбе с собственным братом, которого все еще любит.

ЗИМА 1477 ГОДА

Рождество мы праздновали в Вестминстере, но странный это был праздник, поскольку Георга на обычном месте в парадном зале уже не было, а его мать выглядела мрачнее грозовой тучи. Рождество Георг встретил в Тауэре, обвиненный в предательстве; его там, правда, отлично обслуживали и, не сомневаюсь, кормили и поили всласть, но всем было ясно: в действительности его место среди нас, да и его маленький тезка находился в детской, всех умилая. Самую большую радость мне доставляло то, что вместе со мной за праздничным столом сидели все мои дети. Из Ладлоу приехал Эдуард, а вместе с ним и мой сын от первого брака Ричард Грей. Томас вернулся из Бургундии после визита ко двору герцога. Да и все остальные дети, в том числе и маленький Георг, были веселы и здоровы.

В январе мы отпраздновали самую великолепную помолвку, какую когда-либо видела Англия: мой маленький принц Ричард был помолвлен с наследницей богатого состояния Анной Моубрей. Четырехлетнего принца и эту очаровательную малышку поставили на

пиршественный стол, накрытый по случаю, и они, одетые в чудесные свадебные наряды, держались за руки и напоминали прелестных куколок. Они должны были жить порознь, пока не достигнут брачного возраста, но это было великое дело — обеспечить моему сыну такое состояние, сделав его самым богатым принцем в истории Англии.

Миновал праздник Двенадцатой ночи, и сразу после него Эдуард явился ко мне и сообщил, что Совет требует поскорее принять решение относительно дальнейшей судьбы герцога Кларенса.

— И каково же оно будет, твое решение? — спросила я.

Меня одолевали мрачные предчувствия. Я думала о своих сыновьях — о следующих троих братьях Йорках: Эдуарде, Ричарде и Георге. Что, если и они волею судьбы пойдут друг против друга, как это случилось с их взрослыми тезками?

— Полагаю, мне придется быть последовательным, — печально отозвался Эдуард. — Наказание за предательство — смерть. У меня просто нет выбора.

ВЕСНА 1478 ГОДА

Королева-мать, гневно прошелестев мимо меня платьем, двинулась навстречу Эдуарду. Ей не терпелось обсудить с сыном ситуацию.

Эдуард опустил перед ней на колени за благословением, и она рассеянно положила руку ему на голову. Королева-мать явно не испытывала к Эдуарду никакой нежности, все ее мысли были теперь только о Георге. Я встала и слегка поклонилась ей. Едва удостоив меня ответным поклоном, она снова повернулась к сыну.

— Мама, я просто не знаю, как мне поступить, — обратился к ней Эдуард.

— Даже думать не смей казнить его. Он твой брат. Помни об этом.

Эдуард с несчастным видом пожал плечами.

— А вот Георг утверждает, что никакой он ему не брат, — вмешалась я, — что они с Эдуардом лишь сводные братья, что Эдуард — бастард, якобы рожденный вами, матушка, от одного английского лучника. Стало быть, он клеветает не только на нас, но и на вас. Георг вообще весьма щедро распускал гнусные слухи, не останавливаясь ни перед чем, навешивая позорные ярлыки. Меня, например, он назвал ведьмой, ну а вас, матушка, — шлюхой.

— Не верю, что Георг говорил нечто подобное, — сухо заявила королева-мать.

— Нет, мама, это правда. Он действительно так говорил и продолжает говорить, — подтвердил Эдуард. — Георг постоянно оскорбляет меня и Елизавету.

Но королева-мать смотрела на Эдуарда так, словно не видела в поведении Георга ничего дурного.

— Своей клеветой он подрывает основы дома Йорков, — заметила я. — Мало того, он нанял колдуна, чтобы навести порчу на короля.

— Он твой брат, — повторила моя свекровь, словно не слыша меня. — Тебе придется простить его, Эдуард.

— Он предатель, и ему придется умереть! — довольно резко возразила я. — Иного выхода нет. Разве можно простить заговор с целью убийства короля? В таком случае почему бы и потерпевшим поражение Ланкастерам вновь не начать плести интриги? Почему бы не простить арестованных нами французских шпионов? Почему бы не помиловать любого бандита с большой дороги, который вздумает явиться во дворец с ножом и нанести смертельный удар в грудь вашему сыну, самому лучшему из ваших сыновей?

— Георг был так разочарован, — не обращая на меня ни малейшего внимания, сокрушалась герцогиня Сесилия, пристально глядя на Эдуарда. — Если бы ты тогда позволил ему жениться на той девице из Бургундии, как он хотел, или хотя бы на той шотландской принцессе, ничего бы не случилось.

— Но я и тогда уже не мог ему доверять, мама, — честно признался Эдуард. — У меня нет ни малейших сомнений, что, будь у Георга собственное королевство, он бы тут же попытался завоевать и мое. А полученное им огромное состояние непременно использовал бы с целью собрать армию, вторгнуться на мою территорию и захватить трон.

— Он родился, чтобы стать великим, — не сдавалась Сесилия.

— Он родился третьим сыном в семье. — Эдуард, судя по всему, наконец-то собрался с духом и решил поспорить с матерью. — Он сможет стать правителем Англии только в том случае, если умру я, умрет мой старший сын и наследник Эдуард, а также мой второй сын Ричард и новорожденный Георг. Неужели ты, мама, предпочла бы такое развитие событий? Неужели ты хочешь моей смерти и смерти троих моих любимых сыновей? Неужели ты до такой степени предпочитаешь Георга всем остальным? Неужели ты желаешь мне зла, как желал его тот колдун, нанятый Георгом? Неужели ты могла бы приказать подбрасывать мне в пищу толченое стекло, а в вино подсыпать ядовитый порошок наперстянки?

— Нет! — Сесилия явно испугалась. — Конечно же нет. Ты сын и наследник своего отца, ты с честью завоевал свой трон. И после тебя на этом троне должен сидеть твой сын. Но Георг — мой сын. И сердце мое болит за него.

Эдуард только зубами скрипнул и молча отвернулся к камину. Некоторое время он стоял, опустив плечи и ни на кого не глядя, и мы ждали, когда он снова заговорит.

— Единственное, что я могу сделать для тебя и для него, — промолвил он наконец, — это позволить ему выбрать, какой смертью он предпочтет умереть. Но умереть ему придется. Если он попросит послать за французским фехтовальщиком, я это сделаю. Ему вовсе не обязательно принимать смерть от руки палача. Это также может быть яд, и он даже сможет принять его в полном уединении. Это может быть кинжал, который ему положат на обеденный стол, а остальное он сделает сам. В любом случае это будет не публичная казнь: никакой толпы, никаких лишних свидетелей. Если он захочет, все свершится прямо в Тауэре. Он может просто лечь в постель и вскрыть себе вены на запястьях. И рядом не будет никого, кроме священника, если таким будет желание Георга.

Герцогиня Сесилия, не сдержавшись, охнула, казалось, она задыхается — такого она явно не ожидала. Я почти не шевелилась, внимательно наблюдая за ними обоими. Я и сама не думала, что Эдуард решится пойти так далеко.

— Мама, я очень сочувствую твоей утрате, — добавил он, глядя в потрясенное лицо матери.

Королева-мать побелела.

— Ты его простишь!

— Ты и сама должна понимать, что я не могу этого сделать.

— Я приказываю тебе! Я твоя мать! Ты мне подчинишься!

— А я король. И он не имеет права выступать против меня. Он должен умереть.

Сесилия повернулась ко мне.

— Это все твоих рук дело.

Я только плечами пожала.

— Георг сам себя убил, миледи. Вы не можете обвинять ни меня, ни Эдуарда. Георг сам не оставил выбора своему королю. Он его предал, предал наше дело, он представляет опасность для нас и наших детей. Вы прекрасно знаете, что случается с теми, кто претендует на королевский трон. Это ведь обычный путь для сыновей дома Йорков, не правда ли?

Сесилия молчала. Потом подошла к окну и прислонилась лбом к толстому стеклу. Я смотрела на ее спину, на ее напряженные плечи и думала о том, каково это: осознавать, что твой сын должен погибнуть. Однажды я пообещала, что и она испытает ту боль, какую испытала моя мать, узнав о казни сына. И вот теперь я видела, как эта боль терзает герцогиню Сесилию.

— Мне этого не вынести. — Ее голос зазвенел от горя. — Это же мой сын, самый любимый мой сын. Как можете вы отнять его у меня? Лучше б я сама умерла, чем дожить до этого дня. Мой Георг, мой дорогой мальчик... Нет, я не могу поверить, что ты пошлешь его на смерть, Эдуард!

— Мне очень жаль, — с мрачным видом произнес мой муж, — но у меня нет другого выхода. Он должен умереть.

— Но он сможет сам выбрать, как ему умереть? — И этим вопросом Сесилия подтвердила, что окончательно сдалась. — Ты ведь не отдашь его палачу?

— Да, он сможет сам выбрать, как умереть, но умереть ему придется, — ответил Эдуард. — Это его вина, что он превратил наши взаимоотношения в неразрешимую проблему. Он сам вступил со мной в борьбу.

Моя свекровь повернулась и, не вымолвив больше ни слова, направилась к дверям. И на мгновение — всего лишь на мгновение! — мне стало жаль ее.

Георг всегда был глупцом и смерть себе выбрал дурацкую.

— Он хочет, чтобы его утопили в бочке с вином, — сообщил мне Энтони, вернувшись с заседания Королевского совета.

Я сидела в кресле-качалке посреди детской, держа на руках маленького Георга и мечтая об одном: пусть все это поскорее кончится, тезка моего маленького принца умрет и навсегда исчезнет из нашей жизни.

— Ты, кажется, пытаешься шутить?

— Нет, по-моему, это Георг пытается шутить.

— Но что он имеет в виду?

— Полагаю, именно то, что и сказал. Он хочет, чтобы его утопили в бочке с вином.

— Он действительно так сказал? Его правильно поняли?

— Я только что с заседания Совета. Георг пожелал быть утопленным в вине, если уж ему суждено умереть.

— Смерть пьянчуги! — воскликнула я; мне даже думать об этом было противно.

— Наверное, таким образом он надеется отомстить своему брату.

Я прижала к себе сынишку и нежно погладила его по спинке, словно защищая от всех жестокостей этого мира.

— Вообще-то я мог бы придумать способ и похуже, — заметил Энтони.

— А я могла бы придумать способ и получше. Я бы, наверное, предпочла, чтобы меня повесили, а не утопили, держа головой вниз в бочке с вином.

Энтони пожал плечами.

— Возможно, Георг уверен, что своей выходкой высмеивает и короля, и вынесенный Советом смертный приговор. А может, надеется, что заставит Эдуарда простить его и отменить столь страшную смерть, поистине достойную лишь жалкого пьяницы. Или рассчитывает, что церковь выразит протест и потребует отсрочки приговора, а ему под шумок удастся улизнуть.

— Только не в этот раз, — отрезала я. — Кончилось его везение пьяницы; он вполне заслуживает такого конца. Где свершится казнь?

— В его покоях, в лондонском Тауэре.

Я вздрогнула и прошептала:

— Прости его, Господи. Что за ужасный выбор!

Все сделал палач. На этот раз он отложил свой топор, но черную маску на голове все же оставил. Палач был крупным мужчиной с большими сильными руками, да к тому же взял с собой помощника. Они вдвоем вкатили бочонок мальвазии в комнату Георга, и Георг, этот клоун, устроил целое представление: смеялся во весь рот, а потом стал задыхаться, хватая ртом воздух, и лицо его вдруг словно полиняло и совершенно побелело от страха.

Специальными рычагами палач с помощником открыли крышку, подставили Георгу под ноги какой-то ящик, и Георг, перегнувшись через бортик, увидел в колышущейся поверхности вина отражение своей испуганной физиономии. Аромат мальвазии заполнил уже всю комнату, и Георг вдруг пробормотал: «Аминь!» — положив конец той молитве, которую произносил священник, словно не понимая, по ком эту молитву читают.

Когда стало тихо, Георг сунул голову в бочонок, точно кладя ее на плаху, приблизил лицо к рубиновой поверхности мальвазии и стал пить огромными глотками, будто надеясь до дна выхлебать эту смертоносную жидкость. Затем, словно давая сигнал палачу, Георг убрал руки с краев бочонка, и его, крепко держа за волосы и за воротник, опустили глубоко в ароматную мальвазию, отчасти даже приподняв над полом. Ноги Георга задергались в воздухе, словно он плыл по-лягушачьи, вино стало выплескиваться на пол, а тело все извивалось, пытаясь вырваться, и мальвазия ручьями лилась прямо на ноги палачам. Потом послышались жуткие звуки, походившие на рвоту, — это у несчастного из легких выходил воздух. Священник, отступив подальше от страшной красноватой лужи на полу, продолжал читать молитвы; голос его звучал ровно и был полон благоговения. Двое палачей между тем по-прежнему удерживали Георга, этого самого глупого из сыновей Йорка, головой вниз, и вскоре тот перестал брыкаться, ноги его обмякли, и с поверхности исчезли пузырьки воздуха. Запах в

комнате стоял как в старой пивной после попойки.

Я, находясь той полночью в Вестминстерском дворце, поднялась с постели, прошла в свою гардеробную, достала с верхней полки шкафа, где хранились мои меха, небольшую шкатулку с дорогими моему сердцу вещами и открыла ее. Там, в старом медальоне из почерневшего серебра — от старости оно почернело уже настолько, что напоминало эбеновое дерево, — лежал клочок бумаги, оторванный от предсмертного письма отца. На нем моей кровью было написано имя Георга, герцога Кларенса. Я смяла бумажку, швырнула ее в камин, на еще горячие угли, и смотрела, как она шевелится, разворачиваясь как живая, и вспыхивая ярким пламенем. Я сдержала свое слово, и проклятие мое свершилось.

— Все, теперь уходи, — сказала я вслед Георгу, чье имя улетало вместе с дымом. — Пусть ты станешь последним из Йорков, погибших в лондонском Тауэре. Пусть отныне будет поставлена точка, как я и обещала своей матери. Пусть на этом все и закончится.

Жаль, в тот момент я не вспомнила предостережений матери, что гораздо легче спустить зло с поводка, чем призвать его обратно. Любой дурак может вызвать ветер своим свистом, но разве дурак знает, куда потом подует этот ветер и когда он утихнет?

ЛЕТО 1478 ГОДА

Мой маленький Эдуард, его сводный брат Ричард Грей и Энтони зашли ко мне попрощаться перед отъездом. Мне невыносимо было расставаться с ними прилюдно. Я не желала, чтобы все видели, как я рыдаю, глядя им вслед. Я с такой силой прижимала Эдуарда к груди, словно боялась, что нас с ним разлучат навсегда. О, как мне не хотелось его отпускать! А Эдуард ласково смотрел на меня своими карими глазами, потом взял мое лицо в свои ладони.

— Не плачь, мама, — успокаивал он. — О чем же тут плакать? Я ведь обязательно приеду на следующее Рождество. Да и ты можешь навестить меня в Ладлоу, ты и сама это знаешь.

— Да, знаю, — только и смогла вымолвить я.

— Было бы здорово, если бы ты взяла с собой нашего маленького Георга, я бы тогда научил его ездить верхом. А уж Ричарда ты могла бы полностью мне доверить, я бы о нем отлично позаботился.

— Да-да, конечно.

Я очень старалась держаться, но в голосе моем звенели слезы.

Ричард Грей обнял меня за талию. Теперь он был совсем взрослым, выше меня ростом.

— Не тревожься, я глаз с него не спущу, — пообещал он. — Но ты и впрямь должна к нам приехать. И непременно привози с собой всех моих братьев и сестер. Хорошо бы вы все лето у нас гостили!

— Мы обязательно приедем, — заверила я.

И повернулась к Энтони, но не успела даже начать перечислять то, что меня беспокоит, потому что брат сразу меня перебил:

— Ты уж поверь, дорогая сестрица, мы отлично о себе позаботимся. И на следующий год я

непрерывно доставлю тебе Эдуарда целым и невредимым. Не беспокойся: я не брошу его даже ради Иерусалима. Я не покину его до тех пор, пока он сам мне не прикажет. Ты довольна?

Я кивнула, смаргивая с ресниц слезы. Новая тревога возникла у меня в душе после этих фраз: а что, если Эдуард возьмет и отпустит Энтони, разрешит ему путешествовать? Мне показалось, что всех нас накрыла темная тень.

— Сама не знаю, что со мной творится, — призналась я брату, — но почему-то я страшно боюсь за Эдуарда; этот страх охватывает меня каждый раз, когда приходится расставаться с вами троими. Если бы ты понимал, чего мне стоит отпустить от себя Эдуарда.

— Я буду беречь его как зеницу ока. Не пожалею даже собственной жизни, — очень серьезно произнес Энтони. — Этот мальчик мне дороже всего на свете, и пока я рядом, с ним ничего плохого не случится. Даю тебе слово.

Энтони поклонился и направился к дверям. Маленький Эдуард в точности повторил изящный поклон своего дяди, а Ричард еще и кулак к сердцу прижал, что означало: «Я тебя люблю».

— Будь счастлива, — обернувшись на пороге, добавил Энтони. — И не переживай: я же пообещал, что буду беречь твоего мальчика как зеницу ока.

И они ушли.

ВЕСНА 1479 ГОДА

Мой малыш Георг родился слабеньким и хрупким, а на втором году жизни вдруг и вовсе стал хиреть. Врачи никак не могли понять, что с ним. Няньки в один голос советовали каждый час кормить его овсяной кашей и молоком. Мы попробовали этот рецепт, но сил у Георга не прибавилось.

Его старшая сестра Елизавета, которой уже исполнилось тринадцать, приходила к нему каждый день и подолгу с ним играла: помогала ходить, держа его за крошечные ручки, рассказывала всякие сказки и занимательные истории — в общем, делала все, лишь бы Георг проглотил хоть одну лишнюю ложечку каши. Но даже Елизавета заметила, что братик совсем перестал расти и все больше слабеет, а его маленькие ручки и ножки напоминают палочки.

— Нельзя ли выписать хорошего врача из Испании? — обратилась я к Эдуарду. — Энтони уверял, что среди тамошних мавританских лекарей есть настоящие мудрецы.

Эдуард тоже выглядел усталым от беспокойства и огорчения, он очень тревожился о своем милым сынке.

— Выписывай кого хочешь и откуда хочешь, любовь моя, — ответил он. — Но все же наберись мужества. Наш малыш всегда был очень хрупким. Он и родился-то крошечным. Ты и так сделала все, что могла, позволив ему прожить с нами так долго.

— Не говори так. — Я решительно помотала головой. — Георг непременно поправится. Вот наступит лето, и он поправится. Уж летом-то наверняка!

Я часами просиживала в детской, держа Георга на коленях и ложку за ложкой вливая ему в ротик жидкую кашу. То и дело я прижималась ухом к его грудке и слушала слабое трепетание

сердечка.

Мне все твердили, что Господь и так благословил нас, подарив двух сильных, здоровых сыновей и обеспечив наследование трона Йорков. Но я этих глупых утешителей даже взглядом не удостоивала. Я нянчила маленького Георга отнюдь не потому, что он был наследником дома Йорков. Просто я очень его любила. Я вовсе не стремилась к тому, чтобы он стал прекрасным принцем. Я хотела одного: пусть он вырастет сильным и здоровым.

Это был мой мальчик, и я не могла допустить его смерти, к тому же совсем недавно ушла от нас его сестренка. Я не могла допустить, чтобы Георг умер у меня на руках, как дочка умерла на руках у моей матери, когда они обе вместе покинули меня. Я почти не оставляла детскую в течение дня и даже ночью то и дело заходила посмотреть, как Георг спит, но уже было ясно: ни здоровее, ни сильнее мой малыш не становится.

Однажды мартовским днем я сидела с сыном в кресле-качалке и баюкала его, тихонько напевая какую-то глупую полузабытую песенку времен моего детства — старую бургундскую колыбельную.

Мальчик уснул, и я замолчала, перестала качаться и замерла в полной тишине, окутанная каким-то странным покоем. Потом машинально приложила ухо к груди сына с целью в очередной раз послушать слабое биение его сердечка и... ничего не услышала. Я почти прижалась щекой к его носику, к его губам, надеясь почувствовать теплое младенческое дыхание, но не ощутила даже самых слабых колебаний воздуха. Мой маленький Георг по-прежнему лежал в моих объятиях, теплый и мягкий, точно певчая птичка, но его здесь уже не было. Он ушел от меня. Я его потеряла.

И я вдруг снова услышала звуки той самой колыбельной, которую только что пела ему; песенка звучала тихо-тихо, словно шелест ветра, и я поняла: теперь Мелюзина качает и баюкает его, а значит, мой мальчик покинул меня навсегда.

Потом все старались меня успокоить, напоминали, что у меня есть Эдуард, что я счастливица, раз мой сын, которому уже восемь лет, растет таким красивым, здоровым и сильным. Меня уверяли, что я должна радоваться и второму сыну, пятилетнему Ричарду, и я улыбалась, потому что оба моих сына и впрямь приносили одну только радость. Но это ничуть не умаляло тяжести моей утраты. Разве кто-то мог заменить моего Георга, моего чудесного малыша с голубыми глазами и мягкими пушистыми светлыми волосиками?

А через пять месяцев после смерти Георга мне опять пришлось затвориться в своей спальне в преддверии очередных родов. Мальчика я не ждала. Я даже представить себе не могла, как один ребенок может заменить другого. Но оказалось, что маленькая Екатерина появилась как раз вовремя: она сумела отчасти нас утешить, и жизнь в детской вновь закипела, а в колыбельке появилась еще одна принцесса Йоркская. Прошел еще год, и у меня родилась сестренка Екатерины, моя маленькая Бриджит.

— Мне кажется, это наш последний ребенок, — с грустью сообщила я Эдуарду, выйдя из родильных покоев.

Я опасалась его слов: он вполне мог заявить, что я просто старею. Однако Эдуард с улыбкой посмотрел на меня, словно мы все еще были юными любовниками, и поцеловал мне руку.

— Ни один мужчина не может просить свою любимую о большем, — с неподдельной нежностью сказал Эдуард. — Ни одна королева не приложила столько трудов, сколько ты, чтобы подарить мужу такую большую чудесную семью. И знаешь, я даже рад, что эта девочка станет нашей последней.

— Разве ты не хочешь еще одного мальчика?

Эдуард покачал головой.

— Я хочу обладать тобой просто для удовольствия, обнимать тебя только ради любви и страсти. И знай: мне нужны твои поцелуи, а не еще один наследник трона. Будь уверена: я люблю тебя просто за то, что ты — это ты, и ради этого прихожу в твою спальню. Я никогда не воспринимал тебя как породистую Йоркскую кобылу.

Я откинула назад голову и посмотрела на мужа из-под ресниц.

— Значит, ты намерен спать со мной ради любви, а не ради рождения детей? Но разве это не грех?

Теплая рука Эдуарда обвила мою талию, а его ладонь ласково сжала мою грудь.

— Я постараюсь доказать тебе, что это самая настоящая расчудесная греховная любовь, — пообещал он.

АПРЕЛЬ 1483 ГОДА

Погода стояла не по сезону холодная, вода в реках сильно поднялась. Мы в Вестминстере собирались праздновать Пасху, и я, глядя из окна на полноводную Темзу, все думала, как за широким, бурным Северном поживает мой сынок Эдуард. Казалось, Англия превратилась в страну сплошных пересекающихся водных путей — рек, озер, ручьев — и Мелюзину здесь можно было встретить повсюду: Англия превратилась в край, поистине созданный ее стихией.

Мой муж, человек в высшей степени сухопутный, вдруг захотел пойти на рыбалку и провел там весь день. Домой он явился насквозь мокрый, но очень веселый и настоял, чтобы на обед нам непременно приготовили того лосося, которого он собственноручно поймал в реке. Рыбину действительно внесли в обеденный зал на высоко поднятом подносе под торжественные звуки фанфар: еще бы, это же королевский улов!

А ночью Эдуарда стало знобить, у него начался жар, и я даже выбрала его за то, что он так рисковал своим здоровьем, — шутка ли, промок и замерз, как мальчишка. На следующий день ему стало хуже, он лишь ненадолго поднялся, но вскоре опять лег, чувствуя сильную слабость. А еще через день врач предложил пустить ему кровь, но Эдуард стал ругаться и заявил, что «эти лекаришки» не посмеют его тронуть. И я сказала врачам: пусть будет так, как хочет король. А сама все сидела возле мужа, пока он спал, не сводила глаз с его покрасневшего от жара лица и убеждала себя: это скоро пройдет, это всего лишь легкое недомогание, это не чума и не опасная лихорадка, а мой Эдуард — сильный мужчина, и здоровье у него отменное, просто он немного простудился, но наверняка уже через неделю избавится от этой напасти.

Однако лучше Эдуарду не становилось. К тому же он начал жаловаться на острую боль в животе и приливы страшного жара. В течение недели весь двор был объят страхом, я же и вовсе пребывала в состоянии безмолвного ужаса. От врачей толку было мало: они не понимали, что с королем такое, чем вызваны приступы жара и как можно вылечить этот странный недуг. Эдуард не мог удержать в себе ни кусочка пищи. Все съеденное он тут же извергал обратно, а с болями в животе сражался так мужественно, словно это была его новая война. Я не спала ночами, неотлучно находясь при муже, и моя дочь Елизавета почти все

время была рядом; нам также помогали две опытные и мудрые знахарки, которым я доверяла. Гастингс, друг детства Эдуарда и постоянный товарищ во всех делах и забавах, включая и ту распроклятую рыбную ловлю, тоже глаз не смыкал, дежуря в соседней комнате. А королевская шлюха Шор, как мне доложили, прямо-таки поселилась в Вестминстерском аббатстве и все стояла на коленях у алтаря, моля Бога спасти от смерти своего возлюбленного.

— Позвольте мне навестить его, — умолял меня Уильям Гастингс.

— Нет. Король тяжело болен, — отвечала я, холодно на него глядя. — И ему сейчас не нужны такие приятели, которые только и знают, что таскать его по девкам, пить с ним вино или играть в карты. Вы ему сейчас не нужны, милорд. Его здоровье подорвано по вашей милости — вашей и таких, как вы. А мне теперь приходится выхаживать Эдуарда, и уж если я сумею поставить его на ноги, то постараюсь, чтобы он никогда ни с кем из вас больше не общался.

— И все же позвольте мне его навестить, — повторял Гастингс, даже не пытаясь себя защитить. — Я только посмотрю на него. Мне невыносимо так долго быть с ним в разлуке.

— Ладно, жди здесь, как верный пес, — велела я. — Или возвращайся к этой шлюхе Шор и сообщи ей, что теперь она может сменить хозяина и переметнуться к тебе, поскольку король больше не станет иметь дело ни с ней, ни с тобой.

— Хорошо, я подожду, — смиренно откликнулся Гастингс — Ведь Эдуард непременно обо мне спросит. Непременно захочет меня видеть. Он же знает, что я здесь, у его дверей, и никуда отсюда не уйду.

Я молча прошла мимо него и быстро закрыла за собой дверь в спальню короля, не давая Гастингсу возможности даже одним глазком взглянуть на Эдуарда, которого он так любил и который в те минуты метался на своей широкой кровати под балдахином, тщетно пытаясь набрать в грудь достаточно воздуха.

Когда я появилась, Эдуард поднял на меня глаза.

— Елизавета...

Я взяла его за руку.

— Да, любимый?

— Ты помнишь, как тогда, после бегства, я вернулся домой и рассказал тебе, что мне впервые в жизни страшно?

— Помню.

— Мне снова так же страшно.

— Ничего, ты скоро начнешь поправляться, — попыталась я шепотом утешить его. — Ты непременно поправишься, дорогой мой.

Эдуард кивнул и устало прикрыл глаза.

— Что, Гастингс так и стоит под дверью? — поинтересовался он.

— Нет, — солгала я.

Эдуард улыбнулся.

— Я хочу его видеть.

— Не сейчас. Ты еще слишком слаб для приема посетителей.

Сдаваться я не собиралась. Я погладила мужа по голове, чувствуя, что горячий лоб его прямо-таки обжигает мою ладонь. Намочив полотенце в воде с лавандой, я осторожно и нежно обтерла ему лицо.

— Елизавета, приведи ко мне Гастингса. И всех членов моего Совета, которых найдешь во дворце. И пошли за моим братом Ричардом.

На секунду мне показалось, что и я заразилась от Эдуарда тем же недугом — такая острая боль вдруг пронзила мои внутренности. Но потом я поняла: это просто страх.

— Тебе необязательно сейчас их принимать, Эдуард. Тебе нужно отдыхать, набираться сил...

— Приведи их всех! — настаивал Эдуард.

Я повернулась и весьма резким тоном велела сиделке немедленно передать страже приказ короля. Та бросилась к дверям. Спустя всего несколько мгновений по всему дворцу разнеслась весть: король созывает своих советников — и все сразу поняли, что он умирает. Я подошла к окну и встала спиной к реке. Мне не хотелось смотреть на воду, на мерцание русалочьего хвоста, не хотелось слышать пение Мелюзины, предупреждающей о приходе смерти. В королевские покои вереницей потянулись лорды: Стэнли, Норфолк, Гастингс, кардинал Томас Бушер, мои братья, мои кузены, мои зятья и прочие свойственники и еще с полдюжины других важных персон. Среди собравшихся были могущественнейшие люди королевства, находившиеся рядом с моим мужем с первых дней его борьбы за трон, но были и те, кто, подобно лорду Стэнли, всегда умел вовремя переметнуться на сторону победителя. С каменным лицом я глядела на них, и они мрачно, без улыбки кланялись мне.

Сиделки приподняли Эдуарда, подоткнув ему под спину подушки, чтобы он мог видеть свой Совет. Глаза Гастингса наполнились слезами, лицо исказилось гримасой боли. Эдуард протянул ему руку, и они так крепко сплели пальцы, словно оба надеялись: уж Гастингс-то сумеет вытащить его, своего лучшего друга, удержать на этом свете, заставить жить.

— Боюсь, мне недолго осталось, — хрипло произнес Эдуард.

— Нет, — тихо отозвался Гастингс. — Не говори так, не надо.

Но Эдуард уже отвернулся от него и обратился ко всем присутствующим:

— Я оставляю малолетнего сына. Я надеялся увидеть, как Эдуард вырастет и станет мужчиной. Я надеялся, что оставлю в качестве своего преемника взрослого человека. Но случилось так, что мне приходится доверить вам заботу о мальчике.

Я прижала к губам стиснутую в кулак руку, сдерживая рыдания, и, подобно Гастингсу, невольно воскликнула:

— Нет!

Эдуард снова повернулся к своему другу Гастингсу.

— Уильям...

— Да, господин мой.

— Все вы, мои друзья, и ты, моя королева...

Я тут же подошла к постели Эдуарда, и он вложил мою руку в руку Гастингса, словно венчая нас.

— Все вы должны быть заодно. Действовать сообща. Оставьте былую неприязнь, соперничество и ненависть. Вам предстоит совместно решать множество вопросов. Я понимаю, у каждого из вас хватает обид, забыть которые вы не в силах. Но вам придется забыть о них. Вам необходимо стать единым целым, дабы оградить моего сына от опасностей и посадить его на трон. Я прошу вас об этом, требую от вас этого — требую со смертного ложа. Сделаете ли вы все, как я сказал?

А я думала о том, сколько лет ненавидела Гастингса, самого близкого и дорогого друга Эдуарда, вечного соучастника всех его молодецких попок и развлечений, боевого товарища Эдуарда, бок о бок участвовавшего с ним во всех сражениях. Я хорошо помнила, как сэр Уильям Гастингс с первой минуты выказал мне откровенное презрение; помнила, как он смотрел на меня, сидя на боевом коне, а я, жалкая попрошайка, стояла на обочине дороги. Гастингс противился взлету моей семьи, вечно настаивал, чтобы король больше прислушивался к другим советникам и чаще принимал на службу своих друзей, а не родственников жены. Я видела, что и сейчас Гастингс глядит на меня холодно, хотя глаза его полны слез; наверное, он по-прежнему считает, что тогда, на обочине дороги, я навела колдовские чары на юного Эдуарда, желая погубить его. Гастингсу не дано было понять, что же в действительности случилось в тот день между нами — молодыми мужчиной и женщиной. Да, это была магия, и имя ей было — любовь!

— Я буду сотрудничать с милордом Гастингсом ради безопасности нашего сына, — пообещала я Эдуарду. — Я стану сотрудничать с любым из членов Совета, я отброшу все зло и все обиды во имя того, чтобы наш сын со временем спокойно взошел на престол.

— И я, — подал голос Гастингс.

Следом за ним и все остальные эхом откликнулись: «И я, и я...»

— Опекуном Эдуарда я назначаю своего брата Ричарда, — заявил мой муж.

Вздвогнув, я попыталась выдернуть руку, но Гастингс держал ее крепко.

— Как вам будет угодно, сир, — ответил он, не сводя с меня тяжелого взгляда.

Гастингс прекрасно знал, что меня возмущает и поведение Ричарда, и то, какие силы он собрал на севере под своим началом.

— А как же Энтони? — прошептала я, как бы подсказывая Эдуарду, что именно мой брат всегда был воспитателем, опекуном и защитником нашего сына.

— Нет, — упрямо произнес Эдуард. — Его опекуном будет Ричард, герцог Глостер; мой брат получит титул протектора, станет управлять нашим королевством и защищать его, пока принц Эдуард окончательно не вступит в свои права и не займет трон.

— Нет, нет, — невольно пробормотала я.

Ах, если б я могла остаться с королем наедине! Я бы доказала, что только в том случае, если он назначит протектором Энтони, мы, Риверсы, сумеем сохранить мир и безопасность в стране. Ричард же угрожал моей власти. Я хотела, чтобы моего сына со всех сторон окружали только члены моей семьи, чтобы в созданном мной новом правительстве, которое будет работать от имени моего сына, не было никого из Йорков или из их ближнего окружения. Я мечтала видеть на английском троне истинного сына Риверсов!

— Так вы клянетесь мне в этом? — настаивал Эдуард.

— Клянемся, — дружно откликнулись лорды.

И Гастингс, глядя на меня в упор, уточнил:

— А вы, ваша милость? Клянётесь ли вы, что примете герцога Глостера в качестве лорда-протектора и опекуна принца Эдуарда, как поклялись и мы, обещая сделать вашего сына королем?

Разумеется, я клясться не стала. Ричард давно перестал быть мне другом; он и без того, по сути дела, правил уже половиной Англии. С какой стати мне доверять ему? Почему я должна была верить, что он посадит на трон моего сына, а не займет этот трон сам, ведь он тоже принц Йоркский? И он вполне может воспользоваться своим новым положением и захватить английскую корону. У него ведь тоже есть сын и наследник, которого ему родила маленькая Анна Невилл; и этот мальчик вполне мог бы стать принцем Уэльским вместо моего сына. Так почему бы Ричарду, который столько раз сражался за Эдуарда, не сразиться еще раз, но уже за себя самого?

Лицо Эдуарда стало серым от усталости.

— Поклянись, Елизавета, — прошептал он. — Ради меня. Ради нашего сына.

— Неужели ты думаешь, что благодаря этому наш сын окажется в безопасности?

Эдуард кивнул.

— Да, это единственный способ обеспечить его будущее. Но все вы должны прийти к согласию — ты, лорды, Ричард...

И я поняла, что угодила в ловушку.

— Хорошо, клянусь, — сказала я.

Эдуард сразу отпустил наши руки и без сил упал на подушки, а Гастингс, воя, как пес, рухнул на колени возле постели короля, пряча лицо в покрывалах. Эдуард на ощупь, точно слепой, отыскал голову своего старого друга и коснулся ее благословляющим жестом. И сразу все молча потянулись к выходу. Остались только мы с Гастингсом — по обе стороны от ложа умирающего короля.

У меня не было времени горевать, я не успела даже просто осознать величину своей утраты. Но сердце мое разрывалось от тоски, ведь ушел тот единственный мужчина, которого я действительно любила, единственный, кого буду любить до конца дней своих. Мой Эдуард, мой прекрасный принц, подъехавший на боевом коне именно в тот момент, когда я ждала его. Мой возлюбленный. Нет, у меня не было времени думать об этом! Будущее моего сына и моей семьи полностью зависело от того, сколь твердо я буду в своих намерениях, сколь долго глаза мои будут оставаться сухими и сохранять зоркость.

В ту ночь я написала своему брату Энтони.

Король умер. Как можно скорее привези нового короля Эдуарда в Лондон. Возьми с собой в качестве королевской охраны всех людей, какие есть у тебя под началом, — они нам понадобятся. Эдуард поступил весьма неразумно, назначив лордом-протектором своего брата Ричарда, герцога Глостера. Ричард в равной степени ненавидит и тебя, и меня — как за то, что король любил нас, так и за ту власть, которой мы обладаем. Необходимо

немедленно короновать Эдуарда, мы должны защитить и его, и себя от герцога Глостера, который никогда не отдаст титул протектора без боя. Постарайся по пути собрать войско и прихватить то оружие, что хранится в тайниках. Готовься к битве: не исключено, что тебе придется защищать нашего наследника. А я постараюсь по возможности отсрочить объявление о кончине короля, чтобы Ричард, который по-прежнему находится на севере, как можно дольше не знал о происшедшем. Так что поспеши. Елизавета.

Однако я понятия не имела, что одновременно со мной Гастингс пишет Ричарду, пятная бумагу слезами, но сохраняя почерк вполне разборчивым. В своем письме он сообщил, что семейство Риверс сплачивает силы и войска вокруг принца Эдуарда, и если Ричард действительно хочет стать протектором и уберечь юного принца от его хищной родни, то должен поскорее явиться в Лондон и привести с собой столько людей, сколько сможет собрать на дорогом его сердцу севере. Иначе, писал Гастингс, принца успеют похитить его собственные сородичи. Свое послание Гастингс завершил так:

Король все оставил под твоей защитой — свое состояние, своего наследника, свое королевство. Ты должен обеспечить безопасность нашего государя Эдуарда V, а потому постарайся прибыть в Лондон как можно скорее, прежде чем эти Риверсы наводнят город своими людьми и сторонниками и вытеснят нас из столицы.

Прежде я и представить не могла — не позволяла себе даже думать об этом! — что при всей своей боязни бесконечных войн за английский трон именно я начну новую войну и на кону на сей раз окажется не только корона, но и жизнь моего возлюбленного сына.

Ричард похитил моего мальчика.

Ричард передвигался значительно быстрее, был куда лучше вооружен да и настроен куда более решительно, чем мы предполагали. Ричард действовал так же быстро и целеустремленно, как на его месте действовал бы мой муж Эдуард, и был так же безжалостен. Он подстерег моего сына на пути в Лондон, распустил тех людей из Уэльса, которые были верны принцу и мне, арестовал моего брата Энтони, моего сына Ричарда Грея и нашего родственника Томаса Бона и взял Эдуарда под свою «надежную защиту». Великий Боже! Моему сыну не исполнилось и тринадцати лет, у него еще голос не начал ломаться, и подбородок был нежным, как у девочки, только над верхней губой пробивался мягкий пушок, который, правда, можно было разглядеть только в профиль и на свету. Но когда Ричард отослал прочь верных слуг Эдуарда, забрал дядю Энтони, которого мальчик только что не обожествлял, и сводного брата, которого он любил всем сердцем, мой Эдуард стал решительно противиться и, с трудом сдерживая дрожь в голосе, заявил, что его отец, несомненно, мог окружить его только хорошими людьми, а потому он желает сохранить их у себя на службе.

Эдуард был просто ребенком. Как мог он противостоять этим закаленным в сражениях взрослым людям, настроенным на злодеяние? И все же, когда Ричард сообщил Эдуарду, что Энтони, который чуть ли не с рождения был моему сыну другом, опекуном и защитником, и Ричард Грей должны его покинуть, мальчик попытался защитить их. Он сказал, что уверен: его дядя Энтони не только очень хороший человек, но и прекрасный опекун, а сводный брат Ричард всегда был ему не только родственником, но и лучшим другом. Эдуард заверил, что его дядя Энтони, истинный рыцарь, ни разу в жизни не совершил ни одного недостойного поступка. Герцог Глостер выслушал Эдуарда и пообещал в ответ, что все в итоге разрешится само собой, но в Лондон его сопровождать будут он сам и герцог Бекингем. Вот уж чего я

никак не ожидала, ведь герцог Бекингем некогда находился под моей опекой, и я, хоть и против его воли, устроила его брак с моей младшей сестрой Екатериной. Странно, что герцог тоже оказался в этой компании.

Увы, мой Эдуард был всего лишь мальчиком. И всегда находился под неусыпной и нежной опекой. Он растерялся. Он просто не знал, как ему спорить с дядей Ричардом, с ног до головы одетым в черное, с мрачным, как грозовая туча, лицом и с двухтысячным войском, полностью готовым к бою. Так что Эдуарду пришлось отпустить и дядю Энтони, и брата Ричарда. Да и как он мог их спасти? Эдуард горько плакал — мне потом рассказывали об этом, — плакал, точно маленький ребенок, которого никто не слушает, которому никто не желает подчиняться.

МАЙ 1483 ГОДА

Вестминстерский дворец гудел как улей. Елизавета, моя семнадцатилетняя дочь, примчалась ко мне и закричала с порога:

— Мама! Что происходит?

— Мы переезжаем в убежище, — кратко объяснила я. — Так что поскорее собери все, что нужно тебе, а также детскую одежду. И непременно проверь, чтобы из наших покоев в убежище перенесли ковры и гобелены. Да не забудь свою шкатулку с драгоценностями и меха. А напоследок пробегись по королевским покоям и убедись, что все самое ценное оттуда тоже отправили в Вестминстерское аббатство.

— Но зачем мы снова туда переселяемся? — побледнев, дрожащими губами спросила Елизавета. — Теперь-то что случилось? И как же наш Малыш?

— Твоего брата, нашего нового короля, захватил его дядя-опекун, — с горечью ответила я, чувствуя, что мои слова ранят Елизавету, точно кинжалы.

Мне было известно, что своего дядю Ричарда дочь обожает и, по-моему, всегда обожала. Елизавета надеялась, что теперь именно он обо всех нас позаботится и станет нашим надежным защитником.

— Твой отец, — продолжала я, — велел отдать титул лорда-протектора Ричарду; и он, мой враг, стал опекуном моего сына. Что ж, у нас еще будет возможность увидеть, каков Ричард в этой роли, но лучше все же смотреть на это из безопасного места. А потому мы сегодня же, прямо сейчас, перебираемся в убежище.

— Мама! — От страха дочери не стоялось на месте. — Может, нам лучше сначала поговорить с членами Королевского совета? Или хотя бы дождаться Малыша? А что, если герцог Глостер действительно доставит его домой, к нам? Что, если он поступит именно так, как ему и было предписано? Станет настоящим лордом-протектором. И будет оберегать нашего Малыша.

— Для тебя он теперь король Эдуард Пятый, и перестань называть его Малышом! — со злостью воскликнула я. — И для меня он теперь тоже только Эдуард. Позволь заметить, детка: только глупцы смиренно ждут прихода врагов, надеясь, что враги эти все-таки окажутся друзьями. В убежище мы, по крайней мере, будем в безопасности — насколько, разумеется, я смогу это устроить. Нас будет охранять святое право убежища. И твой второй брат, принц Ричард, тоже станет для них недоступен. Ну а когда лорд-протектор явится со своей армией в Лондон, пусть попытается убедить меня, что мы можем без опаски свое

убежище покинуть.

В общем, я довольно резко разговаривала с моей храброй девочкой, теперь, впрочем, уже молодой женщиной, у которой тоже вся ее дальнейшая жизнь оказалась под угрозой, поскольку из английской принцессы она превратилась в самую обыкновенную девушку, к тому же вынужденную скрываться. Однако положение у нас и впрямь было весьма затруднительное. Забаррикадовав за собой дверь крипты святой Маргариты в Вестминстере, мы почувствовали себя изолированными от всего остального мира. Мы — это я, мой брат Лайонел, епископ Солсберийский, мой взрослый сын Томас Грей, а также дети: маленький Ричард и девочки Елизавета, Сесилия, Анна, Екатерина и Бриджит. Когда мы в прошлый раз воспользовались этим убежищем, я была беременна Эдуардом, нашим первым принцем, и имела все основания надеяться, что именно ему суждено предъявить свои права на английский трон. Моя мать, тогда еще живая, была мне не только лучшей подругой, но и лучшей советницей. И стоило кому-то из нас начать бояться, как она тут же предсказывала будущее, строила грандиозные планы, творила доброе волшебство и сама же высмеивала свое непомерное честолюбие. И я тогда твердо знала: муж мой здоров, он находится в ссылке и непременно к нам вернется. Я ни минуты в этом не сомневалась, как никогда не сомневалась и в том, что в итоге победа непременно будет за ним. Ведь Эдуард никогда не проигрывал сражений! Я верила: он обязательно спасет нас и победит всех своих врагов. Я понимала, что нужно просто пережить эти тяжелые времена и надеяться на лучшее.

И вот теперь мы снова оказались в убежище, но надеяться нам было, по сути, не на что. Лето еще только началось — это время года всегда было для меня самым любимым, самым веселым, связанным со всевозможными развлечениями, пикниками, турнирами и балами. В летние, солнечные дни сумрачное помещение нашей крипты действовало на всех особенно угнетающе. Казалось, будто нас заживо похоронили. Если честно, особых причин рассчитывать на благополучный исход нашего заточения у меня не было. Мой сын находился в руках врагов, мать давно умерла, умер и мой дорогой муж. Увы, не было больше на земле того высокого, красивого и сильного мужчины, который сразу примчался бы ко мне на помощь и нетерпеливо забарабанил бы кулаками в дверь, а потом возник на пороге, застилая собой свет и окликаая меня по имени. Но хуже всего было то, что мой мальчик, который во время нашего первого заточения в убежище был крошечным младенцем, ставший теперь почти юношей, двенадцатилетним подростком, попал в руки врагов. А моя старшая дочь Елизавета, та самая малышка, которая в тот первый раз так мило играла со своими младшими сестренками, теперь превратилась во взрослую семнадцатилетнюю девушку и, с тревогой поворачивая ко мне свое бледное лицо, без конца задавала один и тот же вопрос: что же нам теперь делать? В прошлый раз мы ждали совершенно спокойно, уверенные, что если сумеем выжить, то нас непременно спасут. На этот раз такой уверенности не было.

Почти неделю я простаивала с рассвета до темноты у крохотного окошка во входной двери, высматривая сквозь решетку, что там, снаружи, делают люди, и, напрягая слух, пыталась понять, что творится на улицах Лондона. Когда же я отходила от двери, то сразу направлялась к окну, смотрящему на реку: наблюдала за проплывавшими мимо судами, ждала появления королевского барка и... надеялась услышать голос Мелюзины.

Каждый день я посылала в город слуг — узнать, нет ли новостей о моем брате и сыне, и передать весточку тому или иному лорду, которому давно уже пора было поднять своих людей на защиту королевского семейства. На пятый день своего заточения я уловила какой-то шум, становившийся все громче и громче; потом я различила приветственные крики городских ремесленников и торгового люда, но их перекрывал мощный грохот артиллерийской стрельбы. Затем послышалось бряцание конской упряжи и топот копыт, и на улицы Лондона вступила армия Ричарда Глостера, родного брата моего покойного мужа, того самого человека, которому Эдуард доверил нас охранять. Впрочем, Глостера с его армией в

столице ожидал весьма неоднозначный прием. Выглянув в окно, я увидела, что по реке вереницей плывут суда Ричарда, окружая Вестминстер и создавая перед ним непреодолимую плавучую преграду, окончательно превращая нас в пленников. Теперь мы не могли ни выйти, ни войти.

Услышав топот атакующей кавалерии и крики, я вдруг подумала: а что, если б я заранее вооружила город, если б настроила лондонцев против узурпатора? Смогла бы я выстоять, если бы сразу, в самые первые мгновения объявила Ричарду войну? И тут же я спросила себя: а что тогда случилось бы с моим сыном Эдуардом, плененным собственным дядей? И с моим братом Энтони? И со вторым моим сыном Ричардом Греем? Ведь все они оставались в заложниках у негодяя, рассчитывавшего на мое «хорошее поведение». И все-таки слабая надежда в моей душе еще теплилась: может, мне нечего бояться? Может, я просто ничего не знаю? Я ведь действительно не знала даже того, кем в тот момент является мой мальчик: то ли юным королем, с почестями следующим к месту своей коронации, то ли похищенным принцем, которому угрожает смерть.

Измученная, я прилегла, не раздеваясь, на постель, но сон не шел, и все эти вопросы продолжали звучать у меня в голове, точно барабанный бой. Я чувствовала, что где-то рядом, совсем недалеко от меня, мой сын тоже лежит без сна. Я места себе не находила, терзаемая душевной болью, и мечтала об одном: увидеть своего мальчика, сообщить ему, что он в безопасности и мы снова вместе. Мне казалось — хоть в это и трудно поверить, — что я, дочь Мелюзины, вполне могу протиснуться сквозь решетку на окне и просто приплыть к сыну по реке. Ведь мой мальчик совсем один! И ему, наверное, очень страшно; возможно, ему грозит опасность. Как случилось, что я не могу в такое время быть с ним рядом?

Увы, я была вынуждена лежать тихо и ждать, когда кусочки неба в оконных проемах из черных станут серыми и я смогу наконец встать, подойти к двери, приоткрыть зарешеченное окошечко и окинуть взглядом улицу. Я лежала и медленно осознала, что никто из лордов не подумал вооружить своих людей и защитить моего Эдуарда и никто не станет его спасать, никто не освободит меня из добровольного заточения. Возможно, кто-то из лордов и вознегодовал, увидев, как наш новый протектор проследовал по улицам столицы во главе своей армии, держа при себе моего плененного сына; может, члены Королевского совета даже подняли маленький мятеж; может, на улицах Лондона возникло несколько мимолетных стычек. Тем не менее никого вооружать лорды не стали и не предприняли нынче утром никакой атаки на замок Ричарда, и, судя по всему, этой ночью я одна во всем Лондоне не могу уснуть, тревожась о судьбе маленького короля.

Столица ждала, что станет делать лорд-протектор. Теперь все зависело от того, намерен ли Ричард Глостер, любимый и верный брат покойного короля, исполнить его последнюю волю и возвести на престол его сына? Намерен ли он, как всегда преданно, исполнить роль опекуна своего племянника и оберегать его вплоть до дня коронации? Или же герцог Глостер, такой же лживый, как все йоркисты, воспользуется моментом и той властью, которую дал ему брат-король, и, лишив своего племянника наследства и короны, сядет вместо него на трон, а своего сына назовет принцем Уэльским? Никто не знал, что именно Ричард предпримет, и многие — как это, собственно, всегда бывает — хотели лишь вовремя оказаться на стороне победителя. А пока все были вынуждены смотреть и ждать. Лишь я одна готова была прямо сейчас нанести Ричарду удар — если б смогла! Я всего лишь желала обезопасить себя и своих близких.

Я подошла к низким окнам и посмотрела вниз, на реку, которая текла так близко, что казалось, стоит мне наклониться, и я коснусь воды. У речных ворот аббатства стояло какое-то судно с вооруженными людьми на борту. Они сторожили меня, не допуская ко мне никого из моих союзников и друзей. Любого, кто пытался подплыть к воротам, тут же заставляли повернуть назад.

— Он заберет эту корону себе, — сказала я тихо, обращаясь к реке, к Мелюзине, к моей покойной матери. Я знала, что они меня слышат, скрытые текучей водой. — Если бы я могла помешать ему, даже рискнув всем своим состоянием, я бы это сделала. Иначе он займет престол. Все Йорки отличались болезненным честолюбием, и Ричард Глостер такой же. Эдуард год за годом рисковал собственной жизнью, но не переставал вести борьбу за корону. И Георг предпочел сунуть голову в бочку с вином, лишь бы не давать обещания, что никогда более не станет претендовать на трон. А теперь вот и Ричард въехал в столицу во главе многотысячного войска. И сделал это отнюдь не ради того, чтобы утвердить на престоле своего племянника-принца. Нет, Ричард потребует королевскую корону себе! Он ведь тоже принц Йоркский. И он ничего не может с собой поделаться — он найдет сотню причин и именно так поступит. А люди долгие годы спустя все будут спорить, все будут стараться понять то, что Ричард сотворил сегодня. Да я пари готова держать, что корону он у моего мальчика отнимет — просто потому, что не сможет сдержаться, не сможет остановиться, как не смог и Георг, так до конца и изображавший шута, как не смог и Эдуард, так и не переставший геройствовать. Ричард заберет трон себе и оставит с носом меня и всех моих близких.

Я помолчала, собираясь с силами; мне хотелось быть до конца честной.

— Но и моя природа такова, что я непременно стану драться за принадлежащее мне по праву, — снова заговорила я. — И я готова ответить на любые выпады Ричарда! Я готова даже к самому худшему. Я постараюсь подготовиться даже к тому, что потеряю и сына Ричарда, и любимого брата Энтони, как уже потеряла отца и брата Джона. Сейчас и впрямь настали суровые времена, порой они даже слишком тяжелы для меня. Но сегодня утром я осознала, что готова ко всему. И я буду драться за своего сына и его наследство.

Стоило мне утвердиться в своей решимости, как в двери убежища кто-то тихо и требовательно постучал, потом еще раз и еще, и я направилась к этим огромным дверям, закрытым на тяжелый засов, — очень медленно, каждым шагом своим как бы вдавливая в землю свой страх. Я открыла зарешеченное окошечко в двери и увидела перед собой... эту шлюху Элизабет Шор! Низко опущенный капюшон плаща скрывал ее золотисто-рыжие волосы, но я заметила, что глаза ее красны от слез. Сквозь решетку она различила мое бледное лицо — я смотрела на нее точно узница из темницы, — но все же вздрогнула, услышав мой голос.

— Что тебе угодно? — холодно спросила я.

Судя по всему, Шор полагала, что я и здесь держу конюшего и дюжину слуг, которым, собственно, и надлежит отворять двери.

— Ваша милость!

— Да-да, приветствую тебя, Шор. Что тебе от меня нужно?

Она вдруг исчезла — так низко склонилась передо мной в реверансе, что в окошечко ее не стало видно, — и я вдруг на мгновение почувствовала всю комичность ситуации. Впрочем, вскоре Элизабет выпрямилась, и ее лицо, точно бледная луна, вновь появилась в поле моего зрения.

— Я пришла к вам с подарками, ваша милость, — довольно громко сообщила она и, понизив голос, прибавила: — И с новостями. Пожалуйста, впустите меня, ради нашего короля.

Бешеный гнев так и вспыхнул в моей душе: да как она смеет упоминать о нем! Впрочем, сочла я, Шор, видимо, все еще считает, что находится у него на службе и я для нее по-прежнему его жена. Я отодвинула засов и, как только Шор метнулась внутрь, точно перепуганная кошка, сразу же снова его задвинула.

— Как? — ровным голосом произнесла я. — Как ты посмела явиться сюда? Непрошенная.

Элизабет не сделала дальше ни шагу, так и осталась на холодном приступке у самой двери, поставив на пол корзину, которую, точно кухарка, принесла с собой. Я сразу заметила выглядывавший из корзины копченый окорок и жареную курицу.

— Меня прислал сэр Уильям Гастингс. Он просил передать вам привет и заверения в своей вечной преданности, — поспешно выпалила Шор.

— О, да ты никак уже успела и покровителя переменить? Ты, значит, теперь уже шлюха Гастингса?

Элизабет посмотрела мне прямо в лицо, и мне пришлось взять себя в руки, поскольку меня потрясла ее гордая красота. Сероглазая и светловолосая, она очень напоминала меня прежнюю — ту, двадцатилетней давности, Елизавету Вудвилл. А еще она чем-то походила на мою дочь Елизавету Йоркскую: такая же холодная английская красавица, настоящая роза Англии. За одно это я могла возненавидеть Шор, но вдруг поняла, что никакой ненависти к ней не испытываю. Мне пришла в голову мысль, что двадцать лет назад — если б Эдуард оказался женат — и я предпочла бы стать его шлюхой, лишь бы встречаться с ним.

Мой сын Томас Грей, выйдя из темного угла у меня за спиной, учтиво поклонился Шор, как благородной даме, и та мельком улыбнулась ему — казалось, встретились старые добрые друзья, которым слова не нужны.

— Да, теперь я шлюха сэра Уильяма, — смиренно подтвердила Елизавета. — Покойный король отослал моего мужа за границу и аннулировал наш брак. А моя семья отказалась принять меня обратно. И теперь, когда король умер, я осталась без средств и без защиты. Сэр Уильям Гастингс предложил мне хлеб и кров, и я рада была обрести убежище в его доме.

Я кивнула.

— И что дальше?

— Он попросил меня стать его посланницей. Сам он к вам явиться не может — опасается шпионов герцога Ричарда. Но он просил непременно передать вам, чтобы вы не теряли надежды; он уверен, что все кончится хорошо.

— Но почему я должна тебе доверять?

Томас не выдержал и шагнул вперед.

— Выслушай ее, матушка, умоляю тебя, — вмешался он. — Элизабет действительно любила твоего мужа, и дама она в высшей степени достойная. Она бы никогда не пришла к тебе с вероломными советами.

— Ступай к себе, — резким тоном велела я сыну. — Я сама поговорю с этой женщиной. — Я повернулась к Шор. — Твой новый покровитель стал моим врагом в тот же миг, когда впервые меня увидел. И я не понимаю, с какой стати нам теперь начинать дружить. Это ведь благодаря его усилиям мы получили в протекторы герцога Глостера, и я полагаю, Гастингс по-прежнему его поддерживает.

— Он думал тогда, что защищает интересы юного короля, — сказала Шор довольно спокойно. — Он беспокоится только о безопасности мальчика. Гастингс очень надеется, что вы это поймете. И знайте: он уверен, что все будет хорошо.

Меня впечатлило это известие, хоть я и выслушала его из уст столь неожиданной

посланницы. Значит, Гастингс остался верен моему покойному мужу, как был ему верен и при жизни. Если он считает, что все будет хорошо, если так убежден в безопасности моего сына, то, пожалуй, положение действительно еще может выправиться.

— Откуда же такая уверенность? — все же спросила я.

Шор подошла чуть ближе и прошептала:

— Юного короля разместили во дворце епископа. Поблизости от вас. Но Совет постановил, что его все же следует переселить в королевские покои Тауэра и начать подготовку к коронации. И тогда он сразу займет свое законное место на троне и станет новым королем Англии.

— Герцог Ричард намерен его короновать?

Шор кивнула.

— Да. Сейчас убирают королевские покои, шьют одежды для коронации. И в аббатстве готовятся к его помазанию. Уже заказали живые картины, выделили деньги на праздник в честь коронации и разослали приглашения. Даже и заседание парламента назначено. Подготовка идет вовсю... — Шор умолкла, явно колеблясь. — Хотя, конечно, несколько поспешная. Кто бы мог подумать...

Голос ее сорвался, и она совсем умолкла, хотя явно дала себе зарок, что не станет показывать передо мной свое горе. Разве это возможно? Разве может любовница короля плакать перед королевой, его вдовой, горюя о его преждевременной кончине? Так что больше она не проронила ни слова, но непрошенные слезы все же выступили у нее на глазах, и она сморгнула их. Я тоже молчала, и у меня слезы застилали глаза. Я отвернулась от Шор. Все-таки я не из тех женщин, которые зависимы от собственной сентиментальности. Эта Шор была шлюхой Эдуарда, а я — его королевой! Но Господь свидетель, как сильно мы обе тосковали по нему. Мы делили постигшее нас горе, как когда-то делили радость общения с ним.

— Но ты уверена? — очень тихо уточнила я, проглотив слезы. — В гардеробной действительно шьют одежды для коронации принца? И подготовка к торжеству действительно идет полным ходом?

— О да! И день коронации уже назначен: двадцать пятое июня; лорды уже получили приглашение участвовать в торжественной церемонии. Нет никаких сомнений, что коронация состоится, — заверила меня Шор. — Сэр Уильям просил меня передать вам, что нужно успокоиться и просто немного подождать; он не сомневается, что вскоре вы увидите своего сына на английском троне. А еще он велел мне сказать, что сам придет сюда с утра и сопроводит вас в аббатство, чтобы вы первая увидели, как ваш сын будет коронован.

Я ухватилась за этот лучик надежды. Я понимала, что Элизабет Шор, возможно, права, как и Гастингс, и что зря я забила в убежище, точно перепуганный заяц, который бросается бежать, даже когда за ним не гонятся гончие, или в страхе припадает к земле, прижав к спине длинные уши, хотя жнецы проходят мимо, направляясь на другое поле. А Шор между тем продолжала:

— Эдуарда, юного графа Уорика, отослали на север, в поместье Анны Невилл, супруги герцога Глостера.

Она имела в виду того самого мальчика, который осиротел из-за дурацкого бочонка мальвазии. Эдуарду было всего восемь лет — насмерть перепуганный глупый мальчонка, истинный сын своего отца, этого глупца Георга Кларенса. Однако Эдуард стоял в очереди на

наследование трона сразу за моими сыновьями; его права были гораздо выше, чем даже права самого герцога Ричарда. Странно, что Ричард все же сохранил своему племяннику жизнь.

— Вот как? Он действительно отослал маленького Уорика в поместье своей жены?

— Милорд Гастингс говорит, что Ричард очень боится вас и вашей власти, но воевать со своими племянниками все же не станет. Так что все мальчики могут чувствовать себя в безопасности.

— А нет ли у милорда Гастингса новостей о моем брате Энтони и сыне Ричарде Грее? — шепотом осведомилась я.

— Королевский совет отказался вынести вашему брату обвинение в предательстве, — тоже шепотом ответила Шор. — Все подтвердили, что он самый лучший и самый верный слуга покойного короля. А когда герцог Ричард захотел обвинить его в похищении юного короля, Совет не пожелал с этим согласиться. Герцог Ричард ничего не смог поделаться, и ему пришлось принять точку зрения лордов. Милорд Гастингс думает, что ваши брат и сын будут освобождены сразу после коронации.

— И что, герцог Ричард пойдет с нами на мировую?

— Милорд полагает, что герцог весьма сильно настроен против всей вашей семьи, ваша милость. Ричарда чрезвычайно раздражает ваше влияние в стране. Однако он верен юному королю во имя его отца, покойного короля Эдуарда. Милорд считает, что вы можете быть совершенно уверены: принц Эдуард будет коронован.

Я кивнула.

— Передай ему, что я с радостью встречу этот день, но пока останусь здесь. У меня есть еще один сын и пять дочерей, пусть лучше они пребывают в полной безопасности рядом со мной. К тому же я по-прежнему не доверяю герцогу Ричарду.

— Милорд Гастингс как-то обмолвился, что и вы, ваша милость, никогда не вызывали у герцога особого доверия. — Шор склонилась передо мной в глубоком реверансе и даже голову опустила, понимая, как оскорбительно прозвучала эта фраза. — Гастингс также велел сказать, что в одиночку вам с герцогом Ричардом не справиться. Что вам так или иначе придется с ним договариваться. А еще он просил сказать, что поскольку именно ваш муж сделал герцога Ричарда лордом-протектором, то и Королевский совет, безусловно, предпочтет его влияние вашему. Простите, ваша милость, но это все слова милорда; это он велел мне напомнить: очень многие не любят ваших родственников и хотят, чтобы молодой король освободился от влияния своих многочисленных дядюшек, а все Риверсы были смещены с занимаемых ими постов; якобы многие заметили также, что вы обокрали королевскую казну и унесли с собой в убежище не только сундук драгоценностей, но и большую королевскую печать. Кроме того, всем известно, что ваш брат, лорд адмирал Эдвард Вудвилл, вывел в море весь флот.

Я скрипнула зубами. Все это имело целью оскорбить меня и мою семью, но направлено было, прежде всего, против моего брата Энтони, который всегда оказывал на юного Эдуарда куда большее влияние, чем кто бы то ни было, и любил его, как родного сына, а в настоящее время из-за него оказался в тюрьме.

— Можешь передать сэру Уильяму: герцог Ричард должен немедленно и без предъявления каких бы то ни было обвинений освободить моего брата! — гневно заявила я. — А Королевскому совету следует помнить о правах семейства Риверс и о правах королевской вдовы. Я все еще королева. Эта страна не раз видела, как королева способна сражаться за

свои права. Поэтому пусть все считают, что я их предупредила. Герцог Ричард не только похитил моего сына, но и явился в Лондон в боевых доспехах и во главе готовой к бою армии. Как только смогу, я непременно заставлю Ричарда за это ответить.

Элизабет Шор выглядела испуганной. Ей явно не хотелось быть посредницей между карьерным придворным и мстительной королевой, однако именно эту роль ей сейчас и приходилось играть, и она была вынуждена делать все, что в ее силах.

— Я все ему передам, ваша милость, — пообещала Шор, снова склоняясь передо мной в реверансе. Затем выпрямилась, направилась к дверям и уже на пороге спросила: — Могу ли я выразить вам сочувствие по поводу кончины супруга? Это был поистине великий человек. Он оказал мне честь, разрешив любить его.

— Но он-то тебя не любил! — бросила я с неожиданной злобой и увидела, как побелело и без того бледное лицо Шор.

— Нет, он никогда никого не любил так, как вас, — кротко отозвалась Элизабет, и в голосе ее прозвучала такая нежность, что я невольно умилилась. На ее устах промелькнула слабая улыбка, но глаза вновь наполнились слезами. — В моей душе никогда не было ни тени сомнений, что и на его троне, и в его сердце царит только одна женщина. Его королева. И уж он постарался, чтобы я это поняла. Впрочем, это все понимали. По-настоящему для него всегда существовали только вы.

Шор отодвинула засов и чуть приоткрыла маленькую дверку в створке огромных ворот.

— Ты тоже была ему дорога, — вдруг вырвалось у меня. Я была невольно тронута ее словами, и мне захотелось проявить справедливость. — Я и ревновала его к тебе только потому, что знала: ты ему тоже очень дорога. Кстати, король называл тебя самой веселой из своих шлюх.

Лицо Шор вдруг вспыхнуло таким теплым светом, словно внутри зажгли фонарь.

— Мне приятно, что он именно так обо мне думал, и я очень благодарна вам за то, что вы сказали мне об этом, — промолвила Шор. — Я никогда не годилась ни для политики, ни для двора. Мне просто нравилось быть с ним, и я всегда, как могла, старалась развеселить его и развлечь...

— Хорошо, хорошо, просто прекрасно, — прервала я Шор, мгновенно теряя весь свой запас великодушия. — Ну что ж, прощай. И, как говорится, Бог в помощь!

— Да хранит вас Господь, ваша милость, — ответила Шор. — Возможно, милорд снова попросит меня кое-что передать вам. Вы меня примете?

— И вас, и любую другую. Господь свидетель, если Гастингс намерен использовать шлюх Эдуарда как своих посланниц, то я готова принять всех, даже если их будут сотни!

Я не сумела скрыть раздражения и заметила, как по губам Элизабет скользнула слабая улыбка. С этой улыбкой она и исчезла за приоткрытой дверью, на которой я тут же снова задвинула тяжелый засов.

ИЮНЬ 1483 ГОДА

Заверения Гастингса насчет того, что все уладится само собой, отнюдь не заставили меня

отказаться от своих планов: я уже была настроена на войну с Ричардом и твердо намерена его уничтожить. Я собиралась освободить сына и брата, а юного Эдуарда сделать королем, не дожидаясь, как предлагал Гастингс, пока Ричард соизволит короновать моего мальчика. Я не доверяла Ричарду. И Королевскому совету я тоже не доверяла. Не доверяла я и жителям Лондона, которые только и ждали возможности перебежать на сторону победителя. Я планировала нанести удар первой и застигнуть своего противника врасплох.

— Пошли гонца к дяде Эдварду, — велела я своему сыну Томасу Грею. — Пусть он немедленно приведет флот в боевую готовность, а мы выйдем из убежища и поднимем народ. Герцог Глостер сейчас в замке Бейнард у своей матери. Эдвард должен обстрелять этот замок из пушек, а мы тем временем ворвемся в Тауэр и вызволим оттуда нашего Эдуарда.

— А что, если у Ричарда нет никаких иных стремлений, кроме коронации Эдуарда? — засомневался Томас.

Он уже начал писать зашифрованное послание дяде, а его гонец ждал в укромном месте, готовый скакать во весь опор и передать приказ флоту, стоявшему в глубокой гавани близ холмов Даунса.

— Значит, Ричард все равно умрет, а мы все равно коронуем Эдуарда, — настаивала я. — Возможно, мы убьем своего верного друга и еще одного принца Йоркского, но это несчастье — или эту ошибку — мы станем оплакивать после. А сейчас необходимо действовать. Мы не можем дожидаться, пока Ричард приберет к рукам весь Лондон. Нет, покончить с герцогом Ричардом нужно немедленно, пока его правление страной не слишком затянулось.

— Мне бы хотелось привлечь на нашу сторону и кое-кого из лордов, — заявил Томас.

— Хорошо, попробуй, — равнодушно произнесла я. — Кстати, я получила весточку от леди Маргариты Стэнли: ее муж перешел на нашу сторону, хотя вроде бы считался дружкой Ричарда. Можешь сам у него спросить. Но те, кто не встал на нашу защиту, когда Ричард явился в Лондон, пусть хоть погибает с ним вместе. Мне их судьба безразлична. Они поступили как предатели — и по отношению ко мне, и по отношению к памяти моего мужа. А тех, кто уцелеет после этого сражения, я отдам под суд как предателей, и они будут обезглавлены.

Томас внимательно посмотрел на меня.

— Значит, ты снова объявляешь войну? И нам, Риверсам, а также нашим сородичам, землякам и сторонникам придется пойти против чуть ли не всех английских аристократов во главе с герцогом Глостером, твоим деверем? Ведь теперь биться друг с другом будут уже Йорки, а значит, это будет еще более страшная и горькая война, чем все прежние, и закончить ее окажется намного труднее. Впрочем, и одержать верх в ней будет очень и очень трудно.

— Но начать ее необходимо, — мрачно сказала я. — И я обязана в ней победить!

Бывшая шлюха короля Элизабет Шор оказалась не единственной, кто навещал меня, шепотом сообщая разные новости. Как-то ко мне заглянула даже моя сестра Екатерина, жена этого спесивца герцога Бекингема, некогда находившегося под моей опекой. Она принесла нам в подарок хорошее вино и раннюю малину из Кента.

— Ваша милость, сестрица! — С этими словами Екатерина склонилась передо мной в реверансе.

— Здравствуй, сестра, — холодно отозвалась я.

Мы выдали Екатерину за герцога Бекингема, когда он был всего лишь сердитым на всех девятилетним мальчишкой-сиротой. Благодаря этому браку моя младшая сестра получила тысячи акров земли и высочайший английский титул, сравнимый разве что с титулом принца. Этот сопляк, правда, все пыжился, точно птенец павлина, страшно гордясь своей знатной фамилией, — его род, надо признать, действительно был даже древнее, чем Йорки, — все пытался выказать нам свое презрение. Но мы доказали ему, что у нас достаточно сил и власти, чтобы женить его так, как угодно нам, и я была очень довольна, когда его древнюю фамилию получила моя сестра. Екатерине повезло: моей милостью она стала герцогиней. Но тогда я и сама была королевой. Теперь колесо фортуны в очередной раз повернулось, и Екатерина вдруг поняла, что ее мужем является не обидчивый спесивый мальчишка, а тридцатилетний герцог, являющийся к тому же лучшим другом лорда-протектора Англии, тогда как я теперь всего лишь овдовевшая королева, вынужденная скрываться в убежище от своего врага, захватившего власть в стране.

Мы с Екатериной сцепили пальцы в знак приветствия, как делали когда-то в детстве, когда еще жили в Графтоне, затем подошли к окну и посмотрели на медленные воды Темзы.

— Вокруг только и разговоров, что ты вышла за Эдуарда благодаря колдовству, — прошептала Екатерина, едва шевеля губами. — А еще они вроде отыскивали свидетелей, готовых поклясться, что до тебя Эдуард уже был женат.

Нахмурившись, она взглянула прямо на меня, но я глаз не отвела.

— Это все старые скандальные слухи, — ответила я спокойно. — Меня они совершенно не интересуют.

— Прошу тебя, выслушай внимательно. Возможно, я не смогу еще раз прийти к тебе. Власть моего мужа и его политический вес все усиливаются. По-моему, меня он скоро попросту сошлет в наше дальнее поместье, и мне придется подчиниться. Так вот, они заполучили Роберта Стиллингтона, епископа Бата и Уэллса...[28]

— Но это же наш человек, — перебила я сестру, забыв, что больше уже не существует никаких «наш — не наш».

— Он был вашим человеком. И перестал им быть. Он являлся советником Эдуарда, а стал лучшим другом герцога Глостера. И уверяет теперь, как уверял и герцога Кларенса, что до тебя женой Эдуарда уже успела стать некая Элеанор Батлер, у которой имеется от Эдуарда сын.

Я отвернулась: вот она, цена, которую приходится платить за невоздержанность своего супруга!

— На самом деле, думаю, он просто обещал на ней жениться, — тихо возразила я. — И возможно, даже устроил нечто вроде свадебной церемонии. Кстати, Энтони всегда считал именно так.

— Это еще не все.

— А что еще?

— Ходят упорные сплетни, что король Эдуард вовсе не сын своего отца, а бастард, которого его отцу попросту подсунули.

— Снова эти мерзкие интриги?

— Да, снова.

— И кто же подает это холодное позавчерашнее кушанье?

— Герцог Ричард вместе с моим мужем. Они только и делают, что повсюду твердят об этом. Но что еще хуже, и мать покойного Эдуарда готова прилюдно признаться, что он, твой муж, был бастардом. И по-моему, она это сделает. Она одержима желанием посадить на трон Ричарда, а твоего сына попросту сбросить со счетов. Герцог Глостер и мой муж всех убеждают, что твой муж был бастардом и его сын — тоже бастард, а стало быть, он, Глостер, — единственный законный наследник трона.

Я кивнула. Конечно. Конечно. А потом нас сотрут в порошок и отправят в ссылку, и герцог Ричард станет королем Ричардом, а его сын с иссиня-бледным, точно сыворотка, лицом займет место моего красивого мальчика.

— Однако хуже всего то, — продолжала Екатерина, — что, согласно подозрениям герцога, ты собираешь войско. Он уже заявил в Совете, что ты намерена уничтожить не только его, но и всех английских пэров, и он именно поэтому послал в Йорк за подкреплением, состоящим из верных ему людей. Он ведет против нас огромную армию северян, Елизавета!

Я невольно стиснула руку сестры, но сказала довольно спокойно:

— Да, я действительно поднимаю своих сторонников и создаю войско. У меня тоже есть кое-какие планы. Когда ожидается прибытие этой армии с севера?

— Ричард только что послал за ней, — сообщила сестра. — Вряд ли они прибудут раньше чем через неделю. Ты готова выступить прямо сейчас?

— Нет, — выдохнула я. — Пока еще нет.

— Не представляю, как ты к этому подготовишься, находясь здесь. Может, тебе лучше покинуть убежище и предстать перед Королевским советом? Кстати, не приходил ли к тебе кто-нибудь из лордов или членов Тайного совета? Есть ли у тебя конкретный план действий?

Я кивнула.

— Можешь быть уверена: план у нас есть. Для начала я освобожу Эдуарда, затем незамедлительно и втайне отправлю своего младшего сына Ричарда в безопасное место. Я уже подкупила стражу в Тауэре. Рядом с Эдуардом сейчас хорошие люди, которым я вполне могу доверять; у них свое мнение о том, что здесь происходит. Томас, мой сын Томас Грей, намерен бежать отсюда и вместе с шерифом Хаттоном вызволить из плена своего брата Ричарда Грея и нашего Энтони. Затем они соберут войско, вернуться сюда, освободят нас и с помощью верных людей поднимут восстание. И это сражение завершится нашей победой!

— Значит, прежде всего ты позаботишься о защищенности своих мальчиков?

— Эдуард давным-давно планировал для нас такую возможность — еще до того, как наши сыновья появились на свет. И я поклялась: что бы ни случилось, наши мальчики будут в безопасности. Вспомни, какие войны, какие битвы нам пришлось пережить на пути к этому трону; Эдуард никогда не считал, что нам ничего не угрожает. Даже если Ричард и не собирается причинять моим сыновьям никакого зла, я не позволю ему держать их в плену и трепать языком по всему миру, что они бастарды. Наш брат, сэр Эдвард, приведет сюда флот и атакует герцога Ричарда, а один из его кораблей отвезет моих мальчиков к Маргарите во Фландрию, там они будут защищены.

Екатерина стиснула мой локоть, лицо ее побелело.

— Боже мой... дорогая Елизавета! Неужели ты еще не знаешь?

— Что? Что такое?

— Наш брат Эдвард вроде погиб! Флот восстал против него и перешел на сторону лорда-протектора!

На мгновение я потеряла дар речи. Потом повернулась к сестре и с силой сжала ее руки.

— Эдвард мертв? Неужели они его убили?

Екатерина помотала головой.

— Нет, это не точно... И вряд ли кто-то скажет наверняка. О его гибели пока никто не объявлял. И о его казни тоже.

— Кто же против него взбунтовался?

— Томас Хауард. — Это был один из представителей восходящей знати, присоединившийся к Ричарду в надежде на выгоду и теплое местечко. — Это он отправился на корабли и организовал мятеж. Впрочем, команды так или иначе колебались, стоит ли выходить в море. Они, собственно, восстали против власти Риверсов. Ведь многие простые люди прямо-таки ненавидят наше семейство.

— Неужели Эдвард погиб? — прошептала я, все еще не в силах до конца осознать силу этого удара, ведущего к нашему возможному поражению. — Мы потеряли Эдварда, потеряли флот, потеряли все те средства, которые он должен был сюда доставить! А я так надеялась, что Эдвард нас спасет. Он собирался подняться по реке, взять нас на борт и увезти в безопасное место. А тех денег, что были у него, нам с избытком хватило бы не только на то, чтобы нанять во Фландрии войско, но и заплатить всем тем, кто захочет нас поддержать. И потом, ведь его флот должен был открыть огонь по Лондону и прикрыть то судно, которое увезло бы нас отсюда по реке... Только бы наш брат спасся!

Екатерина явно была в смятении, но недолго; видимо, мое отчаяние заставило ее на что-то решиться. Она быстро сунула руку под плащ и подала мне какой-то клочок ткани — похоже, уголок носового платка.

— Что это? — удивилась я.

— Я отрезала это от салфетки герцога Ричарда, когда он обедал с моим мужем. Эту салфетку он держал в правой руке, он вытирал ею рот... — Екатерина потупилась. Она всегда боялась колдовства, боялась способностей нашей матери и никогда не хотела учиться тем магическим искусствам и умениям, которыми владели мы с матерью. — Я подумала, что тебе это может пригодиться, что ты могла бы этим воспользоваться... — Ее явно одолевали сомнения, и все же она уверенно заявила: — Ты должна остановить герцога Глостера! Его могущество растет с каждым днем. Вот мне и пришло в голову: вдруг ты сумеешь сделать так, чтобы он вдруг заболел?

— Ты отрезала это от салфетки герцога? — недоверчиво уточнила я.

Боже мой! Да ведь наша Екатерина ненавидела всякие колдовские штучки. Она никогда не соглашалась даже на гадание цыганки на ярмарке.

— Это ради Энтони, — горячо добавила сестра. — Я так за него боюсь. Я знаю, мальчиков ты убережешь сумеешь и непременно куда-нибудь их увезешь. Но Энтони сейчас во власти герцога Ричарда, и они оба, и Ричард и мой муж, люто ненавидят нашего брата. Они завидуют ему — из-за его учености, из-за его храбрости, из-за того, что все мы так его любим. И знаешь, они

его бояться! А я так его люблю, нашего Энтони. Ты должна остановить герцога Глостера, Елизавета. Правда должна. Спаси Энтони.

Я сунула клочок ткани в рукав, скрывая его от глаз всех, даже моих детей.

— Хорошо, предоставь это мне, — ответила я сестре, — а сама выкини из головы все мысли об этом. У тебя слишком честное, слишком открытое лицо. По нему каждый сразу прочтет, что это моих рук дело. Так что немедленно перестань даже думать о мести.

Екатерина нервно хихикнула.

— Это правда, врать я никогда толком не умела.

— Вот и постарайся совершенно забыть о том, что ты мне только что посоветовала.

Мы подошли к дверям.

— Ступай с Богом, милая, — напутствовала я. — И молись за меня и наших мальчиков.

Улыбка тут же исчезла с лица Екатерины.

— Для нас, Риверсов, наступили черные дни, — прошептала она, — но я непременно буду молиться, чтобы ты уберегла своих детей, дорогая сестра. И себя тоже береги.

— Ничего, он еще пожалеет, что начал все это, — грозно произнесла я.

И вдруг умолкла — передо мной возникло странное видение: Ричард Глостер, совсем еще юный и напоминающий заблудившегося ребенка, бредет по бранному полю, но так ослаб, что не в силах даже меч поднять; он озирается в поисках друзей, но рядом никого нет; он ищет взглядом своего боевого коня, но и конь куда-то ускакал; он пытается собрать последние силы, но и сил у него не осталось. И на лице у него такое изумление и ужас, что любому впору его пожалеть...

Видение исчезло столь же внезапно, как и появилось. Екатерина тронула меня за руку.

— Что с тобой? Что ты так напряглась?

— Он пожалеет, что начал все это, — тихо, с угрозой повторила я. — Грядет конец — и самого Ричарда, и всего дома Йорков.

— И нас? — спросила Екатерина, вглядываясь в мое лицо, словно тоже могла увидеть то, что видела я. — И Энтони? И всех нас?

— Боюсь, что и нас тоже.

В полночь, в крошечной темноте, я встала с постели и достала тот кусок салфетки, который дала мне сестра. Я внимательно его рассмотрела и обнаружила следы пищи там, где герцог Глостер вытирал себе рот; я даже обнюхала эти следы, поднеся их к носу. Мясо, решила я, хотя Ричард всегда был весьма воздержан в пище, а вина и вовсе не пил. Я разодрала тряпицу на полоски, сплела их, превратив в некое подобие веревки, и туго обвязала ею правое предплечье — так туго, что оно заныло. Потом легла спать, а утром на моей белой руке красовался здоровенный кровоподтек, и пальцы затекли настолько, что, снимая свою «веревку», я даже застонала от боли. Бросив остатки салфетки в огонь, я почувствовала, как рука моя внезапно ослабела.

— Пусть и ты так же ослабеешь, утратишь всю свою силу, — сказала я, глядя на

занимающееся пламя. — Пусть откажет тебе твоя правая рука, та, в которой ты держишь меч. Пусть утратит она способность сжимать оружие. Пусть каждый вдох застревает у тебя в груди. С каждым вздохом ты все сильнее будешь чувствовать, что задыхаешься, что тебя одолевают дурнота и слабость. Так сгори же — как горит сейчас этот лоскут!

И в ту же секунду обрывки салфетки вспыхнули и вскоре догорели дотла.

Рано утром ко мне явился мой брат Лайонел.

— Я получил от Королевского совета послание. Они умоляют нас выйти из убежища и отправить маленького Ричарда в Тауэр, чтобы он вместе с братом находился в королевских покоях, как подобает.

Я отвернулась к окну и долго смотрела на воду, точно река могла дать мне какой-то совет.

— Не знаю, — ответила я наконец. — Нет. Не хочу, чтобы оба мои принца оказались в руках у своего дяди.

— Но коронация, безусловно, состоится, в том нет никаких сомнений, — настаивал Лайонел. — Все лорды уже съехались в Лондон, для Эдуарда шьют парадные одежды, да и аббатство уже готово. Пожалуй, нам всем стоило бы сейчас покинуть убежище и занять свое законное место во дворце. А мы все прячемся здесь, словно в чем-то виновны.

— Герцог Ричард — один из сыновей Йорка, — напомнила я, нервно покусывая губу. — Он видел три солнца, горевших в небе, когда все три брата вместе скакали на битву и одержали победу. Зря ты думаешь, что Ричард так легко откажется от возможности править Англией. Зря считаешь, что он добровольно передаст всю власть в руки какого-то мальчишки.

— Мне как раз кажется, что Ричард будет править Англией от имени твоего сына, подчинив его себе, если, разумеется, тебя не будет рядом и ты этому не помешаешь, — резко заявил Лайонел. — Ричард посадит Эдуарда на трон, но будет использовать его как свою марионетку, превратившись во второго Уорика, во второго «делателя королей». Ему самому вовсе не нужен трон — он хочет быть регентом и лордом-протектором. Регентом он, впрочем, назовет себя сам. И, как я уже говорил, станет править страной от имени твоего сына.

— Нет. Эдуард будет королем с той самой минуты, как его коронуют, — возразила я. — И мы еще посмотрим, кого он тогда будет слушать.

— Но Ричард может отказаться сложить с себя полномочия регента до совершеннолетия Эдуарда. То есть пока мальчику не исполнится двадцать один год, а значит, он сможет управлять королевством по крайней мере в течение ближайших восьми лет. Нет, сестра, нам надо выйти отсюда, предстать перед Тайным советом и защитить свои интересы.

— Была бы уверенность, что моему сыну ничто не грозит!

— Видишь ли, если бы Ричард хотел его убить, он бы сделал это еще в Стоуни-Стрэтфорде, когда арестовал Энтони, — спокойно возразил Лайонел. — Там ведь не было никого, кто мог бы защитить мальчика. Как не было и свидетелей, кроме Бекингема. Но ведь Ричард этого не сделал, верно? Напротив, он по всем правилам преклонил перед Эдуардом колена, принес ему клятву верности и с должными почестями сопровождал в Лондон. Это мы подняли волну недоверия к нему. Прости, сестра, но это сделала ты. Я никогда в жизни с тобой не спорил, ты и сама это прекрасно знаешь, но сейчас вынужден сказать, что ты ошибаешься.

— О, тебе-то легко рассуждать! — раздраженно бросила я. — А у меня семеро детей, которых нужно защитить, и королевство, которым нужно править.

— Ну так и правь им, — отозвался Лайонел. — Вернись в королевские покои, прими участие в коронации сына, займи свой трон и командуй всеми, в том числе и герцогом Глостером, который, между прочим, приходится тебе деверем и назначен опекуном твоего сына.

Я долго размышляла над словами брата. Возможно, он был прав и мне следовало самой участвовать в подготовке к коронации, завоевывая новому королю сторонников, привлекая их обещаниями о всевозможных милостях и почестях. Если бы я незамедлительно покинула убежище вместе со своими прекрасными детьми, то могла бы вновь создать собственный двор и править Англией от имени своего сына. Да, мне следовало предъявить свои законные права, а не прятаться в страхе перед узурпатором. И я думала, что могу это сделать. И мне вовсе не нужно развязывать войну с целью вернуть себе трон. Я и так могу сесть на него как правящая королева. Как королева, любимая народом. Это мой народ, и я легко могу вновь завоевать поистине всенародную любовь. Пожалуй, мне действительно стоит покинуть убежище, вновь выйти на солнечный свет и занять свое законное место...

Кто-то тихонько постучал в дверь, и я услышала мужской голос:

— Исповедник для вдовствующей королевы.

Я приподняла решетку на двери и увидела священника из ордена доминиканцев в надвинутом на голову капюшоне, скрывавшем лицо.

— Мне приказано выслушать вашу исповедь, — сообщил он.

— Войдите, святой отец.

Я открыла дверь. Он переступил порог, совершенно бесшумно ступая своими сандалиями по каменным плитам пола, поклонился и, стоя рядом со мной, подождал, пока я снова запру двери.

— Я прибыл по велению епископа Мортонна. — Священник говорил очень тихо. — И если кто-нибудь вас спросит, то я здесь только для того, чтобы вы могли исповедаться. Вы скажете, что пожаловались мне, как впали в грех чрезмерного горя и печали, а я в ответ посоветовал вам не предаваться унынию. Договорились?

— Да, святой отец, — кивнула я.

Тогда он подал мне письмо со словами:

— Я побуду минут десять и уйду. Мне не давали разрешения ожидать вашего ответа.

Священник опустился на табурет, стоявший у дверей, и сидел положенное время. А я подошла к окну и, слушая журчание реки, прочла принесенное письмо. Оно было запечатано, и на печати я увидела характерный «венеч Бофоров». Послание от Маргариты Стэнли, моей бывшей фрейлины. Несмотря на то что она по рождению и воспитанию принадлежала к дому Ланкастеров и являлась матерью их наследника,^[29] и она сама, и ее муж Томас Стэнли в течение последних одиннадцати лет были неизменно верны нам, Йоркам. Я надеялась, что Маргарита и теперь останется мне верна. Возможно, она даже примет мою сторону в борьбе с герцогом Глостером, ведь именно со мной связаны ее личные интересы: она наверняка рассчитывает, что мой сын Эдуард впоследствии простит ее сыну принадлежность к дому Ланкастеров и позволит ему вернуться домой из бесконечной ссылки в Бретани. Маргарита не раз упоминала при мне о своей любви к сыну и о том, что все на свете отдала бы, лишь бы он снова был рядом. И я обещала, что он вернется. Я решила, что у Маргариты нет никаких причин любить Ричарда, и она, безусловно, полагает, что ее шансы вернуть сына домой

будут гораздо выше, если она останется со мной и поддержит мое возвращение во власть.

Впрочем, леди Маргарита не написала ни слова ни о соблюдении конспирации, ни о том, что меня поддерживает. В ее письме было всего несколько строк:

Анна Невилл в Лондон на коронацию не приедет. Ни лошадей, ни сопровождение для этого путешествия она готовить не велела. И не заказывала шить наряды для торжества. Возможно, эти сведения покажутся вам интересными. М. С.

Задумавшись, я так и стояла с запиской в руке. Анна — женщина болезненная, рассуждала я про себя, да и сын ее — мальчик слабенький. Возможно, она просто предпочла остаться дома. С другой стороны, леди Маргарита Стэнли не стала бы утомлять себя такими отнюдь не безопасными хлопотами, желая сообщить мне всего лишь об этом. Значит, она намекает, что Анна Невилл не спешит в Лондон на коронацию моего сына, потому что спешить нет ни малейшей необходимости. То есть от своего мужа Ричарда Анна знает: присутствовать, собственно, будет не на чем. Раз Ричард не приказал своей жене вовремя явиться в Лондон на коронацию нового короля, самое важное событие в жизни страны, то не сделал это потому, что никакой коронации не будет.

Я смотрела на реку, пытаюсь понять, что же подобное положение дел означает для меня и двух моих драгоценных сыновей-наследников, затем подошла к священнику, опустилась перед ним на колени и попросила:

— Благословите меня, святой отец.

И тут же его рука нежно коснулась моей головы.

Наша служанка, которая каждый день ходила в город купить нам хлеба и мяса, вернулась домой совершенно бледная и что-то долго рассказывала моей дочери Елизавете. Та прибежала ко мне.

— Матушка-королева! Можно мне с тобой поговорить?

Размышляя, я глядела из окна на реку — словно надеялась, что Мелюзина вдруг восстанет из неторопливых по-летнему вод и одарит меня своим советом.

— Конечно, милая. В чем дело?

Голос Елизаветы звучал так напряженно и настойчиво, что я насторожилась.

— Я не понимаю, что происходит, мама! Джемма вернулась с рынка и утверждает, будто весь город бурлит от слухов, что на заседании Тайного Королевского совета произошла какая-то стычка. Кого-то даже арестовали. И все это случилось прямо в палате заседаний, а сэру Уильяму...

Она задохнулась.

— Ты имеешь в виду Уильяма Гастингса? — назвала я имя ближайшего друга моего покойного мужа, того человека, который поклялся защищать меня и моего сына, того человека, которого я с недавних пор считала своим верным союзником.

— Да. Мама, на рынке ходят сплетни, что ему отрубили голову.

Я схватилась за каменный подоконник, потому что комната вдруг поплыла у меня перед глазами.

— Не может быть... Джемма, наверное, не поняла.

— Она уверяет, что герцог Ричард раскрыл заговор и арестовал двух знатных лордов, а сэра Уильяма казнил.

— Она ошиблась, — в полной растерянности пролепетала я. — Сэр Уильям — один из знатнейших людей Англии. Его нельзя просто так, без суда и следствия, обезглавить.

— Но Джемма настаивает, что все именно так и было, — прошептала Елизавета. — Что сэра Уильяма вывели наружу и прямо на вершине Зеленой башни, подложив какую-то колоду, отрубили ему голову — без предупреждения, без суда и без приговора.

У меня потемнело перед глазами, колени подогнулись, но Елизавета успела меня подхватить. Лишь через несколько минут я сумела вновь различить над собой лицо своей красавицы дочери в сбившемся набок головном уборе, из-под которого по плечам рассыпались светлые волосы. Елизавета заглядывала мне в глаза и взволнованно бормотала:

— Мама, мама, ответь. Что с тобой?

— Ничего страшного. Все уже прошло. — Я с трудом шевелила пересохшими губами. Оказывается, я лежала на полу, а Елизавета меня поддерживала. — Все в порядке, милая, все хорошо. Но мне показалось, будто ты сказала... сказала... Мне почудилось, будто ты сказала, что сэр Уильям Гастингс обезглавлен.

— Это со слов Джеммы. Но, мама, мне казалось, что ты совсем не любишь сэра Уильяма...

Я села, чувствуя, что голова просто раскалывается от боли.

— Детка, теперь уже совершенно не важно, кто кого любит или не любит. Лорд Гастингс — самый главный защитник твоего брата, по сути, его единственный настоящий защитник, который первым заявил мне о своей готовности его поддерживать. Я Гастингсу никогда не нравилась, это правда, однако он готов был жизнь положить, чтобы твой брат Эдуард оказался на троне, поскольку поклялся в этом твоему умирающему отцу. Если Гастингс погиб, это означает, что мы лишились своего основного союзника.

Елизавета растерянно пожала плечами.

— А что, если он совершил нечто дурное? Что, если он чем-то смертельно оскорбил нашего лорда-протектора?

Послышался негромкий стук в дверь, мы обе так и замерли. Потом кто-то тихо произнес по-французски: «C'est moi».[30]

— Открой, там какая-то женщина, — велела я, хотя в душе была уверена: это палач Ричарда пришел по наши души, не успев даже стереть со своего топора кровь Гастингса.

Моя дочь бросилась отпирать маленькую дверцу в высоких деревянных воротах, и внутрь проскользнула Элизабет Шор; ее светлые волосы были скрыты низко надвинутым капюшоном, богато расшитое платье спрятано под длинным плащом. Увидев, что я лежу на полу, Шор склонилась передо мной в глубоком реверансе.

— Значит, вы уже слышали... — только и промолвила она.

— Так Гастингс не погиб? — встrepенулась я.

Глаза Шор тут же наполнились слезами, но ответила она решительно и кратко:

— Нет, он погиб. Именно поэтому я здесь. Его обвинили в предательстве и заговоре против герцога Ричарда.

Моя дочь упала на колени, крепко сжимая мои ледяные руки, а Элизабет Шор продолжила:

— Герцог Ричард заявил, что сэр Уильям готовил покушение на его жизнь, что он пригласил ведьму, которая навела на него свои гнусные чары, и теперь он, герцог, заболел: он слабеет, у него перехватывает дыхание и отнимается правая рука. И Ричард прямо в палате Совета обнажил свою правую руку от запястья до плеча и показал ее сэру Уильяму и всем остальным, утверждая, что она уже заметно усохла в связи с воздействием тех самых чар.

Я не сводила глаз с бледного лица Шор. Я даже не посмотрела на камин, в котором сгорел кусочек салфетки, которой я перетянула себе руку, а потом наложила заклятие, желая лишить Ричарда сил и способности нормально дышать, сделать его правое плечо слабым и уподобить горбуну.

— А имя той ведьмы Ричард назвал?

— Да, — кивнула Шор. — Он назвал ваше имя.

Я почувствовала, как вздрогнула моя дочь.

— И мое, — добавила Элизабет Шор.

— Значит, он полагает, что мы действовали сообща?

— Именно так. Я и пришла предупредить вас. Ведь если он сможет доказать, что вы, ваша милость, ведьма, то что ему помешает, нарушив право убежища, силой вывести вас отсюда вместе с детьми?

Я молча кивнула. Да, Ричард может такое сотворить!

И снова я, уже не в первый раз, вспомнила битву при Тьюксбери, когда мой муж тоже нарушил право убежища, причем без всякой на то причины и без объяснений; когда он приказал выволочь из церкви раненых людей, скрывавшихся там, и зверски их зарезать прямо на дворе аббатства, а потом сам прошел внутрь и прямо на ступенях алтаря убил еще несколько человек. Пол часовни долго потом отскребали от засохшей крови, и все аббатство пришлось освящать заново, до такой степени оно было испоганено насильственной смертью.

— Ричард сможет это сделать, — наконец произнесла я вслух. — Раньше делались вещи и похуже.

— Мне нужно идти. — Шор испуганно вздрогнула. — Не исключено, что он следит за мной. Уильям, конечно же, хотел бы, чтобы я сделала все возможное для защиты ваших детей, но больше я, увы, ничем помочь не успею. И вот еще что: лорд Стэнли приложил все силы, спасая Уильяма. Он заранее предупреждал его о возможных действиях герцога, чувствуя, что готовится нечто ужасное. Ему приснился кабан с окровавленными клыками, который заporол их насмерть. Да, лорд Стэнли предупреждал Уильяма, но Уильям просто не подозревал, что все случится так скоро... — Слезы ручьями текли у Шор по щекам, голос прерывался. — Это так несправедливо. Так несправедливо. Ведь Уильям был таким хорошим человеком. А Ричард приказал солдатам вытащить его из палаты Совета! Приказал отрубить ему голову и даже священника не пригласил. Даже не дал ему времени помолиться.

— Да, сэр Уильям был хорошим человеком, — признала я.

— Теперь, когда его нет, вы потеряли самого верного своего защитника. И всем вам грозит страшная опасность, — заявила Шор без тени сомнения. — Как и мне, впрочем.

Она снова накинула на голову капюшон и двинулась к двери, но на пороге остановилась и сказала:

— Ваша милость, я желаю добра вам и сыновьям Эдуарда. Если я смогу еще чем-то послужить вам, я непременно это сделаю. Но пока никто не должен видеть, что я прихожу к вам. Вряд ли я осмелюсь явиться снова в ближайшее время.

— Погоди, — остановила я. — Так значит, лорд Стэнли остался верен юному королю Эдуарду?

— Лорд Стэнли, епископ Мортон и архиепископ Ротерхэм брошены в тюрьму по приказу герцога Глостера, они подозреваются в предательской деятельности и поддержке вашей семьи. Герцог уверен, что они готовили против него заговор. В Совете теперь остались только те, кто полностью подчиняется воле Ричарда.

— Не сошел ли герцог Глостер с ума? — воскликнула я, не веря собственным ушам. — Да он и впрямь сошел с ума!

Элизабет Шор покачала головой.

— Нет, по-моему, он намерен предъявить свои права на трон. Помните, наш король любил повторять: Ричард всегда исполняет свои обещания, а уж если он поклялся что-то сделать, так сделает это во что бы то ни стало.

Мне было неприятно слушать, как эта особа цитирует моего мужа, но не согласиться с ней было невозможно. А Шор, немного помолчав, продолжила:

— Думаю, Ричард поставил цель. И дал себе слово. По-моему, он уверен, что и для него, и для всей Англии самое лучшее — это сильный новый правитель, а не двенадцатилетний ребенок на троне. И теперь, когда он окончательно решился, он сделает все, чтобы самому занять трон. Чего бы это ни стоило.

Шор чуть приоткрыла дверь и, подхватив корзинку, выскользнула наружу: все должно было выглядеть так, будто она всего лишь принесла нам провизию. Уже оказавшись за дверью, она снова подняла на меня глаза.

— Наш король всегда говорил, — прошептала Шор, — что Ричард ни перед чем не остановится, если разработал для себя определенный план действий. Если он и теперь ни перед чем не остановится, то вам грозит страшная опасность. Я надеюсь лишь на то, что вы, ваша милость, все же сумеете как-то ее избежать... сумеете сберечь и себя, и ваших детей... ваших с Эдуардом сыновей... — Она быстро поклонилась мне. — Да хранит всех вас Бог — ради него!

Шор затворила за собой дверь и тут же ушла.

Я не колебалась. Глухой удар топора по шее Гастингса на вершине Зеленой башни прозвучал для меня, словно звуки трубы, возвещающие начало скачек. Только теперь начинались «скачки», имевшие целью спасение моего сына от его собственного дяди, вставшего на тропу преступлений. В душе моей не осталось ни малейших сомнений, что Ричард уничтожит обоих моих сыновей, желая расчистить дорогу к трону. Да и за жизнь сына герцога Кларенса, где бы этот мальчик сейчас ни находился, я не дала бы и медного гроша. Я же собственными глазами видела, как спокойно Ричард вошел в комнату к спящему королю

Генриху и придушил его, совершенно беззащитного, только потому, что Генрих обладал не меньшими правами на трон, чем Эдуард. И теперь я была уверена, что Ричард будет следовать той же логике, какой все они, три брата Йорка, придерживались в ночь убийства Генриха VI. Этот король, полноправный и освященный церковью, стоял тогда на пути их династии к власти — вот они его и убрали. Ныне на пути Ричарда к трону встал мой сын Эдуард V. Так что Ричард при первой же возможности убьет его, своего племянника, и я, вполне вероятно, не сумею предотвратить трагедию, поскольку сижу в этой норе. Но я дала себе клятву: моего младшего сына Ричард ни за что не получит.

Я давно уже подготовила своего маленького Ричарда к тому, что ему, возможно, придется уехать от меня и скрываться, но когда я сообщила, что уходить он должен немедленно, прямо сегодня ночью, это настолько его потрясло, что он смертельно побледнел, но не заплакал. Мальчишеская храбрость не позволила ему даже понуриться; он так и стоял с высоко поднятой головой, закусив губу, но слез себе не позволил. Ему было всего девять, но его воспитали должным образом — как принца Йорков, — и это воспитание требовало неизменно мужественного поведения. Я поцеловала сына в макушку, попросила его вести себя хорошо и не забывать о том, что и как ему нужно делать. А когда стемнело, я провела его через часовню к каменной лестнице, мы спустились глубоко в катакомбы и миновали каменные усыпальницы и сводчатые склепы, освещая путь фонарем и горячей свечой, которую Ричард крепко сжимал в руке. И я видела, что свет свечи не мигает и не колеблется — значит, мой мальчик не дрожит от страха даже при виде этих мрачных темных гробниц. Он быстро и решительно шагнул рядом со мной и голову по-прежнему держал высоко.

Наконец мы вышли к потайной железной дверце, за которой находился каменный пирс, довольно далеко выступавший в воду. У причала тихо покачивалась небольшая лодка. Таких яликов на реке были сотни. А ведь прежде я надеялась отослать своего сына в Бургундию на большом военном корабле под защитой моего брата Эдварда и его команды, но уже одному богу было известно, где теперь находится Эдвард, зато я хорошо знала: флот восстал против нас и перешел на сторону герцога Ричарда Глостера. В моем распоряжении больше не имелось ни одного военного судна. Так что приходилось довольствоваться этой уютной лодчонкой и отправлять моего мальчика в путь почти без защиты, если не считать двух верных слуг и материнского благословения. Один из старых друзей Эдуарда, сэр Эдвард Брэмpton, ждал моего сына в Гринвиче; мне было известно, что он очень любил моего покойного мужа, во всяком случае, я надеялась на это. Хотя, разумеется, уверена ни в чем не была.

Двое наших слуг молча ждали в лодке. Чтобы ялик не унесло течением, в кольцо, вмурованное в каменную ступень лестницы, они проделали веревку и крепко за нее держались. Я подтолкнула Ричарда к лодке, слуги подхватили моего сына и усадили на корме. Времени на долгое прощание не было, да и что я могла сказать? Я могла лишь молить Господа спасти и сохранить моего мальчика, но слова застряли у меня в горле колючим комом, словно я проглотила кинжал. Мужчины оттолкнулись от причала, я подняла руку, помахала Ричарду на прощание и в последний раз увидела его смертельно бледное личико под капюшоном плаща: мой сын смотрел прямо на меня.

Я поспешно заперла за собой железную дверцу, быстро поднялась по каменной лестнице, беззвучно миновала темные катакомбы и уже у себя выглянула в окно. Лодочка с Ричардом порядком отплыла от берега, смешавшись с другими лодками на реке; мне было видно, что слуги работают на веслах, а мой мальчик съежился на корме. Вряд ли кому-то могло прийти в голову остановить их. Таких лодчонок там были десятки, сотни, и все они деловито бороздили воды, направляясь с одного берега на другой; ничье внимание не должны были привлечь двое работяг с маленьким посыльным. Я настежь распахнула окно, но кричать сыну вслед не стала. Мне просто хотелось, чтобы он мог заметить меня, если поднимет глаза; чтобы он понял, как нелегко мне отпускать его; чтобы он знал: до самой последней минуты, до самой последней секунды я смотрела ему вслед, пытаюсь различить его в густых

сумерках; чтобы он не сомневался: я всегда, до конца своей жизни, до своего смертного часа и даже после смерти, буду ждать его, надеяться на встречу, и река будет нашептывать мне его имя.

Но Ричард глаз так и не поднял. Он все сделал, как ему велели. Он всегда был очень хорошим, послушным и смелым мальчиком. И четко запомнил, что ему следует опустить голову, надвинуть капюшон как можно ниже и скрыть свои светлые волосы. Также он должен был уяснить следующее: теперь ему нужно откликаться на имя Питер, не ждать, что его станут обслуживать десятки слуг, преклоняя перед ним колена, забыть о пышных церемониях и королевских процессиях, о львах Тауэра, о шуте, который вечно старался его насмешить, спотыкался, падал и кувыркался. Ему нужно было забыть, как толпы людей радостно выкрикивали его имя, забыть своих хорошеньких сестер, которые играли с ним и учили французскому, латыни и даже чуть-чуть немецкому. Ричарду предстояло забыть даже своего обожаемого старшего брата, который родился, чтобы стать королем. Мой маленький Ричард, наверное, чувствовал себя волшебной ласточкой из сказки, которая с наступлением зимы сначала мечется над самой водой, потом ныряет в речные глубины и словно замерзает там, замерев в неподвижности и безмолвии, но снова вылетает с наступлением весны, которая отпирает на реках запоры, выпускает воды на волю и вновь позволяет им течь вольготно. Вот и моему сынишке пришлось, подобно такой чудесной ласточке, прятаться в речных водах под опекой своей праматери Мелюзины. Ему пришлось довериться реке, надеясь на то, что она защитит его и уберезет от опасности, поскольку я, его мать, уже не могла этого сделать.

Я все следила из окна за их лодочкой и какое-то время еще видела, как Ричард сидит на корме, чуть покачиваясь в такт ровным толчкам весел. Затем ялик подхватило течение, и он поплыл быстрее; теперь ялик со всех сторон окружаю множество других судов и суденышек — лодки, ялики, баржи, рыбачьи и торговые суда, паромы и даже пара огромных плотов из бревен, — и я потеряла его из виду. Река унесла моего сына вдаль, и мне осталось лишь довериться Мелюзине и ее водам, а самой так и стоять на берегу в полном бездействии, ощущая себя выброшенной на необитаемый остров.

Мой взрослый сын Томас Грей ушел той же ночью. Одетый конюхом, он выскользнул из дверей убежища прямо в глухие лондонские переулки. Нам было просто необходимо иметь снаружи верного человека, который мог бы не только узнавать новости и передавать их нам, но и создавать войско. Сотни людей остались нам преданными по-прежнему, а уж тех, кто готов был сражаться против герцога, и вовсе были тысячи. Но этих людей требовалось как-то собрать и организовать — это и должен был сделать Томас. Рядом со мной не осталось никого, кто мог бы справиться с подобной задачей, а Томас был уже взрослым, ему исполнилось двадцать семь. И я понимала, что посылаю его навстречу опасности, возможно, даже смерти.

— Бог тебе в помощь, — напутствовала я, когда Томас опустился передо мной на колени, а я коснулась его головы благословляющим жестом. — Куда же ты отправишься?

— В самое безопасное место Лондона, — ответил Томас с беспечной улыбкой. — Это место, кстати, очень любил твой муж, да и его там тоже очень любили. Там никогда не простят герцогу Ричарду, что он предал собственного брата. Это единственное место в Лондоне, где торговлей занимаются действительно честно.

— Что же это за место такое?

— Публичный дом, — с улыбкой отозвался мой сын и, повернувшись, мгновенно исчез в темноте.

На следующий день, едва рассвело, моя дочь привела ко мне мальчика-пажа, который прислуживал нам еще в Виндзоре и теперь тоже согласился нам послужить. Елизавета, добрая девушка, крепко держала его за руку, хотя пахло от него конюшней, где он спал.

— С этого дня ты будешь откликаться на имя Ричарда, герцога Йоркского, — велела я пажу.
— Люди станут называть тебя «милорд» и «сир». И ты не будешь их поправлять. Ты вообще не будешь произносить ни слова. Будешь только кивать.

— Да, ваша милость, — пробормотал паж.

— А ко мне ты будешь обращаться «мама» или «матушка-королева», — продолжала я.

— Да, ваша милость.

— Да, матушка-королева.

— Да, матушка-королева, — послушно повторил паж.

— Ну а сейчас ты хорошенько вымоешься и наденешь чистую одежду.

Его личико вспыхнуло румянцем, и он испуганно вскинул на меня глаза.

— Нет! Я не могу мыться. Мне нельзя мыться, — запротестовал он.

Елизавета растерялась.

— Но ведь любой сразу же догадается! — воскликнула она.

— Ничего, мы объясним, что мальчик болен, — успокоила я обоих. — Что у него насморк или горло болит, и завяжем ему шею теплой фланелью, так что он и рта раскрыть не сможет, а сверху еще и шарфом обмотаем. И попросим его просто помолчать несколько дней. Больше и не нужно. Только бы выиграть хоть немного времени.

Елизавета кивнула.

— Ладно, я сама его выкупаю, — пообещала она.

— Возьми себе в помощницы Джемму, — посоветовала я, — и кого-нибудь из мужчин — пусть он подержит мальчика, чтоб не выскочил из воды.

Моя дочь смотрела печально, хоть и заставила себя улыбнуться.

— Мама, неужели ты действительно считаешь, что дядя Ричард способен причинить зло собственному племяннику?

— Сложно сказать, способен или нет, — заявила я, — именно поэтому я и отослала своего дорогого маленького принца подальше отсюда. И второй мой сын, Томас, тоже был вынужден от нас уйти, раствориться в ночной темноте. Нет, милая, откуда мне знать, что еще может сотворить твой дядя Ричард?

В воскресенье наша служанка Джемма спросила, можно ли ей посмотреть, как будут наказывать «эту шлюху Шор».

— Что с ней сделают? — осведомилась я.

Джемма вежливо присела, низко склонив передо мной голову, но ей, видно, так хотелось

получить разрешение, что она готова была даже рискнуть, оскорбляя меня упоминанием об «этой шлюхе».

— Прошу прощения, ваша милость, но Шор проследует через весь город в исподнем, неся в руках зажженную свечу, и все будут смотреть на нее. Должна же она понести наказание за свой грех — за то, что была гулящей, верно ведь? Я и подумала: если я всю следующую неделю буду являться пораньше, вы, может, позволите мне...

— Элизабет Шор?

Джемма оживилась.

— Ага, она самая! Та знаменитая шлюха! — Служанка явно повторяла чьи-то слова. — Лорд-протектор приказал ей публично покаяться в своих плотских грехах...

— Довольно! — резко оборвала я. — Можешь отправляться.

Бедняге Шор все равно, сколько людей будут глазеть на нее из толпы зевак. Я представила, как эта красивая молодая женщина, которую любили король Эдуард и лорд Гастингс, пойдет через весь город босиком, в одной нижней юбке, держа в руках свечу и прикрывая ладонью ее дрожащее пламя, а народ будет бросать в ее адрес оскорбления и плевать в нее. Эдуарду уж точно не понравилось бы это, и ради него — если не ради нее самой — я бы непременно это остановила, была бы возможность. Но я никак не могла защитить Шор. Герцог Ричард, видимо, совсем переполнен злобой, раз даже такую красивую женщину заставляет жестоко страдать только из-за того, что ее любил король.

Мой брат Лайонел стоял у окна, прислушиваясь к оценивающе-одобрительному гулу толпы, следившей, как ступает Элизабет Шор.

— Ее не за что наказывать. Ее вина только в том, что она хороша собой, — заметил Лайонел. — Ричард, правда, подозревает Шор в том, что именно у нее укрывался наш Томас. Люди Глостера обыскали весь дом, но Томаса так и не нашли. Она спрятала его в надежном месте, о котором люди Глостера не знали, а потом помогла ему скрыться.

— Да благословит ее за это Господь! — воскликнула я.

Лайонел улыбнулся.

— Судя по всему, подвергая ее такой пытке, герцог Ричард даже и удовлетворения никакого не получил. Никто о ней слова дурного не произнес, когда она шла мимо. А кто-то из паромщиков даже на меня прикрикнул: мол, нечего пялиться из окна. А еще некоторые женщины вопили: «Позор ей, позор!» — а мужчины только восхищались. Они говорили, что не каждый день им удается полюбоваться на такую красоту. Эта полуодетая женщина и впрямь напоминает обнаженного ангела, падшего и прекрасного.

Я улыбнулась.

— Ну что ж, и все-таки пусть Бог ее благословит, ангел она или шлюха.

Мой брат-епископ тоже улыбнулся.

— Наверное, все свои грехи она совершила из любви к ближнему, а не из пагубных намерений, — предположил он. — А в наше тяжкое время только любовь к ближнему, судя по всему, и есть самое главное.

Ко мне был прислан мой родственник, кардинал Томас Бушер, и еще с полдюжины других лордов, членов Тайного Королевского совета, тщетно пытавшихся меня урезонить. Я приветствовала их как королева — в королевских бриллиантах, украденных из сокровищницы, сидя на высоком кресле, вполне заменившем трон. Надеюсь, выглядела я в высшей степени достойно, по-королевски, но настроена была, если честно, на редкость кровожадно. Ведь все эти знатные люди были членами моего Тайного совета! И столь высокое положение в обществе обрели благодаря моему мужу. Это он, их король, поднял их на такую высоту. А теперь они осмелились явиться с разъяснениями о том, чего требует от меня герцог Глостер. Моя старшая дочь Елизавета стояла у моего кресла, дальше выстроились в ряд еще четыре мои дочери, но ни одного из моих сыновей или братьев не было. Впрочем, визитеры и словом не обмолвились о том, что мой сын Томас Грей, тайком выбравшись из убежища, ведет беспутный образ жизни где-то в недрах Лондона, а я, разумеется, не стала привлекать их внимание к тому, что Томас среди собравшихся в данный момент отсутствует.

Члены Совета сообщили, что они провозгласили герцога Глостера протектором королевства, регентом и опекуном принца Эдуарда и теперь готовятся к коронации моего сына. Они выразили самое горячее желание видеть в королевских покоях Тауэра рядом с Эдуардом и моего младшего сына Ричарда.

— Герцог Глостер останется лордом-протектором не так уж долго, в течение всего нескольких дней, пока не состоится коронация, — разъяснял мне Томас Бушер, глядя такими честными глазами, что я, видимо, просто обязана была ему верить.

Впрочем, этот человек всю свою жизнь стремился установить в Англии мир. Именно он когда-то короновал и Эдуарда, и меня, поскольку действительно верил, что мы способны принести стране долгожданный мир. Я понимала, что и теперь Бушер говорит вполне искренне.

— Как только юного Эдуарда коронуют, — продолжал он увещевать меня, — вся королевская власть будет ему возвращена, а вы станете не только вдовствующей королевой, но и королевой-матерью. Вернитесь во дворец, ваша милость, примите участие в коронации вашего сына. Люди ужасно удивятся, если не увидят вас на столь торжественной церемонии. А для представителей иностранных государств это и вовсе будет выглядеть странно. Давайте поступим так, как поклялись нашему королю, когда он лежал на смертном одре: возведем на трон его наследника и вместе станем трудиться на благо нашей родины, отринув всякую недоброжелательность и враждебность. Пусть королевская семья, покинув это убежище, вновь займет свои покои в Тауэре, пусть она вновь явится народу во всем своем могуществе, во всей своей красе на том чудесном празднике, что будет устроен в честь коронации принца Эдуарда!

На какое-то мгновение Бушеру почти удалось меня убедить. Мало того, я и сама готова была поддаться искушению — надежде на то, что у этой истории еще будет хороший конец. Но потом я вспомнила, что мой брат Энтони и сын Ричард Грей по-прежнему находятся в темнице замка Понтефракт, и меня вновь охватили сомнения. Я чувствовала: мне необходимо хорошенько подумать, я не в силах сразу дать ответ Бушеру и другим визитерам. Я понимала, что обязана обеспечить безопасность своим родным, ставшим пленниками Глостера. Я отдавала себе отчет, что, пока мы с моим младшим сыном Ричардом в убежище, это как бы уравнивает отношение наших врагов к моему брату и сыну. Находясь в тюрьме, они являлись заложниками моего «хорошего поведения». С другой стороны, герцог Глостер явно не осмеливался их тронуть, опасаясь, что это приведет меня в бешенство. Если

ему и впрямь так уж хотелось избавиться от Риверсов, ему нужно было сделать так, чтобы все Риверсы оказались в его власти. То, что я, королева, вне его досягаемости, охраняемая правом убежища, защищало от Ричарда и тех, кого он уже успел захватить, и тех, кто еще пребывал на свободе. Я должна была отвести смертельную угрозу от Энтони, попавшего в руки врагов. Должна! Я понимала: это мой крестовый поход — вроде того, в который я так и не позволила отправиться самому Энтони. Я должна была помочь своему любимому брату, стать для него тем единственным лучом света, каким он сам всегда был для меня.

— К сожалению, я не могу прямо сейчас передать вам принца Ричарда, — заявила я. — Он недавно серьезно захворал, и я не могу допустить, чтобы за ним сейчас ухаживал кто-то другой, а не я. Он, бедняжка, совсем без голоса и по-прежнему чувствует себя неважно. А что, если его болезнь вернется? Тогда все непременно осложнится. Нет уж, если вам так хочется воссоединения братьев, лучше на время доставьте сюда Эдуарда, тогда я сама смогу о них заботиться и буду твердо знать, что им обоим ничто не грозит. К тому же я давно мечтаю повидаться со своим старшим мальчиком и убедиться, что у него все в порядке. Прошу вас, пришлите его ко мне, здесь он будет в полной безопасности. А на участие в коронации сможет преспокойно выехать и отсюда, а не из Тауэра.

— Но почему, госпожа моя! — воскликнул Томас Хауард, мгновенно свирепея, точно бык, и обнаруживая тем самым свою звериную сущность. — Можете вы назвать хоть одну причину? С какой стати вы решили, что принцам грозит опасность?

Некоторое время я лишь молча смотрела на него. Неужели он и впрямь думал, что ему удастся поймать меня в ловушку — заставить признаться в своем враждебном отношении к герцогу Ричарду?

— Все остальные члены моей семьи уже либо бежали, либо оказались в тюрьме, — ровным тоном произнесла я. — Как же мне быть уверенной в том, что мне и моим сыновьям ничто не грозит?

— Ну-ну, — вмешался кардинал, жестом приказывая Хауарду помолчать. — Каждый заключенный в свое время предстанет перед судом, и по его делу будет проведено следствие, а затем, как и полагается по закону, справедливость любого обвинения будет либо доказана, либо опровергнута. Члены Тайного совета сделали вывод, что против вашего брата Энтони, графа Риверса, не может быть выдвинуто никаких обвинений в предательстве. По-моему, это должно вас успокоить и дать вам основания верить, что мы пришли с самыми честными намерениями. Ну признайтесь, ваша милость, способны ли вы вообразить, что я, лично я, могу явиться к вам с какими-то иными намерениями? Ведь я всегда был с вами честен и искренен, не так ли?

— Ах, милорд кардинал, — отозвалась я, — в вас я ни капли не сомневаюсь.

— Тогда доверьтесь мне, — продолжал он, — и я даю вам свое честное слово, что ваш мальчик будет со мной и с ним ничего, обещаю вам, ничего плохого не случится. Я просто отведу его к старшему брату и стану оберегать обоих как зеницу ока. Вы не доверяете герцогу Ричарду, он вас тоже все время в чем-то подозревает, и для меня это чрезвычайно огорчительно. Впрочем, у вас, наверное, имеются на это свои личные причины. Но я готов поклясться: ни герцог Глостер и никто другой не причинит вашим мальчикам зла. Им будет обеспечена полная безопасность, и Эдуард вскоре станет коронованным королем Англии.

Я беспомощно вздохнула, делая вид, что просто ошеломлена его логикой.

— А если я все же откажусь?

Кардинал придвинулся ближе и прошептал:

— Боюсь, в таком случае он все же нарушит право убежища и выставит отсюда и вас, и ваших детей. И лорды, кстати, сочтут, что он прав. Никто из них не считает, что правы вы, раз желаете по-прежнему здесь оставаться. А значит, вас никто защищать не станет. Вы спрятались, но, увы, всего лишь в хрупкую раковину, а не в крепость с прочными стенами. Выпустите принца Ричарда, ваша милость, и они не будут больше вас беспокоить, даже если вы решите и впредь здесь находиться. Но если вы будете держать мальчика при себе — Ричард всех вас вытащит отсюда, словно пивок из стеклянного кувшина. А может, и сам кувшин разобьет.

Елизавета, то и дело посматривавшая в окно, наклонилась к моему уху и тихо сообщила:

— Мама, там, на реке, сотни судов под флагом герцога Ричарда. Мы окружены.

На мгновение я перестала что-либо видеть перед собой — я не видела ни встревоженного лица кардинала, ни безжалостной физиономии Томаса Хаурда, никого из той полдюжины лордов, что явились с ними вместе. Передо мной возникло уже знакомое видение: мой муж с поднятым мечом входит в аббатство Тьюксбери, нарушив священное право убежища, и мне ясно, какая страшная опасность нависла над теми, кто спрятался в этом аббатстве. В тот день, сам того не осознавая, Эдуард уничтожил право своего сына на безопасное существование. Но я-то отлично это понимала и, слава богу, была ко всему готова.

Я поднесла к глазам носовой платок.

— Простите мне мою женскую слабость, — шмыгнула я, — но мне невыносима разлука с мальчиком. Нельзя ли все же пощадить нас и не отрывать его от моего сердца?

Кардинал ласково похлопал меня по руке.

— Он должен пойти с нами. Простите, ваша милость.

Я повернулась к дочери.

— Ступай приведи Ричарда, — попросила я.

Елизавета вышла — молча, с опущенной головой.

— Он не здоров, — обратилась я к кардиналу. — Следите за тем, чтобы ему непременно завязывали горло теплым шарфом.

— Доверьтесь мне, — ответил кардинал. — Я о нем позабочусь. Ничего плохого с ним не случится.

Елизавета вернулась с нашим подменышем, тем маленьким пажом, одетым в платье моего Ричарда. Шея его была замотана шарфом, полностью скрывавшим всю нижнюю часть лица. Когда я обняла пажа, он даже пахнул моим родным мальчиком. Я прижала его к себе и поцеловала в светловолосую макушку. Каким же хрупким показалось мне это тельце, совсем еще детское! Впрочем, держался мальчик храбро, как и подобает настоящему принцу. Елизавета отлично его научила.

— Ступай с богом, сынок, — напутствовала я. — Через несколько дней мы снова с тобой увидимся — во время коронации твоего брата.

— Да, матушка-королева, — отозвался он, точно маленький попугай повторяя то, что было велено.

Говорил он очень тихо, почти шептал, однако все прекрасно его слышали.

Я взяла мальчика за руку и подвела к кардиналу. Он, правда, не раз видел Ричарда при дворе, но всегда на расстоянии, да и лицо маленького пажа было скрыто расшитой самоцветами шапкой и большим мягким шарфом.

— Вот вам мой сын. — Мой голос задрожал от волнения. — Вручаю его вам и надеюсь, что вы станете беречь и опекать его, как и его старшего брата. — Я повернулась к «Ричарду» и добавила: — Прощай, родной мой, да поможет тебе Бог!

Мальчик поднял ко мне свое личико, наполовину закрытое шарфом, и я, на мгновение ощутив прилив истинной любви и нежности, наклонилась и поцеловала его в теплую щечку. Я понимала, что, возможно, посылаю этого ребенка навстречу реальной опасности, подменяя им своего сына. На глазах у меня даже слезы выступили, когда я вложила его ладошку в большую теплую руку кардинала Бушера и сказала, наклоняясь над светловолосой головкой пажа:

— Прошу вас, милорд, храните моего сына. Храните как зеницу ока.

Затем мы некоторое время ждали, пока они, забрав мальчика, вереницей покинут комнату. Когда все ушли, в комнате еще долго витал запах чужих одежд, улицы, конского пота и сладостей — точно свежий ветер подул над нашим скошенным полем.

Елизавета повернулась ко мне. Лицо ее было бледно.

— Ты послала в Тауэр этого маленького пажа, решив, что нашему Ричарду туда отправляться небезопасно? — поинтересовалась она каким-то странным тоном.

— Да, — кивнула я.

— Значит, ты считаешь, что и Эдуарду может грозить опасность? — тем же утвердительным тоном осведомилась моя дочь.

— Не знаю. Да. Именно этого я боюсь.

Елизавета вдруг резко шагнула к окну и на мгновение удивительно напомнила мне мою мать, свою бабушку. В ней была та же решительность — я прямо-таки видела, как она пытается определить наиболее правильный курс. Впервые мне пришла в голову мысль, что вскоре с такой женщиной, как Елизавета, невозможно будет не считаться. Да она и сейчас уже вела себя совсем не по-детски.

— Мне кажется, тебе следовало бы послать дяде Ричарду письмо и предложить ему заключить с нами некое соглашение, — посоветовала моя дочь. — Ты могла бы, например, передать ему трон на том условии, что он назначит нашего Эдуарда своим наследником.

Я молча покачала головой.

— Ты могла бы сделать это, — настаивала Елизавета. — Ведь Ричард — родной дядя Эдуарда, человек чести. Он, как и мы, стремится найти какой-то выход из создавшегося положения.

— Я ни за что не откажусь от трона, завещанного Эдуарду, — твердо произнесла я. — И если герцог Ричард захочет этот трон получить, ему придется взять его силой и тем самым опозорить себя.

— А если он действительно это сделает? — спросила моя дочь. — Что тогда будет с Эдуардом? Что будет с моими сестрами? Что будет со мной?

— Не знаю, — осторожно ответила я. — Возможно, нам придется с ним сразиться или

вступить в переговоры и спорить. Но мы ни за что не сдадимся. И не позволим врагу одержать над нами победу.

— А тот маленький мальчик? — Елизавета мотнула головой в сторону двери, за которой только что исчез паж, замотанный фланелью чуть ли не до носа. — Неужели мы забрали его у отца, отмыли, одели и приказали хранить молчание только для того, чтобы послать на верную смерть? Неужели мы именно так и будем вести эту войну — используя детей в качестве щита? Посылая их на смерть?

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 25 ИЮНЯ 1483 ГОДА. ДЕНЬ КОРОНАЦИИ

— Что это? — гневно шипела я, точно разъяренная кошка, у которой отняли котят и собираются их утопить. — Где королевские барки? Где пушечные залпы с башен Тауэра? Где вино, бьющее струей в городских фонтанах? Где, наконец, барабанный бой, музыка, радостные крики и подмастерья, оружие гимны своих гильдий? Где восторженные возгласы толпы на улицах, по которым движется процессия?

Я резко распахнула окно, но на реке лишь буднично мельтешили суда — торговые баржи, ялики, гребные лодки. И я, глядя на воду, сказала, обращаясь к моей покойной матери и Мелюзине:

— Совершенно ясно, что никакой коронации сегодня не будет. Неужели вместо короны ему суждена смерть?

И я так ясно представила себе моего мальчика, словно рисовала его портрет. Я отчетливо видела перед собой прямую линию его носа, все еще по-младенчески чуточку курносого, его пухлые округлые щеки и ясные невинные глаза. Мои руки хорошо помнили этот выпуклый затылок, так удобно ложившийся мне в ладонь, и прямую чистую линию шеи, когда Эдуард склонялся над книгами за письменным столом. Он вырос смелым мальчиком, ведь дядя Энтони, его любимый наставник, научил его, без опаски взлетев в седло, устремляться на турнире навстречу сопернику. Энтони обещал мне, что воспитает в Эдуарде храбрость, научит встречать страх лицом к лицу и смело сражаться с ним. А еще я знала, как сильно мой сын любит свою страну и свой замок Ладлоу. Для него было огромным наслаждением ускакать далеко в холмы и любоваться тем, как высоко в небе, над утесами, парят соколы-сапсаны. Он обожал подолгу плавать в холодных водах реки. Энтони говорил, что Эдуард обладает чувством местности: редкая вещь в столь юном возрасте. Этому мальчику суждено было самое радужное будущее. Это было истинное «дитя мира», хоть он и родился во время войны. Эдуард, без сомнения, стал бы великим королем, настоящим Плантагенетом, и мы оба — его отец и я — гордились бы им...

И я вдруг поняла, что думаю о своем сыне так, словно он уже умер. Впрочем, я почти не сомневалась: если его сегодня не коронуют, значит, тайно убьют, как убили Уильяма Гастингса — втащили на вершину Зеленой башни и обезглавили, подложив какую-то деревянную колоду; палач едва успел вытереть руки, жирные после только что съеденного обильного завтрака. Боже мой! Стоило мне вспомнить ту милую ямку на шее у моего мальчика, прямо под затылком, как я сразу же представляла себе занесенный над этой ямкой топор палача, и меня охватывал такой леденящий ужас, словно я сама при смерти.

Нет, я не могла больше стоять у окна и смотреть на реку, продолжавшую все так же равнодушно и неторопливо нести куда-то свои воды, словно жизнь моего сына вовсе и не была в опасности. Я быстро оделась, заколола волосы наверх, точно готовясь к чему-то, но выхода не было, и я металась по нашей спасительной темнице, словно одна из львиц Тауэра.

Ничего, утешала я себя, мы подготовим заговор; в конце концов, у нас еще остались друзья, да и сама я надежды не утратила. Я знала, что мой сын Томас Грей ведет весьма активную подготовку мятежа, тайно встречаясь с теми, кого можно убедить подняться ради нас на борьбу с Ричардом Глостером. Мне было известно, что в стране, и особенно в Лондоне, уже немало людей, которые начинают сомневаться в том, правильно ли герцог Ричард понимает свои обязанности лорда-протектора. Маргарита Стэнли, например, явно была на нашей стороне, как и ее муж, лорд Томас, предупреждавший бедного Гастингса об угрозе. Моя золовка, герцогиня Маргарита Йоркская, находясь в Бургундии, также, безусловно, предприняла бы какие-то действия в нашу пользу. Да и Францию, пожалуй, заинтересовала бы создавшаяся ситуация, хоть и весьма опасная для меня лично, поскольку она грозила Ричарду весьма существенными неприятностями. К тому же меня грела мысль, что где-то во Фландрии, в Турне, есть один скромный дом, и его хозяйева, которым, разумеется, хорошо заплатили, с радостью приняли в свою семью одного маленького мальчика, и он там абсолютно защищен и уже научился мгновенно растворяться в уличной толпе. Герцог Глостер, возможно, сейчас чувствует себя победителем, но многие в стране вскоре возненавидят его, как некогда возненавидели и нас, Риверсов, однако еще больше людей станут теперь вспоминать обо мне с любовью, зная, что мне грозит опасность. Однако — и это самое главное — подавляющее большинство англичан наверняка захотят видеть на троне сына Эдуарда IV, а не его брата Ричарда.

Услышав чьи-то торопливые шаги, я резко обернулась, чтобы встретить новую угрозу лицом к лицу, но это оказалась моя дочь Сесилия. Она с топотом промчалась через всю крипту, рывком распахнула дверь в мою комнату, и я увидела, что ее личико прямо-таки побелело от страха.

— Там что-то ужасное у наших дверей! — выпалила она. — Очень-очень страшное!

— Что же там такое может быть? — спросила я, стараясь сохранять спокойствие, хотя сразу же, разумеется, заподозрила, что явился палач.

— Оно ростом примерно с человека, но похоже... на Смерть.

Набросив на голову шаль, я подошла к двери и отодвинула решетку. Казалось, меня и впрямь ждала сама Смерть в черном длиннополом кафтане из грубого сукна, в высокой шляпе и в жуткой белой длинноносой маске, скрывавшей почти все лицо. Разумеется, это оказался просто врач, надевший маску с длинным носом, набитым лекарственными травами, как это обычно делают все врачи, желая защитить себя от опасной заразы. Он стоял ко мне лицом, и я видела, как в щелях маски поблескивают его глаза: он смотрел прямо на меня. Я ощутила, что меня охватывает дрожь.

— У нас здесь больных чумой нет, — заявила я.

— Я доктор Льюис из Карлеона, личный врач леди Маргариты Бофор, — представился гость странным гнусавым голосом: видимо, маска сильно сдавливала ему нос. — Она сообщила мне, что вы страдаете неким женским недугом и хотели бы посоветоваться с врачом.

Разумеется, я тут же распахнула дверь.

— Да-да, входите, доктор, я и впрямь очень плохо себя чувствую, — громко сказала я, но как только дверь закрылась, отрезав нас от внешнего мира, я добавила: — Я совершенно здорова. Зачем вы здесь?

— Леди Бофор — хотя нет, мне следовало бы называть ее леди Стэнли, — слава богу, тоже вполне здорова, просто она не нашла иной возможности связаться с вами. Я же принадлежу к числу самых близких ее друзей и всей душой предан вам, ваша милость.

Я кивнула и потребовала:

— Снимите маску.

Льюис стянул свою жуткую длинноносую маску, скинул с головы капюшон плаща, и передо мной предстал маленький темноволосый человечек с улыбочивым, вызывающим доверие лицом. Доктор Льюис низко поклонился мне.

— Леди Маргарита хотела бы знать, есть ли у вас какой-то конкретный план по вызволению обоих принцев из Тауэра, — сообщил доктор. — Она также просила передать вам, что и она, и ее супруг лорд Стэнли в любой момент готовы подчиниться вашему приказу. А еще она хотела довести до вашего сведения, что герцог Бекингем в настоящее время полон сомнений относительно честолюбивых планов герцога Ричарда, которые невесть куда могут его завести. Леди Маргарита считает, что молодой герцог Бекингем вполне может перейти в наш лагерь.

— Однако же он сделал все возможное, чтобы именно герцог Ричард занял свое нынешнее место, — заметила я. — С чего бы ему теперь, когда они одержали победу, менять свою точку зрения?

— Леди Маргарита уверена, что герцога вполне можно переубедить. — Льюис наклонился ближе — так его слова могла слышать только я. — Она полагает, что мнение герцога Бекингем о нынешнем правителе страны и без того уже сильно ухудшилось. Кроме того, ей кажется, что герцога заинтересуют некие возможные вознаграждения, куда более значительные, чем те, которые способен предложить ему Ричард Глостер. И потом, герцог Бекингем молод, ему нет и тридцати, к тому же он всегда был весьма неустойчив в своих воззрениях, так что его легко можно склонить на нашу сторону. Он, например, всерьез опасается, что Ричард сам захватит трон, а вашим сыновьям грозит беда. Ведь герцог Бекингем считает вас, свояченицу, и ваших детей своими близкими родственниками, и ему отнюдь не безразлично будущее принцев, его маленьких племянников. Леди Маргарита просила меня непременно передать вам, что, по ее мнению, слуг в Тауэре подкупить нетрудно. Ей также хотелось бы знать, чем конкретно она может помочь вам в осуществлении ваших планов по освобождению юных принцев Эдуарда и Ричарда.

— Это вовсе не Ричард... — начала я, но осеклась.

В дверном проеме того коридора, что вел вниз к реке, словно привидение стояла моя дочь Елизавета; она явно поднялась с самой нижней ступеньки лестницы: подол ее платья потемнел от воды.

— Елизавета, бога ради, что ты там делала? Ты же вся промокла!

— Мне просто захотелось посидеть у реки, — ответила дочь. Лицо ее показалось мне очень бледным и каким-то странно чужим. — Ранним утром река такая тихая и красивая. Но потом на ней вдруг возникло какое-то странное оживление, и я все пыталась понять, в чем же причина. Мне казалось, река вот-вот сама мне все расскажет... — Елизавета запнулась и в упор посмотрела на доктора Льюиса. — Кто этот человек?

— Его прислала леди Маргарита Стэнли, — ответила я, не в силах оторвать взгляд от мокрого подола дочери, который волочился по полу, точно русалочий хвост. — Как это ты умудрилась так промокнуть?

Лицо дочери по-прежнему было таким же бледным, а взгляд стал враждебным. Она приблизилась к нам.

— Большие барки, проплывавшие мимо, подняли волну, — пояснила Елизавета. — Все они

направлялись вниз по реке, к замку Бейнард, где в настоящее время расположился герцог Ричард со своим двором. От этих кораблей пошли такие большие волны, что я не успела отступить — вода залила сразу несколько ступеней. Интересно, что там такое сегодня происходит? Мне показалось, пол-Лондона проплыло мимо меня, направляясь в замок герцога Ричарда, хотя сегодня вроде бы должна была состояться коронация моего брата.

Доктор Льюис, явно смущенный, нерешительно вмешался:

— Видите ли, я как раз собирался рассказать вашей матушке...

— Сама река — свидетельница этого обмана, — грубо прервала его моя дочь. — Она так упорно омывала мне ноги своими волнами, словно хотела о чем-то предупредить. Любой мог бы догадаться.

— О чем догадаться? — спросила я, глядя на них обоих.

— На заседании парламента было объявлено, что отныне нашим полноправным правителем является герцог Ричард, — тихо произнес доктор Льюис, и мне показалось, что его слова отозвались в нашей сводчатой каменной часовне таким гулким эхом, словно он выкрикнул их на площади. — Члены парламента вынесли решение, что ваш брак с покойным королем был заключен не только без ведома полноправных членов Тайного совета, но и с помощью колдовских чар, наведенных вами и вашей матерью. Было замечено также, что к тому времени король Эдуард уже пребывал в законном браке с другой женщиной.

— Короче, все эти годы ты, оказывается, была его шлюхой, а мы, значит, ублюдки, — холодно констатировала Елизавета. — Так что, мама, мы потерпели полное поражение и отныне навеки покрыты позором. Все кончено. Кончено. Может, теперь нам позволят хотя бы уехать, взяв с собой Эдуарда и Ричарда?

— Что ты такое говоришь? — возмутилась я. — Что ты такое говоришь? О чем ты думала, сидя у реки? Ты сегодня какая-то странная. В чем дело? Что с тобой происходит?

Пожалуй, видом собственной дочери, точно вышедшей ко мне из речных вод с мокрым подолом, удивительно напоминающим русалочий хвост, я была потрясена не меньше, чем вестью о том, что Ричард официально предъявил свои права на трон и попытался нас уничтожить и втоптать в грязь.

— Просто мне кажется, что все мы прокляты! — негодовала Елизавета. — Да, все мы прокляты! И река тоже шептала мне проклятия! И я считаю, что вы с отцом виноваты в том, что позволили нам появиться на свет и поставили в унижительное положение; охваченные честолюбием, вы не сумели достаточно крепко ухватиться за власть и сделать ее для нас законной.

Я стиснула холодные руки дочери с такой силой, словно боялась, что она сейчас уплывет от меня, и хотела ее удержать.

— Нет, нет, девочка моя, вы не прокляты. А ты — самая лучшая, самая замечательная из всех моих детей, самая красивая, самая любимая. И тебе прекрасно это известно. Какое же проклятие может пристать к тебе?

И все же, когда Елизавета посмотрела мне в лицо, глаза ее были темны от ужаса, словно она только что увидела собственную смерть.

— Я знаю, мама, что ты никогда не сдашься. Ты никогда не оставишь нас в покое, не позволишь нам жить как все. Твое безудержное тщеславие обернется гибелью моих братьев, а если умрут они, ты посадишь на трон меня. Тебе власть куда дороже собственных сыновей.

Так что, если их обоих уничтожат, ты вознесешь меня на трон — вместо моего покойного брата. Ведь ты любишь корону куда сильнее своих детей.

Я лишь молча качала головой, словно пытаюсь как-то ослабить силу этих страшных обвинений. И это моя девочка, мое милое простодушное дитя, моя любимица Елизавета! Плоть от плоти моей. Да ведь она всегда даже в мыслях была полностью мне покорна. Все, что есть у нее за душой, вложила в нее я.

— Это неправда. Ты не можешь так себя вести. Да ты просто всего не осознаешь. Река никак не могла тебе такое сказать. И потом, ты же не способна слышать ее голос. Все это ложь.

— Нет, правда. И в итоге я окажусь на троне вместо моего родного брата, — настаивала Елизавета. — И ты будешь этому рада, потому что ты проклята и проклятие твое в твоём честолюбии — так говорит река.

Я быстро глянула в сторону доктора Льюиса: уж не больна ли моя дочь? Может, у нее жар?

— Елизавета, река не может говорить с тобой.

— Может. Разумеется, она говорит со мной. И разумеется, я ее понимаю! — нетерпеливо воскликнула дочь.

— Никакого проклятия на мне нет...

Елизавета закружила, заскользила по комнате, и мокрый подол платья тянулся за ней, как рыбий хвост, оставляя на полу темные отметины. Потом она вдруг резко открыла окно, и мы с доктором Льюисом бросились к ней, испугавшись, что она действительно сошла с ума и собирается прыгнуть в реку. Но я почти сразу же была остановлена нежными и одновременно пронзительными причитаниями, доносившимися с реки; этот голос, печальный и страстный, был полон такой тоски и горя, что я в ужасе зажала уши руками и вопросительно посмотрела на доктора, надеясь, что он объяснит мне происходящее. Однако он лишь растерянно покачал головой: он явно ничего не слышал, кроме веселого шума проплывавших мимо судов, которые под пение труб и грохот барабанов направлялись вниз по реке на коронацию нового короля Ричарда. Впрочем, доктор Льюис не мог не заметить слез на глазах у Елизаветы и того, как испуганно я отшатнулась от распахнутого настежь окошка и заткнула себе уши, лишь бы не слышать это жуткое похоронное пение.

— Этот плач не по тебе, Елизавета, любовь моя, — еле вымолвила я, задыхаясь от горя. — Нет, это плачет не река. Это песнь Мелюзины. Она раздается, когда в наш дом приходит смерть. Но сейчас она предупреждает не тебя. Она предупреждает моего сына Ричарда Грея, я отчетливо это слышу, и моего брата Энтони, а ведь я поклялась, что ему ничто никогда не будет угрожать.

Лицо доктора Льюиса стало смертельно бледным от страха.

— Но я ничего такого не слышу, — растерянно пробормотал он. — Только шум толпы, приветствующей нового короля.

Елизавета мгновенно оказалась рядом со мной; теперь ее серые глаза были темны, как грозовая туча, как бурное море.

— Твой брат? Что ты имеешь в виду, мама?

— Мой брат и сын умерли от руки Ричарда, герцога Глостера, — в отчаянии возвестила я, — как когда-то от руки Георга, герцога Кларенса, пали другой мой брат, Георг, и мой отец. Все сыновья Йорка — кровожадные твари, и Ричард оказался ничуть не лучше Георга. Из-за них погибли лучшие люди моей семьи, из-за них разбито мое сердце. Да, я хорошо понимаю, о

чем поет река. Она поет похоронную песнь по моему сыну и моему брату.

Елизавета положила руку мне на плечо, вновь становясь прежней милой и нежной девочкой; казалось, ее бешеную ярость унесло ветром.

— Мама...

— Неужели ты думаешь, что на этом он остановится? — не помня себя, взорвалась я. — Он взял в плен моего сына, законного наследника престола. Он посмел отнять у меня Энтони. У него хватило совести забрать у меня еще одного сына, Ричарда Грея. Неужели ты думаешь, что он остановится и пощадит Эдуарда? Что он не уничтожит его? Сегодня он украл у меня брата и сына, и я никогда ему этого не прощу. И никогда этого не забуду. Для меня Глостер уже мертв. И я еще увижу, как он беспомощно извивается на земле. Я увижу, как у него откажет правая рука, как он станет озирается на поле боя, точно заблудившийся в лесу ребенок, тщетно пытаюсь позвать на помощь хоть кого-нибудь из друзей и сторонников, а потом я увижу, как он упадет...

— Мама, успокойся, — ласково прошептала Елизавета, — успокойся и лучше послушай реку.

Пожалуй, дочь нашла те единственные слова, которые способны были меня утихомирить. Я пробежала вдоль стены, отворяя одно за другим все окна, и теплый летний воздух ворвался в холодный полумрак крипты. Вода стояла низко и тихонько плескалась у берегов. В воздухе сильно пахло гниющими водорослями и илом, но все-таки река текла, словно напоминая мне, что жизнь продолжается, что, даже если на свете больше нет ни моего дорогого Энтони, ни моего милого сына Ричарда Грея, мой младший сынок, мой маленький принц все же спасся, уплыл в ночи вниз по течению в том крошечном ялике навстречу чужим людям и новой жизни. Значит, не все еще потеряно.

Мимо нас проследовало большое прогулочное судно, оттуда доносилась музыка — это знать веселилась, празднуя восшествие на престол герцога Ричарда. А я все никак не могла понять: неужели они не слышат похоронного пения реки? Неужели им не ясно, что свет в этом мире навсегда померк со смертью моего брата Энтони и моего сына... моего мальчика...

— Он бы не хотел, чтобы ты так горевала, — заметила Елизавета. — Дядя Энтони очень любил тебя, и ему было бы неприятно, что ты так сильно печалишься.

Я прижала к себе обе руки дочери.

— Ты права, — согласилась я. — Он хотел бы, чтобы я жила долго и сумела провести вас, моих детей, сквозь все опасности и преграды. И хотя пока нам приходится по-прежнему прятаться в убежище, я клянусь: когда мы выйдем отсюда, то снова зайдем то место, которое принадлежит нам по праву. Ты можешь считать, что честолюбие — это мое проклятие, но без честолюбия невозможно бороться. А я буду бороться. И ты увидишь, что я умею бороться. Увидишь, что я и побеждать умею. Ничего страшного, даже если нам придется бежать во Фландрию. Это будет лишь временная мера. И ничего страшного, если нам предстоит огрызаться, подобно загнанным собакам. Мы будем яростно огрызаться. И носить крестьянскую одежду, подобно жителям Турне; как они, мы станем есть угрей, выловленных в реке Шельде. Но Ричард нас не уничтожит. Никто на свете нас не уничтожит. Мы все равно восстанем, поднимемся вновь. Ведь мы — дети богини Мелюзины; наши силы могут временно ослабеть, подобно морскому отливу, но вскоре мы, конечно же, соберемся и обретем прежнее могущество. Ричарду придется это понять. Ему удалось застать нас врасплох — при низкой воде, на сухом берегу, — но клянусь Господом: он еще увидит всю несокрушимую мощь нашего прилива.

Говорила я весьма храбро, даже запальчиво, но стоило мне умолкнуть, как меня с новой

силой охватила тоска. Я безумно горевала по сыну и брату. Ведь Энтони всегда был мне ближе всех в семье, являлся не только любимым братом, но и верным другом. А Ричарда я все вспоминала маленьким мальчиком — как гордо он держался в седле, когда Эдуард посадил его на своего боевого коня; как послушно уцепился за мою руку, когда мы стояли у обочины дороги и ждали, пока мимо проедет король. Он был таким красивым! Его отец погиб, сражаясь с одним из братьев Йорк, а теперь и сам он пал от руки другого брата Йорка. Я хорошо помнила, как моя мать, оплакивая своего сына, рассуждала о том, что, когда твой ребенок подрастает и перестает быть младенцем, тебе начинает казаться, будто ничего плохого ни с тобой, ни с ним уже не случится. Но женщина никогда не бывает в полной безопасности. Во всяком случае, в нашем мире. В том мире, где брат идет войной на брата и ни один из них не способен просто опустить свой меч или довериться закону. Я вспоминала, каким был мой Ричард в детстве — когда еще лежал в колыбели или когда учился ходить, схватившись за мой палец, и мы с ним бродили туда-сюда по галерее нашего дома в Графтоне, пока моя согнутая спина не начинала болеть. Я вспоминала, как Ричард постепенно превратился в прекрасного юношу, обещая в недалеком будущем стать настоящим рыцарем...

А Энтони, мой дорогой брат, с которым мы вместе росли, всегда был для меня самым верным, самым близким и задушевным другом и советчиком — с самого детства и до последнего времени. Мой муж Эдуард справедливо называл его величайшим поэтом и благороднейшим рыцарем своего двора. Энтони так хотел отправиться паломником в Иерусалим и непременно совершил бы это паломничество, если бы я ему не помешала. Возможно, тогда он остался бы жить... Герцог Ричард обедал с Энтони и маленьким Эдуардом в Стоуни-Стрэтфорде, после того как встретил их по дороге в Лондон, и вел сладкие речи о той Англии, которую мы якобы станем строить все вместе, Риверсы и Плантагенеты, и о том, что у нас общий наследник, которого нам следует посадить на трон. Энтони был далеко не глуп, но он доверял Ричарду. Да и почему, собственно, он не должен был ему доверять? Ричард был его родственником. Они не раз сражались бок о бок, были братьями по оружию. Вместе они отправились в ссылку и с триумфом вернулись в Англию. Они оба были дядьями и опекунами моего дорогого сына...

Утром, спустившись в гостинице к завтраку, Энтони обнаружил, что двери заперты на засов, а все его слуги удалены. Затем он увидел герцога Ричарда и Генриха Стаффорда, герцога Бекингема, облаченных в боевые латы, и их людей, с каменными лицами выстроившихся во дворе. А потом их арестовали и увезли — Энтони, моего сына Ричарда Грея и сэра Томаса Бона. Их обвинили в предательстве, хотя все трое были верными слугами нового короля Англии, юного Эдуарда V.

Ночью Энтони, зная, что утром его казнят, стоял у окна, и ему вдруг показалось, что он все-таки слышит ее, сильную и нежную песнь Мелюзины, хотя он всегда был уверен, что никакой Мелюзины не существует. Энтони невольно улыбнулся, когда до ушей его и впрямь донесся некий странный звук, напоминающий отдаленный колокольный звон. Энтони даже головой потряс, пытаясь избавиться от этого звона, думая, что у него просто звенит в ушах, но звук не исчезал; он становился все громче, перерастая в неземную мелодию, и Энтони опять улыбнулся, а потом и засмеялся негромко, что было совсем уж неуместно. Он ведь никогда не верил легендам о Мелюзине, полуженщине-полурыбе, своей прародительнице, но чувствовал теперь, что она есть, она рядом, что Мелюзина успокаивает его своим пением, одновременно предвещая смерть. Энтони долго еще стоял у окна, прислонившись лбом к холодному камню и слушая Мелюзину. Ее высокий чистый голос эхом разносился внутри мощных стен замка Понтефракта, и Энтони наконец-то понял, что это и есть реальное доказательство того, откуда у его матери, сестры и племянницы способность к колдовству и магии. Сами они, впрочем, в своих возможностях и способностях никогда не сомневались, но он верил им лишь отчасти и теперь сожалел, что уже не скажет своей любимой сестре: «Ты права, сестренка». Энтони думал о том, что его семье еще могут пригодиться эти

способности. Возможно, этого их чудесного дара будет достаточно для спасения всей семьи Риверсов, названных так в честь речной богини,[31] богини вод, праматери их древнего рода. Возможно, их способностей хватит даже на спасение двух маленьких принцев, потомков великого Плантагенета. Если Мелюзина может петь для него, Энтони, который никогда в нее не верил, то, возможно, она сумеет направить на путь истинный тех, кто хорошо слышит ее предостережения. Энтони улыбался, потому что звонкий чистый голос Мелюзины давал ему надежду: она не оставит в беде его любимую сестру и ее сыновей, особенно того мальчика, который с детства был поручен его, Энтони, заботам, которого он любил как сына: маленького Эдуарда, нового короля Англии. А еще Энтони улыбался потому, что Мелюзина пела голосом его матери.

Остаток ночи он провел не в молитвах и не в рыданиях, а за письменным столом. В последние часы своей жизни Энтони был не искателем приключений, не рыцарем и даже не чьим-то братом или дядей. Он был поэтом. Когда мне принесли его прощальные стихи, я поняла: под конец, в те последние мгновения, когда он уже чувствовал на своем лице дыхание смерти и гибель всех своих надежд, он знал: все это лишь суета. Честолюбие, власть, даже королевский трон, так дорого стоивший нашей семье, — все это совершенно бессмысленно. Но умер Энтони, отнюдь не испытывая горечи от осознания бессмысленности сущего, а улыбаясь: он улыбался, оглядываясь на безумие человеческое, на свое собственное безумие.

Вот что написал Энтони в ту ночь:

Предаваясь размышленьям —

Грустным, милые друзья,

Понимаю с удивленьем

Всю непрочность бытия.

Мир вращается так быстро,

Мчит Фортуны колесо,

Я ж, ему сопротивляясь,

Даже с места не сошел.

Я тонул в своих обидах,

Я надежду потерял,

Света белого не видел

И никак не ожидал,

Пребывая в исступленье,

К смерти чувствуя стремленье,

Что меня спасет лишь этот

Танца бешеный накал.

Все мне кажется, ей-богу,
Что я связан чувством долга,
И мне следует, наверно,
В жизни всем довольным быть.
Но не слеп я — вижу все же:
Мне Фортуна корчит рожи,
И мои благие планы
Расплываются туманом.

Эти слова Энтони написал уже на рассвете. Потом его вывели на воздух и обезглавили по приказу герцога Ричарда Глостера, нашего нового лорда-протектора, который был теперь в ответе и за мою безопасность, и за безопасность моих детей, и, прежде всего, за безопасность и будущее моего сына, принца Эдуарда, истинного и полноправного короля Англии.

Я не раз перечитывала потом стихотворение Энтони, и, пожалуй, мне больше всего нравились последние строки: «Мне Фортуна корчит рожи, и мои благие планы расплываются туманом». Да, Фортуна этим летом явно повернулась к нам, Риверсам, задом; это Энтони верно подметил.

А мне теперь нужно было учиться жить без него.

Что-то переменилось в моих взаимоотношениях с Елизаветой. Моя девочка, наш с Эдуардом первый ребенок... Как внезапно она стала взрослой и отдалилась от меня. Та девочка, которая верила, что я знаю все на свете и всем на свете распоряжаюсь, превратилась вдруг в молодую женщину, недавно потерявшую отца и сомневающуюся в действиях своей матери. Елизавета считала, что я неправа, заставляя всех по-прежнему сидеть в убежище. Она винила меня в смерти Энтони и в том — хоть ни разу не намекнула на это, — что я оказалась не способна спасти ее брата Эдуарда и отослала в чужие края маленького беззащитного Ричарда, которого увезли куда-то на лодке по серой сумеречной реке.

Елизавета сомневалась, что я сумела обеспечить Ричарду достаточно надежное пристанище во Фландрии, сомневалась и в том, что наша затея с пажом-подменным окажется удачной. Она понимала: раз уж я согласилась послать этого лжепринца в Тауэр, в компанию к Эдуарду, значит, я отнюдь не уверена, что сумею благополучно вызволить оттуда нашего мальчика. Елизавета также не питала никаких надежд на восстание, которое готовил мой сын Томас Грей. Ей казалось, что никто и никогда не вызволит нас из этой крипты.

После того утра, когда мы с ней вместе слушали пение реки, а уже в полдень получили известие о казни Энтони Вудвилла и Ричарда Грея, Елизавета полностью утратила веру в

правоту моих суждений. Хотя она больше не повторяла тех страшных слов о проклятии, лежащем на нашей семье, но ее странно потемневшие глаза и чрезвычайно бледное лицо являлись доказательством того, что ее постоянно преследуют кошмары. Господь свидетель: я никогда ничего дурного о ней не сказала; думаю, не нашлось бы человека, способного пожелать Елизавете зла и уж тем более проклинать ее, эту чудесную золотоволосую девушку. Однако в последнее время Елизавета действительно выглядела так, будто кто-то оставил у нее на лбу страшную черную метку, словно в преддверии тяжелой судьбы.

Когда доктор Льюис снова навестил нас, я попросила его осмотреть Елизавету, сомневаясь, здорова ли она. К этому времени она почти не ела и была смертельно бледной.

— Ей необходима свобода, — только и промолвил доктор, закончив осмотр. — Говорю это вам как врач и ваш союзник, которым, надеюсь, в ближайшем времени стану. Вашим детям, да и вам, ваша милость, нельзя больше здесь оставаться. Вам всем необходим свежий воздух, возможность радоваться солнечному свету, теплым летним денькам. У вашей дочери хрупкое сложение — ей нужны физические упражнения, прогулки и много солнца. Ей необходимо общество других людей. Она же молодая женщина, ей бы следовало танцевать, принимать ухаживания поклонников, строить планы на будущее, мечтать о замужестве, а не прятаться здесь, вечно боясь смерти.

— Я получила приглашение короля. Он выражает горячее желание поселить меня и девочек на все лето в моем загородном поместье. И обещает отпустить туда обоих принцев.

Я заставила себя произнести слово «король», хотя Ричард, разумеется, не имел на это никакого права; даже водруженная ему на голову корона и священное миро, которым он был помазан, не способны были сделать его королем: он оставался предателем и ренегатом.

— И вы поедете?

Доктор Льюис с явным напряжением ждал моего ответа. Он даже чуть подался вперед.

— Сначала, разумеется, должны быть выпущены на свободу и доставлены ко мне мои сыновья, иначе у меня не будет никаких гарантий безопасности ни для моих дочерей, ни для меня самой. Хотя Ричард вроде бы обещает вернуть мне моих мальчиков.

— Осторожней, ваша милость, осторожней! Леди Маргарита очень опасается, что именно так Ричард и попытается вас обмануть, — еле слышно выдохнул доктор. — По мнению герцога Бекингема, ваших мальчиков могут... — Казалось, доктор не в силах произнести это страшное слово. — Могут прикончить. Леди Маргарита как-то обмолвилась, что герцог Бекингом пришел в ужас, узнав о подобных намерениях Ричарда, и выразил желание устроить принцам побег или каким-то иным способом попытаться вызволить их из Тауэра; он готов вернуть вам ваших сыновей, если вы гарантируете ему безопасность и процветание, когда вернетесь во власть. И если вы, вновь заняв подобающее вам место, дадите ему обещание в вечной дружбе. Леди Маргарита заверила, что будет всемерно содействовать союзу герцога с вами и всеми представителями вашей семьи; таким образом, три знатнейших рода — Стаффорды, Риверсы и Ланкастеры — объединятся против лжекороля Ричарда.

Я кивнула. Я давно уже этого ждала.

— Чего же хочет герцог Бекингом? — напрямик спросила я.

— Чтобы его дочь, когда она у него родится, вышла замуж за вашего сына, молодого короля Эдуарда, — ответил Льюис. — А сам он получил бы титул регента и лорда-протектора, пока молодой король не достигнет совершеннолетия. Кроме того, ему должна отойти северная часть королевства — он станет править там, как правил герцог Ричард. Если вы, ваша милость, сделаете герцога Бекингема столь же могущественным, каким ваш муж сделал

герцога Ричарда, он готов предать своего друга и вызволить ваших сыновей из Тауэра.

— А чего хочет леди Маргарита? — осведомилась я, словно сама не могла догадаться.

Я ведь прекрасно знала, что все двенадцать лет, пока ее сын находился в ссылке, она чуть ли не ежедневно предпринимала различные попытки его вызволить. Он был ее единственным ребенком, единственным наследником ее фамильного состояния и титула ее покойного мужа. Маргарита отлично понимала: все, чего она достигла в жизни, бессмысленно, если ей так и не удастся вернуть сына домой и ввести его в права наследства.

— Леди Маргарита хочет подписать соглашение, в котором будет пункт, что ее сын примет свой титул и унаследует ее земли, а ее деверя, Джаспера Тюдора, восстановят в его правах на земельные владения в Уэльсе. Они оба должны получить возможность на законных основаниях вернуться в Англию. Кроме того, Маргарита хочет обручить своего сына Генриха Тюдора с вашей дочерью Елизаветой, благодаря чему он станет третьим после ваших сыновей наследником престола, — торопливо закончил доктор Льюис.

Я ни секунды не медлила. Собственно, я ведь только и ждала, что мне наконец будут названы конкретные условия, и условия эти оказались именно такими, как я и предполагала — причем отнюдь не благодаря дару предвидения, а просто исходя из здравого смысла. Я бы и сама попросила того же, будь я на месте леди Маргариты и обладай столь же устойчивым и прочным положением: все-таки она была замужем за человеком, который стоял на третьем месте в Англии по могуществу и знатности; союзником Маргариты являлся герцог Бекингем, второй человек в стране; и она имела твердое намерение свергнуть того, кто сейчас являлся первым лицом государства.

— Я согласна, — кивнула я. — Передайте герцогу Бекингеми и леди Маргарите, что я согласна. И назовите им мою цену: пусть мне немедленно вернут моих сыновей.

На следующее утро ко мне вошел мой брат Лайонел.

— Там, у речных ворот, кое-кто очень хочет тебя видеть, — сообщил он с улыбкой. — По-моему, какой-то рыбак. Только как можно тише, сестра моя. Не забывай, что осторожность — одна из лучших женских добродетелей.

Я поспешила к дверям, но Лайонел вдруг остановил меня, положил руку мне на плечо и совсем не как епископ, а скорее как брат довольно грубо прибавил:

— И пожалуйста, не визжи, как девчонка.

Я выскочила в дверь, мигом спустилась по каменной лестнице и пробежала по полутемному коридору с каменными стенами, где единственным источником света служили железные ворота, выходившие на реку. У ворот качался на воде маленький ялик. На корме лежала сложенная рыбацья сеть, а сам рыбак в грязном плаще и надвинутой на глаза шляпе ждал меня у входа. Я сразу поняла, кто это — по его высокому росту, которого ничто не могло скрыть, и по его манерам. Предупрежденная Лайонелом, я не вскрикнула, да и жуткая рыбная вонь, исходившая от одежды «рыбака», помешала мне сразу броситься в его объятия. Я лишь прошептала:

— Брат, дорогой мой брат, как же я рада вновь тебя видеть.

Темные глаза блеснули из-под низко надвинутой шляпы, «рыбак» поднял голову, и передо мной возникло улыбающееся лицо моего брата Ричарда Вудвилла, скрытое совершенно

бандитской бородой и усами.

— Ты здоров? — спросила я, в некотором изумлении разглядывая его изменившуюся физиономию.

— Никогда не чувствовал себя лучше, — весело отозвался он.

— А об Энтони ты знаешь? — поинтересовалась я. — И о моем сыне Ричарде Грее.

Он сразу помрачнел и кивнул.

— Я узнал сегодня утром. Именно поэтому я и пришел. Мне очень жаль, сестра. Я всем сердцем сочувствую твоей утрате.

— Теперь ты граф Риверс, — заметила я. — Третий граф Риверс и глава нашей семьи. Хотя, пожалуй, в последнее время мы что-то слишком быстро их меняем. Очень тебя прошу, постарайся как можно дольше удерживать этот титул.

— Сделаю все, что в моих силах, — пообещал мне брат. — Господь свидетель, титул графа Риверса я унаследовал от двух очень хороших людей. Надеюсь, что смогу дольше их носить его, хотя вряд ли он мне подходит больше, чем им. Теперь к делу, сестра: мятеж вот-вот разразится. Ричард Глостер, надев на голову королевскую корону, чувствует себя в полной безопасности и намерен показать себя народу, прокатившись по всему королевству.

Я с трудом удержалась от желания плюнуть прямо в воду.

— Представляю себе, — процедила я сквозь зубы, — каким количеством меди будут сверкать доспехи его коня. Несчастное животное небось и ногами-то передвигать будет с трудом.

— Как только Ричард со своей стражей покинет Лондон, мы штурмом возьмем Тауэр и вызволим оттуда Эдуарда. Герцог Бекингем на нашей стороне, и я ему доверяю. Однако он должен отправиться в путешествие вместе с королем, да и лорду Стэнли король наверняка прикажет ехать с ним вместе — он по-прежнему сомневается в его преданности. Зато леди Маргарита останется в Лондоне и присоединится к нам вместе с людьми Стэнли и своими собственными союзниками. Она, кстати, и в Тауэр уже кое-кого из своих людей поместила.

— Сколько же человек будет в твоём отряде?

— Около сотни. Новый король назначил комендантом Тауэра сэра Роберта Бракенбери. Уверен, что Бракенбери никогда не причинит зла ребенку, порученному его заботам; это хороший, добрый человек. Ну а я устроил так, что в королевских покоях теперь новые слуги, и они откроют нам двери по первому моему сигналу.

— А потом?

— Потом мы переправим тебя и девочек в безопасное место, допустим во Фландрию. И чуть позже к тебе там присоединятся твои сыновья, Ричард и Эдуард. Надеюсь, ты уже получила какие-то известия от тех людей, что приняли у себя принца Ричарда? Достаточно ли это надежное место?

— Я пока ничего от них не получила, — призналась я, с трудом сдерживая внутреннюю дрожь. — И каждый день жду весточки от этих людей. Им давно уже следовало написать мне, все ли у него благополучно, не грозит ли ему опасность. Не проходит и часа, чтобы я не поминала сыночка в своих молитвах. Нет, они и впрямь должны как-то меня известить!

— Их молчание ничего не значит; письмо могло попросту затеряться, — попытался успокоить меня Ричард. — Вот если бы что-то действительно пошло не так, они бы точно отравили

послание. А теперь уж и ждать недолго. Подумай только: ты заберешь сына по пути ко двору нашей свояченицы Маргариты Бургундской. А как только ты и твои сыновья окажетесь в безопасности, мы поднимем армию. Бекингом объявит, что переходит на нашу сторону. Маргарита Бофор также обещала нам поддержку своего мужа, лорда Стэнли, и всей его семьи. К тому же, если верить словам Бекингема, половина членов Тайного совета готовы пойти против короля Ричарда и присоединиться к нам. Сын леди Маргариты, Генрих Тюдор, со своим войском переправится из Бретани и вторгается на территорию Уэльса.

— Когда? — выдохнула я.

Ричард оглянулся. Река, как всегда, деловито гудела, мелкие суденышки, лодки и ялики, так и сновали между большими судами.

— Герцог Ричард... — Мой брат помолчал, улыбнулся и поправился: — Ах, простите, король Ричард, разумеется! Так вот, Ричард собирается выехать из Лондона в конце июля. Мы сразу же освободим Эдуарда и постараемся дать вам достаточно времени: около двух дней — вы должны успеть добраться до безопасного места. А потом, когда король будет уже далеко отсюда, мы поднимем восстание.

— Как дела у нашего брата Эдварда?

— Эдвард собирает армию в Девоншире и Корнуолле, а твой сын Томас Грей — в Кенте. Бекингом приведет людей из Дорсета и Гемпшира, Стэнли — из центральных графств, а леди Маргарита и ее сын Генрих именем Тюдоров поднимут весь Уэльс. Все те, кто преданно служил твоему мужу, готовы жизнь положить, но спасти его сыновей.

Я прикусила палец и задумалась; мысли мои текли примерно в том же порядке, как, наверное, текли бы они у моего покойного мужа: люди, оружие, деньги и поддержка всего населения Южной Англии.

— Этого достаточно, но только если мы успеем одержать победу до того, как Ричард приведет с севера своих людей.

Брат снова улыбнулся мне беспечной улыбкой Риверсов.

— Этого, безусловно, достаточно. Мы победим, у нас нет никаких оснований предполагать иной исход борьбы, — заявил он. — Герцог Глостер отнял корону у нашего мальчика. Нам нечего бояться — самое плохое уже произошло.

— Да, самое плохое уже произошло, — повторила я. — Самое плохое уже произошло. И не может быть ничего хуже наших теперешних потерь.

Озноб пробежал у меня по спине, но я решила, что это связано с печальными воспоминаниями о гибели моего любимого Энтони и моего старшего сына Ричарда Грея.

Ричард накрыл мою руку своей грязной рукой «рыбака».

— Будь же готова покинуть убежище, как только получишь от меня весточку, — велел он. — А я извещу тебя в тот же миг, как принц Эдуард окажется на свободе и в безопасности.

— Конечно, я буду готова.

ИЮЛЬ 1483 ГОДА

Я ждала у окна, одетая в дорожный плащ. В руках я держала шкатулку с драгоценностями. Рядом в ожидании отъезда стояли мои девочки, и все мы, не сговариваясь, молчали. Так, молча, мы провели уже более часа, с напряжением вслушиваясь в каждый шорох, но слышали лишь плеск речной воды у стены аббатства да время от времени взрывы смеха и пение на улице. Елизавета была точно натянутая струна, смертельно бледная от волнения и бесконечного ожидания.

Наконец послышался какой-то грохот, и мой брат Лайонел с топотом вбежал в убежище, захлопнул за собой дверь, запер ее на все засовы и, задыхаясь, выпалил:

— Мы потерпели неудачу! К счастью, нашим братьям и твоему сыну сейчас ничто не угрожает. Они успели немного отплыть вниз по реке и высадились на берег у монастыря францисканцев. Но взять Белую башню мы не смогли.

— Ты видел моего сына? — спросила я.

Лайонел покачал головой.

— Знаю только, что в Тауэре было двое мальчиков. Мы подошли совсем близко. Я собственными ушами слышал, как за дверями кричали, приказывали увести мальчиков в глубь крепости, где безопаснее. Боже мой! Прости меня, сестра. Меня отделяла от принцев всего одна дверь, но сломать ее нам так и не удалось.

Я села. Ноги не держали меня. Шкатулка с драгоценностями соскользнула с моих колен на пол. Лицо Елизаветы совсем посерело. Она молча повернулась и стала снимать с младших девочек плащи, так аккуратно их складывая, словно сейчас было особенно важно, чтобы они не помялись.

— Мой сын, — шептала я. — Мой сын...

— Мы пробрались внутрь крепости через речные ворота и преодолели расстояние между внешними и внутренними укреплениями, прежде чем они нас заметили. Мы уже рысью поднимались по лестнице к дверям Белой башни, когда кто-то поднял тревогу, и они сумели не только запереть ворота башни, но и хорошенько их забаррикадировать. Нам не хватило всего нескольких секунд! Томас стал стрелять по замкам, а мы дружно бросились и налегли на створки ворот, но было слышно, как изнутри с лязгом задвигают засовы, а потом из кордегардии на нас кинулась вооруженная охрана. Мы с Ричардом повернулись и стали обороняться, нам даже удалось их немного отогнать, пока Томас и люди Стэнли пытались проломить ворота или хотя бы приподнять их створки на петлях, но, увы, ворота оказались слишком прочны.

— Значит, люди Стэнли тоже там были? Как он и обещал?

— Да, и еще люди Бекингема. Естественно, не в ливреях. Но у всех были приколоты белые розы. Так странно было снова увидеть белую розу на шлемах! И странно сражаться за право войти во дворец, который нам же и принадлежит. Я крикнул, надеясь, что Эдуард меня услышит; мне хотелось хоть немного поддержать его, дать ему понять, что мы непременно за ним придем, что мы его не бросим. Вот только не знаю, слышал ли он меня.

— Ты ранен! — воскликнула я, вдруг заметив у брата на лбу кровавый рубец.

Лайонел потер лоб, словно это была не кровь, а грязь.

— Это ерунда, Елизавета. Я бы предпочел умереть, чем вернуться без Эдуарда.

— Не говори о смерти, — тихо предостерегла я. — Моли Бога, чтобы Эдуарду сегодня больше ничто не угрожало. Надеюсь, он не слишком напуган этой схваткой. Моли Бога, чтобы

его действительно всего лишь отвели в глубь Тауэра, а не увезли оттуда... в другое место.

— Возможно, для подготовки к следующей атаке нам будет достаточно и одного месяца, — невпопад ответил Лайонел. — Наш Ричард велел непременно тебе это передать. Твои друзья вооружаются, готовясь к сражению, а король тем временем скачет на север, и при нем всего лишь его личная охрана. Бекингом и Стэнли у него в свите, и они постараются убедить короля ни в коем случае не поворачивать назад, а ехать дальше, в Йорк. Джаспер Тюдор приведет сюда из Бретани свою армию, так что следующая битва не за горами. Как только узурпатор будет мертв, ключи от Тауэра окажутся в наших руках.

Елизавета выпрямилась, на руке у нее висели аккуратно свернутые плащи младших сестер.

— Неужели ты, мама, действительно доверяешь всем своим новым друзьям? — холодно спросила она. — Всем своим новым союзникам, которые вдруг перешли на твою сторону, но почему-то потерпели поражение? Ты веришь, что все эти люди готовы рисковать собственной жизнью ради возведения Эдуарда на трон, но забываешь, что всего лишь две-три недели назад они всласть ели и пили на пиру в честь коронации герцога Ричарда. Я, например, слышала, что леди Маргарита несла шлейф королевы Анны, в точности как когда-то несла и твой шлейф, мама. А потом наша новая королева расцеловала леди Маргариту в обе щеки. Да и во время коронации леди Маргарите оказывались всевозможные почести. И теперь вдруг она созывает войско нам в помощь? Теперь она стала нашим верным партнером? А ведь герцог Бекингем, находясь под твоей опекой, ненавидел тебя за то, что ты женила его на моей тетке Екатерине. Не сомневаюсь, он и теперь тебя ненавидит. Неужели это и есть твои надежные друзья? А может, это просто верные слуги нового короля, которым велено заманить тебя в ловушку? Еще неизвестно, на чьей они стороне, ведь сейчас они путешествуют вместе с Ричардом и вместе с ним гуляют в Оксфорде. И между прочим, никого из них не было в Тауэре в момент опасности, когда нужно было спасти моего брата.

Мои слова звучали не менее холодно:

— Сейчас я не могу выбирать себе союзников. А ради спасения сына я готова вступить в сговор хоть с самим дьяволом.

На лице Елизаветы мелькнула призрачная усмешка.

— Возможно, ты как раз и вступила с ним в сговор.

АВГУСТ 1483 ГОДА

В середине лета установилась страшная жара. Лайонел время от времени выбирался из нашего убежища в город и встречался с братьями и кое с кем из наших сторонников, как и мы, стремившихся свергнуть Ричарда III. Каждый раз, когда Лайонел уходил, меня охватывало чувство чудовищного одиночества. Елизавета хранила молчание и держалась отчужденно, и мне не с кем было поделиться своими страхами. Чуть ниже по реке, в Тауэре, по-прежнему находился в плену мой маленький сын, но, по словам нашей служанки Джеммы, никто из горожан давно уже не видел принцев, хотя раньше оба они, Эдуард и Ричард — о подменьше Джемма не знала, — часто играли в саду, упражняясь в стрельбе из лука на одной из зеленых лужаек. После той неудачной попытки выволить мальчиков из крепости они постоянно находились где-то во внутренних помещениях Тауэра, под охраной, и почти не бывали на воздухе. И теперь я опасалась, как бы они не заболели — при такой жаре в Лондоне снова могла начаться вспышка чумы.

В конце августа, услышав крик лодочника, я распахнула окно и выглянула наружу. Иногда рыбаки и лодочники привозили мне подарки, чаще всего просто сетку с рыбой, но этот человек держал в руке какой-то белый мячик.

— Сможете поймать, ваша милость? — спросил он, увидев меня в окне.

Я улыбнулась.

— Смогу.

— Тогда ловите.

И лодочник кинул мне мяч, который плавно пролетел у меня над головой. И все же я подскочила и поймала мяч обеими руками. Я даже засмеялась, внезапно испытал радость, словно от участия в какой-то детской игре. Это действительно был мяч, завернутый в белую бумагу. Ничего не понимая, я снова повернулась к окну, но лодочник уже исчез.

Я развернула бумагу, разгладила ее и... одной рукой схватилась за сердце, а другую прижала к губам, сдерживая крик: я узнала детски-округлый почерк моего маленького Ричарда.

Моя дорогая-предорогая матушка-королева!

Приветствую и благословляю тебя. Мне не разрешают часто писать тебе, как не разрешают и сообщать, где я в точности нахожусь, на тот случай, если письмо вдруг кто-нибудь похитит. Мне позволили сказать только, что доехал я вполне благополучно и здесь очень даже неплохо. Люди, у которых я живу, очень добрые, и я уже научился грести; они меня хвалят, говорят, что я молодец и ловкий малый. Скоро я, правда, отсюда уеду учиться в другой школе, потому что здесь меня не смогут научить всему, что мне нужно знать, но летом я буду снова жить здесь и ловить в реке угрей, которые очень даже вкусные, когда к ним привыкнешь. А потом, наверное, смогу и домой вернуться, к тебе.

Передай моим дорогим сестричкам, что я их люблю, а моему брату-королю — что я его люблю и уважаю. С глубоким почтением и любовью, твой сын Ричард, герцог Йоркский.

Хотя теперь меня зовут Питер. И я хорошо запомнил, что всегда должен отзываться на это имя. А хозяйка дома, где я живу, очень добра ко мне и называет меня «мой маленький Перкин», [32] и мне это даже нравится. [33]

Сквозь слезы я едва разбирала строки; промокнув глаза, я еще раз перечитала письмо. Я улыбалась, представляя, как эти простые люди называют моего сына «ловким малым», однако то, что хозяйка зовет его «своим маленьким Перкином», вновь заставило меня плакать так горько, что я с трудом перевела дыхание. Мне казалось, что я навсегда разлучена со своим сыном, а ведь он еще так мал. С другой стороны, я понимала, что должна радоваться: ведь Ричард в безопасности, ему, единственному из моих детей, ничто сейчас не угрожает — ни факт того, что он принадлежит к нашей семье, ни опасность новой войны, которая вот-вот снова разразится в Англии; я должна радоваться тому, что мой мальчик, который теперь откликается на имя Питер, может спокойно ходить в школу, учить иностранные языки, заниматься музыкой и ждать. Если мы победим, он вернется домой как принц крови; если мы проиграем, он станет в наших руках тем тайным оружием, о котором врагам ничего неизвестно: скрывающимся на чужбине наследником престола, ожидающим своего часа, Немезидой моего честолюбия и мщения. Мой сын и верные ему люди не оставят в покое никого из правителей, осмелившихся взойти на трон после нас с Эдуардом, и будут

преследовать их, точно призраки прошлого.

— Пресвятая Богородица, спаси и сохрани моего сына, — шептала я, закрыв лицо руками, и слезы так и текли у меня между пальцами. — Сохрани нашего мальчика, о, всемогущая Мелюзина.

СЕНТЯБРЬ 1483 ГОДА

Каждый день я получала известия о том, как идет подготовка и вооружение нашей армии — и не только в тех графствах, где этим занимались мои братья, но и по всей стране. Постепенно узнавая, что Ричард незаконно захватил английский трон, все большее число простых людей — мелкие сквайры, торговцы, ремесленники и даже главы гильдий, — а также представителей знати задавалось вопросом: как могло случиться, что младший брат покойного короля осмелился отнять корону у королевского сына? Разве можно допустить, чтобы человек, совершивший подобное преступление, остался безнаказанным и спокойно отправился на встречу с Создателем? Зачем человеку трудиться в поте лица всю жизнь, дабы возвысить и обеспечить свой род, если самый младший из его братьев, жалкий последыш, с которым в семье почти не считались, готов тут же занять его место, стоит этому человеку хоть немного ослабеть?

В стране осталось много людей — особенно в тех местах, которые мы с Эдуардом чаще всего посещали, — которые хорошо помнили нас, называли нас красивой парой и благословляли наших хорошеньких дочек и крепких, умных маленьких сыновей. Эти люди нарекли нас «золотым семейством», уверяли, что именно мы принесли в Англию мир и обеспечили ее трон целым выводком замечательных наследников. И теперь они были искренне возмущены, что не мы живем в королевских замках, что на троне Англии сидит не сын Эдуарда.

Я очень часто писала моему мальчику Эдуарду, нашему юному королю, заклиная его быть веселым и бодрым, но вскоре послания мои стали возвращаться назад нераскрытыми, с ненарушенными печатями. Их явно никто не читал. Значит, за нашей перепиской даже шпионы не следили! Неужели таким образом мне давали понять, что моего мальчика больше нет в королевских покоях Тауэра? С каким же нетерпением я ждала, когда наконец разразится эта война, которая освободит моего сына! Как страстно я желала ускорить ее начало, а не ожидать тщеславного неторопливого продвижения Ричарда на север через Оксфордшир и Глостершир в Понтефракт и Йорк. Добравшись до Йорка, Ричард пожаловал своему сыну, тощенькому болезненному мальчику, титул принца Уэльского. Он отдал ему титул, принадлежавший моему Эдуарду, словно мой сын был уже мертв! Весь тот день я провела на коленях, моля Бога дать мне возможность отомстить за столь тяжкое оскорбление. Я не смела даже подумать о том, что это, возможно, не просто оскорбление, что в действительности все гораздо хуже, что титул этот и впрямь уже свободен, что мальчика моего больше нет на свете.

За молитвой я не заметила, как настало время обеда. Ко мне зашла Елизавета позвать к столу, и, когда она помогала мне подняться на ноги, я спросила:

— Ты знаешь, что сегодня сотворил твой дядя?

— Да, — спокойно отозвалась дочь, хотя и отвернулась. — Городской глашатай весь день кричал об этом на площади. Его было слышно даже от наших дверей.

— Ты открывала двери? — встревожилась я.

Дочь вздохнула.

— Нет, не открывала. Я никогда их не открываю.

— Герцог Ричард украл корону твоего отца. А теперь еще и своего сына облачил в одежды твоего брата. Ничего, он за это заплатит. Собственной жизнью, — мрачно предрекла я.

— Неужели тебе мало тех, кто уже умер?

Я взяла дочь за руку и повернула к себе, заставив ее посмотреть мне в глаза.

— Речь идет о троне Англии, Елизавета. И о том, что твой брат по рождению имеет на него все права.

— Речь идет о гибели целой семьи, — ровным тоном возразила она. — У тебя ведь еще и дочери есть. А о нашем праве по рождению ты подумала? Мы все лето прячемся в этой норе, как крысы, а ты целыми днями молишь Господа о возмездии. Тебе даже точно неизвестно, где он сейчас, твой бесценный сын, — по-прежнему в тюрьме или уже мертв. А второго своего сына ты сама отослала куда-то ночью, в темноте, с чужими людьми. И мы не знаем толком ни где он, ни жив ли он. Ты жаждешь вернуть свой трон, не имея представления о том, остался ли у тебя хоть один сын, которого можно на этот трон посадить!

Охнув, я в ужасе отступила от дочери.

— Елизавета!

— Я бы хотела, чтобы ты сама написала моему дяде и согласилась принять его правление, — ледяным тоном произнесла она, рука ее в моей руке тоже была холодной как ледышка. — Да, я бы очень этого хотела! Предложи ему все обсудить и прийти к компромиссу. Дай ему понять, что мы, в общем-то, согласны на любые условия, которые он выдвинет. И убеди его освободить нас и позволить нам жить в Графтоне; мы заживем там как самая обычная семья, вдали от Лондона, вдали от заговоров и предательств, вдали от постоянной смертельной угрозы. Если сейчас ты объявишь, что готова сдаться, нам еще, возможно, удастся вернуть домой моих братьев.

— Но для меня это означало бы, что я вернулась к исходной точке, к тому месту, откуда начался мой путь! — воскликнула я.

— Но разве не была ты счастлива в Графтоне, когда жила там с родителями и со своим первым мужем, который подарил тебе Ричарда и Томаса? — скороговоркой протараторила Елизавета.

— Да, конечно была, — неосторожно ответила я, не успев подготовиться к такому вопросу.

— Вот и для самой себя я бы желала того же, — сообщила моя дочь. — И для своих сестер. Простого счастья. Ты упорно делаешь из нас наследниц собственного унижения и несчастья, а я бы предпочла быть наследницей того счастья, каким ты обладала до того, как стала королевой. Мне не нужен этот трон. Я мечтаю выйти замуж за человека, которого люблю, мечтаю совершенно свободно любить его.

Я посмотрела на дочь.

— В таком случае тебе придется отказаться от своего отца, от меня и от всего, что связывает тебя с династией Плантагенетов и делает принцессой Йоркской. Ты с тем же успехом могла бы быть Джеммой, нашей служанкой, если не хочешь подняться выше своего нынешнего положения, если не видишь своих возможностей и не собираешься ими пользоваться.

Елизавета глаз не отвела.

— Да, пожалуй, я предпочла бы стать такой, как служанка Джемма, а не такой, как ты, мама.
— В голосе дочери отчетливо прозвучало свойственное молодости презрение. — По крайней мере, служанка Джемма может вечером вернуться домой и лечь спать в свою собственную постель. Служанка Джемма может даже отказаться служить у той или иной хозяйки. Служанка Джемма может, наконец, попросту убежать из опостылевшего ей дома. А ты живешь точно прикованная цепью к английскому трону, заодно и нас, своих детей, ты сделала его рабами.

Собравшись с силами, я встала и холодно заявила:

— Ты не смеешь так разговаривать со мной!

— Зато я высказалась от всего сердца, — не отступила дочь.

— Тогда передай своему сердцу: даже когда оно говорит правду, рот должен быть на замке. Не хватало мне еще предательства со стороны собственной дочери.

— Мы с тобой не воюющие армии. Нечего рассуждать о каком-то предательстве. Да и что ты можешь мне сделать? Или прикажешь отрубить мне голову как предательнице?

— Да нет, милая, мы с тобой — армия, пребывающая в состоянии войны, — тихо возразила я. — И в такое время ты не посмеешь предать ни меня, ни себя.

Тогда я и сама не знала, насколько справедливы мои слова, поскольку мы действительно были армией и уже развязали войну, в ту ночь как раз сделав первый шаг. Сначала поднялись жители Кента, затем, услышав призыв к совместным действиям, должен был вступить в бой Суссекс. Но герцог Норфолк, оставшись верным Ричарду, двинул свои войска к югу от Лондона, преградив нашей армии путь и заблокировав единственную дорогу близ Гилдфорда. Теперь мы уже не могли соединиться со своими союзниками, наступавшими с запада. Впрочем, один из верных мне людей все же сумел пробраться в Лондон, нанял лодку и под прикрытием дождя и тумана подплыл к речным воротам нашего убежища. Я общалась с ним через решетку, опасаясь открывать ворота, так как их скрежет по мокрым камням мог привлечь чье-то внимание. Кроме того, я не была знакома с этим человеком, а с некоторых пор и вовсе перестала доверять кому бы то ни было.

— Я прибыл выразить свою приверженность вам, ваша милость, — несколько неуклюже начал он. — Кроме того, нам, моим братьям и мне, хотелось бы узнать: действительно ли вы желаете, чтобы мы поддерживали теперь Генриха Тюдора?

— Что? — не поняла я. — Что вы имеете в виду?

— Мы молились за нашего принца, каждый день молились, это чистая правда. Мы и свечи за него ставили, и все такое, и всем нам в Рейгейте было ужасно жаль, просто словами не выразить, что мы тогда опоздали и не сумели его выручить. Мы...

— Погодите, — решительно прервала я. — Остановитесь. О чем идет речь?

Крупное лицо мужчины вдруг исказилось от страха.

— Ох, помилуй меня, Господи! Только не говорите, что вы ничего не знали. Неужели я, как последний болван, вам проболтался? — В отчаянии он так взмахнул своей шляпой, что обмакнул украшавшее ее перо в воду, которая с чмоканьем лизала ступени причала. — Ох, милостивая государыня, я вел себя как последний дурак. Ведь надо было сначала убедиться... — Мужчина встревоженно глядел в темный коридор у меня за спиной. — Позовите кого-нибудь. Только, ради бога, не падайте в обморок.

Я и впрямь ухватилась обеими руками за решетку ворот, перед глазами у меня все плыло.

— Не бойтесь, я не упаду, — пообещала я пересохшими губами. — Я не имею привычки падать в обморок. Так вы утверждаете, что молодой король Эдуард казнен?

Мужчина покачал головой.

— Мертв — это точно, а больше мне ничего неизвестно. Да благословит вас Бог, у вас такое милое лицо. Вы уж простите меня за то, что именно я принес вам такую черную весть. Уж такую черную — и надо же, именно я. А ведь я прибыл всего лишь узнать, каковы будут ваши дальнейшие указания.

— Так он не казнен?

Мужчина покачал головой.

— По крайней мере, прилюдно ничего такого не было. Бедные мальчики! Но наверняка никто из нас ничего не скажет. Просто до нас дошли сведения, что принцев умертвили — благослови, Господь, их невинные души! — а мы должны по-прежнему сражаться с этим узурпатором, королем Ричардом, но на трон теперь предстоит посадить Генриха Тюдора, поскольку именно он считается следующим законным наследником и будущим наилучшим правителем.

Я хрипло рассмеялась, совершенно потрясенная всеми этими известиями.

— Сына Маргариты Бофор? Вместо моего сына вы намерены короновать Генриха Тюдора?

Мой собеседник, испугавшись моего безумного смеха, огляделся, словно ища поддержки.

— Мы же ничего не знали! — воскликнул он. — Мы дали клятву освободить принцев. И действовали во имя вашей победы, ваша милость. А теперь мы просто не представляем, как нам быть дальше, когда ваших сыновей больше нет. Люди Томаса Хауарда по-прежнему перекрывают дорогу, ведущую в лагерь вашего брата, так что и до него нам не добраться, и у него мы ничего спросить не можем. Вот мы и решили, что лучше всего потихоньку пробраться в Лондон да прямо у вас все и выяснить.

— Кто вам сообщил, что принцы мертвы?

Мужчина задумался, потом ответил:

— Этого человека прислал герцог Бекингем. Он привез нам немного денег и оружие для тех, у кого его не было, и объяснил, что теперь мы вполне можем доверять его господину, поскольку тот давно перешел на вашу сторону и ведет борьбу с лжекоролем Ричардом, мстя ему за гибель мальчиков. Он говорил, что раньше герцог был верным слугой короля Ричарда, считая его опекуном и защитником малолетних принцев, но, получив известие, что принцы по приказу короля убиты, в ужасе от него отвернулся. Этот человек сетовал на то, что герцог был в курсе почти всех планов лжекороля и все-таки не сумел предотвратить смерть принцев. — Мужчина умолк, испуганно на меня глядя. — Да хранит вас Бог, ваша милость. Может, вам лучше все-таки позвать кого-нибудь из фрейлин или служанок?

— Значит, все это поведал человек, присланный герцогом Бекингом?

— Да, это был хороший человек, он все очень здорово разложил по полочкам. Еще и за выпивку заплатил, велел промочить горло за здоровье герцога Бекингема. По его словам, лжекороль давно уже приказал тайком умертвить мальчиков, еще до того, как отправился в путешествие по стране. А герцог Бекингем, когда лжекороль открыл ему правду о принцах, поклялся, что больше не станет служить королю-убийце и пойдет против него. Тот человек

еще утверждал, что все мы должны восстать против такого правителя, который способен тайком уничтожать невинных детей. А еще — что герцог Бекингем мог бы стать куда лучшим королем, чем Ричард, и у него тоже есть законные права на трон... ну и так далее.

Но разве я не получила бы сигнал, если бы мой сын действительно умер? Ведь слышала же я, как река пела похоронную песнь по моему брату. И если бы мой сын и наследник, наследник моего рода, наследник королевского трона, был бы мертв, я бы это поняла. Ну конечно. Не мог мой сын погибнуть всего в трех милях от меня, а я — даже не почувствовать этого. В общем, я не очень-то поверила в историю о гибели принцев. И не собиралась верить до тех пор, пока мне не покажут благословенное тело моего сына. Нет, он не умер. Это исключено. И я решила, что не поверю в это, пока собственными глазами не увижу сына в гробу.

— Послушайте, — я придвинулась к самой решетке и посмотрела мужчине прямо в глаза, — возвращайтесь сейчас в Кент и передайте своим людям, что они все как один должны встать на защиту принцев, поскольку мои мальчики живы. Герцог Бекингем ошибается: король еще не убил их. Я в этом абсолютно убеждена — я их мать. И вот еще что: даже если мой сын Эдуард действительно мертв, то его младший брат, принц Ричард, находится вовсе не в Тауэре. Мы сумели благополучно переправить его в другое место, и теперь он в полной безопасности, но пока вынужден скрываться. Однако он еще вернется и займет трон, принадлежащий ему по праву. Плывите же в Кент, друг мой, ждите сигнала и будьте готовы к бою. Сражайтесь с гордо поднятой головой, твердо зная, что непременно должны уничтожить узурпатора Ричарда и освободить моих сыновей, а затем и меня.

— А герцог как же? — Мужчина явно был озадачен. — И Генрих Тюдор?

Я поморщилась и отмахнулась, словно даже и думать об этих двоих не стоило.

— Не сомневаюсь, что оба они — наши верные союзники в этом деле, — произнесла я с уверенностью, которой отнюдь не испытывала. — Будьте же и вы мне верны, а я буду помнить и вас, и каждого из тех, кто сразится за меня и моих сыновей, и никого из вас не забуду, когда вновь обрету свою законную власть.

Мужчина поклонился и, пятясь, спустился по ступеням к воде, затем осторожно шагнул в лодку и тут же растаял в темноте и тумане, плотной пеленой окутавшем реку. Я подождала, пока совсем стихнет плеск весел, и, глядя в темные воды Темзы, прошептала:

— Значит, герцог. Герцог Бекингем всем твердит, что мои сыновья мертвы. С чего бы ему делать это? Ведь он вроде клялся, что спасет их. Ведь он сам снабжает мятежников золотом и оружием. С какой стати ему говорить своим людям, что принцы мертвы, и одновременно призывать их с оружием в руках выступить против нынешнего короля?

Я поужинала вместе с дочерьми и теми немногочисленными слугами, что оставались с нами в убежище, но не способна была расслышать ни слова из того библейского текста, который, как всегда, после ужина старательно читала семилетняя Анна. Не слышала я и ответов остальных детей на вопросы Елизаветы о том, что они поняли из прочитанного отрывка. Пожалуй, я была еще более невнимательна, чем четырехлетняя Екатерина, но я действительно ни о чем не могла думать, кроме внезапно возникших и весьма упорных слухов о гибели моих сыновей.

Я рано отослала девочек спать, мне невыносимо было смотреть, как они играют в карты или поют рондо. Но уснуть так и не сумела и всю ночь ходила по комнате, стараясь ступать только на ту доску пола, которая не скрипела. То и дело я подходила к окну, наблюдала за рекой, возвращалась обратно и все размышляла: почему же все-таки Ричарду именно сейчас

понадобилось убить моих мальчиков? Ведь он и так достиг всего, чего хотел: убедил Совет назвать их бастардами, провел через парламент акт о признании моего брака недействительным, провозгласил себя законным наследником престола, и сам архиепископ надел корону на его темноволосую голову. Его болезненная жена Анна была коронована как королева Англии, а их сыну пожалован титул принца Уэльского. И всего этого Ричард добился, пока я торчала в убежище, а мой сын томился в тюрьме. Ричард праздновал победу, зачем же ему теперь уничтожать нас? Почему именно сейчас ему это необходимо? Неужели по приказу Ричарда мальчиков действительно утертвили? Ведь Ричард же наверняка понимал, что не сможет избежать обвинения в совершенном преступлении, поскольку каждому в Англии известно, что моих сыновей в Тауэр поместил именно он и именно он является их опекуном. Каждый знал также, что моего сына Ричарда переправили в Тауэр против моей воли, — большей публичности просто трудно представить. К тому же сам архиепископ поклялся мне при свидетелях, что мальчику не будет причинено никакого вреда.

И уж совсем не похоже на Ричарда куда-то уехать, бросив незавершенные дела. Когда он и два его брата решили, что бедный король Генрих должен умереть, они втроем, встретившись у дверей, вошли к Генриху — мрачные, но внутренне совершенно готовые к убийству. Таковы уж они, принцы Йоркские: им тоже, разумеется, свойственны гнусные деяния, однако они не перепоручают их кому-то, а все делают сами. Слишком много риска — просить кого-то погубить двух невинных мальчиков, да еще принцев крови, подкупать охрану, прятать тела; нет, это все не для Ричарда. Я же видела, как он убивает: сразу, без предупреждения, зато не скрываясь и не испытывая стыда. Человек, приказавший обезглавить сэра Уильяма Гастингса на колоде, вынутой из строительных лесов, не моргнув глазом прижал бы подушку к лицу мальчика. И если бы этому суждено было случиться, я не сомневалась: Ричард сделал бы все собственноручно. В крайнем случае отдал бы приказ, но непременно сам проследил бы, что все исполнено как надо.

Эти мысли убеждали меня, что этот господин из Рейгейта ошибается и мой маленький Эдуард все еще жив. Но я снова и снова подходила к окну, смотрела на воду, пытаюсь хоть что-то разглядеть во тьме и тумане, и думала: а если я ошибаюсь, ошибаюсь во всем, даже в своем доверии к Мелюзине? Что, если Ричарду все же удалось найти человека, который согласился убить мальчиков? Что, если Эдуард мертв? Что, если я утратила дар предвидения и совершенно не представляю нашего будущего? Что, если я вообще больше ничего в этой жизни не понимаю?

К рассвету я была уже не в силах оставаться наедине со своими размышлениями и сомнениями и послала слугу за доктором Льюисом. Я велела разбудить его и вытащить из постели, сообщив, что я смертельно больна. Впрочем, когда доктор явился, ложь моя стала уже почти правдой: у меня и впрямь был жар, и меня сильно знобило — видимо, из-за пережитого чрезвычайно сильного душевного напряжения.

— Как вы себя чувствуете, ваша милость? — осторожно обратился ко мне доктор Льюис.

При свете свечи я выглядела, наверное, ужасно — растрепанные волосы кое-как заплетены в косу, платье все перекручено.

— Передайте леди Маргарите, — начала я напрямик, — что в Тауэр необходимо поставить самых своих надежных людей на охрану моего сына Эдуарда, пока мы не сможем вывести его оттуда. И пусть леди Маргарита воспользуется и своим влиянием, и именем своего знатного супруга. Она должна обеспечить моим сыновьям надлежащую защиту, поскольку им грозит опасность. Ужасная опасность.

— Вы получили какие-то известия?

— Да. Кто-то упорно распространяет слухи, что мои мальчики мертвы.

Доктор не выразил ни малейшего удивления.

— Надеюсь, Господь этого не допустит, ваша милость, но, боюсь, это не просто слухи. Все происходит именно так, как и предупреждал нас герцог Бекингем. Он ведь не раз говорил, что лжекороль готов убить даже своих племянников ради трона.

Я отпрянула от доктора, но не резко, а осторожно — словно, протянув руку, заметила змею, гревшуюся на солнце именно в том месте, которого чуть не коснулась.

— Да, — отозвалась я и вдруг почувствовала страшную усталость. — Именно так. И в точности те же слова произнес человек, присланный герцогом.

Доктор перекрестился.

— Помилуй нас, Боже.

— И все же я верю, что преступление еще не совершено. И собираюсь предотвратить его.

Доктор кивнул, но все же ответил:

— Боюсь, мы можем опоздать, ваша милость. Боюсь, мы их уже потеряли... Ваша милость, я сочувствую вам от всего сердца...

— Благодарю за сочувствие, — ровным тоном прервала я.

Боль так пронзала мои виски, что я даже думать толком не могла. У меня было такое ощущение, будто я смотрю прямо в глаза ядовитой змее, и она тоже глаз с меня не сводит.

— Господь всемогущ, и я полагаю, что наше восстание уничтожит дядю, который может убить родных племянников. В борьбе с этим Иродом Бог будет на нашей стороне.

— Если это действительно сделал Ричард, — тихо заметила я.

Доктор Льюис глянул на меня так, словно мои слова потрясли его до глубины души, хотя он только что вполне спокойно рассуждал об убийстве двух невинных детей.

— Кто же еще способен на такое преступление? — запальчиво воскликнул он. — Кому еще это может быть выгодно? Кто казнил сэра Уильяма Гастингса, и вашего брата, и вашего сына? Кто является убийцей ваших близких и вашим злейшим врагом? Ваша милость, вам просто некого подозревать, кроме... этого человека!

Я вся дрожала, к глазам подступили слезы, они жгли мне глаза.

— Не знаю... — запинаясь, пробормотала я. — Просто я чувствую, что мой мальчик жив. Я бы сразу поняла, если б его убили. Мать всегда первой узнает о таких вещах. Спросите у леди Маргариты: узнала бы она, если б убили ее Генриха? Мать всегда знает. По крайней мере, хоть мой Ричард в полной безопасности.

Наживку доктор, разумеется, проглотил, и я заранее представляла, как он отреагирует на подобное заявление, — я успела заметить, каким шпионским интересом вспыхнули его масляные глаза.

— Вот как, неужели? — изумился он, явно надеясь на разъяснения.

Но я уже сказала достаточно.

— Слава богу, они оба в безопасности, — поправилась я. — Но ответьте: почему вы-то так уверены, что мои мальчики мертвы?

Доктор нежно коснулся моей руки.

— Мне не хотелось вас огорчать... Но мальчиков никто не видел с тех пор, как лжекороль покинул Лондон. Герцог Бекингем и леди Маргарита полагают, что Ричард приказал их убить еще до своего отъезда. Никто из нас ничего не мог сделать для их спасения. Ведь когда мы попытались взять Тауэр штурмом, ваши сыновья уже погибли.

Я выдернула из ласковых рук доктора свою руку и коснулась ладонью лба: голова у меня просто раскалывалась от боли. И это, к сожалению, не давало мне возможности мыслить достаточно ясно. Но я помнила: Лайонел вроде как слышал крики слуг насчет того, что мальчиков нужно увести в глубь Тауэра, когда одна лишь последняя дверь отделяла его от моего маленького Эдуарда. Впрочем, с чего бы доктору Льюису лгать мне?

— Разве для нашего дела не было бы лучше, если бы герцог Бекингем хранил молчание? — спросила я. — Мои друзья, члены моей семьи и многочисленные союзники собирают войска, чтобы вызволить принцев, а Бекингем тем временем твердит, что мальчиков уже нет в живых. Зачем моим людям выворачиваться наизнанку, если законный наследник престола мертв?

— Но ведь они все равно узнали бы об этом — раньше или позже, — умело уклонился от вопроса доктор Льюис. Слишком умело.

— И все-таки, — настаивала я, — зачем им узнавать об этом перед решающей схваткой?

— Все должны знать: этот приказ был отдан королем-самозванцем! — вскричал доктор. — Тогда вся вина падет на герцога Ричарда, и ваши люди поднимутся, мечтая ему отомстить.

Я никак не могла понять, почему, почему это так важно. Я просто чувствовала, что за всем этим стоит явная ложь, но ткнуть пальцем и показать, где она, эта ложь, пока не могла. Но была уверена: тут что-то не так!

— Но кто бы усомнился, что именно король Ричард велел их убить? Как вы его назвали? Убийца моих близких и мой злейший враг? Зачем же нам в такой ответственный момент вытаскивать на свет божий свои страхи и опасения и сбивать с толку наших людей?

— Никто бы, разумеется, в этом не усомнился, — согласился доктор. — Все было бы ясно: никто, кроме Ричарда, этого сделать не мог. Да и никто другой никакой выгоды от подобного преступления не получил бы.

Охваченная внезапным нетерпением, я вскочила на ноги, задела стол и уронила подсвечник.

— Я вас не понимаю!

Доктор Льюис поднял подсвечник, и пламя запрыгало, отбрасывая на его дружелюбное лицо жуткие тени. На мгновение мне показалось, что сейчас он именно такой, каким его увидела моя Сесилия, когда прибежала ко мне и сообщила, что у наших дверей стоит Смерть. От ужаса у меня перехватило дыхание. Я даже отступила на шаг, а доктор аккуратно поставил свечу и встал, как ему и подобало, поскольку я, вдовствующая королева, уже стояла перед ним.

— Вы можете идти, — добавила я без всякой связи с предыдущей фразой. — Простите, я очень расстроена. Просто не представляю, что и думать. Вы можете идти. Оставьте меня.

— Не дать ли вам снотворное — отвар или пилюлю? Это поможет вам уснуть. Мне очень жаль, что я так огорчил вас.

— Нет, теперь я и так непременно усну. Спасибо, что составили мне компанию. — Я перевела дыхание, отбросила с лица волосы. — И успокоили своими мудрыми словами. Нет, теперь я, право, пришла в себя.

Доктор был явно озадачен.

— Но я ничего особенного вам не сказал...

Я покачала головой. Я просто дождаться не могла, когда же он меня оставит.

— Вы поделили со мной мои тревоги, а это уже акт в высшей степени дружеский.

— Первым делом, прямо с утра, я повидаюсь с леди Маргаритой, поведаю ей о ваших страхах и попрошу направить в Тауэр надежных людей, которые постараются раздобыть более достоверные сведения о ваших мальчиках. Если они живы, мы непременно подберем им достойную охрану и обеспечим безопасность.

— По крайней мере, хоть Ричард в безопасности, — как бы невзначай обронила я.

— В большей безопасности, чем его брат?

Я улыбнулась, как улыбается женщина, владеющая какой-то тайной.

— Ах, доктор! Предположим, у вас есть два редких сокровища, но вы боитесь воров — разве вы положите обе драгоценности в одну шкатулку?

— Так Ричарда в Тауэре нет?! — уточнил доктор еле слышно, но с невероятным напряжением, не сводя с меня своих голубых глаз.

Я приложила палец к губам.

— Тише...

— Но ведь оба мальчика были убиты в постели...

Были ли? Неужели? Почему ты так в этом уверен, Льюис? Я очень старалась, чтобы лицо мое оставалось неподвижным и холодным как мрамор, и доктор наконец отвернулся от меня, потом расшаркался и направился к двери.

— Передайте леди Маргарите, что я умоляю ее направить в Тауэр своих людей и велеть им как следует охранять моего сына, — громко произнесла я вслед. — Как если бы это был ее родной сын.

Доктор еще раз поклонился и исчез за дверью.

Когда дети проснулись, я сообщила им, что больна и останусь в постели. Елизавету, которая все пыталась ко мне проникнуть, я остановила в дверях, объяснив, что мне нужно поспать. Спать мне вовсе не хотелось, я собиралась разобраться в том, что происходит. Стиснув голову руками, я босиком ступала по комнате, чтобы дети не услышали моих шагов, но тщетно напрягала свой ум, пытаясь хоть что-то понять. Я чувствовала себя совершенно одинокой в этом мире умелых интриганов. Герцог Бекингем и леди Маргарита действовали или сообща, или, по крайней мере, каждый в своих интересах. Но делали вид, что служат мне и являются моими союзниками; впрочем, возможно, они и впрямь были мне верны и я ошибалась, не доверяя им. Мысль моя явно ходила по кругу. Я даже подергала себя за волосы на висках, стараясь причинить боль, словно это могло заставить меня лучше

соображать.

Да, я желала зла Ричарду, я наложила заклятие на этого тирана, однако сейчас с его гибелью можно было и подождать. Это он заключил моего мальчика в тюрьму, но вовсе не он распространял слухи о смерти принцев. Он продолжал насильно держать детей в Тауэре, противясь моей и их воле, но не он старался подготовить народ к тому, что принцев уже нет на свете. Да, он захватил трон путем лжи и обмана, отдал титул принца Уэльского своему сыну, но для этого ему вовсе не нужно было убивать моих мальчиков. Он и так поступал по-своему, он и так уже стал победителем и получил все, что хотел, не запятнав свои руки кровью детей, так что сейчас ему тем более ни к чему было убивать Эдуарда. Английский трон Ричард уже занял, теперь ему ничто не угрожало, Тайный совет одобрил его восшествие на престол, парламент тоже, и он в качестве полноправного короля отправился осматривать свои владения, и вся страна радостно его приветствовала. Наверное, Ричард знал, что где-то готовился мятеж — и это моих рук дело, — но не сомневался, что Хауарду удалось этот мятеж подавить. Ричард был уверен, что восставшие теперь никакой опасности не представляют. Значит, ему нужно одно: держать моих сыновей в заключении и добиться от меня признания своего поражения, чего так настойчиво требует от меня и Елизавета.

Оказывается, еще и герцог Бекингем имеет определенные претензии на трон — в том случае, если не станет Ричарда, его сына и, разумеется, моих сыновей. Правда, пока мои сыновья живы, претензиям Бекингема грош цена. Но если этот слабенький детеныш, сынок Ричарда, умрет, сам Ричард падет в бою, а Бекингем во главе победоносного мятежа ворвется в Лондон, тогда именно у него, Бекингема, будут все основания получить корону. Тогда никто не станет отрицать, что именно он является следующим наследником престола — особенно если все узнают, что оба мои сына мертвы. Тогда Бекингем поступит так же, как поступил когда-то и мой муж Эдуард, предъявив свои права на трон и прекрасно осознавая, что в Тауэре находится его соперник, обладающий точно такими же правами. И мой Эдуард и его два брата, войдя в Лондон во главе победоносной армии, сразу направились в лондонский Тауэр, где пребывал в заключении настоящий король, и убили его, хотя у несчастного Генриха сил было не больше, чем у невинного младенца. Значит, рассуждала я, герцог Бекингем рассчитывает, что, победив Ричарда и ступив в Лондон, он тоже сразу двинется в Тауэр, объявив всем, что прежде всего намерен выяснить правду о моих сыновьях. Затем последует пауза, достаточно долгая, чтобы люди успели вспомнить слухи о гибели мальчиков и начали опасаться, что эти слухи оправдаются. Затем Бекингем покинет Тауэр и с трагической миной на лице заявит, что мои сыновья обнаружены мертвыми — похороненными во дворе под булыжником, или спрятанными в шкафу, или зверски убитыми в постели самим Ричардом, их дядей-злодеем. Тем самым Бекингем полностью подтвердит справедливость тех сплетен, которые сам же и распускал. Ему останется лишь добавить, что, поскольку принцы погибли, английский трон придется занять ему, и к этому времени не останется в живых никого, кто смог бы оспорить его права.

К тому же Бекингем является констеблем Англии.[34] У него уже и сейчас имеются в распоряжении ключи от Тауэра.

Прикусив палец, я остановилась у окна. Довольно о Бекингеме. Теперь следует обратить внимание на своих «закадычных друзей» — леди Маргариту Стэнли и ее сына Генриха Тюдора. Они наследники дома Ланкастеров, и леди Маргариту вполне могла посетить мысль, что Англии пора снова повернуться лицом к этой династии. Сейчас ей приходится быть союзницей Бекингема и моих сторонников; Генрих Тюдор слишком молод и не сможет собрать достаточно сильную армию из иностранных наемников и самостоятельно победить Ричарда. Он почти всю жизнь прожил в ссылке, и сейчас появилась прекрасная возможность вновь вернуться в Англию, причем вернуться королем. Вряд ли Маргарита настолько глупа, что не понимает: не стоит идти на такой риск, как открытое противодействие Ричарду, ради чего-то меньшего, чем английский трон. Ее супруг с самого начала был на стороне Ричарда, и теперь они заняли у него при дворе весьма высокое положение. Собственно, леди Маргарита

уже вела переговоры с Ричардом относительно возможности даровать ее сыну прощение и позволить ему благополучно поселиться в Англии. И уже получила разрешение передать сыну свои земельные владения в качестве наследства. Так неужели она готова все это поставить под удар ради сомнительного удовольствия посадить на трон моего сына и заставить меня быть ей обязанной? Да с какой стати?! С какой стати ей идти на подобный риск? Скорее уж она станет действовать как раз в интересах своего сына, защищая его претензии на трон. Именно поэтому она вместе с Бекингемом и приучает страну к мысли о гибели моих сыновей и о том, что это дело рук Ричарда.

Но хватит ли у Генриха Тюдора мужества проникнуть в Тауэр и объявить, что он явился во имя спасения принцев, а затем удавить обоих мальчиков и снова выйти к народу с ужасной вестью о том, что законные наследники престола, ради которых он так храбро сражался, давно мертвы? Смогут ли они — он и его великий друг и союзник Бекингем — поделить доставшееся им королевство? Предположим, Генрих Тюдор возьмет себе свой фамильный фьеф Уэльс, а Бекингему достанется север. А если Бекингем падет в бою? Будет ли Генрих тогда неоспоримым наследником трона? Или, может, его мать пошлет в Тауэр своих слуг удушить моего мальчика во сне, а вовсе не ради его спасения? По силам ли отдать подобный приказ столь богобоязненной женщине, почти святой, какой она представляется всем? Сможет ли она ради своего сына принести в жертву все, что угодно, даже моего Эдуарда? Не знаю. Да и откуда мне знать! Зато я поняла одно: именно герцог Бекингем и леди Маргарита распространяют слухи, что принцы мертвы. И при этом собирают войско для сражения против короля-узурпатора. А засланный ко мне агент леди Маргариты — этот доктор Льюис — еще и роняет как бы невзначай, что оба мальчика убиты в постели. И получается, что единственный, кто не готовит Англию и весь мир к оплакиванию безвременной гибели принцев, единственный, кому их смерть не несет никакой выгоды, — этот мой смертельный враг, вернее, тот, кого я таковым считала: Ричард Глостер.

Мне потребовался целый день, чтобы определить размер надвигающихся на нас бедствий; даже к вечеру, за ужином, я еще во многом сомневалась. Да и как иначе, ведь жизнь моих сыновей зависела от того, в ком я сумею почуять врага, а кому стану доверять как другу. Уверенной до конца я не была ни в чем. Мои «случайно» произнесенные слова о том, что мой сын Ричард защищен и находится далеко от Тауэра, должны были, по крайней мере, заставить убийцу помедлить; и я очень надеялась, что это поможет мне выиграть хоть немного времени.

Днем я написала своим братьям, которые готовили мятеж в южных графствах, и предупредила их о заговоре и о том, что заговор этот способен — подобно змеиному яйцу со змеенышем, которое подкинули в птичье гнездо, — полностью нарушить все наши планы. Я написала им, что Ричард по-прежнему является нашим врагом, однако его злоумышления могут оказаться сущим пустяком по сравнению с той опасностью, которая грозит нам со стороны союзников. Я отправила письма с гонцами, но отнюдь не была уверена, что мои братья получат их вовремя, да и вообще когда-нибудь получат. Однако выразилась я в этих посланиях вполне ясно.

Теперь я убеждена: безопасность моих сыновей, как и моя собственная, гарантирована лишь в том случае, если герцог Бекингем и его союзник Генрих Тюдор не доберутся до Лондона. Лжекороль Ричард по-прежнему наш враг, но у меня нет ни малейших сомнений, что если Бекингем и Тюдор с победой войдут в Лондон, то они явятся сюда как наши убийцы. Вы должны любым способом остановить продвижение войск Бекингема, добраться до Тауэра раньше его и Генриха Тюдора и успеть спасти нашего мальчика.

В ту ночь я у окна слушала реку. Елизавета вышла из спальни младших девочек, смежной с моей, и встала рядом. Ее юное лицо было мрачным.

— Что случилось, мама? — спросила она. — Пожалуйста, не скрывай правду. Ты весь день просидела взаперти. Ты что, получила дурные вести?

— Да, — призналась я. — Скажи, ты не слышала пения реки? Как в ту ночь, когда погибли дядя Энтони и твой сводный брат Ричард Грей.

Дочь попыталась отвести глаза, но я проявила настойчивость.

— Елизавета, ты слышала, как пела река?

— Да, но не так, как в ту ночь, — отозвалась она.

— Значит, ты что-то слышишь?

— Очень слабо. Какое-то тихое и нежное пение, напоминающее колыбельную или жалобу. А ты разве не слышала, мама?

Я покачала головой.

— Нет. Но душа моя полна страха за Эдуарда.

Елизавета прильнула ко мне и ласково коснулась моей руки.

— Неужели бедному брату угрожает какая-то новая опасность?

— Да, так мне кажется. Думаю, герцог Бекингем пойдет против нас, если выиграет это сражение с Ричардом. Я уже написала твоим дядьям, но неизвестно, смогут ли они остановить его. У герцога огромная армия. Сейчас он вместе с ней движется вдоль реки Северн в Уэльсе и вскоре прибудет в Англию. Не знаю, как мне действовать. Не представляю, смогу ли я, находясь здесь, сделать хоть что-то, как-то обезопасить моего сына, как-то защитить и его, и всех нас от Бекингема. Нам ни в коем случае нельзя позволить ему войти в Лондон. Ах, если бы у меня была возможность устроить ему в Уэльсе какую-нибудь западню!

Елизавета задумалась и направилась к окну, через которое в наши душные комнаты благодатным потоком вливался влажный речной воздух.

— Хорошо бы дождь начался. — Она лениво потянулась. — Такая жарница. Нет, правда, ужасно хочется дождя! Скорей бы.

И тут же, словно отвечая ее желанию, комнату наполнил легкий шепот прохладного ветерка, а потом послышался перестук редких дождевых капель по свинцовым переплетам раскрытого окна. Елизавета еще шире распахнула створки, чтобы видеть небо и темные тучи, которые ветер нес над рекой.

Я тоже подошла к окну и встала рядом с дочерью. Ливень уже всю молотил по темной поверхности воды; если от первых крупных капель там расплывались большие круги, точно от играющей рыбешки, то постепенно кругов становилось все больше, и вскоре они все слились, а шелковистая поверхность реки напоминала испещренную выбоинами проезжую дорогу. Затем разразилась гроза, да такая сильная, что уже ничто было не различить в завихрении водных струй — казалось, над Англией разверзлись небеса. Смеясь, мы стали закрывать окна. Буря все не утихала, по нашим рукам и лицам текла вода. Мы вымокли до нитки, но сумели плотно, на задвижку, запереть все окна в моей комнате. После мы бросились закрывать и все остальные, а дождь все лил и лил как из ведра, словно мои бесчисленные горести и тревоги изливаются этими небесными слезами.

— Такой ливень грозит наводнением, — заметила я.

Моя дочь промолчала, но согласно кивнула.

Дождь шел всю ночь. Елизавета легла спать вместе со мной, как часто делала в детстве, и мы с ней лежали в теплой сухой постели, слушая стук капель и непрерывный плеск речных волн о стены нашего убежища. Переполнились желоба на крышах, вода в водосточных трубах пела, точно в фонтанах, и мы с дочерью уснули, подобно двум водяным богиням, под стук ливня и хлюпанье непрерывно поднимавшейся речной воды.

А утром, когда мы проснулись, нам сначала показалось, что еще ночь, так было темно. Дождь шел по-прежнему, вода в реке все поднималась. Елизавета то и дело бегала к речным воротам аббатства и вскоре сообщила мне, что все нижние ступени лестницы уже залиты. Из-за непогоды движение на реке почти полностью прекратилось, а те немногочисленные смельчаки, кто все же спустил свои лодчонки с товаром на воду, гребли явно с огромным трудом, скрючившись в три погибели под напором ветра и тщетно пытаясь защититься от стихии надетыми на голову и насквозь промокшими мешками. Мои девочки все утро проторчали у окон, глядя на необычайно высокую воду и этих несчастных гребцов. Река явно выходила из берегов; мелкие суденышки были поспешно убраны в лодочные сараи, крепко привязаны к причалам или вытащены как можно дальше на берег, поскольку река с каждой минутой все больше разливалась, да и течение стало слишком сильным. По случаю непогоды мы даже растопили камин — в убежище и впрямь было темно и сыро, как в ноябре, — и стали играть в карты; я все время позволяла девочкам у меня выигрывать. Мне было хорошо — я всегда очень любила звук дождя.

И на следующую ночь мы с Елизаветой тоже лежали, обнявшись, в моей постели, и слушали, как поет вода, сливаясь потоками с крыш аббатства и падая на мощеный двор. А к утру и в доме раздалось теньканье капель — это вода сочилась сквозь черепичную крышу. Я поднялась, разожгла огонь в камине и подставила горшки там, где протекало. Елизавета тоже встала, открыла ставни и, выглянув в окно, сказала, что дождь льет по-прежнему и, судя по всему, будет идти весь день.

Девочки затеяли игру в Ноев ковчег. Елизавета прочитала им соответствующую историю из Библии, и они устроили торжественное шествие с игрушками и подушками, которые изображали «каждой твари по паре». Ковчегом служил мой письменный стол, который перевернули вверх ногами и с боков закрыли простынями. Я даже разрешила девочкам пообедать в «ковчеге», а перед сном заверила их, что бояться нечего, что Всемирный потоп, случившийся во времена Ноя, был очень давно и, уж конечно, Господь не допустит второго потопа даже с целью наказать всяких плохих людей. Этот дождь, рассуждала я, послан заставить тех, кто хочет совершить нечто дурное, сидеть дома, лишившись возможности причинить кому-либо зло. Благодаря тому что Темза так сильно разлилась, ни один злодей теперь в Лондон попасть не сможет, а значит, все люди здесь будут в полной безопасности.

Елизавета слушала меня с легкой улыбкой, но, когда девочки улеглись спать, все же взяла свечу, сходила по темному коридору к речным воротам и выяснила, насколько еще поднялась вода.

Оказалось, что поднялась она значительно сильнее, чем можно было ожидать. Елизавета удивлялась, потому что такого наводнения еще никогда не видела; ей показалось даже, что вода вскоре затопит и весь коридор до самой лестницы, ведущей в наше убежище, если прибудет еще хотя бы на пару футов. А если в ближайшее время дождь не прекратится, то вода может добраться и выше. Нам, правда, пока ничего не грозило — от коридора нас отделяло еще два пролета каменной лестницы, — но беднякам, что живут на речных берегах, явно пришлось собирать свой жалкий скарб и бежать из дома под натиском разбушевавшейся стихии.

На следующее утро наша служанка Джемма явилась в задранном платье и с грязными по колено ногами. Она сообщила, что в низких местах улицы совершенно затоплены и повсюду распространяются страшные истории о том, как водой унесло несколько домов, а выше по реке разрушены все мосты и целые деревни отрезаны от остального мира. Таких дождей в сентябре еще никогда не бывало; казалось, им нет конца. Выяснилось, что купить на рынке свежие продукты совершенно невозможно, поскольку дороги размыты и крестьяне не могут доставить в город свои товары. Хлеб сразу сильно подорожал из-за нехватки муки, а некоторые булочки даже и печи растопить не сумели, потому что все дрова безнадежно отсырели. Джемма заявила, что ночевать останется у нас, потому что боится возвращаться домой по затопленным улицам.

Утром дождь все еще шел, и девочки, не отлипавшие от окон, то и дело описывали нам всякие странные и интересные события. Бриджит, например, до смерти перепугалась, увидев, как мимо наших окон проплыла утонувшая корова. Затем кто-то из них заметил, как мимо плывет перевернутая телега. Бурным течением несло бревна — судя по всему, от разрушенных во время наводнения домов; бревна налетали друг на друга и глухо ударялись о стены нашего убежища и о ступени затопленной лестницы, ведущей к речным воротам, в которые теперь могла проникнуть только сама река, — весь коридор был уже затоплен, и мы, стоя на лестнице, разглядели лишь верхушку резных чугунных ворот да клочок неба. Река поднялась, наверное, футов на десять и беспрепятственно вливалась в катакомбы аббатства, омывая гробницы спящих там мертвецов.

Я даже и не пыталась высматривать среди бурных волн гонца, присланного моими братьями. Вряд ли можно было ожидать, что в такую непогоду кто-то доберется до Лондона из западных графств. Впрочем, теперь мне не так уж и нужны были вести от них — я и так знала, что происходит: реки восстали против Бекингема; высочайший прилив бил о берег волнами, не давая Генриху Тюдору высадиться на английскую землю; их армии тонули в потоках дождя. Все воды Англии разом поднялись на защиту своего принца!

ОКТАБРЬ 1483 ГОДА

Ричард, этот лжекороль, потрясенный предательством своего ближайшего друга, которого он возвысил до звания констебля Англии, понял всего через несколько мгновений, что войско герцога Бекингема раза в два превосходит сопровождавший его, короля, гвардейский отряд. Ричарду пришлось спешно поднимать армию, и он потребовал, чтобы под его знамена встал, присягнув ему на верность, каждый дееспособный мужчина королевства. Армия действительно стала собираться под его знаменами, хотя и довольно медленно. Герцог Норфолк, недавно подавивший мятеж в южных графствах, был уверен, что Лондону в данный момент ничто не угрожает. Не сомневался он и в том, что Бекингом собрал значительное войско в Уэльсе, а Генрих Тюдор со своей армией вскоре к нему присоединится, приплыв из Бретани, и, если у Тюдора будет в распоряжении хотя бы тысяча человек, силы короля и мятежников будут примерно равны. А при таком раскладе даже предсказать невозможно, чем закончится это противостояние. С другой стороны, Тюдор вполне мог собрать и большую, чем у Ричарда, армию, и тогда королю пришлось бы туго, поскольку во главе объединенных сил противника встал бы Джаспер Тюдор, один из величайших полководцев, когда-либо служивших дому Ланкастеров.

Ричард направился в Ковентри, ни на шаг не отпуская от себя лорда Стэнли — мужа леди Маргариты и отчима Генриха Тюдора. Однако сына самого лорда Стэнли, лорда Стренджа, отыскать так и не смогли. Слуги признались, что их хозяин с огромным войском, состоящим из его арендаторов и сторонников, двинулся на помощь своему господину. И теперь Ричарда

более всего тревожило то, что никто так и не смог ему сказать, кто же он — этот господин лорда Стренджа.

От Ковентри Ричард двинулся на юг, желая отрезать своего бывшего друга и нынешнего предателя Бекингема от мятежников, которые усилиями моих братьев объединились в южных графствах, создав настоящую армию. Ричард рассчитывал, что Бекингом, переправившись через Северн, окажется на территории Англии, где вопреки ожиданиям не найдет никого из союзников, зато столкнется с поджидающей его королевской армией, настроенной из-за проливных дождей весьма мрачно.

По раскисшим дорогам войска перемещались крайне медленно. Все мосты унесло поднявшейся водой, и людям приходилось преодолевать многие мили в поисках переправы. Даже лошади офицеров и королевской охраны с трудом пробивались вперед, по грудь утопая в липкой грязи, а пешие воины брели, низко опустив голову, промокшие до костей; по ночам, на привалах, они даже костер не могли разжечь, не находя сухого топлива.

Но Ричард, пребывая в крайне дурном расположении духа, все продолжал гнать людей вперед. Его весьма мало утешала мысль, что и его противник Генрих Стаффорд, герцог Бекингем, — человек, которого он некогда так любил, которому больше всех доверял, — сейчас тоже тащится по пояс в грязи через вздувшиеся реки под непрекращающимся дождем. Ричард рассчитывал лишь на то, что подобная погода вряд ли поможет мятежникам собраться воедино. Да и для молодого герцога Бекингема, не привычного к тяготам военных походов — в отличие от него, Ричарда, старого и опытного вояки, — эти дожди отнюдь не подарок. К тому же, полагал Ричард, разбушевавшаяся стихия помешает Бекингему получить в высшей степени важную поддержку заморских союзников. Вряд ли Бекингом может надеяться, что Генрих Тюдор выйдет в море в такой шторм. Да и гонцам Риверсов из южных графств до Уэльса в такой дождь не добраться.

Затем король получил добрые вести: на Бекингема обрушились не только ливни, но и бесконечные атаки семейства Вон, издавна правившего в этой части Уэльса и отнюдь не питавшего к герцогу особой любви. И если герцог думал, что Воны не только позволят поднять своих людей против Ричарда, но и сами окажут ему поддержку, то Воны не забыли, что именно Бекингом разлучил Томаса Вона с его господином, юным королем Эдуардом V, и казнил его. На каждом повороте дороги армию Бекингема поджидал небольшой конный отряд, вооруженный легкими бомбардами. Выстрелы из бомбард успевали положить немало воинов в первых рядах, после чего конники моментально исчезали. Люди Вонов, спрятавшись среди деревьев, забрасывали растянувшееся вдоль дороги войско герцога камнями и осыпали его градом стрел и дротиков, так что в итоге несчастным солдатам стало казаться, что с неба на них сыплется не только дождь, но и копья. Сражаться с этим невидимым врагом так же бесполезно, как с дождем или дорожной грязью, и люди чувствовали, что нигде не найдут спасения, что сама природа безжалостно гонит их прочь, не давая ни малейшей передышки.

Бекингему не удалось даже отправить в Уэльс верховых гонцов, чтобы те привели оттуда верных Тюдорам валлийцев. А все те, кого он посылал на разведку, исчезали, едва оказавшись вне пределов видимости, — то ли растворялись в дожде, то ли их отрезали от основной колонны вездесущие Воны, так что армия Бекингема никак не могла получить то пополнение в виде сильных и умелых воинов, которое было обещано ему леди Маргаритой. Мало того, каждую ночь и на каждом привале, порой даже при ярком свете дня его люди потихоньку ускользали прочь, давно уже решив про себя, что предводитель у них невезучий и эта военная кампания, конечно же, закончится крахом. Каждый раз, когда войско Бекингема строилось продолжать поход, в нем не хватало десятков людей, ряды их заметно поредели, и сам герцог уже видел, что колонна, растянувшаяся по затопленной дождями дороге, день ото дня становится все короче. Когда же герцог Бекингом объезжал свое войско и пытался как-то подбодрить людей, обещая им скорую победу, те старались не встречаться с ним взглядом, а

продолжали брести, понурив головы, словно и его оптимистичные речи, и стук дождя звучали для них примерно одинаково — как некий бессмысленный и надоедливый шум.

Бекингом хоть и не знал наверняка, но догадывался, что Генрих Тюдор, тот его союзник, которого он в ближайшем будущем собирался предать, тоже не выдержал сражения с непрекращающимися дождями и штормовым ветром, который, скорее всего, пришил его корабли к причалам. Этот ветер сильно мешал и продвижению армии самого Бекингема. Войско Генриха Тюдора состояло из пяти тысяч наемников — весьма мощная, почти непобедимая сила — и было полностью оплачено и вооружено герцогом Бретани; такого войска, пожалуй, хватило бы для захвата всей Англии. В его состав входили и конные рыцари, и артиллерия, и пять военных кораблей — войско было отлично снаряжено для любой битвы и, безусловно, в любом бою одержало бы победу, если бы не этот ветер и ливень. Корабли так швыряло на волнах, что они мгновенно отклонялись от курса; их срывало с якорей, даже когда они находились в защищенной гавани. Люди в битком набитых трюмах — Тюдор рассчитывал на короткое плавание по Английскому каналу — невероятно страдали от морской болезни и духоты. А сам Генрих Тюдор метался по палубе, как лев в клетке, и все высматривал в сплошных тучах хоть какую-нибудь прогалину, мечтая об одном: чтобы ветер переменился. Но небеса по-прежнему безжалостно поливали его медноволосую голову, на горизонте по-прежнему клубились черные тучи, а ветер дул с моря, грозя выбросить корабли на берег и заставляя их, содрогавшихся под напором волн, укрываться за волнорезами.

А между тем на противоположном берегу Ла-Манша решалась судьба Генриха Тюдора, и он прекрасно понимал это. Если без него Бекингема удастся одержать над Ричардом победу, то трона ему, Генриху Тюдору, разумеется, не видать. Один узурпатор сменится другим, а он по-прежнему останется в изгнании. Сейчас ему просто необходимо оказаться там, в гуще схватки, и убить — все равно кого! Любого из них, того, кто станет победителем. Тюдор понимал, что должен немедленно выйти в море, и... не мог этого сделать: дождь по-прежнему стоял стеной, а ветер свирепствовал так, что отплыть от берега было совершенно невозможно.

Но Бекингом ничего этого знать не мог, он вообще ничего не знал. Его жизнь съежилась до размеров того участка раскисшей дороги, по которому он в данный момент шел под нескончаемым ливнем. И каждый раз, оглядываясь через плечо, он видел, что людей за ним все меньше и меньше. Его войско было измучено до предела; люди уже много дней не ели горячего, они из последних сил, спотыкаясь, брели по колено в грязи, и, когда он говорил им: «Скоро будет переправа, мы переберемся в Англию и, слава тебе господи, окажемся на твердой земле», — они лишь молча кивали, но не верили.

Наконец после очередного поворота дороги они действительно вышли к переправе через реку Северн. В этом месте Северн был достаточно мелким и широким, и обычно войско легко могло переправиться на тот берег. Бекингом рассчитывал, что, оказавшись на английской территории, им удастся сразиться с настоящим врагом, вместо того чтобы продолжать это бессмысленное сражение со стихиями. Эта знаменитая переправа была известна всем, и Бекингом давно уже обещал своим измученным людям, что они вот-вот до нее доберутся. Речное дно там было твердым и каменистым, а глубина реки никогда не превышала нескольких дюймов. Вот уже несколько столетий люди переходили здесь Северн вброд, следуя в Уэльс или из Уэльса; это место считалось воротами в Англию. На уэльской стороне имела гостиница, а на английской — маленькая деревушка. Люди Бекингема ожидали, естественно, что после таких дождей переправа будет затоплена, а река, возможно, окажется довольно глубокой. Они думали, что и дверь гостиницы будет завалена мешками с песком, которые уберегают от наводнения. Однако, услышав чудовищный рев воды, войско в ужасе остановилось и замерло, потому что никакой переправы не было вообще.

Насколько хватало глаз, вокруг не было ни клочка суши. Все залила вода. Под водой

скрылась даже гостиница на уэльской стороне, деревушка на английском берегу тоже полностью исчезла. Это была уже не река, настолько она разлилась, а огромное озеро или даже море. Другого берега, где вроде как находилась Англия, вообще видно не было. Люди не могли даже понять, в каком направлении течет вода. Да, это действительно больше всего напоминало внутреннее море с мощными волнами и штормами. Вода завоевала землю и полностью ее поглотила, словно суши здесь никогда и не существовало. Это были уже не Англия и Уэльс, а сплошная водная стихия, стихия воды-победительницы. Вода захватила здесь все, и никто из людей не посмел бы бросить ей вызов.

И разумеется, никто не смог бы перебраться через это новое море. Тщетно пыталось войско разглядеть знакомые верстовые столбы или следы колес, ведущие к некогда мелкому броду. Все это теперь находилось глубоко под водой. Кому-то вдруг показалось, что он заметил нечто знакомое в бесконечном водном потоке, но вскоре все с ужасом поняли, что это верхушки затопленных деревьев. Значит, даже лес оказался на дне, и деревья Уэльса в ужасе тянули вверх свои ветви, пытаясь вздохнуть. Мир вокруг совершенно переменялся. И теперь армиям не суждено было встретиться в бою: вода, нарушив планы людей, вторглась и завоевала все на свете. Мятеж, поднятый Бекингом, потерпел полный крах.

Герцог, не вымолвив ни слова, не отдав ни одного распоряжения своим офицерам, лишь слабо махнул рукой, точно признавая собственное поражение, но не перед людьми, а перед этим потоком, который его уничтожил. Да, он был раздавлен мощью этих вод! Признавая это, Бекинг просто развернул коня и поскакал прочь от этой бескрайней долины, залитой водой, и люди расступались перед ним, понимая, что все кончено, восстание подавлено и победу одержали воды Англии, своей богиней призванные на битву с людьми.

НОЯБРЬ 1483 ГОДА

Было темно и уже довольно поздно, где-то около одиннадцати вечера, и я, опустившись на колени в изножье кровати, молилась перед сном, когда в тяжелую наружную дверь кто-то негромко постучал. Сердце так и подпрыгнуло в груди: почему-то я сразу подумала о своих сыновьях, об Эдуарде и Ричарде. Что, если это они вернулись домой, ко мне? Я моментально вскочила на ноги, набросила прямо поверх ночной рубашки плащ, накинула на голову капюшон и бегом кинулась к дверям.

К ночи на улицах Лондона стало тихо, хотя весь минувший день они прямо-таки гудели в связи с возвращением короля Ричарда. Повсюду только и слышались бесконечные пересуды о том, как он теперь отомстит мятежникам и посмеет ли нарушить право убежища и вытащить меня оттуда. Ведь теперь у Ричарда имелись веские доказательства, что именно я подняла против него всю страну; наверняка он понимал и то, каких ненадежных союзников я себе выбрала: леди Маргариту и герцога Бекингема, которые всегда были способны на предательство.

Никто не мог сообщить мне, что за это время произошло с моими близкими, и я не знала, не грозит ли кому-то из них опасность, не попал ли кто-то из них в плен, не был ли убит. Мятеж в Гемпшире и Кенте возглавили три моих брата и мой сын Томас Грей, но я вынуждена была питаться лишь самыми недостоверными слухами о том, что все они то ли бежали и присоединились в Бретани к Генриху Тюдору, то ли погибли на поле брани. Порой, правда, поговаривали, что всех троих казнил король Ричард, а может, напротив, они взяли да и переметнулись на его сторону. В общем, приходилось просто ждать каких-то более надежных сведений и о моих родственниках, и обо всех прочих мятежниках. И я ждала, как, впрочем, и все остальные.

Невероятно мощными дождями большая часть дорог оказалась попросту смыта с лица земли; мосты были разрушены, селения и даже целые города отрезаны от внешнего мира. Новости поступали в Лондон, словно одиночные заряды, и никто не мог с уверенностью сказать, насколько они правдивы. Но в итоге буря исчерпала себя и дождь прекратился. Я очень надеялась, что, как только реки опять войдут в свои берега, мои родные непременно как-то сообщат о себе и об имевших место битвах. Я молила Бога, чтобы моим братьям и Томасу удалось спастись и оказаться как можно дальше от берегов Англии. В случае поражения мы планировали бежать в Бургундию, к сестре Эдуарда Маргарите. Затем я намеревалась разыскать Ричарда, спрятанного у надежных людей, и продолжить войну с узурпатором, но уже из-за моря. Теперь я ни капли не сомневалась, что король Ричард попросту задушит страну в своих безжалостных объятиях тирана.

Снова послышался стук в дверь, и кто-то нетерпеливо загремел железным кольцом. Да уж, это точно не перепуганный беглец, но и моим сыном стучавший никак не мог оказаться. Я осторожно подошла к дверям, отодвинула решетку на смотровом окошке и выглянула наружу. На крыльце стоял какой-то мужчина, примерно одного со мной роста, в низко надвинутом и скрывавшем лицо капюшоне.

— Что вам угодно? — осведомилась я.

— Мне необходимо видеть вдовствующую королеву, — ответил он тихо. — У меня для нее послание исключительной важности.

— Вдовствующая королева — это я. Слушаю вас.

Мужчина быстро оглянулся по сторонам.

— Впусти меня, сестра, — прошептал он.

У меня даже мысли не возникло, что это может быть один из моих братьев.

— Какая я тебе сестра! — возмущенно воскликнула я. — Ты кем себя возомнил?

Мужчина скинул с головы капюшон, поднял повыше факел, и я смогла как следует разглядеть его смуглое красивое лицо. Это был мой деверь и мой теперешний злейший враг — король Ричард III.

— Королем, разумеется, — с усмешкой отозвался он. — Поскольку я и есть король.

— Мне так не кажется, — сухо, без улыбки возразила я.

Ричард рассмеялся.

— Ну хватит, успокойся, — посоветовал он примирительным тоном. — Все кончено. Я коронован и помазан, а ваш мятеж полностью провалился, так что вопреки всем твоим желанием и намерениям я по-прежнему король Англии. Кстати, я пришел к тебе один и без оружия, так позволь же войти. Ради всего святого, позволь мне войти, сестра!

И я, несмотря на все случившееся, действительно позволила ему войти. Я отодвинула засовы на маленькой дверце, чуть приотворила ее, и Ричард моментально проскользнул внутрь. Я заперла за ним дверь и спросила:

— Что тебе нужно? Слуги спят рядом — стоит мне крикнуть, и они тут же прибегут. Между нами кровь, Ричард. Кровь моего брата и моего сына. Ты убил их, и я никогда тебе этого не прощу. За это я наложила на тебя страшное заклятие.

— Я и не жду твоего прощения, — заметил Ричард. — И даже не хочу его получить. Ты сама

отдаешь себе отчет, как далеко зашла в своих преступных планах, плетя против меня бесконечные интриги. И ты бы, конечно, убила меня, если б тебе представилась такая возможность. Мы с тобой теперь пребываем в состоянии войны друг с другом — и ты это понимаешь не хуже меня. Кстати, отчасти ты уже отомщена. Мы с тобой оба знаем, как я страдаю от тех недугов, которые ты наслала на меня с помощью колдовства. Меня мучают сильные боли в груди, правая рука изменяет в самый ответственный момент, порой я не могу даже меч удержать. Что может быть хуже для воина, чем недействующая рука! Это ведь ты заколдовала мне руку, верно? Что ж, теперь молись, чтобы тебе никогда не пришлось обращаться ко мне за помощью и защитой.

Я внимательно посмотрела на Ричарда. Ему недавно исполнился тридцать один год, но темные круги под глазами и явственные морщины на лице свидетельствовали, казалось, о более солидном возрасте. Кроме того, он выглядел каким-то загнанным. Я легко могла себе представить, как страшит его тот факт, что его правая рука может отказаться во время боя. Ведь Ричард всю жизнь стремился — он действительно приложил к этому немало труда! — стать таким же сильным, как его братья, ведь те с детства были куда выше и крепче. И вот теперь неведомый недуг словно съедал его силы, собранные так тяжело. Я пожала плечами.

— Если ты болен, так посоветуйся с врачом. Что ты, как ребенок, сваливаешь вину за собственную слабость на колдовство? Может, ты просто вообразил себе болезнь?

Ричард покачал головой.

— Я явился не жаловаться. У меня к тебе разговор более серьезный. — Он сделал паузу, глядя на меня в упор. У него был тот же открытый, честный взгляд, что и у всех Йорков; мой покойный муж смотрел так же. — Скажи, не грозит ли опасность твоему сыну Эдуарду?

Мне показалось, что в мое сердце вонзили острый нож.

— Почему именно меня ты спрашиваешь об этом? Странно! Ведь это же ты держишь его в плену.

— Не могла бы ты просто ответить? Не грозит ли опасность твоим сыновьям, Эдуарду и Ричарду?

— Думаю, что грозит. Но почему... почему ты спрашиваешь?

Я буквально заставила себя произнести это спокойно. Мне хотелось выть, причитать, заливаться слезами, как это может себе позволить любая истерзанная страданиями женщина. Но только не я. И только не перед этим человеком.

Ричард молчал. Тяжело вздохнув, он не сел, а скорее бессильно рухнул в кресло привратника, стоявшее у двери, и уронил голову на руки.

— Разве мои мальчики не у тебя? Разве они не в Тауэре? — Мои вопросы сыпались один за другим. — Где они? Ведь, по-моему, это ты запер их в Тауэре?

Ричард лишь покачал головой, и я встревожилась еще сильнее.

— Ты потерял их? Как они могли пропасть? Куда они могли деться? Как это тебе неизвестно, где они?

— Я молил Бога, чтобы это ты каким-то образом ухитрилась их похитить, — заявил Ричард. — Ради всего святого, признайся, что это твоих рук дело. И если это действительно так, обещаю, что не стану их преследовать и никогда не причиню им зла. Выбери любой предмет, который кажется тебе святым, и я поклянусь на нем, что не трону твоих сыновей и позволю им спокойно жить там, куда ты их отправила. И даже не поинтересуюсь, где они. Только

скажи, что они в безопасности. Мне необходимо выяснить, что с ними случилось. Меня сводит с ума мысль о том, что я этого не знаю.

Горло мое сжалась, и я лишь молча покачала головой.

Ричард устало потер лоб; казалось, его глаза болят от недосыпа, он даже рукой их прикрыл.

— Вернувшись в Лондон, я в ту же минуту направился в Тауэр, — продолжал Ричард. — Мне было не по себе: все вокруг твердили, что принцы мертвы. Люди из окружения леди Маргариты Бофор неустанно это повторяли. А герцог Бекингем, превративший твою армию в свою собственную и с ее помощью пытавшийся захватить трон, старательно внушал всем, что принцы погибли от моей руки, что необходимо мне отомстить, и грозился сам встать во главе войска, дабы я понес заслуженное наказание.

— Так ты не убивал их?

— Конечно же нет. — Ричард пожал плечами. — Да и зачем мне это? Подумай сама. Подумай хорошенько. Зачем мне их убивать? Теперь-то — зачем? Когда твои люди попытались штурмом взять Тауэр, я всего лишь велел увести мальчиков в глубь крепости. За ними тогда следили день и ночь, так что, даже если б я действительно хотел их убить, я не смог бы этого сделать. Их стерегли постоянно, и, если б кто-то из их охраны что-то пронюхал, об этом известили бы всех. Вполне достаточно и того, что мне уже удалось сделать, — ведь я превратил твоих сыновей в бастардов, а тебя обесчестил. Твои сыновья больше не представляют для меня угрозы, Елизавета. Как, впрочем, и твои братья — все они люди конченные.

— Но ты убил Энтони! — злобно прошипела я.

— Только потому, что он-то как раз и представлял для меня реальную угрозу. Твой драгоценный Энтони вполне мог поднять против меня армию. И он, кстати, прекрасно понимал, как этой армией командовать. Он ведь был еще более опытным воином, чем я. А твои сыновья отнюдь не воины. Как и твои дочери. И для меня они совершенно не опасны. Ну и я для них опасности не представляю. И убивать их точно не стану.

— Тогда где же мои мальчики?! — взывала я. — Где Эдуард?

— Да не знаю я! Я даже не знаю, живы ли они, — сокрушался Ричард. — Как не знаю и того, кто именно приказал их либо умертвить, либо похитить. Я надеялся, что, возможно, тебе каким-то невероятным образом удалось выкрасть их из Тауэра, потому и пришел. Но если это сделала не ты и не твои люди — то кто? Ты никому не приказывала забрать их оттуда? Не мог ли кто-то сделать это без твоего ведома? Не может ли этот «кто-то» держать их теперь в качестве заложников?

Я только головой качала. Здравое рассуждать я была не в силах. От горя я как-то резко поглупела и не могла ответить ни на один из его вопросов — самых, наверное, тяжелых в моей жизни.

— Мне даже никаких мыслей не приходит! — в отчаянии воскликнула я.

— А ты постарайся вспомнить. Ты же лучше знаешь, кто твои союзники. Твои тайные друзья. И мои скрытые враги. Ты прекрасно представляешь, на что они способны. И уж тебе-то известно, какой заговор вы с ними готовили и что они тебе пообещали. Думай!

Я обхватила голову руками и несколько раз прошлась по комнате, пытаюсь что-то сообразить. Предположим, Ричард мне лжет: это он убил Эдуарда и бедного маленького пажа-подменыша, а сюда явился, пытаюсь свалить вину на других. С другой стороны — о чем

он и сам обмолвился, — у него нет ни малейших причин убивать мальчиков. А если он все-таки это сделал, почему бы ему нагло в этом не признаться? Кто бы теперь осмелился жаловаться, когда он сумел раскрыть заговор и подавить поднятый против него мятеж? Но зачем ему тогда приходить ко мне? Когда мой муж убил короля Генриха, он велел выставить тело покойного в церкви, чтобы все могли с ним попрощаться. Он устроил Генриху великолепные похороны. Единственной целью того убийства было желание сообщить всему миру, что на Генрихе VI династия Ланкастеров завершилась. Если бы Ричард планировал убить моих сыновей, лишит Эдуарда законных наследников и прервать его линию, он бы об этом уже объявил — тем более теперь, вернувшись в Лондон с победой, — и выдал бы мне их тела для погребения. Ему ничего бы не стоило придумать, что мальчики, например, внезапно заболели. А еще лучше — что их уничтожили по приказу герцога Бекингема. Да, он легко мог бы свалить всю ответственность на Бекингема и устроить принцам королевские похороны, и никто ничего не смог бы возразить — оставалось бы лишь смиренно оплакивать погубленных детей.

Так, может, именно герцог Бекингем и убил мальчиков? Может, это и есть та правда, что кроется за распускаемыми слухами о гибели принцев? Ведь если моих сыновей больше нет, Бекингем становится на две ступени ближе к короне. А что, если это леди Маргарита приказала погубить детей, желая расчистить путь к власти для своего сына Генриха Тюдора? Они оба — и Тюдор, и Бекингем — в случае смерти принцев получили бы немало преимуществ. Оба значительно подошли бы к трону. Вопрос: могла ли леди Маргарита приказать убить моих сыновей, одновременно заверяя меня в дружбе и верности? Могла ли эта святоша чем-то подкупить собственную душу и сотворить такое? И могли Бекингем уничтожить своих племянников, ранее поклявшись мне освободить их?

— Ты велел искать их тела повсюду? — очень тихо осведомилась я.

— Конечно, — отозвался Ричард. — Я весь Тауэр вверх дном перевернул. И прежде всего допросил их слуг. Те утверждают, что вечером просто уложили мальчиков спать, а утром детей в спальнях не оказалось.

— Это твои слуги! — взорвалась я. — Они выполняют твои приказы! Мои сыновья умерли, будучи под твоей опекой. Неужели ты думаешь, я и впрямь поверю, что ты к их гибели непричастен? Неужели решил, что я поверю, будто они просто исчезли?

Ричард кивнул.

— Да, я надеюсь, что ты мне поверишь. Поверишь, что их убили или похитили без распоряжений с моей стороны, без моего согласия и даже без моего ведома, пока я находился далеко от Лондона и готовился к схватке — с твоими же братьями, между прочим, — которая произошла той самой ночью.

— Какой «той самой»? — уточнила я.

— Той самой, что предшествовала началу дождей.

Я вспомнила слова своей дочери о нежном голосе, который пел в ту ночь печальную колыбельную песнь и был так тих, что даже я не смогла его услышать.

— Ах, в ту самую ночь!..

Ричард помолчал, явно колеблясь, потом поинтересовался:

— Ты веришь, что я неповинен в их смерти?

Я посмотрела ему в лицо. Этого человека очень любил мой муж, который приходился ему

родным братом. Этот человек не раз сражался бок о бок с моим мужем, защищая его семью, его сыновей. Этот человек убил моего брата и моего сына. Этот человек вполне мог убить и второго моего сына, моего маленького Эдуарда...

— Нет, — отрезала я. — Не верю. Я не могу доверять тебе. Но я ни в чем до конца не уверена. Это ужасно, что я абсолютно ни в чем не могу быть уверена до конца!

Ричард кивнул, словно принимая мое несправедливое обвинение.

— И со мной то же самое, — как бы невзначай заметил он. — Я тоже ничего толком не знаю и тоже никому не доверяю. Эта война роз уничтожила в нас всякую уверенность, и теперь все мы друг другу не доверяем.

— Итак, что же ты намерен предпринять? — спросила я.

— Я ничего не стану предпринимать и буду молчать. — Голос Ричарда прозвучал устало и невыразительно. — И никто не осмелится даже намекнуть на это, хотя подозревать, наверное, станут все. Но я ничего никому не скажу, и пусть люди думают что хотят. Я не знаю, что случилось с твоими мальчиками, но мне все равно никто никогда не поверит. Если бы они были живы и находились у меня, я бы немедленно продемонстрировал их всем и доказал свою невиновность. Если бы я нашел их тела, я бы тоже всем их показал и возложил вину за их гибель на Бекингема. Но твоих детей у меня нет — ни живых, ни мертвых. И мне нечем себя защитить. Все теперь будут считать, что я убил двоих детей, находившихся под моей опекой, убил хладнокровно и без особых на то причин. Все станут называть меня чудовищем... — Ричард помолчал. — И что бы я отныне ни сделал в жизни, приписываемое мне злодеяние всегда будет отбрасывать на меня уродливую тень. И станет единственным, что люди всегда будут помнить. — Ричард яростно помотал головой. — Но я этого преступления не совершал. И не имею понятия, кто его совершил. Мне неизвестно даже, было ли оно вообще.

Через какое-то время Ричард вдруг задал мне вопрос, который словно только что пришел ему в голову:

— А ты-то что будешь делать?

— Я?

— Ты спряталась в убежище, желая уберечь своих дочерей и будучи уверенной, что принцам грозит с моей стороны страшная опасность, — рассуждал Ричард. — Но теперь, видимо, самое страшное уже случилось. Твои сыновья исчезли. Как же теперь ты поступишь со своими девочками? Теперь вам нет ни малейшего смысла оставаться в убежище — вы больше не королевская семья, и у вас нет наследника, который мог бы претендовать на престол. Теперь ты просто мать, и у тебя нет никого, кроме дочерей.

После этой фразы я вдруг остро почувствовала, что Эдуарда больше нет, и меня пронзила такая боль, что я невольно застонала; эта боль разрывала мне внутренности, казалось, у меня внезапно начались родовые схватки. Я упала на колени и скорчилась на каменном полу, не в силах терпеть эти невыносимые страдания. Я слышала, как с моих уст срываются жуткие возгласы, и невольно раскачивалась из стороны в сторону, пытаюсь унять чудовищную боль.

Но Ричард не бросился меня утешать. И даже не попытался поднять меня с пола. Он так и сидел у двери, уронив темноволосую голову на руки и задумчиво глядя, как я вою по умершему сыну, точно простая крестьянка. Он не проронил ни слова — например, что, мол, рано так убиваться, что дети, вполне возможно, еще живы. Нет, он позволил мне сколько угодно голосить и просто находился рядом, давая выплакаться.

Через какое-то время я действительно немного пришла в себя. Продолжая оставаться на полу, краем плаща я вытерла мокрое от слез лицо, выпрямила спину и снова посмотрела Ричарду в лицо.

— Я весьма сожалею о твоей утрате, — учтиво и холодно произнес он, словно я не валялась только что на полу, растерзанная и растрепанная, с залитым слезами лицом. — Это было сделано не по моему приказу. Это вообще не моих рук дело. Я занял трон, не причинив вреда ни тому, ни другому принцу. И впоследствии я не стал бы их убивать. Ведь они — сыновья Эдуарда. Одного этого мне было достаточно, чтобы любить их. А уж самого Эдуарда, Бог тому свидетель, я любил всем сердцем.

— В этом я, по крайней мере, ничуть не сомневаюсь, — столь же учтиво и холодно заметила я.

Ричард встал.

— Значит, теперь ты покинешь убежище? — поинтересовался он. — Ведь ты ровным счетом ничего не выигрываешь, оставаясь здесь.

— Да, ничего, — согласилась я. — Я ничего не выигрываю.

— Я готов заключить с тобой договор, — заявил Ричард. — Обещаю твоим девочкам полную безопасность, если вы отсюда выйдете. Обещаю, что к ним все будут относиться с должным уважением. А старших, например, могут принять ко двору, где им, как моим племянницам, будут оказывать все надлежащие почести. Я позабочусь о них. Да и ты, если захочешь, сможешь вернуться ко двору вместе с ними. Я сделаю все, чтобы твои дочери вышли замуж за хороших, достойных людей — с твоего одобрения, разумеется.

— Нет, я поеду домой, — решительно возразила я. — И их заберу с собой.

Ричард покачал головой.

— Извини, но этого я позволить не могу. Твоих дочерей я возьму ко двору, а тебе какое-то время придется пожить в Хейтсбери под присмотром сэра Джона Несфилда. Мне очень жаль, но вряд ли я смогу доверять тебе, если ты будешь окружена своими арендаторами, друзьями и сторонниками. — Ричард помолчал, но все же закончил свою мысль: — Я не могу допустить очередной попытки мятежа, а потому не разрешу тебе находиться там, где ты, разумеется, постарайся собрать всех заговорщиков. И не то что я как-то особенно тебя подозреваю, нет, просто я никому больше не доверяю. Никому на свете. И никогда никому доверять не буду.

Услышав у себя за спиной шаги, Ричард стремительно обернулся и, выхватив кинжал, выставил его перед собой, готовый в любой момент нанести удар. Я наконец встала, с трудом выпрямилась и слегка потянула Ричарда за правую руку повыше локтя. Этого мне было достаточно, чтобы понять, как сильно он уже ослабел. Разумеется, я сразу вспомнила свое заклятие.

— Не тревожься, — успокоила я. — Это кто-то из девочек.

Ричард чуть отступил назад, и в темном дверном проеме показалась Елизавета. Она сразу же кинулась ко мне, как была — в ночной рубашке, поверх которой наброшен плащ. Ее длинные волосы были заплетены в косу и спрятаны под чепчик. Мы с ней давно уже были одного роста, и теперь она стояла, касаясь плечом моего плеча и мрачно поглядывая на своего дядю.

— Ваша милость, — не сразу сказала она, слегка поклонившись.

Ричард ответил еле заметным кивком, не сводя с моей дочери изумленных глаз.

— А ты стала совсем взрослой, Елизавета. — Он помолчал, потом все же уточнил: — Ты ведь принцесса Елизавета, верно? Честное слово, тебя просто не узнать. Когда я в последний раз видел тебя, ты была совсем крошкой, а теперь... посмотрите только, какой ты стала красавицей!

Я глянула на дочь и, к своему изумлению, заметила, что она покраснела. Она прямо-таки заливалась краской под взглядом Ричарда, который и сам был явно смущен. Елизавета невольно коснулась своих волос, словно только теперь поняла, что вышла к королю не одетая и босая, как маленькая девочка.

— Ступай к себе! — резко приказала я дочери.

Елизавета склонилась перед Ричардом в реверансе и направилась к дверям, мгновенно став послушной, но на пороге остановилась и спросила:

— Речь ведь шла о моем брате Эдуарде? Ему грозит какая-то опасность?

Ричард вопросительно на меня посмотрел, не зная, можно ли открыть ей правду. Глядя на дочь в упор, я повторила:

— Немедленно ступай к себе. Позже я сама тебе все расскажу.

Но тут вклинился Ричард.

— Принцесса Елизавета... — тихо промолвил он, обращаясь к моей дочери.

Она так и замерла на месте, хотя я велела ей уходить.

— Да, ваша милость?

— Мне очень жаль, Елизавета, но я вынужден сообщить, что твои братья исчезли. Хочу, чтобы ты знала: моей вины в этом нет. Они действительно просто исчезли. Исчезли прямо из королевских покоев Тауэра. И никто пока не смог установить, живы они или мертвы. В столь поздний час я явился к твоей матушке лишь потому, что надеялся: может, это она каким-то образом сумела их выкрасть.

Быстрый взгляд, который Елизавета метнула в мою сторону, был непонятен королю, но я сразу догадалась, что дочь подумала о нашем Ричарде, который был в безопасности, в далекой Фландрии. Впрочем, по ее лицу прочесть что-либо было невозможно.

— Мои братья пропали? — встревожилась она.

— Скорее всего, они мертвы, — вмешалась я, от затаенной боли голос мой прозвучал хрипло.

Елизавета глядела только на Ричарда.

— И вам известно, где они?

— Бог свидетель, я мечтаю это выяснить! — воскликнул Ричард. — Но нет, неизвестно. Я не уверен также, существует ли для них угроза. Так что любой теперь может решить, что их убили по моему приказу. Любой может обвинить меня в их смерти.

— Они находились под твоей опекой, — напомнила я королю. — С какой стати кто-то вдруг станет тайно брать их в заложники и молчать об этом? И в конце концов, если мои сыновья мертвы, это именно ты позволил им погибнуть, пока сражался за трон, который по праву

принадлежал не тебе, а моему Эдуарду.

Ричард кивнул, словно соглашаясь с моими словами, повернулся и направился к дверям. Мы с Елизаветой смотрели, как он отпирает засовы.

— Я никогда не прощу того, кто причинил мне и моему дому столько зла, — предупредила я, глядя Ричарду в спину. — Кто бы он ни был. Но если окажется, что и мальчиков моих убил он же, я наложу на его дом страшное заклятие и у него никогда не будет сына-наследника. А своего первенца он неизбежно потеряет. Кто бы он ни был, — повторила я. — Человек, который отнял у меня моих сыновей, своего сына тоже лишится; он всю жизнь будет страстно мечтать о наследнике, но, похоронив своего первенца и горюя о нем, никогда больше не получит сына, поскольку я своих мальчиков не смогла даже похоронить!

Ричард равнодушно пожал плечами и ответил:

— Проклинай его, кто бы он ни был. Губи его дом. Мне его не жаль, ведь он стоил мне репутации и душевного покоя.

— Мы обе проклянем его, — пообещала Елизавета, подходя ко мне и обнимая меня за талию. — Он заплатит за то, что отнял у меня моих братьев, и горько пожалеет о своей чудовищной жестокости. И о том, какие страдания причинил нам. Муки совести не дадут ему ни дня покоя. Даже если нам самим так и не суждено узнать, кто совершил это преступление.

— О нет! Мы непременно это выясним! — грозно вступила я, подвывая, точно ведьма, жаждущая отмщения. — Мы непременно это узнаем, когда у убийцы начнут умирать дети. И первым умрет его сын и наследник — вот тогда мы сразу поймем, кто это был. И еще не раз получим подтверждение этому, видя, как действует наше заклятие. А оно будет долгие годы убивать детей в этом семействе, поколение за поколением, пока весь род не вымрет, пока не прервется линия... Когда преступник опустит в могилу собственного сына, станет ясно, что виной тому наше проклятие. Мы разоблачим этого подлого негодяя, погубившего наших мальчиков, и сам он тоже осознает, что мы своим проклятием отняли у него то, что и он отнял у нас.

Ричард шагнул за порог и оглянулся на нас обеих, рот его кривился в осторожной усмешке.

— Неужели вы еще не поняли, что на свете есть только одна вещь, которая страшнее неисполненной мечты? — спросил он. — Как это было со мной. Я захотел стать королем, и вот теперь я король, но это не принесло мне никакой радости. Разве твоя мать, Елизавета, не предупреждала тебя, что нужно бояться своих желаний?

— Да, мать предупреждала меня, — спокойно, с расстановкой произнесла Елизавета. — И с тех пор, как ты отнял у моего брата трон, принадлежавший моему отцу, отнял у меня любимого дядю и братьев, я научилась ничего не желать.

— В таком случае было бы неплохо, если бы мать предупредила тебя и насчет действия проклятий. — Ричард с горькой улыбкой повернулся ко мне. — Разве ты забыла, какой ветер вы с твоей матерью вызвали своим свистом, намереваясь уничтожить Уорика? Разве забыла, как этот ветер не давал его судну подойти к Кале? Как дочери Уорика пришлось рожать в открытом море и она потеряла своего первенца. Да, тогда это действительно нас спасло. Это было такое грозное оружие, какого больше никто бы не применил. Но разве ты не помнишь, как долго бушевала та буря? Как она чуть не погубила и твоего мужа, и всех, кто с ним был?

Я молча кивнула.

— Действие твоих заклятий слишком затягивается, — продолжал Ричард, — и в конце концов они наносят удар не только по задуманной цели, но и бьют рикошетом. Возможно,

когда-нибудь ты пожалеешь, что моя правая рука недостаточно крепка и не может тебя защитить. Возможно, ты пожалеешь и о том, что погубила чьего-то сына и наследника, даже если эти люди действительно перед тобой виновны, даже если пущенная тобой стрела и угодила прямо в цель.

Мечь Ричарда III тяжело обрушилась на предводителей восстания, однако он простил многих менее знатных людей, сочтя их введенными в заблуждение. Он, разумеется, выяснил, что в центре заговора была Маргарита Бофор, жена его союзника, лорда Стэнли, что именно она служила посредницей в делах герцога Бекингема и ее сына от первого брака Генриха Тюдора. Ричард сослал Маргариту в дом мужа и фактически запер там, приказав следить за ней в оба. Ее союзники — епископ Мортон и доктор Льюис — сумели бежать из страны. Мой сын, Томас Грей, тоже вовремя бежал и находился теперь в Бретани, у Генриха Тюдора, двор которого и состоял в основном из молодых людей, талантливых, страстных, мятежных и честолюбивых.

Король Ричард объявил моего сына мятежником и прелюбодеем, словно предательство и любовь — два одинаково тяжких преступления. Заодно Ричард обвинил Томаса в измене, назначив за его голову высокую цену. Томас писал мне из Бретани, что, если бы Генрих Тюдор сумел тогда вовремя высадиться на английский берег, все получилось бы именно так, как мы планировали. Однако флот Тюдора разметало той бурей, которую мы с Елизаветой желали обрушить на голову Бекингема. И в итоге молодой Тюдор, пытавшийся переплыть море и спасти нас, чуть не утонул. Томас уверял, что Генрих Тюдор, вне всяких сомнений, может собрать достаточно большую армию, способную победить «даже самого принца Йоркского», и он непременно снова пойдет на Англию войной, как только утихнут зимние шторма, и уж на этот раз наверняка одержит победу.

Я ответила сыну:

Ну да! А потом и английский трон захватит. Он ведь больше и не скрывает, что намерен сражаться отнюдь не во имя справедливости и не за права принца Эдуарда — законного наследника престола.

На это в следующем письме Томас возразил:

Да, Генрих Тюдор борется не за кого-то другого, а за себя самого и не скрывает этого; возможно, он поступал так всегда и намерен поступать и впредь. Однако же он, принц Генрих, как он сам себя называет, планирует вернуть английскую корону дому Йорков, женившись на нашей Елизавете и сделав ее королевой Англии, а значит, их сын уж точно станет полноправным королем. Твой сын Эдуард действительно должен был взойти на престол. Но и твоя дочь еще вполне может стать английской королевой. Так, может, я с твоего разрешения скажу Генриху, что Елизавета выйдет за него, если он сумеет победить Ричарда? Тогда вся наша семья и ближайшее окружение оказались бы на стороне Тюдора. Потому что сейчас я легко могу себе представить, какое жалкое будущее ожидает тебя и моих сводных сестер, пока этот узурпатор Ричард сидит на троне, а ты прячешься в убежище.

Я ответила так:

Передай Генриху, что я по-прежнему верна слову, которое дала его матери, леди Маргарите. Елизавета станет его женой, если он победит Ричарда и захватит английский трон. И пусть Йорки и Ланкастеры наконец объединятся, пусть наконец закончатся эти войны.

Затем, подумав, я добавила еще строчку:

Спроси Генриха, не знает ли его мать, что все-таки случилось с моим сыном Эдуардом.

ДЕКАБРЬ 1483 ГОДА

Я ждала зимнего солнцестояния, ждала самой темной ночи в году. В самый глухой полуночный час я взяла свечу, набросила на теплое зимнее платье плащ и постучала в комнату Елизаветы.

— Я иду, — сообщила я ей. — Хочешь со мной?

И увидела, что дочь совершенно готова и в руках тоже держит свечу. Теплый плащ с капюшоном скрывал ее светлые волосы.

— Разумеется, — отозвалась Елизавета. — Это ведь и моя утрата. Я тоже хочу отомстить. Те, кто убил моего брата, поставили меня на одну ступень ближе к трону, зато на одну ступень дальше от той жизни, которую я могла и мечтала вести. К тому же из-за них я подвергаюсь большой опасности. Мне определенно не за что их благодарить. А как одинок и незащищен был мой брат, когда они его забрали, разлучив его с нами! У тех, кто убил Эдуарда, а вместе с ним и того бедного паж-подменыша, сердце, наверное, из камня. Кто бы это ни был, он заслужил проклятие. И я прокляну его.

— Не его. Проклятие падет на его сына, — предупредила я свою дочь, — и на его внука. Оно положит конец всей мужской линии в его роду.

В свете свечи глаза Елизаветы блеснули зеленым, как у кошки.

— Что ж, значит, так тому и быть, — заключила она, в точности как делала ее бабка Жакетта, когда кого-то проклинала или благословляла.

Я пошла вперед. Миновав безмолвную крипту, мы спустились по каменной лестнице в катакомбы, затем еще ниже. Наконец скользкие как лед ступени привели нас к речным воротам, о которые тихо плескалась речная вода.

Елизавета отперла железную калитку. Вода стояла высоко, на отметке зимнего паводка, и казалась темной и блестящей как стекло, однако течение было довольно быстрым. Впрочем, это не шло ни в какое сравнение с тем наводнением, которое мы с Елизаветой вызвали, желая удержать Бекингема и Тюдора вдали от Лондона. Хотя если бы в ту ночь я знала, что кто-то явился к моему сыну убить его или похитить, то, несмотря на наводнение, взяла бы лодку и поплыла к нему. Да я бы и на дно морское опустилась, лишь бы его спасти!

— Как мы это сделаем? — осведомилась Елизавета, дрожа от холода и страха.

— Делать мы ничего не будем, — пояснила я. — Мы просто обо всем расскажем Мелюзине. Она наша прародительница, поводырь, она поймет нас и почувствует, как велико наше горе. Она найдет того, кто забрал нашего принца и наследника престола, и в отместку заберет его сына.

Я достала из кармана листок бумаги, развернула его и протянула дочери.

— Читай вслух, — велела я.

И подняла повыше обе свечи, освещая листок. Дочь стала читать, обращаясь к быстро бегущей воде:

— «Узнай же, о Мелюзина: наш сын Эдуард был пленен и заточен в лондонский Тауэр по злодейскому распоряжению его родного дяди, которого ныне называют королем Ричардом Третьим. Узнай также, что мы послали своему мальчику товарища, бедного пажа, выдав его за нашего второго сына, Ричарда, а самого Ричарда благополучно отослали во Фландрию, где он теперь и живет на реке Шельде, охраняемый тобою. Узнай также, что некто, нам неизвестный, то ли выкрал нашего сына и брата Эдуарда из Тауэра, то ли убил его во сне, и нам более ничего не известно о его судьбе. О, Мелюзина! Мы нигде не можем найти нашего мальчика, нам не отдали даже его тела. Мы не ведаем, кто его убийца, и не можем подвергнуть преступника справедливому наказанию. Если же наш Эдуард все-таки жив, мы не представляем, где его искать и как вернуть домой».

В этом месте голос Елизаветы чуть дрогнул, а мне пришлось до боли вдавить ногти в ладони, чтобы сдержать плач.

— «Узнай также, — продолжала Елизавета, — что ни один суд не сумеет вынести справедливый приговор тому, кто причинил нашей семье столько зла. И мы просим тебя, великая наша праматерь: помоги нам! Мы опускаем в темные глубины твоих вод это письмо с нашим проклятием тому человеку и заклинаем тебя: кто бы ни был тот, кто отнял у нас сына и наследника, пусть он будет наказан тем, что лишится своего сына и наследника, который у него есть или же еще только должен родиться. Нашего мальчика забрали у нас, прежде чем он успел вырасти и стать королем — хотя для этого он и был рожден. Отними же сына у того, кто убил нашего мальчика! Пусть и его сын не станет взрослым, пусть и он не успеет вступить в права наследства, а если он уже вырос, отними сына и у него, лиши убийцу его внука, и тогда мы пойдем: наше проклятие действует и возмездие настигло того, кто забрал у нас сына и брата».

Она умолкла, глаза ее были полны слез.

— Так, теперь сложи это послание в бумажный кораблик, — распорядилась я.

Дочь с готовностью свернула листок, мгновенно превратив его в миниатюрное суденышко; мои девочки весьма ловко научились мастерить такие кораблики, создавая из них целые флотилии, еще в ту пору, когда мы впервые попались в ловушку в этом убежище у реки. Я протянула Елизавете свечу и прошептала:

— А теперь подожги его и пусти в плавание.

Дочь поднесла кораблик к свече, подожгла ему корму и бережно опустила пылающее суденышко на воду.

Горящий кораблик подскакивал на волнах, пламя мигало под порывами ветра, и через пару секунд кораблик вспыхнул весь, а течение, подхватив этот яркий комочек, унесло его в темноту. Какое-то время мы еще видели два крошечных костерка: сам кораблик и его отражение в воде, — словно наше проклятие и его отражение в темных владениях Мелюзины. Потом огонь погас, но мы еще долго вглядывались в темноту, понимая, что Мелюзина услышала нашу просьбу и забрала письмо с нашим проклятием в свое водное царство.

— Дело сделано, — заявила я и отвернулась от реки.

Затем подошла к калитке, отворила ее и слегка придержала, пропуская вперед дочь.

— И это все?

Казалось, она ждала, что и я отправлюсь следом за горящим бумажным корабликом в какой-нибудь утлой скорлупке.

— Да, все. Все, что я могу сделать сейчас, когда стала королевой без королевства, когда у меня забрали моих сыновей. Единственное, на что я теперь способна, — это пожелать своим врагам зла. Господь свидетель — именно это я только что и сделала.

РОЖДЕСТВО 1483 ГОДА

Я постаралась устроить своим девочкам настоящий веселый праздник. Послала Джемму в лавку за парчой, и мы сшили им новые платья, а на головы надели, точно драгоценные диадемы или короны, последние бриллианты, похищенные мной из королевской сокровищницы. На светлый праздник Рождества побежденное графство Кент прислало нам для праздничного стола замечательного каплуна, чудесное вино и булочки. Мы сами себя развлекали: пели рождественские гимны, устраивали представления, всласть пировали за столом. Когда же наконец я сумела уложить дочек в постель, они были так счастливы, словно и не помнили, каким богатством и великолепием обычно сверкал двор короля Йорка на Рождество, и все послы иностранных государств непременно отмечали, что в жизни не видели двора прекраснее. А теперь мои девочки, казалось, забыли, что отец их был королем Англии, а их мать — самой красивой королевой, какую когда-либо знала эта страна.

Елизавета, моя старшая дочь, еще долго потом сидела вместе со мной у огня, щелкая орехи и бросая скорлупки на раскаленные головни, где они с треском вспыхивали и сгорали.

— Твой сводный брат Томас Грей пишет, что Генрих Тюдор собирается сегодня в Реннском соборе провозгласить себя королем Англии и твоим женихом. Мне, наверное, следовало бы поздравить тебя со скорой свадьбой, — пошутила я.

Елизавета с веселой улыбкой посмотрела на меня.

— Так ведь я же замужем, — возразила она. — Ты разве запомнила, что сначала меня обручили с племянником Уорика, а затем с этим французским наследником? Вы с отцом еще называли меня La Dauphine, а я старательно занималась французским и считала, что поднялась на небывалую высоту. Ведь я была совершенно уверена, что вскоре стану королевой Франции. А теперь только посмотрите на меня! Нет уж, я подожду, когда Генрих Тюдор высадится на английский берег, победит в сражении, обретет трон и корону и сам попросит моей руки. Только после этого я, возможно, стану считать себя невестой.

— И все же тебе самое время выйти замуж, — заявила я, словно разговаривая сама с собой.

Вдруг я невольно вспомнила, как Елизавета вспыхнула, когда дядя Ричард сказал, что она стала совсем взрослой и он ее с трудом узнал.

— Пока мы здесь, ни о чем таком и речи быть не может, — отрезала дочь.

— Генрих Тюдор — человек ненадежный, да у нас и не было возможности испытать его. — Я по-прежнему как бы размышляла вслух. — Всю жизнь он только и делал, что убегал от наших шпионов, но ни разу не повернулся к противнику лицом, не дрался с ним. Единственное сражение, какое ему довелось видеть, происходило под командованием его опекуна Уильяма Герберта, который тогда был на нашей стороне. И все же, если Генрих высадится на английское побережье вместе с тобой, своей законной невестой, то все те, кто любит нас,

сразу же перейдут на его сторону. А потом к нему перебегут и все остальные — хотя бы из-за того, что ненавидят Ричарда, даже несмотря на то что Генриха совсем не знают. Все, кого северяне, поддерживавшие герцога Ричарда Глостера, некогда лишили теплого местечка, тоже примкнут к Тюдору. Слишком уж многим набил оскомину тот неудавшийся мятеж. Ричард, конечно, оказался тогда победителем, зато утратил доверие народа. Громогласно обещая свободу и справедливость, он после восстания наводнил все вокруг своими ставленниками-северянами и правит с их помощью. Этого ему никогда не простят. Так что твой потенциальный жених вполне может обрести здесь многотысячную армию сторонников, да и немалое войско способен привезти с собой из Бретани. Впрочем, все будет зависеть от того, окажется ли он в битве так же отважен, как Ричард. Ричард — старый вояка, закаленный в боях, ведь он еще совсем мальчишкой участвовал в бесчисленных войнах под командованием твоего отца. А Генрих Тюдор — новичок на поле брани.

— Хорошо, — кивнула Елизавета, — если этот Генрих Тюдор одержит победу и с честью выполнит данное им обещание, я стану его женой и королевой Англии. Я же говорила тебе, мама, что когда-нибудь непременно стану королевой. Я всегда это знала. Знала, что мне это на роду написано. Но сама я к этому никогда не стремилась.

— Верно, — ласково произнесла я. — Но если уж такова твоя судьба, то тебе придется исполнить свой долг. Хотя я уверена: королева из тебя получится отличная. А я всегда буду с тобой рядом.

— Но я хотела выйти замуж по любви, как ты за отца. — Елизавета вздохнула. — Я хотела сперва полюбить своего жениха, а не выходить за какого-то незнакомца только потому, что этого пожелали наши матери — его и моя.

— Ты родилась принцессой, а я принцессой отнюдь не была, — заметила я. — И кстати, в первый раз вышла замуж как раз по воле отца. Лишь овдовев, я смогла сама себе выбрать мужа. А значит, тебе придется пережить Генриха Тюдора, чтобы потом иметь возможность поступать как твоей душе угодно.

Елизавета хихикнула, как девчонка, лицо ее вспыхнуло при мысли о подобной перспективе.

— Твоя бабушка, кстати, овдовев, сразу же вышла замуж за обыкновенного молодого сквайра, — напомнила я. — Мой отец и твой дед был когда-то оруженосцем ее первого мужа. А вот и еще пример: мать короля Генриха Шестого тайно вышла замуж за не такого уж знатного Тюдора.[35] И наконец, я сама: став вдовой, я влюбилась не в кого-нибудь, а в короля Англии! На это у меня ума хватило.

Елизавета только плечами пожала.

— Ты честолюбива, мама, а я нет. Ты бы никогда не влюбилась в человека небогатого и незнатного. Но я-то вовсе не хочу становиться королевой Англии. Мне не нужен трон моего бедного брата. Я уже видела, какую цену приходится платить за королевскую корону. Ведь отец так никогда и не переставал за нее сражаться, хотя добыл престол в честном бою. А посмотри на нас — где мы теперь оказались? В ловушке, в жалком убежище, которое лишь чуточку лучше тюрьмы. А все потому, что ты, мама, по-прежнему надеешься отвоевать трон. И ты его получишь, даже если для этого тебе придется выдать меня замуж за какого-то беглого ланкастерца.

— Как только Ричард пришлет мне свои предложения и подпишет со мной договор, мы покинем убежище, — заверила я дочь. — Обещаю тебе: нам не придется еще одно Рождество встречать здесь. Даю тебе честное слово, Елизавета.

— Но нам вовсе необязательно выходить отсюда навстречу королевской славе, знаешь ли, — жалобно промолвила дочь. — Можно просто перебраться в какой-нибудь хороший дом и

жить, как живут все обычные семьи.

— Хорошо, мы так и сделаем, — сказала я.

Сказала так, словно действительно думала, что мы способны быть обычной семьей. Мы — Плантагенеты! Разве можем мы быть обычными, такими, как все?

ЯНВАРЬ 1484 ГОДА

Я получила весточку из Бретани от своего сына Томаса Грея, который по-прежнему находился среди молодых повес, придворных Генриха Тюдора. Письмо пришло все в пятнах — видимо, на нем отразился слишком долгий путь — и было датировано днем Рождества 1483 года.

Генрих, как и обещал, прилюдно поклялся в соборе города Ренна, что женится на твоей дочери Елизавете, а затем предъявил свои права на английский трон. Все мы — в том числе и я, разумеется, — дружно провозгласили его королем и принесли ему присягу. Я слышал, как кто-то спросил, как он может объявлять себя наследником престола, если юный король Эдуард, возможно, все еще жив, ведь о его смерти ничего доподлинно неизвестно. Ответ Генриха весьма интересен: якобы у него есть достоверные доказательства смерти юного короля Эдуарда, хотя лично ему, Генриху, очень жаль, что так получилось, и он, Генрих, непременно отомстит этому убийце и узурпатору Ричарду. Я осведомился, о каких, собственно, доказательствах гибели моего сводного брата идет речь, и напомнил, что ты, мать Эдуарда, очень страдаешь, не имея о сыне никаких известий, не имея даже возможности его похоронить, если он действительно умер. На это Генрих повторил, что его сведения вполне достоверны и он лично не сомневается в том, что обоих мальчиков убили люди Ричарда. По его словам, принцев удушили прямо в постели, под одеялом, а потом закопали под лестницей в Тауэре.

Я отвел Генриха в сторонку и заявил, что мы могли бы, наверное, заслать в Тауэр своих слуг или платных агентов и они постарались бы обнаружить тела мальчиков, пусть Генрих только сообщит, где именно, под какой из лестниц Тауэра они закопаны. Еще я прибавил, что если тела принцев найдутся к тому времени, как он, Генрих, начнет вторжение в Англию, то в этом злодейском убийстве можно будет сразу обвинить Ричарда, и вся страна окажется на нашей стороне. «Под какой из лестниц они похоронены? — допытывался я. — Где их искать? От кого ты знаешь, как происходило это убийство?»

Ах, матушка, мне так не хватает твоего умения читать в душах людей! Ведь ты порой видишь насквозь даже самые темные души. В Тюдоре есть нечто такое... отталкивающее, что ли. Вот и в тот раз он сразу отвел глаза и возразил, что из моей затеи ничего не выйдет, что он и сам уже думал об этом, но, как ему стало известно, некий священник уже выкопал тела принцев и куда-то их отвез, желая похоронить по-христиански. Вот только похоронил он их почему-то в реке, причем в самом глубоком месте, — видимо, чтобы их никто никогда не отыскал. Я все же поинтересовался у Генриха, как звали этого священника, и он, разумеется, ответил, что не в курсе. Тогда я спросил, откуда же священнику стало известно, где закопаны тела мальчиков? И почему он кинул их в реку, а не отвез, допустим, к тебе, их матери? Разве это по-христиански — бросать тела в воду? Потом я попытался выяснить, в какой хотя бы части реки все свершилось, но Генрих и этого не знал. А в ответ на мой вопрос, кто ему все рассказал, он признался, что рассказала его мать, леди Маргарита, которой он полностью доверяет, а потому готов головой поручиться, что все это чистая правда.

Не знаю, к каким выводам придешь ты, а мне его история показалась весьма подозрительной. Да еще и с таким неприятным душком.

Прочитав послание Томаса, я тут же бросила его в огонь, жарко горевший в камине, затем взяла перо, очинила его, погрызла верхушку и написала сыну следующее:

Совершенно с тобой согласна. Наверняка к убийству моего сына причастны и сам Генрих Тюдор, и его союзники. Иначе откуда ему известно, что мальчики погибли и как именно их умертвили? Ричард собирается в этом месяце дать нам свободу. Постарайся поскорее расстаться с Тюдором, этим очередным претендентом на престол, и возвращайся домой. Ричард тебя простит, и мы сможем наконец жить все вместе. Какие бы клятвы ни давал в церкви Генрих, сколько бы людей ни присягали ему на верность, Елизавета никогда не выйдет замуж за убийцу ее братьев, а если убийца действительно он, мое проклятие падет не только на него, но и на его сына и внука. Ни один из сыновей Генриха Тюдора не доживет до совершеннолетия, если это Генрих приложил руку к убийству моего сына.

После рождественских каникул и праздника Двенадцатой ночи в Лондон вернулись члены парламента, и я получила весьма неприятное известие, что в угоду королю Ричарду III они признали мой брак с Эдуардом недействительным, превратив меня, таким образом, в шлюху, а моих детей сделав убудками. Ричард, собственно, объявил об этом гораздо раньше, и, разумеется, никто с ним спорить не стал. Только теперь это превратилось в законное постановление парламента, члены которого, точно послушные дети, лишь согласно покивали королю головами.

Я не стала выдвигать никаких возражений и не велела никому из моих друзей опротестовывать это решение и защищать нас. Это стало первым шагом по вызволению нас из той тюрьмы, в которую превратилось убежище, и первым шагом к тому, чтобы стать, по выражению Елизаветы, «обычной семьей». Если, согласно закону Англии, я всего лишь вдова сэра Ричарда Грея и бывшая любовница бывшего короля, если, согласно этому закону, мои дети рождены вне брака и являются плодом вульгарного адюльтера, то никакой особой ценности мы, разумеется, не представляем, живые или мертвые, в тюрьме или на воле. А значит, не имеет никакого значения, где мы в данный момент находимся и чем занимаемся. Уже одного этого было достаточно для обеспечения нам свободы.

Впрочем, куда более важно, что, как только мы начнем тихо жить в каком-нибудь частном доме, мой мальчик, мой маленький Ричард, снова будет с нами вместе. Я думала об этом, хотя вслух не говорила даже с Елизаветой. Раз уж нас лишили принадлежности к королевскому роду, мой сын сможет ко мне вернуться. Раз он больше уже не принц, я смогу получить его обратно! Все последнее время он считался обыкновенным мальчиком Питером из небогатой семьи, проживающей в Турне. Вот пусть он, этот Питер, теперь и приедет ко мне в гости. Пусть поселится у нас в Графтоне в качестве любимого пажа и станет моим постоянным спутником, подарив хоть немного радости моему сердцу.

МАРТ 1484 ГОДА

Наконец я получила письмо от леди Маргариты. Долгое время я гадала, придет ли мне когда-нибудь послание от моей «дорогой подруги и верной союзницы». Штурм Тауэра, который готовила именно она, самым жалким образом провалился. А теперь ее сын

трезвонил повсюду, что мои сыновья убиты, и заявлял при этом, что обстоятельства их гибели и место их захоронения известны одной лишь его матери. Мятеж, который также готовила Маргарита, завершился полным поражением, что вызвало у меня немало подозрений. И как ни странно, ее супруг по-прежнему пребывал в большом фаворе у короля Ричарда, хотя все прекрасно представляли, какую роль в неудавшемся восстании сыграла его жена. Что до меня, то я уже не сомневалась: леди Маргарита весьма ненадежный друг и сомнительный союзник. Она великолепно умела создать впечатление, будто знает все на свете, но ни к чему вроде бы не причастна, а потому всегда оставалась безнаказанной.

Маргарита писала, что не имела ни малейшей возможности связаться со мной — ни писать мне, ни посетить меня она не могла, поскольку ее супруг, лорд Стэнли, «самым жестоким образом» посадил ее под арест, честно исполняя приказ своего друга, короля Ричарда, за которого стоял горой во время недавнего мятежа. Оказывается, сын лорда Стэнли, лорд Стрендж, собрал небольшое войско в поддержку короля, то есть все слухи о том, что он якобы выступал в поддержку Генриха Тюдора, ложны. Его верность королю никогда не подвергалась сомнению. У меня, впрочем, нашлось бы немало свидетелей того, что агенты леди Маргариты так и сновали между Бретанью и Англией, дабы обеспечить ее сыну Генриху Тюдору возможность предъявить свои права на королевский трон. У меня также имелись шпионы, способные подтвердить, что именно епископ Мортон, великий друг и советчик леди Маргариты, убедил герцога Бекингема пойти против собственного государя. А кое-кто готов был поклясться, что Маргарита заключила со мной соглашение о браке моей дочери Елизаветы и ее сына Генриха Тюдора; кстати, доказательством этому служил и рождественский праздник в Реннском соборе, во время которого Генрих Тюдор громогласно объявил, что женится на моей дочери и непременно станет королем Англии, после чего вся его свита — в том числе и мой сын Томас Грей — принесла ему присягу верности, преклонив колена.

Я могла себе вообразить, сколько усилий потратил лорд Стэнли, супруг леди Маргарита, как быстро и горячо говорил, убеждая встревоженного монарха, что, хоть его жена и является вдохновительницей заговора и мятежа, сам-то он никогда и мысли не допускал о воцарении его пасынка на троне. Что он даже не думал о тех преимуществах, которые могли быть с этим связаны. Впрочем, Ричарда, судя по всему, удалось успокоить. И Стэнли со своим девизом «*Sans changer*» по-прежнему оставался у короля в фаворе, а вот его жене Маргарите пришлось сидеть взаперти в собственном доме. К ней не допускали никого из верных слуг; ей также запрещена была любая переписка или отправка с гонцами устных посланий — в первую очередь, разумеется, ее собственному сыну. Леди Маргариту также лишили наследства и всех ее земельных владений. Впрочем, эти богатства были переданы ее супругу на том условии, что он глаз не спустит с жены.

Маргарита всегда обладала сильным характером и пользовалась значительным влиянием на окружающих. Ее, видимо, не слишком расстроило, что все ее состояние и земли оказались в руках лорда Стэнли, а собственный муж заключил ее под арест в родном поместье, поклявшись Ричарду, что супруга никому более писать не станет и ни в одном заговоре участия не примет. Впрочем, Маргарите явно было наплевать на все эти запреты — она уже снова мне писала и явно готовила заговор, что, на мой взгляд, свидетельствовало об одном: Стэнли с его девизом «*Sans changer*» действительно верно и преданно служит... но собственным интересам, как это, видимо, и было всегда, — с одной стороны, присягая на верность королю, а с другой — позволяя своей жене строить козни и организовывать очередное восстание.

Ваша милость, дорогая сестра моя — ведь именно так мне следует называть Вас, мать той девушки, которая и мне вскоре станет дочерью, тогда как Вы станете второй матерью моему сыну.

Так витиевато и сентиментально начала Маргарита свое послание. Стиль у нее, впрочем, всегда отличался излишней цветистостью, поскольку в жизни она была особой весьма эмоциональной. Письмо даже украшала клякса — видимо, это свидетельствовало о том, что на глаза ей навернулись слезы радости при мысли о скорой свадьбе наших детей. Я с отвращением смотрела на эту кляксу. Даже если бы я не подозревала Маргариту в предательстве и иных ужасных злодеяниях, подобная чувствительность не тронула бы меня ни капли. Я продолжила читать.

Я весьма встревожена сообщением моего сына о том, что Ваш сын Томас Грей решил покинуть двор Генриха и его пришлось долго уговаривать остаться. Ваша милость, дорогая моя сестра! Что могло приключиться с Вашим мальчиком? Не могли бы Вы убедить его, что интересы Вашей семьи и моей полностью совпадают, что он действительно один из любимейших друзей моего сына Генриха? Прошу Вас, умоляю, прикажите ему, как любящая мать, перетерпеть трудности, связанные со ссылкой, и не сомневаться, что вознаграждение, которое все сторонники моего сына обретут, одержав победу, будет поистине велико. Если же Ваш Томас что-то слышал или чего-то боится, ему следует побеседовать с самим Генрихом, и тот, надеюсь, сумеет его успокоить. Наш мир, как известно, полон слухов и сплетен. Вряд ли Томасу захочется предстать в роли перебежчика или просто человека слабохарактерного.

Я-то сижу взаперти, так что никакие новости до меня не доходят, но, насколько я понимаю, этот тиран Ричард намерен принять Ваших старших девочек ко двору. Очень Вас прошу: не отпускайте их! Да и Генриху было бы неприятно, если бы его невеста оказалась среди придворных Ричарда, подвергаясь всевозможным соблазнам и искушениям; не сомневаюсь, Вы как мать испытали бы отвращение, узнав, что Ваша дочь попала в руки человека, убившего ее братьев и Ваших сыновей. Подумайте только: ведь Ваши девочки могут оказаться во власти убийцы! Мне кажется, им и самим невоготу видеть этого страшного человека. По-моему, лучше уж Вам всем пока оставаться в убежище, чем заставлять их, юных девушек, целовать руку тирану и подчиняться приказам его жены. Я знаю, что в данном случае Ваши чувства весьма схожи с моими. Нет, это совершенно невозможно!

По крайней мере, ради Вашего же блага велите своим девочкам остаться с Вами и спокойно жить в Вашем поместье, если Ричард все же освободит Вас. Или же, если он этого не сделает, оставайтесь в убежище вплоть до того СЧАСТЛИВОГО ДНЯ, когда Ваша Елизавета станет королевой, окруженной собственными придворными, когда она станет не только Вашей возлюбленной дочерью, но и моей!

Ваш самый верный друг, увы, как и Вы, пребывающий в заключении, леди Маргарита Стэнли.

Я отнесла это письмо моей дочери и с удовольствием наблюдала за тем, как улыбка на ее лице делается все шире. Наконец она расхохоталась и воскликнула:

— Боже мой! Вот старая плутовка.

— Елизавета! Это, возможно, твоя будущая свекровь.

— Да-да, только станет она ею в тот самый «счастливый день», и никак не раньше. Кстати, почему это она так не хочет, чтобы мы отправились ко двору? Почему это нас нужно защищать от искушений и соблазнов?

Я забрала у дочери письмо и перечитала его.

— Ричарду вскоре станет известно, что ты помолвлена с Генрихом Тюдором, — рассуждала я, — ведь Тюдор объявил об этом прилюдно. И Ричард не может не понимать, что в таком случае все ближайшее окружение Риверсов окажется на стороне Тюдора. За тобой теперь стоит и весь дом Йорков. Ты наша единственная наследница. Так что в его, Ричарда, интересах взять всех вас, моих девочек, ко двору и постараться как можно удачнее выдать замуж за своих собственных родственников и друзей. Тогда Тюдор снова окажется в изоляции, а вы, наследницы дома Йорков, будете женами людей самых обычных, возможно даже не слишком знатных. Больше всего леди Маргарита боится, что ты дотанцуешься с каким-нибудь смазливый молодым лордом до замужества и оставишь ее Генриха в дураках — и без невесты, и без поддержки твоих могущественных сторонников.

Елизавета пожала плечами.

— Ах, матушка, если мы отсюда наконец выйдем, я с радостью буду жить с тобой в обычном сельском поместье.

— Я знаю, — ответила я. — Но Ричард намерен принять вас, старших девочек, ко двору, где все увидят: вы под защитой и он о вас заботится. Тебе, Сесилии и Анне придется туда отправиться, а Бриджит и Екатерина останутся со мной. Ричард наверняка надеется, что все поймут: я сама разрешила вам находиться под его опекой, поскольку уверена, что у него при дворе вы в полной безопасности. Впрочем, действительно лучше вам блистать в свете, чем тосковать дома.

— Но почему? — Елизавета резко повернулась ко мне и посмотрела в упор своими серыми глазами. — Мама, почему так будет лучше? Мне, например, эта идея совсем не нравится. Ты, наверное, снова что-то замышляешь, милая моя матушка-королева. Только мне почему-то не хочется больше участвовать ни в каких заговорах.

— Ты наследница дома Йорков, — напомнила я. — Тебе всегда придется так или иначе участвовать в заговорах.

— Но куда поедешь ты сама? Почему бы не ко двору вместе с нами?

Я покачала головой.

— Нет уж, уволь. Я не в силах видеть, как эта костлявая уродина Анна Невилл садится на мое место, носит мои платья, старательно ушитые и подогнанные под ее тощую фигуру, и надевает мои драгоценности на свою цыплячью шейку. Я же не смогу даже поклониться ей как королеве Англии. Я не смогу этого сделать, Елизавета! Даже во спасение собственной жизни! И Ричард никогда не будет для меня королем. Я представляю себе, что такое настоящий король: я с ним жила, я его любила. И сама была настоящей королевой. А эти люди для меня — просто самозванцы, и мне невыносимо на них смотреть. Но ничего страшного, — продолжала я. — Ричард намерен поручить меня заботам Джона Несфилда, который некогда охранял нас здесь. Я поселюсь в его поместье Хейтсбери. Думаю, нам там будет неплохо. Меня, во всяком случае, это вполне устроит. А ты можешь отправляться ко двору: вам, девочки мои, пора выходить в свет, пора получить кое-какие уроки придворной куртуазности. Да и побыть подальше от матери вам тоже будет не вредно.

Елизавета бросилась ко мне и, как маленькая, стала меня обнимать и целовать.

— Для меня это точно будет лучше, чем сидеть здесь, как в тюрьме, — заявила она. — Хотя, наверное, мне будет не по себе, когда я окажусь так далеко от тебя. Ведь за всю жизнь я ни разу с тобой не расставалась. — Помолчав, Елизавета поинтересовалась: — А тебе не будет без нас одиноко? Ты не заскучаешь?

Я покачала головой и крепче прижала дочь к себе.

— Ничего, одиноко мне не будет. И потом, я ведь надеюсь, что Ричард к нам вернется. Я очень надеюсь, что скоро снова его увижу, моего дорогого мальчика.

— А Эдуард? — пролепетала Елизавета.

И я, глядя прямо в ее полные надежды глаза, сказала:

— Видишь ли, Елизавета, наш Эдуард, скорее всего, погиб, иначе мне совершенно непонятно, кому и зачем понадобилось его забирать и прятать, никому не сообщив об этом. Я думаю, именно Бекингом и Тюдор отдали приказ уничтожить обоих мальчиков, не зная, что Ричарда мы успели надежно спрятать, и рассчитывая этим убийством расчистить себе путь к трону, а вину за смерть детей свалить на короля Ричарда. Но если наш Эдуард все-таки жив, верю, что Господь его не оставит и поможет ему отыскать тропинку ко мне! А в окне моего дома всегда будет стоять зажженная свеча, освещающая ему дорогу, и дверь свою я никогда запираю не буду в надежде на то, что однажды рука Эдуарда коснется дверного кольца.

Глаза дочери были полны слез.

— Значит, ты больше его не ждешь?

— Не жду, — призналась я.

АПРЕЛЬ 1484 ГОДА

Поместье Хейтсбери, наш новый дом, было одним из чудеснейших уголков Уилтшира; поместье располагалось на просторной равнине близ Солсбери. Наш «сторож» Джон Несфилд оказался человеком на редкость приятным. Прекрасно понимая преимущества своей близости к королю, он все же не желал ни играть роль моей горничной, ни тем более шпионить за мной. Как только Несфилд убедился, что я в полной безопасности и, безусловно, никуда не собираюсь бежать, он тут же оставил меня и снова уехал на север, в Шериф-Хаттон, где король Ричард разместился со всем своим пышным двором и строил дворец, сравнимый разве что с Гринвичским. Ему всегда хотелось жить среди северян, которые его уважали, а его жену, последнюю в роду Невиллов, и вовсе любили.

Несфилд приказал всем в доме считать меня полноправной хозяйкой, а мне позволил делать в его поместье все, что угодно. Очень скоро я вновь окружила себя знакомой мебелью и прочими предметами обстановки, которые велела доставить из королевских дворцов. Я устроила девочкам отличную детскую и класс для занятий. В садах Хейтсбери выращивали мои любимые фрукты. Я купила и поставила на конюшню несколько хороших лошадей.

Мы столько долгих месяцев провели в тесном и темном убежище, что каждое утро я просыпалась с ощущением полного счастья, поскольку теперь могла просто открыть дверь, выйти в сад и послушать пение птиц. Весна стояла чудесная, теплая, и я часто приказывала приготовить мне лошадь и отправлялась кататься верхом. Мне эти прогулки доставляли такое удовольствие, что после них я чувствовала себя родившейся заново. Я, словно девчонка, развлекалась тем, что подкладывала несушкам утиные яйца и наблюдала, как утята, с кряканьем побродив по двору, направляются вперевалку к пруду, где плавают взрослые утки, а бедная квочка с тревожным кудахтаньем мечется по берегу, опасаясь, что ее детишки утонут. Я ходила на выгон, любовалась жеребятами и подолгу выясняла у главного конюха, из какого жеребенка со временем может вырасти хорошая скаковая

лошадка, а кого следует сразу приучать к повозке. Я шла пешком с пастухами в поля, где смотрела на новорожденных ягнят. Я вела деловые разговоры со скотниками, и они разъясняли мне, когда телят следует отлучать от матери. Я вновь стала той, какой была когда-то давно, — обычной сельской жительницей, у которой все мысли связаны с землей.

Мои младшие дочери чуть с ума не сошли от радости, вновь обретая свободу, и мне каждый день приходилось ругать их за то, что они без конца нарушают мои запреты: плавают в слишком быстрой и слишком глубокой реке, взбираются на стога и портят сено, залезают на яблони и ломают цветущие ветки, убегают в поля к дальнему загону, где содержится бык, и, набравшись смелости, даже приближаются вплотную к воротам, повизгивая от страха и восторга, стоит быку поднять голову и посмотреть на них. Но наказывать их, таких веселых, было совершенно невозможно. Дочки вели себя точно телята, которых впервые выпустили на зеленый лужок, и они, взбрыкивая, носятся кругами и не знают, чем еще выразить свой восторг при виде высокого купола неба и бескрайнего мира, раскинувшегося под этим куполом. Ели девочки теперь в два раза больше, чем в убежище, и без конца торчали на кухне, выпрашивая у кухарки вкусный кусочек, а работницы в молочном сарае с удовольствием зазывали их к себе и угощали свежим, только что сбитым маслом, намазанным на куски свежее испеченного, еще горячего хлеба. В общем, мои дочери опять стали неугомонными и жизнерадостными, совсем не напоминающими тех маленьких узниц, которые боялись всего на свете, даже ярких лучей солнца.

Я как раз вернулась после утренней прогулки верхом и направилась к конюшне во дворе, когда вдруг с удивлением заметила Несфилда, который подлетел на боевом коне прямо к парадным дверям, но, увидев меня, тут же свернул во двор. Приблизившись ко мне, он тяжело спрыгнул с седла и раздраженно швырнул поводья груму; уже по этим признакам, а также по его опущенным плечам я поняла: случилось что-то дурное. Я невольно обвила руками шею своей лошадки и на всякий случай ухватилась за ее густую гриву.

— Что случилось, сэр Джон? Отчего вы так мрачны?

— Я подумал, что следует самому приехать и все вам рассказать, — ответил он.

Я встревожилась.

— Что-то с Елизаветой? Только не это!

— Что вы, Елизавете ничто не угрожает, у нее все хорошо, — заверил меня Несфилд. — Увы, речь о сыне нашего короля, о маленьком Эдуарде, помилуй Господь его душу. Мальчик только что преставился.

В висках у меня, словно предупреждая о чем-то, тут же застучала боль.

— Он умер?

— Он всегда был хрупким ребенком, — горестно промолвил Несфилд, — это точно. Крепким его никогда нельзя было назвать. Правда, во время инвеституры он выглядел так хорошо, что мы, нарекая его принцем Уэльским, не сомневались: он наверняка унаследует и... — Несфилд осекся: видимо, вспомнил, что и у меня был сын, тоже принц Уэльский, который собирался наследовать трон. — Простите меня! — воскликнул Несфилд. — Я вовсе не хотел... В общем, весь двор погружен в траур. Вот я и решил, что надо бы и вам сообщить об этом.

Я с грустным видом кивнула, но мысли мои неслись галопом. Неужели эта смерть послана Мелюзиной? Неужели мое проклятие все-таки действует? Неужели это подтверждение того, что я непременно узнаю убийцу моего сына, когда умрет его сын и наследник? Неужели это знак Мелюзины? Неужели все-таки Ричард погубил моего мальчика?

— Я непременно пошлю королю и королеве свои соболезнования, — заявила я и повернулась, собираясь пойти в дом.

— Теперь у Ричарда нет наследника. — Казалось, Джон Несфилд никак не может поверить в правдивость той печальной вести, которую принес мне. — Все его усилия, все деяния, все попытки защитить королевство... даже его восшествие на трон — все, что он сделал, все эти битвы... И что теперь? Теперь у него нет даже наследника, который сменит его на троне!

— Да, — обронила я, и это короткое слово упало точно тяжелая ледяная глыба. — Все, что он совершил, было совершенно зря. Он потерял своего единственного сына, и на этом его род закончится.

Из письма своей дочери Елизаветы я узнала, что весь двор оплакивает маленького Эдуарда и кажется, будто прямо посреди дворца разверзлась могила, будто теперь никто и жизни своей не мыслит без своего дорогого принца. Ричард требовал, чтобы вокруг не было слышно ни смеха, ни музыки, ни громких голосов, и придворные буквально крались по помещениям, опустив глаза долу. Всякие игры, охота и занятия спортом были запрещены, а между тем становилось теплее, вокруг повсюду цвела чудесная английская весна, а холмы и долины были полны дичи. Но король был безутешен. Его двенадцатилетний брак с Анной Невилл принес им только одно дитя, и теперь король потерял его. Казалось весьма маловероятным, что эти супруги сумеют произвести на свет еще одного ребенка, а даже если и сумеют, то младенцу в колыбели вряд ли можно снова гарантировать титул принца Уэльского — особенно в той дикой, точнее, дикарской Англии, в которую мы, Йорки, превратили эту страну. Ричард, как никто, понимал, что наследник должен успеть подрасти и стать достаточно сильным, ведь ему придется бороться за свои права и защищать собственную жизнь, если он хочет стать королем Англии.

Позже пришли вести, что Ричард назвал наследником своего племянника Эдуарда, сына Георга Кларенса, последнего из оставшихся в живых юных Йорков. Но прошло всего несколько месяцев, и до нас донеслись слухи, что король передумал. Что ж, меня это ничуть не удивило. Поразмыслив, Ричард решил, что мальчик слишком слаб и не удержит трон, хотя это и так было очевидно. Кроме того, все помнили, какая взрывоопасная смесь тщеславия, честолюбия и откровенного безумия отличала характер отца Эдуарда, герцога Кларенса, — сын такого человека никогда не смог бы стать королем. Маленький Эдуард был очень милым, улыбчивым ребенком, но соображал крайне медленно, и, на мой взгляд, ему грозило слабоумие. Тогда как человек, желающий заполучить английский трон, должен быть не только сильным и стремительным, но и мудрым как змея. И уж как минимум, наследник трона должен воспитываться при дворе, с детства быть храбрым и привычным к опасности. Разве мог стать таким сынок Георга, этот бедный недоумок? Да никогда! Но если не малыш Эдуард, то кто? Ричард обязан был назвать своего преемника, непременно его оставить, но кроме сына Георга в семействе Йорков имелись одни девочки. И только мне было известно: один принц у Йорков все-таки есть! Он, точно в волшебной сказке, ждет своего часа в далеком Турне, где живет в бедной семье, учится в обычной школе, занимается музыкой, изучает иностранные языки, и за ним издалека присматривает его родная тетка Маргарита Бургундская. Этот цветок Йорка вырос на заморской почве крепким и здоровым и теперь спокойно ждал, когда придет его черед, поскольку стал единственным наследником трона, и если бы его дядя Ричард знал о нем, то, возможно, сам назвал бы его своим наследником.

Я написала Елизавете:

До меня доносятся всевозможные вести относительно траура при дворе, но обеспокоена я лишь одним: как ты считаешь, смерть сына Ричарда — это действительно знак, посланный нам Мелюзиной? На самом ли деле Ричард — убийца наших мальчиков? Ты видишь его

каждый день — как ты думаешь, он понимает, что это подействовало наше проклятие? Что оно несет погибель всему его роду? Как выглядит Ричард? Чувствует ли он себя человеком, навлекшим смертельную опасность на собственное семейство? Или, может, тебе эта смерть кажется простой случайностью, совпадением и ты полагаешь, что нашего мальчику убил совсем другой человек? И потом еще чей-то сын умрет во имя нашей мести?

ЯНВАРЬ 1485 ГОДА

Морозным январским днем из королевского дворца на праздники должны были приехать мои девочки. Я ждала их к обеду и все мерила шагами крыльцо, то и дело дыша на замерзшие руки, затянутые в перчатки. Солнце, уже спускавшееся за западные холмы, было красным, как роза Ланкастеров. Наконец послышался топот копыт, и на подъездной аллее показались мои дочери в сопровождении довольно-таки большой охраны, слишком, по-моему, большой для трех девочек. Среди гвардейцев я видела подпрыгивающие головы своих дочерей и их развевающиеся платья. Еще мгновение — и лошади встали, девочек спустили на землю, и я бросилась целовать их покрасневшие щеки и холодные носы. И, не выпуская из объятий, все восхищалась, какими они стали взрослыми и красивыми.

Девочки ворвались в гостиную и с таким восторгом набросились на еду, словно долгое время голодали, а я с удовольствием наблюдала, как они едят. Елизавета никогда еще, пожалуй, не выглядела лучше. Теперь, выйдя из убежища и избавившись от постоянного страха, она окончательно расцвела, как я, собственно, и предполагала. На ее высоких скулах горел жаркий румянец, глаза так и сияли, а уж наряды! Я даже хорошенько пригляделась, не веря собственным глазам, — вышивка, парча, самоцветы! Платья были не хуже тех, какие носила и я сама, будучи королевой.

— Боже, Елизавета! — воскликнула я. — Где ты раздобыла такие платья? Они просто прекрасны. Вряд ли даже у меня были такие, когда я сидела на английском троне.

Дочь мельком на меня посмотрела, и улыбка ее тут же погасла. Сесилия насмешливо фыркнула, и Елизавета резко к ней повернулась.

— Ты можешь пока заткнуться? Мы же договорились.

— Елизавета!

— Мама, ты же ничего не знаешь. Ты бы видела, как эта Сесилия себя ведет. Ни в какие королевские фрейлины она совершенно не годится. Ей бы только сплетничать.

— Ну хватит, девочки. Я вас отправила ко двору, чтобы вы научились элегантно и хорошим манерам, а не ссориться друг с другом и ругаться, как торговки рыбой.

— А ты спроси у нее, как она элегантно училась, — прошипела Сесилия. — Спроси, спроси у нашей распрекрасной Елизаветы, почему она у нас теперь элегантно.

— Конечно, спрошу, когда вы обе ляжете спать и мы с ней сможем спокойно поговорить, — твердо ответила я. — А ляжете вы спать очень рано, раз не умеете красиво общаться друг с другом. — Я повернулась к Анне. — Ну а ты, моя маленькая Анна, читала ли свои книжки? Усердно ли занималась музыкой?

Анна вскинула на меня глаза.

— Да, матушка-королева, — послушно сказала она. — Но во время рождественских каникул

занятий не было, и мы все вместе ездили в Вестминстер.

— А у нас на Рождество был молочный поросенок, — важно сообщила Бриджит, желая похвастаться перед старшими сестрами. — И Екатерина съела так много марципанов, что ночью ее стошнило.

Елизавета рассмеялась, и тревога мгновенно исчезла с ее лица.

— Как же я по вам скучала, мои маленькие чудовища, — с нежностью произнесла она. — После обеда я вам сыграю, а вы потанцуете, если хотите.

— Или можно сыграть в карты, — предложила Сесилия. — При дворе снова разрешили карты.

— Оправился ли король от своего горя? — поинтересовалась я у Сесилии. — И как себя чувствует королева Анна?

Сесилия бросила торжествующий взгляд на Елизавету, и та вдруг вся вспыхнула, на скулах у нее расцвел пунцовый румянец.

— О да, он совершенно оправился. — Сесилия явно с трудом сдерживала смех. — Совершенно. Мы даже удивились, правда, Елизавета?

Мое терпение, которого никогда не хватало, чтобы выдержать женское злословие, даже когда им занимались мои собственные юные дочери, окончательно иссякло.

— Ну довольно, — отрезала я. — Давай-ка, Елизавета, пойдем ко мне, а вы можете доедать свой обед. Кстати, тебе, Сесилия, неплохо бы вспомнить пословицу, что одно хорошее слово стоит дюжины дурных.

Я встала из-за стола и стремительно вышла из комнаты, чувствуя, как неохотно следует за мной моя дочь. Когда мы оказались в моей комнате, она тут же заперла за собой дверь, и я не стала медлить, задав ей прямой вопрос:

— Итак, дочка, о чем шла речь?

Всего лишь на мгновение в ее глазах выразилось явственное желание сопротивляться, потом она задрожала, точно косуля.

— Мне так нужен был твой совет, мама! — воскликнула Елизавета. — Но написать тебе я не могла. Пришлось ждать, пока мы увидимся и поговорим. Я и сама очень хотела поговорить с тобой, просто решила дождаться конца обеда. Правда, я тебя не обманываю...

Я села и жестом пригласила дочь сесть рядом.

— Речь шла о моем дяде Ричарде, — тихо и покорно призналась дочь. — Он... ах, матушка, он для меня — все!

Я так и застыла. Только руки мои чуть шевельнулись, и я крепко стиснула пальцы, заставляя себя держаться.

— Он был так добр ко мне! Особенно когда мы только прибыли ко двору. Да и потом дядя Ричард то и дело заходил убедиться, что я всем довольна и вполне справляюсь с обязанностями фрейлины. Королева тоже очень любезна, и прислуживать ей не составляет труда, но дядя все равно постоянно вызывает меня к себе и спрашивает, как у меня дела. — Елизавета помолчала. — Он спрашивает, не скучаю ли я по тебе, и все повторяет, что тебе всегда будут рады при дворе и все придворные станут оказывать тебе должное почтение. А

еще он часто вспоминает о моем отце. Уверяет, что отец гордился бы мной, если б мог меня теперь видеть. И что мы с отцом кое в чем очень похожи. Ах, мама, это такой замечательный человек! И я никак не могу поверить, что он... что он...

— Что он? — эхом откликнулась я.

— Что я действительно ему небезразлична.

— Вот как? — Я вся похолодела, казалось, по спине у меня, вдоль позвоночника, течет и течет ледяная вода. — Значит, ты считаешь, что действительно ему небезразлична?

Елизавета с готовностью закивала.

— Он ведь никогда не любил королеву. Дядя Ричард просто чувствовал, что обязан на ней жениться и спасти ее от своего брата Георга, герцога Кларенса. — Елизавета быстро глянула на меня. — Ты же помнишь. Ты же сама все видела, верно? Они собирались заманить Анну в ловушку и отослать в монастырь. А потом Георг хотел украсть ее наследство...

На мой взгляд, это было не совсем так, но я догадывалась, что подобный вариант той давней истории куда больше подходит для впечатлительной девушки.

— И Ричард понимал, — между тем продолжала Елизавета, — что если Георг станет опекуном Анны, то непременно приберет к рукам и ее состояние. Она очень хотела замуж, вот Ричард и решил: это самое лучшее, что он может для нее сделать. И женился на ней, спасая ее наследство. Ну, и ее тоже обезопасил и успокоил.

— Да-да, — только и вымолвила я.

Я-то не забыла, как Георг прихватил одну наследницу Невиллов, а Ричард тут же прямо-таки зубами вцепился во вторую, как они потом из-за этого грызлись, точно собаки. Но естественно, Ричард поведал моей дочери куда более рыцарскую версию.

— Королева Анна нездорова. — Елизавета, наклонившись ко мне, перешла на шепот. — Она больше не может иметь детей, Ричард в этом уверен. Он проконсультировался со всеми врачами, и те в один голос заверили, что зачать Анна не в силах. А Ричарду обязательно нужен наследник! Он даже у меня интересовался, не могли один из наших мальчиков случайно спастись.

Мысли мои внезапно прояснились и стали острыми, точно искрящееся лезвие клинка под точильным камнем.

— И что же ты ему ответила?

Елизавета улыбнулась.

— Я бы призналась ему, я бы ему что угодно сказала. — В голосе дочери звучала неподдельная нежность. — Но я твердо уяснила: ты не хочешь, чтобы я открыла ему правду. И я ответила, что мы так ничего и не узнали о судьбе мальчиков с тех пор, как он сам объяснял нам, что случилось во дворце. А Ричард пожаловался мне, что сердце его было разбито ужасным известием об их смерти, но, как он ни старался, тоже никакой новой информации добыть не сумел. Еще король прибавил, что, если б теперь стало известно, что мои братья живы, он непременно сделал бы их своими прямыми наследниками. Мама, подумай только, это ведь действительно его слова! Он уверял, что если б выяснил, где наши мальчики находятся, то спас бы их, вызволил откуда угодно и объявил бы своими преемниками.

«Да неужели? — думала я. — А какие у меня гарантии, что он не пошлет туда убийц?»

— Это, конечно, хорошо, — спокойно произнесла я, — но ты по-прежнему должна хранить тайну о нашем Ричарде. Я все еще не могу доверять королю, даже если ты теперь полностью ему доверяешь.

— Доверяю! — воскликнула Елизавета. — Я полностью ему доверяю! Я бы и собственную жизнь ему доверила... я никогда не знала мужчины лучше.

Я промолчала. Бессмысленно было напоминать дочери, что она вообще ни одного мужчины толком не знала. Большую часть своей жизни она являлась драгоценной принцессой, которую, точно фарфоровую статуэтку, хранили в золоченой шкатулке. Елизавета выросла, по сути, почти в тюрьме, в обществе своих сестер и матери. Из мужчин за это время она видела разве что священников или немногочисленных слуг. И разумеется, оказалась совершенно не подготовленной к встрече с привлекательным и опытным мужчиной, который тут же принялся играть на ее чувствах, всячески соблазняя ее, почти принуждая полюбить себя.

— Как далеко это зашло? — задала я прямой вопрос. — Как далеко зашли ваши отношения?

Елизавета отвернулась.

— Все очень сложно... — пробормотала она. — И мне так жаль королеву Анну.

Я кивнула. Я догадывалась, что жалость не остановит мою дочь в ее стремлении отнять мужа у королевы Анны. В конце концов, Елизавета — действительно моя дочь. Меня тоже ничто не могло остановить, когда я поняла, о ком мечтаю.

— Как далеко у вас это зашло? — повторила я. — Судя по замечаниям Сесилии, по дворцу ползут сплетни.

Елизавета вспыхнула.

— Сесилия ничего не смыслит. Она видит только то, что и все остальные, и ей завидно, ведь все внимание достается мне. Она видит, что королева благоволит ко мне, что одалживает мне свои платья и украшения, обращается со мной как с дочерью. Анна ведь сама велела мне танцевать с Ричардом, а его заставляет гулять со мной по парку и ездить верхом — ведь сама Анна слишком больна и почти никуда не выходит. Честное слово, мама! Королева Анна постоянно просит, чтобы я составила королю компанию. Она считает, что только я умею так хорошо развлечь и развеселить его. Ну, естественно, при дворе все только и делают, что злословят, считая, что королева как-то уж слишком ко мне расположена. Да и король тоже. Все говорят, что я всего лишь фрейлина, а обращаются со мной, как...

— Как?

Елизавета еще ниже наклонила голову и прошептала:

— Как с первой дамой двора.

— Это из-за твоих нарядов?

Дочь кивнула.

— Это ведь платья самой королевы; вернее, она приказала портным сшить мне точно такие же, как у нее. Ей нравится, когда мы одеваемся одинаково.

— Так это Анна так тебя одевает?

Елизавета снова кивнула. Она и понятия не имела, каким беспокойством это известие

наполнило мою душу.

— То есть это она приказывает портным шить тебе платья из ее тканей? — уточнила я. — И выбирает точно такой же фасон, как у нее самой?

— Да. — И моя дочь, помедлив, призналась: — Только Анна, конечно, выглядит в них плохо, гораздо хуже, чем я.

Елизавета смущенно умолкла, а я вдруг подумала: каково сейчас Анне Невилл, сраженной горем, больной, измученной, жить бок о бок с этой цветущей девушкой?

— Значит, при дворе ты считаешься первой после королевы? Ты занимаешь там самое высокое положение?

— Никто даже не упоминает о том законе, что превратил нас в бастардов, — сообщила Елизавета. — Все называют меня принцессой. А когда королева не обедает за общим столом, а она часто отказывается от трапезы, я исполняю роль первой дамы и сижу рядом с королем.

— Значит, королева Анна сама то и дело приказывает тебе составить королю компанию и даже велит занимать ее место за столом, и весь свет это видит? Значит, это не Ричард? Объясни, что происходит?

— Он признался, что любит меня, — еле слышно отозвалась моя дочь. — Король уверяет, что я его первая настоящая любовь и, вероятно, последняя.

Елизавета очень старалась сдерживаться и вести себя скромно, но глаза у нее так и горели гордостью и счастьем.

Я встала, подошла к окну и, отдернув тяжелый занавес, взглянула на яркие холодные звезды, повисшие над темными полями Уилтшира. По-моему, я хорошо понимала, что творит Ричард; во всяком случае, я ни на секунду не поверила, что он действительно влюблен в мою дочь. Как не поверила и в то, что королева исключительно из добрых чувств шьет ей роскошные платья.

Ричард затеял сложную игру, в которой моя дочь — лишь пешка, и направлена эта игра на то, чтобы обесчестить и ее, и меня, а заодно и оставить в дураках Генриха Тюдора, который поклялся жениться на Елизавете. Тюдор моментально узнает — стоит шпионам его матери сесть на корабль и доплыть до английского берега, — что его невеста не просто влюблена в Ричарда, его заклятого врага, но и, как утверждает весь двор, является любовницей короля и сама королева взирает на это с улыбкой. Ричард способен на что угодно, лишь бы хорошенько уязвить Генриха Тюдора, даже если для этого ему придется обесчестить собственную племянницу. И королева Анна скорее проявит уступчивость, чем станет возмущаться поведением своего супруга. Обе дочери Невилла всегда были готовы сапоги лизать своим мужьям! С первого дня своего брака с Ричардом Анна была ему послушной служанкой. Она и теперь ни в чем не может ему отказать. К тому же недавно Ричард, король Англии, лишился наследника, и Анна чувствует свою вину за то, что не может родить ему сына. Да она теперь наверняка только и делает, что Богу молится, лишь бы супруг ее вовсе не бросил! У Анны совсем не осталось ни сил, ни власти, ни каких-либо средств воздействия — ни сына-наследника, ни младенца в колыбели, ни хотя бы возможности вновь зачать дитя. Ей попросту не с чем играть — у нее нет никаких карт. Теперь она лишь бесплодная женщина без будущего, пригодная разве что для монастыря или могилы. Так что ей придется с улыбкой подчиняться мужу, возражения и протесты ничего не дадут. Даже то, что Анна сейчас помогает Ричарду порочить доброе имя моей дочери, скорее всего, ничего ей не принесет: ее все равно уничтожат, хотя, возможно, позволят сохранить достоинство.

— Ричард просил тебя разорвать помолвку с Генрихом Тюдором? — спросила я.

— Нет. Какое все это имеет отношение к моей помолвке с Тюдором?

— Ага, — кивнула я. — Но тебе же и самой понятно, что для Генриха будет чудовищным унижением, когда он обо всем узнает.

— Я бы никогда не вышла за Генриха замуж! — взорвалась дочь. — Я его ненавижу. Уверена, что именно он подослал убийц к нашим мальчикам: так ему будет проще, когда он явится в Лондон занять их трон. Мы же с тобой сразу это поняли. Ведь мы тогда именно поэтому и вызвали тот дождь, помнишь? Но теперь... теперь...

— Что теперь?

— Ричард говорит, что удалит от себя Анну и женится на мне, — выдохнула Елизавета, и лицо ее радостно вспыхнуло. — Он обещает, что я стану королевой, и тогда мой сын сможет занять трон, принадлежавший моему отцу. Мы продолжим династию Йорков, и белая роза всегда будет символом Англии. — Некоторое время она молчала, словно колеблясь, но все же добавила: — Я знаю, матушка, ты не доверяешь Ричарду, но я-то люблю именно этого человека. Неужели и ты не полюбишь его ради меня?

По-моему, это извечный и самый трудный вопрос в отношениях между матерью и дочерью. Итак, могла ли я полюбить Ричарда ради Елизаветы?

Нет. Этот человек вечно завидовал моему мужу; этот человек убил моего брата и сына Ричарда Грея; этот человек отнял трон у моего сына Эдуарда и подверг его жизнь смертельной опасности, а может даже, сотворил с ним и кое-что похуже. Но мне вовсе не нужно было давать Елизавете, самой правдивой из моих детей, столь правдивый ответ. Мне вовсе не нужно было распахивать перед ней душу, поскольку ее-то душу я видела насквозь. Ну что ж, она влюбилась в моего врага и надеется теперь на счастливый конец в этой истории.

И, решив солгать, я раскрыла дочери свои объятия.

— Я всегда мечтала только об одном: чтобы ты была счастлива, — заверила я. — Если Ричард действительно тебя любит и будет тебе верен, а ты любишь его, мне больше ничего и не нужно.

Елизавета прижалась ко мне и положила голову мне на плечо, но вскоре снова выпрямилась и в упор на меня посмотрела. Все-таки она была далеко не глупа, моя девочка!

— И я стану королевой Англии. Уж это-то, по крайней мере, доставит тебе удовольствие, — заявила она.

Дочери прожили со мной почти целый месяц. Мы вели жизнь самой обыкновенной семьи, как когда-то и хотела Елизавета. Через неделю после их приезда пошел снег, и мы, отыскав в хозяйстве Несфилда сани, запрягли в них одну из тягловых лошадей и отправились в гости к соседям, но к вечеру снег растаял, и нам пришлось остаться там ночевать, а на следующий день тащиться домой по грязи и слякоти. Соседи не смогли одолжить нам лошадей, так что мы по очереди без седла ехали верхом на нашем огромном тяжеловозе и добирались до дома чуть ли не целый день, однако всю дорогу смеялись и пели.

А в середине второй недели из королевского дворца прибыл гонец, который привез письма — для меня и Елизаветы. Я зазвала дочь к себе, подальше от младших девочек, которые с утра толпились на кухне и в столовой — пекли к обеду печенье с марципанами. В моей комнате

мы с Елизаветой, устроившись по разные стороны стола, вскрыли свои письма.

Адресованное мне послание было от короля.

Полагаю, что Елизавета, конечно же, поговорила с тобой и рассказала, как сильно я ее люблю, а потому я собираюсь поведать тебе о своих дальнейших планах. Я бы хотел, чтобы моя жена официально признала свою неспособность к деторождению и по собственной воле удалилась в Бермондсейское аббатство, освободив меня от брачных клятв и обязательств. Затем я намерен испросить у церкви разрешения на повторный брак и жениться на твоей дочери, после чего она станет королевой Англии. Ты же обретешь статус королевы-матери, а я прямо в день нашей с Елизаветой свадьбы верну тебе твои дворцы в Шине и Гринвиче и назначу королевскую пенсию. Твои дочери поселятся вместе с тобой и останутся при дворе, так что ты сама устроишь брак каждой из них. Они будут всеми признаны как сестры английской королевы и члены королевского семейства Йорков.

Если же кто-то из твоих сыновей все это время где-то скрывается и тебе известно, где он находится, теперь ты можешь безбоязненно за ним послать. Я сделаю его своим наследником, каковым он и будет считаться, пока Елизавета не родит мне сына.

Я женюсь на Елизавете по любви, но уверен — и ты, несомненно, тоже это понимаешь, — что этот брак стал бы также решением всех наших проблем. Надеюсь на твое одобрение, но так или иначе от своих намерений не откажусь. Твой по-прежнему любящий деверь, король Ричард.

Я дважды перечитала его письмо, мрачно усмехаясь лживым заверениям Ричарда насчет «решения всех наших проблем» — в высшей степени мягкое выражение для той кровавой вендетты, что сгубила моего брата и сына, а меня заставила в итоге поднять против короля мятеж и наложить страшное заклятие на его правую руку. Но ведь Ричард был Йорком, а Йорки всегда воспринимали победу как нечто само собой разумеющееся, да и предложения его были весьма неплохи как для меня самой, так и для моей семьи. Если бы мой сын Ричард смог без опаски вернуться домой и снова стать принцем при дворе его родной сестры, я бы, пожалуй, сочла, что достигла всего, за что поклялась воевать, а значит, смерть моего брата и сына оказались ненапрасными.

Я посмотрела на Елизавету, сидевшую напротив. Дочь покраснелась, в глазах ее сверкали слезы.

— Он предлагает тебе выйти за него замуж? — поинтересовалась я.

— Он клянется, что любит меня. Пишет, что скучает и очень ждет, когда я снова буду при дворе. Он спрашивает, не приедешь ли ты вместе со мной. По мнению Ричарда, всем следует знать, что я непременно стану его женой. По его словам, королева Анна готова удалиться в монастырь.

— Разумеется, я никуда не поеду, пока Анна во дворце, — заявила я. — Но ты вполне можешь отправляться в дорогу. Однако тебе следует отныне вести себя с большей осторожностью. И даже если королева велит тебе погулять с Ричардом, бери с собой компаньонку. Тебе не следует также сидеть на месте Анны за обеденным столом. — Дочь попыталась прервать меня, но я остановила ее, подняв руку. — Елизавета, я действительно против, чтобы тебя называли его любовницей, особенно если ты всерьез надеешься стать его супругой.

— Но я люблю его, — просто ответила дочь, словно только это и было важно.

Я посмотрела на нее, понимая, что лицо мое выглядит сурово.

— Ты можешь сколько угодно его любить, — отрезала я. — Но если ты намерена выйти за него замуж и стать королевой, тебе придется сделать несколько больше, чем просто любить его.

Елизавета прижала письмо Ричарда к сердцу и пролепетала:

— Но он тоже меня любит.

— Может, и любит, только он на тебе не женится, если сплетники станут шептаться и злорадствовать на твой счет. Ни одна женщина не может стать королевой Англии только потому, что достойна любви. Это как в картах — ты должна все правильно рассчитать, если хочешь выиграть партию.

Елизавета вздохнула. Нет, она была далеко не глупа, моя девочка! И от макушки до пят была настоящей дочерью Йорков.

— Тогда объясни, как мне себя вести, — попросила она.

ФЕВРАЛЬ 1485 ГОДА

Темным февральским днем я попрощалась со своими дочерьми и, стоя на крыльце, долго смотрела, как они вместе с отрядом сопровождения постепенно скрываются в тумане, весь день окутывавшем наше поместье. Несколько минут — и они исчезли из виду, словно утонув в этой белой пелене, даже топота конских копыт, и без того звучавшего довольно приглушенно, стало не слышно.

Без старших девочек дом сразу как-то опустел. Я ужасно скучала по ним, и в их отсутствие мысли мои, как и мои молитвы, все чаще устремлялись к моим сыновьям — к умершему во младенчестве Георгу, к сгинувшему без вести Эдуарду и находящемуся далеко на чужбине Ричарду. Об Эдуарде я по-прежнему ничего толком не знала, я не видела его с тех пор, как он отправился в Тауэр, и от Ричарда не было никаких вестей, кроме того первого и единственного письма, в котором он рассказывал, что у него все хорошо и теперь он откликается на имя Питер.

И я, несмотря на всю свою привычную осторожность и все свои страхи, вновь начала надеяться. Мне все чаще приходило в голову, что, если король Ричард женится на моей дочери Елизавете и сделает ее своей королевой, я снова с полным на то основанием вернусь ко двору и займу подобающее мне место королевы-матери. А потом, убедившись, что Ричарду действительно можно доверять, смогу и за своим сыном послать.

Если Ричард сохранит верность своему слову и назовет моего мальчика наследником, тогда мы будем восстановлены в своих правах, мой сын займет то место, для которого и был рожден, а дочь станет королевой Англии. Все, конечно, будет не совсем так, как рассчитывали мы с Эдуардом, произведя на свет принца Уэльского и герцога Йоркского. Тогда мы оба не сомневались — два молодых дурака! — что будем жить вечно. И все же результат, вполне возможно, окажется не таким уж плохим. Особенно если Елизавета действительно выйдет замуж по любви и станет королевой, а мой сын впоследствии сменит на троне Ричарда — тогда все еще может сложиться очень даже хорошо.

Я же, как только вновь появлюсь при дворе и обрету должную власть, сразу пошлю людей разыскивать тело моего сына Эдуарда, где бы оно ни находилось. Было ли оно спрятано под одной из лестниц Тауэра, как заверял нас Генрих Тюдор; или же брошено в реку, как он же потом признавался; или тело оставили в каком-то темном чулане, а может, тайно похоронили в освященной земле близ церкви или даже в часовне. Так или иначе, я найду тело своего сына и выслежу его убийц! И я выясню, что именно произошло тогда в Тауэре: был ли мой мальчик похищен, погиб ли случайно во время схватки с преступниками, или же он позволил, чтобы его увезли, а потом умер где-то от неизвестного недуга. А может, его зверски умертвили в Тауэре и там же закопали, как утверждал Генрих Тюдор. Но я непременно все узнаю, все до конца, и похороню сына с подобающими принцу крови почестями, а потом закажу мессу во спасение его души, которую должны будут служить вечно.

МАРТ 1485 ГОДА

Елизавета, прислав мне коротенькое письмо, сообщила лишь об ухудшающемся здоровье королевы. Впрочем, ни о чем другом сообщать и не было нужды: мы обе прекрасно понимали, что, если королева умрет, уже не будет необходимости ни отправлять ее в монастырь, ни аннулировать ее права: она и так уберется с дороги самым простым и удобным для всех способом. Елизавета писала, что королева сломлена своими несчастьями и постоянно пребывает в глубокой печали, она без видимой причины плачет часами, а король ее почти не навещает. Моя дочь отметила это, как и подобает верной фрейлине ее величества, но ни словом не обмолвилась, что при всяком удобном случае сама выскакивает из комнаты больной Анны и прогуливается с королем по саду. Интересно, думала я, не говорят ли ей и Ричарду белые бутоны на зеленой изгороди и веселые маргаритки на лужайке, что жизнь полна радости, но мимолетна, как и всякая весна? Ведь больной королеве эти цветы наверняка напоминают, что жизнь не только мимолетна, но и весьма печальна.

Однажды, где-то в середине марта, я проснулась утром и обратила внимание, что небо как-то неестественно потемнело, а солнце затмил темный круг. Куры не желали покидать курятник, утки, спрятав головы под крыло, выбрались на берег реки. С двумя младшими дочками мы вышли из дома и некоторое время бродили поблизости, чувствуя в душе неясную тревогу и наблюдая, как лошади в поле то ложатся, то снова вскакивают, словно не понимая, день сейчас или ночь.

— Это что, знамение? — спросила Бриджит, которая, единственная из всех моих детей, во всем искала промысел Божий.

— Нет, это движутся небеса, — пояснила я. — Я уже раньше видела, как нечто подобное происходило с луной, а вот с солнцем — никогда. Ничего, это скоро кончится.

— А что, если это все-таки знамение, посланное дому Йорков? — эхом откликнулась и Екатерина. — Вроде тех трех солнц, что светили в небе при Таутоне.

— Не знаю, — засомневалась я, — но вряд ли кто-то из нас в опасности. Вот ответьте мне обе, разве каждая из вас не почувствовала бы сердцем, если б ее сестре что-нибудь угрожало?

Бриджит задумалась, но, будучи натурой весьма рациональной, тряхнула головой и заявила:

— Нет. Вот если бы Господь громко меня предупредил об угрозе, если бы Он закричал, а священник подтвердил бы, что это Его голос, тогда, может, я бы почувствовала.

— Ну раз так, по-моему, нам нечего бояться, — заключила я.

Сама я никаких особых ощущений не испытывала, хотя из-за этого темного крута, закрывшего солнце, мир вокруг казался каким-то фантастическим и нереальным.

Однако не прошло и трех дней, как в Хейтсбери с небольшим отрядом прискакал Джон Несфилд под черным знаменем. Выяснилось, что королева Анна скончалась после долгой и тяжелой болезни. Несфилд явился с целью сообщить мне об этом, но было ясно: уж он непременно постарается, чтобы о печальной новости узнало как можно больше людей. Да и прочие королевские слуги занимались тем же, особо подчеркивая, что длительная и тяжелая болезнь королевы действительно имела место, что королева теперь попадет прямо в рай и будет вознаграждена за все свои страдания, а на земле ее будет вечно оплакивать верный и любящий супруг.

— Хотя кое-кто и утверждает, что нашу королеву отравили, — весело болтала наша кухарка. — Ей-богу, ваша милость. Об этом все на рынке в Солсбери судачат. Мне разносчик рассказывал.

— Как странно. Зачем же кому-то травить королеву? — «удивилась» я.

— Якобы сам король это и сделал, — шепнула кухарка, склонив голову набок и так лукаво на меня глядя, словно уж ей-то точно известны все тайны королевского двора.

— Неужели люди считают, что король убил собственную жену? — уточнила я. — Зачем же ему убивать ее после двенадцати лет супружеской жизни? Да еще ни с того ни с сего?

Кухарка с осуждением фыркнула.

— Да в Солсбери для короля и слова-то доброго никто не находит. Сначала он, правда, народу вроде как даже понравился; все думали: уж он-то установит в стране закон и порядок. При нем и простым людям за труд станут платить по-честному. А что оказалось? Он понаставил на все должности своих северных лордов. Вот его теперь и честят на все корки.

— А ты передай своим знакомым, что королева Анна всегда отличалась слабым здоровьем, а уж после смерти сына и вовсе оправиться не смогла, — велела я ей довольно сердито.

Кухарка, улыбаясь во весь рот, уставилась на меня.

— Так может, мне им заодно передать, кого он собирается сделать своей следующей королевой? — хмыкнула она.

Я не сразу нашла, что ей ответить. Я никак не ожидала, что сплетни о моей дочери уже расплозились по всей стране. Но потом я все же произнесла спокойным, ровным тоном:

— Нет, об этом никому ничего говорить не нужно.

Я давно ждала этого письма, ждала с тех пор, как получила известие о смерти королевы Анны и узнала, что повсеместно ходят слухи о возможной женитьбе Ричарда на моей дочери. Послание леди Маргариты было, как всегда, закапано слезами. Вот что она писала: Леди Елизавета Грей.

Меня уведомили, миледи, что Ваша дочь Елизавета, объявленная незаконной дочерью покойного короля Эдуарда, согрешила против Бога и, нарушив данное ею обещание, опорочила себя преступной связью с собственным дядей, узурпатором Ричардом. Это настолько противоестественно и отвратительно, что даже ангелы небесные потупили свой

взор! Разумеется, я тут же дала совет своему сыну Генриху Тюдору, который по праву является королем Англии, незамедлительно расторгнуть свою помолвку с вышеуказанной девицей, уже и без того обесчещенной постановлением парламента, но еще более опозорившей себя этой немыслимой связью. Кстати, я уже почти устроила брак Генриха с одной достойной молодой дамой куда более знатного происхождения, чем Ваша дочь, и куда более праведной христианкой.

Мне, право, очень жаль, что Вы, став вдовой и пребывая в столь униженном положении, вынуждены вновь склонять голову под ударами суровой судьбы и сносить позор Вашей дочери. Я могу лишь заверить, что стану поминать Вас в своих молитвах, как всегда поминую всех глупцов и тщеславных людей нашего мира.

Остаюсь Вашим другом во Христе и молю Его проявить снисхождение к Вам в Вашем преклонном возрасте, научить Вас истинной мудрости и женскому достоинству. Леди Маргарита Стэнли.

Меня, как всегда, насмешила помпезность ее стиля, но вскоре смех мой угас, мне отчего-то стало холодно, меня пробрала дрожь, и я поняла: это предчувствие. Леди Маргарита всю жизнь тщетно пыталась добраться до того престола, который я называла своим. И у меня, разумеется, были все основания думать, что и ее сын Генрих Тюдор стремится к власти, упорно именуя себя королем и привлекая под свое крыло всевозможных изгоев, мятежников и недовольных: всех тех, кто не может жить в Англии. Да, Генрих, наверное, будет до самой смерти стремиться к трону Йорков, и, возможно, было бы кстати, если бы ему пришлось воевать за этот трон и его бы убили в сражении — чем раньше, тем лучше.

Ричард, особенно рядом с моей дочерью, может вполне спокойно встретить любую критику и почти наверняка выиграет любую битву, какую бы армию ни привел с собой Генрих. И все же холодное покалывание в ямке под затылком заставляло меня предполагать нечто совсем иное. Я снова взяла в руки письмо леди Маргариты, в каждом слове чувствуя ее, наследницы дома Ланкастеров, железную убежденность в своей правоте. Эта святоша на самом деле прямо-таки лопалась от переполнявшей ее гордости. В течение почти тридцати лет она питала свою душу исключительно собственными честолюбивыми планами. Теперь, пожалуй, мне стоило остерегаться Маргариты, поскольку она решила, что я абсолютно бессильна и ей не нужно больше притворяться моей подругой.

Мне было интересно, кого она теперь прочит в супруги своему Генриху. Я догадывалась, что Маргарита попытается присмотреть ему какую-нибудь наследницу королевской крови, но никто, кроме моей дочери, не смог бы подарить претенденту Тюдору любовь всей Англии и верность дома Йорков. Леди Маргарита может исходить злобой, но это не имеет ни малейшего значения. Все равно, если Генрих хочет править Англией, он будет вынужден заключить союз с Йорками; так или иначе, ему придется иметь с нами дело. И я взялась за перо.

Дорогая леди Стэнли!

Я с большим сожалением узнала, что Вы верите всем этим совершенно бредовым сплетням, причем верите настолько, что это даже заставляет Вас усомниться в добропорядочности и честности моей дочери Елизаветы, истинной христианки, упомянутые качества которой не подлежат ни малейшему сомнению. Убеждена, что, серьезно подумав, Вы и Ваш сын поймете: в Англии нет другой наследницы дома Йорков, которая во всех отношениях обладала бы такой же значимостью и такими же достоинствами, как моя Елизавета.

Да, она любима своим дядей, как была бесконечно любима и своей тетей, королевой Анной, и моя дочь, безусловно, заслуживает любви. Лишь грязные голоса из помойки способны

разносить о ней порочащие слухи, согласно которым в ее отношениях с дядей есть нечто непристойное.

Разумеется, я весьма благодарна Вам за ваши молитвы и желание заступиться за меня перед Господом. Но впредь буду считать, что условия помолвки наших детей остаются прежними ввиду их многочисленных и явных преимуществ, если, конечно, Вы и впрямь не вознамеритесь расторгнуть помолвку. Впрочем, это представляется мне настолько невероятным, что я более не стану упоминать о подобной возможности. Посылаю Вам свои наилучшие пожелания и еще раз благодарю за Ваши молитвы, которые, как я знаю, особенно угодны Богу, поскольку исходят от Вашего смиренного и благородного сердца. Елизавета R.

Я нарочно подписалась «Елизавета R.», чего давно уже не делала, ведь это означало «Елизавета Regina» — королева Елизавета. Но, сворачивая листок, капая на письмо воском и запечатывая его своей печатью, я чувствовала, что невольно улыбаюсь, довольная собственной наглостью.

— А ведь я стану для тебя миледи, королевой-матерью, — сказала я вслух, — тогда как ты по-прежнему будешь леди Стэнли, если твой сын погибнет на поле брани. Так что Елизавета R. — и точка. Кушай на здоровье, старая ты горгулья!

АПРЕЛЬ 1485 ГОДА

Елизавета прислала мне письмо. Оно явно писалось в спешке, все в размазанных чернилах, дважды свернуто и дважды запечатано.

Мама, ты должна немедленно прибыть ко двору. Все вышло просто ужасно! Его милость, наш король, решил поехать в Лондон и известить своих лордов, что жениться на мне не собирается и никогда даже намерения подобного не имел — а все с целью остановить распространение слухов о том, что именно он отравил бедную королеву Анну. Злые люди утверждают, будто Ричард, желая поскорее на мне жениться, не стал дожидаться ни смерти жены, ни ее согласия удалиться в монастырь. Теперь Ричард думает, что обязан объявить во всеуслышание: для меня он был и остается не более чем дядей.

Я пыталась убедить его, что в подобных действиях нет нужды, что можно просто подождать, не давая никаких поводов для пересудов, пока они не затихнут сами собой, но меня Ричард слушать отказывается; он теперь слушает только Ричарда Ратклифа и Уильяма Кейтсби, а те уверяют, что весь север тут же восстанет против короля, если он оскорбит память своей жены, принадлежавшей к знаменитому семейству Невиллов из Нортумберленда.

Но что гораздо хуже, Ричард полагает, что для спасения моей репутации мне необходимо немедленно покинуть двор и где-нибудь скрыться. Но гостить у тебя он ни за что не разрешает, а отправляет меня к леди Маргарите и лорду Томасу Стэнли, к этим самым ужасным из всех дурных людей, и настаивает, что лорд Томас — один из немногих, кому он действительно может меня доверить. Король уверен, что в доме Стэнли мне будет обеспечена полная безопасность. Ричард также считает, что никто уже не усомнится в безупречности моей репутации, если меня примет в своем доме леди Маргарита.

Мама, ты должна это остановить! Я не смогу жить у этих людей! Ведь леди Маргарита меня

попросту замучает: она, наверное, думает, что я нарушила данное ее сыну слово и разорвала нашу с ним помолвку, а за это сам Бог велел ей меня ненавидеть. Напиши Ричарду или даже сама как можно скорее приезжай ко двору и объясни ему, что мы с ним будем счастливы, что все у нас будет хорошо, что нам нужно только немного подождать, пока утихнут эти сплетни и слухи, и мы сможем наконец пожениться. У Ричарда нет таких друзей, на кого он мог бы по-настоящему положиться; у него нет своего Совета, который мог бы открыть ему правду. Его мнение сейчас зависит от тех, кого не зря называют в народе Крысой и Кошкой,[36] а эти господа очень опасаются, что мое влияние на короля окажется не в их пользу, поскольку я пожелаю отомстить за их вражду с нашим семейством.

Мама, я люблю Ричарда. Он моя единственная радость в этом мире. Я принадлежу ему целиком — и сердцем, и душой, и телом. Ты говорила, что от меня потребуются гораздо больше, чем просто любовь, если я хочу стать королевой Англии, так ответь, как мне поступить. Не могу же я отправиться к этим ужасным Стэнли! Что же мне делать, мама?

На самом деле я тоже не знала, что ей теперь делать, бедной моей девочке. Она влюбилась в человека, у которого сама возможность выжить зависела от того, будет ли он в состоянии управлять страной, будет ли Англия верна ему. А уж если бы он сообщил всей Англии, что намерен жениться на собственной племяннице, чуть ли не на следующий день после того, как тело его бедной жены было предано земле, то ему попросту пришлось бы сразу подарить Генриху Тюдору весь север. Северяне вряд ли дружелюбно восприняли бы подобное оскорбление Анны Невилл, будь она жива или мертва, а ведь Ричард прежде черпал свои силы именно на севере, и северяне всегда оказывали ему решительную поддержку. Нет, он, разумеется, никогда не осмелится подобным образом обидеть жителей Йоркшира, Камбрии, Дарема и Нортумберленда. На такой риск он вряд ли пойдет. Во всяком случае, уж точно не теперь, когда Генрих Тюдор собрал армию и готовится к вторжению, ожидая лишь окончания весеннего половодья.

Я велела гонцу, доставившему письмо Елизаветы, отдохнуть и перекусить, а утром быть готовым отвезти дочери мой ответ, сама же отправилась к реке и долго гуляла там, слушая тихое журчание вод среди белых камней. Я очень надеялась, что Мелюзина обратится ко мне или я вдруг снова найду кусок спутанной лески, вытащу ее из воды и на ее конце окажется кольцо в виде миниатюрной короны. Однако мне пришлось вернуться домой, так и не получив от Мелюзины ни одного знака. После я долго писала дочери, полагаясь лишь на собственный опыт, обретенный за те долгие годы, что я провела на троне, и на свои собственные предположения о том, на что Ричард способен в данный момент.

Доченька, я понимаю, как ты расстроена — это явствует из каждой строчки твоего письма. Постарайся все-таки быть мужественной. Грядущее лето все расставит по своим местам, тогда и нам все будет совершенно ясно. А пока езжай к Стэнли и обязательно постарайся им обоим понравиться. Леди Маргарита — женщина в высшей степени набожная и весьма решительная; трудно придумать человека, способного лучше обеспечить твою безопасность и приглушить любой скандал. К тому же ее собственная репутация такова, что и ты, находясь в ее доме, как бы вновь обретишь репутацию безупречной девственницы, каковой ты и должна всем казаться, — что бы дальше ни происходило.

Если у тебя получится хоть чуточку полюбить ее, если получится ей понравиться — тем лучше. Правда, мне, например, этот фокус так и не удался. Во всяком случае, постарайся с ней хотя бы не ссориться, ведь не так уж долго ты у нее и пробудешь.

Ричард отправляет тебя в безопасное место, подальше от скандала и угроз до тех пор, пока

Генрих Тюдор не начнет сражение, предъявив свои права на трон, и пока сражение это не завершится победой Ричарда — а мне кажется, что победит именно он. Вот тогда Ричард заберет тебя из дома Стэнли и честь по чести на тебе женится, превратив эту свадьбу в часть великого празднования своей окончательной победы.

Любимая моя доченька, я вовсе не думаю, что тебе будет так уж приятно находиться в доме Стэнли, но это действительно наилучший способ доказать всем, что ты не только признаешь факт своей помолвки с Генрихом Тюдором, но и хранишь целомудрие до свадьбы с ним. Когда битва закончится и Генрих Тюдор будет мертв, никто уже не посмеет сказать против тебя ни слова, а неодобрение северян можно будет легко подавить. А пока пусть леди Маргарита считает, что ты совершенно счастлива в роли невесты Генриха Тюдора и надеешься на его победу.

Тебе придется нелегко, понимаю, но сейчас у Ричарда должны быть полностью развязаны руки, чтобы иметь возможность призвать под свои знамена как можно больше людей и повести их в бой. Мужчинам вечно приходится драться, а нам, женщинам, ждать их и строить планы. Сейчас ждать придется тебе, но когда будешь строить планы, постарайся сохранять благоразумие и твердо следовать намеченной цели.

Честность в данном случае такого значения не имеет.

Благословляю тебя. С любовью, твоя мама.

На рассвете что-то разбудило меня, я даже воздух понюхала, точно заяц, присевший на задние лапки посреди луга. Что-то явно произошло, это я поняла сразу. Даже здесь, во внутренних землях Уилтшира, чувствовалось, что ветер переменился, и я почти ощущала на губах привкус и запах морской воды. Ветер был южный — ветер вторжения, дувший с моря на сушу; и отчего-то я совершенно отчетливо представила себе, словно видела собственными глазами, как на палубу грузят оружие, как по сходням на борт устремляются люди, как развеваются и плещутся на ветру флаги, укрепленные на носу кораблей. И я поняла: Генрих Тюдор собрал свою армию, это его корабли стоят у причалов, готовые к отплытию, а его капитаны уже прокладывают курс на север.

Жаль, что я не знала, где точно намерен высадиться Генрих. Впрочем, скорее всего, он и сам этого не знал. Вот-вот они поднимут паруса, бросят на палубу чалки, и полдюжины кораблей выйдут из уютной гавани и вскоре окажутся в открытом море. Ветер надует паруса, парусина затрепещет, суда закачаются на невысоких волнах, но рулевые умело выправят ход. Я думала о том, что они вполне могут направиться напрямик к южному побережью: мятежники всегда находили теплый прием в Корнуолле или Кенте; впрочем, они могут взять курс и на Уэльс, где Тюдор одним лишь своим именем способен поднять тысячи людей. Попутный ветер подхватит их, и они, исполненные надежды, вскоре увидят сушу, решат, как им поступить дальше, а потом, отыскав спокойную гавань, причалят к берегу.

Ричард был далеко не глуп и прекрасно понимал, что интервенция начнется, как только утихнут зимние шторма. Все это время он провел в самом большом своем замке Ноттингем, в самом сердце Англии, собирая резервы, призывая лордов на службу и готовясь ответить на тот вызов, который, несомненно, будет брошен в этом году. Хотя Ричард мог бы получить этот вызов и год назад, если бы не те дожди, которые мы с Елизаветой вызвали своим свистом, желая помешать Тюдору и Бекингему добраться до Лондона и до нашего маленького Эдуарда.

Но в этом году ветер у Генриха Тюдора был попутный, так что бой неминуемо приближался. Молодой Тюдор принадлежал к дому Ланкастеров, и это сражение вполне могло стать последним в затянувшейся войне Роз. В душе моей не было ни капли сомнений, что победит

Йорк, как это случалось почти всегда. Уорика на свете больше нет, умерли даже его дочери Анна и Изабелла, из великих ланкастерских полководцев тоже никого не осталось. Против мощной армии Ричарда, собранной по всей Англии, выступят только Джаспер Тюдор и его племянник Генри, сын Маргариты Бофор. У соперников, Ричарда и Генри, наследников не имеется, и оба понимают, что дерутся лишь за себя самих и война эта неизбежно для одного из них завершится смертью. За свою жизнь, будучи женой и вдовой воинов, я видела немало битв, но ни одна из них не имела таких ясно очерченных целей, как предстоящая. Я предполагала, что бой будет очень коротким и жестоким, а закончится гибелью одного из ее основных участников, второй же, став победителем, получит корону Англии и руку моей дочери.

И в черном траурном одеянии я ожидала увидеть именно Маргариту Бофор, оплакивающую гибель своего сына.

Ее горе стало бы началом новой жизни для меня и моей семьи. И уж по крайней мере, надеялась я, мне можно будет наконец послать за моим сыном Ричардом. Мне казалось, что время для этого почти пришло.

Целых два года я ждала, когда смогу воплотить эту идею в жизнь; ждала с того дня, когда отослала моего мальчика в чужую страну. Я написала сэру Эдварду Брэмptonу, верному йоркисту, крупному торговцу, человеку в высшей степени светскому и отчасти пирату, который, безусловно, не побоялся бы риска, а от опасных приключений получал одно удовольствие.

Сэр Эдвард прибыл в тот самый день, когда наша кухарка вываливала мне новости о том, что Генрих Тюдор высадился в Англии. Корабли Тюдора отнесло ветром на Корнуоллское побережье в сторону Милфорд-Хейвена, и теперь он шел пешком через Уэльс, собирая людей под свои знамена. Ричард со своим войском, тоже пополняя его по дороге, двинулся ему навстречу из Ноттингема. Страна опять была охвачена войной, исход которой мог быть любым.

Мы с Брэмptonом встретились вдали от нашего дома на берегу реки, где заросли ивняка скрывали нас от взоров всех тех, кто проходил или проезжал мимо. Наши лошади дружелюбно пощипывали травку, а мы стояли рядом, глядя, как в чистой воде играет форель. Я была права, выбрав столь укромное место: сэр Эдвард, крупный темноволосый мужчина весьма впечатляющей наружности и в богатых одеждах, не мог не вызывать ненужного любопытства. Он, кстати, всегда был моим любимцем. А мой покойный муж Эдуард стал его крестным отцом, оплатив его крещение и выход из иудейской веры. Брэмpton очень любил Эдуарда, был безгранично ему предан, и я могла доверить этому человеку не только собственную жизнь, но и сына, который был мне дороже жизни. Именно сэру Эдварду я поручила командование тем судном, на котором от меня когда-то увезли во Фландрию моего Ричарда, и теперь я тоже полностью полагаюсь на Брэмптона, рассчитывая, что он благополучно доставит моего мальчика обратно.

— Снова у нас наступили тревожные времена, — сказал сэр Эдвард, учтиво мне кланяясь.

— Но эти времена, по-моему, могут принести удачу мне и моей семье, — отозвалась я.

— Я всецело к вашим услугам, — заверил Брэмpton. — Все в стране настолько заняты очередным призывом в армию, что я, наверное, мог бы сделать для вас что угодно и никто бы этого даже не заметил.

— Верно, — улыбнулась я. — И я не забыла, как хорошо вы уже послужили мне, когда на своем судне перевезли во Фландрию одного маленького мальчика.

— Что я могу сделать для вас на этот раз?

— Вы можете снова отправиться во Фландрию, в город Турне, — пояснила я. — Там, у моста Святого Иоанна, есть один человек — он следит за затвором шлюза. Его зовут Жан Уорбек.

Брэмpton кивнул, запоминая это имя.

— И что мне там предстоит? — очень тихо спросил он.

С огромным трудом я заставила себя проговорить вслух то, что так долго хранила как великую тайну.

— Вам предстоит найти там моего сына, — сообщила я. — Моего сына Ричарда. Вы отыщете его и привезете ко мне.

Сэр Эдвард посмотрел на меня, и его карие глаза радостно вспыхнули, осветив мрачноватое лицо.

— Неужели он может без опаски вернуться? Неужели он будет восстановлен в правах и по закону займет трон своего отца? — Вопросы из Брэмптона так и сыпались. — Неужели вам удалось договориться с королем Ричардом и сын Эдуарда в свой черед станет королем?

— Да, если будет на то воля Божья, — твердо ответила я.

Мелюзина, та женщина, что так и не смогла забыть свою родную стихию, оставила с мужем рожденных ею сыновей, взяла дочерей и вместе с ними уплыла прочь. А сыновья ее выросли и стали мужчинами, могущественными правителями христианского мира — герцогами Бургундскими. Дочери же унаследовали дар своей матери к предвидению, а также знания о многих вещах, неведомых обычным людям. Мелюзина больше никогда не видела своего мужа, но никогда не переставала тосковать о нем; и в свой последний час он услышал, как Мелюзина поет для него, и понял то, что она знала всегда: не имеет значения, что жена — наполовину рыба, а муж — всего лишь простой смертный. Если любовь их достаточно крепка, то ничто — ни силы природы, ни даже сама смерть — не сможет разлучить их любящие души.

В полночь, в назначенный час, кто-то тихо постучал в кухонную дверь, и я отправилась открывать, держа в руке свечу и заслоняя ее ладонью от сквозняка. Кухня была освещена лишь теплым пламенем в очаге, по углам на соломенных тюфяках спали слуги. Я неслышно прошла мимо них, и никто меня не заметил, лишь собака у двери вопросительно приподняла голову и тут же снова уснула.

Ночь была теплая, ни ветерка; даже свеча не мигала, когда я отворила дверь и замерла, увидев перед собой крупного мужчину и мальчика лет одиннадцати.

— Войдите, — прошептала я и провела их в дом.

Мы поднялись по деревянной лестнице в мою комнату, где уже горели светильники, в камине весело трещал огонь, а на столе ждали бокалы, наполненные вином.

Дрожащими руками я поставила на стол свечу и обернулась, вглядываясь в лицо мальчика, которого привез сэр Эдвард Брэмpton.

— Это ты? — бормотала я. — Неужели это ты?

Ричард вырос и головой теперь почти доставал мне до плеча, но я бы все равно узнала его где угодно — по светлым, чуть рыжеватым, как у отца, волосам и ореховым глазам. И у него была та же знаменитая улыбка Йорков, чуть кривоватая, и та же мальчишеская манера стоять понурившись. Когда я протянула к нему руки, он, как маленький, бросился в мои объятия. Да, это был он, мой малыш, мой второй принц, о котором я так долго тосковала; он родился в мире и достатке и всегда считал, что жить на свете легко и приятно.

Я обнюхивала сына, как кошка, отыскавшая своего пропавшего котенка. Кожа его пахла по-прежнему. Волосы, правда, были надушены чьей-то чужой помадой, и одежда после долгого плавания вся пропахла морем, но на шее и за ушами сохранился его собственный запах, запах моего дорогого мальчика, и по этому запаху я бы сразу признала его где угодно.

— Мальчик мой... — Я чувствовала, что сердце мое разрывается от любви. — Мой дорогой мальчик, мой Ричард...

Он обхватил меня руками за талию и крепко ко мне прижался.

— А я плавал на разных кораблях! — похвастался Ричард, уткнувшись в мое плечо. — Я всюду побывал. И умею разговаривать на трех языках.

— Мальчик мой...

— Теперь у меня вообще все хорошо. Хотя сначала, конечно, мне все казалось чужим. А знаешь, я ведь учился музыке и риторике. И теперь довольно хорошо играю на лютне. Я даже песню для тебя сочинил.

— Мальчик мой...

— Меня там Пьером называли. Это все равно что Питер по-английски. И еще у меня было прозвище Перкин. — Ричард чуть отодвинулся и заглянул мне в лицо. — А ты, мама, как станешь меня называть?

Я покачала головой. Говорить я не могла.

— Твоя матушка пока что станет называть тебя Пьером, — разрешил этот вопрос сэр Эдвард, гревшийся у камина. — Ведь ты пока еще не полностью восстановлен в своих правах, и тебе, пожалуй, лучше оставить то имя, к которому ты привык в Турне.

Ричард кивнул. Я видела, что его теперешнее обличье превратилось для него в некую привычную одежду, которую ему нетрудно и надеть, и снять. И я снова вспомнила о том человеке, который вынудил меня отправить моего маленького принца в изгнание, заставил его прятаться в домике хранителя шлюза и учиться в обычной школе; мне казалось, что я никогда не прощу этого человека, кем бы он ни был. Мое проклятие по-прежнему тяготело над ним, и его сын-первенец должен был умереть. Зная это, я не испытывала к преступнику ни капли жалости и не ведала ни малейших угрызений совести.

— Пожалуй, я оставлю вас наедине, — тактично предложил сэр Эдвард и отправился в приготовленную для него комнату.

Я уселась в кресло у огня, а мой сын, подтащив поближе скамеечку, устроился у моих ног, удобно к ним прислонившись, но то и дело откидывался назад, и я могла погладить его по голове, пока он что-то мне объяснял. Мы с ним говорили обо всем, ведь мы так давно не

виделись, и он многому научился, находясь вдали. Его тамошняя жизнь совсем не напоминала жизнь принца королевской крови, но образование ему дали хорошее — спасибо за это моей золовке Маргарите, сестре Эдуарда. Это она посылала деньги монахам на обучение «одного бедного мальчика»; это она потребовала, чтобы ему непременно преподавали латынь, правоведение, историю и основы управления государством, а также географию, физическую и политическую. Помня наставления моего брата Энтони, Маргарита велела учить Ричарда еще и математике, арабскому языку и античной философии.

— Ее милость герцогиня Маргарита сказала, что, когда я стану старше, я непременно вернусь в Англию и займу трон моего отца! — заявил вдруг Ричард. — Она сказала, что людям приходилось ждать и гораздо дольше, хотя у них было куда меньше шансов на успех, чем у меня. А еще она как-то сказала: посмотри на Генриха Тюдора, который совершенно уверен, что у него сейчас все основания стать королем Англии, хотя ему пришлось бежать, когда он был даже младше тебя; и вот теперь он возвращается во главе армии и надеется на победу!

— Да, это правда, Генрих почти всю жизнь провел в ссылке. Моли Бога, сынок, пусть сия участь тебя минует.

— А мы поедem посмотреть на это сражение? — вдруг оживился Ричард.

Я улыбнулась.

— Нет, поле битвы не место для детей. Но когда король Ричард одержит победу и войдет в Лондон, мы присоединимся к нему и к твоим сестрам.

— И тогда я вернусь домой? И буду представлен ко двору? И всегда буду с тобой?

— Да, — ответила я. — Да. Тогда мы снова будем вместе, как это и должно быть.

Я протянула руку и убрала прядь светлых волос, упавшую Ричарду на глаза. Он вздохнул и устроился поуютнее, положив голову мне на колени. Несколько минут мы сидели молча и совершенно неподвижно. Я слышала, как потрескивают в тишине стены и полы — казалось, старый дом укладывается спать; где-то в ночной темноте раздавался зов совы.

— А как там мой брат Эдуард? — поинтересовался Ричард. — Я все время надеялся, что тебе удалось и его спрятать, только в другом месте.

— Разве герцогиня Маргарита ничего тебе не говорила? Или сэра Эдвард?

— Я спрашивал, но они твердят: мы ничего не знаем, мы ни в чем не уверены... Я и решил, что уж тебе-то точно все известно.

— Боюсь, нашего Эдуарда больше нет на свете. — Я очень старалась сохранять мягкость в голосе. — Боюсь, милый, мы никогда уже не увидим твоего брата. Скорее всего, его убили. А заплатили его убийцам герцог Бекингем и Генрих Тюдор.

— Когда я вырасту, я непременно им за это отомщу! — гордо, как истинный принц Йорков, воскликнул Ричард.

Я с нежностью погладила его по голове.

— Когда ты вырастешь и, возможно, станешь королем, живи спокойно, в мире со всеми, — посоветовала я. — А отомстить им должна я. Не ты. Тебе это будет уже не нужно. Все кончено. И в церкви будут вечно служить мессу за упокой души Эдуарда.

— Но ведь не моей же, — возразил Ричард и улыбнулся, отчего на щеках у него появились ямочки, как в детстве.

— Нет, и по твоей тоже. Мне ведь пришлось притворяться, как и тебе. Я делала вид, что потеряла вас обоих. Зато, когда я молилась, я всегда помнила, что ты жив, что ты в безопасности, что скоро ты снова будешь со мной. И потом, разве плохо, если добрые женщины из Бермондсейского аббатства за тебя помолются?

— Ладно, — согласился Ричард, — но пусть в таком случае они молятся и за мое скорейшее и благополучное возвращение домой.

— Они и молятся. Как и все мы. С тех пор как ты уехал, я молилась за тебя трижды в день. Не проходило и часа, чтобы я не думала о тебе.

Ричард прижался щекой к моим коленям; я гладила его белокурые волосы, которые слегка вились за ушами, и пропускала их сквозь пальцы, точно золотистые кольца. И только когда Ричард слегка всхрипнул и засопел, точно щенок, я поняла, что мы сидим так уже несколько часов и мой мальчик попросту крепко уснул. И только в ту минуту, чувствуя коленями тяжесть его теплого сонного тела, я наконец осознала: мой сын действительно со мной, мой принц вернулся в свое королевство, и вскоре, когда грядущее сражение закончится победой, белая роза Йорков вновь расцветет на зеленых изгородах Англии.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга, первая в серии моих романов о Плантагенетах, появилась на свет вследствие того, что я буквально открыла для себя одну из наиболее интересных и заставляющих задуматься фигур английской истории: королеву Елизавету Вудвилл. Большая часть того, что я здесь о ней рассказала, — реальные факты, а не вымысел, поскольку она действительно прожила жизнь, значительно превосходящую мое воображение. Она действительно была самой известной и самой красивой из потомков великих герцогов Бургундских, которые традиционно лелеяли легенду о том, что их прародительницей является богиня вод Мелюзина. Узнав об этом, я поняла, что Елизавета Вудвилл, королева, незаслуженно обойденная вниманием и не слишком любимая, может стать главной героиней истории о некой английской королеве, которая связана своим происхождением с водной богиней, а также является дочерью женщины, подвергавшейся судебному преследованию за колдовство.

Учтя свой интерес к средневековым представлениям о магии, колдовстве и прочих умениях и способностях тех, кого называли ведьмами, а также к тем предрассудкам и суевериям, с которыми сталкивались женщины, облеченные властью, я поняла: эта тема станет для меня чрезвычайно широким полем деятельности и как исследовательницы, и как писательницы. Так и получилось.

Известно, что Елизавета Вудвилл впервые встретила с Эдуардом IV, чтобы просить его о помощи в финансовых делах, и что затем она тайно вышла за него замуж. Однако то, что они якобы встретились на обочине дороги, где она ждала его под развесистым дубом (который и сегодня растет в Графтон-Регис, в Нортгемптоншире), — это всего лишь легенда, хотя и весьма популярная; то есть, возможно, это правда, а может, и нет. То, что Елизавета выхватила у Эдуарда из ножен его же кинжал, желая защитить себя от бесчестья, скорее, относится к распространенным в те времена слухам; является ли это историческим фактом, нам неизвестно. Но большая часть ее жизни с Эдуардом была подробно описана, и мне удалось почерпнуть из этих хроник немало полезных сведений, так что в основном мой рассказ об этой удивительной женщине основан на фактах вполне реальных. Разумеется, порой мне приходилось выбирать из соперничающих и даже противоречащих друг другу версий, а то и с помощью собственного вымысла заполнять лакуны, существующие в истории, или как-то пояснять их.

В этом романе, кстати, вообще больше вымысла, чем в моих предшествующих произведениях, поскольку эта эпоха гораздо дальше отстоит от нас, чем эпоха Тюдоров, да и сохранившиеся документы освещают жизнь Елизаветы и Эдуарда IV весьма неполно. Кроме того, в этот исторический период, связанный с постоянными войнами, многие весьма важные решения принимались спонтанно и о них не осталось никаких записей. Некоторые из подобных решений были к тому же связаны с тайными заговорами, и мне частенько приходилось самой с помощью дедукции делать соответствующие выводы из сохранившихся свидетельств о причинах того или иного действия или события. Например, у нас нет достоверных данных о так называемом заговоре Бекингема, зато известно, что леди Маргарита Стэнли, ее сын Генрих Тюдор, Елизавета Вудвилл и герцог Бекингем были основными организаторами мятежа против Ричарда III. Очевидно, что все они имели совершенно разные причины для участия в столь рискованном предприятии. У нас есть кое-какие свидетельства их посредников, а также определенные представления об их планах, но точная стратегия восстания, как и его командные структуры, хранившиеся в строгой тайне, так и остались загадкой. Изучив сохранившиеся свидетельства и результаты этого заговора, я высказала в этом романе кое-какие предположения относительно того, как это могло быть в действительности, соединив все имевшиеся у меня сведения в некую единую картину. Сверхъестественное вмешательство чудовищного ливня — кстати, имевшего место в действительности, правда, в виде всего лишь очень сильных и продолжительных дождей, — приведшего чуть ли не ко второму Всемирному потопу, это, конечно, чистый вымысел, но воображать себе нечто подобное, признаюсь, было очень приятно.

Точно так же (несмотря на сотни всевозможных теорий) мы до сих пор не знаем в точности, что же все-таки случилось с так называемыми принцами в Тауэре. Я могу лишь предположить, что Елизавета Вудвилл наверняка подготовила безопасное убежище для своего второго сына, принца Ричарда, после того как ее первый сын, принц Эдуард, был у нее отнят. И я действительно сомневаюсь, что она могла отослать своего второго сына в Тауэр, где бы он оказался во власти того, кто, как она считала, уже заключил в тюрьму ее первенца. Выдвигаемые многими историками провокационные предположения о том, что принц Ричард вполне имел шанс спастись и выжить, в итоге и меня навели на размышления, что Елизавета действительно могла отправить в Тауэр не своего сына, а маленького подменыша. И все же я должна предупредить читателя: серьезных свидетельств того, что именно так и случилось, не существует.

Как не существует и достоверных свидетельств того, как мальчики встретили свою смерть, если они действительно ее встретили, и кто именно отдал приказ умертвить их. Останки их по-прежнему не найдены — во всяком случае, те останки, которые определенно были бы идентифицированы как принадлежащие принцам. С моей точки зрения, король Ричард III вряд ли стал бы убивать собственных племянников — ведь он практически ничего от этого не выигрывал, зато мог очень многое потерять; к тому же я не верю, что Елизавета Вудвилл доверила бы заботам Ричарда своих дочерей, если бы считала его убийцей малолетних принцев. Мне кажется также, что она велела своему сыну от первого брака Томасу Грею покинуть двор Генриха Тюдора, поскольку не питала никаких иллюзий относительно претензий Тюдора на трон и стремилась заключить союз с Ричардом. Все это по-прежнему остается для историков загадкой, так что я лишь высказала здесь кое-какие свои предположения, присовокупив их к иным уже существующим и весьма многочисленным мнениям.

Я в большом долгу перед профессором Дэвидом Болдуином, автором книги «Елизавета Вудвилл: мать принцев в Тауэре». Я чрезвычайно благодарна ему как за яркий и сочувственный портрет этой королевы, который он дал в своей книге, так и за то, что именно он посоветовал мне написать роман «Белая королева». Я также хочу поблагодарить многих ученых-историков, чьи исследования были вызваны особой любовью к этому непростому

периоду, которую я теперь полностью разделяю и надеюсь, что заразила этой любовью и вас.

Более подробная информация, касающаяся моих научных исследований, а также этой книги, имеется на моем сайте PhilippaGregory.com; там же вы найдете множество подробностей, связанных с семинарами, посвященными этой книге, которые я проводила в университетах Великобритании, США и других стран, а также выступая по Интернету.

Примечания

1

Битва при Таутоне (1461) — самое кровопролитное сражение войны Алой и Белой розы, произошедшее близ Йорка. Закончилась сокрушительным поражением ланкастерцев. По свидетельствам хронистов, в ней участвовало более ста тысяч человек. После этой битвы Эдуард IV, коронованный в 1461 г., но некоторое время правивший страной одновременно с Генрихом VI, впервые почувствовал себя полноправным властелином, сумев также отомстить дому Ланкастеров за казнь своего отца Ричарда Йорка. —

Здесь и далее примечания переводчика.

2

Имеется в виду сражение при Сент-Олбансе (1461), которое ланкастерцы во главе с королевой Маргаритой Анжуйской выиграли. Однако же было и еще одно сражение при Сент-Олбансе, в 1455 г., когда ланкастерцы проиграли; это сражение, как считается, и положило начало войне Алой и Белой розы; розы эти являлись соответственно символами династий Ланкастеров и Йорков.

3

В описываемый период подобное обращение к королю было вполне приемлемым и распространенным наряду с обращением «ваше величество», которое стало обязательным несколько позже.

4

Джон Бофор, герцог Сомерсет, был отцом Маргариты Бофор, в дальнейшем не раз

упоминаемой в этой книге, и внуком Джона Гонта, герцога Ланкастера, приходившегося сыном королю Эдуарду III.

5

Так называемое семейство Перси — это в том числе граф Нортумберленд и граф Уорчестер.

6

В английском языке эта война носит название «война кузенов», поскольку все сражавшиеся в ней представители домов Йорков и Ланкастеров были родственниками, потомками короля Эдуарда III. Генрих VI и Эдуард IV были его праправнуками, как и упомянутая ранее Маргарита Бофор, мать будущего короля Генриха Тюдора. Генрих VI был правнуком Джона Гонта, герцога Ланкастерского, который приходился родным братом Эдмунду, герцогу Йоркскому, прадеду Эдуарда IV.

7

Генрих VI с детства отличался некоторым слабоумием, даже порой безумием, которое, возможно, унаследовал от своего деда, Карла VI Валуа, и, хотя порой у него наступало просветление, все же к концу жизни он практически совсем утратил разум. Тем не менее церковные хронисты, писавшие о нем, сходились во мнении, что он обладал многими добродетелями, свойственными человеку святому и безгрешному. Например, очень заботился об образовании, основав знаменитые колледжи в Итоне и Кембридже, а также особое внимание уделял спасению душ своих подданных, что особенно нравилось церкви. Благочестие этого короля и послужило основанием для того, что в народе его стали называть «святым». После смерти Генриха распространились слухи о чудесах, якобы происходящих на его могиле.

8

Майский день — народный праздник, который отмечается в первое воскресенье мая танцами вокруг майского дерева и коронаванием королевы мая.

9

Герцог Бедфорд, брат Генриха V и дядя Генриха VI, был регентом Франции и устройтелем срочной коронации своего племянника в качестве французского монарха в декабре 1431 г. в

парижском соборе Нотр-Дам; впрочем, уже в январе 1432 г. Генриху пришлось навсегда покинуть Францию.

10

Граф Сен-Поль был коннетаблем герцогства Бургундия.

11

Маргарита Бофор была правнучкой Джона Гонта, герцога Ланкастерского, сына короля Эдуарда III.

12

Камелот — место, где находился двор легендарного короля Артура, предположительно возле города Эксетера.

13

Несмотря на победы Маргариты Анжуйской — сперва при Уэйкфилде в 1460 г., когда погиб Ричард Йорк, а затем при Сент-Олбансе в 1461 г., — многие в Англии поддерживали йоркистов, и в том же 1461 г. лондонцы с подачи графа Уорика согласились признать королем сына Ричарда Йоркского. Он был коронован под именем Эдуарда IV, после чего в Англии оказалось два короля. Но после ранее упоминавшегося сражения при Таутоне Генриху VI и Маргарите Анжуйской пришлось бежать в Шотландию.

14

После сражения при Таутоне король Генрих VI, частично утратив разум, скитался по стране вместе с нищенствующими монахами, за что и получил это прозвище. Вскоре после сражения при Хексеме (1464) его поймали где-то в Ланкашире и в 1465 г. посадили в Тауэр.

15

Когда в 1453 г. разум Генриха VI существенно помрачилось, встал вопрос о том, кому

управлять государством. Формально законным наследником престола был малолетний сын Генриха, Эдуард, однако Королевский совет остановил свой выбор на герцоге Ричарде Йоркском, который стал протектором Англии и успешно правил страной до 1455 г., когда у Генриха вдруг снова наступило просветление. Состоялась уже упоминавшаяся битва при Сент-Олбансе, в которой победили йоркисты, и началась война Алой и Белой розы. Ричард заявил о своих притязаниях на трон, и в результате было решено, что сам Ричард или его потомки унаследуют корону после смерти Генриха VI. Однако королева Маргарита Анжуйская, решительно не согласная с этим решением, в 1460 г. вступила в кровопролитную битву с Ричардом Йорком близ его замка в Уэйкфилде и одержала победу, а Ричард и отец Уорика, с самого начала активно его поддерживавший, погибли.

16

Сын Маргариты Анжуйской Эдуард, принц Уэльский, родился в 1453 г., когда сознание его отца Генриха VI окончательно помрачилось.

17

Мать Эдуарда IV, Сесилия Невилл, была вдовой герцога Ричарда Йоркского и сестрой Ричарда Невилла, графа Уорика.

18

В те времена (и до 1749 г.) Лондонский мост был в столице единственным мостом через Темзу.

19

Имеется в виду Карл Смелый (1433–1477), ставший герцогом Бургундии в 1467 г. и возглавивший коалицию феодальной знати, «Лигу общественного блага», поднявшую мятеж против французского короля Людовика XI (1423–1483), проводившего централизаторскую политику.

20

Двенадцатая ночь — 6 января, последний день рождественских Святок и двенадцатый день после Рождества, совпадает с Крещением.

21

Сказочное существо, подменыш, которого эльфы или другие представители «маленького народца» оставляют в семьях вместо похищенного ими ребенка или — иногда — взамен похищенной женщины. Считается, что это эльфийское дитя, но на самом деле это чаще всего существо очень старое, избавиться от которого можно лишь благодаря определенным колдовским способам. Внешне такие подменыши, согласно преданиям, совершенно безобразны, с морщинистой кожей и непропорционально огромными головами, но у них очень красивые, ясные глаза. Возможно, отголоски этих фольклорных представлений сказались впоследствии на описаниях Ричарда III, которого часто изображали горбуном и уродом (например, Шекспир в «Ричарде III»), да к тому же обладающим чрезвычайно злобным и коварным нравом.

22

Копигольд — основная форма феодально-зависимого крепостного держания в Средние века. Coryhold — буквально «держание по копии», т. е. на основании выписки из протокола манориальной курии. Самостоятельность копигольдера в распоряжении имуществом, как и другие его права, была весьма ограничена; он платил помещику ренту и нес другие повинности в его пользу.

23

Людовик XI (1423–1483), французский король из династии Валуа, правивший с 1461 года. Он проводил централизаторскую политику, подавляя феодальные мятежи, и присоединил к королевскому домену Анжу, Пикардию и другие территории.

24

Белая башня — самая старая часть Тауэра, один из самых больших норманнских крепостных донжонов Западной Европы. Башня построена в 1078–1097 гг. и представляет собой сооружение с зубчатыми стенами и четырьмя башенками по углам.

25

Точнее, двоюродными братьями были дед Генриха, Генрих IV, и дед Эдуарда и его братьев, Ричард, граф Кембридж.

26

В благодарность за постоянную поддержку Эдуард IV жаловал брату многочисленные земли на севере, прежде всего в окрестностях Йорка, чем и объясняется прозвище Ричарда «повелитель Севера». Произошло своеобразное разделение: Ричард успешно властвовал на севере, а Эдуард — на юге, где всегда пользовался наибольшей поддержкой, особенно в Лондоне.

27

До 1536 г. Уэльс считался автономным княжеством, хоть и был завоеван Англией. С 1301 г. наследники английского престола носят титул «принц Уэльский».

28

Бат и Уэллс — города в графстве Сомерсетшир, расположенные в долине реки Эйвон к югу от города Бристоль. Бат — старейший курорт страны; целебные свойства его минеральных вод были известны еще римлянам, которые построили здесь термы для приема минеральных ванн.

29

Жена Генриха V и мать Генриха VI Екатерина Валуа вскоре после рождения сына (в 1421) и смерти мужа (в 1422) вышла замуж за уэльского аристократа Оуэна Тюдора и родила сына Эдмунда, за которого и вышла замуж Маргарита Бофор, правнучка Джона Гонта, герцога Ланкастерского. В 1456 г. ей было всего тринадцать лет, когда у нее родился сын Генрих; именно о нем идет речь как о наследнике. Четвертым мужем Маргариты Бофор стал сэр Томас Стэнли.

30

Это я
(фр.) .

31

River's

(англ.) — букв . речной.

32

Perkin

(англ.) — имбирная коврижка.

33

Существует точка зрения, что младший из «принцев в Тауэре», Ричард, не погиб, а потому в романе не случайно упоминаются и фамилия Уорбек (человек, у которого в Турне скрывался Ричард), и прозвище Перкин. Перкина Уорбека многие историки считают самозванцем. Этот человек, посетив множество королевских дворов Европы, всюду выдавал себя за Ричарда IV, короля Англии, и в итоге поднял нешуточное восстание, но все же потерпел поражение, был схвачен, посажен в Тауэр и после неудачной попытки бежать казнен в 1499 г.

34

Констебль Англии — высший придворный чин; у констебля, как и у коменданта лондонского Тауэра (эта должность является почетной), имеются два золотых ключа от ворот крепости, являющиеся символом его власти.

35

Имеется в виду Екатерина Валуа, которая после смерти своего мужа Генриха V вступила в тайный брак с уэльским аристократом Оуэном Тюдором, хотя парламент и Королевский совет их брак запретили. Тем не менее у этой пары родилось пятеро детей, и была положена основа династии Тюдоров. Генрих VI любил своих сводных братьев Эдмунда и Джаспера Тюдоров и одного из них сделал графом Ричмондом, а второго — графом Пембруком.

36

То есть Ратклифа и Кейтсби, фамилии которых образованы от английских слов cat (кошка) и

rat (крыса).